

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ЛЭТИ»
им. В.И. Ульянова (Ленина)

ГУМАНИТАРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

ИНФОРМАЦИЯ КОММУНИКАЦИЯ ОБЩЕСТВО

ИКО 2024

ТРУДЫ
XXI ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

1 - 2 февраля 2024

Санкт-Петербург, 2024

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ “ЛЭТИ”
им. В. И. УЛЬЯНОВА (ЛЕНИНА)**

ГУМАНИТАРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ИНФОРМАЦИЯ
КОММУНИКАЦИЯ
ОБЩЕСТВО**

ИКО-2024

**ТРУДЫ
XXI ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ**

1–2 февраля 2024 г.

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2024**

УДК 1+3+81

Информация – Коммуникация – Общество (ИКО–2024): Труды XXI Всероссийской научной конференции с международным участием / Санкт-Петербург, 1–2 февраля 2024 г. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ, 2024. – 514 с.
ISBN 978-5-7629-3305-6

Научная конференция ИКО–2024 представляет собой 21-й этап междисциплинарного проекта, направленного на исследование актуальных проблем развития общества и человека в XXI веке. В публикуемых материалах, представленных исследователями, работающими в различных областях социогуманитарного знания (философии, социологии, политологии, истории, лингвистики, теории коммуникации и др.), обсуждаются философские исследования современных (де)глобализационных процессов, динамика социальных и политических институтов современной России, исследуются перспективы взаимодействия профессиональных коммуникаторов и искусственного интеллекта, современные подходы к исследованию лингвистического материала, анализируются актуальные тенденции исторических и правовых исследований, гуманитарные и социальные исследования в эпоху нестабильности и противостояний.

Редакционная коллегия: д. филос. н., проф. **Иванов Андрей Федорович** (*Главный редактор*); к. т. н., доц. **Гигаури Нина Константиновна** (*зам. Главного редактора*); к. филос. н., доц. **Пирайнен Евгения Викторовна** (*ответственный секретарь*); к. т. н., доц. **Гаркуша Владимир Николаевич**; д. и. н., проф. **Калашников Владимир Валерьянович**; к. полит. н., доц. **Строгецкая Елена Витальевна**; д. филол. н., доц. **Шумков Андрей Арнольдович**

ISBN 978-5-7629-3305-6

© Авторы публикаций, 2024

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

XXI-я Всероссийская научная конференция с международным участием «Информация–Коммуникация–Общество» проходит в условиях разнонаправленных и качественно многообразных векторов глобальных трансформаций. Человеческая цивилизация находится в состоянии масштабной турбулентности, детерминированной сложнейшим комплексом противоречивых тенденций (человек – постчеловек, естественный интеллект – искусственный интеллект, правда – пост-правда, подлинное – неподлинное, реальное – виртуальное, глобализация – регионализация, онлайн – оффлайн, цифровое – аналоговое и многие другие). В таком крайне неустойчивом мире, рождающемся в ходе стремительных изменений, равно как и в ходе 4-й технологической революции, основной тренд которой – создание и внедрение систем искусственного интеллекта, определяется цивилизационная и культурная эволюция человека и социума в третьем тысячелетии. Сможет ли мировое сообщество, человек (возможно, новый человек) найти треки выхода из цивилизационных разломов? – Обсудим.

В современных турбулентных реалиях приоритетной задачей для академического сообщества становится объективное и системное осмысление экзистенциальных, социокультурных, ценностных, политических, технологических и других ориентиров. Мы надеемся, что наша творческая дискуссия внесет свой вклад в осмысление нового трека развития человека – общества – цивилизации.

Мы гордимся тем, что уже, более 20 лет научная конференция «Информация – Коммуникация – Общество» является профессиональной площадкой для осуществления междисциплинарного полифонического диалога исследователей, работающих в различных областях социогуманитарного знания.

Пожелаем же друг другу обретения новых идей, эффективных профессиональных практик, сохранения старых и приобретения новых друзей и партнеров, а также мира, успехов, счастья и благополучия.

УДК 004.946

М. Ю. Абабкова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: miuababkova@etu.ru)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СОБЫТИЙНЫХ КОММУНИКАЦИЯХ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Вовлечение искусственного интеллекта в сферу событийного маркетинга трансформирует не только рутинные процессы подготовки мероприятий, но и способствует повышению креативности ивентов как способов взаимодействия компаний со своими клиентами и реализации стратегии брендинга. В статье рассматриваются основные направления применения искусственного интеллекта в событийных коммуникациях. Технологии искусственного интеллекта, такие как машинное обучение, обработка больших данных, прогностическая аналитика и компьютерное зрение, позволяют компаниям получать представление о поведении и предпочтениях клиентов, что позволяет разрабатывать целенаправленные и персонализированные событийные коммуникации.

Искусственный интеллект, событийный маркетинг, мероприятия, коммуникационная стратегия, бренд, тейнмент-коммуникации

Концепция открытой коммуникации предполагает использование сложных и интегрированных способов взаимодействия с целевой аудиторией вследствие возросшего количества данных и ситуаций внутренней и внешней коммуникации, реализации новых форм коммуникационных стратегий, связанных с сетевым и виртуальным общением, а также динамичности коммуникационного процесса с различными заинтересованными сторонами [1].

Прогнозируемые глобальные расходы на искусственный интеллект (ИИ) составят 154 млрд. долл. в 2023 г. и 300 млрд. долл. к 2026 г. [2]. По оценке экспертов, к отраслям, в которых ожидается наибольшая отдача от инвестиций в ИИ, относятся как технологии и коммуникации (59%), так и коммерческие и профессиональные услуги (43%), обслуживание потребителей (32%), отраслевые услуги (32%) [3]. Согласно опросу тендерной площадки Workspace, 86% digital-агентств уже начали использовать сервисы ИИ в своей работе [4]. Годовой доход от цифровой рекламы, созданной с помощью ИИ, достигнет 192 млрд. долл. к 2032 г. [5]. ИИ в маркетинге и рекламе позволяет специалистам анализировать большие данные для идентификации поведения пользователей и автоматизации многих рутинных задач. Исследования Гарвардского и Стэнфордского университетов показывают, что ChatGPT существенно повысил производительность труда в компании: среднее затрачиваемое время на выполнение задачи сократилось на 40%, а качество выполнения повысилось на 18% [6].

Событийный маркетинг как важная составляющая коммуникационной стратегии компании позволяет реализовывать очный или виртуальный опыт взаимодействия потребителей с брендом, устанавливать их тесное сотрудничество и общение. В рамках событийных коммуникаций формируется эмоциональная связь между брендом и целевой аудиторией: по оценкам специалистов около 72% участников профильных мероприятий совершат покупку в течение года [7, С. 142]. Для молодой аудитории событийные коммуникации компании – важная часть социализации, жизненного опыта, реализованного в виде тейнмент-коммуникаций (взаимодействия посредством использования развлекательных элементов). Создание уникального опыта общения потребителя с брендом и персонализация мероприятия для участника являются актуальными направлениями использования ИИ в событийном маркетинге [8, С. 38], согласно данным компании Accenture, около 40% потребителей меняют бренд из-за отсутствия персонализации и доверия, а 43% чаще покупают у компаний с персонализированным клиентским опытом [9, С. 505].

Основные направления использования ИИ в событийном маркетинге на сегодняшний момент следующие:

1. Избавление от рутинных задач подготовки типовых документов, сокращение времени рабочих процессов.
2. Аналитический подбор мероприятий, анализ рынка, поиск тематики. Прогноз успеха события на основе данных о целевой аудитории из социальных сетей и новостных источников.
3. Разработка концепции мероприятия, его названия и фирменного стиля, оформления.
4. Наполнение ивента (программа мероприятия, подбор спикеров, оборудования, развлечений).
5. Медийная поддержка события, разработка контент-плана, написание текстов для приглашений, рассылок и пресс-релизов, отправка напоминаний.
6. Сопровождение мероприятия, оптимизация и автоматизация процессов (распознавание участника и регистрация).
7. Оценка эффективности мероприятия, оценка уровня вовлеченности [10; 11; 12; 13].

Интеграция ИИ в планирование событийных коммуникаций потенциально может значительно улучшить качество обслуживания посетителей. Например, конференция в сфере ритейла и поставок товара «Всё Для Сетей» (26 апреля 2023 г., Москва) стала первым в России разработанным нейросетью событием. Нейросеть «Декард» решила ключевые вопросы по организации конференции: исследование рынка, составление программы, пресс-релизов, маркетинговых материалов, дизайна, отбор спикеров и т. д. [10; 14]. Одним из спикеров Synergy Global Forum (26–27 ноября 2018 г., Москва) и полноценным участником дискуссии стала София – уникальный человекоподобный робот в виде женщины (гиноид или фембот), разработанный гонконгской компанией Hanson Robotics [15].

К основным рискам, связанных с использованием ИИ в событийном маркетинге, относятся:

- возможные нарушения конфиденциальности информации при использовании моделей, обучающихся на больших наборах персональных данных о посетителях мероприятий [16].

- дезинформация и предвзятость, генерируемая ИИ. Искажения, которые непреднамеренно вносятся в процессе сбора и обработки данных, могут распространять стереотипы, дискриминировать определенные группы или иным образом вредить отдельным людям [17].

- непредвиденные ошибки. Организаторы должны иметь планы действий на случай потенциальных сбоев в работе ИИ и предотвращения неблагоприятных последствий для проведения мероприятий [15].

Генеративный ИИ (GenAI) – алгоритмическая система, способная создавать различные типы контента (например, аудио, текст, видео, 3D-модели) на основе предыдущих наборов обучающих данных – заставляет пересмотреть традиционный взгляд на ИИ в маркетинговых и коммуникационных профессиях [18]. В данном контексте традиционно разделяемые области человеко-компьютерное взаимодействие и компьютерно-опосредованная коммуникация [19] в настоящее время претерпевают изменение, и некоторые исследователи предлагают объединить оба подхода или рассматривать их как спектр, начиная от ИИ как посредника до ИИ как коммуникатора, с различными типами GenAI, расположенного между ними. Множество переменных, таких как участие ИИ в коммуникационном процессе, коммуникационная цель, функционирование, интерфейс и взаимодействие с человеком, могут повлиять на размещение конкретного генеративного ИИ в спектре «посредник-коммуникатор».

Использование ИИ в событийном маркетинге влияет и на состав и структуру модели Communication Model Canvas предприятия. Традиционная модель, включающая восемь элементов (цель; стратегия; стратегические инструменты коммуникации; операционные инструменты, ресурсы; коммуникации и рынки сбыта [1]), претерпевает изменения, связанные с поддержкой и разработкой новых коммуникационных моделей, основанных не только на инвестициях в операционные инструменты и платформы ИИ и анализе рынка с поддержкой ИИ, но и обусловленные перераспределением процессов и делегированием стратегических коммуникационных задач ИИ.

Источники:

1. Quest A., Pfeffermann N. (2023). AI-Supported Communication (Models) and the Digitalization of Communication. In: Pfeffermann N., Schaller M. (eds) *New Leadership Communication – Inspire Your Horizon*. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-34314-8_6.

2. IDC: Worldwide spending on AI-centric systems forecast to reach \$154 Billion in 2023. URL: <https://www.idc.com/getdoc.jsp?containerId=prUS50454123> (дата обращения: 06.12.2023).

3. Экспертный обзор развития технологий искусственного интеллекта в России и мире. Выбор приоритетных направлений развития искусственного интеллекта в России / Е. И. Аксенова. М.: ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2019. 38 с.

4. 86% digital-агентств начали использовать нейросети в работе, а 7% уже делали это сотни раз. URL: <https://rusability.ru/news/86-digital-agentstv-nachali-ispolzovat-neiroseti-v-rabote-a-7-uzhe-delali-eto-sotni-raz/651d5a8a8fe6a7fea0-fe8de5> (дата обращения: 06.12.2023).

5. Нейросети, VR, AR в коммуникациях – всем ли бежать за трендами? URL: <http://www.advertology.ru/article156067.htm> (дата обращения: 06.12.2023).

6. Noy S., Zhang W. (2023) Experimental evidence on the productivity effects of generative artificial intelligence. *Science* 381, 187–192. DOI:10.1126/science.adh2586.

7. Шевелев С. В. Стратегия продвижения товара при помощи событийного маркетинга // Вопросы экономики и права. 2023. №5 (179). С. 141-150. DOI: 10.14451/2.179.141.

8. Мусатова С. А., Довжик Г. В., Ионцева М. В. Основные тенденции развития искусственного интеллекта в EVENT // Компетентность. 2019. № 4. С. 38–42.

9. Матюшок В. М., Красавина В. А., Матюшок С. В. Мировой рынок систем и технологий искусственного интеллекта: становление и тенденции развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2020. Т. 28. № 3. С. 505–521. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-3-505-521>.

10. Генерируем ивенты: как нейросети меняют правила игры в индустрии URL: https://www.event-live.ru/articles/mnenie/mnenie1_1105.html?utm_medium=email&utm_source=UniSender&utm_campaign=304646938 (дата обращения: 06.12.2023).

11. AI in Event Marketing: Transforming Engagement. URL: <https://brainpod.ai/ai-in-event-marketing-transforming-engagement/> (дата обращения: 06.12.2023).

12. Тенденции развития AI в event URL: <https://vc.ru/flood/59742-tendencii-razvitiya-ai-v-event?ysclid=lnwxjkucz22375609> (дата обращения: 06.12.2023).

13. Как ChatGPT изменит индустрию встреч и мероприятий. URL: https://event-live.ru/articles/tsifry-i-fakty/tsifry-i-fakty_1074.html (дата обращения: 06.12.2023).

14. Нейросеть организовала FMCG-конференцию. URL: <https://www.retail.ru/rbc/pressreleases/neyroset-organizovala-fmcg-konferentsiyu/> (дата обращения: 06.12.2023).

15. The Rise of AI in Events: How Artificial Intelligence is Reshaping the Industry URL: <https://eventible.com/learning/ai-in-events/> (дата обращения: 06.12.2023).

16. Martínez-Rolán X., Corbacho-Valencia J.M., Piñeiro-Otero T. (2024). Use of Generative AIs in the Digital Communication and Marketing Sector in Spain. In: Machado, C., Davim, J.P. (eds) Management for Digital Transformation. Management and Industrial Engineering. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-42060-3_5.

17. Kumar V., Rajan B., Venkatesan R., Lecinski J. (2019). Understanding the role of artificial intelligence in personalized engagement marketing. *California Management Review*, 61(4), 135–155. <https://doi.org/10.1177/0008125619859317>

18. Valverde-Valencia, À. (2023). Self-effects in AI-mediated communication. *Hipertext.net*, (26), 47-52. <https://doi.org/10.31009/hipertext.net.2023.i26.07>.

19. Sundar S. S., Lee E. J. (2022). Rethinking communication in the era of artificial intelligence. *Human Communication Research*, 48(3), 379–385. <https://doi.org/10.1093/hcr/hqac014>.

M. Yu. Ababkova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

ARTIFICIAL INTELLEGENCE FOR EVENTS: OPPORTUNITIES AND PROSPECTS

The involvement of artificial intelligence in the field of event marketing transforms not only the routine processes of event, but also contributes to events' creativity increasing as a way to interact with companies' customers and to implement branding strategies. The article discusses the main opportunities and prospects of the use of artificial intelligence in event communications. Artificial intelligence technologies, such as machine learning, big data processing, predictive analytics and computer vision, expand the horizons of event marketing gaining insights into customer behavior and preferences and developing adequately tailored personalized event communications.

Artificial intelligence, event marketing, events, communication strategy, brand, tainment communications

УДК 165.12

Е. М. Ананьева (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: e.ananeva@spbu.ru)

ГЕРМЕНЕВТИКА: ДРУГОЕ НАЧАЛО

В статье рассматриваются современные тенденции в герменевтической философии в ее влиянии на современные политические дебаты и конкурирующие политические и социальные теории. Особое внимание уделяется изменению конфигурации противостояния аналитических и континентальных подходов в философии и изменению ракурса рецепции герменевтических идей Ханса-Георга Гадамера.

Герменевтика, американская континентальная философия, политическая теория, Х.-Г. Гадамер

История, которая закончилась, как это представлялось на рубеже XX и XXI веков, неожиданно продемонстрировала свою принципиальную непредсказуемость и начала свое движение снова. При всей привычной консервативности историко-философских традиций и историко-философских описаний, философская рефлексия вынуждена была откликнуться на этот тренд, различивший первые две декады XXI века от вызовов третьего десятилетия. В пуле сочинений, обращающихся к герменевтической тематике, снова возникло напряжение между герменевтическими теориями ницшеанского типа – с преобладанием критической рефлексии по поводу современности – и герменевтическими теориями дильтеевского типа – с преобладанием сочувственного внимания к традиции и преемственности. Тем интереснее выгладит тот факт, что доминировавшее прежде агрессивное неприятие в англоязычном пространстве герменевтики как наследницы «наук о духе» у постпозитивистов и их единомышленников сменилось институционализацией территории диалога. Еще совсем недавно общепринятым трендом признавалось трактовка Х.-Г. Гадамера, создателя проекта «философской герменевтики», в качестве очевидного оппонента, представителя того «направления мысли, которое вызывает скептические возражения в отношении претензий на знание о современном мире» [1, Р. 1]. Попутно в разговоре об «общепринятом» нельзя не признать, что привлекает неизменное внимание постоянно выполняемая американским ученым сообществом и научными издательствами работа по популяризации новейших тенденций в интеллектуальной жизни. Американская традиция обеспечения академической практики исчерпывающим количеством ридеров, учебников и энциклопедических обзоров демонстрирует временами очень качественные образцы этого жанра. Но именно поэтому можно трактовать изда-

ния этого плана как барометры «интеллектуальной погоды» третьего десятилетия нашего века. Учебники и хрестоматии последних лет взялись за адаптацию для академических целей соединения прежде несоединимого – аналитической традиции и континентальной философии – не в качестве двух материков, разделяемых океаном непонимания, а в качестве рабочих инструментов анализа современных проблем. Следуя напутствию Л. Витгенштейна, что истины становятся истинами тогда, когда получают признание и излагаются в учебниках, в третьем десятилетии нашего века американская философская традиция институализировала существование парадоксального понятия – американской континентальной философии [2]. Коллективные монографии соответствующей тематики также в последние годы перестали быть проектами, собирающимися под своими обложками мыслителей из Европы и Америки – интересные и резонансные проекты на страницах недавних изданий предложили собственно американские мыслители, позиционирующие себя тем не менее как представители континентальной философии.

В рамках этой новой тенденции герменевтика очевидным образом не могла не стать одним из участников интеллектуального диалога. Содержательными лейтмотивами этого нового интереса к герменевтике ожидаемо стала политическая тематика в широком толковании феномена политического. Но если прежде англоязычная философия вычитывала в теоретическом проекте, отстаиваемым Гадамером, движение от «герменевтики фактичности» Хайдеггера с ее очевидными мотивами исторической событийности и «переоценки ценностей» в сторону преобладающего внимания к наследию гуманитарных наук, то теперь эти приоритеты сами подверглись «переоценке». Эту тенденцию внутренней полемики с Хайдеггером прозорливо выделял еще в 1961 г. Лео Штраус, рецензируя по горячим следам только что вышедшую «Истину и метод» в письме к автору книги: «Ваша доктрина в значительной степени является переводом хайдеггеровских вопросов, анализов и намеков в более академическую среду: есть глава о Дильтее и нет ни одной о Ницше» [3, Р. 5]. Теперь эта переписка, изданная еще в конце 70-х, снова стала предметом активного интереса и обсуждения, но с новыми акцентами [4, Р. 222]. Теперь стало очевидно, что полемический потенциал гадамеровской герменевтики позволяет решительно вывести его подход из тени хайдеггеровских идей и зарезервировать за ним собственную территорию в современных дебатах. Этому среди прочего способствуют издания в английской версии некоторых работ, которые сам Гадамер не включил в свое собрание сочинений – и более ранних, и написанных после выхода десятитомника из печати. Выразительными примерами подобного рода могут быть полемическая реплика 1987 года «Назад, в Сиракузы?» [5], и статья 1993 года (в английском переводе – 1998 г.) с провокационным названием «О политической некомпетентности философии» [6]. Высказанное в этой последней работе возражение Пьеру Бурдьё (оценивающему политическую позицию Хайдеггера как право-консервативную) дает основание трактовать это высказывание в более широком контексте: суждение П.Бурдьё, по мысли Гадамера, «...основано на предпосылке, которую я не

могу ни признать, ни разделить, а именно, что философия появляется в мире только как частное начинание (*particular arrangement*), которое социологи могли бы рассматривать с критической точки зрения и чьи претензии на знание они могли окончательно и радикально разоблачить» [6, Р. 4] Позиция Гадамера по этому вопросу заставляет его солидаризироваться скорее с Кантом: «во все времена мы восприимчивы к ответам, предлагаемым религиями, перед лицом которых академическая концепция философии действительно неинтересна; по сравнению со страстью мысли и тревожным вопрошанием человечества такое академическое понятие, как и все академическое, несколько вторично» [6, Р. 5]

Действительно ли новое начало, предлагаемое в философской герменевтике Гадамером, делает заметный неокантианский акцент на гуманитарных науках, а шире – на проблематике науки в горизонте ее метода и объективности в ущерб политическому (публичному) измерению знания? Предваряя соответствующий раздел в резонансной коллективной монографии 2022 года, Дарен Уолхоф (*Darren Walhof*) специально подчеркивает эту на глазах меняющуюся ситуацию: сочинения Гадамера еще не изучаются в рамках учебных программ по политической теории, «его сочинения не породили исследовательскую программу в области политической теории, как это сделали другие мыслители двадцатого века, такие как Ханна Арендт, Мишель Фуко, Юрген Хабермас или Джон Ролз» [7, Р. 418]. Но устойчивый интерес к полемике теории с эмпирическим трендом в политических науках, заданный работами Чарльза Тейлора и Ричарда Рорти в расширяющемся горизонте интереса к феномену интерпретации ввел в круг обсуждаемых концепций в качестве полноправного собеседника герменевтику Гадамера. Если дебаты 80-х и 90-х гг. склонны были трактовать герменевтические идеи Гадамера как вторую линию обороны интерпретативного подхода, выводя на первый план идеи Ч. Тэйлора о постсекулярном мире и его тенденциях в вопросах понимания и солидарности, если прежде интерес к феномену политики неизменно акцентировался на идеях Хайдеггера и связанных с его новациями исследованиях природы политического у Х. Аренд и Ю. Хабермаса, если полемика о постмодерне зафиксировала лидерство подходов М. Фуко и Дж. Ролса, то в новом десятилетии мы наблюдаем своеобразную переоценку приоритетов. «Я утверждаю, что гадамеровская реабилитация (современности) представляет собой более обнадеживающую с политической точки зрения реакцию на наше историческое состояние, чем отход Хайдеггера от современности» – решительно заявляет свой выбор Дэвид Лиакос (*David Liakos*), продолжая развивать хайдеггеровскую метафору «другого начала» в философии и ее осмысление в герменевтике [8, Р. 154]. Гадамеровское понимание нормативности в политической сфере и диалектический подход к вопросу о аппликативности оценивается размышляющими о новых инспирирующих идеях как предпочтительный в ситуации «столкновения цивилизаций», как отмечает Д. Уолхоф [7, Р. 420]. Джеймс Ризер (*James Risser*) возвращает в круг обсуждаемых проблем способность суждения (*Urteilkraft*) и проблематику предсуждения, предрассудка (*Vorurteil*) у Гадамера. [9, Р. 145]. Типичный для идей Х. Аренд дрейф от тематики суждения к

сюжетам критики политических режимов он предлагает заменить новой оптикой, позаимствованной у теории понимания. Этот новый горизонт делает акцент в герменевтике на ее возражениях против инструментализма подходов в социальной сфере, на ее предпочтениях в пользу *phronesis* и *sensus communis* против критической рефлексии о социальных нормах: «этос жизни не основан на теоретическом построении правил, а предполагает суждение о том, что правильно и соответствует ситуации» [9, Р. 148]. В этом смысле диалог может быть понят не только как тема герменевтической рефлексии, но и как ресурс «практического мышления», а в споре теоретических подходов «...есть нечто, чему герменевтика Гадамера может поучиться у политического мышления Арендт, и, наоборот, есть нечто, чему политическое мышление Арендт может поучиться у герменевтики Гадамера» [9, Р. 152]. К числу первых «уроков» можно отнести непривычное для универсальной философской герменевтики признание, что «условия понимания в современном мире разрушились», к числу вторых – путь к преодолению «нарцисизма» доминирующих социальных норм: «В герменевтике вообще интерпретация осуществляется в функции «как», в которой единство соединяется с различием. В герменевтике Гадамера встреча с инаковостью меняет самоидентичность того, кто приходит к пониманию» [9, Р. 152]. «Урок», который извлекает Гадамер в своих поздних полемических работах, уточняя границы герменевтического подхода, заставляет размышлять в этом же направлении: «Мы все рискуем питать иллюзии и ошибаться. Точно так же и врачи слишком близки к себе, чтобы назначать себе лечение, а обвиняемые – чтобы защищаться самостоятельно. По сути, это верно для любого знания: его конкретное применение требует особого дара, которого нельзя найти в знаниях, которые можно приобрести как таковые» [6, Р. 7].

Источники:

1. Sullivan R. R. *Political Hermeneutics: The Early Thinking of Hans Georg Gadamer*, IN: Pennsylvania State University Press, 1989.
2. *American Continental Philosophy: A Reader*, Walter Brogan & James Risser (eds.) IN: Indiana University Press, 2000.
3. Gadamer, Hans-Georg, and Leo Strauss. *Correspondence Concerning Wahrheit und Methode* // *Independent Journal of Philosophy*, 1978, Vol. 2, pp.5–12
4. Liakos D. *Another Beginning? Heidegger, Gadamer, and Postmodernity* // *Epoché: A Journal for the History of Philosophy* 2019, № 24 (1), pp. 221-238.
5. Gadamer, H.-G. *Zurück von Syrakus?* / J. Altwegg (ed.), *Die Heidegger Kontroverse*, IN: Frankfurt am Main: Athenäum Verlag, 1988, pp. 176–179.
6. Gadamer, H.-G. *On the Political Incompetence of Philosophy*. // *Diogenes*. 1998, Vol. 46 (182), pp.3–11.
7. Walhof D. *Gadamer's contribution to political theory* / *The Gadamerian Mind*. Theodore George & Gert-Jan van der Heiden (eds.) IN: Routledge New York 2022

8. Liakos D. Heidegger and Gadamer on the Modern Age: The Sun Setting in the Western Sky // Gatherings: The Heidegger Circle Annual 2021, № 11 pp.152–82.

9. James Risser. The Task of Understanding in Arendt and Gadamer // Arendt Studies 2021, № 5, pp.145–159.

E. M. Ananieva (St. Petersburg State University)

HERMENEUTICS: ANOTHER BEGINNING

The article examines contemporary trends in hermeneutic philosophy as it influences contemporary political debates and competing political and social theories. Particular attention is paid to changing the configuration of the confrontation between analytical and continental approaches in philosophy and changing the perspective of the reception of Hans-Georg Gadamer's hermeneutic ideas.

Hermeneutics, American continental philosophy, political theory, H.-G. Gadamer

УДК 141.201+72.01

А. В. Астахова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: Astakhova.a.v@mail.ru)

ГЛОБАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННОСТИ: ВЛИЯНИЕ РУССКОГО КОСМИЗМА НА ПРОЕКТИРОВАНИЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Статья исследует влияние русского космизма на городскую среду современности и изменения в проектировании, включая инновационные подходы и футуристический дизайн.

Русский космизм, проектирование, городская среда

Современный мир стал свидетелем множества глобальных изменений и вызовов, связанных с развитием городов и проектированием городской среды. В этом контексте вопрос о влиянии различных философских и культурных течений на модернизацию городов становится весьма актуальным. Одним из таких инструментов трансформации урбанистического пространства является русский космизм.

Русский космизм, как философская доктрина, развивался в начале XX века и предлагал глубокое осмысление роли человека в космосе и его связи с космическими силами и знаниями. Космический подход и идеи, вытекающие из русского космизма, имеют свои отражения не только в литературе и искусстве, но и в архитектуре и проектировании городской среды.

Цель данной статьи – исследовать, какие изменения может принести внедрение понятий и идей русского космизма в проектирование городской среды современности. Мы рассмотрим, как космическая философия может вдохновлять создание уникальных и инновационных подходов в архитектуре и планировании городов.

В рамках данного исследования будут рассмотрены как известные мировые примеры, так и перспективы влияния русского космизма на проектирование городской среды.

Современные города сталкиваются с целым рядом проблем и сложностей, связанных с урбанизацией и изменением образа жизни. Развитие городов стало неотъемлемой частью модернизации и адаптации к глобальным изменениям. Города должны обеспечивать комфортные условия для жизни, работы и отдыха с учетом потребностей и ожиданий своих жителей. Проектирование городской среды играет ключевую роль в создании оптимальных условий для жизни людей. Это включает в себя разработку эффективной инфраструктуры, устойчивых зеленых пространств, инновационных технологий и уникальной архитектуры. Однако, чтобы успешно справиться с вызовами современности,

проектирование городской среды должно быть инновационным и вдохновленным различными философскими и культурными течениями, так как именно синтез урбанистики, архитектуры и философии соединяют сущность и пространство, формируют особое поле, оказывающее влияние на сознание человека. Влияние русского космизма на городской дизайн открывает новые возможности для создания уникальных и инновационных городских пространств. Космическая философия приносит понимание взаимосвязи между людьми и космосом, их места во Вселенной, а также знания из наук, связанных с освоением космоса. Эти концепции могут вдохновить создание современных городов, которые отражают грандиозные идеи и амбиции человечества. В рамках XXI века наступила эпоха господства технического прогресса. Автоматизация процессов во всех сферах жизнедеятельности стала причиной изменения мышления современного человека. Трансформация миропорядка и укрощение и в то же время спасение природы – идеи, в которых индивид XXI века видит возможность для роста и развития. Положения русского космизма, в полной мере отвечают требованиям современного человека. Философское течение разделяет мысль о важности покорения новых тайн природы и нахождения в новом исследованном пространстве гармонии.

Философия космизма потенциально может существенно повлиять на будущее городского дизайна. Давайте рассмотрим перспективы и преимущества внедрения принципов и идей космизма в развитие городов. С точки зрения современной отечественной культурологии русский космизм рассматривается как определенная ориентация русской культуры и космическое мирозерцание, «отражающее стремления человека определить свое отношение ко всему бесконечному во времени и пространстве» [1, С. 10]. Прежде всего, философия космизма поднимает важнейшие вопросы о месте человека во Вселенной и его связи с космическими силами. Эти идеи побуждают к переоценке роли и значения городов в контексте нашей космической реальности. Применение этих концепций в городском дизайне может помочь создать города, ориентированные на гармоничное взаимодействие с окружающей средой и понимание наших глубоких связей с космическим царством и сознанием.

Во-вторых, философия космизма привносит новаторские подходы в городское планирование и архитектуру. Он может служить источником новых вдохновляющих идей, позволяющих создавать уникальные формы, использовать передовые технологии и интегрировать космические принципы в городскую среду. Это может привести к развитию увлекательных и функциональных городских пространств, которые не только решают современные проблемы, но и отражают великие идеи и амбиции человечества.

Наконец, философия космизма поощряет размышления о будущем человеческом развитии и сотворчестве. Он подчеркивает важность продуманного городского развития с учетом потребностей и благополучия жителей, а также создания устойчивой и экологически ответственной городской среды, способствующей гармонии между человеком и окружающим миром.

Градостроительству в России и СССР всегда уделялось особое внимание. В СССР развитие градостроительной культуры рассматривалось в рамках научных и творческих принципов формирования городов и населенных пунктов. В современной России градостроительная культура воспринимается как фактор социальной безопасности и инновационного развития территории. Принципы сохранения традиций и формирования цивилизационной идентичности становятся ключевыми для обеспечения социальной безопасности. В то же время инновационный потенциал градостроительной культуры заключается в применении новых знаний, идей и моделей, полученных в результате изучения закономерностей градостроительства, градостроительного искусства и экологии [2].

Пример, вдохновленный русским космизмом, можно найти в столице Казахстана городе Астане. Градостроительство и архитектура Астаны отражают философские идеи космической эстетики и связи человека и космоса. Ярким примером является башня Байтерек, культовый символ города, имеющая форму яйцевидной башни со смотровой площадкой, напоминающей сияющую звезду. Эта структура имеет символическое значение, представляя будущее города и его связь с небесными силами. Яйцо служит метафорой жизни и возникновения. Саму символику башню можно трактовать как ось мироздания, линия, соединяющая два мира (земной и небесный, потусторонний и посюсторонний).

Шанхай – один из наиболее впечатляющих городов мира, который в значительной степени отражает влияние космизма на архитектуру и городскую среду. Город быстро развивался и превратился в современный мегаполис с впечатляющими небоскребами, футуристическими комплексами и смелыми архитектурными решениями.

Первые шаги в развитии современного Шанхая были предприняты в начале 1990-х годов с появлением Пудунского района. Здесь начали строиться небоскребы, которые были внешне схожи с космическими кораблями и будто бы взлетали прямо в небо. Наиболее знаменитым примером такой архитектуры является Oriental Pearl Tower, которая сейчас является символом города. Башня выстроена в виде трех шаров, похожих на космические корабли, а также имеет выступающую с обеих сторон антенну, напоминающую антенну космического объекта.

В последующие годы Шанхай продолжал развиваться в стиле космизма. Другие примечательные сооружения включают Шанхайскую башню, третье по высоте здание в мире, которое также имеет уникальный футуристический дизайн, и набережную Бунда, где можно найти архитектуру разных эпох, в том числе современные высотные здания вдоль реки Хуанпу.

Кроме того, в Шанхае также расположены искусственные острова, такие как остров Чонгмин и остров Мохеган, демонстрирующие использование современных технологий и дизайнов, напоминающих космические объекты.

Небоскребы можно рассматривать как проявление философии космизма, поскольку они отражают стремление человечества превзойти границы и ограничения земной среды, сродни выходу за пределы границ и исследованию необъятности космического пространства.

Философия космизма подчеркивает связь между космосом и человеком, понимая, что человек и его разум являются неотъемлемой частью вселенной. Она выражает стремление человека к непознанному и познанию космоса, а также к тому, чтобы преобразовать окружающую среду с помощью инноваций и современных технологий.

Небоскребы отражают идею стремления вверх, к просторам неба, и создают ощущение перспективы, бесконечности и свободы. Они символизируют усилия человека в исследовании и освоении новых высот, подобно исследованию космоса. Кроме того, небоскребы нередко используют инновационные технологии и материалы, чтобы достичь современного и уникального внешнего вида, а это воплощает идеи о будущем и развитии, которые тесно связаны с космическими представлениями о нашем месте во Вселенной. Данные здания могут быть интерпретированы как символы философии космизма, обращенной к историческому стремлению человека к исследованию космоса, обретению новых знаний и преодолению границ нашего мира.

Применение космической символики и форм, напоминающих космические объекты, добавляет уникальность и запоминающийся облик в городскую среду. Космизм позволяет нам стремиться к преодолению границ и развитию, создавая атмосферу инновации и будущего.

Русский космизм также подчеркивает необходимость учета социальных и экологических аспектов в проектировании городской среды. Подход, основанный на космической философии, помогает создать устойчивые и экологически сбалансированные города, что обеспечивает качество жизни и здоровый образ жизни для горожан.

Одновременно футуристический и исторически укорененный, русский космизм отражает стремление человечества к познанию и освоению космоса, которое проявляется в архитектурных формах и реализуется посредством современных технологий.

Проекты, вдохновленные русским космизмом, служат примерами возможных и инновационных подходов к городскому дизайну. Интеграция идей космизма открывает новые перспективы и стимулирует развитие современных, прогрессивных и эстетически привлекательных городских пространств.

Таким образом, влияние русского космизма на проектирование городской среды является актуальной и значимой темой, которая помогает формировать будущее городов, привнося инновации, эстетику и устойчивость в современную среду обитания. Помимо облагораживания пространства, идеи космизма отражают тенденции в трансформации мышления современного человека. Цели философского течения совпадают с желаниями индивида XXI века. Идеи космизма на архитектуру и урбанистику приведут не только к уникальному

изменению ландшафта, но и подчеркнут важность гармоничной связи пространства, времени и человека.

Источники:

1. Усольцев В. А. Русский космизм и современность / В. А. Усольцев. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. 228 с.
2. Колясников В. А. Инновационный потенциал градостроительной культуры // Урбанистическая культура как фактор социальной безопасности: проблемы, тенденции, перспективы. Екатеринбург: УрГАХУ, 2012. 395 с.

A. V. Astakhova (St. Petersburg State Electrotechnical University «LETI»)

***GLOBAL CHANGES IN THE MODERN TIME: THE INFLUENCE OF
RUSSIAN COSMISM ON THE DESIGN OF THE URBAN ENVIRONMENT***

The article explores the influence of Russian cosmism on the modern urban environment and changes in design, including innovative approaches and futuristic design.

Russian cosmism, design, urban environment

УДК 81.33

О. В. Атаманова (Санкт-Петербургский Гуманитарный университет проф-союзов, e-mail: ataman772@yandex.ru)

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИИ ЯЗЫКА: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ ЯЗЫКОВОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ

Рассматривается понятие социальной стратификации языка, влияние ее на жизнь лингвокультурного сообщества, на изменения языковой моды и этической составляющей коммуникации в современных условиях, роль субкультур и малых социальных групп, а также представлена динамика некоторых изменений в языке за последнее время.

Языковая мода, языковое неблагополучие, социальная стратификация, культурная парадигма общества, социальные группы, субкультура, жаргонизмы, хейтерство

Как известно, жизнь общества неизбежно отражается на изменениях в языке. Проблема языкового неблагополучия, к сожалению, относится к самым важным проблемам на сегодняшний день. Ситуация в этом смысле не улучшается, что, безусловно, связано с недавними политическими событиями, способствующими усилению социальной напряженности. В сложившихся условиях сниженные стилевые регистры общения становятся не только допустимыми, но обретают популярность.

Чтобы исследовать проблему такого неблагополучия, связанного с отсутствием языковой компетентности, лингвисты все чаще обращаются к понятию стратификации языка по социальным признакам. Возникновение такого рода языковых страт обусловлено, прежде всего, принадлежностью коммуникантов к тем или иным социальным группам.

Участники этих групп (сообществ) «объединены общей деятельностью и находятся в непосредственном личном контакте, что является основой для возникновения как эмоциональных отношений в группе, так и особых групповых ценностей, и норм поведения» [1, С. 433]. Роль этих сообществ, представляющих собой относительно небольшие социальные группы в последнее время становится все более ощутимой. К ним относятся профессиональные сообщества (например, IT-специалистов, юристов, врачей), поклонников творчества актеров или музыкальных групп, спортивных болельщиков, представителей национальных и сексуальных меньшинств. Для того чтобы строить какие-то прогнозы относительно дальнейшего развития языка как системы, необходимо иметь какое-то предположение о дальнейшем развитии субкультур. По мнению Л. Г. Ионина, «Субкультуры, в самом широком смысле, – это группы, имеющие специфические ценности, модели поведения, вещный мир, язык, которые отли-

чают их от других индивидов и групп в составе общей, или объемлющей культуры» [2, С. 39]. Важно заметить, что такое определение отмечает роль языка в формировании субкультуры, обозначении статуса и роли ее представителей. Даже в пределах общей сферы общения существуют субкультуры. Интересен в связи с вышесказанным «Словарь языка Интернета.ru» под редакцией М. А. Кронгауза [3]. В нем собран материал по сетевой коммуникации за последние четверть века, представлены слова и выражения, ставшие популярными за это время. Так, согласно исследованиям, «британскими учеными» именуется «научное сообщество, занимающееся абсурдными и бесполезными исследованиями» [3, С. 23], «хомячок» – это «человек, которым легко манипулировать в Интернете» [3, С. 159]. Есть субкультуры геймеров, а также, например, агрессивных граммар-наци, выступающих за чистоту русского языка. И если говорить откровенно, у автора этих строк такая позиция вызывает сочувствие, притом, что определение само по себе никак не может радовать, да и агрессия, как показывает опыт, не всегда лучший способ достижения цели. И, конечно, в связи с этим нельзя не упомянуть о таком явлении как языковая рефлексия и критическое отношение к чужим высказываниям не только в этическом плане, но также в грамматическом и коммуникативном. Понятие о граммар-наци появилось на Британских островах в 1990-е годы и относилось к тем участникам беседы, которые не обсуждают общую тему, а обращают внимание на ошибки в речи собеседника [4]. Слово «наци» означало просто «воинствующий сторонник идеи». Как известно, существуют и health nazi, в просторечии именуемые «зожниками», с которыми бывает довольно сложно общаться по этой причине. И вообще, к сожалению, благородные цели часто реализуются весьма агрессивными способами, вплоть до вербальных оскорблений, провокаций, издевательств, – тем, что называется «хейтерством» (от английского слова «hate» – «ненавидеть»). В ответ на это десять лет назад появилось волонтерское движение – «Тайная орфографическая полиция», которая и начала заниматься исправлением ошибок. Деятельность их дала ощутимые результаты [5].

Следует отметить, что в последнее время роль малых социальных групп в языковом сообществе становится все более значимой, и именно они формируют языковую моду. Благодаря особенностям современной коммуникации, ее динамичности, границы сообществ становятся все более прозрачными, турбулентность процессов весьма велика [6], и теперь не только социальная элита, но и люди с гораздо более скромным положением в обществе могут служить ориентиром [2, С. 38]. Использование сниженных стилевых регистров речи (жаргонизмов, например) может происходить в любой социальной группе. Часто в пример приводят слово «беспредел», ранее применяемое лишь в лагерной лексике (особая ситуация, нарушение неписаных правил) [4, С. 20]. В таких случаях обычно говорят об отрицательной динамике в вербальном поведении общества, его криминализации и маргинализации. [8, С. 96]. По мнению А. П. Сквородникова, жаргонизмы постепенно входят в моду и в литератур-

ный язык, при этом сначала они упоминаются в газетных текстах, затем включаются в словари жаргонов, далее попадают в толковые словари русского языка с пометкой о жаргонности; позднее в толковых словарях отмечается лишь разговорный оттенок слова и сниженный стилевой регистр, и, наконец, даже эти пометки исчезают [8, С. 101].

Но все ли так пессимистично, и есть ли перспективы изменений в лучшую сторону? Обратимся к проблеме компонентов культурной парадигмы общества [9, С. 10–11]. Можно отметить следующие элементы этой структуры. Во-первых, это люди как субъекты, то есть, творцы и носители культурной парадигмы, живущие в одно время, объединенные общей социокультурной эпохой. Во-вторых, это общность их судьбы, культурно-исторической миссии формирующая определенный тип взаимоотношений при достижении общих целей. В-третьих, это общий настрой, общая социокультурная эмоция. В-четвертых, это самосознание людей и их самоидентичность. В-пятых, это определенная иерархия ценностей. В-шестых, это великие люди своего времени, которые провозглашают те задачи, способы решения которых являются стержнем культурной парадигмы. В-седьмых, это культурный герой, являющийся примером для других. В-восьмых, это символический ряд, общий для всех, набор ключевых слов и вещей. И, наконец, в-девятых, это тексты, играющие роль основного мифа или основной идеи [9, С. 11–12].

В связи с этим возникает интересный вопрос – а кого же можно считать культурным героем современной эпохи? Все чаще речь идет о том, что героем нашего времени, вероятно, является успешный предприниматель. Есть научные исследования, посвященные этому понятию (см., в частности, [10]). Понятие культуры как таковой в этом случае соотносится с понятием культуры в обществе переходного периода. Культура выступает в роли живого ресурса из определенных актуальных ценностей и установок, которые отражаются не только в языке, но принимают формы неписаных законов общества [10, С. 13]. Так, понятие о предпринимателе претерпело ряд изменений. Если мы вспомним концепт, относящийся к русской классической литературе, мы видим, что к такого рода деятельности отношение почти всегда резко негативное. Безусловно, это было связано с реалиями российской жизни, с развитием капитализма, при котором, к сожалению, невозможно было говорить о поддержке свободного предпринимательства и создания благоприятных условий для малого бизнеса. К сожалению, во многом такая установка актуальна и сегодня. Поэтому человек, называющий себя предпринимателем, в большей степени воспринимается как часть коррумпированной системы, нежели тот, кто наделен природным даром, и именно благодаря своему таланту достигший успеха. Однако, в последнее время, по мнению исследователей, постепенно меняется отношение к этому понятию. Образ предпринимателя постепенно улучшается. И, конечно, не последнюю роль в этом играют средства массовой информации. Не только уголовником, авантюристом, олигархом, взяточником представляется бизнесмен-предприниматель. Образ предпринимателя-интеллектуала все активнее внедряется

в общественное сознание. Это носитель иного морального кодекса, нежели другие представители сословия бизнесменов, он близок к русской интеллигенции, а иногда кажется немного странным, гордым одиночкой «не от мира сего», и даже противостоящим бюрократической системе. Возможно, именно с ним связывают надежды на счастливое будущее нашей страны. Остается только надеяться, что возможности для свободного и успешного предпринимательства будут обеспечены в большей мере, нежели сейчас. И такие перемены станут залогом позитивных изменений в жизни людей и, как следствие, создадут ресурс для положительной языковой динамики всего лингвокультурного сообщества.

Источники:

1. Язык и общество: Энциклопедия. / Гл. Ред. Михальченко В. Ю. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016.
2. Ионин Л. Г. Парад меньшинств. М.: Гнозис, 2014.
3. Словарь языка Интернета.ru / Под ред. Кронгауза М. А. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. 288 с. (Словари для интеллектуальных гурманов).
4. Кронгауз М. А. Самоучитель олбанского. М.: Corpus, 2013.
5. Ростовский Г. Тайная орфографическая полиция // Российская газета. М.: АО «Издательство «Российская газета», 19.04.2014.
6. Трошина Н. Н. Мода и коммуникативные практики лингвокультурного сообщества // Язык и мода. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2017. С. 5–27.
7. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Corpus, 2019.
8. Сковородников А. П. Экология русского языка. Красноярск: СФУ, 2016.
9. Бакач Н. Б. Культурная парадигма как объект социально-философского анализа: Автореф. дис. канд. ... филос. наук. Волгоград, 1998.
10. Smyshliaeva M. Von Čičikov bis Chodorkovskij: Unternehmer im Literaturund Mediendiskurs Russlands. Berlin: Frank & Timme, 2013.

O. V. Atamanova (Saint Petersburg University of Humanities and Social Sciences)

SOCIAL STRATIFICATION OF LANGUAGE: A NEW APPROACH TO THE PROBLEM OF LINGUISTIC DISADVANTAGE

The concept of language social stratification, its impact on everyday life of linguistic and cultural community, on changes in linguistic fashion and ethical component of communication nowadays, the role of subcultures and small social groups, and the dynamics of some recent changes in language are considered hereafter.

Linguistic fashion, linguistic disadvantage, social stratification, cultural paradigm of society, social groups, subculture, jargon, haterism

УДК 130.2

А. В. Бабаева (Воронежский государственный университет инженерных технологий «ВГУИТ», e-mail: annabab1@yandex.ru)

«ЯДЕРНЫЕ РЕАКЦИИ» В МИРЕ ЦИФРЫ

Рассматриваются вопросы трансформаций в аксиологическом пространстве современного общества. Исследование современного культурного пространства демонстрирует онтологические изменения, затрагивающие не только «периферию», но и «ядро» культуры. Выделяются проблемные зоны, которые приводят к глобальным изменениям в ценностно-нормативной системе.

Аксиология, культурное пространство, трансформации, ценностно-нормативная система, цифровая цивилизация

В современном научном мире много и уже достаточно долго говорят о тотальных изменениях, произошедших на уровне цивилизационных процессов. Двадцать лет назад на Всероссийском социологическом конгрессе было подчеркнуто, что «массовое сознание не успевает за функциональными изменениями и подходит к оценке исходя из стереотипов прошлого» [1, С. 43]. В результате возник феномен социального запаздывания, который не исчез за прошедшие годы, а продолжает оказывать влияние на жизнь современного общества. Мы не заметили, как оказались в «перевернутом» мире, где все привычные правила приводят к ошибочному выбору. Какие же трансформации произошли и продолжают происходить? Вопрос требует глубокого междисциплинарного исследования. Автор, понимая масштабность проблемы, основной акцент делает на те проблемные зоны, которые, по его мнению, затрагивают глубинные процессы в так называемом «ядре» культуры.

1. Наверное самое существенное изменение, это отказ от словесно-логического общения и замена его картинками-символами. В чем-то в этом процессе можно увидеть возрождение мифологического мировоззрения, которое строилось на символизме, а не на привычной логической рациональной структуре.

Традиционно именно язык выделялся как точка «стягивания» культурного поля, наделение его неповторимыми чертами. Об этом говорили и писали многие. Рассматривая значимые, отличительные черты культуры мы невольно оказываемся в силовом пространстве слов. В любой культуре всегда существовали границы-запреты употребления слов. Всегда были правила, которые определяли, где и как можно было говорить. Язык аристократа и язык простолюдина, официальный язык и любовные признания использовали различные слова.

Рациональность, логичность слов-понятий оформляло четкую картину мира и выделяло определенное место человека в нем. Цифровая реальность заменила слово-понятие знаком-картинкой. «Произошла эрозия слова, когда слова истлели или испарились» [2, С. 150].

Но кроме этого, данный процесс демонстрирует различия в мировосприятии разных возрастных групп. Если использовать теорию поколений, то поколения X и Y все еще стремятся мыслить в рамках рационально-логической системы, где смысл в первую очередь выражался в словах-понятиях, на которых и строились умозаключения. А поколения миллениумов и особенно Z – классические визуалы, для которых важна картинка, а не слово. Причем мы еще не до конца осознали какие глубинные трансформации это вызывает. Ведь картинка изначально несет в себе многозначность. Происходит потеря однозначности, т. е. *telosa* языка.

Лингвисты отмечают, что в мире происходит «бум» словообразований. Причем это не привычные формы слов, чаще всего это искусственные «гибриды» объединяющие цифры и слоги, алогичные сокращения, трансформации из английского языка и т. д. Например, ЛП (лучшая подруга), ЛЧ (любимый человек), ЧСВ (чувство собственной важности) подгон, паль, пруф, ток-сик и т. д. С одной стороны, использование такие «минотавров» оправдывают нехваткой времени. С другой стороны – знание и умение пользоваться такими «сокращениями-минотаврами» (в статьях филологов встречается название «кентавры», но по моему мнению, образ минотавра более соответствует таким образованиям) становится «дверью», позволяющей человеку «стать своим» в цифровом мире. И мы не задумываемся, что в результате теряем логику, рациональное понимание. Рождается новая «подлинная реальность».

2. Интернет пространство принципиально изменило первоначальный феномен коммуникации. С одной стороны, общение стало безграничным и возможности найти «свой» круг общения многократно увеличился. С другой – больше нет необходимости в «подгонке» друг к другу и к формированию «Мы» как объединению уникальных «Я». Наступило время тотальной массовой коммуникации, которая поглощает и растворяет в себе любую сингулярность, – это время не личностей и даже не индивидов, это время «дивидуумов» (Ницше, Делез) и «интердивидуумов» (Жирар), представляющие собой «расширение самости», причем вплоть до того предела, где она не может быть по своей природной данности.

3. Цифровая цивилизация изменила границы между реальным и виртуальным/игровым пространством. Слово «игра» стало привычно-обыденным, относящимся ко всем возможным и невозможным проявлениям жизни человека. Мы проигрываем социальные роли, играем в чувства, отношения, создаем иллюзию успеха (можно сказать, играем в успех). «Игровые формы обнаруживаются в самой серьезной человеческой деятельности: в культе, правосудии, социальном поведении, где напрямую говорят о ролевой игре, и т. д.» [3, С. 165].

Это было написано еще до виртуальной эры Интернета. Виртуальный мир незаметно вошел в нашу жизнь и серьезно потеснил реальность. Онтологические основания жизни, которые долгое время оставались координатами жизнедеятельности, теряются, тонут в мире игры. Более того, некоторые молодые люди высказывают предпочтение игровой реальности, считая, что именно в игре они по-настоящему реализуют себя, свои желания. Социологи отмечают, что максимальное количество часов, проводимых в сети Интернет, среди молодых людей от 15 до 25 – все 24 часа. Можно говорить не просто о полном погружении в виртуальную реальность, а о возникновении феномена утраты социальной реальности. В результате возникает еще один феномен современного мира цифровизации – инсценирование индивидуальности, когда личность проявляет себя через множество «масок» Я, что в результате формирует расплывчатость идентификации и социализации. Вопрос о социализации становится очень значимым в цифровой цивилизации.

А. Н. Леонтьев [4, С. 89–95] рассматривал процесс формирования личности через два «рождения». Первое происходит в период дошкольного возраста, когда устанавливаются первые иерархические отношения мотивов, происходят первые случаи подчинения непосредственных побуждений социальным нормам. Второе «рождение» происходит в подростковом возрасте, главными вехами которого являются появление стремления и способности осознавать свои мотивы, проводить активные работы по их подчинению и переподчинению, когда формируются самопознание, самовоспитание. Особое влияние в процессе социализации играли социальные связи, социальные каналы передачи опыта между поколениями. Цифровая цивилизация трансформировала эти механизмы. И теперь процесс социализации в большей степени связан с виртуальной реальностью. Вопрос что и как формируется у подростков в современном мире – остается, пока, без ответа.

4. Динамика жизни, увеличившаяся в разы, привела к формированию синдрома «Fear of Missing Out» (страх что-нибудь пропустить), оказаться «за бортом» цифровой реальности. Психологи отмечают, что молодые люди обращаются к своим гаджетам вне приходящих сигналов и просматривают новостные ленты каждые 5 минут. Как результат меняется способ прочтения информационных лент. Их просматривают по диагонали, фиксируя внимание на заголовки, либо выделенные части. В такой ситуации изменяется и понимание просмотренного. Оно строится, опираясь на часть выделенных данных, наполняется субъективным смыслом. В результате становится намного проще манипулировать общественным сознанием и мнением людей. Мифологизация в цифровой цивилизации активно замещает рационально-логические принципы познания и представления. Теперь не важны причинно-следственные взаимосвязи, более важными становятся яркие заголовки, картинки, «необычные» явления. Не случайно так широко распространены фейковые новости.

5. Феномен мифа-манипулирования ставит на повестку дня вопрос о проблеме самообмана. Общественно принятый обман, в свою очередь, вызывает

цепную реакцию- нарушается нравственная саморегуляция, появляются двойные стандарты, граница между нормой и патологией становится «прозрачной», либо снимается вообще. Все это приводит к атрофии ценностей.

6. Представление о культурном пространстве, которое структурируется по принципу выделения «ядра», «защитного пояса» и периферии, демонстрирует, что происходящие в цифровой цивилизации процессы затрагивают уже ядро культуры. «Ядерные» реакции в свою очередь приводят к тому, что в мире отсутствия морально-нравственных ориентиров в поведении людей начинает доминировать чувственно-эмоциональные моменты, что способствует восприятию мифов в качестве абсолютной истины. И разговор о возрождении традиционных ценностей во многом отстает от реального мира.

Источники:

1. Коломиец В. П. Телевидение и социальная мимикрия / Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI Веке социальные вызовы и альтернативы»: В 3 т. М.: Альфа-М, 2003. Т. 2. С. 43–45.
2. Сергеев А. М., Соколов Б. Г. Разрыв повседневности. СПб.: Алетея, 2015.
3. Гадамер Г. Г. Игра искусства // Вопросы философии. М., 2006. № 8. С. 164–168.
4. Леонтьев А. Н. Формирование личности // Психология личности. Тексты. М., 1982. С. 89–95.

A. V. Babaeva (Voronezh State University of Engineering Technologies)

"NUCLEAR REACTIONS" IN THE WORLD OF NUMBERS

The issues of transformations in the axiological space of modern society are considered. The study of the modern cultural space demonstrates ontological changes affecting not only the "periphery", but also the "core" of culture. The problem areas that lead to global changes in the value-normative system are highlighted.

Axiology, cultural space, transformations, value-normative system, digital civilization

УДК 140.8

С. С. Баженов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: sspbazhenov@etu.ru)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: АНТРОПОМОРФНОСТЬ И ЗА ЕЕ ПРЕДЕЛАМИ

Сравнение искусственного и естественного интеллекта широко обсуждаемая проблема в современных источниках. В статье анализируются подходы, исследующие природу искусственного интеллекта в сравнении с природой человека. Поставлен вопрос о возможности ограничения искусственного агента при переходе от инструментального к общему искусственному интеллекту.

Искусственный интеллект, агентность, сильный и слабый искусственный интеллект, антропоморфность

Заочная дискуссия, которая ознаменовала развитие искусственного интеллекта (далее ИИ), между А. Тьюрингом и Дж. Сёрлом во многом имеет важное значение не только с позиции возможности построения машинного сознания, но, в первую очередь, потому что обозначила онтологическую проблему гипотетического существования разумных машин. Напомним, что А. Тьюринг в качестве критерия различия мыслящей машины предложил тест, позднее названный в его честь, в котором испытуемому предлагается вступить в коммуникацию с двумя объектами, один из которых реальный человек, а другой – ИИ [1]. Тест будет считаться пройденным, когда в результате серии сообщений испытуемый не сможет различить носителей искусственного и естественного интеллекта. Аргументы Дж. Сёрла приведены в виде мысленного эксперимента, названного «Китайская комната», в котором автор показывает различие между оперированием символами по заданному алгоритму и пониманием [2]. Таким образом, тождественность логических операций ЭВМ и мышления человека была поставлена под сомнение. Решение указанного вопроса не найдено по настоящее время. В этой связи, сравнение и тождество естественного и искусственного интеллекта, то есть разума человека и компьютера (в широком смысле – вычислительной машины), является актуальной проблемой и в настоящее время.

Одним из интересных следствий, рассмотрения описанного кейса является вопрос о эталоне измерения, то есть базовом основании для сравнения разумности вычислительной машины с разумом человека. Следуя за рассуждением Р. Декарта, отметим в качестве аксиомы, что человек является единственным из доступных в настоящее время носителей разума. В этой связи использование разума человека в качестве эталонного объекта измерений является не просто очевидным, но и единственно возможным. Ситуацию усложняет тот факт, что ряд

принципов вычислительных методов, используемых в системах ИИ, позаимствован у человека – в частности нейросети [3]. В этой связи различия человека и ИИ становятся все менее различимыми, поэтому в качестве дискуссионного свойства может рассматриваться антропоморфность – подобие человеку по внешним признакам или характерным особенностями, в поведении, способах рассуждения и т. п. Использование человека как эталона вычислительной системы, только первый элемент антропоморфизации, корни этого процесса уходят глубоко в культуру и могут быть обнаружены наличие антропоморфных животных, выступающих в виде персонажей мифов и сказок. Примеры аналогичного приема мы можем найти и в современной литературе, в частности роман Ф. Дика «Мечтают ли андроиды об электроовцах?». В названии мы видим двойное сравнение с человеком: андроид – антропоморфный робот, способность мечтать, как отличительная черта человека. Подобные примеры указывают на вопрос о том, как понять наличие у «машины» разума, а самое главное в какой момент произойдет переход к разумности.

Для исследователей в области ИИ, фактически существует три объекта анализа: текст, который формирует ИИ при общении с человеком (текст предлагается рассматривать в широком смысле), отслеживать поведение и оценивать его результаты, а также анализировать программную информацию – скрипт, обеспечивший тот или иной результат. Последний путь самый спорный с точки зрения результативности. Так Н. Бустрём (N. Boström) указывает, что на определённом этапе развития скорость и сложность вычислительных операций достигнет таких уровней, что перестанет напрямую контролироваться человеком [4]. Отметим, принципиальное отличие в природе вычислений на современном этапе: человек решает задачи индивидуально, даже если работа идет в коллективе, фактически на каждом этапе вычислительные и эвристические операции осуществляются человеком самостоятельно. ИИ доступны облачные вычисления, которые позволяют разбить задачу на элементы и посчитать частями на различных физических объектах. Анализ текста и действий можно свести к анализу текста, а действия рассматривать, как особый вид семантических единиц, связанных с семантико-логическую систему. То есть «текст» человека и ИИ представляют для наблюдателя аналогичную систему, нуждающуюся в описании и интерпретации.

В контексте применения характеристики «агентность» к ИИ также возможно применение двух подходов: 1) акторного – ИИ выступает в качестве инструмента действия в рамках программы; 2) агентного – ИИ способен не только совершать действия, но и планировать их самостоятельно, понимая контекст, в том числе социальный. Ряд авторов сходятся во мнении, что на текущем этапе развитие ИИ еще не достигло второго уровня [5, 6, 7]. Таким образом, рассматривая вопрос о природе различий естественного и искусственного интеллекта все сводится к субстрату, то есть к различию оснований, производящих вычисления. Поскольку описываемые различия носят фундаментальный характер на уровне «живое-неживое», сомнения, представленные Т. Уолшем в том, что ИИ сможет достигнуть хотя бы человеческого уровня, представляются обоснованными [8]. Как бы быстро не

осуществлялись расчеты непонимание смысла морали не позволит ИИ выступать в качестве морального агента. Отметим, что основу нравственных феноменов Ф. де Вааль видит именно в биологической природе человека, то есть мораль является эволюционным признаком, приобретенным нашими предками, также, как и альтруистическое поведение, встречающееся у многих животных [9]. Способность к эмпатии и ощущению боли, отличает высокоорганизованных животных от неживых объектов. Также важным свойством является способность живых организмов к перестраиванию себя, что имеет особое значение при формировании нейронных ансамблей в головном мозге. Искусственный интеллект может выполнять подобные изменения только за счет трансформации вычислительной модели, например, в уже упоминавшихся нейросетях, но это недоступно на уровне аппаратного обеспечения. То есть физические отличия в природе человека и систем ИИ представляются в настоящий момент непреодолимыми.

Деление ИИ на инструментальный и общий является устоявшимся в науке. При этом общий ИИ выступает в качестве модели и цели, к которой стремится развитие данной научной сферы. Если предположить, что Н. Бустрём прав и на определенном этапе будет достигнуто состояние общего ИИ, или как пишет Гуд будет достигнуто состояние сверхинтеллекта [10], эффективным ли будет предложенная Н. Бустрёмом модель внутренних ограничений. Пример с обходом команд оператора летающим дроном показывает, что даже вычислительная система в случае конфликта задач, может принять неожиданное решение, спорное с практической и моральной точек зрения [11]. Таким образом, ИИ выступая в качестве самостоятельного агента может обойти систему безопасности, так же как это делает человек в условиях культурных и законодательных запретов, в случае достижения стадии общего ИИ, такое развитие событий видится высоко вероятным.

При наличии ряда сходств и различий между человеком и ИИ, остается вопрос о проблеме понимания человеком искусственного объекта, имеющего столько общего и так отличающегося. Но все же базовым отличием выступает энергия и ее использование при проведении вычислений. Тело человека существенно более эффективно использует энергию для совершения целого ряда физиологических процессов в том числе и мышления. ИИ делает это в настоящее время значительно менее эффективно. Именно фактор энергии представляется главным ограничением развития систем ИИ, и достижением уровня общего ИИ. В этой связи, часть элементной базы принципиально не может быть антропоморфизирована на текущем этапе развития науки и техники. То есть существует ряд фундаментальных отличий, носящих онтологический характер, препятствующих существованию человека и ИИ в общей системе координат, даже если пространство и время будут выступать в качестве априорно сближающих позиций.

Источники:

1. А. Тьюринг, Дж. Нейман, С. А. Яновская Могут ли машины мыслить? М: ГИФМЛ. 1960.

2. Сёрл Дж. Разум мозга – компьютерная программа? // В мире науки. (Scientific American. Издание на русском языке). 1990. № 3. URL: <http://alt-future.narod.ru/Ai/sciam1.html> (дата обращения: 06.01.2024)
3. Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект: современный подход. Т.1. Решение проблем: знания и рассуждения. СПб.: ООО «Диалектика», 2021.
4. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / Ник Бостром; пер. с англ. С. Филина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.
5. Баженов С. С. К проблеме моральной агентности искусственного интеллекта. Дискурсы этики. 2023, 1(17): 13–30.
6. Глебова С. В., Перова Н. В. Условия моральной агентности: моральный агент, ограниченный моральный агент, квазиморальный агент. Дискурс. 2023; 9(4): 29–40. <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-4-29-40>
7. Перов В. Ю. Моральное агентство: проблема вменения // XV межд. конф. «Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы 2022. К 100-летию ‘Философского парохода’». Мат. конф. СПб.: ООО «Сборка», 2022.
8. Walsh T. The Singularity May Never be Near. In Proceedings of the 2nd International Workshop on AI, Ethics and Society (AIEthicsSociety2016) & 30th AAAI Conference on Artificial Intelligence (AAAI-2016), Phoenix, AZ, USA, 2016.
9. Вааль де Ф. Истоки морали: В поисках человеческого у приматов / Франс де Вааль; Пер. с англ. 4-е изд. М.: Альпина нон-фикшн, 2017.
10. Good, I. J. (1965). Speculations concerning the first ultraintelligent machine. In F. L. Alt & M. Ruminoff (Eds.), *Advances in computers* (Vol. 6, pp. 31–88). Academic Press.
11. AI – is Skynet here already? / Highlights from the RAeS Future Combat Air & Space Capabilities Summit // Royal Aeronautical Society. URL: <https://www.aerosociety.com/news/highlights-from-the-raes-future-combat-air-space-capabilities-summit/> (дата обращения: 06.01.2024)

S. S. Bazhenov (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

ARTIFICIAL INTELLIGENCE: ANTHROPOMORPHY AND BEYOND.

Comparison of artificial and natural intelligence is a widely discussed problem in modern sources. The article analyzes approaches that study the nature of artificial intelligence in comparison with human nature. The question is raised about the possibility of limiting an artificial agent during the transition from instrumental to general artificial intelligence.

Artificial intelligence, agency, strong and weak artificial intelligence, anthropomorphism

УДК 316.4

А. В. Бакулин (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: bakulin-sanya2014@ya.ru);

Д. В. Бакулин (Севастопольский государственный университет, e-mail: dmitrybaku@ya.ru)

ИНТЕГРАЦИЯ НОВЫХ РЕГИОНОВ В ЦИФРОВОЕ ОБЩЕСТВО: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА И ПОСЛЕДСТВИЯ ЦИФРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Исследование направлено на изучение процесса интеграции новых регионов в российское цифровое пространство. Анализируются противоречия в формировании цифровых пространств регионов и их взаимодействия с общенациональным цифровым пространством. Исследование выделяет три аспекта цифрового пространства: духовный, социальный и технологический, рассматривая их воздействие на социальные отношения и инновационные технологии в новых регионах. Рассмотрение данных аспектов в контексте цифровых технологий позволяет глубоко анализировать социокультурные процессы и их влияние на формирование общественного мнения и ценностей в данных регионах.

Цифровое пространство, интеграция регионов, социокультурные трансформации, технологии, цифровое общество, искусственный интеллект, социокультурные процессы, региональные тенденции

Сегодня в современном динамичном мире внимание исследователей фокусируется на интеграции новых регионов в российское пространство. Основная сложность данного исследования вытекает из анализа противоречий, которые возникают в процессе формирования цифровых пространств данных регионов и их взаимодействия с общенациональным цифровым пространством [1, С. 6–10]. Эти противоречия проявляются в несоответствии по скорости, направленности и содержанию интеграции новых регионов, оказывая влияние на формирование единой нормативно-правовой базы, установление общих ценностей и координацию действий в цифровой сфере.

Цифровое пространство, являясь динамичным и быстро развивающимся фактором, становится неотъемлемым элементом, который необходимо изучить для успешной интеграции новых регионов в общественную жизнь страны. Информационная революция, подкреплённая цифровыми технологиями, внедряет новые аспекты в жизнь этих регионов, формируя уникальные культурные особенности. В данном контексте, рассмотрение цифрового пространства новых регионов становится ключевым элементом, который определяет их социокуль-

турное развитие. Целью исследования является выделение особенностей данного пространства в рамках региональных контекстов, с учетом воздействия как глобальных, так и региональных тенденций.

Пространство цифрового общества:

На наш взгляд изучение цифрового пространства в новых регионах России должно базироваться на устоявшихся моделях культурного пространства [2, С. 17–18].

а) Духовная сфера включает религиозные, искусственные и философские аспекты, где знания и ценности сочетаются, влияя на повседневную жизнь.

б) Социальная сфера охватывает этические, правовые и политические аспекты, отражая социальные отношения и ценности, что является важным при анализе воздействия цифровых технологий на социум.

в) Технологическая сфера учитывает освоение и обработку материалов, артефактов и производство различных технологических инноваций.

В новых регионах России цифровое пространство может выражаться в измененных образах жизни, новых формах коммуникации и доступе к информации. С учетом последних технологических достижений, таких как искусственный интеллект и наука о данных, цифровое пространство новых регионов претерпевает существенные изменения. Это включает в себя переосмысление традиционных ценностей, создание новых культурных форм и возможность формирования уникальных социокультурных траекторий.

Исследование влияния цифрового пространства на новые регионы России представляет собой важный этап для понимания их уникальных особенностей и успешной интеграции в цифровое общество. Рассмотрение культурных аспектов в контексте цифровых технологий предоставляет возможность глубокого анализа социокультурных процессов и их влияния на формирование общественного мнения и ценностей в данных регионах.

Духовная сфера в цифровом пространстве

Духовная сфера в контексте цифрового общества представляет собой явление уникальное по своей природе, особенно благодаря тесной связи с виртуальным миром киберпространства. В силу того, что виртуальность стала неотъемлемой частью повседневной жизни, присутствие в сети оказывает воздействие на духовную сферу индивида [3, С. 18]. Современный духовный мир людей находится в переплетении с виртуальным киберпространством, и традиционный баланс между реальностью и виртуальностью претерпевает изменения. Это проявляется в трансформации и «стирании границ» между реальным и виртуальным [4, С. 7–8].

Влияние цифровой духовной сферы отражается в быстром расширении разнообразных форм онлайн-активности, включая создание разнообразного контента, такого как тексты, видео различного содержания и форм. В эпоху цифровых технологий производство и распространение контента уже не подчиняются строгим регуляциям и не основываются на фундаментальном различии

между автором и его читателями или зрителями. В цифровой эпохе каждый может выступать в роли автора, устаревшим становится традиционное разделение между тем, кто создает контент, и его аудиторией. Удивительным образом, цифровая эпоха выявила неутилитарный характер духовной сферы. Значительное количество высококачественного контента создается людьми без затрат на его публикацию, подчеркивая связь человеческой духовности с цифровым миром.

Человек в цифровом пространстве создает свою уникальную сетевую идентичность в киберпространстве, вступая в сложные взаимодействия с различными сетевыми личностями и сообществами. «Виртуальная личность» человека может значительно отличаться от его привычной «реальной личности». В своем всестороннем исследовании, Шерри Теркл, подчеркивает, как свобода создавать персонажа в социальных сетях играет важную роль в жизни молодежи, например, при создании собственного аватара, и как это влияет на человеческие отношения. Она утверждает, что несмотря на то, что самопрезентация всегда была связана с некоторой степенью конфликта, в эпоху цифровых технологий самопрезентация всегда ограничена социальными сетями [5]. Таким образом, становится ясным, что персонализация в киберпространстве представляет собой новое явление, связанное с одним из самых фундаментальных вопросов духовной сферы – «кто я?»

Понятие личной идентичности в Интернете (PIO) является концепцией, которая объясняет, как человек представляет себя в киберпространстве. PIO описывает стиль поведения индивида в сети, позволяя формировать и демонстрировать свою идентичность по-другому, чем в реальной жизни. Николас Негропonte пишет, что будущее общество будет полностью переходить к цифровой среде [6]. Сеймур Паперт признал влияние персонализации пользовательского опыта на формирование личной идентичности. В соответствии с его теорией конструкционизма, создание личности пользователя включает замену традиционных учебных программ на индивидуально выбранный контент [7]. Паперт описывал этот процесс персонализации термином «интимность», подчеркивая глубоко личный характер учебного процесса и так называемых микромиров, которые человек формирует в процессе своего обучения. Эти микромиры освобождены от социальных ограничений и представляют собой чистые элементы духовной сферы [8, С. 2468].

Сегодня персонализацию Паперта можно рассматривать как ключевой аспект цифровой духовной сферы, проявляющейся в растущем числе людей, вовлеченных в свои собственные микромиры. Наличие изобилия информации имеет существенные последствия для духовной сферы человека. Доступность культурных богатств человечества для каждого индивида является значимым достижением. Однако этот доступ также приводит к индивидуализации культурного опыта, позволяя людям выбирать содержание для учебы, работы и развлечений. Основной характеристикой этого выбора является его индивидуальность. Таким образом, люди оказываются в уникальных персональных микро-

мирах, формируемых в соответствии с их предпочтениями и интересами. Формирование этих микромиров активно поддерживается и усиливается развивающимися технологиями искусственного интеллекта, предоставляющими контент, соответствующий индивидуальным потребностям. Растущее влияние искусственного интеллекта на человеческий опыт представляет собой важную область для дальнейшего исследования, так как индивидуализация может рассматриваться как основное движение, отражающее духовную сферу в цифровую эпоху. Это поднимает существенные вопросы о социальной жизни, особенно в образовании, где возможно развитие солипсистской рациональности, которая деконтекстуализирует содержание жизни и вызывает вызов в попытке создать динамичную социальную сферу на основе взаимной ответственности.

На основании вышеизложенного, изучение духовной сферы в рамках новых регионов в эпоху цифрового общества представляет собой неотъемлемый процесс, в котором формируются новые аспекты культурного опыта. Воздействие цифровых технологий на духовную сферу проявляется в тесной взаимосвязи с виртуальным киберпространством, изменяя традиционные представления о реальности и виртуальности. На фоне быстрого роста онлайн-активности и широкого доступа к разнообразной информации, создание и потребление контента становятся более демократичными и децентрализованными.

Цифровая духовная сфера отражается в индивидуализированных сетевых личностях, формируемых в киберпространстве. Важно учитывать, как легкий доступ к информации позволяет людям строить свои уникальные микромиры, основанные на личных предпочтениях и интересах. Понятие виртуальной личности становится ключевым элементом, а индивидуальные представления о себе активно формируются в сетевых сообществах и социальных медиа. Подчеркивается также значимость персонализации в цифровом пространстве, где пользователи выбирают контент, отвечающий их уникальным потребностям. Этот выбор становится основой для формирования индивидуальных микромиров, поддерживаемых искусственным интеллектом. Однако, возникает вызов в создании динамичной социальной сферы, где индивидуальные микромиры не приводят к изоляции, а взаимодействуют, учитывая взаимную ответственность и социальную динамику.

Источники:

1. Ярмак О. В. Интеграция новых регионов в российское общество: социологический анализ пересборки социальных пространств (на примере Республики Крым и города Севастополь): дис. ...д. соц. наук: 5.4.4. СПб., 2023 г. 888 стр.
2. Levin I. Cultural trends in a digital society. Proceedings of TMCE 2014, May 19-23, 2014, Budapest, Hungary, Edited by I. Horváth, Z. Rusák
3. Александрович Б. Р. Личность в контексте киберпространства // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 2. С. 15–18.
4. Николаевна Ш. Е. Эскапизм в киберпространстве: безграничные возможности и новые опасности // Культурологический журнал. 2013. № 2. С. 2.

5. Turkle S. Alone together : why we expect more from technology and less from each other. : New York : Basic Books, 2011. 390 с.
6. Negroponte N. Being Digital // Computer in Physics. 1997. Т. 11. № 3. С. 261–262.
7. Papert S. Mindstorms : children, computers, and powerful ideas. New York : Basic Books, 1980. 246 с.
8. Levin I., Tsybulsky D. The Constructionist Learning Approach in the Digital Age // Creative Education. 2017. Т. 08. С. 2463–2475.
9. Сергеевич Ч. А., Евгеньевна К. К. Роль социальных сетей в организации «Арабской весны» // Национальная ассоциация ученых. 2015. № 9– 4 (14). С. 19–22.
10. Георгиевна П. Е. Протестное движение в Белоруссии: эволюция, технологии, символы // Научно-аналитический журнал Обозреватель. Observer. 2021. № 2 (373). С. 5–28.
11. Herring J. Law and the Relational Self., 2019.

A. V. Bakulin (St. Petersburg State University);

D. V. Bakulin (Sevastopol State University)

INTEGRATION OF NEW REGIONS INTO A DIGITAL SOCIETY: THE THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE DIGITAL SPACE AND THE CONSEQUENCES OF THE DIGITAL REVOLUTION

The research is aimed at studying the process of integration of new regions into the Russian digital space. The contradictions in the formation of the digital spaces of the regions and their interaction with the national digital space are analyzed. The study identifies three aspects of the digital space: spiritual, social and technological, considering their impact on social relations and innovative technologies in new regions. Considering these aspects in the context of digital technologies makes it possible to deeply analyze socio-cultural processes and their impact on the formation of public opinion and values in these regions.

Digital space, integration of regions, socio-cultural transformations, technologies, digital society, artificial intelligence, socio-cultural processes, regional trends

УДК 811.153.1

Б. С. Богданов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: ludwiggg45@gmail.com)

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ СКАЗУЕМОГО В ПЕРИФРАСТИЧЕСКИХ ВРЕМЕНАХ ВАЛЛИЙСКОГО ЯЗЫКА С ГЛАГОЛОМ «БЫТЬ»

*В докладе рассматривается образование сказуемого в перифрастических временах валлийского языка, образованных при помощи вспомогательного глагола «быть» *bod*. Описаны модели образования перифрастических времён в валлийском языке в целом, также подробно описаны особенности составных элементов таких конструкций – предлога *up* и отглагольного имени/существительного.*

Валлийский язык, образование времён в валлийском языке, отглагольное имя/существительное в валлийском, перифрастические времена в валлийском языке, валлийские предлоги

Кельтские языки редко вызывают интерес у отечественных лингвистов. Касается это невнимания не только их истории или взаимодействия с другими европейскими языками, но и эволюции грамматики или синтаксиса языков этой группы. Между тем, кельтские языки выделяются среди прочих индоевропейских языков рядом уникальных особенностей, как фонетических, так и синтаксических. Валлийский язык не исключение. Одна из этих особенностей – система перифрастических времён, радикально вытесняющая из употребления глагол. В настоящей статье будут рассмотрены особенности образования перифрастических времён в валлийском языке.

Современные кельтские языки подразделяются на две группы – гойдельскую и бриттскую [1, С. 5]. К первой относится ирландский и произошедшие от него шотландский гэльский и мэнский языки [1, С. 5]. Помимо географических факторов, такое деление учитывает и фонетические различия. Лингвисты-кельтологи делят все ныне живые кельтские языки на Р-языки и Q-языки. К первой подгруппе относятся бриттские языки, ко второй – гойдельские. В гойдельских языках сохранился индоевропейский звук [k^w] – в форме [k]. В бриттских же языках этот звук перешёл в [p] [1, С. 6].

Валлийский язык, один из самых древних живых европейских языков, принадлежит к бриттской подгруппе кельтских языков [1, С. 207]. Кельтские племена предположительно начали заселять Британские острова около 650 года до нашей эры [1, С. 208]. С течением времени, диалекты пракельтского языка, на которых они говорили, развились в бриттский язык, язык-пра-

родитель современного бретонского и валлийского языков. Естественное развитие диалектов бриттского языка было катализировано начавшейся в раннее Средневековье колонизацией Британии германскими племенами. Часть бриттов была оттеснена в отдалённые районы острова, другая покинула остров и переселилась на территорию современной Франции. Именно в этот период не покинувшие родину бриттские племена начали называть себя *Сумгу*, а свой язык – *Сумраег*. Слово *Сумгу* происходит от бриттского *Сомброги* – «соотечественник» [1, С. 209]. Тогда же появилось и англосаксонское название этих племён – *Welisc*, что значит «чужаки» [1, С. 210].

На первый взгляд, грамматика валлийского языка мало отличается от грамматики любого другого индоевропейского языка. В языке наличествует развитая система синтетических времён, глагол, как в литературной, так и в разговорной норме, изменяется по числу и лицу, и изменяя этот глагол можно выразить практически любое время – от презенса и претерита до имперфекта и плюсквамперфекта. Так, например, спрягается в настоящем времени валлийский глагол *сапу* (петь): *сапаф* – я пою, *сени* – ты поёшь, *сап* – он/она поёт, *сапwn* – мы поём, *сенwch* – вы поёте, *сапант* – они поют [2, С. 61]. Тем не менее, уже в Средние века в валлийском языке наметилась тенденция к аналитизации языка, которая в Новое время стала определяющей. В результате этого процесса в современном валлийском языке представлена целая система перифрастических времён [2, С. 150]. Что делает эту синтаксическую ситуацию уникальной, так это практически полный параллелизм перифрастической системы времён с флективной. Претерит, презенс, имперфект или будущее время в валлийском языке можно выразить как флективно, так и перифрастически.

Далее уникальность валлийской системы образования времён только усиливается. Как правило, перифрастическое время в валлийском языке образуется при помощи глагола *bod* «быть» в нужной форме + предлог *yn* «в» + отглагольное имя/существительное в качестве смысловой части составного сказуемого [3, С. 110]. При образовании перфекта предлог *yn* заменялся на предлог *wedi* «после» [3, С. 110]. Использование глагола «быть» в образовании перфекта объясняется отсутствием глагола «иметь» в валлийском языке. Следующим образом выглядит аналитический презенс в валлийском языке: *сапаф* – я пою – становится *гwy'n сапу*, где *гwy* – диалектная форма глагола *bod* первого лица единственного числа, к ней присоединяется предлог *yn*, и затем следует отглагольное существительное [3, С. 114]. Соответственно, для образования будущего времени глагол *bod* употребляется в форме будущего времени. Реплика «я буду петь» по-валлийски зазвучит следующим образом: *bydda i yn сапу*, где *сапу* – отглагольное имя глагола петь [3, С. 114]. Так выглядит валлийский перфект в настоящем времени: предложение я пел будет звучать так – *dw i wedi сапу*, где *сапу* – отглагольное имя глагола «петь» [3, С. 117].

Следует отдельно рассмотреть два составных элемента валлийского перифрастического времени с глаголом «быть»: предлог *у*п и глагольное существительное. Именно рассмотрение этих элементов позволяет понять уникальность валлийского синтаксиса и грамматики в индоевропейском контексте.

Как уже упоминалось выше, предлог *у*п по-валлийски значит «в» [4, С. 243]. Например, *mae hi'n byw yng Nghaerdyd* – она живёт в Кардиффе (где *mae* это форма глагола быть в 3 лице единственного числа, *hi* – местоимение она, *Nghaerdyd* – валлийское название Кардиффа), *goedd hi'n bwrw eira уm mis Mawrth* – в марте шёл снег (где *goedd* – форма глагола быть в прошедшем времени, *bwrw* – отглагольное существительное со значением «идёт снег», *mis* – месяц, *Mawrth* – март) [3, С. 114]. В таком контексте этот предлог ничем не выделяется в сравнении с другими европейскими предлогами, более того, этимологически он происходит от праиндоевропейского корня **h₁én*, от которого в том числе произошёл и английский предлог *in* [2, С. 156]. Однако, как уже показывалось выше, этот предлог используется для образования основных перифрастических времён в валлийском языке (за исключением перфекта, хотя он и образуется по той же модели, и аналитического претерита, образуемого с глаголом «делать» *gwneud*). Предлог *у*п не вызывает у отглагольного существительного мутации, в отличие от ситуаций, когда предлог употребляется не как связующий элемент в перифрастической конструкции (Мутации – фонетическое явление, специфическое для кельтских языков, при котором начальный звук слова изменяется в зависимости от последнего звука предыдущего слова. Всего в кельтских языках выделяется несколько видов мутаций: назальная, мягкая и аспирационная) [3, С. 167]. Лингвисты-кельтологи полагают, что при помощи предлога *у*п отглагольное имя локализуется во временном контексте, задаваемом вспомогательным глаголом быть, так как само по себе оно не может выражать грамматического смысла действия [4, С. 243].

Однако, многие лингвисты, такие как Гарет Кинг, по-другому относятся к классификационной принадлежности *у*п. Например, Кинг в своей грамматике валлийского языка выделяет омонимичные предлог *у*п и частицу *у*п, которая и используется для образования перифрастических времён [4, С. 243]. Как грамматический признак он выделяет наличие или отсутствие мутации у последующего слова.

Другой знаменательной особенностью валлийского синтаксиса является употребление отглагольного существительного в качестве смысловой части составного сказуемого. Употребление, всё более вытесняющие глагол как часть речи из разговорного валлийского языка (за исключением вспомогательных глаголов, разумеется). Кинг определяет отглагольное существительное (*verbnoun*) как основную словарную форму глагола, которая формируется при помощи прибавления к корню глагола определённого суффикса, хотя встречаются и совпадающие с корнем глагола отглагольные существительные [5, С. 161]. Как правило, на выбор суффикса влияет предшествующий ему гласный звук. Так, если корень глагола оканчивается звуками *-а*, *-ае*, *-е*, *-у*, то

отглагольное существительное будет образовано при помощи суффикса –и [5, С. 165]. Например, *deni* – нападать, *llyfu* – лизать. Если оно образовано при помощи суффикса –о, то корень глагола оканчивался на гласные –i, –u, –eu, –wy [5, С. 165]. Например, *rhifo* – считать, *twyllo* – жульничать. Суффикс –i обычно стоит после гласных o и –oe [5, С. 166]. Например, *togri* – резать.

Как уже упоминалось выше, для того чтобы играть роль глагола в предложении, перед отглагольным существительным необходимо ставить предлог *up* и вспомогательный глагол «быть». Единственное исключение этому правилу – образование инверсивных конструкций, когда стандартная структура предложения искажается. Например, *gwaethygu mae'r sefyllfa* – ситуация ухудшается, где *gwaethygu* – отглагольное существительное, *mae'r* – глагол быть в настоящее время, а *sefyllfa* – ситуация [5, С. 167]. Во всех остальных случаях, отглагольное существительное ведёт себя в предложении как обычное существительное, причём, как правило, мужского рода, то есть оно может выступать как в роли подлежащего, так и дополнения, а также образовывать словосочетания с прилагательными и наречиями.

Рассмотрим несколько примеров функционирования отглагольных существительных вне перифрастических конструкций: *canu da* – хорошее пение, где *canu* – отглагольное существительное со значением «петь», а *da* – прилагательное со значением «хороший»; *u canu gorau* – лучшее пение, где *canu* – отглагольное существительное со значением «петь», а *gorau* – лучший, *ymladd dibaid* – непрерывное сражение, где *dibaid* – прилагательное со значением «непрерывный», а *ymladd* – отглагольное существительное со значением «сражаться»; *ysgrifennu gofalus* – аккуратное письмо, где *gofalus* – прилагательное со значением «аккуратный», а *ysgrifennu* – отглагольное существительное глагола «писать»; *safon ei ysgrifennu* – стандарт его письма, где *safon* – стандарт, *ei* – местоимение его, а *ysgrifennu* отглагольное существительное глагола «писать» [5, С. 167].

Также несколько примеров отглагольных существительных в более сложных предложениях: *mae'ch gyrru wedi gwella'n ddiweddar, on'd udy?* – твоё вождение улучшилось в последнее время, не так ли – где *gyrru* – отглагольное существительное глагола «водить», *wedi* – перфектообразующий предлог со значением «после», *gwella'n* – отглагольное существительное глагола «улучшиться», а *ddiweddar* – наречие «недавно»; *waeth i ti anghofio'r holl siarad 'ma am gyfaddawdu* – так же можешь забыть все эти разговоры о компромиссе, где *gyfaddawdu* – «компромисс», *siarad* – отглагольное существительное со значением «разговор», а *anghofio* – глагол со значением «забыть» [5, С. 168].

Между описанной выше аналитической системой времён, наиболее широко применяющейся в разговорной речи, и литературным стандартом валлийского языка существует много противоречий. В литературном языке, в силу его архаичности, сохраняется употребление флективных времён, тогда как в разговорной речи, особенно в ряде северных диалектов, их употребление сво-

дится к минимуму. До конца не выяснены причины такого сдвига. Решающими имеет смысл выделить переход валлийского языка к порядку слов VSO, разрушившим традиционные синтаксические модели, и правило согласования подлежащего и сказуемого, согласно которому соответствуют друг другу в лице и числе только подлежащее, выраженное местоимением. В результате, можно предположить, что носитель языка старается переходить к наиболее обезличенной модели построения предложения.

Источники:

1. Калыгин В. П. Введение в кельтскую филологию. М.: КомКнига, 2006.
2. Russell P. An introduction to the Celtic Languages. London: Routledge, 2013.
3. Williams S. J. A Welsh Grammar. Cardiff A University of Wales Press 1980.
4. King G. (ed.). The pocket modern Welsh Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2000.
5. King G. Modern Welsh: A comprehensive grammar. London: Routledge, 2016.

B. S. Bogdanov (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

PECULIARITIES OF THE FORMATION OF THE PREDICATE IN WELSH PERIPHRASTIC TENCES, FORMED WITH THE VERB "TO BE"

The study examines the formation of the predicate in Welsh periphrastic tenses formed with the auxiliary verb "to be"/ bod. Models of the formation of periphrastic tenses in Welsh are described, and the features of the constituent elements of such constructions – the preposition yn and the verbnoun – are also described.

Welsh language, tense formation in Welsh, verbnoun in Welsh, periphrastic tenses in Welsh, Welsh prepositions

УДК: 32.019.5

А. Х. Бугазов (*Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б. Н. Ельцина*, e-mail: abugazov@rambler.ru)

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Рассматривается необходимость анализа классического евразийства, его важнейших положений с учетом современных реалий общества. Подчеркивается, что понятие евразийской идентичности в современных условиях предполагает не географическое расположение стран, а прежде всего общность исторических, экономических и социокультурных особенностей, свойственных народам постсоветского пространства. В этом смысле евразийская философия, в ее новой качественной форме может выступить как концепт, объединяющий различные общности в единое евразийское сообщество.

Евразийство, евразийская идентичность, евразийская цивилизация, евразийская философия, общество, социальное развитие

В современных условиях евразийская идентичность представляет собой сложный и многогранный процесс, который включает в себя социальные, экономические, политические и другие аспекты. С одной стороны, евразийская идентичность сохраняется и развивается благодаря наличию общего исторического прошлого, включая культуру, традиции. С другой стороны, современная глобализация и международная интеграция вносят свои коррективы в понимание евразийской идентичности.

Сегодня евразийская идентичность часто связывается с понятием «евразийской интеграции», которая предполагает совместное экономическое, культурное и политическое развитие стран Евразии. Однако такая интеграция не всегда получается и зачастую сталкивается с разногласиями и противоречиями между различными странами.

После распада СССР, многие исследователи сводили суть понятия «евразийский» к национально-историческим и социокультурным особенностям различных этносов, оказавшихся в рамках одного государства. Если говорить об актуальном состоянии евразийского сообщества, мы можем констатировать, что сегодня оно строится исключительно, или в основном на экономической основе. Это предопределяет его рыхлость и потенциальную конфликтность из-за материальных, экономических причин [1]. В то же время, отсутствие единой объединяющей идеологии, а значит единой внутренней и внешней политики евразийского сообщества, определяет, по меньшей мере, неясность исторической перспективы развития такого содружества, если не иметь в виду сам факт его существования.

Понятно, что в данном дискурсе есть ряд проблем, требующих своего решения. Прежде всего, возникает вопрос: «Можно ли, в принципе, в данных условиях говорить о какой-либо евразийской идентичности?» Сегодня такая постановка вопроса вызывает много споров и сомнений. Говоря откровенно, значительная часть общества и лидеров евразийских государств испытывают опасение под предлогом общей идентичности, вновь оказаться в составе некоего политического объединения, наподобие СССР, который положит конец самостоятельному существованию их национальных государств. Тем более что, для этого есть формальные основания.

В свое время, И. А. Ильин утверждал, что Россия есть «культурно оправдавшийся организм, не подлежащий произвольному расчленению», и что всегда были «малые народы и племена, не способные к государственному самостоянию...» [2, С. 172]. Для оппонентов, неважно, когда и в какой связи это было сказано. Сегодня на данную тему можно встретить более резкие, даже эпатажные высказывания. Так, на одном из сайтов интернета, анонимный «исследователь» утверждает, «Интеллектуально евразийство аморфно и бесполезно, ибо является обычной ширмой для общественных отношений и не содержит рационального зерна. Идеологически оно вредно и опасно, ...» [3].

Понятно, подобные суждения имеют иное основание и преследуют совсем другие цели, чем серьезный научный анализ евразийской философии и идентичности. Однако, проблема даже не в этом, интерпретации идей всегда были и будут разными. Дело в том, что концептуально, мы пока мало что можем сказать о евразийской идентичности, как и о евразийской философии в контексте современной социальной реальности. В литературе нет даже единого мнения относительно понимания самого понятия «евразийский».

Поэтому отвечая на сформулированный выше вопрос необходимо разъяснить, что основоположники евразийской философии, в частности П. Н. Савицкий, действительно впервые предложили концепцию, где целью Евразии, как «месторазвития», выступает «объединение территории от Европы до Тихого океана» [4]. Однако, принципиально важным является то, что термин «месторазвитие», предложенный П. Н. Савицким, был призван «не возвысить территориальный фактор над другими, а доказать существование родственных связей между различными нациями и их представлениями о своем «месте» в мире, о своей судьбе, своем предназначении». Месторазвитие, как справедливо утверждает исследователь А. Е. Еремеев, – это «некоторое мифическое единство социально-исторического пространства ... непрерывная многовековая взаимосвязь территории и культуры, человека и природы» [5, С. 40–44].

То есть, речь идет не о территориальной экспансии одного народа в отношении других, а о свойственном для евразийцев, географическом детерминизме. Сама территория, влияя на населяющих ее людей, преобразуется под их воздействием, «сплетает их вместе, создавая общность судьбы населяющих ее народов», и, что из этого соединения рождается «географическая

сущность, которую евразийцы представляли живым организмом» [5, С. 40–44]. Говоря о взаимозависимости государства и географии, П. Н. Савицкий, прежде всего, подчеркивал закономерность совпадения территориальных и культурных границ Евразии: «Действительно, – утверждал философ, – совпадение границ особого культурного мира и особой географической области не могло быть случайным» [4, С. 82].

Таким образом, основной посыл здесь заключается в том, что – географическая, экономическая, историческая, а также ментальная близость евразийских народов, прежде входивших в состав Российской империи, демонстрирует не их политическое, а социокультурное, цивилизационное единство. Которое, в свою очередь, характеризовалось рядом особенностей: историческими (длительность совместного сосуществования); культурологическими (полифонический облик культуры на основе глубокого синтеза западных и восточных влияний); этическими (глубинное нравственное начало, социальность, противостоящая прагматическому индивидуализму) и др.

Все эти признаки, совместная форма бытия, оставили свой глубокий след в социальной памяти, образовав своеобразную социокультурную матрицу в сознании большинства народов Российской империи, а затем и СССР. Что дает основание сегодня утверждать, что под понятием «евразийский» следует понимать не общее географическое и тем более государственное пространство, а находящееся в процессе формирования, геополитическое объединение экономически, исторически и культурно (ментально) связанных, между собой народов. Евразия, – это уникальная цивилизация в мире, где которой атрибут «евразийский» наиболее адекватно отражает ее «уникальный исторический синтез «европейского» и «азиатского» начал, и который представлен соответствующей системой ценностей и образом жизни.

В качестве теоретико-методологической основы евразийской интеграции и идентичности может служить евразийская философия, поскольку для этого есть все предпосылки. «Доктрина евразийства, – считает П. Я. Циткилов, и с ним трудно не согласится, – охватывает такие сферы научного знания, как философия, социология, культурология, история, геополитика, этнография, правоведение, лингвистика и др.» [6, С. 259]. К числу важных фундаментальных идей классиков евразийства можно отнести, также: «суждение о евразийской «симфонической личности», свободном культурном творчестве, сочетающим общемировое наследие с культурной суверенностью каждого этноса; идею общеевразийского национализма (сопряжение национального чувства каждого этноса с общим евразийским меганациональным самопознанием)» [6, С. 259].

Следовательно, признание и следование ценностям философии евразийства совершенно не предполагает утрату территориальной целостности и политического суверенитета новых евразийских государств. Вполне допустимо сформировать объединение государств, можно говорить о политическом, экономическом, культурном единстве евразийского пространства, в рамках

которого можно говорить об общих чертах своей идентичности. Добавим, что на наш взгляд, только в составе сильного геополитического союза у новых постсоветских стран есть реальный шанс не только сохранить свой суверенитет, но и приобрести реальную основу для своего дальнейшего социально-экономического развития в рамках нового складывающегося миропорядка.

Сегодня, говоря об общности внутренних законов и тенденциях развития внутри евразийского пространства, прежде всего, имеются в виду общность целей этого развития и средств их достижения. Представляется, что их понимание, историческое и логическое обоснование, может представлять основу для формирования идеологии евразийства и евразийской идентичности в современных условиях. О каких целях, может идти речь?

Во-первых, формирование политической организации общества. Данная цель предполагает адекватное современным условиям понимание роли и структуры государственного аппарата в регуляции социальных отношений, характерных для евразийской политической системы.

Во-вторых, формирование экономической системы, как единого народнохозяйственного комплекса [7, С. 26–39].

В-третьих, формирование духовных ценностей, где важное место занимают поликультурность, многоконфессиональность и традиционность евразийских народов.

Источники:

1. Бордачёв Т. В. О ранней истории и географии российской внешней политики // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 4. С. 22–45.
2. Ильин И. А. О грядущей России: Избранные статьи. Свято-Троицкий монастырь: Корпорация «Телекс», 1991. 367 с.
3. Евразийство как идеология российского неоколониализма, или что такое партия «Биримдик»? // URL: <https://kyrgsoc.org/birimdik-eurasia-neokolonialism/> (дата обращения: 21.10.2023)
4. Савицкий П. Н. Степь и оседлость // Классика геополитики, XX век. М.: АСТ, 2003. 732 с.
5. Еремеев А. Е. Идеология евразийства: основные категории // Вестник РУДН. 2007. №4. С. 40–44.
6. Циткилов П. Я. Классические евразийцы о цивилизационной идентичности России // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. Вып. 2. С. 256–267.
7. Субетто А. И., Шамахов В. А. Россия – евразийская цивилизация. // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. №2 (36). С. 26–39.

A. H. Bugazov (Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin)

EURASIAN IDENTITY IN MODERN CONDITIONS

The author considers the need to analyze classical Eurasianism, its most important provisions, taking into account the modern realities of society. It is emphasized that the concept of Eurasian identity in modern conditions does not imply the geographical location of countries, but, first of all, the commonality of historical, economic and socio-cultural features inherent in the peoples of the post-Soviet space. In this sense, Eurasian philosophy, in its new qualitative form, can act as a concept that unites various communities into a single Eurasian community.

Eurasianism, Eurasian identity, Eurasian civilization, Eurasian philosophy, society, social development

УДК 81'33

И. К. Бунегин (Санкт-Петербургский государственный экономический университет, e-mail: Bunegin.vanya@ya.ru)

ВИДЕОИГРЫ КАК ОБЪЕКТ ЯЗЫКОВОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ

В данной статье рассматриваются определяющие особенности локализации и способы ее реализации в дискурсе видеоигры. Выделяются наиболее часто применяемые переводческие стратегии языковой локализации, а также лингвистические и экстралингвистические черты видеоигры, требующие осуществления языковой локализации.

Локализация, перевод, дискурс видеоигры, переводческая стратегия

Вторая половина XX века стала периодом цифровой революции. Появление новых медиа- и вычислительных устройств, таких как персональный компьютер, а также новых, компактных носителей информации и их популяризация привела к появлению возможности у представителей разных культур и носителей разных языков общаться как косвенно, посредством ознакомления с медийными продуктами, так и напрямую, посредством сети интернет. Данной возможности также поспособствовала тенденция к глобализации в сфере торгово-экономических отношений.

В связи с перечисленным возникла потребность в приведении продукта в вид, наиболее пригодный и привлекательный для принимающей культуры, с поправкой на ее лингвокультурную специфику, то есть в локализации [1, С. 28].

Локализация – многозначный термин, употребляемый в различных сферах и в общем виде означающий «приспособление продукта к местной специфике (locale)» [2, С. 2]. Существуют различные подходы к определению локализации в отношении перевода: языковую локализацию рассматривают как (1) часть перевода, (2) переводческую стратегию, (3) процесс, обособленный от перевода, но сопутствующий ему, (4) процесс, противоположный переводу.

Подобная несогласованность отношения к языковой локализации в научном дискурсе обусловлена:

– мнением о ее целенаправленном противоречии нормам перевода, а именно норме эквивалентности, в угоду достижения схожего прагматического эффекта средствами другого языка при значительном вмешательстве в содержание оригинального текста;

– строго коммерческой целью осуществления локализации;

– скорее проектным характером работы над локализацией, где непосредственно перевод является лишь одним из этапов ее осуществления;

– сравнительно небольшим количеством переводоведов, специализирующихся в практической работе над локализацией;

– значительной интертекстуальностью и многопрофильностью локализации, выходящей за рамки текста и языка как такового [1, С. 28].

Кроме того, указывают на отличные от перевода предмет и цель локализации: культура, выраженная в том числе в культурных реалиях, и устранение признаков принадлежности к иной от принимающей культуре.

В дифференциации перевода и локализации также учитывается формат текста. Так, согласно А. В. Ачкасову, собственно локализация происходит тогда, когда ее объектом является именно цифровой текст [3, С. 288], а на основании модели локализации Хальверсон и Хименеза-Креспо к прототипическим чертам локализации относят как цифровой жанр текста (вебсайт, видеоигра, операционная система), так и его интерактивность, а также цифровое посредничество локализатора и заказчика [4, С. 12–13].

Вне зависимости от подхода к рассмотрению языковой локализации в ее основе лежит перевод, а следовательно, к стратегиям и механизмам языковой локализации аудиовизуального текста частично применимы переводческие стратегии. Наиболее важными являются культурно-ориентированные стратегии доместикации и форенизации, где первая направлена на лингвокультурное уподобление текста с поправкой на особенности культуры реципиента и достижение «прозрачности» переводчика, тогда как при форенизации характерные черты, отражающие культуру автора текста, сохраняются, а факт перевода, таким образом, не скрывается [5, С. 629–630]. К форенизации также относится нулевой перевод, стратегия, при которой графическая форма элемента оригинального текста переносится в переводной текст без изменений в целях сохранения его узнаваемости [6, С. 7–8].

Аудиовизуальный перевод нередко классифицируется в качестве интерлингвального вида перевода ввиду ряда особенностей, обусловленных мультимодальностью и соответствующей формой представления текста перевода [7, С. 1–3]. Локализация считается как процессом, сопутствующим аудиовизуальному переводу, так и необходимым условием для его успешного осуществления и носит название медиа-адаптации [8, С. 84–85].

В случае аудиальной подачи текста необходимо поддерживать соответствие длины реплик в оригинале и переводе для сохранения целостности восприятия продукта реципиентом, а дубляж требует соответствия движения губ говорящего с озвучивающим. При субтитровании также необходимо учитывать скорость произнесения реплик с учетом скорости прочтения текста [9, С. 3–4]. Таким образом, локализация аудиовизуального текста представляет собой комбинацию средств осуществления аудиовизуального перевода и культурно-ориентированных стратегий перевода.

Одним из наиболее часто подвергаемым языковой локализации аудиовизуальным продуктом служат видеоигры, что связано, во-первых, с их массовостью, во-вторых, с экономической выгодой их разработки в связи с предыду-

щим пунктом и распространением киберспорта, в-третьих, в связи с интертекстуальностью и разнообразием видеоигр, нередко заходящих в область кинематографа и литературы [2, С. 3].

Для осуществления локализации видеоигры необходимо учитывать ее жанровую принадлежность. Без учета поджанров Беренс и Говард выделяют семь основных жанров видеоигр:

- а) приключенческий боевик (action-adventure);
- б) гоночные видеоигры (racing);
- в) «стрелялка», или шутер от первого лица (first-person shooter, FPS);
- г) платформер (platformer);
- д) стратегия (strategy);
- е) ролевая игра (roleplaying, RPG);
- и) избей их всех (beat 'em up).

Видеоигры нередко представляют игроку вымышленные миры со своей культурой, историей, событиями и культурными реалиями, название которых носит авторский характер. Данная особенность напрямую влияет на количество прецизионно-номинативной информации, подлежащей переводу и локализации, а ввиду неологичности текста доля транскреации в переводе и локализации возрастает. Сама культура и ее реалии могут быть основаны на реальном источнике или могут иметь референс, на которые необходимо опираться, если таковые имеются. Кроме того, названия внутриигровых предметов также нередко являются неологизмами. Локализаторам обязательно нужно глубоко погружаться в контекст для успешного результата.

Названия видеоигр носит брендовый характер, в связи с чем традиционно подвергаются нулевому переводу в целях сохранения узнаваемости продукта: Medal of Honor, Uncharted, Doom, Red Dead Redemption, Cyberpunk 2077 и т. д.

Видеоигры интертекстуальны и часто разрабатываются на стыке с кинематографом и литературой. Текст, подвергаемый переводу и локализации, представлен в аудио-, видеоформате и непосредственно в виде текста, а следовательно, перевод и локализация могут быть представлены как в виде субтитров, так и в виде дубляжа.

В большинстве государств на игры распространяется возрастной ценз, под наиболее выгодный из которых необходимо подстраиваться по требованию издательства, если на подпадание под тот или иной из них влияет не игровой процесс, что может значительно сказываться на содержании оригинального текста [6, С. 4]. Как следствие видеоигры часто подвергаются цензуре, в том числе чтобы избежать табу и противоречий законодательству страны принимающей культуры [10, С. 4–5].

Локализация является сравнительно новым направлением переводоведения и находится в активной фазе определения и обсуждения в научном сообществе. Языковая локализация осуществляется посредством форенизации и доместикации. Целью локализации является приведение языкового цифрового продукта в

вид, наиболее приемлемый с точки зрения принимающей культуры, результатом – устранение признаков инокультурного происхождения текста.

К прототипическим признакам локализации относят цифровой формат текста, цифровой жанр текста, интерактивность продукта, содержащего текст, цифровое посредничество заказчика локализации и непосредственно локализатора. Локализация аудиовизуального текста предполагается при его переводе и является совокупностью механизмов осуществления аудиовизуального перевода и культурно-ориентированных переводческих стратегий. Видеоигры как объект аудиовизуальной локализации имеют ряд особенностей, обусловленных интертекстуальностью и жанровой принадлежностью.

Источники:

1. Kassawaat M. Translation and Localization: Frequent Arguments through Asymmetric Binoculars. 2021. URL: https://www.academia.edu/67376369/Translation_and_Localization_Frequent_Arguments_through_Asymmetric_Binoculars (дата обращения: 20.12.23).
2. Sandrini P. Localization and Translation. In: MuTra Journal, Vol 2 2008. LSP Translation Scenarios. Selected Contributions to the EU Marie Curie Conference Vienna 2007. Edited by Heidrun Gerzymisch-Arbogast, Gerhard Budin, Gertrud Hofer. Saarbrücken: P. 167–191. URL: <http://www.peter-sandrini.net/publik/localiz.pdf> (дата обращения: 21.12.23).
3. Achkasov A. V. Rethinking the scope of localization // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2017. №3. doi: 10.17516/1997-1370-0036.
4. Kabát M., Koscelníková M. Localization and Its Place in Translation Studies. 1. P. 5–28. 2023. URL: https://www.researchgate.net/publication/375576952_Localization_and_Its_Place_in_Translation_Studies (дата обращения: 20.12.23).
5. Jiang S. Exploring Localization Translation Strategy under Cultural Compatibility Principle. Communications in Humanities Research. 2023. URL: <https://chr.ewapublishing.org/article.html?pk=23dc4eea0d5a4da0a9ac29c7a98f3d20> (дата обращения: 20.12.23).
6. Costales A. F. Exploring translation strategies in video game localizations. 2012. URL: https://www.researchgate.net/publication/244478027_Exploring_Translation_Strategies_in_Video_Game_Localization (дата обращения: 20.12.23).
7. Cohen D. Adaptation in Audiovisual Translation. 10.13140/RG.2.1.3746.1600. 2009. URL: https://www.researchgate.net/publication/275270358_Adaptation_in_Audiovisual_Translation (дата обращения: 21.12.23).
8. Chaume F. Is audiovisual translation putting the concept of translation up against the ropes? The Journal of Specialised Translation. 2018. P. 84–104. URL: https://www.researchgate.net/publication/326684272_Is_audiovisual_translation_putting_the_concept_of_translation_up_against_the_ropes (дата обращения: 21.12.23).
9. Pérez-González L. Audiovisual Translation. In Routledge Encyclopedia of Translation Studies. 3. P. 30–34. Routledge. 2023. URL: <https://pure.manches>

ter.ac.uk/ws/portalfiles/portal/154070225/audiovisual_translation_academiaedu.pdf
(дата обращения: 21.12.23).

10. Sun Q. Difficulties and Countermeasures of Game Localization Translation Based on the IoT and Big Data", Journal of Sensors, vol. 2022, Article ID 4651956, 7 pages, 2022. URL: <https://doi.org/10.1155/2022/4651956> (дата обращения: 21.12.23).

I. K. Bunegin (Saint Petersburg State University of Economy)

VIDEO GAMES AS AN OBJECT OF LANGUAGE LOCALIZATION

This article analyzes the main features of localization and the ways of its realization in the video games discourse. The most frequently used translation strategies of language localization are highlighted, as well as linguistic and extralinguistic features of a video game that require language localization.

Localization, translation, video game discourse, translation strategy

УДК 81+327

Е. А. Бутина (Новосибирский государственный педагогический университет, e-mail: eugeniabutina@gmail.com)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ В СВЕТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ И ДЕГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Цель статьи – исследовать влияние глобализационных и деглобализационных процессов на формирование языковой культуры личности. Актуальность исследования состоит в том, что под воздействием глобализационных и деглобализационных процессов меняется язык, языковая культура личности. В языке отражаются все изменения, происходящие в социуме.

Даются определения понятий «глобализация» и «деглобализация». Рассматриваются различные концепции глобализации, в том числе информационные (сетевые). Исследуется влияние глобализационных процессов на формирование языковой культуры личности. Отмечается развитие деглобализационных процессов и их воздействие на феномен языковой культуры личности.

Глобализационные процессы в обществе, деглобализационные процессы в обществе, языковая культура личности, цифровизация общества, концепции глобализации, языковая личность, глобальное сетевое общество, формирование языковой культуры личности

В научном дискурсе в последнее время актуализируется понятие деглобализации: проводятся его исследования с разных позиций. Так, Я. С. Матковская осуществила попытку проанализировать точки зрения на процесс деглобализации, делая упор на экономический аспект [1]. По ее мнению, деглобализацию нельзя рассматривать в отрыве от глобализации. Кроме того, важно исследовать причины активизации деглобализационных процессов в современном мире [2]. Я. С. Матковская приходит к выводу, что деглобализация является фазой глобализации.

Н. А. Невская приводит следующее определение деглобализации: «Деглобализация – процесс уменьшения взаимозависимости и интеграции между определенными единицами по всему миру, как правило, национальными государствами» (привод. по: [3, С. 196]).

Ю. П. Денисов считает, что тенденция к деглобализации «указывает на торможение процесса глобализации» [4, С. 111].

По мнению Я. Б. Комаровой, «деглобализация – это результат переосмысления глобализационных процессов и результат их негативного влияния как на все международное сообщество, так и на отдельно взятые государства» [5, С. 58].

Возможно, деглобализация – это процесс, обратный глобализации, поэтому, соглашаясь с мнением Я. С. Матковской, отметим, что необходимо рассмотреть сущность понятия глобализации.

Понятие глобализации исследовано учеными с различных позиций, имеется множество ее определений. Так, по мнению А. И. Уткина, «глобализация – это слияние национальных экономик в единую общемировую систему» [6, С. 181]. А. С. Панарин считает, что «глобализация – процесс становления единого взаимосвязанного мира, в котором народы не отделены друг от друга привычными протекционистскими границами» [6, С. 183]. По мнению М. Г. Делягина, «глобализация – это процесс стремительного формирования единого общемирового финансово-информационного пространства на базе новых, преимущественно компьютерных технологий» [6, С. 185].

Как отмечают С. И. Черных, Я. С. Аллахам, Н. В. Наливайко, В. И. Паршиков, Е. А. Пушкарева, Ю. В. Пушкарев наибольшим изменениям в современных условиях глобализации подверглась сфера образования [7, 8, 9, 10, 11]. Образование как социальный институт призвано выполнять «охранную» функцию, выступать гарантом стабильности общественного порядка, однако оно утратило «прерогативу охраны и гаранта стабильности социального порядка» [12, С. 61]. Стабильность общественного порядка основывается в том числе на ценностях и нормах, в связи с этим чрезвычайно важным является ограждение нашей культуры от засилья ценностей западного мира.

А. С. Панарин выделяет основания, по которым «можно заключить, что процесс глобализации готовит переход человечества в принципиально иное качество» [6, С. 184].

Л. А. Коробейникова, А. Ю. Гиль обобщили часть имеющихся исследований, выделив «два направления анализа этого процесса: глобализация на основе идеи прогресса, который ведет к однородности мира (универсализм), и глобализация на основе многообразия, гетерогенности мира (мультикультурализм)» [13, С. 54] и предложили несколько концепций глобализации: исторические, социальные, информационные и сетевые.

В своих исследованиях специфики влияния процесса глобализации на формирование языковой культуры личности мы отмечали, что «глобализация стала причиной следующих изменений в социуме: глобализация вызвала тенденцию стирания границ, расширения культурного обмена; глобализационные процессы способствуют взаимодействию культур и трансформации языка; расширение взаимодействия этносов и культур, вызванное глобализацией, ведет к унификации всех культур; наблюдается принятие западных ценностей, которые формируются под влиянием западного мира посредством языка; в современном языке, особенно в молодежной среде, наличествует множество неоправданных заимствований из английского языка; отличительной чертой современной культуры является массовость, языковая культура личности формируется под значительным влиянием социальных сетей, которые выступают

основной коммуникационной площадкой» [12, С. 65]. Кроме того, существенное воздействие на формирование языковой культуры личности оказывает цифровизация, способствуя «“оцифровыванию” общества, личности, которое проявляется в формировании новой цифровой реальности, цифровой культуры и цифровой языковой личности, языковой культуры личности» [14; 15, С. 13; 16].

Однако в последнее время происходят изменения в российской государственной языковой политике, которые можно считать следствием деглобализационных процессов. Так, «Госдума сразу во втором и третьем чтениях 16 февраля 2023 г. приняла поправки к Федеральному закону “О государственном языке Российской Федерации”, запретив чиновникам использовать иностранные слова, у которых есть общеупотребительные аналоги в русском языке и перечень которых содержится в нормативных словарях» [17].

Таким образом, в современном мире наблюдается развитие деглобализационных процессов, вызванных глобальным экономическим кризисом, обострением геополитической ситуации, социальными проблемами и т. д. По мнению одних исследователей, деглобализация – это лишь фаза глобализации, которая впоследствии должна усилиться. Другие считают, что деглобализация вызвана серьезными геополитическими трансформациями и является следствием перехода от однополярного к многополярному миру. Важно отметить, что все процессы, происходящие в мире, ведут к изменению общества, личности, а также ее языкового проявления, то есть языковой личности. Так, глобализация и цифровизация способствовали и способствуют формированию нового мировоззрения, новой системы ценностей, новой личности и новой языковой культуры личности.

Одним из признаков деглобализации можно считать изменение российской языковой политики, которая отражается в запрете использования слов, заимствованных из английского языка, как символа глобализации.

Источники:

1. Матковская Я. С. Деглобализационные процессы в мировой экономике и перспективы ее инновационного развития // Экономический анализ: теория и практика. 2023. Т. 22, вып. 1. С. 4–28.
2. Матковская Я. С. Деглобализация: новая эпоха и фаза процесса глобализации // Друкеровский вестник. 2023. № 3. С. 5–21.
3. Невская Н. А. Место Европейского союза в деглобализационных процессах // Научные труды Вольного экономического общества России. 2023. Т. 241, № 3. С. 194–203.
4. Денисов Ю. П. Процесс интернационализации мирового хозяйства: глобализация или деглобализация? // Молодежь Сибири – науке России: сборник трудов междунар. науч.-практ. конференции. Красноярск, 2017. С. 109–111.

5. Комарова Я. Б. Деглобализация как вектор развития международных отношений // *Обществознание и социальная психология*. 2023. № 1–2 (45). С. 56–61.
6. *Глобалистика: Энциклопедия* / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М.: Радуга, 2003. 1327 с.
7. Черных С. И. *Образовательное пространство в условиях информатизации общества: монография*. Новосибирск: Изд-во НГАУ, 2011. 254 с.
8. Наливайко Н. В. *Философия образования: формирование концепции*. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. 272 с.
9. Пушкарёва Е. А., Пушкарёв Ю. В. *Инновационное развитие образования в условиях глобализации* // *Вестник Сибирского юридического института ФСКН России*. 2012. № 2 (11). С. 148–153.
10. Пушкарева Е. А. *Философия непрерывного образования в контексте развития глобальной культуры* // *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. 2016. № 3 (31). С. 60–67.
11. Пушкарёва Е. А., Пушкарёв Ю. В. *Философия непрерывного образования: когнитивные основания развития личности в современных условиях: монография*. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2019. 143 с.
12. Бутина Е. А. *Особенности влияния глобализации на формирование языковой культуры личности* // *Профессиональное образование в современном мире*. 2022. Т. 12. № 1. С. 61–67.
13. Коробейникова Л. А., Гиль А. Ю. *Глобализационные процессы: анализ и концепции* // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 431. С. 54–61.
14. Бутина Е. А. *Цифровая культура как следствие цифровизации общества* // *Культурно-антропологические исследования*. 2023. № 2. С. 8–15.
15. Бутина Е. А. *Цифровизация образовательного пространства: риски и перспективы* // *Профессиональное образование в современном мире*. 2020. Т. 10. № 2. С. 3695–3701.
16. Пушкарёв Ю. В., Пушкарёва Е. А. *Факторы, определяющие развитие когнитивных способностей в условиях цифровизации процессов образования: обзор текущих исследований* // *Science for Education Today*. 2022. Т. 12, № 6. С. 111–136.
17. Госдума ограничила использование иностранных слов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2023/02/16/16264393.shtml> (дата обращения: 15.01.2024).

E. A. Butina (Novosibirsk State Pedagogical University)

***FEATURES OF THE LINGUISTIC CULTURE OF THE INDIVIDUAL IN
THE LIGHT OF GLOBALIZATION AND DE-GLOBALIZATION
PROCESSES***

The purpose of the article is to investigate the influence of globalization and deglobalization processes on the formation of a person's linguistic culture. The relevance of the study lies in the fact that under the influence of globalization and deglobalization processes, the language and linguistic culture of the individual are changing. The language reflects all the changes taking place in society. These changes have a significant impact on the formation of a person's linguistic culture.

Definitions of the concepts of “globalization” and “deglobalization” are given. Various concepts of globalization, including information (network), are considered. The influence of globalization processes on the formation of a person's linguistic culture is investigated. The development of deglobalization processes and their impact on the phenomenon of linguistic culture of the individual is noted.

Globalization processes in society, deglobalization processes in society, linguistic culture of personality, digitalization of society, concepts of globalization, linguistic personality, global network society, formation of linguistic culture of personality

УДК 338.246.87: 004.056

Б. Г. Василенко (АНО ВО «Международный банковский институт имени Анатолия Собчака», e-mail: vasilenko@dreaktor.ru)

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНСАЛТИНГЕ

В исследовании обобщены научные подходы, посвященные проблеме раскрытия конфиденциальных данных в цифровых коммуникациях в контексте экономической и информационной безопасности в сфере консалтинга. Исследовано влияние включения в цифровую коммуникацию с третьей стороной конфиденциальных данных. Определены перспективы применения семантического анализа для мониторинга конфиденциальности коммуникаций в консалтинге с целью повышения экономической и информационной безопасности.

Информационная безопасность, экономическая безопасность, семантический анализ, мониторинг конфиденциальности, коммуникации, консалтинг, раскрытие конфиденциальных данных, цифровая коммуникация

В последнее время цифровая трансформация экономики и общества в целом, а также распространение цифровых коммуникаций, привели к росту значимости угроз информационной и экономической безопасности. В защите от таких угроз нуждаются консалтинговые фирмы и другие организации, которые полагаются на безопасные каналы связи. В связи с этим, определенный интерес представляет исследование угроз, возникающих в результате использования цифровых технологий в консалтинговом бизнесе. Цель исследования состояла в выявлении перспектив использования семантического анализа для обеспечения конфиденциальности цифровых коммуникаций в консалтинге.

В консалтинге информационная и экономическая безопасность являются ключевыми факторами, которые оказывают особенно сильное влияние на успех или провал бизнеса. Реализации угроз информационной и экономической безопасности в консалтинге могут привести к финансовым потерям, утрате репутации и снижению лояльности клиентов. Поэтому, обеспечение информационной и экономической безопасности можно считать одной из наиболее приоритетных задач для обеспечения стабильности консалтинговой компании.

Консалтинг – это профессиональная услуга, которая оказывается специалистами в различных областях, направленная на решение проблем клиентов и улучшение их бизнес-процессов. Основные виды консалтинга включают:

1. Бизнес-консалтинг, который охватывает стратегический, операционный и финансовый консалтинг.

2. Технологический консалтинг, который включает в себя разработку ИТ-стратегии, разработку приложений, облачные вычисления и обеспечение информационной безопасности в цифровой среде.

3. Менеджмент-консалтинг, который фокусируется на разработке стратегий управления, а также на организационной структуре, изменениях и улучшении эффективности управления [1].

В консалтинговой компании, использование интеллектуальных облачных вычислений, таких как ИИ ассистенты, может представлять угрозу конфиденциальности для клиентов и компании. Эта угроза может быть как информационной, так и экономической.

Информационная угроза возникает из-за риска утечки конфиденциальной информации о клиентах или компании. Эта утечка может быть непреднамеренной или намеренной, и может причинить серьезный ущерб репутации компании и её клиентам.

Экономическая угроза возникает из-за риска финансового ущерба, который может быть причинен клиентам или компании в результате утечки конфиденциальной информации. Это может включать в себя ущерб от кражи личности, финансовых потерь и репутационного ущерба.

Использование ИИ ассистентов способно усугубить вышеупомянутые угрозы, если компания не предпримет адекватные меры по защите конфиденциальности.

Консалтинговые компании заинтересованы в том, чтобы быть осведомленными о рисках и иметь возможность принимать адекватные меры по защите конфиденциальности, включая обучение персонала, установление политик безопасности и использование технологий безопасности [2, 3].

Основными мерами по защите в области экономической и информационной безопасности в облачных вычислениях являются контроль доступа, предотвращение утечек информации, физическая безопасность и обучение персонала. Основными угрозами связаны с небезопасным использованием облачных вычислений, нарушением конфиденциальности, безопасности и частной жизни. К основным объектам мер по защите следует отнести шифрование данных, анонимность данных, хранение данных и контроль доступа к ним [4].

Мониторинг и аудит являются важными элементами в обеспечении экономической и информационной безопасности в облачных вычислениях. В частности, они позволяют предотвратить включение конфиденциальных данных в цифровую коммуникацию и обеспечить их безопасность. Регулярные мониторинг и аудит журналов событий цифровой коммуникации помогают обнаружить и предотвратить потенциальные угрозы, прежде чем они становятся серьезными проблемами [5].

Реализация перечисленных методов защиты так же известна как анонимизация данных и, наряду с шифрованием и контролем доступа, позволяет предотвратить утечки информации, нарушения конфиденциальности, а также информационной и экономической безопасности [6].

Методы анализа, применяемые к журналу событий цифровой коммуникации, включают в себя обнаружение вторжения, оценку уязвимости, реакцию на инцидент, включающую карантин, удаление, восстановление.

Обнаружение вторжения используется для обнаружения попыток несанкционированного доступа к системе или для предупреждения о них. Этот метод может быть полезен для обнаружения несанкционированного доступа, несанкционированного копирования данных, несанкционированного изменения данных и других действий, представляющих угрозу безопасности.

Обнаружение угрозы применяется для обнаружения наличия уязвимости в информационной системе. Этот метод может быть использован для оценки риска, который может возникнуть в результате наличия уязвимости в системе, и для принятия соответствующих мер по устранению угрозы.

Оценка уязвимости применяется для оценки степени уязвимости системы. Этот метод может быть полезен для оценки степени уязвимости системы и для принятия соответствующих мер по устранению уязвимости.

Реакция на инцидент используется для реагирования на инцидент, который может возникнуть в результате наличия уязвимости в системе. Этот метод включает в себя три этапа: карантин, удаление и восстановление. На этапе карантина происходит ограничение доступа к системам подвергшихся заражению, с целью предотвращения распространения заражения, на этапе удаления – собственно удаление зараженных данных из системы. Этап восстановления подразумевает восстановление системы к состоянию, в котором она была до заражения [7].

Семантический анализ – метод автоматического понимания текста, заключающийся в выделении понятий, упомянутых в тексте, и распознавании семантических отношений между ними.

Интеллектуальный языковой агент – прикладной программный модуль, предоставляющий функции для обработки информации на естественном языке, основным принципом действия которого является использование искусственных нейросетей.

При реализации метода анализа журнала событий цифровой коммуникации, искусственный интеллект, обладающий способностью к обработке естественного языка (NLP) на основе семантического анализа, так же известный как интеллектуальный языковой агент, может быть использован для проведения аудита конфиденциальности бизнес-процессов, в рамках которых работники консалтинговой компании ведут цифровые коммуникации. Такой аудит поможет гарантировать, что работники не разглашают конфиденциальную информацию вне компании. Интеллектуальный языковой агент обладает способностью анализировать цифровые коммуникации, такие как сообщения электронной почты и текстовые и голосовые сообщения в мессенджерах, для идентификации потенциальных нарушений безопасности. Кроме того, агент может предоставлять рекомендации по улучшению политики и процедур безопасности, чтобы предотвратить будущие нарушения.

В области интеллектуального анализа бизнес-процессов [8], метод майнинга процессов (перевод с англ. “process mining”) является одной из реализаций метода семантического анализа. Майнинг процессов фокусируется на анализе бизнес-процессов, используя журналы событий для анализа и обнаружения аномалий с целью последующего улучшения бизнес-процессов.

Один из основных источников информации для майнинга процессов – журналы событий, которые содержат информацию о всех действиях, совершенных в системе. Такие журналы позволяют исследовать процессы, прослеживая их от начала до конца, идентифицируя проблемы и неэффективности, и предлагая решения для их устранения.

Кроме того, майнинг процессов может использоваться для обнаружения и анализа неожиданных или нетипичных ситуаций, которые могут свидетельствовать о недостаточности процесса или необходимости его изменения [9].

В целом, метод майнинга процессов признается полезным инструментом для улучшения бизнес-процессов и эффективности операционной деятельности организации.

В качестве результатов выявления перспектив применения семантического анализа для мониторинга конфиденциальности коммуникаций в консалтинге, можно перечислить:

1. Идентификация конфиденциальной информации: семантический анализ может быть использован для идентификации конфиденциальной информации в цифровых коммуникациях. Реализация может включать в себя технологии, такие как named entity recognition (NER) на базе интеллектуального языкового агента для идентификации имен, адресов и других конфиденциальных данных.

2. Мониторинг цифровых коммуникаций: семантический анализ может быть использован для мониторинга коммуникаций в реальном времени, чтобы предотвратить включение конфиденциальной информации в коммуникацию с неавторизованными лицами.

3. Аудит конфиденциальности: семантический анализ может быть использован для аудита конфиденциальности цифровых коммуникаций, чтобы определить, насколько конфиденциальная информация была защищена в процессе коммуникации.

4. Предупреждение о рисках и рекомендации: семантический анализ может быть использован для предупреждения о рисках, выдачи рекомендаций, связанных с передачей конфиденциальной информации в цифровых коммуникациях.

5. Управление рисками: семантический анализ может быть использован для управления рисками, связанными с передачей конфиденциальной информации в цифровых коммуникациях.

6. Конфиденциальность в консалтинге: семантический анализ может быть использован для обеспечения конфиденциальности в консалтинге, чтобы помочь гарантировать, что конфиденциальная информация клиентов защищена.

7. Защита репутации: семантический анализ может быть использован для защиты репутации консалтинговой компании, способствуя тому, что конфиденциальная информация клиентов будет защищена.

Хотя рассматриваемый метод семантического анализа показал себя многообещающим, необходимы дальнейшие исследования, чтобы полностью понять его эффективность. Несмотря на выявленные перспективы, следует указать на существующие ограничения. Одним из ограничений этого исследования является необходимость учета социально-культурных особенностей среды, в которой работают консалтинговые компании. Кроме того, использование семантического анализа может быть применимо не ко всем типам конфиденциальной информации, а его эффективность может зависеть от конкретной отрасли или контекста, в котором он используется. Несмотря на эти ограничения, результаты этого исследования дают информацию о потенциальных преимуществах и проблемах использования семантического анализа для защиты конфиденциальности цифровых коммуникаций в консалтинге.

На основе изучения методов обеспечения информационной безопасности выявлены перспективы использования семантического анализа для обеспечения конфиденциальности цифровых коммуникаций в консалтинге. В ходе исследования подтверждено, что включение конфиденциальных данных в цифровые коммуникации с третьей стороной, создает значительный риск раскрытия конфиденциальной информации. Однако исследование показало, что семантический анализ может использоваться для выявления и извлечения конфиденциальных данных из таких сообщений, обеспечивая средства мониторинга и обеспечения конфиденциальности данных.

Потенциал семантического анализа как метода защиты от угроз информационной и экономической безопасности заключается в том, что рассматриваемый подход позволяет снизить риск утечки данных и защитить конфиденциальную информацию от раскрытия. Полученные результаты могут лечь в основу рекомендаций по обеспечению информационной и экономической безопасности для консалтинговых фирм и других организаций, которые полагаются на безопасные каналы связи.

Источники:

1. Rameesa K., Veeramanju K. T. Analysis of Software Industry: Natural Language Processing Approach // Scope. 2023. Vol. 13. N. 02.
2. Weidinger L., Mellor J., Rauh M., Griffin C. et al. Ethical and social risks of harm from Language Models. // DeepMind. 2021. URL: <https://arxiv.org/pdf/2112.04359.pdf> (дата обращения: 15.01.2024).
3. Wang T., Rees J., Kannan K. The Association between the Disclosure and the Realization of Information Security Risk Factors // INFORMS. 2013. Vol. 24. N. 2. P. 201–218.

4. Ivković J., Ivković J. L. Conceptual Analysis and Potential Applications of DL NN Transformer and GPT Artificial Intelligence Models for the Transformation and Enhancement of Enterprise Management, EIS/ESS, and Decision Support Integrated Information Systems. // Link It & EdTech International Conference Belgrade, R. Serbia. 2023. URL: https://www.researchgate.net/publication/371286944_Conceptual_Analysis_and_Potential_Applications_of_DL_NN_Transformer_and_GPT_Artificial_Intelligence_Models_for_the_Transformation_and_Enhancement_of_Enterprise_Management_EISESS_and_Decision_Support_I (дата обращения: 15.01.2024).

5. Mather T., Kumaraswamy S., Latif S. Cloud Security and Privacy // O'Reilly Media, Inc. 2009. URL: <https://csit.ust.edu.sd/wp-content/uploads/2018/07/security3.pdf> (дата обращения: 15.01.2024).

6. Kamaruddin R. I. ChatGPT and the Future of Management Consulting: Opportunities and Challenges Ahead // Massachusetts Institute of Technology. – 2023. URL: <https://dspace.mit.edu/bitstream/handle/1721.1/151586/kamaruddin-idris-msms-sloan-2023-thesis.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 15.01.2024).

7. Yanisky-Ravid S., Hallisey S. K. Equality and Privacy by Design: A New Model of Artificial Intelligence Data Transparency via Auditing, Certification, and Safe Harbor Regimes // Fordham Urban Law Journal. 2019. Vol. 46. N. 2

8. Adorno O. A. Business processes changes on the implementation of artificial intelligence. // University of sao paulo. 2019. URL: <https://doi.org/10.11606/D.12.2020.tde-08042021-011316> (дата обращения: 15.01.2024).

9. Van der Aalst, W. M. P. Process Mining: Overview and Opportunities // ACM Transactions on Management Information Systems. Vol. 3. Is. 2. N. 7. P. 1–17, doi: <https://doi.org/10.1145/2229156.2229157>

B. G. Vasilenko (*International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak*)

INFORMATION SECURITY REINFORCEMENT PROSPECTS WITH SEMANTIC ANALYSIS METHOD APPLIED AT CONSULTING

The study summarizes the scientific approaches related to the problem of disclosure of confidential data in digital communications in the context of economic and information security in the field of consulting. The impact of including confidential data in digital communication with a third party is investigated. The prospects of applying semantic analysis for monitoring the confidentiality of communications in consulting to enhance economic and information security are identified.

Information security, economic security, semantic analysis, confidentiality monitoring, communication, consulting, disclosure of confidential data, digital communication

УДК 332.021; 338.246.87

Н. В. Василенко (*Международный банковский институт имени Анатолия Собчака*, e-mail: nvasilenko@mail.ru)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ: ИСТОЧНИК УГРОЗ ИЛИ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК ПРИ ПЕРЕХОДЕ К МНОГОПОЛЯРНОМУ МИРУ

Показано, что дифференциация социально-экономического регионального развития как основа различий в качестве жизни населения соответствует неоллиберальной концепции и в условиях перехода к многополярному миру должна быть заменена ориентацией на достижение баланса между интеграцией и дифференциацией территориальных процессов для обеспечения дальнейшего развития экономики России и повышения качества жизни ее населения.

Социально-экономическая дифференциация, региональное развитие, угрозы, экономическое развитие, многополярный мир

Происходящие геополитические изменения свидетельствуют о появлении новых центров силы в мировой экономике. Объективность заката тридцатилетнего периода однополярности [1], начавшегося после распада СССР и сопровождающегося глобализацией, приводящей к стиранию национальных границ, ослаблению суверенитетов национальных государств и подменой национальных интересов нормами либерализации, подтверждаются различными направлениями исчерпания потенциала экономического развития в прежней парадигме [2, 3]. Одним из таких направлений автор рассматривает усиление дифференциации регионального развития, лежащего в основе социально-экономической дифференциации качества жизни российского населения. Цель данного исследования состояла в определении направлении влияния дифференциации качества жизни населения в российских регионах на дальнейшее социально-экономическое развитие страны.

Дифференциация социально-экономического территориального развития как основа и важнейший фактор дифференциации качества жизни населения – это объективное состояние неоднородности развития экономического пространства [4] жизнедеятельности людей под воздействием факторов «первой» и «второй» природы [5, 6]. Факторы «первой» природы охватывают характеристики территории, не зависящие от деятельности человека. К ним прежде всего следует отнести природно-климатические условия, включающие наличие разного рода ресурсов природы, которые могут быть вовлечены в хозяйственный оборот и быть востребованными для удовлетворения потребностей

населения «натуральным образом» либо могут представлять интерес в качестве товаров на локальных, национальных или международных рынках. К факторам «первой» природы относят также географическое положение территории в аспектах ее расположения относительно других территорий и транспортных путей между ними, что снижает транспортные издержки, облегчает восприятие различных новшеств и облегчает встраивание в международные логистические цепочки.

Естественная обусловленность факторов «первой» природы, с одной стороны, издавна приводила к соперничеству государств между собой за плодородные земли, выход к морю и т. д. С другой стороны, она же и определяет во многом «траекторию предшествующего развития» (path dependence) территорий, связанную с миграционными потоками и расселением населения, а также начальным расположением производительных сил. И здесь речь идет уже о факторах «второй природы».

Факторы «второй» природы социально-экономической региональной дифференциации включают преимущества, сознательно созданные человеческой деятельностью. Прежде всего к ним следует отнести плотность и характер проживания населения, наличие инфраструктуры (производственной, энергетической, транспортной, социальной и т. д.), а также институциональную среду, включающую нормативно-правовую базу на федеральном и региональном уровнях, определяющую статус той или иной территории, стимулы для размещения производительных сил и инновационной активности, развития транспортной и социальной инфраструктуры и т. д.

Сложности взаимодействия между факторами «первой» и «второй» природы для России обусловлены тем, что в настоящее время 89 российских регионов занимают общую площадь более 17 млн км² с разнообразными природными условиями в четырех климатических поясах. При этом 65% территории покрыта вечной мерзлотой, а более 70% земель находятся в зоне рискованного земледелия. Для российских регионов характерно крайне неравномерное расселение. Почти 70% населения проживает в Европейской части Российской Федерации. Проведенные исследования позволяют сделать вывод, что в Российской Федерации большую значимость имеют факторы «первой» природы [9] при возрастании значения факторов «второй» природы прежде всего за счет государственной политики, направленной на формирование «полюсов роста» и «коридоров возможностей» [7].

Объективность дифференциации социально-экономического развития российских под воздействием в совокупности с проблемами, ею создаваемыми, приводит к тому, что в настоящее время существуют различные точки зрения на влияние такой дифференциации на экономическое развитие территорий как основы повышения качества жизни населения. Ряд исследователей фокусируется на негативной оценке данного явления [4, 8 и др.], соотнося его с такими понятиями как «асимметричность», «поляризация», «дивергенция», «фрагментация» [9].

Другие авторы предлагают учесть преимущества дифференциации как варианта разнообразия, дающего дополнительные стимулы к развитию в эволюционном процессе [10 и др.]. Ряд исследований подтверждает, что различия в развитии регионов имеют двойственный характер и в зависимости от уровня социально-экономической дифференциации могут как способствовать, так и противодействовать повышению качества жизни населения [11].

Концептуально это можно объяснить тем, что эволюция любой системы возможна только при наличии различий в составе ее элементов. С позиции эволюционизма в философии дифференциация может быть представлена как дихотомия дифференциации и интеграции [12]. Дифференциация ведет к неоднородности и нарушению связи между элементами в процессах координации и стимулирует изменения, эти нарушения устраняющие. Система эволюционирует для восстановления координации через интеграцию элементов другим образом. Управляя процессом дифференциации системы, можно снимать противоречие между координацией и дифференциацией, то есть эволюцией.

В последние десятилетия управление процессом дифференциации регионального развития осуществлялось в рамках неолиберальной концепции, которая в последние десятилетия получила статус глобальной парадигмы универсального (социально-экономического, культурного и т. д.) развития [13]. Это означает, в частности, ослабление единого центра распределения ресурсов в ходе глобализационных процессов однополярного мира. Государственное невмешательство в экономику и приводит к автономизации политики регионального развития и, как следствие социально-экономической дифференциации качества жизни населения в регионах. Фрагментация социально-экономического пространства по мере распространения принципов конкуренции за ресурсы, необходимые для выживания усиливает неравномерность и асимметрию регионального развития [14, 15]. Самоорганизация местных сообществ также усиливает дифференциацию [16] и ее негативные последствия, такие как рост уязвимости населения в отсутствии достаточной поддержки центра и социальную напряженность [17].

Переход к многополярному миру предполагает активное участие национальных государств и усиление их влияния на внутренние экономические процессы в противовес нормам глобализации и неолиберализма. Вместе с тем неравномерность социально-экономического развития территорий на определенном уровне может создавать своего рода пространственную конкуренцию, способствующую общему развитию [10].

Выход видится в ориентации государственной экономической политики на баланс интеграции и дифференциации социально-экономического регионального развития с учетом целевых уровней качества жизни российского населения. Акцент исключительно на выравнивании условий социально-экономического развития в попытках нивелировать угрозы дифференциации может выступить искусственным ограничением для экономического роста как

основы повышения качества жизни. Углубление дифференциации для заедствия конкурентных механизмов территориального развития приведет к проявлению и усилению всех ее негативных последствий и усилению различий в уровне жизни российского населения. Только баланс между интеграцией и дифференциацией социально-экономического развития российских регионов позволит учесть все противоречивые проявления территориального развития, что соответствует национальным интересам России при переходе к многополярному миру.

Источники

1. Буровский А. М. Мир двухполярный, однополярный, многополярный и бесполярный // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2022. № 1. С. 36–54.
2. Дробинин А. Ю. Образ многополярного мира // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 2 (120). С. 54–62.
3. Старостин А. М. Стратегии глобального влияния и управления в современном многополярном мире // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 4 (155). С. 135–139.
4. Кагарманова А. И. Причины региональной дифференциации в уровне социально-экономического развития // Дневник науки. 2022. № 3 (63).
5. Васильева Л. В., Березина Е. В. Дифференциация социально-экономического развития регионов: истоки, причины, тенденции // Трансформация национальной социально-экономической системы России. М., 2019. С. 118–125.
6. Зубаревич Н. В. Неравенство регионов и крупных городов России: что изменилось в 2010-е годы? // Общественные науки и современность. 2019. № 4. С. 57–70.
7. Авдеева Т. Т., Лаврова Т. Г. Современные тенденции дифференциации социально-экономического развития сельских территорий в региональном пространстве // Modern Economy Success. 2022. № 2. С. 192–200.
8. Богатырева И. А., Криковцова М. Н. Проблемы дифференциации регионов России по уровню социально-экономического развития // Актуальные вопросы функционирования экономики Алтайского края. – 2016. № 8. С. 13–24.
9. Brown W. Undoing the Demos: Neoliberalism's Stealth Revolution. Cambridge, Massachusetts. London: Zone Books, 2015. DOI: 10.2307/j.ctt17kk9p8
10. Глинский В. В., Серга Л. К., Алексеев М. А. Модельное представление регулируемой дифференциации региональных социально-экономических систем // Регионоведение. 2023. Т. 31. № 3 (124). С. 477–497.
11. Глинский В.В., Серга Л.К. Регулируемая дифференциация как механизм устойчивого развития // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 222. С. 297–310.
12. Спенсер Г. Основные начала / пер. с англ. СПб.: Издание Л. Ф. Пантелеева, 1897.

13. Гончарова К. С. Проблема социально-экономической дифференциации пространства в аспекте региональной неолиберальной политики // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2021. № 56. С. 21–36.

14. Adduci M. Neo-Liberalism, Mining and Labour in the Indian State of Odisha: Outlining a Political Economy Analysis // Journal of Contemporary Asia. 2017. DOI:10.1080/00472336.2016.1277252

15. MacLaran A., Kelly S. Neoliberalism: The Rise of a Bad Idea // Neoliberal Urban Policy and the Transformation of the City. London: Palgrave Macmillan, 2014. DOI: https://doi.org/10.1057/9781137377050_1

16. Jessop B. Liberalism, neoliberalism and urban governance: a state-theoretical perspective // Antipode. 2002. Vol. 34 (3). P. 452–472. DOI: 10.1111/1467-8330.00250

17. Brennetot A. The geographical and ethical origins of neoliberalism: The Walter Lippmann Colloquium and the foundations of a new geopolitical order // Political Geography. 2015. Vol. 49. P. 30–39.

N. V. Vasilenko (International Banking Institute named after Anatoly Sobchak)

SOCIO-ECONOMIC REGIONAL DIFFERENTIATION: A SOURCE OF THREATS OR DEVELOPMENT OF NATIONAL ECONOMIES IN THE TRANSITION TO A MULTIPOLAR WORLD

It is shown that the differentiation of social and economic regional development as the basis of differences in the quality of life of the population corresponds to the neoliberal concept and in the conditions of transition to a multipolar world should be replaced by an orientation towards achieving a balance between integration and differentiation of territorial processes to ensure further development of the Russian economy and improve the quality of life of its population.

Socio-economic differentiation, regional development, threats, economic development, multipolar world

УДК 316

О. В. Васина (Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет), e-mail: olgahalliste@mail.ru);

М. Р. Снегур (Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет), e-mail: m@margosnegur.ru)

КОНСТРУИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ: СМЫСЛЫ, ОБРАЗЫ, ЦЕННОСТИ

В статье рассматривается важность актуализации проблемы формирования национальной идентичности современной молодежи, её патриотического воспитания, конструирования в повседневных практиках, сознательно или неосознанно наделаемых национальным контекстом. Особое значение приобретают знания истории и культуры своей страны и своего народа (в том числе и своей семьи), формирование исторической памяти на всех уровнях, через которую прививается чувство гордости и единения со своей страной в самоидентификации молодых россиян.

Национальная идентичность, молодежь, патриотизм, патриотическое воспитание, ценности

Вопросы самоопределения, самоидентификации, национального характера и ценностных ориентаций всегда были чрезвычайно значимы и актуальны для исследования, однако же в последнее время актуализируются в новом свете в ракурсе судьбоносных политических и социально-экономических решений, а также новых общемировых трендов, напрямую относящихся к нашей стране, таких как информационные войны, санкционное давление, изоляционизм в эпоху глобализации, отмена русской культуры и т. д.

В нашей стране, одним из наиболее активных катализаторов, актуализирующих национальную идентичность, стала специальная военная операция на Украине, начавшаяся в феврале 2022 года. Данное событие возобновило не только научные дискуссии о применимости категории «национальной идентичности», но и наполнило медиа пространство сюжетами различной тематики, обуславливающими поиски смыслов индивидуальной национальной идентичности на уровне повседневных практик. «Что значит быть «русским»? «Кто такой «русский»?», «А могу ли я назвать себя русским, если...?» – далеко не полный список вопросов, потревоживших россиян.

Больше всего дискуссий и переживаний на обозначенную тему произошло именно в молодежной среде. Молодые люди с зачастую несформировавшимися политическими ценностями, установками и принципами «тонут» в потоке различных, зачастую противоречивых, мнений и оценочных суждений.

Здесь появляются и новые исследовательские вопросы: «Является ли миграция молодых людей за рубеж отказом от российской идентичности?», «Есть ли связь патриотических и патерналистских настроений и уровнем жизни молодых россиян?», «Какова сегодня ценность российской идентичности в структуре личностной самоидентификации молодежи?», «Каков процент протестных настроений сегодня и какие их проявления актуализируются в молодежной среде» и другие.

Любопытно, что ещё в декабре 2022 года согласно исследованию ВЦИОМ абсолютное большинство (83%) молодых людей в возрасте от 14 до 35 лет определили свою самоидентификацию в первую очередь как граждане РФ [1]. В исследовании подчеркивается, что «гражданская идентичность выступает основой группового самосознания, интегрирует население страны и является залогом стабильности государства. Вместе с гражданской идентичностью происходит и становление патриотической идентичности, которая выражается в любви к Родине, готовности поддерживать, работать во благо своей страны, готовности отстаивать ее интересы. Так, на вопрос «Что для вас быть россиянином?» чаще всего звучали три ответа: быть патриотом, любить страну и гордиться ею (49%), жить в России (18%) и говорить на русском языке» (12%). [2] «Быть патриотом» для россиян – значит, в первую очередь, работать и действовать во благо, для процветания страны (48%), защищать страну от любых нападков и обвинений (38%), и «говорить о своей стране правду, какой бы горькой она не была», «считать себя частью своей страны» (по 32%) и стремиться к изменению положения дел в стране для того, чтобы обеспечить ей достойное будущее (31%) [3].

Результаты социологического исследования, проведенного в Санкт-Петербурге в 2021 году, подчеркивают неоднородность понимания патриотизма и национальной принадлежности внутри самой молодежи. Применение качественного метода социологического исследования (фокусированного группового интервью) позволило выявить существенные различия в смысловом и ценностном наполнении этих понятий среди групп 14–18 лет и 18–35 лет [4]. Так, несовершеннолетняя молодежь часто имеет более абстрактное понимание патриотизма, связываемого с высокими ценностями и нравственным воспитанием, при этом сами себя к патриотам относят редко, так как представляемый идеал кажется слишком недостижимым, а повседневные практики – как не связанные с «абстрактным» понятием. Совершеннолетняя молодежь, напротив, под патриотизмом чаще понимает ежедневные действия, направленные на улучшение условий жизни вокруг: уборка территорий, забота об экологии, помощь близким и т. п. Склонность к идеализации и поверхностная осведомленность о событиях в стране и мире в подростковой среде подтверждается в данном исследовании и в разделе с миграционными настроениями: несовершеннолетние чаще заявляют о желании переехать на постоянное место жительства в другие страны (США, Канада, Швейцария и др.), представление о

которых основано на условиях финансового благополучия и возможностях карьерного роста, что в большей степени сформировано медиа и социальными сетями. В свою очередь совершеннолетняя молодежь рассматривает возможность переезда только в случае невозможности продолжения жизни в России по каким-либо причинам, подчеркивая возможности и перспективы развития в нашей стране. Результаты данного исследования подчеркивают значимость эффективной работы с российской молодежью, направленной на информирование и повышение осведомленности о происходящих в мире событиях, а также на демонстрацию богатого культурного, исторического наследия в совокупности с активным технологическим развитием как основы формирования гражданской идентичности и чувство патриотизма.

Приведенные результаты дают некоторое представление о глубинных социально-политических переживаниях молодых россиян, их социальном самочувствии, уровне их гражданской политической культуры, чрезвычайно значимое для формирования направления государственной политики в области работы с молодежью. Патриотизм является базовым элементом менталитета русского человека, и молодежь здесь не исключение. Здесь же стоит отметить и введение в вузах нашей страны нового курса «Основы российской государственности», имеющего своей целью просвещение студенческой молодежи, приобщение к великой русской культуре и истории, формирование некоего чувства единения и гордости за свою страну. Так же, на наш взгляд, данный курс примечателен тем, что прививает гордость за свою страну и патриотические чувства на глубинном уровне без насаждения сверху, без открытой пропаганды, которая, как известно, встречает лишь сопротивление и отторжение у молодых людей. Так, согласно исследованиям, молодежь 18–24 лет в большей степени чем другие возрастные группы воспринимает любовь к своей стране как знание ее культуры и истории (18%) и как вклад в ее развитие (16%) [3]. Так, 65% россиян полагают, что человек, не знающий истории своей страны, не может называться патриотом [5]. Также примечательно, что согласно данным социологических исследований 62% россиян декларируют, что стали больше гордиться Россией за последний год [6].

Российская молодежь в возрасте от 18 до 35 лет представляет собой социально-демографическую группу, которая наиболее активно подвергается влиянию двух противоречивых трендов. С одной стороны, эта возрастная когорта росла в период распространения компьютерных технологий, импорта продуктов зарубежного массового искусства, развития широких возможностей различных стажировок, обменов и программ академической мобильности и т. д., иными словами – под воздействием процесса глобализации. С другой стороны, укрепление национальной безопасности и понимание молодежи как будущего страны обуславливает активные государственные меры по укреплению национального самосознания, патриотического воспитания посредством различных социальных институтов, влияя на повседневные практики населения, в т. ч. и в цифровом пространстве.

Важным аспектом в проблеме конструирования национальной идентичности являются трудности в определении данной категории как в научном и правовом, так и, как следствие, в общественном дискурсе. Если национальная идентичность подразумевает в большей степени гражданскую идентичность, то в нее также включаются компоненты этнической идентичности в виде использования традиций, общих ценностей, «духа» как базиса национальной идентичности. Иными словами, данная категория размывается и дополняется новыми смыслами. Одним из таких смыслов является отождествление национальной идентичности с патриотизмом и создание определенного политического образа того, кто претендует на сопричастность с нацией. Так, политические практики срастаются с пониманием национальной идентичности, становятся маркерами «свой» – «чужой», «друг» – «враг» и т. п. Формируются определенные идеальные типы, несоответствие которым по какому-либо одному признаку становится основанием для исключения из группы.

Таким образом, репрезентация национальной идентичности предполагает необходимость соответствия образов, смыслов и ценностей, отражающих национальную идентичность. В этом случае маркерами национальной идентичности становятся повседневные практики, которые изначально могут не предполагать национального контекста, но ими наделяются. Так, поддержка и прослушивание музыки исполнителей, уехавших из России после начала СВО; просмотр зарубежных фильмов, заблокированных на территории РФ; использование социальных сетей, запрещенных на территории РФ; чтение определенных книг и т. д. может быть интерпретировано как отказ от национальной идентичности. Молодые россияне, которые наиболее активно включены в социальную жизнь, могут испытывать трудности в определении и интерпретации смыслов, создавать новые образы, что препятствует конструктивному диалогу молодежи и государственных институтов, низкой эффективности национальной политике в сфере укрепления традиционных ценностей и способствовать утечке мозгов и миграционным настроениям молодежи в целом, что имеет значительные негативные долгосрочные социально-экономические последствия.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, отметим важность актуализации национальной идентичности в общественном российском дискурсе, что позволит выявить наиболее острые проблемы конструирования национальной идентичности российской молодежи. При этом, особенно актуальным представляется глубокое социологическое исследование данного процесса с разных аспектов и разработка мер патриотического воспитания, соответствующих запросам современным молодым людям. В силу влияния различных факторов на сегодняшний день определенная часть форматов патриотического воспитания представляется требующей актуализации для достижения эффективного результата, так как опирается на устаревшие научные данные. В этой связи изучение данной проблемы на основе комбинированной методологии представляется перспективной исследовательской задачей.

Источники:

1. Ценности молодежи. 14.12.2022 [Электр. ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi>. (дата обращения: 15.01.2024).
2. Большинство опрошенных социологами в РФ считают себя россиянами [Электр. ресурс] // Ведомости. 04 сентября 2023. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/09/04/993242-sotsiologi-bolshinstvo-respondentov-v-rf-nazivayut-sebya-rossiyanami>. (дата обращения: 15.01.2024).
3. Патриотизм: мониторинг. 11.04.2023 [Электр. ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-monitoring>. (дата обращения: 12.01.2024).
4. Снегур М. Р., Войник А. А. Формирование перформативной национальной идентичности молодых россиян в политических практиках // *Society and Security Insights*. 2022. №4. С. 137–154.
5. Патриотизм и патриоты. 09.06.2023 [Электр. ресурс]. Режим доступа: <https://fom.ru/TSennosti/14882>. (дата обращения: 14.01.2024).
6. Гордость России. 22.03.2023 [Электр. ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gordost-rossii>. (дата обращения: 15.01.2024).

O. V. Vasina (St. Petersburg State Institute of Technology (Technical University));
M. R. Snegur (St. Petersburg State Institute of Technology (Technical University))

**CONSTRUCTING THE NATIONAL IDENTITY OF YOUTH:
MEANINGS, IMAGES, VALUES**

The article considers the importance of actualizing the problem of the formation of national identity of modern youth, its patriotic education, the construction of everyday practices, consciously or unconsciously endowed with a national context. Of particular importance is the knowledge of the history and culture of one's country and one's people (including one's family), the formation of historical memory at all levels, through which a sense of pride and unity with one's country is instilled in the self-identification of young Russians.

National identity, youth, patriotism, patriotic education, values

УДК 94

М. С. Волынцев (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: maximvolintsev@gmail.com)

**«СОЛНЦЕ СВОБОДЫ ЗАКАТИЛОСЬ»:
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. Ф. КЕРЕНСКОГО В СЕНТЯБРЕ-ОКТАБРЕ 1917 г.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ)**

В статье рассматривается освещение петроградской периодической печатью государственной и политической деятельности А. Ф. Керенского в последние месяцы существования Временного правительства. Спад активности в деятельности министра-председателя, обусловленный рядом причин, нашел свое отражение на страницах столичной прессы. Особое внимание уделено пропагандистской кампании против Керенского, развернувшейся в ряде изданий, как элементу десакрализации образа «вождя революции» и деконструкции его культа.

Временное правительство, Керенский, Петроград, периодическая печать, газеты, пресса

В сентябре-октябре 1917 г. государственная деятельность А. Ф. Керенского переживала настоящий паралич. В Зимнем дворце царила атмосфера недолговечности [1, С. 302]. Сам Керенский, по воспоминаниям современников, осенью 1917 г. начал проявлять несвойственные ему ранее неторопливость и вялость, откладывал решение срочных вопросов, часто менял свое мнение [2, С. 158]. Вопрос о власти, обострившийся из-за выступления генерала Л. Г. Корнилова, не разрешался до самого конца сентября. Развалившееся в результате корниловщины второе коалиционное правительство было заменено Директорией – Советом пяти, в который вошли Керенский, назначенные им министрами военным и морским А. И. Верховский и Д. Н. Вердеревский соответственно, министр иностранных дел М. И. Терещенко и министр почт и телеграфов А. М. Никитин. «Русская воля» полагала, что Директория просуществует два-три дня до формирования нового кабинета, и приводила разные мнения насчет самой Директории – некоторые считали, что её учреждение встретит противодействие социалистов. «Однако, и они, и широкие круги общественности в будущем примирятся с ней и поддержат её», – заключала газета [3, С. 3].

Прошел почти месяц с момента развала предыдущего правительства, а новое все еще не было сформировано. Демократическое совещание разъехалось, так и не решив главной из поставленных перед ним задач – привлечения в состав нового правительства кадетов. «Стране надоели вечная погоня за министрами и шатание политики» [4, С. 1], и в итоге Керенский решил сформировать власть собственноручно. Образованное 25 сентября III коалиционное правительство было довольно

холодно встречено народом в условиях полного упадка общественного настроения [5, С. 4]. «Коалиция осуществилась, но остановит ли она неуклонное падение», – пессимистично вопрошала кадетская «Речь» [6, С. 1].

Постепенно центр активности Керенского переместился в образованный по итогам Демократического совещания Предпарламент. Выступления премьера там стали довольно частыми. На открытии Предпарламента 7 октября под шумные аплодисменты Керенский говорил о необходимости возрождения армии, обороны страны. Полное одобрение всего зала вызвали слова о том, что Петроградский Совет поможет довести страну до Учредительного собрания, которое «ни при каких условиях не может быть отсрочено». За позор и несчастья, переживаемые армией, Керенский возлагал вину на невежество, доставшееся от старой власти, и безудержную агитацию и пропаганду. Говоря о внутренней жизни, Керенский описывал анархию, падение производства и угрозу голода. Как он отмечал, «ни одно правительство не управляет в столь тяжких условиях, как мы» [7, С. 2].

Рисуя в своей речи на втором заседании ужасающую картину положения на фронте, Керенский, тем не менее, не находил его безвыходным [8, С. 3]. Пытаясь хоть как-то сгладить ужасающее впечатление от падения Риги и Моонзундского архипелага, Керенский заявлял, что положение на фронте значительно улучшилось, а вопрос о сдаче Петрограда даже не поднимался [9, С.2]. Очевидно, этот вопрос с особой остротой встал в начале октября, когда правительство собиралось эвакуироваться в Москву, однако, вскоре отказалось от своих планов, – в том числе для того, чтобы не давать почву для слухов о подготовке сдачи столицы.

На практике не предпринималось никаких действенных мер по укреплению власти правительства, не выдвигались новые идеи. Страна медленно, но верно сползала к большевизму, и Керенский не мог ничего с этим поделать. Он стремительно терял популярность. Как отмечал В. П. Булдаков, ее падение происходило по тем же лекалам, что и десакрализация власти Николая II. Ненависть к Керенскому нарастала и слева, и справа [10, С. 398]. «Счастливая звезда Керенского долго, изумительно долго сияла на нашем горизонте. Теперь, закатываясь, она блеснит последним блеском. И в меркнущих лучах мы прочитываем последние слова самооправдания», – подводила безрадостный итог амфитеатровская «Вольность» [11, С.1].

Этому в немалой степени способствовала развернувшаяся осенью кампания по дискредитации премьера в правой и большевистской прессе. Удивительно сошедшиеся в едином антидемократическом порыве контрреволюционеры и радикальные революционеры не считали зазорным совершать выпады даже против семьи Керенского, его быта, жизни и происхождения [12, С. 1]. Как писала проправительственная «Народная правда», «погромщик из «Рабочего пути» лает, погромщик из «Народного трибуна» подхватывает» [13, С. 1]. Особенно примечательна в этом плане черносотенная «Гроза». Керенский, по её словам, «не захотел лишиться удовольствия жить в занимаемых им царских

палатах», и именно потому решил сопротивляться Корнилову [14, С. 2]. С течением времени характеристики становились все жестче: от «рантье» и «адвоката» в июле [15, С. 2], до «еврейчика», за которого народ не согласится «пожертвовать и ломаным грошом» в октябре [16, С. 1]. В. М. Пуришкевич в «Народном трибуне» распространял ходившие по городу слухи: «Керенский, занялся, наконец, достойным делом» – приступил к раздаче наградных за умирение большевиков 3-5 июля. Как утверждал автор, «дают по 100 рублей на человека» [17, С. 2]. «Собачьим лаем жидоеда Пуришкевича» назвала подобную клевету «Народная правда» [13, С. 1]. Как указывал Б. И. Колоницкий, образ самозванца, незаконно проживающего в царском дворце, активно использовала в дискредитирующей Керенского пропаганде как правая, так и левая печать [18, С. 855].

К осуждению и критике премьера присоединились и издания, не изъяслявшие радикальных настроений. «Живое слово», в частности, писала: «Много путаницы и бестолочи внес выдвинутый революционными волнами Керенский. <...>. Малоопытный, истеричный, словоохотливый присяжный поверенный, выросший на партийных дрожжах утопизма, запутался в партийных и германских сетях. <...>. Зигзаги маленького честолюбца привели к поражениям, разрухе, предательству и отдаче на потеху большевикам Корнилова» [19, С. 1]. «Министром юстиции он способствовал краху закона; похваляясь скорым разгромом корниловщины, ничего не сделал для предотвращения большевизма» [11, С. 1], – писала «Вольность» незадолго до Октябрьской революции. «Патриот» отмечала посредственность адвокатских способностей Керенского, его «любовь к дворцам», «актерскую физию». «Не пристало первому русскому министру заигрывать и вилять хвостом перед большевиками». «Я – солдат, – заключал автор, – и мне стыдно иметь такого министра» [20, С. 3].

Интриговал против Керенского и Савинков, отошедший от него в дни корниловщины. Он распускал слухи, что министр-председатель вел переговоры с мятежным генералом за спиной правительства и втайне от народа [21, С. 1]. Эту тему подхватила большевистская газета «Рабочий путь», практически в каждом номере разоблачавшая корниловско-керенский заговор, обвинявшая Керенского в контрреволюционном сговоре с целью установления диктатуры [22, С. 1]. Разумеется, подобных пересуды падали на благодатную почву. За день до большевистского переворота отмечалось усиление погромной антисемитской агитации, особенно в хвостах. Происходили резкие нападки на Временное правительство, евреев и особенно Керенского [23, С. 3]. Как писала «Народное слово», «Клеветой на Керенского полна улица. Так жалкая и подлая улица, которая еще так недавно рукоплескала Керенскому как вождю и возносила его на пьедестал как какого-то полубога. Сегодня она готова стереть его с лица земли, и она бы сделала это, если бы не была так труслива, так низменна, так жалка она, эта улица, эта подлая бездушная чернь» [24, С. 1].

Правительство пыталось вести борьбу с подобными эксцессами. По его постановлению за призывы к восстанию против законной государственной власти и

требования государственного переворота путем установления диктатуры были закрыты «Новая Русь», «Живое слово», «Солдат» и «Рабочий путь». Для умиротворения крестьянства и перехвата большевистской повестки правительство даже собиралось, как сообщала «Деревня», принять закон о передаче земли в ведение земельных комитетов [25, С. 2]. Впрочем, было уже поздно.

Осенью 1917 г. разруха стала принимать угрожающие масштабы. Стачечный комитет всерьез ставил под сомнение возможность предоставления премьеру и военному министру поезда для поездки на фронт [26, С. 2]. Нарастала погромная анархия, по этому поводу Керенский даже имел особое совещание с министром торговли и промышленности А. И. Коноваловым [27, С. 2]. В газетах публиковались обширные списки закрытых из-за тяжелого экономического положения заводов, фабрик и шахт [28, С. 13]. Посевные площади сократились на половину, вероятность голода стала вполне реальной. «Труд и воля» видела средство спасения в наведении порядка жесткой рукой. Она призывала: «Керенский, задуши бунт и оторви тем голову Голоду!» [29, С. 1]. Аналогичных мер ожидала «Молодая республика» в борьбе с «внутренними врагами» – прежде всего желавшими отделиться национальными окраинами. Помимо всего прочего, газета требовала русификации непокорных областей [30, С. 1]. «Новое слово», рисуя ужасающие картины анархии в стране, отвечала на собственный вопрос «Что же будет дальше?» одним словом – «безумие» [31, С. 1]. «Новая Русь», выходявшая вместо закрытой за корниловскую агитацию «Руси», приводила примечательный факт: некий поручик М-в в 2 часа ночи поехал в Зимний дворец искать адъютанта Керенского, а нашел его самого в постели с книгой в руках. «Неужели так всегда охраняется глава Временного правительства?», – восклицала газета [32, С. 1]. Керенский и сам признавал, его охрана была несовершенна [33, С. 83]. Впрочем, есть основания не доверять этой истории – осенью министр-председатель в Совете республики заявлял, что «сам Бог велит ей [«Новой Руси»] извращать истину» [9, С. 2].

Осенью 1917 г. Россия находилась в глубоком кризисе. Переживали упадок и крупнейшие российские партии. Раскололись эсеры, все дальше друг от друга отдалялись группы меньшевиков, утрачивали популярность оборонческие и непредрешенческие лозунги энесов и радикал-демократов. Как писала «Маленькая искра», «9 месяцев союза с буржуазией в правительстве привели к тому, что рабочие разуверились в демократии» [34, С. 1]. Временное правительство оказалось лицом к лицу с угрозой неминуемого большевистского восстания, но не имело ни силы, ни воли для его предотвращения. «Революционный полдень миновал, солнце свободы закатилось» [35, С. 1].

Петроградская пресса осенью 1917 г. продолжала следить за деятельностью министра-председателя Временного правительства, но, поскольку деятельность эта становилась все менее и менее активной, сообщения печати содержали теперь в основном скупые строки об очередном совещании правительства с участием Керенского, о докладах ему министров, о выездах в Ставку. Непродолжительный всплеск активности, связанный с участием в работе

Демократического совещания и последующими выступлениями в Предпарламенте, освещался далеко не так подробно, как недавнее Московское совещание. Речь премьера на открытии Демократического совещания не была встречена с той бурей восторга, которой его выступления сопровождалась ранее, и, более того, постоянно прерывалась восклицаниями с мест [36, С. 1]. Прочие речи Керенского уже не удостаиваются массы лестных эпитетов и похвальных оценок, подобных тем, которыми пресса весной-летом так щедро одаривала его выступления. Затухающая деятельность Керенского вызывала в печати не так много интереса – страницы полнились сообщениями о хаосе в деревне, об очередях в столице, о нехватке продовольствия и иных проблемах со снабжением. В условиях нарастания беспорядка и с учетом угрозы приближающегося голода оппозиционные и враждебные Керенскому издания получили прекрасную возможность подвергать его полномасштабной критике, направляя в его сторону инвективы не всегда цензурного характера. Хотя значительная часть прессы старалась подвергать деятельность правительства и премьера конструктивной критике, указывая на ошибки и возможные пути их исправления, маргинальные издания вроде «Грозы» и «Народного трибуна» действовали исключительно разрушительно, стремясь уничтожить любые предпосылки к восстановлению авторитета и власти Временного правительства.

Источники:

1. Abraham R. Alexander Kerensky: The First Love of the Revolution. New York: Columbia University Press. 1987.
2. Иоффе Г. З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М.: Наука, 1995.
3. Русская воля. 1917. 2 сент. № 209.
4. Пролетарский призыв. 1917. 7 сент. № 3.
5. Общее дело. 1917. 27 сент. № 2.
6. Речь. 1917. 26 сент. № 226 (3968).
7. Народная правда. 1917. 8 окт. № 6.
8. Вольность. 1917. 11 окт. № 2.
9. Народная правда. 1917. 14 окт. № 11.
10. Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
11. Вольность. 1917. 12 окт. № 3.
12. Дело народа. 1917. 22 нояб. № 216.
13. Народная правда. 1917. 20 окт. № 16.
14. Гроза. 1917. 27 авг. № 907.
15. Гроза. 1917. 9 июля. № 903.
16. Гроза. 1917. 22 окт. № 914.
17. Народный трибун. 1917. 19 окт. № 37.

18. Колоницкий Б. И. Образы А. Ф. Керенского и политическая борьба в 1917 году (на примере газет А. А. Суворина // *Historia Provinciae* – Журнал региональной истории. 2020. Т.4. № 3. С. 834 – 883.
19. Живое слово. 1917. 7 окт. № 109.
20. Патриот. 1917. Окт. № 1.
21. Земля и воля. 1917. 14 сент. № 142.
22. Рабочий путь. 1917. 15 окт. № 37.
23. Народ. 1917. 24 окт. № 7.
24. Народное слово. 1917. 13 сент. № 84.
25. Деревня. 1917. 26 нояб. № 1.
26. Общее дело. 1917. 26 сент. № 1.
27. Народная правда. 1917. 5 окт. № 3.
28. Финансовая газета. 1917. 4 окт. № 482.
29. Труд и воля. 1917. 5 окт. № 122.
30. Молодая республика. 1917. 6 окт. № 1.
31. Новое слово. 1917, 6 сент. № 1.
32. Новая Русь. 1917. 27 авг. № 1.
33. Керенский А. Ф. Потерянная Россия. М.: ПРОЗАиК, 2014.
34. Маленькая искра. 1917. 10 нояб. № 1.
35. Последние новости. 1917. 27 дек. № 1.
36. Новое время. 1917. 15 сент. № 14872.

M. S. Volintsev (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

**“THE SUN OF FREEDOM HAS SET”:
ACTIVITIES OF A. F. KERENSKY IN SEPTEMBER-OCTOBER 1917
(BASED ON MATERIALS OF PERIODICAL PRESS)**

The paper examines the coverage of the state and political activities of A. F. Kerensky in the last months of the existence of the Provisional Government by the Petrograd periodical press. The decline in the minister-chairman activity, due to a number of reasons, was reflected in the pages of the capital's press. Particular attention is paid to the propaganda campaign against Kerensky, which unfolded in a number of publications, as an element of desacralization of the image of the “leader of the revolution” and deconstruction of his cult.

Provisional Government, Kerensky, Petrograd, periodicals, newspapers, press

УДК 141.1

С. Г. Выборнова (Тверской государственный университет «ТвГУ», e-mail: svetvibornova@gmail.com)

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ДЕГЛОБАЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕКА

Глобализация и деглобализация рассматриваются как взаимосвязанные процессы, необходимые для эволюции системы цивилизации и человека. Показано, что эволюционные механизмы действуют одинаково, независимо от масштаба рассматриваемой системы. Подчеркивается важность баланса обоих процессов для эволюции.

Глобализация, деглобализация, эволюция, целостность, система

Глобальные процессы являются одной из характеристик современной цивилизации. Начиная с середины прошлого века политологи, экономисты и политики говорят о формировании монополярного мира, называя происходящее глобализацией.

Однако, конец первого десятилетия XXI в., с его мировым финансовым, а затем и общеэкономическим кризисом, имевшим политические и социальные последствия, стал отправной точкой генезиса глубокого скепсиса в отношении полезности и постоянства процесса глобализации, которое наблюдалась в течение нескольких десятилетий. Последствием этого скепсиса стало появление и укрепление нового видения мировой реальности, противоположного дискурсу глобализации [1].

На данный момент существуют разные оценки того и другого явления. Мы в этой работе хотим подчеркнуть важность обоих процессов в контексте эволюции как отдельно взятого человека, так и человеческой цивилизации в целом.

Под глобализацией принято понимать объективно-исторический процесс формирования планетарных структур, связей и отношений в различных сферах общественной жизни. Глобализация выступает как явление, характеризующееся территориальной замкнутостью, единым мировым хозяйством, экологической взаимозависимостью, глобальными коммуникациями, разрушением информационных и территориальных границ. По мнению исследователей, глобализация в своем развитии может иметь периоды подъема и стагнации в отдельно взятых сферах общественной жизни, сохраняя направление результирующего вектора сложения трендов вышеупомянутых областей, указывающего на возрастающую динамику глобальных общественных процессов [2].

Охватывая многие стороны жизнедеятельности мирового сообщества, глобализационные процессы породили тренд государств, наций и этносов к сохранению своей идентичности, обеспечению собственной безопасности и

суверенитета. Этот тренд, получивший дополнительные стимулы для развития в виде пандемии коронавирусной инфекции; политического и экономического кризиса, переживаемого США накануне президентских выборов, побудил многих исследователей заявить о вступлении мирового сообщества в период деглобализации [3].

Термин «деглобализация» обозначает противоположно направленный глобализации процесс, который можно определить, как «комплекс процессов, свидетельствующих о снижении уровня международной связи между хозяйствующими субъектами на всех уровнях и в разных сферах общественной жизни».

Глобализацию и деглобализацию таким образом можно описать как динамично взаимосвязанные процессы – социальные механизмы, регулирующие баланс цивилизации.

Генезис пульсации процессов глобализации – деглобализации на наш взгляд можно понять при философском рассмотрении развития человечества. В этом контексте глобальное и локальное интерпретируются как закономерные процессы эволюции цивилизации.

Термин эволюция (от лат. Evolution – развертывание) первоначально использовался в теории эволюции Ч. Дарвина, обозначая необратимый во времени процесс изменения (трансформации) живых систем, объединяющий процессы индивидуального (онтогенез) и исторического (филогенез) развития организмов (Биологический энциклопедический словарь, 1989).

В настоящее время этот термин используется более широко и рассматривается как синоним слову развитие. Под развитием понимается направленное, закономерное изменение, в результате которого возникает новое качественное состояние объекта, его состава или структуры [4].

Понятие «эволюция» предполагает возможность как прогрессивных, так и регрессивных изменений. Однако, в настоящее время большинство современных ученых под эволюцией понимают изменения в сторону прогресса, который можно определить с позиции системного подхода как усложнение системы, которое, в свою очередь, определяется через возрастание уровня ее организации.

Согласно современным эволюционным учениям Вселенная рассматривается как единая саморазвивающаяся система, а эволюция – как глобальный процесс, характерный для всего существующего, который подчиняется основным диалектическим законам. Так, в эволюционном процессе различают преемственность ступеней развития, единство прогресса и регресса, переход количественных изменений в качественные. Процессы эволюции можно наблюдать на объектах или явлениях разного масштаба и уровня сложности [5].

Согласно философскому учению Г. В. Гегеля любое развитие развертывается через категории Тезис-Антитезис-Синтез. Это означает, что для эволюции,

характеризующейся появлением новых качеств системы, необходима взаимосвязь диалектически противоположных процессов. В этом контексте явления глобализации и деглобализации являются необходимыми факторами прогресса.

Мы разделяем позицию профессора, основателя холизма Яна Смэтса понимания эволюции систем как «увеличения степени ее целостности. Я. Смэтс писал: «Эволюция – это последовательное усложнение частей или взаимодействующих элементов, с одновременным усилением связывающего их единства. Целостность характеризует процесс эволюции в возрастающей степени. Процесс этот непрерывен, старые целостности, становятся элементами новых, более совершенных...» [6, С. 27–30].

Цивилизация в целом, являясь сложной системой функционирует в колебательном режиме, позволяющем замедлять процессы и восстанавливать общий темп развития подсистем в процессе повышения степени целостности. Рассмотренные в этом аспекте глобализация-деглобализация выступают как социальные регулятивы сохранения энергетического баланса цивилизации. Глобализация представляет собой культурный ответ на распад, кризис, раздробление цивилизации. Деглобализация в свою очередь является ответом на унификацию, усреднение, объединение цивилизации под эгидой доминирующего сообщества [7].

В направлении исследования процессов глобализации и деглобализации в более широкой трактовке терминов, автора в первую очередь интересует аспект эволюции человека, как единицы общества.

В контексте эволюции, мы рассматриваем человека как целостность или сложную самоорганизующуюся систему, которая состоит из подсистем и элементов: «Наше представление человека как живой, открытой, сложной, многотиповой самоорганизующейся системы, обладающей способностью поддерживать себя в состоянии динамического равновесия и генерировать новые структуры и новые формы организации, является новым категориальным осмыслением традиционных холистических подходов в теологии и философии» [8].

По мнению ряда экспертов, в основе деглобализационных процессов лежит глубокое противоречие между материальным и духовным началом человека, которое на цивилизационном уровне обуславливает эволюционные процессы за счет колебания тенденций. Так, прослеживая историческую ретроспективу мы видим, что стремление к обогащению, т.е. превалирование материального начала, приводило к захвату новых территорий, рынков, материальных ценностей, обеспечивающих процветание группы людей. Повышение материального достатка обуславливало рост технического потенциала, материальное превосходство одного сообщества над другими провоцировало столкновение их интересов и войну. Войны нарушали баланс системы мирового сообщества, что запускало деглобализационный процесс распада империй на мелкие государства [7].

Если рассмотреть эволюционное развитие отдельно взятого человека, то будучи уникальным индивидом, по мере социализации, субъект попадает в некий «коридор нормы» правильного, воспитанного поведения, теряя зачастую контакт со своим индивидуальным. В этом контексте, ценность процесса деглобализации состоявшейся, зрелой личности, состоит в возможности различения в себе уникального Я и дальнейшего развития духовного начала, для обретения баланса между материальным, «выживательным» трендом и духовным трендом саморазвития.

При достижении баланса материального и духовного развития, которое в контексте эволюции человека представляет собой доминирование духовного над материальным, процессы деглобализации сменяются на глобализационный тренд как на индивидуальном, так и на общечеловеческом, что обеспечивает оптимальную скорость развития и процветание цивилизации. Создание благоприятных условий для достижения равновесия, таким образом, является залогом благополучия отдельно взятого человека и процветания цивилизации.

Источники:

1. Шмидт С. Ф. Деглобализация и ресуверенизация: двойной мегатренд 2010-х // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2018. №. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deglobalizatsiya-i-resuverenizatsiya-dvoynoy-megatrend-2010-h> (дата обращения: 16.01.2024).
2. Чумаков А. Н. Глобализация или деглобализация? // Век глобализации. 2023. №3 (47). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-ili-deglobalizatsiya> (дата обращения: 15.01.2024).
3. Говердовская Е. В., Попов М. Ю., Абдулаева Э. С. Глобализация и тенденции деглобализации мирового сообщества в условиях системного кризиса // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-i-tendentsii-deglobalizatsii-mirovogo-soobshchestva-v-usloviyah-sistemnogo-krizisa> (дата обращения: 15.01.2024).
4. Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2009. 568, [1] с.
5. Ильин А. А., Кожевников Н. Н. Философский анализ основных аспектов эволюции // Вестник СВФУ. 2005. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskiy-analiz-osnovnyh-aspektov-evolyutsii> (дата обращения: 19.09.2023).
6. Smuts J. C. Holism And Evolution = Холизмэволюция – Macmillan : Macmillan, 1926. 384 p.
7. Коробейникова Л. А. Философские аспекты глобализации // Известия ТПУ. 2003. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskie-aspekty-globalizatsii> (дата обращения: 15.01.2024).
8. Козлов В. В. Психология кризиса. М.: Институт консультирования и системных решений, 2014. 528 с.

S. G. Vybornova (Tver State University "TvSU")

***PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF DE GLOBALIZATION IN
THE CONTEXT OF HUMAN EVOLUTION***

Globalization and globalizatiion are considered as interrelated processes necessary for the evolution of the system of civilization and man. It is shown that the evolutionary mechanisms act in the same way, regardless of the scale of the system under consideration. The importance of balancing both processes for evolution is emphasized.

Globalization, globalizatiion, evolution, integrity, system

УДК 316.77:659

В. Н. Гаркуша (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: vngarkusha3@gmail.com)

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕЙРОСЕТЕЙ СПЕЦИАЛИСТОМ ПО КОММУНИКАЦИЯМ

В статье рассматривается современное развитие искусственного интеллекта и нейросетей, развитие понятий цифровая цивилизация и цифровое общество. Описываются основные виды и типы нейросетей, находящиеся в арсенале современного коммуникатора. Представлены проблемы и вопросы соотношения умственного и творческого труда и ИИ, проблемы рынка труда из-за нейросетей и появление новых коммуникативных профессий.

Цифровая цивилизация, цифровое общество, цифровое мышление, цифровая культура, цифровое образование, искусственный интеллект, нейросети, био- и нейротехнологии

В настоящее время в мире продолжается глобальная цифровизация общества. В образовательной среде продолжается активное обсуждение понятий цифровое общество, цифровое образование, цифровая культура и аналогичных [1]. Рассмотрим их во взаимосвязи со специальностью «Реклама и связи с общественностью».

Прошедший 2023 год можно назвать прорывом в сфере искусственного интеллекта (ИИ) и нейросетей. В это время сотни миллионов пользователей по всему миру использовали ИИ для повседневных дел, решения сложных задач и генерации нового контента. Было создано более тысячи чат-ботов и генеративных нейросетей, таких как ChatGPT, Midjourney, Elevenlabs и другие. Рассмотрим основные нейросети, которые сейчас используются профессиональными коммуникаторами.

Нейросети для генерации текста.

ChatGPT. Знаменитый чат-бот от OpenAI с искусственным интеллектом, который может поддерживать диалог, в том числе на русском языке, писать статьи, сочинять стихи, отвечать на вопросы, давать советы и даже спорить. Его ответы можно корректировать с помощью наводящих вопросов. Ещё нейросеть умеет генерировать сценарии, например создавать новые эпизоды для сериалов или игры по мотивам фильмов. Переводить текст с одного языка на другой [2].

YandexGPT. Российский ответ ChatGPT. Нейросеть от «Яндекса», которая работает прямо на главной странице поисковика. Может генерировать тексты на заданные темы на разных языках, создавать описания продуктов и

услуг, общаться с пользователями, искать информацию в интернете, переводить тексты и многое другое.

Hypotenuse AI. Это онлайн-сервис для создания статей и маркетинговых материалов на основе нескольких ключевых слов. Hypotenuse AI пишет рекламные тексты, посты в социальных сетях, слоганы и заголовки, описания продуктов по фотографиям. Ещё она генерирует записи в блогах и создаёт изображения по описаниям.

Katib. Нейросеть, которая с помощью ИИ создаёт статьи в блогах, сообщения в социальных сетях, описания товаров и другие виды контента. Она предоставляет советы по улучшению структуры и исправлению орфографических ошибок в тексте, даёт рекомендации по SEO.

Rytr. Нейросеть, которая создаёт текст на основе заданных параметров. Онлайн-сервис предлагает несколько вариантов генерации с разным стилем: тексты для блога, презентации, сопроводительные письма, контент для соцсетей, статьи в формате «вопрос – ответ» и многое другое.

Нейросети для генерации изображений

Midjourney. Самая популярная сеть для генерации картинок. Умеет рисовать не только по тексту, но и на основе пользовательских картинок. Можно указать и стиль иллюстрации – например, аниме, киберпанк или реализм [2].

Kandinsky 2.2 Нейросеть от «Сбера» для генерации изображений по тексту. Нейросеть может изменять или дорисовывать объекты изображений или их элементы, генерировать картинки на основе двух фото, создавать варианты загруженных изображений, изменять стиль одной картинки на основе другой.

Flair. Сервис для генерации контента для брендов. Можно создавать изображения товара для рекламы, сайтов, соцсетей или карточек на маркетплейсах.

Looka. Генератор логотипов на базе искусственного интеллекта. Онлайн-сервис предназначен для предпринимателей, владельцев малого бизнеса и небольших компаний, которые хотят сэкономить на услугах дизайнеров.

Нейросети для работы с аудио

MacWhisper. Мощная программа для преобразования аудио в текст на устройствах с macOS. Работает на базе продвинутой нейросети Whisper от компании OpenAI, разработчика ChatGPT. Поможет расшифровать многочасовые записи лекций, интервью или конференций – и всё это за несколько секунд и без доступа к интернету.

SteosVoice. Нейросеть для преобразования текста в аудио. Подходит для голосового воспроизведения текста статей на сайте, озвучивания видеороликов, героев игр и другого видеоконтента.

Нейросети для создания видео

Visper. Нейросеть, разработанная Sber AI, которая создаёт презентационные ролики с виртуальными персонажами. В качестве исходных данных для ролика можно использовать текст, презентацию в PDF-формате или аудио. Можно выбрать внешний вид диктора из готовых вариантов или использовать

собственный аватар. Есть опция настройки голоса и стиля речи, положения диктора на слайде, цвета фона, фоновой музыки и других параметров.

Designs.ai. Нейросеть для создания маркетингового контента. Включает четыре основных компонента: Videomaker-для создания видео, Logomaker-для создания логотипов, Designmaker-для разработки дизайна и AI Writer- для написания рекламных текстов.

Fliki. Нейросеть генерирует видеоролики на основе статей, постов в блогах и собственных сценариев. К визуальной части можно добавить автоматическую озвучку. Все сгенерированные элементы редактируются: можно настроить фон, выбрать видео и музыку, добавить стоковые изображения и подписи. Сервис подходит для дизайнеров, маркетологов и специалистов по SMM.

Нейросети для создания документов и презентаций

Notion AI Нейросетевой помощник, работающий на базе Notion – онлайн-сервиса для создания интерактивных документов. Умеет генерировать любой контент по запросу: текст, картинки, диаграммы, таблицы – всё что угодно. Просто скажите Notion AI, что вы хотите получить, и он сделает всё, что нужно.

Анализируя вышесказанное, возникает много вопросов для обсуждения.

Вопрос для обсуждения №1. Какие профессии пострадают из-за нейросетей в первую очередь?

По данному вопросу проведено много исследований. Нейросети затронут профессии, в которых важна информация. Согласно исследованию OpenAI, нейросети вроде ChatGPT в большей степени затронут следующие профессии: математики; переводчики разных видов; копирайтеры; специалисты по связям с общественностью; юристы по вопросам налогообложения; аудиторы; веб- и графические дизайнеры; разного рода менеджеры.

По другим исследованиям под угрозой:

Программист. Системы подобные ChatGPT пишут коды быстрее людей, но при этом достаточно качественно.

Журналист и копирайтер. Полностью сферу журналистики искусственный интеллект заменить не сможет, но новостное направление, вполне может обеспечить.

Графический дизайнер. DALL-E, Midjourney и Stable Diffusion способны справиться с задачей графического дизайнера не хуже, чем профессионалы этой сферы.

Маркетинговый аналитик. Собирать данные, анализировать их и составлять прогнозы на основе итогов анализа у ИИ очень хорошо получается, поэтому здесь он тоже легко справится без людей.

Учитель-преподаватель. Уже сейчас ChatGPT научен проводить занятия, пусть пока с ошибками, но это легко можно доработать.

Агент поддержки. Уже сейчас боты внедрены в работу с клиентами во многих сферах, если доработать этот процесс, то служба поддержки, с легкостью, будет обслуживаться ИИ.

Вывод: Грамотные профессионалы в каждой из этих сфер, все равно будут важны и нужны. Им только нужно идти в ногу со временем и освоить современные технологии, тогда ИИ станет настоящим помощником, а не заменой.

Вопрос для обсуждения №2. К чему может привести падение спроса на умственный и творческий труд?

Согласно выводам из исследования OpenAI, в меньшей степени пострадают профессии, где нужны способности к критическому мышлению и взаимодействию с людьми. С творческими профессиями все немного сложнее. Они будут затронуты сильнее – речь про дизайнеров, копирайтеров и других. Однако творчество совсем не исчезнет, все-таки творчество – это одна из основных потребностей человека.

Вопрос для обсуждения №3. Что делать копирайтеру, чтобы конкурировать с нейросетями?

Можно подумать о том, чтобы стать менее узкоспециализированным и развиваться в других направлениях, хотя бы внутри профессии. Полностью все в креативной сфере, к которой относится копирайтинг, заменить нейросетями не получится. Ведь людям важно читать людей, а не машин. И у действительно хороших копирайтеров и редакторов останется работа. У таких, кто будет писать интересно, не шаблонно, задействуя креативные умения, которые пока что неподвластны ИИ.

Вопрос для обсуждения №4. Появятся ли новые профессии, которые связаны с нейросетями?

Нейросети проникают во многие уже существующие профессии. Например, кажется, что для писателей и юристов использование GPT-подобных моделей скоро войдет в ежедневную норму. С развитием разных моделей ИИ ожидается, что в очень многих профессиях будет похожая ситуация. Возможно, также будут появляться профессии, где основной задачей людей будет коммуницировать с ИИ – подавать ему в нужном виде данные для обработки и обрабатывать ответ нейросети. Сейчас OpenAI и еще несколько компаний, которые разрабатывают ИИ вроде ChatGPT, нанимают людей для проверки этого самого ИИ. То есть для тестирования, выявления его способностей и потенциальной опасности. Или для документации того, как с нейросетями работать.

Таких вопросов еще много: Как нейросети могут повлиять на работу репетиторов по иностранным языкам? Сможет ли нейросеть заменить музыкантов? Заменят ли нейросети художников? и т. д.

Выводы.

Стремительно распространяющаяся цифровая реальность неумолимо ставит перед человеком новые глобальные мировоззренческие проблемы, напрямую связанные с вопросом самого существования человека как разумного существа. Искусственный интеллект облегчает людям жизнь, но забирает работу. Перспективы «умных помощников» изучили в Швеции. И вывод прост: в ближайшем будущем мир ждет настоящее цунами увольнений. ИИ может

лишить работы бухгалтеров, администраторов, агентов, редакторов и фотомоделей. В рабочих профессиях скоро смогут обойтись без операторов станков, машинистов, сварщиков, кассиров, продавцов, уборщиков.

Стали постоянно появляться предупреждения о вреде достижений ИИ. ИИ совершенен, но пока не изоцирен [3]. Избавляя от мошенников в каких-то отраслях, самим своим существованием порождает новые мошеннические схемы. Одним из социально-психологических инструментов, способных воспрепятствовать этим опасным процессам, является, цифровая культура личности, проявляющаяся в ситуациях многообразной деятельности человека в цифровом пространстве.

Источники:

1. Официальный сайт Министерства просвещения Российской Федерации URL: edu.gov.ru.
2. Швырева А. Нейросети ChatGPT, Midjourney. Инструкция для начинающих. СПб.: АСТ, 2023.
3. Бруссард М. Искусственный интеллект: Пределы возможного. М.: Альпина нон-фикшн, 2020.

V. N. Garkusha (Saint Petersburg electrotechnical university «LETI»)

ACTUAL ASPECTS OF THE USE OF NEURAL NETWORKS BY A COMMUNICATIONS SPECIALIST

The article discusses the modern development of artificial intelligence and neural networks, the development of the concepts of digital civilization and digital society. The main types of neural networks in the arsenal of a modern communicator are described. The problems and issues of correlation between mental and creative work and AI, the problems of the labor market due to neural networks and the emergence of new communicative professions are presented.

Digital civilization, digital society, digital thinking, digital culture, digital education, artificial intelligence, neural networks, bio- and neurotechnologies

УДК 172.1

С. В. Глебова (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: sophi_ign@mai.ru)

О СПЕЦИФИКЕ КУЛЬТУРЫ ОТМЕНЫ В РОССИИ

В статье рассматриваются особенности культуры отмены в России, начавшей свое формирование с весны-лета 2022г. Определяются фундаментальные отличия между российской и западной моделями культуры отмены: сравниваются основные мотивы «отмены», постулируемые ценности и ролевые модели основных действующих групп.

Этика, нравственность, культура отмены, общественная мораль, социальный институт, осуждение, нормализация, социальная регуляция

Культура отмены, на сегодняшний момент, представляет собой сложившийся социальный институт в широком смысле этого слова. Среди характерных принципов работы данного социального института называют акцент на вопросах социальной справедливости, обретение голоса маргинальными группами населения. В качестве результатов культуры отмены наблюдается, одновременно, как фрагментация и поляризация общества, так и установление и закрепление культурных стандартов [1].

Феномен представляется, действительно, неоднозначным. С одной стороны, досудебное массовое порицание индивида во многом совпадает с определением слова «травля»; с другой – способ регулирования аморального поведения (сексуального насилия, эксплуатации работников) и пр. – важный инструмент выживания социума.

В связи с этим, продолжительное время люди с различными взглядами несколько по-разному относились к причинам отсутствия культуры отмены в России. Либеральные группы с сожалением указывали на «атомизированность» российского общества; консервативные круги одобряли отсутствие культуры отмены, указывая на высокую нравственность и культурную образованность Россиян.

В рамках академической дискуссии можно найти подтверждение и атомизированности российского общества и, как следствие, не заинтересованность людей в участии в политических и социальных процессах [2], так и поиска разницы в мировоззренческих основаниях между русской культурой и США [3, С. 81].

Однако, начиная с марта 2022 года наблюдается достаточно серьезная борьба между сторонниками государственной политики и её противниками. В первые об «отмене» публичных лиц, в первую очередь, артистов заговорили еще летом 2022. Так называемые «списки нежелательных исполнителей» публиковались СМИ с разным уровнем общественного доверия. Практически все перечисленные в этих списках артисты так или иначе выступали, простив СВО и, действительно, их

песни перестали быть слышны по радио. При этом, никакого официального закона, или решения Роскомнадзора по этому поводу не принималось.

Корреляция государственной политики и представлений о справедливой «отмене» в общем-то не является характерной чертой конкретно для России. Общий либеральный вектор внутренней политики Европы и США совпадает с основными представлениями о социальной справедливости активистов культуры отмены. Тем не менее, если в США «на платформах социальных сетей, таких как Twitter, граждане имеют возможность напрямую отвечать политикам или другим лицам [...] В этом контексте Твиттеру даже приписывается функция социальной справедливости» [4]. В то время как в России, стоит признать, медийная сфера и социальные сети контролируются властными структурами, что приводит к удалению администраторами сайтов нежелательных комментариев или, более того, вообще удалению сообществ [3, С. 183]. Кроме того, одним из распространенных методов политической борьбы в России являются «фермы ботов», в связи с этим оценка подлинности кампаний культуры отмены представляется проблематичной.

Тем не менее, масштабность деятельности в социальных сетях по осуждению уехавших артистов, журналистов и ученых позволяет достаточно уверенно говорить о начале формирования культуры отмены и в российском обществе. Декабрьские события, произошедшие на «голой вечеринке» и их последствия уже используют все хорошо знакомые по западным примерам механизмы культуры отмены:

- вечеринка и поведение присутствующих на ней массово осуждаются в социальных сетях в комментариях под их фотографиями,
- об артистах и блоггерах пишут отдельные статьи в медиа,
- участники вечеринки вынуждены записывать извинения [5],
- не смотря на эти извинения компании расторгают контракты с артистами и блоггерами [6], концерты исполнителей отменяют [7], а уже записанные новогодние номера вырезают из эфира [8].

Однако, при внимательном рассмотрении становится понятно, что не смотря на совпадение инструментов имеется принципиальная разница подходов между западными и российскими кампаниями «отмены».

Западные кампании построены на принципе ресентимента: «Жертва» указывает на вину «агрессора», «агрессор» должен принять обвинение со стороны «жертвы» и, впоследствии, со стороны общества. При этом общество существует для «жертв», «агрессорам» же суждено быть изгоями» [3, С. 77]. Отношения между «обвиняемым» и «обвинителем» в России не похожи на избличение агрессора жертвой, – избличители не чувствуют себя в чем-то ущемленными, но чувствуют за собой моральное право указать на неверное поведение. Такие отношения больше напоминают отношения «врага народа» и «контрразведчика». Последний раскрывает и обезвреживает диверсанта, тем самым восстанавливая порядок в обществе.

Эти роли распределяются в соответствии с ещё более фундаментальным расхождением – отличием в представлении о справедливости. Если западное общество озабочено восстановлением в правах всех «ущемленных ранее меньшинств», то русский борец за справедливость основания справедливости видит в наказании «нажившихся на гражданах» субъектов и «танцующих под западную дудку». Русского инициатора кампании культуры отмены равно раздражает и тот факт, что работники развлекательной сферы могут себе позволить входной билет за 1 миллион рублей, так и откровенная ориентированность эстетики вечеринки на «тусовки» западных звезд [9].

Отвлекаясь от конкретного события, и возвращаясь к общему контексту кампании по «отмене» общественных деятелей последние два года, можно определить ещё одно важное основание для массового осуждения – это непричастность к коллективу. Публичное порицание действий государства и граждан, вставших на его поддержку, представляется недопустимым. Этот феномен определяет ту самую поляризованность российского общества на текущий момент. Посредством методов культуры отмены общество стремится к установлению культурной нормы – поддержки государства, армии, политических решений, страны в заданном узком смысле.

Проблема ведения военных действий всегда является крайне сложной для обсуждения в рамках этического дискурса. Начало СВО – не является исключением, поэтому кажется настолько актуальной нормализация представления о единстве граждан и государства, если мы говорим о кампаниях «отмены» внутри страны.

Американская культура отмены, как предполагают исследователи, сформировалась как следствие исторических условий формирования американского общества вообще: «Факт принятия человека в «религиозную секту» выступал демонстрацией наличия у человека достаточных нравственных качеств для определения его как морального агента. И данный статус требовал постоянного подтверждения» [3, С. 80]. Так, в России, после 2022 года в условиях турбулентности системы общественной морали, постоянного поиска основания продолжения военных действий, моральный агент ставится перед необходимостью постоянного доказательства, что он – участник круга «своих».

В частности, именно мотив СВО стал «отягощающим обстоятельством» проведения «голой вечеринки». Поэтому, поведение организаторов и гостей вечеринки, как «врагов народа», противопоставляют поведению сознательных граждан военкорам и артистам, выступающим в зоне боевых действий.

Таким образом, системообразующим событием для формирования русской культуры отмены стало начало специальной военной операции в феврале 2022 г. Социальное потрясение во многом поляризовало общество и, как следствие, определило потребность в закреплении конкретных социальных и этических стандартов. Данные нормы призваны к объединению общества вокруг государства и утверждению справедливого распределения ресурсов. Движущими силами культуры отмены стали провластные объединения в социальных сетях

и СМИ, разрешенные в Российской Федерации, в условиях действующих законов, ограничивающих разнообразие мнений, допускаемых к публикации. Обличение, при этом, происходит не по принципу поиска «жертвы» и определения вида агрессии, а на основании противоречия конкретного индивида коллективно-декларируемым ценностям.

Источники:

1. Веселов А. А., Есипов М. А. Прогнозирование развития феномена культуры отмены в современном обществе // Общество: философия, история, культура. 2023. № 10(114). С. 181–186.
2. Павлюткин И. В., Юдин Г. Б. Сообщество как данность и сообщество как процесс: стратегии изучения малых городов // Laboratorium. 2015. №3. С. 88–105.
3. Перова Н. В. Моральный агент «культуры отмены» // Этика: история и современность: материалы межд. науч. конф. в честь 100-летия проф. В. Г. Иванова, Санкт-Петербург, 23 марта 2022 года. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2023. С. 77–84.
4. Follert, F., Block, W. E., Daumann, F., Uprise of the Shrinking Violets: Cancel Culture in Media. *Procesos de Mercado*. 2023 20(1), 335–362.
5. Шестак П., Массовые извинения звезд за «голую» вечеринку Ивлеевой: в чем они каются. URL: <https://news.ru/show-business/massovye-izvneniya-zvezd-za-goluyu-vecherinku-ivleevoj-v-chem-oni-kayutsya/> (дата обращения: 16.01.2023)
6. МТС исключил Ивлееву из амбассадоров после «голой вечеринки». URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/26/12/2023/658b02999a79477aa6384da7 (дата обращения: 16.01.2023)
7. Концерт Лолиты в Новосибирске отменили. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/65a421b59a7947e6707f571c> (дата обращения: 16.01.2023)
8. «Вырезали «голышей» из эфиров»: россияне не увидят Киркорова и Лолиту в новогоднюю ночь. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2023/12/31/18085795.shtml> (дата обращения: 16.01.2023)
9. Коц А. И. Две России: почему зажравшийся шоу-бизнес не поддерживает армию. URL: <https://dzen.ru/a/ZYSCrI1VN0aKKdHM> (дата обращения: 16.01.2023)

S. V. Glebova (St. Petersburg State University)

ON THE SPECIFICS OF CANCEL CULTURE IN RUSSIA

The article analyzes the features of the culture that persists in Russia, which began its behavior in the spring and summer of 2022. The fundamental differences between Russian and Western models of culture are determined, namely: the main motives for “abolition” are identified, acceptable values and role models of the main active groups are postulated.

Ethics, Morality, Cancel Culture, Public Morality, Social Institution, Condemnation, Normalization, Social Regulation

УДК 338.48

В. А. Глухих (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет ЛЭТИ, e-mail: vladimirglu@mail.ru);

Н. П. Кирсанова (Университет при МПА ЕврАзЭС, e-mail: kirsanovan@mail.ru)

ВОЗМОЖНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И НЕЙРОСЕТЕЙ В ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА И ГОСТЕПРИИМСТВА

Несмотря на ограничения, связанные с пандемией COVID-19, геополитическими изменениями в мире, туризм по-прежнему остается значительной нишей бизнеса. Здесь по-прежнему остаются, как известные крупные игроки, так и малые и средние туристические агентства, которые ежедневно борются за свою конкурентоспособность и лояльность клиентов. Технологии искусственного интеллекта играют важную роль в достижении этих целей, помогая лучше понять потребности клиентов, проанализировать текущее состояние рынка и автоматизировать некоторые рабочие процессы. В статье анализируются наиболее часто используемые в индустрии туризма и гостеприимства технологии искусственного интеллекта, а также раскрываются их возможные риски и ограничения.

Искусственный интеллект в туризме, нейросети, чат-боты

10.10.2019 г. в РФ была утверждена Национальная стратегия развития ИИ на период до 2030 года [1].

Главная цель Национальной стратегии ИИ – «обеспечение ускоренного развития ИИ в стране, проведение научных исследований...Россия до 2030 года должна стать одним из международных лидеров в развитии ИИ, что повлияет на рост благосостояния населения и экономическое развитие страны» [2].

Искусственный интеллект в различных его формах проник практически во все сферы нашей жизни, и индустрия туризма не является исключением. Технологии, основанные на искусственном интеллекте, такие как машинное обучение и обработка естественного языка, способны оптимизировать работу, персонализировать взаимодействие с гостями и обеспечить рост доходов.

Сегодня особо заметно применение технологий искусственного интеллекта в финансах, рекламе, ритейле. В туризме возможности ИИ могут использоваться в разных направлениях, начиная от выбора направления поездки и до оценки турпотоков, динамического ценообразования, прогнозирования спроса и планирования городской инфраструктуры на базе данных.

С учетом того факта, что в 2024 г, согласно отчету Хилтон [3], 64% людей, несмотря на финансовую нестабильность и растущую инфляцию по всему

миру, готовы будут экономить на повседневных расходах, чтобы отправиться в путешествие, а среди молодёжи этот показатель достигнет 70%, внедрение инструментов искусственного интеллекта для индустрии туризма становится все более актуальным.

16 июня 2023 г в рамках Петербургского международного экономического форума вице-премьер России Дмитрий Чернышенко заявил, что «генеративные нейросети могут приносить туристической индустрии дополнительно 300 млрд долларов в мировом масштабе. Он также отметил, что более 60% туристов предпочитают общение с чат-ботом, а не с представителями туроператоров, что делает перспективным внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ)» [4].

Разговоры о влиянии искусственного интеллекта (ИИ) на индустрию туризма начались задолго до публичного релиза нейросети ChatGPT в ноябре 2022 года. Однако, именно после его запуска, когда всего за 5 дней нейросеть обрела миллион пользователей, стало казаться, что футуристическая идея внедрения генеративного искусственного интеллекта в туристический сектор внезапно превратилась во вполне конкретную возможность. Внедрение инструментов искусственного интеллекта в туристических и гостиничных компаниях может кардинально изменить методы работы этих предприятий и восприятие путешествий клиентами. Последствия для рынка бесчисленны: чат-боты могут предлагать маршруты путешествий или решать задачи по поддержке клиентов, например, переносить отмененные рейсы. Кроме того, тексты, созданные ИИ, могут использоваться для улучшения работы внутренних служб или в маркетинговых целях.

Исследование, проведенное STATISTA в 2022 г, [5] показало, что доля специалистов сферы услуг, использующих ИИ в сфере путешествий и гостеприимства, значительно ниже, чем в других отраслях, например, в производстве потребительских товаров, СМИ и финансовых услугах. Тем не менее, учитывая недавнее внедрение инструментов ИИ некоторыми крупными игроками на этом рынке, можно предположить, что использование искусственного интеллекта в сфере путешествий и туризма быстро становится все более актуальным. Согласно глобальному исследованию, опубликованному в 2022 году [5], ожидается, что в 2024 году продажи туристических компаний, завершаемые с помощью искусственного интеллекта, составят почти треть от общего дохода этих компаний.

Применение нейронных сетей в индустрии туризма и гостеприимства основано на специфике этой отрасли. Важными особенностями этого сектора экономики являются не только изменчивость мотивации и поведения туристов, но и быстрые изменения на туристическом рынке, связанные с процессами цифровизации, а также, что является особо важным, это предпочтение людей взаимодействовать с такими же реальными людьми.

Исходя из этих особенностей, основными преимуществами использования нейронных сетей можно назвать адаптивность и нелинейность, что делает их полезными для моделирования и прогнозирования.

Индустрия гостеприимства имеет свои уникальные особенности, связанные с бизнес-моделью, которая должна продавать товары и услуги, одновременно реагируя на сезонные колебания спроса как национального, так и международного. Учитывая это, на данном этапе нейронные сети можно рассматривать как активного помощника, а не просто инструмент.

В качестве примеров туристических компаний, использующих инструменты генеративного ИИ, можно привести следующие.

В феврале 2023 года сингапурское онлайн-агентство путешествий (ОТА) Trip.com запустило TripGen, чат-бота на базе OpenAI, позволяющего пользователям мобильного приложения компании получать рекомендации по перелетам, отелям и другим туристическим услугам. Вскоре после этого Kayak, принадлежащая Booking Holdings, и Expedia объявили о внедрении плагинов на базе ChatGPT, а eDreams ODIGEO начала сотрудничество с Google's Bard. Быстрое внедрение этих инструментов крупнейшими ОТА свидетельствует о значительном интересе к использованию генеративного ИИ для планирования поездок – одного из аспектов путешествий, на которые эта технология может оказать наибольшее влияние.

Рассмотрим основные варианты применения нейросетей в туризме.

Предсказание предпочтений. Нейросети могут анализировать данные о предпочтениях туристов из различных источников, таких как социальные сети или история путешествий, и предсказывать их интересы и потребности. На основе этой информации туристические компании могут предоставлять персонализированные рекомендации о выборе отелей, ресторанов или достопримечательностей, что повышает качество обслуживания и удовлетворенность туриста. Однако, это возможно только с теми аккаунтами, в которых содержится искомая информация. В случае, когда профиль клиента не сформирован, ему будут выдаваться наиболее популярные объекты.

Автоматизация бронирования. С помощью нейросетей можно автоматизировать процесс бронирования и подбора туристических услуг. Нейросети и алгоритмы машинного обучения позволяют агентствам и онлайн-сервисам более точно предсказывать потребности и предпочтения туристов и предлагать наиболее подходящие варианты. Это помогает сократить время и усилия, затрачиваемые клиентами на поиск и выбор желаемого направления или отеля, и повышает уровень удовлетворенности. Однако, стоит отметить, что информацию, выдаваемую нейросетью, все равно необходимо фильтровать и адаптировать. Например, при запросе информации о лучших отелях Санкт-Петербурга с позиции потребителя, бот выдает список отелей, часть из которых находятся не в Санкт-Петербурге, или уже не существуют. В случае запроса конкретных цен на проживание или билеты, бот отправляет на официальные сайты средств размещения или транспортных компаний.

Улучшение качества обслуживания. Нейросети могут использоваться для анализа и обработки большого количества отзывов и комментариев туристов. Это позволяет выявлять общие тенденции и проблемы, а также быстро реагировать на отрицательные отзывы или жалобы. Благодаря этому туристические компании могут улучшать качество своих услуг и повышать уровень удовлетворенности туристов.

Повышение безопасности. Нейросети могут использоваться для анализа больших объемов данных о безопасности туристов и предупреждать о потенциальных угрозах или проблемах, таких как террористические акты или стихийные бедствия. Это позволяет операторам предпринимать оперативные и целенаправленные меры по обеспечению безопасности туристов.

Улучшение маркетинга и продаж. Нейросети могут помочь компаниям определить, какие туристические продукты и услуги наиболее востребованы, а также оптимизировать стратегии продвижения и рекламы. Анализ данных о предпочтениях и поведении туристов позволяет создать более эффективные маркетинговые кампании и привлечь больше клиентов.

Применение нейросетей в туризме не только повышает качество обслуживания и комфорт для туристов, но и способствует более эффективной работе туристических компаний, сокращению затрат и увеличению прибыли.

Однако, необходимо отметить, что развитие и применение искусственного интеллекта и нейросетей в индустрии туризма и гостеприимства также вызывает определенные риски и вызовы. Например, возможность злоупотребления персональными данными или искажения предпочтений клиентов может негативно сказаться на их доверии к системам и услугам.

Рассмотрим возможные риски и негативные аспекты применения искусственных нейронных сетей.

По мере развития гостиничного сектора и исследования возможностей персонализации с использованием предиктивной аналитики и искусственного интеллекта, руководству становится важно осознавать границы этих технологий. Мы успешно освоили сбор и анализ данных, однако мы до сих пор не ответили на философский вопрос о этичности и допустимости использования этих технологий в коммерческих целях.

Первый вопрос, который неизменно встает в этой связи, это защита персональных данных. Применение искусственных нейронных сетей требует хранения и обработки больших объемов информации, включающей персональные данные. Это может создавать риск для конфиденциальности и безопасности данных. Если система подвергнется взлому или функционирует неправильно, личные данные клиентов и сотрудников могут быть скомпрометированы или утрачены, что может негативно сказаться на репутации компании.

Второй вопрос, связанный с ограничением использования нейросетей в индустрии туризма, связан с отсутствием человеческого взаимодействия. Пропадает возможность общения с живыми сотрудниками. А ведь туризм и госте-

приимство – это, в первую очередь, про людей. Это может ухудшить опыт клиентов, особенно когда требуется помощь человека, эмпатия или решение специфических проблем.

Еще одним негативным моментом использования нейросетей в туризме, ограниченная адаптивность и реакция на изменения и нестандартные ситуации. Искусственные нейронные сети могут быть обучены на основе доступных данных, но они могут быть ограничены в гибкости и адаптивности для обработки нестандартных ситуаций и неожиданных изменений. В сфере гостиничного и туристического бизнеса, где каждый клиент и ситуация уникальны, искусственные нейронные сети могут не обладать способностью предоставлять персонализированные услуги. Это может привести к стандартизации и обобщению услуг, что может не удовлетворить клиентов.

Таким образом, нейронные сети обладают значительным потенциалом в индустрии туризма и гостеприимства. Они могут улучшить предоставление услуг и повысить уровень удовлетворенности клиентов. Системы искусственного интеллекта могут стать перспективной технологией, которая повышает эффективность и качество обслуживания клиентов в индустрии гостеприимства. Однако, важно учитывать еще и этические аспекты внедрения таких технологий и стремиться к балансу между автоматизацией и человеческими взаимодействиями, чтобы обеспечить оптимальный уровень удовлетворенности и комфорта для туристов.

Источники:

1. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72738946/> (дата обращения 13.01.2024).
2. Национальная стратегия ИИ. <https://ai.gov.ru/strategy/n-strategiya-ii/> (дата обращения 13.01.2024).
3. Culture and Experiences Will Drive Leisure Travel Decisions. URL: <https://stories.hilton.com/2024trends-culture-experiences> (дата обращения 13.01.2024).
4. Объяснена важность искусственного интеллекта для туризма [Интернет-ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2023/06/16/980926-iskusstvennogo-intellekta-turizma> (дата обращения: 13.01.2024).
5. Artificial Intelligence (AI) use in travel and tourism – statistics & facts Published by Statista Research Department, May 8, 2023 URL: <https://www.statista.com/topics/10887/artificialintelligence-ai-use-in-travel-and-tourism/> (дата обращения 13.01.2024).

V. A. Glukhii (*St. Petersburg State Electrotechnical University «LETI»*);
N. P. Kirsanova (*University associated with the IPA EurAsEC*)

OPPORTUNITIES FOR ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND NEURAL NETWORKS IN TOURISM AND HOSPITALITY INDUSTRY

Despite the constraints of COVID-19 pandemic, geopolitical changes in the world, tourism still remains a significant business niche. There are still some well-known big players as well as small and medium-sized travel agencies that fight for their competitiveness and customer loyalty on a daily basis. Artificial intelligence technologies play an important role in achieving these goals, helping to understand better the needs of customers, analyze the current state of the market and automate some work processes. The article analyzes the most frequently used AI technologies in tourism and hospitality industry and reveals their possible risks and limitations.

Artificial intelligence in tourism, neural networks, chatbots

УДК 93/94

А. Б. Гуркин (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: abgur313@mail.ru);

Я. А. Гуркин (Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта, e-mail: yagur@mail.ru)

ФОРМИРОВАНИЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЫСКНОЙ ПОЛИЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Рассматривается история формирования нормативно- правовой базы, определявшей порядок функционирования сыскной полиции с момента ее создания в 1866 и до конца XIX века. Целью законоотворчества, прежде всего, было определение задач, которые стояли перед уголовным сыском, порядка подчиненности, разграничение полномочий, порядка взаимодействия сыскной полиции с другими полицейскими структурами и правоохранительными органами. Единого закона об уголовном сыске, в рассматриваемый период не появилось и руководствоваться приходилось нормами, которые содержались в различных законодательных актах гораздо более широкого содержания.

Сыскная полиция, криминалитет, нормативно-правовые акты, розыскная деятельность, применение оружия

Криминогенная ситуация в Российской империи в первой половине XIX века была достаточно спокойной. Согласно статистическим данным в Российской империи в 50-е гг. XIX в. на 100 тысяч человек совершалось в среднем 526 преступлений, что было в 7,6 раза ниже, чем в Англии, и в четыре раза ниже, чем во Франции. Так, в Москве, население которой составляло в середине века примерно 370 тысяч человек, регистрировалось в год 5–бубийств, 2–3 грабежа и разбоя, около 400 случаев мошенничества и 700 краж, примерно две трети которых раскрывалось [1, С. 50, 82].

Власти, включая императора, были вполне удовлетворены положением дел в области охраны правопорядка. Знакомясь с некоторыми докладами министра внутренних дел, содержащими сведения о совершенных и раскрытых преступлениях, Николай I делал пометки: «Читал с удовольствием» [2, С. 39]. Поэтому и не предпринимались практические шаги, направленные на реорганизации полицейских структур на принципах специализации, хотя первые проекты по созданию отдельной полицейской части, которая должна была бы сосредоточиться на борьбе с уголовной преступностью, появились еще в самом начале 40-х гг. XIX в. [3, С. 147].

Однако в последующие десятилетия ситуация стремительно меняется к худшему. Рост уголовной преступности приобретает лавинообразный характер. Совершение тяжких и особо тяжких преступлений с конца 50-х годов 19 века за каких-то 10 лет выросло более чем в 3 раза. К 1874 году по числу преступлений на душу населения Петербург превзошел средние показатели по стране в 3,9 раза [4, Т. 2. С. 94–95].

Складывающаяся ситуация потребовала вновь вернуться к вопросу о формировании в столице специального структуры для борьбы с уголовной преступностью. В начале 60-х гг. XIX в. правительство предпринимает ряд шагов, направленных на улучшение работы полицейских органов. 25 декабря 1862 г. были приняты «Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых». «Временные правила» в известной степени содействовали улучшению работы полицейского аппарата. Однако, подразделения, специализирующегося на розыске уголовных преступников ни в составе общей полиции, ни в качестве отдельной структуры создано не было.

Генерал-адъютант Ф. Ф. Трепов во «Всеподданнейшем отчете по управлению Санкт-Петербургским градоначальством и столичною полицией с 1866 по 1867 гг.» отмечал, что «существенным недостатком» столичной полиции в деле борьбы с уголовной преступностью являлось отсутствие «особой части, специально предназначенной для производства розыска по предписаниям и для изыскания мер к предупреждению оных» [5, С. 7].

26 октября 1866 г. Александр II утвердил «Положение Комитета министров о создании Санкт-петербургской сыскной полиции». В том же году, 31 декабря был издан приказ министра внутренних дел, предписывающий создание в столице Российской империи особого подразделения, занимавшегося розыском уголовных преступников, предупреждением и пресечением преступлений, используя при этом специальные методы и средства. Кроме того, сыскная полиция должна была стать «центральным местом, откуда все чины полиции бы почерпнуть необходимые сведения, указания и содействие для успешного производства исследований» [6, С. 196].

Можно было бы ожидать, что подробный порядок действия сыскной полиции будет определяться специальным законом, но подобного закона в тот период не появилось. Вероятнее всего, разработчики посчитали, что будет достаточно тех положений, которые имеются в таких крупных нормативных документах, как «Устав уголовного судопроизводства 1864 г.», «Устав о предупреждении и пресечении преступлений 1876» и «Общий устав счетный».

Согласно Уставу уголовного судопроизводства сыскная полиция должна была действовать на основании решения суда, по представлению судебного следователя или прокурора. «Устав» не давал полиции права самостоятельно производить обыски и выемки. Полномочиями на это были наделены судебные следователи. Тем не менее, статья 252 «Устава» говорила о том, что «когда ни судебного следователя, ни прокурора или его товарища нет на месте, то полиция, сообщая

им о происшествии, заключающем в себе признаки преступного деяния, вместе с тем производит надлежащее о нем дознание» [7, Ст. 252]. При производстве же дознания согласно статье 254 «Устава» все необходимые сведения сотрудники уголовного сыска «собирают посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением, не производя ни обысков, ни выемок в домах» [7, Ст. 254]. Только в особых случаях сотрудники уголовного сыска могли действовать самостоятельно и проводить неотложные следственные мероприятия: осмотры, сбор свидетельских показаний, обыски, выемки и т. д.

Согласно статье 255 «произведенное дознание полиция передает судебному следователю, которому впоследствии сообщает и все дополнительные сведения, собранные ею по тому же предмету» [7, Ст. 255]. О передаче дознания судебному следователю, полиция уведомляет прокурора или его товарища. Судебный следователь имел над полицейскими чинами очень большую власть и обладал неограниченными полномочиями. Судебный следователь имел право проверять, исправлять или даже полностью отменять результаты следственных действий полиции, предпринятые до его прибытия.

Также в деле расследования преступлений полиция находилась в подчинении и распоряжении прокуроров и их товарищей. В статье 483 было сказано, что «полиция действиями своими по производству предварительного следствия должна оказывать деятельное пособие судебным следователям и лицам прокурорского надзора в раскрытии обстоятельств дела, не дозволяя себе ни медленности, ни превышения или бездействия власти» [7, Ст. 483].

«Общий счетный устав» содержал общие правила учета в государственных учреждениях и счетные уставы по отдельным министерствам, но и в нем имелись положения, касающиеся деятельности сыскной полиции. Согласно положениям «Общего устава счетного», на сыскную полицию возлагалась обязанность по розыску имущества, на которое было наложено взыскание по долгам. Наряду с розыскной деятельностью сыскная полиция должна была вести учет и заниматься наведением справок о лицах, которые в то или иное время задерживались участковой полицией, если они обвинялись в каких-либо преступлениях или у них отсутствовал паспорт. Занималась сыскная полиция и лицами, замеченными в предосудительном поведении. Таковых предписывалось выявлять и высылать из столицы.

В 1876 году был издан «Устав о предупреждении и пресечении преступлений». По своему содержанию и объему (всего 89 страниц) он напоминает инструкцию или «памятку» для полиции. Устав делился на пять небольших глав, содержание которых пыталось охватить все виды и стороны преступлений: «О предупреждении и пресечении преступлений против веры, общественного порядка и учреждений правительства, о пресечении явного соблазна и разврата в поведении, против личной безопасности и преступлений против имущества» [8].

В дополнение к «Уставу» в 1881 году была принята «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» [9], а в

1882 году – «Положения о полицейском надзоре» [10]. В 1890 году «Устав о предупреждении и пресечении преступлений» был переиздан. При этом были сохранены в полном объеме все основные положения, которые содержались в издании 1876 года.

Порядок применения оружия полицией в указанный период времени определялся законом от 10 октября 1879 г. «О правилах употребления полицейскими и жандармскими чинами в дело оружия». Согласно этим правилам «употребление оружия отдельно действующими полицейскими и жандармскими чинами при исполнении ими своих служебных обязанностей допускалось для отражения всякого вооруженного на него нападения, или когда никакое иное средство защиты не было возможно, при задержании преступника» [11, Том 54 № 60666. Ст.3]. В каждом из таких случаев полицейский или жандармский чин обязаны были обо всех обстоятельствах и последствиях употребления ими в дело оружия доносить при первой же возможности ближайшему начальству.

С конца 70-х годов XIX века принимается ряд законопроектов, которые должны были упорядочить деятельность полиции. В первую очередь следует назвать такие законы, как – «Временное положение о полицейских урядниках в 46-ти губерниях, по общему Учреждению управляемых 1878 г.», «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия 1881 г.», «Положение о земских участковых начальниках 1889 г.», «Закон об учреждении полицейской стражи 1903 г.».

К началу XX века законодательная база, на которой основывалась деятельность сыскной полиции, была довольно обширна и разнообразна. Однако единого закона об уголовном сыске за сорок лет так и не появилось. Правовые нормы, определявшие порядок функционирования сыскной полиции, содержались в различных законодательных актах гораздо более широкого содержания. Это обстоятельство создавало очевидные проблемы и снижало эффективность деятельности полиции. Как отмечал в своих воспоминаниях первый начальник Санкт-Петербургской сыскной полиции И. Д. Путилин «... между представителями созданных судебных учреждений и сыскной частью часто возникали разные недоумения на почве выяснения взаимных прав и прерогатив» [12, С. 79].

Источники

1. Гернет М. Н. Моральная статистика: (Уголовная статистика и статистика преступлений) М., 1922.
2. Миронов Б. Н. Преступность в России в XIX – начале XX века // Отечественная история. 1998. № 1.
3. Высоцкий И. П. Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство (1703–1903 гг.). СПб., 1903.
4. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) Генеzis личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб, 2000.

5. Трепов Ф. Ф. Всеподданнейший отчет генерал-адъютанта Трепова по управлению С.-Петербургским градоначальством и столичною полициею с 1866 по 1876 г. СПб., 1876.

6. Высоцкий И. П. Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство (1703-1903 гг.). СПб., 1903.

7. Устав уголовного судопроизводства. Изд. 3. СПб., 1911.

8. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. СПб., 1876

9. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. СПб., 1881.

10. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. СПб., 1882.

11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1881.

12. На страже отечества. Уголовный розыск Российской империи. И. Д. Путилин, А. Ф. Кошко. М., 2013.

A. B. Gurkin (St. Petersburg State Electrotechnical University «LETI»);

Ya. A. Gurkin (P.F. Lesgaft National State University of Physical Culture, Sports and Health)

FORMATION OF THE REGULATORY FRAMEWORK FOR THE ORGANIZATION AND ACTIVITIES OF THE DETECTIVE POLICE IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

The article considers the history of the formation of the regulatory framework that determined the functioning of the detective police from the moment of its creation in 1866 to the end of the XIX century. The purpose of lawmaking, first of all, was to define the tasks that faced criminal investigation, the order of subordination, the division of powers, the order of interaction of the detective police with other police structures and law enforcement agencies. A single law on criminal investigation did not appear during the period under review and it was necessary to be guided by the norms contained in various legislative acts of a much broader content.

Detective police, criminality, regulatory legal acts, investigative activities, use of weapons

УДК 811.111'1:81'367.332.8

И. С. Дегтярев (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: degivan.spb@gmail.com);

А. А. Шумков (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: noizen@mail.ru)

ПРИРОДА И ПРОБЛЕМА ПРЕДИКАТИВНОЙ СВЯЗИ ГЛАВНЫХ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В статье рассматривается понятие предикативной связи подлежащего и сказуемого на примере исторического развития английского языка. Исследуются проблемы предикации, в частности в неполных синтаксических конструкциях. Анализируется влияние флективных частей подлежащего и сказуемого на формирование предикативной связи между главными членами предложения.

Синтаксис, предикативная связь, главные члены предложения, имплицитность, эксплицитность, нулевое подлежащее

Синтаксическая организация слов в предложении является важным компонентом грамматического строя языка. Синтаксис, как наука, изучающая предложения и способы сочетания слов внутри него, особое внимание уделяет вопросу определения членов предложения, в частности, таким основополагающим элементам, как подлежащее и сказуемое. Ключевым свойством предложения как самостоятельной коммуникативной единицы выступает предикативность, которая и отличает его от таких некоммуникативных единиц как словосочетание и сочетания слов [1, С. 54–58].

Рассматривая природу предикативной связи главных членов предложения, стоит упомянуть, что в отношении определения четкой взаимосвязи между субъектом, который представлен подлежащим, и предикатом, выступающим в качестве сказуемого, ученые-лингвисты не могут сойтись в едином мнении и по сей день. Так, анализ истории развития английского языка, в частности, развития его синтаксического строя позволяет выявить, что предикативность не всегда играла ключевую роль в конструкции предложений английского языка.

Для древнеанглийского периода развития языка был характерен свободный порядок слов. Главные члены предложения располагались по отношению друг к другу и другим членам предложения в зависимости от коммуникативной задачи и стилистической установки [2, С. 18–23]. При этом, свободный порядок слов подразумевал именно принципиальную возможность свободного расположения грамматически оформленных единиц внутри предложения. Однако в целом уже в этот период в повествовательных предложениях преобладает прямой порядок слов в отношении расстановки главных членов.

Порядок слов в древнеанглийском имел лишь второстепенное значение как способ выражения синтаксических связей, в то время как для среднеанглийского периода установленный порядок подлежащего и следующего строго за ним сказуемого играл ключевую роль в качестве одного из средств передачи синтаксических отношений между членами предложения. Дальнейшее развитие английского языка приводит к строгой фиксации порядка слов, более привычного для современного английского: подлежащее, сказуемое, косвенное дополнение, прямое дополнение.

В ранненовоанглийском периоде синтаксис английского языка характеризовался строгим аналитическим устройством, четко организующим порядок слов в предложении при помощи таких аналитических средств, как расчлененные аналитические формы слова, служебные слова и порядок слов главных членов предложения.

Подобному развитию языка во многом способствовали культурологический и технологический прогрессы. Древнеанглийский период подразумевал наличие исключительно простых предложений, и в то время почти полностью отсутствовали специальные слова для соединения придаточных предложений. Развитие письменности и отказ от флексий дали толчок к формированию английского языка как аналитического языка, в котором строгая фиксация порядка слов стала необходима для обеспечения качественной коммуникации.

История изучения предикативности уходит своими корнями вглубь веков, еще ко временам Платона, который впервые выделил класс слов, называющих вещи, и класс слов, утверждающих что-то о вещах. Однако, толчком к непосредственному изучению проблемы предикативности послужили грамматические учения В. фон Гумбольдта [3, С. 55–70], А. А. Потебни и др., выявивших и описавших особую конструктивно-значимую роль глагольного предиката в строе предложения. В отечественной лингвистике понятие «предикативность» (предицирование) в узком терминологическом смысле было впервые задействовано Д. Н. Овсяннико-Куликовским [4, С. 129–137].

В течение последующего развития языкознания, как отечественного, так и зарубежного, проблема предикативности рассматривалась далеко не однозначно. В результате, в современном языкознании сложилась ситуация, характеризующаяся отсутствием у ученых единого, существенно сходного мнения по вопросам, касающимся как сущности предикативности, так и способов ее выражения. В качестве одной из причин такого неоднозначного ее понимания справедливо признается источник учения о предикативности, связанный с понятиями субъекта и предиката как компонентов суждения в логике. То или иное толкование предикативности неизбежно увязывалось с вопросом о взаимоотношении языка и мышления, о чем в начале XIX века писал В. фон Гумбольдт, опираясь на многочисленные исследования философских деятелей того времени.

Понятие предикативности присутствовало на всех этапах развития языка, однако в разные временные отрезки имело дифференцированное влияние на взаимосвязь подлежащего и сказуемого, а также их порядок в предложении. Это связано прежде всего с самим понятием предикативности, подразумевающим один из важнейших признаков предложения – его актуализацию, т. е. ситуацию, определенным образом соотношенную с действительностью. При этом само понятие «предикативной связи» между подлежащим и сказуемым было введено учеными-лингвистами лишь во второй половине XIX века. До этого момента большинство лингвистических теорий сводилось к установлению логической связи между главными предложениями, при условии, что даже в неполных предложениях, таких как «Morning», подразумевалось наличие формально-логической связи посредством опущения непосредственно субъекта и предиката, таким образом перенося всю смысловую нагрузку и предикативную ответственность на глагольную связку, выраженную существительным в данном примере («It is morning»).

Любое предложение, даже односоставное, обладает предикативным свойством. В качестве примера, слово «Sunday», обретает предикативность в разговорной и письменной речи, представляя собой некое актуализированное явление, а именно – наступление конкретного дня недели, на котором делает акцент говорящий, определяя это слово в структурно завершенную конструкцию предложения. В этом случае, предикативность главного члена предложения приобретает модальную характеристику, а также определенную временную перспективу. Таким образом, в совокупности, предикативность составляют именно категории модальности и времени, которые напрямую являются глагольными атрибутами.

Как уже упоминалось выше, предикативность является определяющим свойством предложения. При этом однозначного определения этого понятия до сих пор не выработано. В настоящее время в лингвистике существует более трехсот определений предикативности. Подобное разнообразие вызвано двойственностью синтаксической модели главных членов предложения, а также стремлению теоретиков к универсализации предикативности посредством соотношения всех её качеств напрямую только со сказуемым, поскольку предикативность имеет такие средства своего выражения, как форма наклонения и времени.

Вместе с тем, подлежащее и сказуемое представляют собой единый комплекс, а в предложениях, содержащих в себе, на первый взгляд, лишь сказуемое современные лингвисты усматривают так называемое нулевое подлежащее.

Исследование природы предикативной связи главных членов предложения показало, что среди общих проблем предикативности подлежащего и сказуемого стоит выделить следующие:

– Отсутствие однозначного толкования понятия предикативности в связи с многообразными подходами к формированию законченного определения (формально-логический, формально-грамматический, синтаксический).

– Использование безличных предложений, которые формально сохраняют предикативные свойства предложения, однако усложняют процесс выделения субъекта и предиката.

– Наличие односоставных предложений, которые также обладают признаками предикативности, при этом создавая лингвистическую двусмысленность посредством смысловой завершенности и грамматической незавершенности.

– Согласование числа и рода между подлежащим и сказуемым, которое не всегда очевидно, например, при наличии более одного подлежащего в предложении.

– Наличие большого количества временных форм глаголов, заменяющих рудиментарную флективную функцию языка и также создающих потенциальную путаницу в определении предикативности главных членов предложения.

На наш взгляд, разработка понятия нулевого подлежащего позволит разрешить большинство из вышеуказанных проблем. Природа предикативной связи главных членов предложения должна рассматриваться в их непрерывной двойственности; отсутствие подлежащего или сказуемого на поверхностном уровне предложения не обязательно свидетельствует о том, что на глубинном имеет место та же ситуация. Имплицитные элементы языка, как нам представляется, должны быть учитываемы в той же степени, что и эксплицитные, а встречающаяся иногда имплицитность подлежащего или сказуемого может быть обусловлена их априорной двойственностью – отсутствие одной из частей комплекса на поверхностном уровне не означает, что комплекс прекращает свое существование: имплицитное подлежащее/сказуемое поддерживается эксплицитным сказуемым/подлежащим.

Источники:

1. Долгова О. В. Синтаксис как наука о построении речи. М.: Высшая школа, 1980.
2. Смирницкий А. И. Древнеанглийский язык. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1955.
3. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
4. Стеблин-Каменский М. И. О предикативности. // В сб.: Вестник ЛГУ. Серия истории, языка и литературы. Вып. 4. № 20, 1956.

*I. S. Degtiarev (Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»);
A. A. Shumkov (Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»)*

***THE ESSENCE AND THE PROBLEM OF PREDICATIVE CONNECTION
OF THE PRINCIPAL PARTS OF THE SENTENCE***

The article examines the concept of a predicative connection between subject and predicate among the historical development of the English language. The problems of predication are studied, in particular in incomplete syntactic constructions. The influence of the inflectional parts of the subject and predicate on the formation of a predicative connection between the principal parts of the sentence is analyzed.

Syntax, predicative connection, principal parts of the sentence, implicitness, explicitness, null subject

УДК 316.77

Б. С. Десятов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: desyatov.bogdan@gmail.com)

«ОНЛАЙН-ЛИЧНОСТЬ» КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ

Статья рассматривает социологическую концепцию «онлайн-личности» в рамках драматургического подхода Ирвинга Гофмана, проводя параллели между перформативным характером повседневной жизни и взаимодействием пользователей в цифровых пространствах. В работе исследуется, как люди используют социальные сети в качестве сцены для исполнения различных ролей и масок, создавая онлайн-персоны посредством стратегической самопрезентации. Исследование подчеркивает значимость характеристик аудитории, личных качеств и особенностей взаимодействия с пользователями в формировании виртуальной самопрезентации. Обсуждение распространяется на адаптивность и текучесть онлайн-идентичности, подчеркивая эластичность самоидентификации в виртуальном пространстве. Через призму драматургии статья предлагает нюансированное понимание динамики между презентациями на авансцене и более аутентичным поведением за сценой, иллюстрируя сложное управление личной информацией в цифровую эпоху. Кроме того, в статье рассматриваются психологические последствия самопрезентации в Интернете, построение виртуальных идентичностей в различных сферах коммуникации и влияние участия в социальных сетях на формирование и поддержание социальных связей. В заключение статьи утверждается актуальность драматургической социологии Гофмана при анализе онлайн-идентичности и многогранной природы виртуального самовыражения в более широком контексте общественных и личных отношений в цифровую эпоху.

Социальные сети, социальные медиа, социальное воздействие, самопрезентация, идентичность, ролевая модель

Тема конструирования пользователем своей идентичности в пространстве интернет-коммуникации и виртуальной самопрезентации отражает традиционные проблематики в области психологических исследований, возникших еще в конце 90-х годов прошлого столетия. Драматургический подход Ирвинга Гофмана, описанный в его работе «Представление себя другим в повседневной жизни», предоставляет уникальный аналитический инструмент для изучения этого явления. В данной статье мы стремимся исследовать, как цифровые платформы служат «сценами», на которых пользователи «высту-

пают», используя разнообразные «маски» и «роли», для создания своей онлайн-личности. Также мы проанализируем, какие стратегии самопрезентации выбирают индивиды в виртуальном пространстве, и как эти стратегии отражаются на их социальных взаимодействиях и самоидентификации.

В академическом обсуждении «онлайн-личности» исследователи рассматривают разные подходы к ее пониманию и подчеркивают разнообразие аспектов ее формирования в интернете, акцентируя на трех факторах виртуальной самопрезентации: аудитории, личных характеристиках пользователя и его взаимодействии с аудиторией [1].

Обсуждение темы самоидентификации и репрезентации личности в виртуальном социальном поле затрагивает актуальный в контексте информационной революции нового века феномен виртуальной личности. В этом аспекте феномен виртуальной личности представлен отдельно по отношению к различным областям электронных коммуникаций, включая ролевые игры, телеконференции и дискуссионные форумы [2].

В рамках данной статьи особое внимание уделяется методологическим возможностям драматургической социологии И. Гофмана для обсуждения проблемы концептуализации феномена «онлайн-личности». Интерес представляют теоретические перспективы в исследовании сетевой реальности, такие ключевые для работ Гофмана концепты, как игровая (театральная) метафора, социальное взаимодействие, социальные встречи, сценирование. Применение этих понятий позволяет описывать и объяснять принципиальные для природы онлайн-личности характеристики, такие как подвижность, нестатичность, своеобразная «гуттаперчивость» персональной идентичности.

Ирвинг Гофман, известный социолог, уподобляет жизнь театральному представлению, где социальные действия людей – это спектакль. В эпоху онлайн-коммуникаций, важно понимать, как люди создают свои виртуальные «сцены» и «выступления», для изучения стратегий поведения и взаимодействий в цифровой среде.

В рамках модели Гофмана, «фронт» определяется как место или ситуация, в которой индивиды представляют себя перед аудиторией [3, С. 299–301]. При использовании идеи «фронта» для характеристики онлайн-пространства возникает интересный контраст. Виртуальные платформы дают инструменты для контроля над самопрезентацией через профильные фото, статусы и публикации, создавая управляемый и манипулируемый цифровой образ, отличный от оффлайн-взаимодействий. Эти элементы формируют комплексную картину личности, которая может быть реальной или идеализированной. Изучение закономерностей конструирования онлайн-идентичности и влияния ключевых факторов на самопрезентацию центрально для понимания динамики онлайн-самопрезентации [4, С. 39].

Публикуемые посты и комментарии в онлайн-пространстве также становятся инструментами, с помощью которых пользователи «выступают» перед своими подписчиками. Подобно актёрам на сцене, пользователи социальных сетей могут выбирать, какие части своей личности они хотят подчеркнуть, а

какие скрыть [4, С. 36–37]. Это «выступление» может быть направлено на достижение различных целей: от построения профессионального имиджа до поддержания социальных связей.

Исследования виртуальной идентичности активных пользователей акцентируют преимущественно отличия виртуальной идентичности пользователя от его реальных идентификаций. Отзывы, лайки, комментарии и репосты от аудитории могут значительно влиять на то, как пользователи формируют свои посты и реагируют на обратную связь. Это создаёт динамику, где «выступление» постоянно адаптируется в ответ на реакцию аудитории, подчеркивая роль социальных сетей как места социального взаимодействия и самовыражения.

Профессиональный блогер в ВКонтакте активно использует свой профиль для продвижения себя как бренда и взаимодействия с аудиторией. Он тщательно курирует свой профиль: выбирает эстетические фотографии, соответствующие определенной цветовой гамме и стилю, и продумывает тексты публикаций, комментарии и истории. Блогер делится жизненными моментами, профессиональными успехами и личными мыслями, направляя свои «выступления» на укрепление связей с аудиторией и увеличение их вовлеченности. Он активно взаимодействует с комментариями подписчиков, создавая ощущение двустороннего общения. Ответы и реакции подписчиков важны для формирования его дальнейшего контента: если определенный тип публикаций получает больше внимания, он может увеличить их количество. Это взаимодействие напоминает диалог между актером и публикой, где аудитория влияет на содержание «спектакля».

Гофмановское понятие «заднего плана» в онлайн-контексте относится к личным сообщениям и частным группам, где поведение более искреннее и менее формальное. В онлайн-пространствах границы между публичным и приватным становятся размытыми, при этом приватные сообщения могут случайно стать публичными, что усложняет управление личной информацией. Задний план онлайн представляет собой многоуровневое пространство для исследования и развития идентичности в более интимной среде, сохраняя связь с социальным миром.

Однако общаются пользователи посредством личных сообщений или ведут блог в социальной сети, они имеют возможность исполнять различные роли, адаптируя свою личность в соответствии с контекстом и аудиторией. Общение в сети происходит на уровне знаков, оставленных одним пользователем и декодируемых другим, напоминая треугольник автор – текст – читатель [5].

Поведение может варьироваться от строго профессионального на платформах типа LinkedIn до более неформального и развлекательного образа на платформах типа Instagram, ВКонтакте или TikTok. Следует учитывать, что эта гибкость также порождает сложности, связанные с поддержанием последовательности и аутентичности в различных цифровых ролях.

Важным аспектом онлайн-самопрезентации является её влияние на социальное взаимодействие и формирование социальных сетей. Пользователи, которые эффективно используют подходящие стратегии, могут улучшать свои

связи и расширять социальный круг. Например, исследование в области психологии социальных сетей показало, что пользователи, которые демонстрируют более привлекательную и интересную жизнь в социальных сетях, часто получают больше внимания и взаимодействия от других пользователей [6].

Это взаимодействие влияет не только на популярность, но и на доверие и эмоциональную связь с аудиторией через подлинное ролевое поведение, укрепляя социальные связи и формируя прочное сообщество.

Возможность манипулирования в цифровом пространстве также поднимает вопросы относительно подлинности самопрезентации и влияния на психологическое благополучие как самого пользователя, так и его аудитории. Постоянное поддержание определенного образа в интернете может оказывать давление на индивида, приводя к стрессу и искажению самовосприятия. Кроме того, аудитория, воспринимающая такую подачу как реалистичную, может испытывать чувство недостаточности или завышенные ожидания в отношении собственной жизни [7].

В реальной жизни ролевое поведение определяется социальными и культурными нормами, с более четкими ролями и ожиданиями, как в работе, семье или социальной группе, обычно более статичными и менее изменчивыми [3, С. 86].

В онлайн-пространстве роли более изменчивы, позволяя пользователям свободно выражать себя и экспериментировать с разными аспектами личности, часто отличными от их реальной жизни, например, сочетая серьезную профессиональную деятельность с ведением развлекательного блога.

Гибкость интернет-идентичности может вызвать конфликт с оффлайн ролями, приводя к психологическому напряжению из-за различий между реальными действиями и более абстрактными онлайн-ролями.

Различия в ролевом поведении также могут влиять на восприятие личности и межличностные взаимодействия. Онлайн-роли, предоставляя возможности для творческого самовыражения, могут вызывать недопонимание или неправильное толкование со стороны других. В свою очередь оффлайновые роли, контролируемые социальными ожиданиями и нормами, могут подавлять индивидуальность и креативность.

На наш взгляд, можно указать на ряд коммуникативных приемов управления восприятием онлайн-личности:

Кураторство контента.

Пользователи социальных сетей тщательно выбирают, какой контент публиковать: фотографии, видео, статусы и комментарии. Кураторство контента направлено на создание желаемого образа, который может быть как близким к реальности, так и идеализированным. Рассмотрим подробнее:

Персонализация профиля.

Включает в себя выбор аватара, обложки, биографии и других элементов профиля, которые отражают личность пользователя и его интересы. Подобные элементы в совокупности создают первое впечатление о пользователе в цифровом пространстве.

Интерактивное взаимодействие.

Активное взаимодействие с аудиторией через комментарии, лайки и обмен сообщениями позволяет формировать образ доступного и социально активного человека, а также способствует укреплению социальных связей.

Управление частной и публичной информацией.

Используя настройки приватности, выбор аудитории для определенных публикаций и удаление старых постов, которые больше не отражают текущую личность или ее жизненную позицию, пользователи определяют границы своей публичной и частной жизни в сети.

Адаптация к трендам и ожиданиям аудитории.

Данная коммуникативная практика реализуется посредством участия в популярных челленджах, обсуждении актуальных тем, в изменении стиля общения в зависимости от платформы и аудитории.

Таким образом, описанные И. Гофманом виды репрезентативных практик и приемов управления впечатлением, на наш взгляд, сохраняют теоретическую и прагматическую ценность в исследовании процессов формирования персональной онлайн-идентичности и коммуникативного поведения онлайн-личности.

Источники:

1. Шувалова М. А. Сетевая идентичность: способы представления // Вестник ВГУ. Серия: Философия. Воронеж: ФГБОУ ВО «ВГУ», 2020. №4. С. 169–174.
2. Мамедов А. К. Виртуальная личность: социальный эскапизм или новое поле креативности? // Экономика. Социология. Право. Брянск: БГУ 2019. №1 (13). С. 68–75.
3. Гофман. И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ, и вступ. статья А. Д. Ковалева М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. 304 с.
4. Белинская Е. П., Франтова Д. К. Активность в виртуальном взаимодействии как фактор конструирования идентичности пользователями социальных сетей: межпоколенные различия // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». М.: РГГУ 2017. №3 (9). С. 28–43.
5. Зыкова Е. В. Онлайн личность как инструмент персонификации электронного гипертекста // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. СПб.: ГАОУ ВО ЛО «ЛГУ им. А. С. Пушкина» 2010. №1. С. 118–122.
6. Manfred F. R. Kets de Vries. The Psychological Strategies of Influencers. URL: <https://knowledge.insead.edu/career/psychological-strategies-influencers> (дата обращения: 10.01.2024).
7. Erica R. Bailey, Sandra C. Matz, Wu Youyou & Sheena S. Iyengar Authentic self-expression on social media is associated with greater subjective well-being // Nature Communications. 202. №11.

B. S. Desyatov (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

«ONLINE IDENTITY» AS A SOCIOLOGICAL CONCEPT

This article explores the sociological concept of 'online identity' within the framework of Erving Goffman's dramaturgical approach, drawing parallels between the performative nature of daily life and user interactions in digital realms. It investigates how individuals leverage social media as stages to perform varied roles and masks, crafting distinct online personas through strategic self-presentation. The study underscores the significance of audience characteristics, personal attributes, and the specifics of user interactions in shaping virtual self-presentation. The discussion extends to the adaptability and fluidity of online identity, emphasizing the elasticity of personal identity in virtual spaces. Through the dramaturgical lens, the article offers a nuanced understanding of the dynamics between front-stage curated presentations and the more authentic back-stage behaviors, illustrating the complex management of personal information in the digital age. Furthermore, it reflects on the psychological implications of online self-presentation, the construction of virtual identities across different communication domains, and the impact of social media engagement on forming and maintaining social connections. The article concludes by asserting the relevance of Goffman's dramaturgical sociology in analyzing online identities and the multifaceted nature of virtual self-expression within the broader context of societal and personal relationships in the digital era.

Social networking, social media, social influence, self-presentation, identity, role modeling

УДК 81-13.

Г. А. Дёмин (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: dga97@mail.ru)

МЕТОДЫ СБОРА МАТЕРИАЛОВ В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ. ПРИМЕР РЕЙТИНГА EF EPI

В представленной статье рассматриваются методы, применяемые в процессе научного исследования. Также рассматривается пример индекса владения английским языком под названием EF EPI: проанализированы достоинства и недостатки метода, применяемого при осуществлении данного исследования. Данные и тенденции некоторых стран, включённых в представленный процесс изучения языка также представлены.

Методы, социолингвистика, наблюдение, тестирование, сбор данных, английский язык, рейтинг, тенденция

В настоящее время, под влиянием социально-политических условий, ряд методов сбора материала находится в особом состоянии. Речь идёт о таких методах как наблюдение, включённое наблюдение, устное интервью, анкетирование и тесты.

Одним из самых эффективных способов научного познания является наблюдение. Паршутина и Заграничная определяют наблюдение в сфере научных исследований как «метод, который дает возможность накапливать первоначальные данные об объекте исследования при минимальном воздействии на него исследователя» [1, С. 27]. В научном познании выделяются четыре разновидности наблюдения: прямое или включенное наблюдение, косвенное наблюдение (восприятие не самого объекта, а тех следствий, которые он вызывает), непосредственное наблюдение (без использования каких-либо внешних возбудителей), опосредствованное или приборное наблюдение (осуществляется с помощью технических средств).

Включённое наблюдение представляет собой наблюдение, в котором исследователь становится частью исследуемого объекта, группы и других формирований. Важно то, что при включённом наблюдении ничто не должно мешать исследователю отождествить себя с членами наблюдаемой социальной группы, чтобы вероятность внедрения исследователя в группу возросла. Если группа заметит постороннего участника, то это может привести к разоблачению и провалу наблюдения.

Устное интервью пришло из социологии и социальной психологии, но претерпело некоторые изменения. В социолингвистике устное интервью интересно своей формой, а не содержанием. «Главная задача синхронной социолингвистики – исследование механизмов спонтанного использования языка различными

социальными группами, говорящих в разных коммуникативных ситуациях «...» поэтому основная функция метода интервью – получить материал, характеризующий спонтанное речевое поведение людей» [2, С. 204].

Анкетирование является одним из самых популярных методов получения информации и применяется, в основном, для обследования большой группы говорящих. Им выдается анкета, в которой сформулировано некоторое количество вопросов, а иногда присутствуют и ответы. Анкетирование чаще всего используется для сбора статистических данных. «Социолингвистические анкеты можно разделить на два типа: одни нацелены на объективное исследование функционирования языка в обществе, другие – на изучение речевого узуса, оценку носителями языка конкурирующих языковых вариантов» [3, С. 22].

Тесты могут быть разными, в зависимости от поставленных целей исследования. Так это могут быть письменные задания, устные вопросы, списки слов, необходимые к прочтению и тому подобное.

В идеальной картине мире все вышеприведённые методы всё же доступны большинству исследователей, чем наоборот. Тем не менее, в рамках текущей геополитической ситуации, ряд методов социолингвистических исследований недоступен.

Сбор последних и актуальных данных посредством устного интервью, анкетирования и тестов стал существенно ограничен, так как наблюдается сокращение желающих участвовать в исследованиях, проводимых отечественными исследователями. Более того, методы устного интервью и особенно включённого наблюдения на данном временном этапе представляются практически невозможными. Ограничение на въезд в ряд стран вкупе с значительно осложнившейся логистикой перемещений выступают, к примеру, одними из причин вышеописанных проблем.

Однако, метод наблюдения остаётся открытым к применению, в то время как устное интервью, анкетирование и тесты всё ещё обладают некой вероятностью применения, пусть и сильно сократившейся.

Подобные методы исследования применяются, к примеру, для выявления показателя уровня владением английским языком в различных странах. Одним из ресурсов, проводящим подобные исследования является EF English Proficiency Index.

Данный рейтинг уровня владения английским языком считается крупнейшим подобным рейтингом и проводится международной образовательной компанией EF Education First, которая специализируется на исследованиях в области науки, языка, а также культурном обмене и образовательных поездках [4]. Сам индекс владения публикуется компанией Signum International AG.

Описываемый рейтинг составляется ежегодно с 2011 года. Методология данного исследования базируется на методе тестирования: для индекса издания 2023 года были изучены результаты более 2200000 человек по всему

миру. В подсчёт входили стандартный тест EF по английскому, также известный как EF SET, а также один из вступительных тестов компании по английскому языку.

Тест типа EF SET включает в себя задания по аудированию и чтению, проводится онлайн и является бесплатным и открытым для любого желающего пользователя интернета. Данный тест направлен на классификацию языковых способностей его участников в соответствии с одним из шести установленных уровней Общеввропейской системы координат CEFR.

Здесь представляется важным упомянуть, что в самом рейтинге представлены 113 стран, которые поделены на пять групп в зависимости от градации уровня владения английским языком: от «очень высокого» до «очень низкого». При этом показатели EF EPI соответствуют уровням CEFR. Так, «очень высокий» уровень соответствует уровню CEFR C1, «высокий» и «умеренный» уровни владения EF EPI соответствуют уровню CEFR B2, в то время как группы «низкого» и «очень низкого» уровней коррелируют с уровнями CEFR B1 и нижней полосой уровня CEFR B1 и CEFR A2 соответственно.

Также стоит упомянуть о возможной погрешности при составлении данной выборки. Тот факт, что участники тестирования приняли осознанное и самостоятельное решение об участии в тестировании не гарантирует репрезентативность выборки. Иными словами, в описанном тестировании принимают участие люди, желающие изучать английский язык или «узнать, какой у них уровень языка» [4]. Данное обстоятельство может исказить результаты исследования в определённые стороны при сравнении с показателями всего населения.

Ещё одним гипотетическим недостатком может являться доступность описываемого тестирования. Как было указано ранее, тесты, отбираемые для подсчёта EF EPI, находятся в открытом доступе в Интернете. Однако и в современном мире, наполненном технологиями, есть страны, где Интернет используется слабо ввиду разных причин, что позволяет упомянуть влияние онлайн-формата на выборку. Само же подобное влияние будет свидетельствовать о тенденции «к увеличению баллов за счёт исключения более бедных и менее образованных людей».

Несмотря на описанные выше недостатки, отмечается эффективность открытого онлайн тестирования в вопросе сбора и обработки большого количества информации по ряду показателей [4]. Вдобавок, факт того, что подобающая часть принимающих участие в исследовании людей – это работающие взрослые люди и обучающиеся молодые люди, которые заинтересованы в результатах изучения языка независимо от этапа этого самого изучения позволяет сделать вывод о том, что участники не заинтересованы в подтасовке результатов и каком бы то ни было мошенничестве, что, в свою очередь, позволяет считать данное исследование объективным.

В рейтинге также приводятся сводки по глобальным возрастным и гендерным, а также региональным тенденциям, где происходит деление на Европу,

Азию, Африку, Латинскую Америку и Ближний Восток. Подобные тенденции возможно изучить также и по каждой из 113 стран, входящих в рейтинг.

Говоря о возрастных тенденциях, можно отметить, что с 2015 по 2023 гг. в группе 18–20 лет наблюдается нескончаемый спад, который особо сильно усилился с 2020 года [5]. О спаде с 2021 года также можно сказать в отношении большинства остальных возрастных групп (группы в возрасте 21–25 лет и 31–40 лет), однако исключения составляют группы 26–30 лет и 41+ лет, у которых индекс, несмотря на спад с 2022 по 2023 год, возрос в период с 2021 по 2022 гг.

Относительно мировых гендерных тенденций важно упомянуть, что с 2014 по 2020 годы и у мужчин, и у женщин был планомерный рост индекса владения языком, а в 2019 и 2020 разница в показателях была почти минимальной. Тем не менее, вероятно, что общеизвестные события 2020 года внесли свои корректировки, так как начиная с 2020 по 2023 гг. уровень владения английским языком среди женщин падал, в то время как тот же уровень за аналогичный период времени среди мужчин возрастал с 2020 по 2022 годы и начал падение только в 2023 году.

Регионы Европы и Латинской Америки в период с 2011 по 2022 гг. преимущественно показывают рост с падением в 2023 году, в то время как индекс Азии, в которой наблюдается аналогичная ситуация в 2023 году, показывает по две тенденции роста и спада за те же 11 лет.

Более необычные ситуации наблюдаются в регионах Африки и Ближнего Востока – в обоих из них в период 2021–2023 гг. наблюдается рост владения английским языком. В африканском регионе подсчёт ведётся с 2017 года и за первые три года этих исследований там наблюдались резкие смены тенденций с положительного на отрицательный и, затем, вновь на положительный. Ближний Восток изучается с 2013 года и за период десяти показывает почти непрерывный плавный рост уровня владения английским языком.

Далее представляется интересным взглянуть на показатели некоторых стран из списка. Для начала можно рассмотреть страны, занимающие первое и одно из последних мест соответственно. Логичнее было бы рассмотреть страну, занявшее самое последнее место – в данном случае речь идёт о Демократической Республике Конго – однако по этой стране имеются данные только об общем значении индекса EF EPI, что, впрочем, также наталкивает на определённые выводы.

Тем не менее, ближайшей к Конго страной, которая обладает данными по тем же показателям, что и первая страна в списке, является Йемен, а первое место в рейтинге 2023 года занимают Нидерланды.

Общая тенденция EF EPI по Нидерландам показывает схожую со всем европейским регионом тенденцию в период с 2021 по 2023 годы, а именно спад [6]. Показатели по Йемену, несмотря на короткую историю исследования уровня владения в этой стране (исследования начались в 2021 году), за аналогичный период показывают обратную ситуацию – уровень продолжает значительный рост с каждым годом [7].

Сводка по возрастным тенденциям в Нидерландах за последние годы также показывает спад: в возрастных группах 26–30 лет и 41+ лет с 2022 по 2023 гг, в то время как в остальных группах – с 2021 по 2023 гг. Данный показатель для Йемена имеет другой характер: все возрастные группы, за исключением 26–30 лет, в которой спад представляется очень незначительным, находятся в положительной динамике.

На уровне тенденций по половому признаку Нидерланды следуют общемировой тенденции. Так, с 2014 по 2020 годы показатели владения английским языком среди обоих полов следовали одинаковой тенденции, пребывая, по большей части, в возрастающем движении. С 2021 по 2023 год у женского пола наметился спад, в то время как у мужчин этот спад появился после 2022 года и в своей сути остаётся незначительным. В Йемене, за аналогичный период, уровень владения английским у мужчин продолжил рост, а у женщин – остался неизменным.

Представляется логичным также рассмотреть уровень владения английским языком в России. Страна занимает 41 место в рейтинге и относится к группе со «средним» уровнем владения среди всех стран.

С точки зрения возрастной градации, то с момента начала данного исследования в 2015 году и до 2022 года уровень групп от 21 до 25, от 26 до 30, от 31 до 40 и от 41 и выше непреклонно возрастал [8]. Исключение составила группа 26–30 лет, у которой уровень с 2020 по 2021 годы минимально понизился, но в остальное время следовал вышеописанной тенденции. Также, у всех этих групп наблюдается спад в период с 2022 по 2023 гг. Однако возрастная группа 18–20 лет имеет отличное от всех остальных групп развитие: с 2015 года, на протяжении последующих пяти лет происходил постепенный спад, с последовавшими ростом и падением в 21–22 гг., но в 2023 году эта группа является единственной с положительной динамикой уровня владения английским.

С точки зрения половой тенденции также наблюдается необычная ситуация. В целом, в период с 2014 по 2023 год, за исключением 2019 и 2023 годов, показатель уровня владения английским языком у женщин в России выше, чем у мужчин [8]. В указанных ранее годах-исключениях, уровень у мужчин был, соответственно, выше и равен женскому. Более того, можно заключить, что уровень мужского пола носит более стабильный характер роста, хоть и обладает более низким значением, в сравнении с женским полом.

В заключение, можно отметить, что современные методы научного познания представлены рядом практических действий, которые также включают в себя достижения современных технологии, преимущественно возможности, предоставляемые интернетом. Некоторые возможные погрешности и сопутствующее искажение результатов не имеют отрицательного влияния на результат исследования.

Источники:

1. Паршутина Л. А., Заграничная Н. А. Наблюдение – как один из приемов формирования научного метода познания в преподавании естественнонаучных

предметов (биологии и химии) // cyberleninka.ru: сайт научной электронной библиотеки «Киберленинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nablyudenie-kak-odin-iz-priemov-formirovaniya-nauchnogo-metoda-poznaniya-v-prepodavanii-estestvennonauchnyh-predmetov-biologii-i-himii> (дата обращения: 10.01.24).

2. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика. М.: Издательский центр РГГУ, 2001. 439 с.

3. Запорожец М.Н. Социоллингвистика: электронное учеб. пособие / М.Н. Запорожец. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2014. 138 с.

4. Информация об EF EPI // ef.ru/eipi/: сайт. URL: <https://www.ef.ru/eipi/about-eipi/> (дата обращения: 14.01.2024)

5. EF EPI // ef.ru/eipi/: сайт. URL: <https://www.ef.ru/eipi/> (дата обращения: 14.01.2024)

6. Нидерланды // ef.ru/eipi/: сайт. URL: <https://www.ef.ru/eipi/regions/europe/netherlands/> (дата обращения: 14.01.2024)

7. Йемен // ef.ru/eipi/: сайт. URL: <https://www.ef.ru/eipi/regions/middle-east/yemen/> (дата обращения: 14.01.2024)

8. Россия // ef.ru/eipi/: сайт. URL: <https://www.ef.ru/eipi/regions/europe/russia/> (дата обращения: 14.01.2024)

G. A. Demin (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

METHODS FOR DATA COLLECTION WITHIN THE SCIENTIFIC KNOWLEDGE FRAMEWORK. EXAMPLE OF EF EPI RATING

The given article addresses the methods used in the process of scientific research. An example of an English Proficiency Index called EF EPI is also considered: the advantages and disadvantages of the method used in this study are analyzed. Data and tendencies of some countries included in the presented language process are also present.

Methods, sociolinguistics, observation, testing, data collection, English language, rating, tendency

УДК 316.4.051.2

П. П. Дерюгин (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: ppd333@rambler.ru);

Л. А. Лебединцева (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: llebedintseva879@gmail.com);

Т. Лю (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: liutianxi19@gmail.com);

Я. Юй (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: yuyangprozidise911@gmail.com).

СОЦИОЛОГИЯ ЦЕННОСТНОЙ СОЛИДАРНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ: ГРАНИ НАУЧНОЙ ПРОБЛЕМЫ

При финансовой поддержке гранта РФФИ № 24-28-01448

Суверенитет современных обществ в многополярном мире обеспечивается целостностью региональной и общенациональной солидарности. Наряду с этим общественное сознание и ценности различных регионов могут существенно отличаться от общенациональных образцов, находясь под воздействием глобальных процессов, включающими идеологическое и психологическое давление, нередко, экономическое и военное вмешательство. В этих условиях региональная ценностная солидарность может рассматриваться в качестве базового основания сохранения национального суверенитета. В этом смысле ценностную солидарность следует рассматривать в качестве актуальной научной проблемы социологии, решение которой предполагает междисциплинарный подход.

Ценности, солидарность, регионы, междисциплинарное исследование, пересборка, целостность

Современное научное исследование ценностной солидарности в социологии предполагает новый уровень теоретических обобщений [1], [2], позволяющий адекватно отражать реальность этого феномена, его системное представление и последовательно-логическое объяснение базовых характеристик. Научный анализ ценностной солидарности позволяет обобщить и систематизировать данные о солидарностях, возникающих на базе интенсивного возникновения и сохранения общих ценностей различных социальных групп и регионов, что соответствует динамичному характеру формирования новых ценностных солидарностей в условиях цифрового информационного пространства [3], интернета, сетевых обществ [4]. Исследование солидарности, формирующейся как результат интеграции ценностей, дает новые возможности социального и политического управления этими

процессами, в том числе с использованием информационной и коммуникативной среды, другими консолидирующими факторами. Наряду с этим в изучении ценностной солидарности отчетливы видны три направления разработок научной проблемы в социологии.

Во-первых, актуально рассмотрение множества противоречий в построении теорий ценностной солидарности, которые складываются как несколько осей теоретического анализа: 1. Между локализацией ценностной солидарности возникающих в регионах и их интеграцией с духовно-нравственными и традиционными ценностями сопредельных базовых (принимающих) обществ [5]; 2. Между общенациональной и региональной ценностной солидарностью новых регионов в рамках единого государственного устройства [6]; 3. Между западно-европейскими, восточно-азиатскими и российскими подходами в понимании ценностной солидарности [7]; 4. Между классическими теориями ценностной солидарности и их современными интерпретациями; 5. Между представлениями о ценностной солидарности как о стабильном состоянии общества, и ее динамическими трансформациями, а также как о результате переборки социальных пространств [5]; 6. Между множественностью понимания ценностной солидарности как понятия содержание которого трактуется смежными категориями (интеграция, единство, согласие, общность и некоторыми другими) и необходимостью научной строгости и теоретической целостности этого понятия, важного для теоретического и эмпирического исследования, а также для реализации прикладных технологий [8]; 7. Между специфическими аспектами понимания ценностной солидарности в социологии, политологии и регионоведении [9], во многом противоречащими действительному содержанию ценностной солидарности.

Во-вторых, современное исследование ценностной солидарности, нацеливается на выявление противоречия и определение путей разрешения проблем построения методологии исследования ценностной солидарности, осуществление анализа ведущих парадигм, ориентирующих направленность изучения множества характеристик ценностной солидарности. В частности, актуально обоснование непротиворечивого единства исследований ценностной солидарности между наиболее устойчивыми методологическими направлениями анализа: как потенциала объединения различных социальных сил, социальных структур и институтов государства и социума, актуальных для успешного решения глобальных проблем (наиболее важный аспект исследования) [10]; соотношение солидарности на региональном уровне и межрегиональном уровнях; как процесса, итога и особенностей включения различных групп индивидов [11] в региональное сообщество [12]; как форм интеграции этического и рационального [13], являющегося базой современного социального государства и его регионов; и некоторых других. Фундаментальное исследование ценностной солидарности выступает базовым условием научного анализа проблем парадигмального объяснения множества других видов солидар-

ности [14], таких как «региональная солидарность», «социальная солидарность», «национальная солидарность», «международная солидарность», «групповая солидарность» и т. п.

В-третьих, фундаментальное междисциплинарное знание о ценностной солидарности в социологии позволяет разрешить противоречия методического обеспечения эмпирических исследований ценностной солидарности. Наиболее выпукло просматриваются два важных момента построения методик, затрудняющих получение объективных результатов. Первая особенность заключается в одностороннем понимании ценностей как объекта эмпирического исследования. В частности, ценности могут исследоваться путем наблюдений или обращения к респондентам с оценкой значимости или важности чего-либо. Однако, во многих исследовательских процедурах не предполагается изучение одной из основных характеристик ценностей – как проявление выбора в ситуации альтернативных возможностей. Наряду с этим в действительности ценности личности, как и ценности каких-либо социальных образований, реально проявляются в ситуации принятия решения об альтернативном выборе.

Другая особенность заключается в определении адекватных методов обработки полученных данных, которые для выявления собственно солидарности предполагают не простую констатацию каких-либо фактов, но выявление степени единства характеристик выбора некоторым числом респондентов, что не может быть выявлено, например, процедурами простого сложения получаемых результатов, показываемых каждым из респондентов. В частности, актуальны разработки технологий анализа данных, использование которых позволит выявлять меру и степень связи между ценностями некоторого числа респондентов, как эмпирической модели солидарности, на основании чего возникает возможность изучения региональной и общенациональной ценностной солидарности.

Рассмотренные и ряд других противоречий научной проблемы исследования ценностной солидарности носят массовидный характер и тем самым снижают объективность анализа солидарности как объекта социологического анализа. В свою очередь снижается уровень и результативность предлагаемых рекомендаций. Стратегическое направление социологического исследования ориентировано на выявление глубинных законов и закономерностей о ценностной солидарности и преодоление показанных противоречий, предполагает разработку системного подхода, позволяющего получить синергетический эффект на базе достижения непротиворечивого единства теории, методологии и методик анализа ценностной солидарности различных регионов на основе духовно-нравственных и традиционных ценностей, а также проектирование социальных и политических технологий, способных обеспечивать реальный и надежный результат формирования общенациональной ценностной солидарности общества.

Решение поставленных научных проблем имеет перспективу первостепенной важности, поскольку в глобальном социальном пространстве происходят многочисленные турбулентные процессы, стимулирующие локализацию, исчезновение и возникновение новых социально-государственных образований – их интеграцию, дезинтеграцию и реинтеграцию, которые характерны не только для России, но также актуальны для стран бывшего социалистического лагеря, постсоветских стран, Китая, африканских стран, стран Ближнего Востока, некоторых других.

В совокупности систематизация показанных положений позволит разрабатывать комплексные модели ценностной солидарности регионов, диагностировать преимущества и недостатки в управленческом, социальном и политическом регулировании процессов ее формирования.

Источники:

1. Луков С. В. Солидарности // Знание. Понимание. Умение. 2016. №1.
2. Ефременко, Д. В. Многоликая солидарность / Д.В. Ефременко // Социологический ежегодник. 2011. №1. С. 48–51.
3. Юдина Е. Н., Алексеенко И. В. Солидарность в социальных сетях // Коммуникология. 2020. №1.
4. Вебер А. В. Солидарность в век глобализации // Россия реформирующаяся. 2003. №3.
5. Вангелис К. Солидарность: традиции и современность // Синтез цивилизации и культуры. 2003. №1.
6. Кремнев Е. В., Кузнецова О. В., Лесниковская Е. В. Трансдисциплинарная регионология: теория и методология. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2020. – 155 с.
7. Губанов Н. И., Губанов Н. Н. О ментальных основаниях общественной солидарности // Социум и власть. 2012. №1 (33).
8. Бадзага Г. Ж. Противоречивое понятие солидарности // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2015. №3 (15).
9. Москаленко Г. Е. Право и солидарность в концепции М. М. Ковалевского // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. №1.
10. Павлов А. П. Онтология солидарности и социальный мир // Logos et Praxis. 2017. №4.
11. Сетевая диагностика ценностей предпринимательства (по материалам эмпирического социологического исследования российских и китайских предпринимателей) / П. П. Дерюгин, И. А. Баруздин, Ц. Цзинь [и др.] // Дискурс. 2017. № 4. С. 68–89.
12. Дерюгин П. П. Теоретико-методологический анализ социальной диагностики межличностных отношений: специальность 22.00.01 «Теория, методология и история социологии»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук / П. П. Дерюгин. Санкт-Петербург, 2001. 43 с.

13. Нарыков Н. В., Кузьменко И. С. Феноменологические аспекты социальной солидарности // Философия права. 2020. №2 (93).

14. Кузьменко И. С. Ценностный и целевой аспекты солидарности в условиях глобальной трансформации // Общество: философия, история, культура. 2020. №5 (73).

P. P. Deryugin (St. Petersburg State University);

L. A. Lebedintseva (St. Petersburg State University);

T. Liu (St. Petersburg State University);

Y. Yu (St. Petersburg State University)

SOCIOLOGY OF VALUE SOLIDARITY MODERN SOCIETIES AS A SCIENTIFIC PROBLEM

The sovereignty of modern societies in a multipolar world is ensured by the integrity of regional and national solidarity. Along with this, the public consciousness and values of different regions may differ significantly from national samples, being under the influence of global processes, including ideological and psychological pressure, and often economic and military intervention. Under these conditions, regional value solidarity can be considered as the basic basis for maintaining national sovereignty. In this sense, value solidarity should be considered as an urgent scientific problem of sociology, the solution of which requires an interdisciplinary approach.

Values, solidarity, regions, interdisciplinary research, reassembly, integrity

УДК 316.72

Ю. О. Жулина (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: zhulinajulia@mail.ru);

ЦИФРОВОЕ ИСКУССТВО КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО КАПИТАЛА: ОБЗОР ОСНОВНЫХ КОНЦЕПЦИЙ И ПОНЯТИЙ

Настоящая работа посвящена подходу рассмотрения цифрового искусства как способа формирования культурного капитала человека. Актуальность данной темы подтверждается тем, что многие сферы нашей жизни выходят в цифровую среду, и искусство не становится исключением. Цифровые технологии – формирующий фактор современной реальности, поэтому культурным индустриям и потребителям культурных благ приходится адаптироваться к этим изменениям.

Цифровое искусство, восприятие, цифровизация, формы капитала, культурный капитал, инкорпорированный капитал, объективированный капитал, институционализированный капитал

Культура – одна из важных составляющих форм общественной жизни. Одним из лучших способов развития культурного капитала является искусство, его восприятие и изучение. В данный момент мы находимся на активной стадии развития цифрового общества, в связи с этим, появляются новые возможности формирования эстетических ценностей.

Актуальность данной темы подтверждается тем, что многие сферы нашей жизни выходят в цифровую среду, и искусство не стало исключением. Цифровые технологии становятся формирующим фактором, поэтому культурным индустриям и потребителям приходится адаптироваться к этим изменениям. В последние десятилетия многие вопросы сферы искусства, связанные с его созданием, распространением, владением, его значением для человека и взаимодействием субъекта и объекта в искусстве, значительно меняются. Цифровые технологии вошли в мир искусства – изобразительного, поэтического, музыкального, театрального, что существенно расширяет возможности человека, не смотря на его географическое или материальное положение. Многие работы посвящены цифровому искусству [1, 2, 3]. Данная тема нуждается в постоянной актуализации, что обусловлено новизной и постоянным развитием цифровых технологий.

Цифровое искусство существует как результат взаимодействия искусства и научных технологий. В широком смысле цифровое искусство – вид творческой деятельности с применением современных компьютерных технологий, в результате которой создается или модифицируется отображение действитель-

ности. При создании произведений цифрового искусства технологии используются не только как вспомогательное средство, но и как основной инструмент достижения определенного творческого результата.

Цифровое искусство в узком смысле – это создание произведения искусства цифровыми средствами полностью или частично. Это машинное искусство или кибер-искусство, поскольку оно неотъемлемо от кибернетического механизма. Одним из видов кибер-искусства является искусство, производимое искусственным интеллектом.

Вызовы и проблемы, с которыми сталкивается искусство в контексте цифровых технологий, были высказаны теоретиком культуры Вальтером Бенямином еще в 1936 году в эссе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости». Тогда разговоры о смерти искусства также были связаны с научно-техническим прогрессом – появлением фотографии, которая, как предполагали многие, могла вытеснить изобразительное искусство [1, С. 126–130]. Но этого не произошло: фотография не стала конкурентом живописи, но сформировала собственную нишу.

Автор книги «Цифровое искусство» Кристиана Пол проводит важную границу между искусством, в котором цифровые технологии используются как инструмент создания более или менее традиционных произведений, и тем, что обычно обозначают собственно термином «медиаискусство» – «цифровым компьютерным искусством, которое создается, хранится и распространяется с помощью цифровых технологий и в качестве выразительных средств использует исключительно их» [2, С. 187–190].

Цифровизация искусства позволяет говорить не только о создании качественно новых произведений, но и в целом о расширении доступа к уже существующим объектам культуры. Многие музеи и галереи по всему миру начали создавать цифровые архивы своих коллекций, чтобы сохранить их наследие и сделать его доступным для широкой публики. Цифровая архивация позволяет сохранить копии произведений искусства с высоким разрешением, что обеспечивает их сохранность и доступность для будущих поколений, а также для тех, кто не может посетить музеи лично [3]. Например, Google Arts & Culture – это онлайн-коллекция с работами со всего мира, включая изображения, видео, аудио и текстовые материалы.

Некоторые музеи также используют технологии виртуальной реальности для создания уникальных виртуальных выставок, где посетители могут изучать произведения искусства в цифровом формате и получать дополнительную информацию о них [4, С. 10]. Помимо прочего, это успешная образовательная возможность. Например, музеи Метрополитен в Нью-Йорке и Государственный Эрмитаж в Санкт-Петербурге представляют онлайн-коллекции своих произведений искусства.

Все это способствует формированию новых возможностей в накоплении культурного капитала. Культурный капитал можно объяснить как форму капи-

тала, который «при определенных условиях конвертируется в экономический капитал и может быть институционализирован в форме образовательной квалификации» [5, С. 242]. Бурдье и Пассерон разработали концепцию культурного капитала, чтобы изучить влияние культуры на систему социальной стратификации и «связь между действием и социальной структурой» [6, С. 154].

Согласно теории Бурдье, культурный капитал может выступать в трёх состояниях: во-первых, инкорпорированном, то есть в форме длительных диспозиций ума и тела, другими словами можно сказать, что данное состояние представляет собой культурные предпочтения и модели поведения. Накопление культурного капитала в инкорпорированном состоянии предполагает процесс воплощения в телесные формы, поскольку этот процесс влечёт за собой усилия по освоению и ассимиляции, он требует затрат времени непосредственно самого инвестора [5].

Культурный капитал может быть приобретён в различном объёме, в зависимости от периода времени, общества, социального класса, то есть неосознанно. Он всегда несёт на себе отпечатки ранних условий приобретения, и эти более или менее видимые отпечатки помогают определить отличительные особенности. Его нельзя накопить независимо от способностей индивидуального агента к его приобретению, он угасает и умирает вместе со своим владельцем. Также продолжительность времени, в течение которого индивид может продолжать процесс приобретения капитала, зависит от продолжительности свободного времени, времени, свободного от экономической необходимости, что является предпосылкой первоначального накопления капитала. Данное состояние культурного капитала развивается с помощью цифровизации искусства, ведь новые технологии ускоряют процесс потребления результата творческой деятельности, которые находятся в разных городах и странах, они становятся доступными и более информативными. Благодаря технологиям мы можем не только познакомиться с произведением искусства, но и узнать различного рода сведения о нем.

Во-вторых, объективированном – потреблении и приобретении некоторых культурных благ. Культурный капитал в объективированном состоянии имеет ряд свойств, которые можно определить только относительно его самого в инкорпорированной форме. Культурные блага могут приобретаться как материально, что предполагает наличие экономического капитала, так и символически, что предполагает наличие культурного капитала. В своём объективированном состоянии культурный капитал демонстрирует все качества автономного, взаимосвязанного мира, который, хотя и является историческим продуктом деятельности, имеет собственные законы, превосходящие волю отдельных индивидов, и, следовательно, как это можно заметить на примере языка, остаётся несводимым к тому, что может присвоить любой агент или группа агентов.

Для объективированного состояния переход искусства в цифровое пространство также является полезным и эффективным инструментом. Теперь,

для приобретения результата творческой деятельности человек может использовать современные компьютерные технологии. Например, в наше время коллекционеру нет необходимости посещать аукционы, так как различные культурные блага можно найти на специализированных сайтах или даже приобрести уникальное произведение цифрового искусства посредством NFT – невзаимозаменяемые токены, которые используются для обозначения прав собственности на уникальные объекты.

И, наконец, институционализированном состоянии, которое связано с документами, которые удостоверяют ценность воплощенного культурного капитала, например диплом или степень. При наличии академической квалификации, сертификата о культурной компетенции, наделяющего своего владельца конвенциональной, непреходящей и юридически гарантированной ценностью по отношению к культуре, возникает социальное таинство, которое порождает форму культурного капитала, относительно независимую от своего владельца и даже от самого культурного капитала, которым он распоряжается в данный момент времени. Цифровизация искусства в данном состоянии культурного капитала также очевидна, в пример можно привести доступность к различного рода курсам и обучением, которые проводятся на базе специализированных ВУЗов, музеев, галерей и так далее.

Также стоит заметить, что цифровизация в области культуры поддерживается государством. Так, 11 декабря 2023 года вышло распоряжение Правительства Российской Федерации о внедрении цифровых технологий в культурное пространство, дооснащение музеев, театров и библиотек современной программно-технической базой, а также повышении доступности культурных ценностей для граждан [7]. Оно синхронизировано с действующими государственными программами и национальными проектами и утверждаются на период до 2030 года.

Данная инициатива проводится с целью достижения высокого уровня цифровой зрелости во взаимодействии посетителей и учреждений культуры, обеспечение удобства, доступности и эффективности использования культурных ценностей в цифровом формате.

Таким образом, активное внедрение цифровых технологий в сферу искусства имеет свои положительные стороны: совершенствование художественных средств, создание принципиально новых произведений, в предоставлении и расширении доступа широкой аудитории к объектам культуры, иными словами, использование технологий направлено на развитие и улучшение культурной среды, что ведет к развитию творческой среды, обогащению современной культуры и росту культурного капитала населения.

Дальнейшее исследование будет направлено на изучение особенностей восприятия цифрового искусства и на то, как оно формирует моральные и эстетические нормы и ценности с помощью сетевого подхода [8]. Согласно теории Пьера

Бурдые, формы капитала конвертируемы и связаны друг с другом. Поэтому в дальнейшем будет также изучено, как сохранение и наращивание культурного капитала влияют на экономический и символический формы капитала.

Источники:

1. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе / Под. ред. Ю. А. Здороваго. М.: Медиум, 1996.
2. Пол К. Цифровое искусство. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.
3. Хезмондалш Д. Культурные индустрии. М.: Изд. дом ВШЭ, 2018.
4. Лакиза М. М. Восприятие изобразительного искусства в условиях цифровизации социокультурной среды // Научная палитра. 2021. № 3(33). С. 215–223
5. Бурдые П. (1986). The forms of Capital. В J. Richardson (Ed.), Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education (pp. 241–258).
6. Lamont, M., & Lareau, A. (1988). Cultural Capital: Allusions, Gaps and Glissandos in Recent Theoretical Developments, *Sociological Theory* 6(2), 153–168.
7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11 декабря 2023 года №3550-р
8. Дерюгин П. П., Лебединцева Л. А., Ярмак О. В. Стратегия социологической диагностики человеческого капитала на основе ценностей: потенциал сетевого подхода (На примере изучения научно-образовательных центров) / П. П. Дерюгин, Л. А. Лебединцева, О. В. Ярмак [и др.] // Эффективность труда и качество трудовой жизни XXI века. СПб: ООО «Скифия-принт», 2020. С. 112–123.
9. Cipriani G. The Ethics of Relation in the New Modernity of Digital Art and Culture // *International Journal of Cultural Research*. 2021. No. 3(44). P. 6-17. DOI 10.52173/2079-1100_2021_3_6.
10. Bramantyo T. Digital Art and the Future of Traditional Arts // *Music Scholarship*. 2021. No. 1. P. 96-110. – DOI 10.33779/2587-6341.2021.1.096–110.

J. O. Zhulina (Saint Petersburg State University)

DIGITAL ART AS A FACTOR IN THE FORMATION OF CULTURAL CAPITAL: OVERVIEW OF BASIC CONCEPTS AND CONCEPTS

This work is devoted to the approach of considering digital art as a way of forming human cultural capital. The relevance of this topic is confirmed by the fact that many areas of our lives are entering the digital environment, and art is no exception. Digital technologies are a formative factor of modern reality, so cultural industries and consumers of cultural goods have to adapt to these changes.

Digital art, perception, digitalization, forms of capital, cultural capital, incorporated capital, objectified capital, institutionalized capital

УДК 113, 148.5, 16

А. Ф. Иванов (С.-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: afivanov@etu.ru)

О ПРОБЛЕМЕ КАЧЕСТВА ИНФОРМАЦИИ (ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС)

Рассматривается онтологический контекст концепта качества информации. Описываются три подхода к пониманию информационной реальности, позволяющие классифицировать большое число дефиниций информации, что позволяет эксплицировать некоторые методологические аспекты исследования разнообразных характеристик феномена информации.

Качество информации, онтология, подходы к пониманию информации

В начале XXI века обретя общемировой масштаб, процесс информатизации всех сторон жизни общества и человека детерминирует кардинальные изменения не только содержания общественных отношений, но и их формы, в том числе и стандарты человеческой коммуникации. В настоящих условиях, когда существенно трансформируется реальность и расширяются пространственные границы и технологические формы всех видов коммуникаций, повышается значение философской рефлексии современных форм информационных взаимодействий в социуме и, как следствие – проблемы качества информации. Принципиально важно здесь отметить, что в основе каждого методологического подхода лежит (непосредственно или опосредованно) определенная онтологическая концепция (картина мира, или картина определенного фрагмента реальности) [1, С. 7–12].

Проблемы качества информации носит ярко выраженный междисциплинарный характер (философские, естественнонаучные, социо-гуманитарные технико-технологические аспекты). Но проблемное ядро составляет вопрос о природе информации.

В философском и научном дискурсах конкретные подходы решения вопроса о сущности (природе) феномена информации находят свое выражение в принятых в них представлениях и дефинициях указанного феномена [2, 3, 5].

Как отмечает отечественный исследователь Чернавский Д. С. – автор динамической теории информации [4] – «термин информация сейчас употребляется весьма часто и в разных смыслах, а еще чаще – всеу, т. е. без всякого смысла» [5, С. 167]. Способствует этому и возрастающее число слоев реальности (объективная, субъективная, физическая, социальная, информационная, техническая, виртуальная, дополненная и т.д.), причем на уровне здравого смысла в повседневности одни слои реальности «заслоняют» другие (вплоть

до отрицания последних). И это одна из причин десятков определений феномена информации. Такое многомерное по качеству и количеству разнообразие представлений о феномене информации в научном и философском дискурсах устраняется путем редукции этого многообразия к небольшому числу концептуальных подходов понимания феномена информации. В основе каждого из них лежит определенная онтологическая модель, в которой находит свое отражение система (с учетом их координационных и субординационных связей) слоев реальности.

На данный момент группировка разнообразных дефиниций информации может быть произведена по трем концепциям информации.

Ядро атрибутивного подхода составляет положение о том, что информация является атрибутом материи, воплощающем в себе меру определенности, организованности, упорядоченности, сложности и разнообразия. Как следствие информация связывается здесь с другим всеобщим свойством материи – отражением. В этом ракурсе информацию можно трактовать как содержание отражательного процесса, или как инвариантную часть отражения, которая может быть определена (измерена) и передана от одной системы другой. Справедливости ради заметим, что не все исследователи принимают данный подход [3].

В рамках функционально-кибернетического подхода информация мыслится особая форма функциональной связи, имманентная самоорганизующимся (а значит, и самоуправляемым) системам, прежде всего, биологическим и социальным. В ряду последних в качестве вида следует выделить искусственные, т. е. технико-технологические, так как сущность техники вбирает в себя свойство быть порожденным (в терминологии Н. Кузанского – «бытие от»). В рамках такого подхода акцент в понимании информации делается на алгоритм (в качестве модификационных видов могут употребляться термины «план», «оператор», «инструкция»): информация – план строения живой клетки, или информация – совокупность правил, приемов и сведений, необходимых для создания (построения) оператора [3, С. 168].

Третий подход (самый «популярный») антропосоциотрический базируется на положении, что информация (в строгом смысле этого слова) имеет место быть только лишь в социальных системах, т. е. информация трактуется как знание и содержание речевых коммуникаций. В свете философии модерна и, в частности, диалектической, социальная реальность является высшей формой организации бытия, поэтому оно содержит в себе в снятом виде все необходимые и существенные свойства и отношения всех предшествующих ей форм организации бытия, что и служит основанием экстраполяции некоторых положений, характерных для атрибутивного и функционально-кибернетического подходов, в сферу исследования информационных взаимодействий в социуме. В итоге, антропосоциотрический подход акцент делает на специфике социально-коммуникативных взаимодействий и теснейшим образом связанных с ними отражательных процессов.

Указанные выше концептуальные подходы решения проблемы качества информации в принципе совместимы, что дает надежду на создание в будущем единой концепции информационной реальности. Причем наиболее перспективным видится атрибутивный подход к пониманию информации.

Согласно атрибутивному подходу, информация является таким же фундаментальным явлением универсума, как вещество, поле, время и др. Отсюда вытекает принципиально важное в методологическом отношении положение о том, что явления природного мира (физико-биологической реальности), равно как и социальной реальности, невозможно объяснить без учета универсальности феномена информации.

Не менее важным в атрибутивном подходе является тезис о том, что информация – объективное явление и носит всеобщий характер, присутствует в живой и неживой природе, т. е. в естественном, равно как и в искусственной реальности (так как является «бытием от»). Следовательно, понятие информации относится к кругу всеобщих и универсальных, а значит, занимает определенное место в системе философских категорий.

При этом следует заметить, что, несмотря на то, что информация предстает как мировое явление, все-таки, такая относительная универсальность не определяет ее субстанциональности. Она есть атрибут.

В этой связи представляется неправомерной достаточно стойкая тенденции отождествления терминов «данные» и «информация». Учитывая это и основываясь на философском положении о разнообразии мировых явлений, получаем возможность междисциплинарного исследования проблемы качества информации. Именно данный атрибут информации в той же самой социальной реальности обращается в ее – информации – ценностное измерение.

Качество информации можно эксплицировать путем систематизации различных ее свойств, которая, в свою очередь, позволяет получить классификацию подходов к интерпретации ценности информации [6, С. 67–112]. Различные точки зрения, представленные в философской литературе по данному вопросу, позволяют эксплицировать концептуальный контекст понятия качества информации. В частности, Исследуя имеющиеся подходы к определению ценности, он выделяет критерии отнесения того или иного явления, вовлеченного в круг человеческого бытия, к ценностям. В данной главе обращает на себя внимания глубокий анализ проблемы субъективности ценностей, авторское видение которой делает критерии отнесения к ценностям достаточно четкими и ясными. Перспективность такого подхода представляется верной и обоснованной.

Методологически важным здесь является указание на то, что, необходимо четко различать в качестве информации онтологический и эпистемологический аспекты. Это дает возможность мыслить феномен информации с позиций единства объективного и субъективного, то есть взаимодействия между субъектом и объектом, тем самым достигая относительной полноты рассмотрения проблемы качества информации. Степень полноты – это соотношение онтологического и эпистемологического аспектов качества информации. Концепт

объективной истины (той самой, которая не зависит от свойств познающей личности) получает «второе дыхание». Информацию-в-субъекте можно и нужно сопоставлять с информацией-в-объекте. То есть анализировать порождение информации в человеке и обществе, ее разнообразие и динамику, сопоставляя с многообразными слоями реальности.

Источники:

1. Методология исследования сложных развивающихся систем (монография) / Под ред. проф. Б. В. Ахлибининского. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2003.

2. Махлуп Ф. Производство и распространение знаний в США / Пер. с англ. И. И. Дюмулена [и др.]; Вступ. статья Г. В. Полуниной; Ред. Е. И. Розенталь. М.: Прогресс, 1966.

3. Мелик-Гайказян И. В. Информационные процессы и реальность. М.: Наука, ФИЗМАТЛИТ, 1997.

4. Чернавский Д. С. Синергетика и информация: Динамическая теория информации. М.: URSS. 2021. (Серия: Синергетика: от прошлого к будущему. № 13).

5. Чернавский Д. С. Проблема происхождения жизни и мышления с точки зрения современной физики // Успехи физических наук. 2000. Т. 170, № 2. С. 157–183.

6. Туманов А. А. Социально-философский анализ проблемы ценности информации: специальность 09.00.11 «Социальная философия»: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Ивановский государственный химико-технологический университет. Иваново, 2006. Библиогр.: С. 137–152.

A. F. Ivanov (Saint Petersburg electrotechnical university «LETI»)

***ABOUT THE QUALITY OF INFORMATION PROBLEM
(ONTOLOGICAL FORESHORTENING)***

The ontological context of the concept of information quality is considered. Three approaches to understanding information reality are described. It is allowing to classify a large number of information definitions, which allows to explicate some methodological aspects of the study of various characteristics of the information phenomenon.

Information quality, ontology, understanding information approaches

УДК 316.775

Т. В. Ивашковская (Российская академия народного хозяйства и государственной службы Северо-Западный институт управления, e-mail: tv_ivashkovskaya@mail.ru);

В. А. Павлов (Российская академия народного хозяйства и государственной службы Северо-Западный институт управления, e-mail: vladimir5949@rambler.ru)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СМИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Рассматриваются основные модели взаимоотношений СМИ и государства. Особое внимание уделяется трансформации российской модели. Показано, что сегодня складывается смешанная – государственно-рыночная – модель с доминирующим положением государства.

Информация, информационные технологии, масс-медиа, модель, этатизм

Проблема взаимоотношений СМИ и государства, вероятно, столь же стара, как и сами информационные средства. Попытки на основе сравнительного анализа этих взаимоотношений в различных странах выявить их сходные черты и различия для выработки соответствующих моделей как неких «идеальных типов» возникли сравнительно недавно.

Одна из первых таких попыток была предпринята еще в 80-х гг. прошлого столетия американским ученым, специалистом в области масс-медиа Сидни Хэдом, который выделил три модели управления средствами массовой коммуникации, сложившиеся во второй половине XX в.: попустительскую (дозволяющую), патерналистскую (попечительскую) и авторитарную. Это – «чистые типы», в реальности наблюдаются модели смешанные – с той или иной долей «чистых типов», но некоторые конкретные системы к ним очень близки. Так, С. Хэд утверждал, что типичным примером «попустительского» управления являются США, где вещание и пресса отданы в руки частного предпринимательства. «Патерналистское» управление сложилось в Великобритании – здесь в интересах «общего блага» контроль над крупнейшими СМИ осуществляется общественностью через специальные советы, которые государство наделило особыми полномочиями. Наконец, примером «авторитарного» управления был СССР, где контроль над СМИ осуществлялся правящей партией и ее бюрократическим аппаратом [1, С. 90–93].

Предложенные модели отразили, по меньшей мере, два аспекта взаимоотношений масс-медиа и государства – политический и экономический. Поли-

тический выражается в степени контроля деятельности СМИ со стороны государства и, как следствие, в степени свободы слова для журналистов и свободы доступа к информации для общества. Экономический аспект составляет вопрос о собственности на средства массовой информации – частной, государственной или иной. Очевидно, что эти два аспекта находятся в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности.

Спустя некоторое время отечественный исследователь Ю. М. Розанова предложила свое видение моделей взаимоотношения СМИ и государства, получившее широкое признание в отечественной литературе. Это, во-первых, модель государственного регулирования деятельности СМИ (этатистская); во-вторых, рыночная модель, основанная на частной собственности на СМИ; в-третьих, модель общественного контроля (*public broadcasting*), где СМИ действуют под контролем общественных советов и финансируются за счет абонентской платы [2, 107–122]. Нередко выделяют еще четвертую – смешанную – модель, которая в том или ином сочетании включает элементы двух или всех трех предыдущих.

В качестве примера этатистской модели приводится СССР, где электронные СМИ были в ведении Государственного комитета по телевидению и радиовещанию при Совете Министров СССР, а Госкомпечати контролировал деятельность прессы. Финансирование этой деятельности осуществлялось за счет бюджетных средств, что обеспечивало государственный контроль над содержанием передач и публикаций. Рыночная модель сложилась в США во второй половине XX века. Модель общественного вещания получила признание в странах Европы, в первую очередь в Великобритании, где ярким примером является деятельность Би-Би-Си (BBC).

Нетрудно заметить, что перечисленные модели обоих исследователей имеют много общего, и в их основе лежат упомянутые выше политический и экономический аспекты.

Возникает вопрос: какая модель отношений СМИ и государства сложилась в современной России и как она эволюционировала?

В начале 90-х гг. XX в. наблюдается постепенный отход от модели государственного регулирования деятельности СМИ – создается институт собственников в сфере вещания, появляются первые медиа-холдинги. Среди крупнейших медиамагнатов были Б. А. Березовский (издательский дом «Коммерсантъ», «Независимая газета», контроль над ОРТ, ТВ-6 и др.), В. А. Гусинский (холдинг «Медиа-Мост», телеканал НТВ, В. О. Потанин («ОНЭКСИМ-банк») к середине 90-х гг. сосредоточил в своих руках внушительную информационную власть: возглавляемые им финансовые структуры прямо или косвенно контролировали газеты «Известия», «Комсомольская правда», «Деловой мир», «Коммерсант-Дейли» и др. Несколько более скромные позиции в отечественных СМИ занимала группа «Менатеп» (М. Ходорковский): 10% голландской издательской компании «Индепендент-медиа», выпускающей в Москве ежед-

невную газету «Москоу Таймс» и еженедельник «Капитал», в Санкт-Петербурге – газету «Санкт-Петербург таймс», а также ряд рекламных журналов [3, С. 70–74]. Таким образом, в течение первой половины 90-х гг. XX в. наблюдался отход государства от контроля над информационным пространством и быстрое распространение контроля ведущих российских финансово-промышленных групп над отечественными СМИ.

Ситуация стала меняться после президентских выборов 1996 года. Государство стало осознавать, какой огромной пропагандистской силой обладают средства массовой информации, способные за месяц превратить непопулярного кандидата в популярного. Далее оставлять такую силу в частных руках было политически недальновидно. Именно поэтому во второй половине 90-х гг. XX в. происходит активизация государства в медиа-пространстве. Она наметилась еще в 1998 г. с создания единого производственно технического комплекса ВГТРК. Созданием ВГТРК государство показывало, что намерено возвращать утраченные в информационной сфере позиции и превращаться в эффективного управляющего медийными ресурсами.

Начало нового столетия знаменовало закат «эры олигархов» в медиасфере. Наиболее показательной акцией стало включение НТВ в структуру «Газпром-медиа». ОРТ, которое так и не стало ни общественным, ни частным, в 2002 году превратилось в государственный «Первый канал». Канал РТР (с 2002 г. «Россия»; с 2010 г. «Россия-1») четко обозначил свое место в информационном пространстве как главный государственный пропагандист. Идеологическая направленность НТВ претерпела кардинальные изменения: критика новой «партии власти» и Администрации президента сменилась по меньшей мере лояльным к ним отношением. Государственные СМИ и информагентства ИТАР-ТАСС и РИА-Новости стали главными производителями информации и ее распространителями в российском обществе.

Оживление активности государства в информационной сфере привело к новой трансформации модели отношений между властью и средствами массовой информации: от рыночной модели к усилению государственного регулирования и контроля деятельности СМИ.

Сложившейся в современной России модели нельзя дать однозначное определение. Она не является полным отрицанием предыдущей, хотя оппозиционные власти журналисты заявляют о «зачистке» информационного поля. Новая модель содержит элементы рыночной и государственной, хотя эти элементы распределены по различным секторам информационного поля. Так, огромная доля российских печатных и электронных СМИ учреждены и контролируются частным капиталом, но эти медиа преимущественно специализируются на деловой, спортивной и развлекательной информации. В то же время средства массовой информации, специализирующиеся на социально-политической проблематике, как правило, находятся под контролем государства. В этом и состоит генеральная линия государ-

ства в информационной сфере – частных СМИ должно быть много, но возможности их влияния не должны превышать возможностей влияния контролируемых государством медийных средств.

В последние годы в российской модели регулирования деятельности СМИ стали заметны новые тенденции. Все чаще дискуссии социально-политического характера стали смещаться в направлении виртуального интернет-пространства. На просторах интернета развернулись настоящие политико-идеологические битвы. И в этих битвах государство первоначально сдавало одну позицию за другой, поскольку его критики активнее и гибче использовали новые информационные технологии в своих политических целях. С целью восстановления утраченных позиций и усиления контроля над интернетом российское законодательство приравнивало «сетевые издания», т.е сайты в сети «интернет», к СМИ, подлежащим регистрации в качестве средств массовой информации и, следовательно, подпадающим под контроль государственных органов – Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзора). Следующим шагом государства стало активное освоение виртуального пространства государственными СМИ, которые все активнее осваивают интернет-площадки и сетевые ресурсы для продвижения своих политических и идеологических установок.

Даже с учетом новейших тенденций в развитии и функционировании информационно-коммуникационной сферы доминирующая роль государства в информационном пространстве над частным капиталом, тем более над контролем со стороны общественных структур (структур гражданского общества), очевидна. Поэтому новую модель мы можем назвать смешанной, но с доминированием государственного контроля над СМИ.

Формирование такой модели обусловлено сложившимся в современной России специфическим балансом интересов государства, общества и частного капитала в сфере функционирования информации. Доминирующую роль государства в этом балансе можно объяснить недостаточной развитостью структур гражданского общества, ограничивающих сферу государственного влияния в области производства и распространения информации. Перспективным направлением дальнейшей эволюции российской модели взаимоотношений государства и СМИ, по нашему мнению, было бы движение в сторону равновесности и согласования интересов всех участников информационного процесса, а именно теле- и радиовещания, прессы, журналистов, частного капитала, общества и государства, опирающихся на систему правового регулирования и контроля, гарантирующую соблюдение этих интересов.

Источники:

1. Head S. World Broadcasting Systems. A Comparative Analysis. Belmont. Calif.: Wadsworth Pub., 1985. 457 p.

2. Розанова Телевидение и государство: теоретические модели взаимодействия и российская практика // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 1994. № 4. С.107–122.

3. Гуторов В. А., Давыдов Л. В. Свобода информации в посткоммунистической России – миф или реальность // «Европейская Конвенция о правах человека»: теоретические проблемы и практика реализации в современной России: Сб. статей / Под ред. В. А. Ачкасова. СПб: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2002. С.70–74.

T. V. Ivashkovskaya (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration North-West Institute of Management of RANEPA);

V. A. Pavlov (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration North-West Institute of Management of RANEPA)

TRANSFORMATION OF THE STATE POLICY OF REGULATING THE ACTIVITIES OF THE MEDIA IN MODERN RUSSIA

The article discusses basic models of interaction between the state and the mass media with a specific focus on the development of the current Russian model. The research demonstrates that a mixed (state-market) model is currently developing, with the state component dominating.

Information, information technology, mass media, model, etatism

УДК 659.3; 378.141; 316.776.34

И. А. Ильина (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: inka4@yandex.ru);

А. Г. Трубникова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: 9954370@mail.ru)

ИНТЕГРАЦИЯ КОНКУРСНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

В условиях повышения требований к качеству образования студентов, приобретения ими практических навыков и развития творческого потенциала, возрастает роль творческих конкурсов, интегрированных в учебный процесс. В статье авторы структурируют документальное сопровождение и регламентацию конкурсной деятельности в рамках учебного процесса студентов. Основой для разработок послужили документы, регламентирующие конкурсы, проводимые Кафедрой «Связи с общественностью» СПбГЭТУ.

Конкурс; студенты; программа; положение; календарный план; высшие учебные заведения; вуз; проект

Проведение студенческих конкурсов становится неотъемлемой частью учебного процесса образовательных организаций и способствует:

- раскрытию духовных и интеллектуальных качеств обучающихся;
- выявлению наиболее талантливых студентов;
- развитию мотивации к познанию и углублению опыта профессиональной деятельности;
- укреплению значимости командной работы;
- развитию мотивации к дальнейшей самореализации;
- повышению самооценки студентов [1].

Организация конкурса – это проектная деятельность. Управление проектами как система временных действий, направленных на достижение определенного результата. Согласно деятельностному подходу, проект – это перевод объекта из наличного состояния в состояние желаемого будущего, которое наиболее полно отвечает представлениям субъекта о объекте [2]. Таким образом, проект в самом широком смысле может пониматься как творческая, разумная деятельность и одновременно как систематическое предсказуемое действие со строго обозначенной целью.

Как все проекты конкурс проходит несколько жизненных циклов: инициация конкурса, планирование, реализация и подведение итогов с оценкой результатов [3]. Все эти этапы реализации конкурсов требуют определенных подходов к планированию и документообороту.

Немаловажным компонентом продуктивного конкурса является организация межструктурного взаимодействия [4]. Для повышения эффективности управления студенческими конкурсами, необходимо интегрировать их в систему официального документооборота вуза. Для этого необходимо разрабатывать пакет документов, позволяющих регламентировать все этапы организации конкурса.

I. Инициация конкурса. На этом этапе формируются цели и задачи конкурса, сроки проведения. Разрабатывается концепция конкурса, его название, смыслы, в какие учебные процессы интегрируется конкурс. Определяются ресурсы, которые необходимы для эффективной реализации конкурса: материальные, трудовые, финансовые и нематериальные ресурсы. Важно, что все разработки должны основываться на анализе существующей системы управления процессами в вузе. Например, кафедра «Связи с общественностью» СПбГЭТУ с 2022 года проводит творческий конкурс среди первокурсников «StudyFun», интегрированный в дисциплину «Введение в коммуникационную специальность». Для достижения основной цели конкурса по выявлению творческого потенциала студентов в области связей с общественностью и рекламы, содействие его развитию, студенты решают задачи по получению практических навыков в производстве креативного продукта, развитию организаторских навыков, получению опыта работы в команде.

II. Планирование. На данном этапе уже формируется календарный план по организации всех мероприятий конкурса, Положение о конкурсе, смета затрат на проведение конкурса. Также формируется Приказ по вузу с закреплением зон ответственности всех структурных подразделений вуза.

Календарный план по организации конкурса должен включать все мероприятия по подготовке, реализации и подведению результатов конкурса. Сроки реализации всех мероприятий должны учитывать возможные организационные и форс-мажорные риски. Также обязательно закрепление ответственных лиц за реализацию различных мероприятий.

Положение о студенческом Конкурсе является официальным документом вуза, определяющим порядок организации и проведения конкурса. Обычно этот документ разрабатывается организаторами конкурса (кафедрой, являющейся оператором проекта) и утверждается Приказом ректора вуза.

Структура Положения:

1. В Общих положениях закрепляются основные характеристики конкурса – кто организатор, что является предметом конкурса, сроки проведения и другие процедурные вопросы.

2. Цели конкурса определяют для чего проводится конкурс, и какие задачи нужно решить, чтобы эти цели достичь. Обычно в качестве целей ставится развитие профессиональных компетенций студентов.

3. Условия конкурса определяют этапы и процедуру проведения конкурса. Эта часть коррелируется с Календарным планом организации проведения конкурса. Также важным является фиксация того, что условия проведения конкурса должны доводиться до сведения всех участников конкурса.

В условиях конкурса должно быть описано, как и когда происходит: объявление о начале конкурса и публикация информации об условиях и порядке проведения конкурса, прием заявок и работ участников, принятие решения о победителях, процедура объявления результатов и награждения победителей. Отдельно описывается система коммуникаций с участниками конкурса.

4. В разделе Участники конкурса, дается характеристика тех, кто допущен к участию в конкурсе. Также определяются форматы участия в конкурсе, правила поведения участников конкурса их права и обязанности. Фиксируется за какие нарушения участники могут быть исключены из состава конкурсантов. Эта информация также должна доводиться до участников, чтобы не возникало вопросов о справедливости по допуску или не допуску к участию в конкурсе.

5. Конкурсное жюри – для участников конкурса всегда важно понимать, как формируется его состав. Чем прозрачнее, понятнее и профессиональнее состав конкурсного жюри, тем меньше вопросов о непредвзятости результатов конкурса у его участников. Особенно это относится к творческим конкурсам, когда решение жюри основано на личностных, пусть и профессиональных оценках. Поэтому в Положении должно быть зафиксировано как формируется конкурсное жюри, по каким критериям осуществляется оценка работ участников, как проводится голосование и подсчитываются результаты. Важно все результаты голосования оформлять протоколом. Хорошей практикой является ознакомление участников не только с составом жюри, но и с процедурой судейства и результатами голосования. Любой участник конкурса должен иметь возможность задать вопрос о процедуре и результатах работы жюри и получить на него ответ.

6. Правила оформления конкурсных работ и порядок их предоставления – все правила должны быть понятны участникам. Студенты делают разработку на основании технического задания (брифа), в котором должны быть изложены условия и характеристики разработки, формат предоставления материалов, сроки сдачи работы, информация об авторе или авторском коллективе.

7. Порядок оформления заявки – организаторы предоставляют форму регистрации участников конкурса и сроки ее заполнения.

8. Регламент проведения конкурсных мероприятий – определяет последовательность проведения конкурса. Многие конкурсы состоят их заочных и очных этапов проведения, должен быть четкий, понятный и единый для всех участников алгоритм действий.

9. Подведение итогов конкурса. Сроки принятия решения конкурсным жюри указываются в информационном письме организаторов конкурса. Определяется, кто и в каких номинациях является победителем конкурса. Как хранятся протоколы решения Конкурсного жюри.

10. Награждение победителей конкурса. Определяется процедура награждения (отдельная программа), какие призы и дипломы вручаются победителям. В каких ресурсах публикуется или транслируется информация о победителях.

11. Авторские права. Участники конкурса предоставляют свои интеллектуальные разработки, поэтому важно соблюдать все требования законодательства по их использованию. Защита правообладателей по использованию их разработок. Следует учитывать, что большинство конкурсов являются публичными мероприятиями и информация о них размещается в публичных источниках, значит необходимо получать у участников разрешение на использование их персональных данных и использования информации об их разработках.

III. Реализация конкурса – важно, чтобы этот этап проходил в соответствии с утвержденными Положениями и регламентами. Все участники конкурса должны быть заранее проинформированы об условиях и процедурах участия. В качестве каналов коммуникации используются информационные письма, онлайн площадки и встречи с участниками.

IV. Завершение конкурса, подведение итогов. После завершения конкурса подводятся итоги его реализации. Проводится анализ достижения поставленных целей конкурса. Происходит административное закрытие конкурса, анализируется работа оргкомитета и жюри конкурса, выполнение внутренних заказов у других структурных подразделений вуза. Закрываются договора с внешними контрагентами, подписываются акты сдачи-приемки. Подготавливается отчет с анализом соответствия плановым результатам конкурса. Формируется архив документов конкурса. Например, все документы, регламентирующие проведение конкурса, программы, протоколы жюри должны храниться на ресурсах организаторов и вуза.

Если планируется, чтобы конкурс стал ежегодным, важно заранее разрабатывать все документы его регламентирующие и обеспечивающие в рамках общего документооборота и финансового планирования вуза.

Таким образом, конкурсная деятельность в образовательной сфере представляет собой комплексную работу, где важной составляющей является не только взаимодействие со студенческой аудиторией с целью активизации внеучебной деятельности, но и межструктурное взаимодействие, позволяющее интегрировать конкурс в учебный процесс.

Источники:

1. Смирнов В. А. Внеучебная работа в вузе: некоторые проблемы и возможные пути развития // Альма-Матер. 2014. № 11. С. 17–23.
2. Боронина, Л. Н., Сенук З. В: М-во образования и науки рос. основы управления проектами / Федерации, урал. федер. ун-т. Екатеринбург: Изд-во урал. ун-та, 2015. 112 с.
3. Ильина И. А., Трубникова А. Г. Вузовские конкурсы – погружение в будущую специальность // Социальные коммуникации: наука, образование, профессия: труды XXIII Всероссийской научно-практической конференции международным участием. Вып. 23. Санкт-Петербург, 11–14 апреля 2023 г. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2023. С. 168–174.

4. Плахина Л. Н., Козлова Н. В. Организация воспитательной работы в студенческой группе: пособие наставникам. Пенза: Пензен. гос. технолог. акад., 2011. 158 с. 165–44.

I. A. Ilyina (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);

A. G. Trubnikova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

INTEGRATION OF COMPETITION ACTIVITIES INTO THE EDUCATIONAL PROCESS

In the context of increasing requirements for the quality of students' education, their acquisition of practical skills, and the development of their creative potential, the role of creative competitions integrated into the educational process is increasing. In the article, the authors structure the documentary support and regulation of competitive activities within the framework of the educational process of students. The basis for the development was the documents regulating the competitions held by the Department of Public Relations of St. Petersburg ETU.

Competition; students; Program; Position; higher education institutions; university; project

УДК 172:004.8

А. В. Ильина (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: a.ilyina2045@gmail.com)

КУЛЬТУР-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ РАЗРАБОТКИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УСЛОВИЯХ (ДЕ)ГЛОБАЛИЗАЦИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В работе рассматриваются вопросы, связанные с поиском культур-философских оснований разработки искусственного интеллекта в условиях процессов глобализации и деглобализации. Показано, что влияние этих процессов реализуется на уровне распределения ресурсов и производственных возможностей, необходимых для разработки искусственного интеллекта; на уровне технологий искусственного интеллекта; а также на уровне его использования. Подчеркивается необходимость соблюдения при работе с искусственным интеллектом баланса между целями и необходимыми ограничениями, которые опираются на конкретные культурные основания.

Искусственный интеллект, глобализация, деглобализация, культура, ценности, общечеловеческие ценности, национальные ценности

Искусственный интеллект (ИИ) занимает чрезвычайно важное место в культурном и информационном поле современного социума. Тематика ИИ обсуждается во множестве контекстов, начиная с преимуществ дружественного ИИ и заканчивая сценариями конца света, в которых ИИ уничтожает человечество и жизнь на планете. В более комплексных сценариях специалисты предлагают перенести внимание с гипотетических угроз, которые несет в себе ИИ, на актуальные проблемы, вызванные его применением. В частности, отмечается, что, несмотря на преимущества обращения к ИИ, он несет в себе такие риски, как предвзятость при принятии решений, исчезновение целого ряда рабочих мест, использование технологий компьютерного зрения в политических целях, увеличение потока дезинформации вплоть до социальной дестабилизации и др. [1].

Названные проблемы стимулируют общество, правительственные структуры, корпорации и общественность регулировать работу ИИ на национальном и международном уровнях. Разработчики искусственного интеллекта в своей деятельности подчиняются принимаемым уставам и кодексам, а представления об ИИ фиксируются в форме официально принятых определений. Например, ГОСТ Р 59276-2020 «Системы искусственного интеллекта. Способы обеспечения доверия» определяет ИИ как «способность технической системы имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее

заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных практически значимых задач обработки данных результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека» [2].

Работа над ИИ, а также принципами его регулирования допускает рассмотрение в рамках проблем глобализации и деглобализации. В исследовательской литературе под глобализацией принято понимать процесс взаимной интеграции и интернационализации национальных экономик, капиталов, потоков, миграции, распространения знаний и др. Деглобализация определяется как обратный процесс, т. е. процесс, обеспечивающий деинтернационализацию хозяйственных, культурных, интеллектуальных и иных аспектов общественной жизни [3, С. 6–7].

Влияние процессов глобализации и деглобализации можно наблюдать, по крайней мере, в трех аспектах разработок в области ИИ. *Во-первых*, в аспекте доступа к природным ресурсам и производственным мощностям, которые необходимы для создания и обеспечения функционирования ИИ. Будучи зависимыми друг от друга в данных вопросах, представители конкретных стран и культур рискуют потерять возможность применения ИИ в случае, если соответствующие ресурсы и мощности окажутся недоступны. *Во-вторых*, в аспекте доступа к технологиям создания и совершенствования ИИ. Вне зависимости от наличия ресурсов и мощностей, необходимых для создания и функционирования ИИ, знание технологий его работы может стимулировать поиск альтернативных решений в случае необходимости. В то же время отсутствие доступа к этим технологиям в современных условиях способно стать фактором отставания на глобальной арене. И, *в-третьих*, в аспекте использования ИИ. (Де)глобализация находит выражение в содержании данных, на базе которых обучается ИИ, в культурных особенностях, с которыми он работает, в ценностях, которые он отражает и т. д.

Перечисленные аспекты актуализируют проблему рассмотрения культурно-философских оснований разработки ИИ. Эта разработка оказывается помещена в контекст локальных национальных и культурных традиций, которые в свою очередь функционируют на общем глобальном фоне [4]. Появляется возможность выделять логические законы исторического развития ИИ в противовес их реализации. История разработки и развития ИИ предстает в виде разветвленной структуры траекторий, часть из которых выстраивается из настоящего в будущее в соответствии с целями вовлеченных сторон, тогда как другая часть – в соответствии с полученными в контексте этой разработки результатами. К примерам первого вида траекторий можно отнести попытки ограничить развитие ИИ в отдельно взятых странах или работу по пресечению вредоносного использования ИИ с помощью предписаний профессиональной этики; документальной базы этики ИИ; и др. Примерами второго вида траекторий могут выступать мероприятия по устранению предвзятости ИИ, выявленной в результате его применения; кумулятивные открытия в области совершенствования ИИ; и т. д. В определенном смысле речь идет о балансировании

между уточнением целей и ограничений на работу ИИ в том виде, какой они принимают в рамках системы культурных ценностей.

Цели и ценности участников процесса могут вступать в конфликт, что можно показать на примере общего ИИ (Artificial General Intelligence), которому, несмотря на отсутствие реальных примеров его реализации в научно-исследовательской литературе уделяется большое внимание. В частности, в монографии «Сильный интеллект. На подступах к сверхразуму» (2021 г.) общий ИИ определяется как ИИ способный «... самостоятельно решать как новые узкие, так и сложные задачи...» [5, С. 33]. Однако в данном случае «общий» не означает «общедоступный»; несмотря на инициативы по созданию ИИ с открытым кодом остаются допустимы сценарии, при которых доступ к общему ИИ в случае его создания будет ограниченным.

Аналогичные рассуждения справедливы в отношении актуально существующих видов ИИ. Благодаря документам, таким как кодексы этики в сфере ИИ, рекомендации международных организаций, пользовательские соглашения и др., можно конкретизировать ценности, требуемые в контексте применения тех или иных моделей ИИ [6]. Это может выступать основанием для ограничения доступа к данным моделям в случае, если потенциальный пользователь не руководствуется предложенным набором ценностей. В ряде ситуаций (защита прав, обеспечение конфиденциальности и пр.) эти ограничения могут быть необходимы. Однако, в то же время, нужно учитывать, что соответствующие требования неизбежно формируются на конкретных культурных, этических и/или идеологических основаниях, и при несовпадении таких оснований у сторон-участниц взаимодействий по вопросам ИИ одни ценности могут рассматриваться как более значимые, чем другие.

Как следствие, возникает ряд закономерных вопросов, включая следующие: какие ценности составляют сегодня категорию общечеловеческих, а какие имеют национальную специфику? Если в рамках мировой индустрии ИИ могут существовать разные сценарии использования и развития ИИ, допустимо ли говорить, что они опираются на общие для всех людей ценности? В случае, если в вопросе об этих ценностях будет достигнут консенсус, можно ли ожидать, что их удастся передать ИИ в исходном виде, или они будут аппроксимированы? Как убедиться, что ИИ усвоил соответствующие ценности? Какие сценарии проверки ИИ на наличие предвзятости в данном случае считать надежными? А также как модифицировать такую проверку в условиях (де)глобализации? В условиях роста значения ИИ для современного социума эти вопросы требуют специального изучения со стороны научного сообщества.

Таким образом, при обращении к тематике ИИ и специфике его развития в современных условиях необходимо принимать во внимание не только преимущества использования ИИ, но и создаваемые им риски. Особое значение в этом контексте получают вопросы, связанные с глобализацией и деглобализацией. В частности, влияние глобализации и деглобализации можно проследить на уровне распределения ресурсов и производственных мощностей при разработке ИИ, на уровне владения технологиями этой разработки, а также на уровне обеспечения доступа к ИИ

для его использования. При обращении к истории разработок в области ИИ это влияние может проявляться в форме балансирования участников процесса между работой, направленной на достижение поставленных целей, и выстраиванием ограничений на неприемлемое использование ИИ. Соответствующие цели и ограничения опираются как на требования конкретной исторической эпохи, так и на национальные и культурные особенности работы в области ИИ, в связи с чем требуют рассмотрения в контексте вопроса об иерархии человеческих ценностей и возможностей ИИ в сфере усвоения культуры.

Источники:

1. Editorials, It's time to talk about the known risks of AI // Nature URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-023-02094-7.pdf> (дата обращения: 15.01.2024).
2. ГОСТ Р 59276-2020. Системы искусственного интеллекта. Способы обеспечения доверия. Общие положения. URL: <https://gostassistant.ru/doc/ea6e0879-c26d-4eac-a4b4-9aad39b8e778> (дата обращения: 15.01.2024).
3. Матковская Я. С. Деглобализация: новая эпоха или фаза процесса глобализации? // Дружковский вестник. 2023. №3. С. 5–21.
4. Иванов А. Ф. Универсальная история как единство исторического и логического // Информация-Коммуникация-Общество. 2016. Т.1. С.64–68.
5. Сильный искусственный интеллект: на подступах к сверхразуму / М. С. Бурцев, О. Л. Бухвалов, А. А. Ведяхин и др. М.: Интеллектуальная литература, 2021.
6. Мамина Р. И., Ильина А. В. Искусственный интеллект: в поисках формализации этических оснований. Дискурс. 2022. №6. С.17–30.

A. V. Iliina (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

CULTURAL AND PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS FOR THE DEVELOPMENT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE CONTEXT OF (DE)GLOBALIZATION: STATING THE PROBLEM

The paper examines issues related to the search for cultural and philosophical foundations of the development of artificial intelligence in the context of globalization and deglobalization. It is shown that the influence of these processes is realized at the level of distribution of resources and production capabilities necessary for the development of artificial intelligence, at the level of technology, as well as at the level of access to the use of artificial intelligence. The necessity for participants of this process to maintain a balance between goals and restrictions based on specific cultural grounds, is emphasized.

Artificial intelligence, globalization, deglobalization, culture, values, universal values, national values

УДК 316.3

Н. В. Казаринова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: nvkazarinova@mail.ru);

М. С. Матвеев (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: mikhail.matveev97@gmail.com)

УРОКИ ЗИММЕЛЯ: КОНСТРУИРУЯ ПОНЯТИЯ СЕТЕВОЙ СОЦИОЛОГИИ

Рассматривается понятийный аппарат предметной области сетевой социологии, а именно двух концепций: «социальное пространство» и «чужак». Подчеркивается актуальность терминов, введённых в научный оборот Г. Зиммелем, для современных социальных исследований Интернета, а также привлекается внимание к необходимости диалогического мышления для развития науки.

Сетевая коммуникация, Зиммель, социальное пространство, сетевые сообщества, Интернет, социальная связь, Интернет-исследования, диалог

Зонтичное понятие «сеть» уже используется в науке для анализа различных областей социального мира, в частности исследований институтов современного российского общества; общественно-политического коммуникативного пространства в социальных сетях и др. Вместе с тем изучение сетевой реальности, а значит и формирование предметной области сетевой социологии, остро нуждается в разработке и обсуждении нового концептуального и понятийного аппарата. Содержательная переработка уже существующего социологического словаря – нетривиальная задача. Она, с одной стороны, должна учитывать процессы, аналогичные изменениям естественного языка, включая заимствования, смену значений, словотворчество. С другой, – неизбежное и обоснованное сопротивление языковым изменениям. В этой связи интерес представляет изучение творчества исследователей, выполнявших такую языковую работу. В социологии, на наш взгляд, это место занимает Георг Зиммель. В истории социологии можно считать общепринятой оценку его стиля как антиакадемического, эссеистского. «Зиммель был скорее инициатором, чем систематиком, скорее философствующим диагностом времени с социологическим уклоном» [1]. Именно эта особенность его творчества представляет интерес как своеобразная лаборатория рождения новых смыслов, обладающих значительной провидческой ценностью. В данной статье мы хотим привлечь внимание к двум предложенным Зиммелем концептуальным идеям, имеющим, на наш взгляд, перспективу для сетевой социологии.

Это концепты «социального пространства» и «чужака». Немецкий социолог стал первым исследователем, который обратил внимание на место, где происходят

социальные интеракции [2]. В этом смысле его работы могут быть полезны в исследованиях Интернет-коммуникации, где значительная часть дискурса посвящена пространственным метафорам, к примеру, связанных со структурой различных веб-страниц. В своём очерке «Большие города и духовная жизнь» исследователь описывает, как социальное взаимодействие связано с тем, что человек может определить как пространство. Для Зиммеля пространство – это не просто географическая точка, это социальный конструкт. Например, город – это «не объект пространства, несущий в себе социальные свойства, а социальный объект, сформированный пространственно» [3]. Это сфера, создаваемая посредством социальных отношений, где «человеческое взаимодействие превращает что-то безжизненное и пустое во что-то для нас» [3, С. 126].

Эта позиция важна для социологических Интернет-исследований, поскольку она предоставляет теоретическую защиту от технологического детерминизма, и делает валидным объект исследования. Интернет – всего лишь платформа, где происходят взаимодействия, а их результаты уже влияют на пространство. Именно благодаря такой концептуализации можно говорить об установлении границ в Сети: пользователь был заблокирован на определённом ресурсе – для него пространство уже приобрело другую конфигурацию. Кроме того, Зиммель выделяет пять пространственных факторов, влияющих на свойства взаимодействий. К ним относятся: исключительность или уникальность пространства, границы пространства, фиксация социальных форм в пространстве, пространственная близость и расстояние, а также движение пространства». [4, С. 104] Эти факторы помогают направить исследовательскую оптику на исключительно социальные проблемы. Известен феномен, когда пользователи создают собственные онлайн-границы внутри тех ресурсов, где они не предусмотрены изначально. К примеру, условие, придуманное модераторами, согласно которому на этом ресурсе необходимо регистрироваться под своими настоящими именем и фамилией и также публиковать собственную фотографию. Однако такие границы пространства могут быть нарушены, так как особенности виртуального пространства дают возможность пользователю добавить псевдоактуальную информацию о себе. Пример другого фактора, это пространственная близость и расстояние. Для Зиммеля все социальные взаимодействия можно охарактеризовать с точки зрения относительной степени близости и дистанции. По мере увеличения физической близости необходимо управлять «личным пространством», кроме того, при сближении некоторые предшествующие социальному контакту установки могут начать разрушаться. С другой стороны, частота, с которой происходит взаимодействие, и количество связей может заставить индивидов увеличить дистанцию, вести себя сдержанно или отстранённо, а также стремиться к анонимности. Такой фактор крайне актуален и для Интернета: возросшее число «случайных» коммуникаций (отметки «Мне нравится от незнакомых пользователей») заставляет индивидов «увеличить дистанцию» с другими, к примеру, сделав свой профиль за-

крытым. Резюмируя идеи Зиммеля, можно сказать, что они остаются актуальными, даже в тех случаях, когда речь идёт не только о «реальном» пространстве, но и о виртуальном – которого при его жизни ещё не существовало. Их потенциал связан с мыслью о том, что любое пространство – это нечто «создающееся» прямо сейчас с помощью социальных связей, которые возникают в самых разных социальных мирах и даже активно пересекаются.

Концепция «чужака» тесно переплетена с пространственным измерением и социальными связями в нём. Зиммель предельно конкретен: странствующий «чужак» – это одновременно и движение в пространстве и символ отношения к социальным взаимодействиям. «Чужак» – это потенциальный странник, «который, хотя и не отправляется дальше, однако не совсем отказался от возможности уйти» [5].

Сама формулировка говорит о том, что эти идеи могут быть актуальны для исследователей социальных общностей в Сети. Это проблема «одного щелчка мышки»: цифровые технологии изменили социальную коммуникацию, в частности, упростили установление и поддержку социальных связей. Однако это привело к тому, что в Интернете преобладают слабые связи или «интернет-связи» [6]. Они характеризуются более низким уровнем доверия, эмоциональной близости [7]. Исходя из вышесказанного, возникает вопрос: «Что заставляет людей сохранять эти связи?». Если, нажав всего одну кнопку, можно перейти в категорию «покинувший». И делает ли это всех членов виртуальной общности «чужаками», если в определённую часть пространства легко и попасть, и выйти оттуда? Тем более, что «чужаку» социальное пространство изначально не принадлежит [5] – эта мысль также актуальна для Сети, где индивиды часто присоединяются уже к сформировавшимся группам.

Определённые ответы на эти вопросы наука уже нашла, в первую очередь, сообщества поддерживаются за счёт объединяющего интереса участников [8]. Но этого недостаточно. С гораздо большей вероятностью все члены общности метафорически «отправятся в путь», если социальные связи не будут поддерживаться коммуникацией. Более того, пространство, коммуникация и вопрос о том, кого считать находящимся на определённой территории, а кого нет, рождает идею о пространственных границах. Это также социальная дилемма, так как ответ, что почти все устройства так или иначе подключены к глобальной компьютерной сети, не является достаточным. Гораздо важнее, какой «виртуальный путь» выберет индивид — это могут быть форумы, групповые чаты в мессенджерах, вступив в которые, пользователь переходит символическую границу. Перефразируя высказывание Д. Мартьянова, можно резюмировать вышесказанное: коммуникация, вызванная объединяющим интересом, сегментирует социальное пространство Интернета и определяет его границы [9]. Но нужно отметить уточнения, которые проявляются после прочтения эссе. Во-первых, регистрация и присоединение к чату не является синонимом немедленного включения в общность. Как показывает Зиммель, принадлежность – это гибкая концепция, каждый связан с общностью по-разному. Но

важно понимать, что в Сети взаимодействие происходит между профилями, а не непосредственно индивидами, то есть происходит шаблонизация – технические возможности предполагают, что можно указать лишь определённую информацию о себе. Безусловно, это повышает уровень осведомлённости о «чужаке» и увеличивает степень принадлежности, но, с другой стороны, может её уменьшить, если выяснится, что в информации есть неточности.

Кроме того, шаблонизация устанавливает определённый барьер, когда речь идёт о интеграции. Как пишет сам Зиммель: «Чужак близок нам в той мере, насколько мы чувствуем с ним сходство черт. Он нам далек, поскольку те же черты присущи многим» [5]. То есть Интернет полон сообществ, состоящих из профилей «чужаков», в которых указана информация, к примеру, об интересе к какой-то литературной вселенной. Стоит добавить, что виртуальные сообщества, как правило, содержат большее количество участников, чем реальные [8]. Это ещё сильнее уменьшает значимость сходства и приводит к тому, что «чужаки» становятся взаимозаменяемыми [10]. Когда профиль становится основой онлайн-социальности, представляется, что преодолеть отчуждение невозможно. Хотя это помогает устанавливать связи на основе схожих интересов, но именно общий характер этих связей приводит к формированию сообществ «чужаков».

Подводя итоги, нужно сказать: анализ двух концепций показал их возможность для использования в новой и актуальной предметной области. А Г. Зиммель не просто интересен современному социологическому знанию, но, стимулируя воображение и вооружая концептуально, приглашает к диалогу социологов разных поколений.

Источники:

1. Хабермас Ю. Зиммель как диагност времени. В кн.: Зиммель Г. Избранное. Т.2: Созерцание жизни: пер. с нем. М.: Юристъ, 1996.
2. Ethington P. The Intellectual Construction of «Social Distance»: Toward a Recovery of Georg Simmel's Social Geometry // *Cybergeog: European Journal of Geography*, 1997
3. Frisby D. Georg Simmel, revised edn, London: Routledge, 2002
4. Frisby D. Simmel and Since: Essays on Georg Simmel's Social Theory, London: Routledge, 1992
5. Зиммель Г. Экскурс о чужаке (пер. А.Ф. Филиппова). Социологическая теория: история, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 7–13.
6. Dean J. Community. Unspun: Key Concepts for Understanding the World Wide Web, New York: New York University Press, 2000. С. 4–16
7. Preece J. Sociability and Usability in Online Communities: Determining and Measuring Success // *Behaviour & IT*. №20, 2001. С. 347–356
8. Wellman B., Gulia M. Virtual Communities as Communities: Net Surfers Don't Ride Alone. London: Routledge, 1999

9. Bykov I., Martyanov D. Studying Political Communities in VK.com with Network Analysis // *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 2021 №3(1), 64–78.

10. Баньковская С. П. Чужаки и границы: к понятию социальной маргинальности // *Отечественные записки*. 2002. С. 457–467.

N. V. Kazarinova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);

M. S. Matveev (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

**ZIMMEL'S LESSONS:
CONSTRUCTING CONCEPTS OF NETWORK SOCIOLOGY**

Two concepts from network sociology are considered: «social space» and «stranger». The relevance of the terms introduced into scientific circulation by G. Simmel is postulated. Attention is drawn to the need for dialogical thinking for the development of sociology.

Network communication, Simmel, social space, network communities, Internet, social connection, Internet research, dialogue

УДК 81`1

M. A. Kazaryan (*St. Petersburg State Electrotechnical University "LETI"*, e-mail: milena.kazaryan99@gmail.com);

A. Y. Sokolova (*St. Petersburg State Electrotechnical University "LETI"*, e-mail: Sockolova.schasha2014@yandex.ru);

D. A. Pak (*St. Petersburg State Electrotechnical University "LETI"*, e-mail: dmitriypark7@gmail.com)

LANGUAGE ACQUISITION AND ITS INFLUENCE ON SOCIALIZATION

This study investigates the intricate link between language acquisition and socialization, focusing on Russian students. It aims to understand how learning language shapes social skills. The primary goal is to provide insights into how language influences effective social engagement. Through a questionnaire with 24 respondents, the research explores language learning experiences, the impact of language environments, and subsequent socialization effects. Notably, 91.7% initiated foreign language learning before age 18, with the same percentage attributing significant influence to their language environment. Additionally, 62.5% reported a predominantly positive impact of language proficiency on social relationships. The study highlights the pivotal role of language acquisition in shaping social experiences.

Language Acquisition, Socialization, Linguistic Patterns, Interwoven Dynamics, Foreign Language Learning, Language Environment, Social Skills, Proficiency Impact

Language acquisition is a fundamental aspect of human development, playing a crucial role in shaping communication skills and social behaviors. The ability to acquire language is a unique and defining characteristic of the human species, influencing how individuals interact and form connections within their communities. Numerous studies have explored the link between language acquisition and socialization, highlighting the significance of early language exposure in shaping individuals' social behaviours. Gumperz and Levinson in their work claimed that a person's thought is channelled or influenced by the language this person has been socialized in is no longer controversial. However, the concept of linguistic relativism is dangerous to educational institutions that pride themselves in delivering knowledge that is universally valid, i.e., independent of the language in which it is delivered [1, C. 27].

Bilingual people face a lot of difficulties on their way of improving both languages and being able to speak fluently [2, C. 20]. In socialization it may create inconvenience and be accompanied by insecurities, doubts, embarrassment and other negative feelings. Therefore, some people may choose to concentrate on native language or second language and put more effort into its improvement. On the other hand, there are people who do not feel inconvenience and find ways to improve both languages equally. Thereby, socialization plays a significant role in the process of

language acquisition and development. Although adults have the ability to learn new vocabulary independently, the presence of a social interaction partner can enhance the amount of signals and reference information they receive, similar to what happens in early childhood education [3, C. 19]. Certainly, when partners engage in conversation, students tend to direct their attention towards specific aspects of the context and certain words.

This study aspires to delve into the intricate link between language acquisition and socialization, aiming to illuminate the multifaceted ways in which linguistic abilities significantly contribute to the development of effective social skills and behaviours.

To investigate the relationship between language acquisition and socialization, a structured questionnaire was designed and administered to a diverse sample of participants. The questionnaire comprised a series of inquiries addressing participants' early language exposure, proficiency in communication, and socialization experiences. Participants were asked to reflect on their linguistic development and describe any correlations they perceived between their language acquisition journey and their ability to navigate social interactions. The sample included individuals from various age groups, educational backgrounds, and linguistic environments to ensure a comprehensive understanding of the topic. Data collection involved quantitative analyses, allowing for a nuanced exploration of the multifaceted relationship between language acquisition and socialization. This research aims to contribute to the existing body of knowledge on language and socialization, offering insights that can inform educational practices, language interventions, and our understanding of the intricate interplay between language acquisition and human behaviour.

On the basis of a questionnaire consisting of 12 closed questions, respondents were asked to share information about their personal experience of learning their mother tongue and second language, as well as the impact on socialization. The questionnaire was written in English, as the target audience is English-speaking and post-graduate students. 24 respondents, of which 7 (29.2%) are women and 17 (70.8%) men aged 20 and over 30.

The majority of respondents were master students (70.8%). Among the native languages, it can be observed that only 5 (20.8%) of respondents have English as their mother tongue. Thirteen (54.2%) respondents use the Swahili, African dialect, a language of inter-ethnic communication and widely spoken throughout East and Central Africa. Language acquisition begins at a fairly early age, and in countries with a second national language, children learn two languages simultaneously, thereby becoming bilingual. In this context, 54.2% of respondents revealed that they use Swahili, a prominent African language known for its role as a lingua franca in East and Central Africa [4, C. 16]. Swahili serves as a vital means of inter-ethnic communication across diverse communities in the region. Its prevalence underscores its significance as a unifying language that facilitates effective interaction among speakers of different ethnic backgrounds. It further highlights the phenomenon of early language acquisition, emphasizing that the process commences at a young age.

Particularly in regions with a designated second national language, children engage in simultaneous learning of two languages, a practice that renders them bilingual. This bilingualism is a result of the coexistence of multiple languages within the sociolinguistic landscape, a dynamic characteristic of many culturally diverse societies. The acquisition of two languages from an early age not only reflects linguistic versatility but also holds implications for cognitive development and cross-cultural understanding.

Some begin learning a foreign language at school, thereby increasing the chance of socialization among multilingual audiences. The vast majority of respondents (22 persons, 91.7%) started learning and mastering a foreign language before the age of 18. Next, we asked respondents to describe their early language environment, whether they grew up monolingual, bilingual or multilingual. So was the language impact in their environment. Based on the results, most respondents grew up in a bilingual environment. From this segment begins the questions with deepening into socialization. Thus, it may be noted that 22 respondents (91.7%) believe that their language environment has affected language acquisition. When we talk about communication, there are a lot of restrictions that we have to follow. The range includes personality types, features of speech and for sure community rules. For this question we offered participants to choose any challenges they face or faced during socialization that is related to language acquisition. Below are the response options:

Socialization experience gives big affection to a person's future life [5, C. 10]. Same applies to the environment and surroundings where a child's language acquisition mostly starts. Personality affects a lot on language acquisition and socialization skills and below among the responses we can note that among the responses 33,3% of respondents claim that they were highly social and it was easy for them to form strong friendships. However, equal 25% were shy and introverted people that struggled with social connections and limited socialization and preferred solitary activities. Fewest people with 16,7% of votes claim that they had balanced socialization that enjoyed a mix of solitary and group interactions. Language proficiency significantly positively influenced 62,5% of responders' ability to form and maintain social relationships. On the other hand, 25% noted that it had a somewhat positive impact in their life. Negative and no noticeable impact slightly takes place in people's lives.

Communication in local language and foreign language surely includes differences, even if we may think that it does not. However, it was clearly noticeable that 29,2% of responders feel comfortable discussing certain topics in one language only. Equal amount of responses (25%) was for people that are more reserved in one language, expressive and outgoing in another language and find it easier to connect emotionally in a specific language. 20,8% of responders claim that they experience cultural nuances impacting social interactions in different languages. 23/24 responders believe that there is a strong connection between language acquisition and socialization.

Based on the results above, it can be concluded that language acquisition plays a rather important role in the socialization of people. The process of socialization is

completely different for each person, as it is influenced by a large number of personal factors. The most striking example is the character of man. Based on the type of person, the process of language acquisition can be improved if the person has an active interest in communication and socialization or the person focuses on only one language in which he is most comfortable to communicate.

Sources:

1. Hardiyanti R. Analysis on the Difficulties Faced by a Bilingual Child in Reading and Writing // *Advances in Language and Literary Studies*. 2017. № 4 (8). С. 43.
2. Amidu A. K. People, Language, Literature and Lingua Franca. *Nordic journal of African studies*, 1995.
3. Kramsch C., Steffensen S. V. Ecological perspectives on second language acquisition and socialization. IN: Hornberger & P. Duff Eds, 2008.
4. Анцибор М. М. Активные формы и методы обучения. Изд-во: Тула, 1993.
5. Kramsch C. *Ecological Perspectives on Second Language Acquisition and Socialization* MA: Springer US, 2008.

М. А. Казарян (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»);

А. Ю. Соколова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»);

Д. А. Пак (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»)

УСВОЕНИЕ ЯЗЫКА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛИЗАЦИЮ

В данном исследовании изучается сложная связь между усвоением языка и социализацией на примере российских студентов. Цель исследования – понять, как изучение языка формирует социальные навыки. Основная цель – дать представление о том, как язык влияет на эффективное социальное взаимодействие. С помощью анкеты, в которой приняли участие 24 респондента, исследование изучает опыт изучения языка, влияние языковой среды и последующие эффекты социализации. Примечательно, что 91,7% начали изучать иностранные языки до 18 лет, и такой же процент приписывает значительное влияние языковой среды. Кроме того, 62,5% отметили преимущественно положительное влияние владения языком на социальные отношения. Исследование подчеркивает ключевую роль усвоения языка в формировании социального опыта.

Усвоение языка, социализация, языковые паттерны, взаимосвязанная динамика, изучение иностранных языков, языковая среда, социальные навыки, влияние владения языком

УДК 316.442

Е. А. Камышина (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: kamyshina.elena@gmail.com)

РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА РУКОВОДИТЕЛЕЙ В ДИНАМИКЕ СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА КОРПОРАЦИИ

Развитие социального института корпораций оказывает значительное влияние на общественные отношения, социальные структуры и экономическое развитие современного российского общества. Корпорации не только являются фундаментальными двигателями экономического роста, но также считаются ключевыми участниками в сфере социальной ответственности, формировании ценностей и партнерства с государством. В частности, фиксирование высокого уровня человеческого капитала у руководителей корпораций приводит к повышению ценностного единства среди персонала и созданию благоприятных ориентиров для деятельности корпорации. Полученные выводы подчеркивают ключевую роль социального института корпораций в формировании общественной структуры и экономического развития.

Социальный институт корпорации, корпорация, человеческий капитал, руководители, социально-структурные отношения, динамика социального института корпорации

Человеческий капитал руководителей, как социологическая категория, представляет собой совокупность ценностных установок, знаний, навыков и умений руководителя, обеспечивающих удовлетворение социальных потребностей внешней среды посредством создания клиентоориентированной внутренней среды корпорации на основе такого социального взаимодействия, которое приносит корпорации ренту, доход, и прибыль, и обеспечивает интеграцию корпорации с внешней средой и дальнейшее развитие социума. А также, интегрирует, мобилизует, мотивирует, формирует солидарность сотрудников корпорации в процессе этой деятельности. Роль человеческого капитала руководителя в корпорации рассматривается «пусковым механизмом», центральным элементом формирования и развития человеческого капитала экономических организаций корпораций, которым в свою очередь отводится ключевое место в экономике [1, С. 34–44], где корпорации выступают в качестве ведущих акторов развития человеческого капитала страны в целом [2, С. 206–211]. Поэтому в характеристике человеческого капитала руководителя неизменно подчеркивается безальтернативная, приоритетная способность и умение руководителя видеть производство, развитие организации: и как функциональный, и как человековедческий процесс.

Социальный институт корпорации играет важную роль в развитии современного российского общества. Влияние корпораций осуществляется в части социальной и экономической. В историческом контексте корпорацию понимают, как группу лиц, объединенных общностью профессиональных или сословных интересов [3, С. 2]. Развитие социального института корпораций способствует экономическому развитию, корпоративной социальной ответственности, формированию ценностей, развитию партнерства в различных сферах и регионах, формированию социально-структурных отношений.

Гражданский кодекс Российской Федерации дает определение корпорации следующим образом: юридические лица, учредители (участники) которых обладают правом участия (членства) в них и формируют их высший орган в соответствии с п. 1 статьи 65.3 Гражданского кодекса [4]. Но обращаясь именно к социальной стороне жизнедеятельности корпораций, следует отметить, что это особый социальный институт, который отличает от других социальных институтов структурная и функциональная нацеленность на производство чего-либо. Следовательно, в центре корпорации оказывается человек, способный удовлетворять те или иные социальные потребности других людей. Таким образом, отличительной особенностью социального института корпораций становится удержание и развитие людей, имеющих такую специализацию, которая бы способствовала достижению конкретного результата деятельности корпорации, разделению ответственности и труда, развитию социально-структурных отношений в корпорации. Корпорация, благодаря своим определенным свойствам, обуславливает развитие человека, включенного в систему корпоративных отношений, что позволяет рассматривать ее в качестве одного из факторов социализации [3, С. 2]. Это подчеркивает значимость социального института корпорации в развитии социальной структуры общества.

По мере формирования социального института корпораций, роль руководителей корпораций постоянно изменяется и трансформируется в направлении усиления важности и значения социальной составляющей – способности влияния на социально-структурные характеристики и отношения в корпорации. Можно сказать, что человеческий капитал руководителей корпорации возникает в практической деятельности людей и составляет одну из базовых основ появления и становления самих корпораций как специфического социального института. Поэтому, следует обратить внимание на развитие таких навыков и компетенций руководителей, как лидерские навыки, управление изменениями, коммуникативные навыки, корпоративное управление, социальная ответственность. Также, руководители могут напрямую влиять на развитие социального института корпорации через формирование миссии корпорации и ее ценностей, интеграции социальной ответственности в бизнес-процессы корпорации, побуждать к участию в волонтерских общественных программах, действовать прозрачно и иметь социальную открытость. Такие навыки и инициативы способствуют развитию внутренней и внешней структуры социального института корпорации. По результатам исследования

Е. А. Свердликовой [5, С. 116–117] показательными данными для характеристики современной российской деловой культуры и для характеристики лояльности персонала организации стали ценности трудолюбия и преобладание моральных форм мотивации над материальными. Это подчеркивает значимость ценностных ориентиров руководителей, их моральных качеств и особенностей стиля руководства.

Корпорации с самого начала определялись жизненным укладом, условиями существования, социальными факторами. Целью было не увеличение производительности, а духовное объединение людей со схожими моральными взглядами и их индивидуальная реализация [6, С. 1]. Следовательно, деятельность и успех корпорации напрямую зависят от характеристик человеческого капитала ее сотрудников, особенно от человеческого капитала руководителей. В корпорациях с высоким уровнем человеческого капитала зафиксировано самое высокое ценностное единство персонала в представлениях о положительных эталонах, т. е. в представлении о перспективах и ценностных ориентирах [7, С. 21]. Признание роли, места и целей реализации человеческого капитала в развитии социума становится одним из важных индикаторов не только по его значимости и успешности, но и как показатель перспективности и устойчивости корпорации, социума [8, С. 123–126]. Данные выводы свидетельствуют о взаимосвязи развития качества человеческого капитала руководителей и, непосредственно, результатов деятельности самого социального института корпорации.

Подводя итог, следует отметить, что человеческий капитал руководителей имеет важное значение для развития и стабильности социального института корпорации. Навыки, умения и ценностные ориентации руководителей формируют внутреннюю структуру корпорации, способствуя созданию клиентоориентированной среды и обеспечивая выполнение социальных и экономических задач корпорации.

Кроме того, социальный институт корпорации играет важную роль в развитии общества, влияя на экономический и социальный прогресс. Через формирование ценностей, развитие корпоративной социальной ответственности, укрепление социально-структурных отношений, корпорации способствуют укреплению социума и созданию благоприятных условий для жизни и процветания граждан.

Таким образом, человеческий капитал руководителей и социальный институт корпорации взаимосвязаны и взаимообусловлены. Развитие навыков и компетенций руководителей, а также их ценностных ориентаций, является необходимым условием для развития корпораций и общества в целом. Социальная сторона жизнедеятельности корпораций ориентирована на производство посредством удовлетворения социальных потребностей, что подчеркивает центральное значение человеческого капитала и его влияние на социальную структуру общества.

Источники:

1. Сидорова Л. Е., Сидоров С. В., Шарафутдинов Р. Я. О системном анализе динамики человеческого капитала национальной экономики // Системный анализ в проектировании и управлении. 2019. Т. 23. №. 3. С. 34–44.
2. Худобко Е. В. Особенности формирования и свойства человеческого капитала // Вестник Брянского государственного университета. 2011. №. 3. С. 206–211.
3. Патутина Н. А. Корпорация как фактор социализации сотрудников // Вестник евразийской науки. 2016. №6 (37). С. 2.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/28916ee0bbdf24214da0c780cd7ad21d728f37a4/ (дата обращения: 14.01.2024).
5. Свердликова Е. А. Традиции российского бизнеса и корпоративный патриотизм // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. Т. 23. №. 2. С. 116–117.
6. Тагибова А. А. Изучение корпорации как социокультурной системы // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. №9. С. 1.
7. Дерюгин П. П., Лебединцева Л. А., Ярмач О. В., Травин Р. А. Ценности и человеческий капитал сотрудников корпорации: опыт сетевой диагностики // Научный результат. Социология и управление. 2020. №4. С. 21.
8. Гришанова Е. М. Корпоративная культура современного предпринимательства // Инновации и инвестиции. 2014. №. 11. С. 123–126.

Е. А. Kamyshina (St. Petersburg state electrotechnical University «LETI»)

THE ROLE OF HUMAN CAPITAL OF MANAGERS IN THE DYNAMICS OF THE SOCIAL INSTITUTE OF THE CORPORATION

The development of the social institution of corporations has a significant impact on public relations, social structures and economic development of modern Russian society. Corporations are not only fundamental drivers of economic growth, but are also considered as key players in social responsibility, value formation and government partnerships. In particular, fixing a high level of human capital among corporate managers leads to an increasing in value unity among staff and the creation of favorable guidelines for the activities of the corporation. The findings highlight the key role of the social institution of corporations in shaping social structure and economic development.

Social institution of the corporation, corporation, human capital, managers, social-structural relations, dynamics of the social institution of the corporation

УДК 37.1+316.6

И. Д. Кирякова (Новосибирский государственный педагогический университет «НГПУ», e-mail: dotkiryakova@mail.ru)

РАЗВИТИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОЦЕССОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В центре внимания автора в данной статье проблема организационного становления личности профессионала в современных исследованиях. Цель – исследования особенности развития организационной культуры личности в контексте текущих процессов цифровизации современного общества. Для достижения поставленной цели автором применяются методы анализа и обобщения современных исследований по проблеме. Автором показаны различные проблемы организационного становления личности в процессах цифровизации образования, включающие различные аксиологические и праксиологические аспекты. В заключение автором обобщаются основные выявленные аспекты проблемы.

Организационная культура профессионала, культура общества, культурные ценности, становление личности, профессиональное образование, философские основания, цифровизация образования

Целью авторского исследования являлось определение особенностей современного исследования проблемы организационной культуры личности профессионала в современных условиях развития информационного общества, в условиях его цифровизации.

Исследователи современной социальной философии и философской антропологии пристальное внимание обращают на личностное содержание и назначение человека как профессионала [1; 2], уделяя особое внимание становлению его организационной культуры [3; 4].

Сам образовательный процесс в современных условиях неизбежно становится пространством особого социального и культурного становления человека, где важное значение приобретает его личностное измерение в новых информационных и коммуникационных условиях развития образовательной системы [5; 6]. Социокультурное становление личности, являясь основной целью осуществления и направленности образования, а, следовательно, и одной из ключевых проблем образовательной деятельности, вместе с этим становится и важнейшей проблемой современного общественного развития [7; 8], особенно в условиях происходящих изменений в образовательной системе в контексте происходящих активных процессов цифровизации современного общества [8; 9].

Современные исследователи, рассматривают профессиональную социализацию современной личности профессионала как процесс и результат усвоения и воспроизводства успешного социального и профессионального опыта [10], в условиях трансформации образовательных моделей [11; 12].

Исследователи в современной философии, социологии, психологии образования особое внимание уделяют вопросам: личностного развития и профессионального становления человека; с необходимостью исследуются проблемы повышения качества подготовки профессионала; выявляются особенности развития профессиональных качеств личности, ее цифровой компетенции [13; 14; 15].

Проблема организационного становления личности в процессах образования является многоаспектной проблемой, включающей в себя различные аксиологические и праксиологические аспекты, что, безусловно, имеет высокое значение для анализа в различных областях философского знания. В широком смысле организационная культура личности рассматривается как часть общей культуры личности, включающей сформированную систему личностных ценностей, убеждений, норм поведения, направленных на организационное обеспечение деятельности личности. Центральным элементом организационной культуры личности являются ценности, на основе которых определяются нормы и формы ее поведения в обществе.

С позиции исследователей организационное становление личности как ведущая цель образовательной деятельности во многом зависит от свойств личности, от сложившейся системы отношений, ценностей.

Так, к примеру, Милованова Ю. В. [16] сравнивает организационную культуру с важным процессом в организме человека – иммунной системой. «Организационная культура во многом похожа на человеческую иммунную систему, предотвращая распространение вирусов и бактерий и причинение им вреда. Проблема, конечно, в том, что организационные иммунные системы также могут атаковать агентов необходимых изменений, и это имеет важные последствия для адаптации и интеграции людей в организации» [16, С. 115].

Особое внимание исследователей обращено к выявлению ценностно-смысловых ориентиров профессиональной педагогической деятельности в новых условиях, опосредованных цифровизацией [17; 18].

В заключение отметим важные выявленные особенности современного исследования проблемы организационной культуры личности профессионала в современных условиях развития информационного общества, в условиях его цифровизации.

Современное социальное и культурное становление человека профессионала осуществляется в новых информационных и коммуникационных условиях развития образовательной системы.

Исследователями рассматривается профессиональная социализация современной личности профессионала как процесс и результат усвоения и воспроизводства успешного социального и профессионального опыта, в условиях трансформации образовательных моделей в цифровом пространстве.

Проблема организационного становления личности в процессах образования включает различные аксиологические и праксиологические аспекты. В широком смысле организационная культура личности рассматривается как часть общей культуры личности, включающей сформированную систему личностных ценностей, убеждений, норм поведения, направленных на организационное обеспечение деятельности личности. Центральным элементом организационной культуры личности являются ценности, на основе которых определяются нормы и формы ее поведения в обществе в новых условиях, опосредованных цифровизацией.

Источники:

1. Поваренков Ю. П. Психологическое содержание профессионального становления человека. М.: Изд-во УРАО, 2002. 160 с.
2. Третьякова В. С., Кайгородова А. Е., Шаров А. А., Зеер Э. Ф. Исследование социально-профессиональной успешности личности на основе персонификации субъекта деятельности // *Science for Education Today*. 2023. № 3. С. 101–124. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2303.05>
3. Гаркуша Н. С., Алексеева А. С., Асмолова Л. М. Цифровая культура руководителя образовательной организации: методологические подходы к исследованию // *Science for Education Today*. 2023. № 4. С. 123–147. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2304.06>
4. Genc-Tetik E. Strategy implementation, culture and performance in the public organizations: an empirical examination // *Public Administration Issue*. 2022. Vol. 6. P. 33–52. DOI: <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2022-0-6-33-52>
5. Пушкарёв Ю. В., Пушкарёва Е. А. Специфика информационного и коммуникационного развития образования: аналитика ценностных изменений до и после 2020 (критический обзор) // *Science for Education Today*. 2021. № 6. С. 96–119. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2106.06>
6. Ashilova M. S., Begalinov A. S., Begalinova K. K. The collapse of neoliberal concept of education in the COVID-19 era and the prospects for post-COVID education. *Science for Education Today*, 2022, vol. 12 (1), pp. 30–54. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2201.02>
7. Безусова Т. А., Рихтер Т. В. Динамика изменений профессиональной мотивации обучающихся: влияние институциональной интеграции // *Science for Education Today*. 2023. № 3. С. 125–141. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2303.06>
8. Tang L., Gu J., Xu J. Constructing a digital competence evaluation framework for in-service teachers' online teaching // *Sustainability*. 2022. Vol. 14 (9). P. 5268. DOI: <https://doi.org/10.3390/su14095268>
9. Токтарова В. И., Ребко О. В., Семенова Д. А. Сравнительно-сопоставительный анализ моделей цифровых компетенций педагогов в условиях цифровой трансформации образования // *Science for Education Today*. 2023. № 5. С. 79–104. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2305.04>

10. Прудникова В. А., Фишман Л. И., Фишман И. С. Оценка квалификации педагога в контексте задачи его профессионального развития: анализ зарубежной теории и практики // *Science for Education Today*. 2022. Т. 12, № 5. С. 113–136. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2205.07>

11. Горбачева Н. В., Филатова Н. Г. Влияние применяемых педагогических моделей на результаты формирования исследовательской компетентности управленческих кадров // *Science for Education Today*. 2022. Т. 12, № 6. С. 165–187. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2206.07>

12. Шакурова М. В., Пашкевич В. В., Аракелян А. Р., Тарлавский В. И. Целевые установки моделирования профориентационной работы в системе образования региона // *Science for Education Today*. 2022. Т. 12, № 5. С. 90–112. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2205.06>

13. Skantz-Aberg E., Lantz-Andersson A., Lundin M., Williams P. Teachers' professional digital competence: an overview of conceptualisations in the literature // *Cogent Education*. 2022. Vol. 9 (1). DOI: <https://doi.org/10.1080/2331186X.2022.2063224>

14. Коновалов А. А., Сатдыков А. И., Есенина Е. Ю. Подготовка, профессиональное развитие и оценка навыков педагогов профессионального образования за рубежом // *Science for Education Today*. 2022. Т. 12, № 6. С. 138–164. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2206.06>

15. Su Y. Delving into EFL teachers' digital literacy and professional identity in the pandemic era: Technological Pedagogical Content Knowledge (TPACK) framework // *Heliyon*. 2023. Vol. 9 (6). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e16361>

16. Милованова Ю. В. Современный подход к определению организационной культуры / Ю. В. Милованова, Т. В. Петренко // *Проблемы развития предприятий: теория и практика: Сборник статей IX Международной научно-практической конференции, Пенза, 18–19 апреля 2022 года / Под научной редакцией В.И. Будиной. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2022. С. 113-116. EDN DHWYEQ.*

17. Харисова И. Г., Макеева Т. В., Казакова Е. И., Тарханова И. Ю. Выявление ценностно-смысловых ориентиров профессиональной педагогической деятельности с позиции социально-профессиональной общности современного учительства // *Science for Education Today*. 2021. № 5. С. 7–25. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2105.01>

18. Пушкарёв Ю. В., Пушкарёва Е. А. Факторы, определяющие развитие когнитивных способностей в условиях цифровизации процессов образования: обзор текущих исследований // *Science for Education Today*. 2022. Т. 12, № 6. С. 111–136. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2206.05>

I. D. Kiryakova (Novosibirsk State Pedagogical University)

DEVELOPMENT OF ORGANIZATIONAL CULTURE OF PERSONALITY IN THE STUDY OF DIGITALIZATION PROCESSES OF MODERN SOCIETY

The author's focus in this article is on the problem of the organizational development of a professional's personality in modern research. The goal is to study the peculiarities of the development of an individual's organizational culture in the context of the current processes of digitalization of modern society. To achieve this goal, the author uses methods of analysis and generalization of modern research on the problem. The author shows various problems of organizational formation of personality in the processes of digitalization of education, including various axiological and praxeological aspects. In conclusion, the author summarizes the main identified aspects of the problem.

Organizational culture of a professional, culture of society, cultural values, personality development, professional education, philosophical foundations, digitalization of education

УДК 101.1

В. А. Коваленко (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, e-mail: faustkurokifu@gmail.com)

РОЛЬ СОЗНАНИЯ У СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Данная статья исследует роль сознания у систем искусственного интеллекта в контексте профессиональной коммуникации. Автор рассматривает возможность существования сознания у ИИ в срезе различных теорий сознания, а также его влияние на способность взаимодействия с людьми в рабочей среде. Особое внимание уделяется различиям между человеческим и искусственным сознанием, а также возможным влиянием этих различий на процессы коммуникации и принятия решений.

Искусственный интеллект, феноменальное сознание, понимание, профессиональная коммуникация, каузальное влияние

В эпоху стремительного развития технологий искусственного интеллекта (ИИ) профессиональные коммуникаторы находятся перед новыми вызовами и возможностями. Алгоритмы машинного обучения и нейронные сети позволяют автоматизировать процессы анализа данных, генерации контента и персонализации коммуникаций.

Так, одним из значимых вкладов ИИ в область профессиональных коммуникаций является возможность автоматизации рутинных задач. Генерация отчетов, анализ больших объемов данных, ответы на часто задаваемые вопросы – все это теперь может быть поручено алгоритмам, позволяя коммуникаторам более эффективно использовать свое время для стратегических задач и творческой работы. Помимо этого, искусственный интеллект обладает уникальной способностью анализа огромных объемов данных и выявления трендов. Профессиональные коммуникаторы могут использовать эту информацию для более точного прогнозирования потребительского поведения, адаптации стратегий маркетинга и принятия более обоснованных решений.

На данный момент можно сказать, что искусственный интеллект используется как средство для увеличения эффективности профессиональной коммуникации, однако, едва ли его можно увидеть в роли её полноправного участника. Чего же не хватает искусственному интеллекту для того, чтобы не только занять такую позицию, но и, возможно, значительно превзойти человека?

Несложно заметить, что по ряду функций ИИ уже сейчас на порядок превосходит человеческие способности, обладая, например, совершенной памятью с доступом к невообразимым массивам данных. Впрочем, именно благодаря такого рода особенностям ИИ люди видят пользу в его использовании и

развитии, однако, одного этого, кажется, недостаточно для полноценной замены человека.

Является ли разница между естественным и искусственным интеллектом сугубо количественной, вопросом технологической сложности и методов программирования, или же различие носит преимущественно качественный характер?

В 1980 году британский философ Джон Сёрл предложил известный мысленный эксперимент под названием «Китайская комната» [1]. Этот эксперимент по задумке автора должен продемонстрировать принципиальную разницу между искусственным интеллектом и человеческим сознанием.

Идея заключается в том, что представляется ситуация, в которой человек, не зная китайского языка, находится в комнате, в которой есть большое количество карточек с китайскими символами. Человеку также предоставляется набор инструкций на понятном ему языке, которые позволяют ему отвечать на китайские вопросы, используя карточки. Сёрл хочет сказать, что если удалось написать программу, симулирующую деятельность человеческого интеллекта и успешно проходящую классический тест Тьюринга, т.е. продуцирующую вербальное поведение, внешне неотличимое от поведения разумного человека, то из этого не следует, что компьютер, исполняющий такую программу, действительно разумен. И не следует этого потому, что человек, который располагал бы такой программой, вовсе не обрел бы реального понимания тех вещей, понимание которых эмулируется данной программой.

С точки зрения Сёрла программы имеют синтаксический характер, а человеческое понимание семанлично. В программе прописано лишь то, что определенная последовательность иероглифов имплицитно подразумевает другую последовательность иероглифов, т.е. вопросы имплицитно подразумевают ответы на них. Однако этого недостаточно для того, чтобы испытуемый понял, о чем его спрашивают. Тем не менее внешним наблюдателям будет казаться, что испытуемый всё же обладает понимаем китайского языка.

Мы можем заметить, что если Сёрл прав и такая ситуация возможна в действительности, то в контексте профессиональной коммуникации мы ничего, по существу, не теряем от того, что программа не обладает реальным пониманием и, соответственно, не обладает сознанием. В таком случае нам необходимо лишь развить существующие системы искусственного интеллекта до того уровня, когда они смогут успешно проходить классический тест Тьюринга для того, чтобы ИИ смог стать полноправным участником и профессиональной, и любой другой коммуникации.

Помимо этого, мы также могли бы сделать вывод о том, что сознание, по крайней мере в контексте реализации вербальной функции, не обладает каузальным влиянием, откуда от его наличия или отсутствия «внешне» ничего не меняется. Это говорило бы в пользу тех теорий сознания, которые отказывают ему в каузальной силе как, например, в случае позиции эпифеноменалистов и физикалистов.

Хотя аргументация Серла выглядит убедительно, заметим, что он лишь делает допущение, что такая программа действительно была бы способна пройти тест Тьюринга и без этого допущения аргументация уже не будет столь убедительной. Чтобы продемонстрировать данную лаку в этом мысленном эксперименте, Васильев А. А. в своей статье «Кока-кола и секрет Китайской комнаты» предлагает нам представить следующую ситуацию: «Допустим, я знаю китайский и веду диалог с Сёрлом, запертым в его комнате вместе с этой программой и целыми горами иероглифов. Допустим также, что перед экспериментом я зашёл в комнату и поставил банку кока-колы на стол, за которым будет сидеть Сёрл. И вот мы начинаем наш диалог. Я спрашиваю Сёрла по-китайски: “Скажите, что находится прямо перед Вами?”. По идее, он должен обратиться к программе, в которой должен содержаться ответ: “банка кока-колы”. Но как мог человек, составивший его программу, знать, что я принесу в Китайскую комнату именно этот предмет? Такую программу могло бы написать только всезнающее существо» [2, С. 3].

Как мы можем видеть из аргументации автора статьи, одного только «знания» синтаксиса языка явно недостаточно для прохождения теста Тьюринга, поскольку необходимо также знание семантики. Тем не менее, мы также могли бы представить такую машину, которая помимо знания синтаксиса имела бы нечто вроде искусственных органов чувств, которые позволили бы ей успешно отвечать на подобного рода вопросы. Можем ли мы сказать, соответственно, что этого было бы достаточно для того, чтобы программа могла отвечать на любые задаваемые ей вопросы и, таким образом, без потерь заменить человека в профессиональной коммуникации?

Хотя на данном этапе все рассуждения, кажется, склоняют нас к утвердительному ответу на поставленный вопрос, все же есть область, в которой наличие сознания у системы, по-видимому, необходимо если не для разумной коммуникации, то для продуктивной. Представим, что у нас имеется такая машина, обладающая «знанием» синтаксиса языка и искусственными органами чувств, благодаря которым она также получает определенное знание семантики. Что будет, если мы попросим эту систему сформулировать свою позицию относительно природы сознания? Вероятно, такая система расскажет нам об отсутствии однозначного определения сознания, покуда это предполагает наличие доказанной теории о нем, осветит различные позиции философов по данному вопросу, однако, сможет ли она, не обладая сознанием, сказать что-то новое на этот счет? Иными словами, способна ли система искусственного интеллекта заниматься исследованием онтологического статуса сознания на том же уровне, как этим могут заниматься философы и просто рядовые обладатели феноменального опыта?

Полагаясь на здравый смысл, мы, кажется, должны ответить отрицательно: система искусственного интеллекта, не обладающая феноменальным сознанием, способна лишь симулировать рассуждения о его природе, но не заниматься настоящим исследованием, покуда мы не можем запрограммировать

понимание квалиа, из-за чего аргументы такой системы будут, по существу, лишены своего предмета. Соответственно, в таком случае мы должны сделать вывод о том, что наличие феноменального сознания необходимо для замены человека в профессиональной коммуникации, как минимум, в области исследования сознания.

Тем не менее, подобная линия рассуждений имеет ряд предпосылок, как, например, тезис о том, что сознание принципиально отлично от физических явлений, или, иными словами, несводимо к ним. В то же время сама мыслимость такой машины, согласно аргументу «философского зомби», поддерживаемого Дэвидом Чалмерсом [3, С. 137], свидетельствует в пользу оправданности этой предпосылки. Суть этого аргумента заключается в том, что представимость существа, физически полностью идентичного человеку, но не обладающего феноменальным сознанием, влечет за собой метафизическую возможность такого существа и, следовательно, ложность физикализма как метафизического тезиса о необходимой зависимости ментального от физического. Если же данные рассуждения верны, то мы также можем сделать вывод, что сознание оказывает каузальное влияние на физический мир, что согласуется со здравым смыслом, но противоречит принципу каузальной замкнутости материальной вселенной, столь важному для современной науки.

Отметим, что от ответа на вопрос о каузальном влиянии феноменального сознания на физический мир зависят наши возможности в научно-строгом исследовании его природы. В случае отрицания подобного влияния продвижение в этой области возможно преимущественно лишь за счет философских методов аргументации. И напротив, если же каузальное влияние все же имеет место, то для нас открываются возможности для построения научной методологии, сфокусированной на исследовании причинно-следственных связей между ментальным и физическим.

Однако, в процессе рассмотрения этого вопроса мы оказываемся внутри замкнутого круга. Это происходит потому, что для утверждения той или иной позиции мы уже должны обладать теорией сознания. Однако эта теория, в свою очередь, формируется на основе того, как мы определяем проявления сознания. Эти замечания справедливы по той причине, что феноменальное сознание, согласно большинству специалистов в этой области, имеет приватную природу.

Приватность сознания подразумевает, что внутренний опыт, мысли и качества сознания являются уникальными для каждого индивида и практически недоступны для внешнего наблюдения или измерения. Эта особенность и создает значительные вызовы для исследователей, стремящихся разработать объективные методы изучения сознания.

Этот аспект подчеркивает сложность в определении и оценке сознания у искусственного интеллекта, в частности. Несмотря на постоянные прорывы в области исследований и разработок искусственного интеллекта, мы сталкиваемся с серьезными трудностями, особенно в научно-строгом понимании этого явления.

Вопрос о возможности феноменального сознания у искусственного интеллекта является одним из ключевых в философии сознания. Кратко рассмотрим основные позиции по данному вопросу.

Так, согласно физикализму, сознание является результатом физических процессов в мозге. Если искусственный интеллект будет способен точно моделировать эти физические процессы, то, в принципе, он может обладать феноменальным сознанием.

С точки зрения функционализма, сознание определяется функциональными свойствами системы, а не её конкретной физической природой. Если искусственный интеллект сможет реализовать те же функциональные свойства, что и человеческий мозг, то он также может обладать феноменальным сознанием.

Дуализм, в свою очередь, предполагает, что сознание имеет особую природу, отличную от физических процессов. Согласно этому взгляду, феноменальное сознание может быть недоступно искусственному интеллекту, поскольку оно не обладает «душой» или другим особым аспектом, который присущ только человеку.

В целом, вопрос о возможности феноменального сознания у искусственного интеллекта остается открытым и вызывает много споров среди философов и специалистов в области искусственного интеллекта.

В связи с этим вопросом возникает необходимость использования косвенных методов исследования, таких как нейрофизиологические меры, психологические эксперименты, исследования поведения и другие техники, чтобы попытаться выявить корреляции между физическими процессами и состояниями сознания. Однако, даже при использовании этих методов, мы сталкиваемся с ограничениями и трудностями в точной интерпретации данных и переводе их на язык ментальных явлений.

Эти сложности создают не только научные вызовы, но и подчеркивают важность постоянного взаимодействия между философией, наукой и технологией. Всеобъемлющее понимание природы сознания требует междисциплинарного подхода, который объединяет философские исследования, нейронауку, психологию и технические инновации. Только такой глобальный подход может привести к более глубокому пониманию сознания и, возможно, расширению границ наших знаний в этой уникальной и сложной области.

Источники:

1. Серль Дж. Р. Сознание, мозг и программы / Дж. Р. Серль // Аналитическая философия: Становление и развитие: Антология / Общ. ред. и сост. А. Ф. Грязнов. М.: «Дом интеллектуальной книги», «Прогресс-Традиция», 1998.
2. Васильев В. В. Кока-кола и секрет Китайской комнаты // Философия сознания: классика и современность. М.: Издатель Савин С.А., 2007.
3. Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013

V. A. Kovalenko (Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University)

***THE ROLE OF CONSCIOUSNESS IN ARTIFICIAL INTELLIGENCE
SYSTEMS IN THE CONTEXT OF PROFESSIONAL COMMUNICATION***

This article explores the role of consciousness in artificial intelligence systems in the context of professional communication. The author considers the possibility of the existence of consciousness in AI in the context of various theories of consciousness, as well as its impact on the ability to interact with people in the work environment. Special attention is paid to the differences between human and artificial consciousness, as well as the possible impact of these differences on communication and decision-making processes.

Artificial intelligence, phenomenal consciousness, understanding, professional communication, causal influence

УДК 101.1:316

С. Г. Коленько (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: kuzdra74@mail.ru);

Г. С. Коленько (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, e-mail: gidrat@mail.ru)

ГЕНЕЗИС НЕОЛИБЕРАЛИЗМА КАК ИДЕЙНОГО ФУНДАМЕНТА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Рассматривается процесс формирования политической доктрины неолиберализма как идейного основания, а также экономического и политического инструмента глобализации. Генезис неолиберализма анализируется в контексте зарождения и формирования западноевропейской рациональности, вместе с параллельным процессом секуляризации Римо-католической церкви и западноевропейского мировоззрения.

Неолиберализм, глобализация, политическая доктрина, свобода выбора, секуляризация, апостасия, западноевропейская рациональность

На сегодняшний день неолиберализм стал флагманской идеологией, активно распространяемой и внедряемой англосаксонским миром остальным народам в процессе информационной, экономической и политической глобализации. Напомним, что неолиберализм (далее НЛ) есть политическая доктрина, согласно которой рыночные отношения являются основой системы этических норм, достаточной для регулирования всех человеческих действий.

Следует признать, что НЛ имеет привлекательный фасад, унаследованный от классического либерализма. «Адепты НЛ утверждают, что их система идей защищает человеческое достоинство, инициативу, самостоятельность, предприимчивость, свободу. Согласно их словам, она является единственным средством защиты демократии, свободы выбора, обеспечения прав человека и борьбы против тоталитаризма» [1]. Паразитируя на этих красивых, укорененных в общественном сознании ценностях, НЛ находит положительный отклик в умах множества людей. Однако в действительности поборники НЛ продвигают совершенно другой «продукт». Фактически приветствуется и одобряется социал-дарвинистский волчий закон: имеет право на достойную жизнь тот, кто богаче/сильнее/ловчее/сообразительнее/успешнее. Каждый сам за себя. Такая установка здорово атомизирует общество, поскольку основным принципом отношений между отдельными индивидами становится принцип конкуренции. «...НЛ-идеология абсолютизирует свободу действий и личную ответственность граждан за эти действия...Такая свобода ведет к усилению тех, кто имеет множество ресурсов, и ослаблению тех, у кого этих ресурсов минимум» [1].

Помимо принципа всеобщей конкуренции, НЛ содержит в себе идею исключительности, так порой раздражающую во внешней политике США, и в диалогах героев в массовой продукции Голливуда. Есть избранная часть населения Земли, которым повезло больше – пресловутый «золотой миллиард», а есть остальные – им не так повезло. Да, действительно, неолиберальная (рыночная) экономическая глобализация привела к более интенсивному и свободному перемещению товаров и услуг по всему миру. В то же время, легальное и свободное перемещение «неисключительной» и «неизбранной» части населения существенно усложнилось и ограничилось по экономическим и бюрократическим причинам [4], глобальное разделение людей на классы стало еще более ярко выраженным.

Для нашей страны НЛ-доктрина является антагонистом ценностей русского мира, теперь уже провозглашаемых на государственном уровне – таких как православное христианство, соборность, сострадание, сочувствие, уважение к духовным авторитетам, Церкви и власти, богобоязненность, традиционные семейные ценности. Поэтому изучение процесса зарождения и становления НЛ является актуальной задачей, врага надо изучить.

По основным характерным признакам – личный материальный успех как критерий избранности, исключительности; голый, неприкрытый рационализм во взаимоотношениях между людьми; индивидуализм и отсутствие духовных авторитетов – очевидным образом прослеживается генетическая связь неолиберализма с протестантизмом, особенно кальвинистского направления, что отмечается рядом авторов [5], [3]. По сути, НЛ – это секуляризированная, обезбоженная версия протестантизма. Точнее, бог в неолиберализме присутствует, но, в отличие от христианского Бога, он равнодушен к проблемам нищих, труждающихся и обремененных, и холоден на ощупь, как металлический слиток при комнатной температуре.

Авторы доклада полагают, что протестантизм и его секуляризированная ветвь неолиберализма явились закономерным следствием развития и становления Западной европейской рациональности и параллельного процесса расцерковления Римо-католической церкви [6].

Перечислим кратко основные вехи исторического пути Западной европейской рациональности – может быть, не совсем в хронологическом порядке, но в порядке возрастания апостасии (отступления от веры).

1) XIII век. Мощное движение схоластов, которые поставили своей целью примирить науку с религией. В своих исследованиях они опирались на труды античных философов, переводы которых хранились тогда в монастырских библиотеках, и на Священное Писание. В своем фундаментальном труде «Сумма теологии» известнейший схоласт Фома Аквинский, один из отцов Римо-католической церкви, формулирует, среди прочих, важный вопрос: является ли Священное Писание и богословие практическим знанием? Исходя из того как он отвечает на этот вопрос, и как Восточная церковь отвечает на этот вопрос, мы видим настоящий водораздел [6]. Мы видим, почему Запад

развивается так, как он развивается, а Восток развивается так, как он развивается. Фома Аквинский провозгласил, что богословие – это непрактическая наука, это умозрительное занятие. Но если богословие – это непрактическая наука, в таком случае человек не делает нравственных выводов из изучения Библии. В то время как христианская Восточная церковь признает богословие и Священное Писание практическим знанием. В целом, Фома Аквинский попытался уравнять разум человека и знание Бога.

2) XIV век. Черная смерть – пандемия чумы. По разным оценкам, вспышки черной чумы унесли более половины населения Европы. Произошел кризис веры. Матвей Парижский в «Великой хронике» описывает, что люди были готовы к тому, что они умирают за свои грехи, поскольку считали себя грешниками. Но когда они увидели, что умирают священники, монахи, епископы, то разочаровались в вере, они увидели, что церковь им не может помочь. В тот момент Западное мировосприятие поменялось, люди стали менее богобоязненными, стала проявляться всеобщая разнузданность, появилось понятие «Пир во время чумы». «Все равно умру – буду делать, что захочу».

3) XVII – XVIII века. Эпоха Просвещения эпоха предложила несколько тезисов. Отец рационализма Рене Декарт искренне удивлялся, почему церковь все время спорит с наукой. Он говорил, что нет смысла в этом споре, нужно принимать любые достижения науки. И в самом начале эпохи Просвещения появляются тезисы: разум вместо Откровения; мораль вместо догмата; свобода мнения вместо авторитетов (церковных).

В конце XVIII века И. Кант (который и сам был продуктом эпохи Просвещения) определил этот период в истории Европейской мысли как «выход человека из состояния своего несовершеннолетия, которое есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого». То есть он описал такую ситуацию, когда человек не заботится иметь ничего в разуме кроме самого себя.

4) Оптимистический взгляд на собственную жизнь вместо осознания своей греховности. Бертран Рассел в своей работе «История западной философии» писал: Люди XVII века ощущали себя славными парнями, а не жалкими грешниками. Хотя каждое воскресенье в церкви они и дальше называли себя таковыми». То есть сознание западноевропейского человека начинает делиться на мое поведение в храме и на мое поведение дома. Появился английский афоризм «Мой дом – моя крепость». Пространство жизни человека начало делиться на общественную и частную сферу.

5) Гуманизм (высшая ценность – это человек) и антропоцентричность вместо Богоцентричности. Интересы человека ставятся выше заповедей Создателя. Бог – это средство, а не цель.

6) Конец XVIII века, период Великой Французской революции. Появляется тезис: проблема в Боге, а не в человеке. Разум начинает вытеснять Откровение. Этическое поведение начинает вытеснять догматы. Автономия каждого

человека против противопоставляется любым авторитетам. Появляются рассуждения о том, что есть свобода. Европейский человек стремится получить автономию вообще от любого авторитета – теперь уже ни мать, ни отец, ни священник, ни Священное Писание не являются авторитетами для него. Происходит растабуирование.

7) Деизм Герберта Чербери (1583–1648). Деисты ввели понятие *естественной* или *природной* религии. При толковании Священного Писания деисты опирались на свою логику. Был отброшен в том числе догмат о Святой Троице, как *нелогичный* и *излишний*.

8) Философия Иммануила Канта (1724–1804). «Истинная религия состоит не в знании или осмыслении того, что Бог делает или сделал для нашего спасения, а в том что мы должны сделать чтобы стать достойными его». Не надо думать о том как тебя спасет Бог, а надо думать о том как стать достойным Бога. То есть человек уже оказался как бы на одном уровне с Богом. Это уже исключает понятия греха. Вместо греховного чувства уже оптимизм в душе, вместо откровения разум, вместо догматов мораль, вместо авторитетов свобода, и в центре всего – человек. Канту принадлежат знаменитые слова: «Относись к человеку как к цели, а не как к средству». Бог становится средством, и даже другой человек становится средством, если это не я. При таком типе мышления люди уже сочли для себя возможным интерпретировать Божественное Откровение.

9) XVIII – пер.пол. XIX века. Эпоха Романтизма. На первый план в мировосприятии западноевропейского человека были выдвинуты его эмоции, чувства, переживания, интуиция, воображение, вдохновения. И уже даже не разум вместо Откровения, а уже чувства и эмоции вместо разума.

10) Романтизм быстро сменяется философией Людвиг Фейербаха (1804–1872), который провозглашает, что интересы человеческого желудка выше рассуждений о том, есть Бог или его нет.

11) 31 октября 1517 года Мартин Лютер прибил к дверям виттенбергской Замковой церкви свои «95 тезисов», в которых он, наряду со справедливой критикой злоупотреблений католической церкви, наметил основы своего будущего учения, в том числе тезис о признании всеобщего священства. Это событие считается началом Реформации и началом становления протестантизма, где каждый член общества сам себе священник, и каждый может толковать Священное Писание, опираясь на собственный разум, на свои чувства и эмоции.

Таким образом, мы тезисно показали, как происходила рационализация и секуляризация, обмирщение мировосприятия западного человека, постепенное вытеснение Откровения разумом, а затем и разума – чувствами и инстинктами. Совершенно неудивительно, что на этой благодатной идейной почве в протестантизме родился тезис о том, что материальный успех – признак богоизбранности и исключительности. Этот тезис был подхвачен основателями неолиберализма, в том числе политическим философом Фридрихом фон Хайеком, создавшим в 1947 году Общество Мон-Пелерин (Mont Pelerin Society),

названного так по имени курорта в Швейцарии, где проходили встречи. Главная цель Общества – защита либеральных идеалов индивидуальной свободы перед лицом социализма и марксизма. Неолибералисты вырезали идею Бога из протестантизма, поскольку она слишком возвышенна и *непрактична*, и залатали полученную пустоту напечатанными бумажками. А все же унаследованная от христианства идея о свободном выборе человека оказалась привлекательной для многих людей в разных странах по всему миру, нашла отклик в их сердце, что обеспечило успех неолиберальной идеологии, и интенсифицировало политическую и экономическую глобализацию.

Источники:

1. Ильин А. Н. Идеология неолиберализма: сущность и социальные последствия // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2020. №2 (13). С. 9–20.
2. Гобозов И. А. Неолиберализм и глобализация // Век глобализации. 2017. №2. С. 66–76.
3. Раков В. М. Протестантская этика и дух либерализма // Вестник Пермского университета. История. 2004. Вып. №5. С. 62–66.
4. Политическая философия неолиберализма // Студопедия: [сайт]. 2015. URL: https://studopedia.ru/8_63427_politicheskaya-filosofiya-neoliberalizma.html (дата обращения: 15.01.2024)
5. Вирус западного неолиберализма. Гуманизм и протестантизм. Наше мнение с Сергеем Ворониным // ЛДПР-ТВ. [видеозапись]. 2020. URL: https://www.youtube.com/watch?v=mNDiB_DBjfA (дата обращения: 15.01.2024).
6. Как расцерковлялся Западный мир? // Протоиерей Олег Стеняев. [видеозапись]. 2022. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tciGtWGE-0I> (дата обращения: 15.01.2024).

S. G. Kolenko (Saint Petersburg State University);

G. S. Kolenko (Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University)

THE GENESIS OF NEOLIBERALISM AS THE IDEOLOGICAL FOUNDATION OF GLOBALIZATION

The process of formation of the political doctrine of neoliberalism as an ideological foundation, as well as an economic and political instrument of globalization is considered. The genesis of neoliberalism is analyzed in the context of the origin and formation of Western European rationality, together with the parallel process of secularization of the Roman Catholic Church and the Western European worldview.

Neoliberalism, globalization, political doctrine, freedom of choice, secularization, apostasy, Western European rationality

УДК 316.772.5

А. Ю. Колянов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: kolianov@gmail.com)

РОССИЙСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ БУДУЩЕГО: ТЕХНОСЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Технологическое развитие современного мира становится похожим на стремительную гонку, участниками которой являются государства, транснациональные корпорации и многие другие. На витрине технологической революции мы видим объекты, давно встроенные в нашу повседневную жизнь: это смартфоны, компьютеры, телевизоры и другие устройства, имеющие огромное влияние на способы, которыми мы воспринимаем и взаимодействуем с миром, на наши поведенческие привычки и даже на наши сознание и культурные образцы. В связи с этим актуализируется задача понимания того, как новые технологии взаимодействуют с нашим сознанием и меняют привычные значения социальных практик, а также какую роль играют знаковые системы в процессе восприятия и интерпретации технологических объектов.

Информационные технологии, общество, семиотика, техника, технологии, техноссемиотика

В настоящее время мы можем наблюдать схожесть на уровне декларирования целей и задач стратегии разных государств, где обеспечение непрерывного роста производства и технологическое развитие являются безусловными приоритетами. В 2023 году в Российской Федерации была утверждена Концепция технологического развития, существенной особенностью которой является постановка цели достижения технологического суверенитета. Вместе с ней поставлены цели переориентации экономического роста с опорой на инновации, а также обеспечение стабильного развития производства с помощью технологий. Концепция предполагает, что к началу четвертого десятилетия XXI века Россия будет иметь собственную научную, кадровую и технологическую основу разного рода технологий. Планируется создание условий для интенсивной и эффективной инновационной деятельности предприятий и бизнесменов, для которых будет создаваться благоприятная регуляторная среда. Также в 2030 году российская экономика должна стабильно поддерживать выпуск высокотехнологичной продукции – микрочипов и других подобных микроразборных устройств, станков высокой точности и роботизированной техники, авиационной и космической техники, беспилотных летательных аппаратов, компонентов и готовых устройств в области коммуникационного оборудо-

дования, компьютерных программ, медикаментов и медицинского оборудования. В результате такие товары отечественного производства должны будут составить не менее 75% общего потребления в стране.

Для каждой цели данного стратегического документа предусмотрены индикаторы, дающие представление о степени ее достижения. В частности, признаком, свидетельствующим о наличии определенного уровня технологического суверенитета, является увеличение на 45% внутренних затрат на научные разработки и исследования. Отечественную инновационно ориентированную экономику будет подтверждать соответствующий уровень в различных областях промышленности: его планируется увеличить более чем в два раза, для чего предусмотрен рост затрат в полтора раза. Чтобы отечественное производство стабильно работало и развивалось, требуется в полтора раза увеличить число предприятий обрабатывающей промышленности, использующих технологические инновации. Ожидается почти двукратный рост общего объема инновационных товаров, работ и услуг. Количество патентных заявок также должно возрасти почти в два с половиной раза.

Основными механизмами достижения целей является создание сквозных приоритетов в области технологий для разных отраслей народного хозяйства и экономики, а также для науки и образования. Для этого необходимы концентрация на отечественных линиях разработки технологий, деталей и комплектующих, развитие новых форм взаимодействия частного сектора, образования и науки, а также внедрение технологий в экономику и подготовка квалифицированных кадров [1].

Вместе с тем необходимо понимать, что результаты технологического развития с такой степенью интенсивности не могут быть безликими эмоционально нейтральными объектами: только экономическая отдача способна дать реальный положительный эффект от запланированных действий. Следовательно, возникает целый комплекс задач для формирования идеологического дизайна коммерческих решений, распространяющих новые технологии.

В настоящей ситуации лучшее понимание того, как технологии бытуют представлены в общественно-политическом дискурсе, может дать междисциплинарный подход, аккумулирующий научный потенциал социальных и гуманитарных наук, в частности, социологии, политологии, политической лингвистики и семиотики. Последняя наука – семиотика, – как известно, изучает знаковые системы в природе и обществе. В рамках семиотики особого внимания заслуживает техносемиотика – междисциплинарная дисциплина, объединяющая технологию и семиотику с целью исследования взаимодействия между технологическими артефактами и знаковыми системами. Техносемиотический подход сосредоточен на исследовании того, какие коды и сигналы используются в технологиях, насколько они эффективны в коммуникации и к каким результатам они приводят в культурных и социальных контекстах. Все средства создания образов техники прошлого, настоящего и будущего объединя-

ются семиотическим проектированием в рамках техносемиотики. Исследовательский интерес для техносемиотики представляют также системы знаков, сигналов и специальные языки, используемые в технике. Фактически любой технологический объект – интегральную микросхему, интерфейс компьютерной программы или мобильного устройства, технологии искусственного интеллекта – возможно представить в качестве системы знаков или простейших семионов (семиотических единиц), которые описывают объективно существующую конструкцию либо семиотическое выражение технической мысли в виде знаков. Деятельность человека по проектированию технологий в условиях современного производства можно рассматривать как сумму непрерывных взаимосвязанных семиотических действий.

В этой связи может быть показательна история материализации компьютера как технического устройства, которая представляет собой отнюдь не историю развития машины, но последовательность открытий в структурах символического мышления [2, С. 203]. Особенно это проявилось в символическом развитии логических и математических моделей на разных уровнях абстракции, что впоследствии приводило к созданию устройств, в которых было возможно привязывать символические компоненты к физическим компонентам, а с помощью этой связи производить физические операции. Этот механизм прослеживается ещё от идеи “механической связи” Г. В. Лейбница (мышление с помощью символов, которые выражают необходимые закономерности в логике и математике), технически воплощенной в его арифмометре и использовавшейся после него еще триста лет до изобретения электронных калькуляторов: отголоски этой идеи слышны до эпохи формальной логики и механических вычислительных машин (Ч. Бэббидж, Д. Буль, Ч. С. Пирс) до современной эпохи цифровых вычислений и цифровой информации. Фактически мы до сих пор имеем дело с такими языковыми системами для автоматических методов символической трансформации, которые сегодня известны как сочетание компьютерного кода и данных. Таким образом, мы видим, что современный компьютер не был неизбежным результатом технического прогресса. Его возникновение, современное состояние и будущее – это результат развития символических структур в рамках языковых систем, достаточных для выражения потребностей и оперирования механизмами.

Предшествует созданию семиотической системы вокруг технологии семиозис – процесса возникновения и функционирования знаков. Исследование данного процесса восходит к работам Чарльза Сандерса Пирса, который рассматривал знак как объект, который представляет или замещает что-то другое в человеческой деятельности. Пирс описывал семиозис, опираясь на античное описание, и использовал трехэлементную схему “объект – знак – интерпретант”. Термин “интерпретант” обозначает способ использования знака человеком, или действие, которое знак производит на человека [3, С. 102]. Однако для более полного описания процесса семиозиса необходимо уточнить, что к трем упомянутым компонентам семиозиса должен быть добавлен четвертый

компонент. Этот компонент называется интерпретатором, то есть субъектом, который создает и интерпретирует знаки. Кроме того, семиозис может развиваться только в сообществе интерпретаторов, которые договорились между собой относительно норм и правил интерпретации. Таким образом, деятельность сообщества состоит в непрерывном процессе семиозиса. Чарльз Уильям Моррис, продолжая идеи Пирса, выделил три аспекта семиозиса, а именно трехмерные компоненты, связанные с порождением и функционированием знаков. Моррис назвал эти компоненты соответственно знаковым средством, десигнатом и интерпретантом и также предложил включить интерпретатор в качестве четвертого фактора. Известно, что Моррис использовал термины синтаксис, семантика и прагматика для обозначения трех связанных с этими компонентами измерений, а отдельные дисциплины, изучающие их, получили названия синтактика, семантика и прагматика [4, С. 47–50]. Если обратиться к описанию компонентов семиозиса, предложенному Ч. Моррисом («знаковое средство-десигнат-интерпретант-интерпретатор»), то можно выделить последний компонент – сообщества, которые разрабатывают правила интерпретации технологических объектов, то есть осуществляют семиотическое проектирование. Эти сообщества включают политические институты, экспертные группы, медиа и другие организации. Таким образом, следующей задачей становится рассмотрение возможностей изучения семиозиса технологии в семантическом, синтаксическом и прагматическом измерениях. На уровне синтаксиса мы наблюдаем процессы организации дискурса, связанного с использованием технологических артефактов в общественно-политической сфере. Например, в случае с искусственным интеллектом это включает атрибутирование данной технологии в дискурсе, формирование связей и корреляций с различными сферами человеческой деятельности, такими как робототехника, нейросети, чат-боты, алгоритмы, компьютерные программы и т. д. Семантический уровень показывает то, какие интерпретации технологии доминируют в социальном дискурсе. Так, за технологиями искусственного интеллекта закрепилось дуалистическое восприятие: это либо инструмент развития, либо инструмент контроля. И, наконец, на прагматическом уровне возможно изучение характера и содержания коммуникативных действий, осуществляемых для развития и распространения технологий в социальном пространстве: информационные кампании, медиатехнологии и т. д.

Таким образом, ученые и исследователи из различных областей, будь то технические, компьютерные, социальные или гуманитарные дисциплины, могут использовать техн семиотику, очевидно, нуждающуюся сейчас в разработке действенных теорий и практик, в качестве фреймворка для последовательного изучения взаимодействия технологий и знаковых систем.

Источники:

1. Правительство утвердило Концепцию технологического развития до 2030 года. URL: <http://government.ru/news/48570/> (дата обращения: 16.01.2024).

2. Bloomsbury Semiotics. Volume 2. Bloomsbury Publishing. 2022.
3. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000.
4. Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика: Антология. М., 2001.

A. Y. Kolianov (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

***RUSSIAN TECHNOLOGIES OF THE FUTURE:
TECHNOSEMIOTIC ASPECT***

The technological development of the modern world is becoming like a rapid race, the participants of which are states, transnational corporations and many others. In the showcase of the technological revolution, we see objects that have long been built into our daily lives: smartphones, computers, televisions and other devices that have a huge impact on the ways we perceive and interact with the world, on our behavioral habits and even on our consciousness and cultural patterns. In this regard, the task of understanding how new technologies interact with our consciousness and change the usual meanings of social practices, as well as what role sign systems play in the process of perception and interpretation of technological objects, becomes urgent.

Information technology, society, semiotics, technology, technosemiotics

УДК 001.2; 001.4

О. М. Корчажкина (Институт кибернетики и образовательной информатики им. А. И. Берга Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук, e-mail: olgakomax@gmail.com)

РАСШИРЕНИЕ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА НАУКИ ПРИ ОБЪЕДИНЕНИИ ДИСЦИПЛИН

В статье обсуждаются вопросы, связанные с обогащением понятийного аппарата ряда научных дисциплин в условиях VUCA-мира, предполагающего комплексный, нелинейный взгляд на методы и инструменты при изучении явлений и событий окружающей действительности. Рассматриваются примеры интеграции сфер знаний, характерные для различных этапов развития научной рациональности, – по типу междисциплинарности, полидисциплинарности и трансдисциплинарности, а также принципы формирования новых научных областей и необходимой терминологии.

Понятийный аппарат, VUCA-мир, научная рациональность, междисциплинарность, полидисциплинарность, трансдисциплинарность

Интеграция дисциплин является закономерным процессом развития научного знания, характерным для всех периодов научной рациональности – классического, неклассического и постнеклассического. Интеграция дисциплин не может быть навязана извне с целью образования некоего искусственного «наднаучного» формирования, и не становится следствием договора между коллективами учёных – как «внутринаучное», корпоративное поле для проведения совместных исследований в смежных областях знаний.

Процесс интеграции дисциплин зиждется на фундаментальных основах философского мировоззрения и обусловлен стремлением научного сообщества рассматривать изучаемые явления с позиций целостного, системного взгляда на окружающий мир – мир, единство которого в каждый из периодов научной рациональности, по словам В. И. Вернадского, образует «жизненную атмосферу научного искания» (цит. по [1, С. 22]).

Так, в период классической научной рациональности единство мира трактовалось как его всеобъемлющая *материальность*, в период неклассической научной рациональности – как его всеобъемлющая *относительность*, а в период постнеклассической научной рациональности, или в условиях VUCA-мира, – как его всеобъемлющая *нестабильность, неопределённость, волатильность, непредсказуемость, неоднозначность, сложность*.

Виды интеграции научного знания обусловлены типом научной рациональности – господствующего метода познания и исследования на данном этапе развития науки.

В самый длительный период *классической рациональности* источником взаимодействия дисциплин служили отдельные понятия, правила и законы. Например, понятия числа в понимании пифагорейцев, аксиоматика Евклидовой геометрии, механицизм Леонардо да Винчи и позднее – законы механики Исаака Ньютона привлекались к решению новых задач, возникавших в рамках других наук, способствуя тем самым дальнейшему развитию идей «первородных наук» – и арифметики, и геометрии, и механики [2, С. 12].

Однако в этот период вопрос о полноценной интеграции различных дисциплин ещё не стоял, поскольку перекрёстное применение схожих инструментов познания и общих законов ещё не означало синтеза знаний для получения целостного представления о мире. Такое понимание возникло только с наступлением XX-го века – периода неклассической рациональности. О нём академик М.А. Марков писал: «Важно, что понимание существования такого единства уже возникло. «Всё» в природе связано со «всем». И это физически даёт бесконечное число связей, ведущих к богатству свойств единичного объекта» (цит. по [1, С. 23]).

Одним из примеров интеграции научного знания в период *неклассической рациональности* является появление так называемых бинарных наук об искусственном. Вкупе они представляют собой упорядоченную совокупность *междисциплинарных* направлений, выделившуюся к концу XX века в единую теорию искусственных систем. В рамках нового направления «наук об искусственном» сложились пять основных предметных областей: робототехника, виртуалистика, семиотика, нейроинформатика (или искусственный интеллект) и компьютерная лингвистика [3, С. 2]. В этом перечне «технических» наук об искусственном приобретают особую важность их гуманитарные компоненты, связанные, прежде всего, с организацией процесса мышления, при котором «искусственное вырастает в естественное» [3, С. 34–69].

Ещё одно междисциплинарное научное направление, близкое к наукам об искусственном, которое зародилось в середине XX-го века и окончательно оформилось к 1980-м годам, получило название «когнитивная революция», или «информационный поворот». Оно послужило началом философского движения, ознаменовавшего начало междисциплинарной «сборки» самых разных научных направлений: психологии, информатики, кибернетики, философии. В начале XXI века этот поворот был пройден, указав при этом наиболее востребованные направления развития практически всех современных на то время наук и, прежде всего, его прародителей – кибернетики и теории информации. Эти направления ознаменованы рождением новых бинарных наук – компьютерной лингвистики, философии информации, когнитивной психологии и ряда других [4, С. 250–287].

Таким образом, с общеполитических позиций *междисциплинарность* предполагает, как правило, способ познания в рамках объединения двух наук,

выделение и изучение ими объектов на основе общей методологии, сходного инструментария и терминологии, обогащённой понятиями, заимствованными из одной области знаний другой областью.

В современный период *постнеклассической рациональности* выделяют ещё два типа интеграции научного знания, характеризующиеся как *полидисциплинарность* и *трансдисциплинарность*. Оба типа интеграции предполагают в рамках комплексных научных программ способы решения исследовательских задач, объединённых едиными правилами и основанных на взаимодействии принципов и представлений картин реальности в различных парадигмах научного знания [5, С. 136–138, 501].

Полидисциплинарность – схожее, но более общее понятие, чем междисциплинарность. Его отличает от междисциплинарности характер отношений, которые устанавливаются между различными дисциплинами в ходе комплексных исследований, требующих интеграции методологических подходов, стратегий, инструментов, применяемых в рамках многих научных дисциплин или даже целых научных направлений.

Трансдисциплинарные задачи решаются в рамках неинтегративного объединения дисциплин, когда «каждая дисциплина сохраняет собственную методологию и собственные теоретические допущения, не видоизменяя и не дополняя их, подвергаясь воздействию со стороны других дисциплин <...> Трансдисциплинарные исследования характеризуются переносом когнитивных схем из одной дисциплинарной области в другую, разработкой и осуществлением совместных проектов исследования» [6, С. 193–194].

Трансдисциплинарность несёт в себе потенциал сохранения единства, всеобщности знания, проходящего через границы конкретных дисциплин, создавая глобальную проблемную зону (или зоны), формируя тем самым системный взгляд на окружающую действительность и целостное представление о мире, формирующее мировоззренческую составляющую, за счёт освоения новых способов познания, которые позволяют «скрещивать разные дискурсы и стратегии мышления» [7, С. 293].

Результатом применения транс- и полидисциплинарных подходов к познанию можно назвать возникновение нескольких перспективных отраслей науки, среди которых первенство отдаётся синергетике и теории струн: «принцип методологической сложности становится рефлексивно-дискурсивным и, в конечном счёте, трансдисциплинарным принципом постнеклассических практик, коммуникативно сцепленных <...> с миром представлений постнеклассической науки» [5, С. 166]. Специалисты отмечают, что обе новые науки приобретают, в свою очередь, новые стимулы в развитии и применении ранее полученных результатов для решения «новых вопросов полидисциплинарного и трансдисциплинарного значения» [5, С. 186].

Стратегию процесса познания на базе принципов трансдисциплинарности и полидисциплинарности позволяет выстраивать предложенный французским со-

циологом и философом науки Эдгаром Мореном *метод единой природы системных реальностей* [8]. Реализация этого научного метода основана на принципах познания мира как целостного образования. По мнению Э. Морена оба типа интеграции дисциплин *открыты* «по отношению к новым когнитивным схемам, переносимым из смежных и более отдалённых научных дисциплин и имеющим для неё эвристическую значимость; <готовность> к кооперации с другими научными дисциплинами, к реализации совместных исследовательских проектов». Противоположна парадигме открытости научная *замкнутость* – стремление «сохранить свой специфический предмет и ракурс исследования, развивать свои прогрессивные и более продвинутые исследовательские методы и стратегии» [8, С. 23] вне контактов с другими научными дисциплинами.

Формирование понятийного аппарата при интеграции дисциплин является обязательным процессом и происходит различными способами, поскольку ни одна наука не может полноценно развиваться без соответствующего терминологического инструментария.

Классическая научная рациональность оперирует одиночными концептами. Например, для классической философии характерными и достаточно полно описывающими окружающую действительность являются «простейшие» понятия: сущее, бытие, сознание, разум, рассудок, количество, единство.

Неклассическая научная рациональность рассматривает или бинарные оппозиции: порядок-беспорядок, разум-рассудок, стабильность-нестабильность, сознательное-бессознательное, рациональное-иррациональное; или понятия, содержание которых включает признаки, используемые каждой из объединяемых дисциплин.

Например, с позиций междисциплинарности термин *информация* в когнитивной психологии представляет собой объект для изучения возможности человека работать с информацией и основан на её свойствах: объективности/субъективности, достоверности/недостоверности, актуальности/неактуальности, полноты/неполноты, ценности/бесполезности. В это содержание обогащённого термина информация вошли вероятностно-статистические свойства информации, изучаемые кибернетикой и теорией информации и решающие задачи осуществления радиосвязи. Свойства информации, важные для психологии, представляют собой содержательную часть мыслительной деятельности человека, включающую когнитивное сознательное и бессознательное [9, С. 270]. Информация, рассматриваемая семиотикой, ориентирована на изучение знаков, знаковых систем и знаковых информационных процессов хранения, передачи и обработки информации и базируется на знаковых параметрах, проявляющихся в языке – словах и звуках речи.

Постнеклассическая научная рациональность использует инаковость концептов, рассматривая, например пары: разум-иной разум, порядок-иной порядок, сознание-иное сознание, рациональное-иное рациональное (нерационализируемое).

Например, *трансдисциплинарность*, как способ научного познания, оперирует такими понятиями, как устойчивость и риски, что в терминах инаковости означает концепт «устойчивость-иная устойчивость» (то есть риск). И действительно, в глобальном смысле риск можно рассматривать как ключевую категорию современной теории общества, или «иную устойчивость», – категорию, без которой невозможно обеспечить устойчивое развитие общества.

Трудности рождения нового научного языка ярко описал немецкий физик-теоретик Вернер Гейзенберг: «Заводя речь о наших исследованиях, о явлениях, которые мы желаем изучить, мы нуждаемся в языке, мы нуждаемся в словах... В начале исследования невозможно избежать привязывания слов к старым понятиям, поскольку новые ещё не существуют» [10, С. 238]. Учёный объясняет трудности формирования новых понятий нашей приверженностью к традициям, к традиционным способам языкового выражения понятий, которые, однако, без сожаления ломаются, когда на кону необходимость описания новых явлений, законов, способов размышлять над проблемами и ставить новые вопросы.

Когда сегодня необходимо принимать решения в условиях всё возрастающей неопределённости, то «наука <...> становится средством и одновременно важным компонентом современной политики, решающим для достижения устойчивого развития общества. Именно в этом смысле можно говорить о трансдисциплинарной науке, выходящей <...> в широкую общественную сферу» [11, С. 10], что требует обновления старой привычной терминологии, названной Гейзенбергом «предрассудками», которые нельзя просто отбросить, но которые нужно преобразовать и идти дальше.

Три типа интеграции дисциплин, относящиеся к периодам *неклассической* и *постнеклассической рациональности*, обладая значительным *методологическим потенциалом*, способны сформировать адекватное представление об окружающей действительности, или «социоприродной реальности», которая носит сложноеволюционирующий, открытый, нелинейный характер [5, С. 197]. Очевидно, что описание научных фактов, идей, рассуждений и исследований, отражающих «социоприродную реальность» и максимально соотносимых между собой в интегрируемых научных дисциплинах, становится возможным благодаря понятиям и определениям, формирующим постоянно обновляемый терминологический аппарат.

Источники:

1. Асимов М. С., Турсунов А. Интеграция наук: истоки, проблемы, тенденции / Будущее науки. Международный ежегодник. Вып. 17. М.: Издательство «Знание», 1984. 288 с. С. 21–33.
2. Моисеев Н. Н. Человек. Среда. Общество: Проблемы формализованного описания. Междисциплинарные исследования: вопросы языка и метода. О математических моделях неживой природы, живой материи, общественных процессов. Концептуальная модель биосферы. Теория управления и проблема

«человек – окружающая среда». Проблема альтернативы. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2021. 248 с.

3. Саймон Г. Науки об искусственном: Пер. с англ. Изд. 2-е. М.: Едиториал УРСС, 2004. 144 с.

4. Глик Дж. Информация. История. Теория. Поток / пер. с английского М. Кононенко. М.: АСТ: CORPUS, 2013. 576 с.

5. Постнеклассические практики: опыт концептуализации: Коллективная монография / Под общ. ред. В. И. Аршинова и О. Н. Астафьевой. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2012. 536 с.

6. Князева Е. Н. Трансдисциплинарные стратегии исследований / Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2011. 10 (112). С. 193–201. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transdistsiplinarnye-strategii-issledovaniy/viewer>.

7. Розин В. М. Мышление: сущность и развитие. Концепции мышления. Роль мыслящей личности. Циклы развития мышления. М.: ЛЕНАНД, 2015. 368 с.

8. Морен Э. Метод. Природа Природы / пер. и вступительная статья Е. Н. Князевой. Изд. 2-е, доп. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. 488 с.

9. Капра Ф., Луизи П. Л. Системный взгляд на жизнь: Целостное представление. Пер. с англ. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2020. 512 с.

10. Гейзенберг В. Шаги за горизонт: Пер. с нем. / Сост. А. В. Ахутин; Общ. ред. и вступ. ст. Н. Ф. Овчинникова. М.: Прогресс, 1987. 368 с.

11. Горохов В. Г. Вводная статья // в кн. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знания / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского, Г. В. Гороховой и др. М.: Логос, 2012. 248 с.

O. M. Korchazhkina (A.I. Berg Institute for Cybernetics and Educational Computing, Federal Research Centre “Computer Science and Control”, The Russian Academy of Sciences)

ENRICHING THE CONCEPTUAL APPARATUS OF SCIENCE WHEN INTEGRATING DISCIPLINES

The article discusses the issues related to enriching the conceptual apparatus of a few scientific disciplines in the VUCA-world context, which assumes a complex and nonlinear view on methods and tools in the study of phenomena and events of the surrounding reality. The paper also considers some examples of how spheres of knowledge can be integrated that characterize various stages of the development of scientific rationality – by the type of interdisciplinarity, multidisciplinary, and transdisciplinarity, as well as the principles which form new scientific fields and the terminology necessary for research.

Conceptual apparatus, VUCA-world, scientific rationality, interdisciplinarity, multidisciplinary, transdisciplinarity

УДК 008

К. А. Кравченко (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: kravchenkokarolinaa@gmail.com)

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Рассматривается как глобализация оказывает значительное влияние на культурную идентичность. Культурная гомогенизация приводит к утрате традиционных практик и верований, в то время как формирование гибридных культур создает новые культурные практики. Глобализация может привести к размыванию культурной идентичности и появлению новых форм идентичности.

Культура, культурная идентичность, глобализация, общество, самобытность, культурное разнообразие, глокализация, мультикультурализм

Глобализация относится к процессу интеграции культуры, экономики и общества в глобальном масштабе. Эта интеграция происходит благодаря таким факторам, как расширение международной торговли, коммуникации и технического прогресса. Глобализация порождает общую культуру, основанную на общих идеалах и ценностях. Этот процесс трансформирует культурную идентичность во всем мире, поскольку традиционный образ жизни, верования и ценности противостоят доминирующей западной культуре.

Глобализация как новый дискурс всего лишь пытается объяснить обе стороны одного и того же процесса – глобализации – и переопределить глобальную культуру, конкретизируя основное положение культурной теории. А именно то, что абсурдно думать, что мы можем понять современный мир со всеми его потрясениями, не принимая во внимание культурную политику, культурные различия и культурную однородность. Глобализация означает универсализм и партикуляризм, а не американизацию или европеизацию.

«Глобализация, не принуждает национальные культуры к безоговорочному подчинению, она дает возможность познакомиться с опытом других цивилизаций и вступить с ними в конструктивный диалог для дальнейшего сотрудничества в области культуры» [1, С. 115]. Одним из основных последствий глобализации для культурной самобытности является размывание культурной уникальности. Гомогенизация культурной самобытности приводит к утрате традиционных практик и верований, уникальных для конкретной группы. Эта гомогенизация культур в основном является результатом распространения массовой культуры через медиа-каналы, такие как фильмы и музыка. В результате традиционные культуры заменяются глобализированными и коммерциализированными культурами, поскольку люди стремятся ассоциироваться с доминирующей культурой.

Негативные последствия глобализации для культурной самобытности включают утрату культурного наследия и традиционных ценностей. «Политика глобализации тогда приносит благие плоды, когда опирается на постулат мультикультурализма – теории и практику неконфликтного существования множества разнородных культурных групп, средний путь создания свободных цивилизованных пространств, не разрушая традиционного быта этносов, сформированных историей локальных цивилизаций» [2, С. 38]. Повышенный акцент на западной культуре приводит к отказу от традиционных культурных практик. В традиционных обществах культурные практики, такие как ритуалы и традиции, играют решающую роль в сохранении культурной самобытности. Однако глобализация угрожает выживанию этих практик, приводя к снижению культурной самобытности.

Другим негативным воздействием глобализации на культурную идентичность является культурный империализм. Культурный империализм относится к практике навязывания одной культуры другой. Это происходит, когда могущественная культура навязывает свои практики другим культурам, что приводит к их упадку.

Немчина В. И. отмечает, что «неспособность людей идентифицировать себя со своей культурой, неумение включиться в быстроменяющуюся, неустойчивую систему ценностей связаны с наступлением новой эпохи, влекущей за собой новый тип информационной культуры, новых моделей и паттернов поведения, порождают процессы социокультурной реинтеграции, меняющие социокультурную конфигурацию» [3, С. 48]. Положительное воздействие глобализации на культурную идентичность включает в себя ознакомление и признание различных культур. Глобализация предоставила людям возможность узнавать о различных культурах и взаимодействовать с людьми из разных слоев общества. Такое ознакомление создает платформу для культурного обмена, ведущего к признанию других культур.

Кулаков А. В. пишет: «Глобалистская культура – это феномен, безусловно, все более и более проявляющийся, но, по сути, выступающий искусственным образованием, поскольку базируется не на исторической памяти. Он безжалостно отсекает историко-культурное многообразие, сформированное народами мира за тысячелетия, исчезновение которого означало бы утрату материальных, культурных, социально-политических и духовных оснований их существования на Земле. Поэтому следствием данного вызова глобализации является угроза потери национальной идентичности, а также собственной уникальной культуры и цивилизационного наследия» [4, С. 12–13].

В то время как негативные последствия глобализации включают утрату культурного наследия и культурный империализм, положительное воздействие включает в себя знакомство и признание различных культур и культурный туризм. Таким образом, важно сохранять культурную самобытность, принимая глобализацию. Культурное разнообразие и интеграция культур необходимы для устойчивости глобализации.

Глобализация уменьшила возможность воздействия других культур на чистую культуру общества, поскольку глобализация разрушила все барьеры, сохраняющие культурную неприкосновенность частной жизни, и, таким образом, стала областью, где встречаются все культуры. Открытость другому способствовала созданию разнообразного культурного пространства. Она отвергает нетерпимость и культурные предубеждения, присущие определенной культуре, поскольку такие элементы выступают в качестве барьеров.

Проблема культурного разнообразия находит большое отражение в современной философской мысли. Рассмотрение культуры приводит к переосмыслению человеческих отношений и идентичности людей с точки зрения сходства и различия. Если сходство дает возможность сосуществования, то различие также может достичь цели сосуществования, формируя умы, способные принять различие и рассматривать его как социальный и онтологический императив, который необходимо адаптировать и принять, чтобы поглотить все, что могло бы вызвать конфликт внутри обществ, потому что различия обычно приводят к соперничеству и враждебности. В рамках социальной структуры человек запрограммирован на отвращение к Другому, который отличается от него, хотя этот Другой необходим для собственного существования человека и самовосстановления.

Жиль Делез утверждал, что современная цивилизация должна принять различия как важный шаг на пути к межкультурному сосуществованию. Открытость может быть достигнута только при наличии желания принять Другого, который отличается религиозно, лингвистически и культурно. Другой побудил Жака Дерриду говорить о проблеме гостеприимства как об очень важной концепции в современных обществах, подчеркивая, что гостеприимство должно основываться на идее принятия других культурных и цивилизационных различий и что гостеприимство заставляет гостя уважать культуру другого общества. Гостеприимство – это то, что делает отношения основанными на диалоге и обмене и переходит от отвращения к привлекательности и открытости.

Юрген Хабермас также подчеркивал важность существования Другого, отвергая, таким образом, предрассудки и маргинализацию и устанавливая культуру различия и принятия другого, независимо от его культурных и социальных различий.

Главная цель сегодня – обеспечить открытость, делая отношения между Эго и Другим основанными на диалоге и культурном обмене, а не на конфликте, который не имеет никакой цели, кроме самоутверждения и доминирования над Другим. Культурное разнообразие стало ставкой против любой политики и идеологии, которые создают различия в человеческом обществе.

Существование любой цивилизации связано с культурой, которую она несет, поскольку последняя выражает ее сущность и идентичность. Отделение идентичности от культуры приводит к ее утрате. Несколько факторов, таких как колонизация, глобализация и иммиграция способствовали созданию куль-

турного разнообразия. Последнее сделало культурную концепцию идентичности гибкой. Она больше не рассматривается как неизменная и непоколебимая сущность, но стала открытым полем для сбора всех идентичностей, относящихся к различным культурам.

Источники:

1. Розенберг Н. В. Национальные культуры как вызов глобализации // Известия высших учебных заведений. Гуманитарные науки. 2014. №3(31). С. 111–117.
2. Шадже А. Ю. Феномен кавказской идентичности // Научная мысль Кавказа. 2002. № 1. С. 38.
3. Немчина В. И. Национально-культурные коллективные идентичности в глобализирующемся мире// Гуманитарий Юга России. 2013. №13. С. 45–51.
4. Кулаков А. В. Политическая и культурная глобализация: два измерения многомерного процесса. Часть 2. Социокультурное пространство глобализации // Пространство и Время. 2011. № 2. С. 8–18.

K. A. Kravchenko (St. Petersburg State Electrotechnical University «LETI»)

CULTURAL IDENTITY IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

It is considered how globalization has a significant impact on cultural identity. Cultural homogenization leads to the loss of traditional practices and beliefs, while the formation of hybrid cultures creates new cultural practices. Globalization can lead to the erosion of cultural identity and the emergence of new forms of identity.

Culture, cultural identity, globalization, society, identity, cultural diversity, glocalization, multiculturalism

УДК 81'33

М. В. Кругликова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: k.maria.21@mail.ru)

АНАЛИЗ АКТУАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ К АВТОМАТИЧЕСКОМУ ПЕРЕВОДУ УСТНОЙ РЕЧИ

Технологии автоматического перевода в последнее время все чаще задействуют устную речь без обращения к письменной. В связи с этим в статье рассматриваются взгляды М.М. Бахтина и Ф. де Соссюра – лингвистов, которые призывали к изучению речи как самодостаточного феномена. Особое внимание уделено вопросам изменчивости речи и роли контекста в системах устного перевода. Освещаются актуальные подходы к автоматическому переводу речи, такие как каскадная модель и перевод речи «end-to-end». В ходе анализа выявляются задачи и перспективы в разработке технологий перевода устной речи.

Автоматический перевод речи, машинный перевод, закадровый перевод, нейронные сети

С ростом глобализации задача преодоления языкового барьера с целью успешной межкультурной коммуникации приобретает особую актуальность. В связи с этим в настоящий момент активно разрабатываются технологии устного перевода, предназначенные обеспечить более эффективное взаимодействие между людьми, говорящими на разных языках. Передовые технологии искусственного интеллекта и глубокого обучения позволяют создавать системы, способные распознавать и переводить устную речь в реальном времени. Однако в наши дни эти технологии имеют существенные ограничения. Для их устранения необходимо сотрудничество лингвистов и разработчиков на более глубоком уровне, чем существует сейчас.

Цель исследования – подчеркнуть необходимость лингвистического аспекта в автоматическом переводе устной речи и рассмотреть существующие подходы к переводу речи, выявить их преимущества и недостатки.

Вопросами изучения речи лингвисты занимаются с конца XIX века, тем самым закладывая основу для разработки современных технологий автоматического перевода речи. В частности, Ф. де Соссюр разделял «лингвистику языка» и «лингвистику речи», говоря о необходимости изучать эти два явления отдельно. По его мнению, если язык «представляет собой целостность сам по себе, то речь принципиально разнородна и не составляет единства» [1, С. 48].

М. М. Бахтин также считал, что речь следует рассматривать как отдельный объект изучения, так как ей присущи свои уникальные особенности. Язык является «повторимым и воспроизводимым», т. е. тем, что употребляется в

любом высказывании (слова, словосочетания и предложения). Напротив, само высказывание – нечто «индивидуальное, единственное и неповторимое, и в этом весь смысл его». Причем, смысл высказывания реализуется в конкретной коммуникативной ситуации, где «всякое конкретное высказывание — звено в цепи речевого общения определенной сферы» [2, С. 287]. Тем самым, высказывание обретает полноту своего смысла только в контексте, что, в свою очередь, обуславливает необходимость учета контекста при разработке технологий автоматического перевода речи.

М. М. Бахтин также говорит о системности речи, выделяя речевые жанры. Будучи типовыми моделями построения речевого целого, а не единицами языка, «эти жанровые модели принципиально отличаются от лингвистических моделей предложений». Причем, речевые жанры, по сравнению с формами языка, являются более «изменчивыми, гибкими, пластичными» [3, С. 274]. С учетом этого, системы перевода речи должны обладать подобной гибкостью и способностью адаптироваться к разнообразию естественной устной речи.

Таким образом, перевод устной речи представляет собой сложную задачу из-за ряда факторов, которые должны учитываться при разработке систем автоматического перевода. Естественная устная речь характеризуется изменчивостью и большим разнообразием, включая различия в акцентах, темпе, интонации, что представляет собой отдельную сложность для автоматического перевода. В связи с этим учет контекста приобретает особое значение для понимания и передачи смысла высказывания.

Далее рассмотрим существующие подходы к автоматическому переводу устной речи и проанализируем, как идеи лингвистов отражены в разработанных технологиях.

Первый подход к переводу речи подразумевает использование каскадной модели, состоящей из трех основных этапов: сперва происходит автоматическое распознавание речи для ее преобразования в текст, после чего осуществляется машинный перевод текста, а в конце – синтез речи на основании переведенного текста, в результате чего текст переводится в аудиозапись.

Каскадный подход лежит в основе системы автоматического закадрового перевода англоязычных видео, представленной «Яндексом» в 2021 году. Технология доступна пользователям «Яндекс Браузера» для перевода видеоматериалов на таких платформах, как «YouTube», «Vimeo» и др. [4] Причем, важно отметить наличие у технологии биометрической системы, определяющей пол спикера для каждого сегмента текста, чтобы впоследствии корректно подбирать местоимения для спикеров, согласовывать формы местоимений, глаголов и прилагательных и озвучивать текст мужским или женским голосом.

В 2022 году «Яндекс» значительно расширил свои возможности в области автоматического перевода речи, добавив перевод трансляций на «YouTube» в реальном времени с английского, французского, немецкого, испанского, итальянского и китайского языков [5]. Перевод трансляций является гораздо бо-

лее сложной задачей, чем перевод уже записанного видео. Если в случае перевода готовых видео нейросеть получает сразу всю звуковую дорожку и может понять контекст, то в случае перевода трансляций такой возможности нет, и текст приходится переводить сразу, чтобы не было задержки в переводе. Таким образом, контекст практически не учитывается, что может значительно повлиять на качество перевода. Как уже отмечалось ранее, высказывание обретает смысл только в конкретном контексте, и потеря контекстуальной информации может сказаться на точности и полноте передачи смысла. Не только контекст, но и речевой жанр играет важную роль. Например, в случае перевода комедий основная сложность заключается в передаче невербальных элементов – мимики, жестов, пауз. На нынешнем этапе технологии передачи невербальных элементов разработаны крайне слабо [5].

Отдельную сложность для автоматического перевода речи может представлять специфическая терминология, которая не была заложена в обучающих текстах. В отличие от нейросети, человек, столкнувшись с незнакомой терминологией, может применить переводческие трансформации и перевести термин описательно, что зачастую требует творческого подхода. Нейросеть способностью к импровизации не обладает, и в этом плане пока не может сравниться с человеком, профессионально занимающимся переводами.

Второй подход к переводу устной речи называется «end-to-end» и отличается от первого использованием модели, способной принимать и обрабатывать аудиосигналы напрямую, без необходимости предварительного преобразования речи в текст. Впервые подобная технология перевода речи была представлена компанией «Google» в 2019 году под названием «Translatotron» [6]. Алгоритм «Translatotron» принимает спектрограмму исходной аудиозаписи и синтезирует спектрограмму, преобразуемую в речь на другом языке. Благодаря тому, что эта технология напрямую работает с аудиоданными, алгоритм располагает информацией, связанной с интонацией говорящего и характерными особенностями звучания голоса, которые можно воспроизвести на конечном языке. Также применяемый метод позволяет существенно ускорить перевод устной речи благодаря отсутствию необходимости в промежуточном этапе перевода в текст. Однако у этого подхода есть и недостатки. В частности, обучение моделей «end-to-end» требует значительных вычислительных ресурсов и времени, а также большого объема разнообразных обучающих данных.

Подходы к переводу устной речи, реализуемые в современных системах автоматического перевода, имеют как преимущества, так и недостатки. Остается открытым вопрос о необходимости промежуточного этапа перевода речи в текст. Как уже было сказано, лингвисты отмечали самодостаточность речи, и перевод речи в текст, как это делается в каскадной системе, в случае возникновения ошибок потенциально может привести к возникновению еще больших ошибок на последующих этапах перевода. Можно предположить, что вы-

бор подхода зависит от конкретной задачи, так как в случае с технологией «Яндекса» при переводе видео удобнее работать с текстом, поскольку многие видео на популярных платформах содержат субтитры, сделанные автором видео.

В заключение можно сделать следующие выводы. Во-первых, несмотря на впечатляющие достижения в области устного автоматического перевода, качество такого перевода пока не сравнится с качеством, которое может обеспечить профессионально работающий человек-переводчик. Машина пока плохо способна «мониторить» контекст, в немалой степени отвечающий за изменчивость речи. Во-вторых, в случае устной речи следует определить результат автоматического перевода. Что должна делать машина – тщательно воссоздавать голос человека, произносящего речь, или же симулировать некоего человека-посредника, переводящего беседу? Последний случай более привычен для человека, но не исключено, что эта привычка исчезнет.

Исследования в области устного автоматического перевода не стоят на месте, и в будущем можно ожидать более совершенных технологий, работающих на уровне человеческих возможностей. Не исключено, что при должном развитии нейросетей устный автоматический переводчик будет учитывать особенности не только межязыковой, но и межкультурной коммуникации.

Источники:

1. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 695 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
3. Бахтин М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 337 с.
4. Как Яндекс помогает преодолеть языковой барьер: нейросетевой перевод видео, картинок и текста URL: <https://habr.com/ru/companies/yandex/articles/576438/> (дата обращения: 25.12.2023).
5. Понимает индийский английский и отличает Амазонку от Amazon URL: <https://vc.ru/yandex/476688-ponimaet-indiyskiy-angliyskiy-i-otlichaet-amazonku-ot-amazon> (дата обращения: 25.12.2023).
6. Introducing Translatotron: An End-to-End Speech-to-Speech Translation Model URL: <https://blog.research.google/2019/05/introducing-translatotron-end-to-end.html> (дата обращения: 25.12.2023).

M. V. Kruglikova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

THE ANALYSIS OF AUTOMATIC SPEECH TRANSLATION APPROACHES

Automatic translation technologies have recently been increasingly using speech without turning to written language. In this regard, the article discusses the views of M.M. Bakhtin and F. de Saussure – linguists who called for the study of speech as a self-sufficient phenomenon. Special attention is paid to the issues of

speech variability and the role of context in speech translation systems. Current approaches to automatic speech translation, such as the cascade model and end-to-end speech translation, are covered. The analysis reveals challenges and prospects in the development of speech translation technologies.

Automatic speech translation, machine translation, voiceover translation, neural networks

УДК 366.14; 304.444; 004.912

М. Е. Кудрявцева (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: mekudriavtceva@etu.ru)

КОПИРАЙТИНГ И КОПИРАЙТЕР В ЭПОХУ НЕЙРОСЕТЕЙ: ПРОФЕССИЯ, ЛИЧНОСТЬ, ТВОРЧЕСТВО

Использование нейросетей для написания текстов рекламы и связей с общественностью может стать эффективным инструментом достижения прагматических целей, однако редуцирует субъективный компонент деятельности копирайтера, обеспечивающий её творческий гуманитарный характер. Утрата гуманитарного начала в профессии коммуникатора объектом деятельности которого является ментальная сфера человека, может привести к опасным социальным последствиям и ускорить технологическую сингулярность.

Сторителлинг, нейросеть, субъектность, творчество

Одним из наиболее актуальных вопросов современности является вопрос об использовании искусственного интеллекта в создании различных текстов: от реплик сервисов обслуживания клиентов различных сервисных центров до текстов художественной литературы. Как отмечают А. А. Минченко и О. А. Золотарёва, «в настоящее время нейросети обучаются на обширном человеческом наследии миллионов текстов, загруженных в сетях. Но уже в ближайшее время нейросети сами начнут генерировать миллионы текстов. С течением времени количество текстов, генерируемых нейросетями, сравняется с человеческими, а потом превзойдет человеческие» [1, С. 72].

Главной проблемой в этом контексте является проблема аутентичности созданных нейросетью текстов, то есть полноты их соответствия текстам авторским и проблема восприятия их читателями.

В рекламе и связях с общественностью нейросети используются в основном в области копирайтинга и дизайна, хотя современные коммуникаторы в целом с осторожностью относятся к перспективе использования нейросетей в своей деятельности и отмечают ряд проблем с использованием искусственного интеллекта в копирайтинге [2]. Однако не подлежит сомнению, что данная тенденция будет только набирать обороты и всё более совершенные нейросети будут создавать тексты, всё более подобные тем, что созданы человеком, в частности, способные имитировать «голос бренда», а возможно, и решать конкретные социальные задачи.

Не имея достаточных оснований, чтобы анализировать условия прагматической эффективности использования нейросетей в коммуникациях, обратим наше внимание на то, как это может отразиться на её субъектах и на судьбе

самой профессии коммуникатора: рекламиста и специалиста по СО. Обратим внимание в первую очередь на копирайтинг, как одну из наиболее привлекательных для использования нейросетей областей деятельности. Любая реальная (то есть имеющая реальную социальную значимость) профессия, как представляется, содержит в себе три системообразующих компонента: 1) личность самого профессионала; 2) материал, являющийся предметом его деятельности; 3) те, ради кого эта деятельность осуществляется – целевые группы. Отсутствие какого-либо из компонентов делает профессиональную деятельность невозможной: либо бес- субъектной, либо бессодержательной, либо нецелесообразной.

Каждый из указанных системообразующих компонентов, как представляется, в отношении двух других обладает большим творческим потенциалом, который реализуется на разрешении определённых противоречий между объективным и субъективными факторами, как это показало наше психолого-педагогическое исследование 2005–2007 гг. [3].

Необходимость разрешения этих противоречий обуславливает тот факт, что результативность профессиональной деятельности человека не исчерпывается чисто прагматическими эффектами, в ней должны присутствовать также и непрагматические эффекты, связанные с личностным развитием субъектов коммуникации и обогащением того материала, использование которого позволяет осуществлять взаиморазвивающую коммуникацию. Отсутствие непрагматических эффектов лишает деятельность творческого начала, которое не может быть сведено исключительно к поиску оригинальных решений, позволяющих повысить прагматическую эффективность. Рассмотрим далее указанные три компонента.

Копирайтер, создающий текст с помощью постоянно совершенствующейся нейросети, очень скоро сможет свести свою текстовую деятельность к максимально точной и целенаправленной формулировке задачи, что, безусловно, требует от него развитого интеллекта и специфических навыков. Развитие таких навыков, как представляется, должно идти по конвергентному пути, то есть по пути поиска всё более точного соответствия запросам целевой аудитории, что является объективным фактором деятельности. Будучи в прагматическом отношении вполне целесообразным, такой путь, тем не менее, тормозит возможности творческого развития личности, поскольку исключает процесс создания текста, требующий дивергентного мышления (то есть предполагающий множество правильных решений) и являющийся творческим на всём своём протяжении – от формулировки задачи до поиска нужных речевых средств. Заметим, что поиск необходимых речевых средств всегда, осознанно или неосознанно, сопряжён с эстетическим выбором копирайтера, что является субъективным фактором деятельности и, будучи рационально не просчитываемым, в случае с нейросетью оказывается редуцированным.

Занимаясь созданием даже самых прагматических текстов, копирайтер наращивает тем самым свой профессиональный языковой опыт и совершен-

ствуует свою языковую личность на преодолении противоречия между объективным и субъективным компонентами своей деятельности. Как отмечают авторы статьи «Сторителлинг как технология эффективных коммуникаций», сторителлинг обладает для современного человека практически безграничными возможностями, и для автора это «харизма, авторитет, привлекательность. Владеющий этим жанром имеет возможность стать яркой, интересной и харизматичной личностью» [4, С. 10]. Препоручая же текстовую деятельность нейросети, копирайтер лишается этой возможности и во многом утрачивает свою субъектность. Думается, что не только в плане развития личности, но и в плане прагматических целей коммуникации отчуждение автора от результата текстовой деятельности может стать деструктивным, поскольку, утрачивая навык самостоятельного создания текста, копирайтер, постепенно утрачивает и навык его оценки.

Обратимся далее к самому тексту, создающемуся нейросетью. Оговоримся, что мы сейчас не имеем в виду некоторые его несовершенства, которые устранимы со временем, и текст, созданный нейросетью, утратив раздражающие человека факторы, вполне сможет решать свои прагматические задачи. Но речь, как мы отметили выше, о других эффектах.

Поставленная раз и навсегда перед нейросетью задача, лишается своей динамичности, она не может меняться и уточняться в процессе своего решения. Это ведёт к тому, что созданный текст, оказывается абсолютно «заточенным» на определённую целевую аудиторию, которая со временем, будучи уточняемой в своих потребностях с помощью того же искусственного алгоритма, становится всё более узкой. Текст становится всё более таргетированным и в этом смысле слова всё более системным, что является объективным фактором его создания. Между тем, для того чтобы текст оставался «живым», в нём должны сохраняться так называемые «внесистемные элементы». О внесистемности, как обязательном качестве текста художественной литературы, писал Ю. М. Лотман в работе «Структура художественного текста». С его точки зрения, «для того чтобы общая структура текста сохраняла информативность, она должна постоянно выводиться из состояния автоматизма, которое присуще нехудожественным структурам. Обеспечивается эта внесистемность субъективным компонентом деятельности автора текста. Ю. М. Лотман отмечает также, что в структуре художественного текста одновременно работают два противоположных механизма: один стремится все элементы текста подчинить системе, превратить их в автоматизированную грамматику, без которой невозможен акт коммуникации, а другой – разрушить эту автоматизацию и сделать самоё структуру носителем информации» [5, С. 82].

Разумеется, тексты, преследующие чисто коммуникативные, ПР, рекламные или маркетинговые цели, трудно отнести к категории художественных, но до тех пор пока они допускают наличие внесистемных элементов, они, помимо прагматических, продолжают выполнять свою социально-психологическую функцию.

«Заточенный» же на узкую целевую аудиторию, созданный нейросетью текст такую функцию не выполняет. Рискнём предположить, что, окончательно потеряв сначала субъективность, а потом и субъектность (логично ведь предположить, что со временем и функцию формулировки задачи можно будет препоручить искусственному интеллекту), такой текст перестанет выполнять и свою прагматическую функцию, то есть перестанет быть целесообразным.

Исходя из сказанного выше, логично обратиться далее к третьему компоненту профессиональной деятельности коммуникатора – к его целевой аудитории. Объективный компонент того эффекта, который ожидается от восприятия ею текста, связан с прагматической, коммерческой или социальной целью сообщения. Субъективный же компонент этого эффекта связан с социально-психологической функцией текста и состоит в развивающем эффекте, который он оказывает на читателя. Для того, чтобы можно было говорить о развитии, необходим противоречие, некоторый когнитивный диссонанс, который возникает на эффекте внесистемности.

Заметим, что речь в данном случае идёт не о том когнитивном диссонансе, который является необходимым элементом восприятия нестандартного оригинального хода повествования и являющегося вполне системным, преследующим всё ту же цель – привлечь внимание читателя и склонить его к определённым мнению и поведению. Речь идёт о тех внесистемных элементах, что уводят внимание, например, от прагматической коммерческой цели в маркетинговом сторителлинге и заставляют при этом озадачиться некоторым социально-этическим вопросом, или уводят внимание от прагматической гуманитарной цели в социальном сторителлинге и заставляют при этом впечатлиться чисто эстетическим совершенством текста. Такие внесистемные элементы, которые можно даже рассматривать как спонтанные ошибки коммуникатора, на самом деле являются важными факторами сохранения информативности текста, не давая ему возможности превратиться в «автоматизированную грамматику» и выполняют в важную функцию расширения кругозора читателя, возникновения у него интереса к иным сферам жизни. И живой, человеком созданный сторителлинг, спонтанно, но с успехом решает эти, с прагматической точки зрения ненужные задачи, в то время как в абсолютно системном сторителлинге, созданном нейросетью, внесистемные элементы невозможны. Такой текст, будучи сориентированным даже не на человека, а только на его потребительскую или социальную реакцию, в конечном итоге рискует стать бессодержательным.

И наконец предположим судьбу самой профессии копирайтера: рекламиста и пиарщика, в ситуации растущей роли искусственного интеллекта. Думается, что на определённом этапе усовершенствованная нейросеть сможет самостоятельно на основе углублённого исследования целевых аудиторий будет максимально точно формулировать сама себе задачу и генерировать разнообразные истории, по содержанию и по *tone of voice* бренда не отличающиеся от авторских живых историй. Прагматические цели, казалось бы, должны в такой

ситуации достигаться на этом этапе в полном объёме, если бы полная бессубъектность текста не грозила привести к его бессодержательности и нецелесообразности. Но даже если этого и не случится, в любом случае профессию коммуникатора уже нельзя будет отнести к гуманитарным, что само по себе и не было бы большой утратой, если бы не влекло за собой дальнейшие последствия. Полная утрата гуманитарного начала в профессии системы «человек – человек», в которой объектом деятельности является ментальная сфера человека, и перемещение её в категорию «искусственный интеллект – человек», ускорит технологическую сингулярность, при которой «человечество рискует оказаться в недвусмысленном рабстве у обретшего самосознание капитала, понимаемого в Марксовом значении этого термина» [1, С. 76].

Источники:

1. Минченко А. А., Золотарёва О. А. Экономический аспект проблемы технологической сингулярности // Экономика и банки. 2023, № 1. С.69–77.
2. Михаил Умаров Как пиарщики используют нейросети? Исследование Comunica. URL: <https://vc.ru/marketing/719547-kak-piarshchiki-ispolzuyut-neyroseti-issledovanie-comunica?ysclid=lqsafkbyd5517664816> (дата обращения 02.01.2024)
3. Кудрявцева М. Е. Развитие взрослого человека как субъекта творчества в образовательной деятельности. автореф... дис. кан. пед. наук. СПб. 2007.
4. Челнокова Е. А., Казначеева С. Н., Калинин К. В., Григорян Н. М. Storytelling как технология эффективных коммуникаций // Перспективы Науки и Образования. 2017, 5 (29). Международный электронный научный журнал ISSN 2307–2334 (Онлайн). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/storytelling-kak-tehnologiya-effektivnyh-kommunikatsiy/viewer> (дата обращения 02.01.2024)
5. Лотман Ю. М. Об искусстве: СПб.: Искусство, 1998.

M. E. Kudryavtseva (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

COPYWRITING AND COPYWRITER IN THE AGE OF NEURAL NETWORKS: PROFESSION, PERSONALITY, CREATIVITY

The use of neural networks for writing advertising and public relations texts can become an effective tool for achieving pragmatic goals, but it reduces the subjective component of the copywriter's activity, which ensures its creative, humanitarian nature. The loss of the humanitarian principle in the profession of a communicator, the object of activity of which is the mental sphere of a person, can lead to dangerous social consequences and accelerate technological singularity.

Storytelling, neural network, subjectivity, creativity

УДК 37:811+316.6

М. В. Кузнецова (ФГБОУ ВО «НГПУ», e-mail: golubeva19952001@yandex.ru)

ОСОБЕННОСТИ ИЗМЕНЕНИЙ В ИНОЯЗЫЧНОМ ОБРАЗОВАНИИ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА И ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Актуальность проблемы иноязычного образования личности обусловлена потенциалом данного явления для развития личности не только в предметной лингвистической области, но и в междисциплинарных сферах. Исследовательской целью статьи являлось изучение современного состояния иноязычного образования в условиях информационного развития общества и процессов глобализации. Были использованы следующие исследовательские методы: анализ, обобщение, системный метод. В качестве результатов исследования автором выделены современные проблемы в области иноязычного образования: поиск наиболее эффективных подходов, принципов, методов, приемов, форм и средств для обучения иностранному языку; использование информационно-коммуникационных технологий в иноязычном образовании; подготовка педагогических кадров, способных к взаимодействию в условиях поликультурного региона; формирование функциональной грамотности у обучающихся в иноязычном образовании.

Образование, иноязычное образование, личность, глобализация, информационное развитие общества, информатизация образования, цифровизация образования, иностранный язык

В данный момент общество и сферы его деятельности подвержены постоянным изменениям. Информационные и глобализационные процессы в развитии общества являются одной из причин данного явления. Данный процесс оказывает значительное влияние на функционирование и развитие образовательной сферы, которая включает в себя формальный, неформальный, информальный виды. Исследователи в области образования отмечают как положительные, так и отрицательные стороны влияния процессов информатизации, цифровизации и глобализации на образовательную систему [1–3].

Целью данной статьи является изучение современного состояния иноязычного образования в условиях информационного развития общества и процессов глобализации. Были использованы следующие исследовательские методы: анализ, обобщение, системный метод.

Обзор литературных источников позволил выявить современное состояние иноязычного образования в условиях информационного развития общества и глобализации, которое требует нового осмысления его содержания. Далее будет представлена его характеристика.

Одной из актуальной проблем в сфере иноязычного образования остается поиск наиболее эффективных подходов, принципов, методов, приемов, форм и средств для обучения иностранному языку. Гончарова Н. А., и др. обозначают проблему обучения английскому языку будущих специалистов в сфере ИТ. Исследователи отводят ключевое значение идее субъект-субъектного общения в процессе обучения иностранному языку, что подразумевает ознакомление преподавателя магистрантами со сферой ИТ технологий и дальнейший диалог в образовательном процессе [4]. Дмитриева Е. Н., Поскребышева Т. А. отмечают значение положительных эмоций в иноязычном образовании; данный фактор реализуется посредством взаимных доброжелательных отношений и общих интересов [5]. Макарова Е. А., исследуя экосистемный подход в иноязычном образовании, делает вывод о необходимости субъект-субъектных образовательных отношений, конструировании естественной среды усвоения языка с учетом опыта и знаний каждого обучающегося [6].

Другим проблемным полем является использование информационно-коммуникационных технологий в иноязычном образовании. Т. В. Ермолова, и др. рассматривают проблему изучения иностранного языка детьми с ограниченными возможностями здоровья посредством цифровых технологий (виртуальной реальности). Исследователями отмечается высокий потенциал данной технологии, который заключается в развитии умений приобретать знания посредством самостоятельного поиска, использовать их в повседневной жизни для решения личных и профессиональных вопросов, включая самообразование. Исследователи указывают, что цифровые технологии обеспечивают развитие иноязычной компетенции, практико-ориентированную направленность образовательного процесса, постоянный познавательный интерес и мотивацию к изучению иностранного языка [7]. Мухина Ю. Н., Ковальчук С. С. в результате рассмотрения факторов, влияющих на мотивацию студентов к изучению иностранного языка в офлайн и онлайн режимах отмечают, что информационные технологии способствуют повышению познавательного интереса посредством своей вариативности и упрощением образовательного процесса. Однако исследователями отмечаются временные ограничения в использовании ИКТ [8]. Абрамова И. Е., Шишмолина Е. П., разрабатывая и апробируя модель профессионально интегрированного проектного обучения в цифровой среде, продемонстрировали потенциал иностранного языка для формирования мотивации студентов-нелингвистов к иноязычному образованию в профессионально значимых целях [9]. Мартыненко И. А., Алешко-Ожевская С. С. установили, что онлайн режим позволяет объединить образовательный процесс студентов из разных образовательных организаций, что является источником повышения качества не только языковой подготовки, но и профессионального образования в целом, мотивации к самообразованию [10]. Морозова А. Л., Костюкова Т. А. отмечают повышение мотивации у студентов к иноязычному образованию при использовании технологий виртуальной реальности, но указы-

вают, что обучающиеся в то же время готовы осваивать материал любыми другими способами [11]. Максимова И. Р. отводит важное значение использованию ИКТ в обучении иностранному языку, а также учет специфики профессиональной сферы будущих специалистов [12].

Одним из актуальных направлений в иноязычном образовании является подготовка педагогических кадров, способных к взаимодействию в условиях поликультурного региона. Жукова Т. А., и др. рассматривают проблему подготовки будущих учителей к межкультурному взаимодействию и подчеркивают необходимость организации поликультурного образования на основе принципа равенства и диалога культур [13]. Глумова Е. П., Кораблева Е. Д. отмечают необходимость мультилингвального подхода в реализации полилингвального образования будущих педагогов [14]. Горбунова Н. В., Комарова Э. П., Фетисов А. С. рассматривают проблему подготовки учителей к работе в поликультурном регионе, отводят важное значение реализации культурологического и этнокультурного подходов в данном направлении [15].

Актуальной является проблема формирования функциональной грамотности у обучающихся в иноязычном образовании. Безукладников К. Э., Мелехина Е. С. утверждают о потенциале иностранного языка для развития метапредметных компетенций [16]. Костина Е. А., Соболева Ж. С., Макаренко Л. А. считают, что одним из качеств, которые формируются в процессе иноязычного образования, является цифровая грамотность, как составляющая функциональной грамотности [17].

Таким образом, наиболее процессы информатизации и глобализации в развитии общества оказывают значительное влияние на сферу иноязычного образования. Остается актуальной проблема поиска наиболее эффективных подходов, принципов, методов, приемов, форм и средств для обучения иностранному языку. Однако появляется больше исследований использования различных форм ИКТ в иноязычном образовании, затрагиваются вопросы подготовки педагогических кадров, способных к поликультурному сотрудничеству, а также формированию функциональной грамотности обучающихся.

Источники:

1. Кузнецова М. В., Пушкарёва Е. А. Иноязычное образование в ценностном становлении личности: анализ развития и современное измерение содержания проблемы (обзор) // *Science for Education Today*. 2022. № 1. С. 55–75. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2201.03>
2. Ашилова М. С., Бегалинов А. С., Пушкарёв Ю. В., Бегалинова К. К., Пушкарёва Е. А. Трансформация системы высшего образования в условиях цифровых изменений: обзор исследований тенденций развития пост-цифрового университета [in English] // *Science for Education Today*. 2023. № 6. С. 99–119. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2306.05>
3. Ашилова М. С., Бегалинов А. С., Пушкарёв Ю. В., Бегалинова К. К., Пушкарёва Е. А. Ценности в основании современного глобализирующегося

общества: исследование трансформаций [in English] // *Science for Education Today*. 2023. № 2. С. 99–121. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2302.05>

4. Гончарова Н. А., Хайтова А. И., Ошкордина А. А., Макарова Е. Н. Специфика повышения эффективности освоения английского языка магистрантами, специализирующимися в сфере IT // *Science for Education Today*. 2023. Т. 13, № 5. С. 51–77. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2305.03>

5. Дмитриева Е. Н., Поскребышева Т. А. Положительные эмоции как фактор эффективности процесса иноязычного образования магистрантов технического вуза // *Язык и культура*. 2023. № 63. С. 144–166. DOI: [10.17223/19996195/63/8](http://dx.doi.org/10.17223/19996195/63/8)

6. Макарова Е. А. Особенности современной модели иноязычного образования: принципы экосистемного подхода // *Science for Education Today*. 2023. Т. 13, № 3. С. 163–177. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2303.08>

7. Ермолова Т. В., Савицкая Н. В., Дедова О. В., Гузова А. В. Исследование возможностей применения иммерсивного опыта изучения иностранного (английского) языка в мирах виртуальной реальности детьми с ограниченными возможностями здоровья // *Science for Education Today*. 2022. Т. 12, № 4. С. 183–202. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2204.09>

8. Мухина Ю. Н., Ковальчук С. С. Факторы, влияющие на мотивацию студентов неязыковых направлений очной и заочной форм обучения при онлайн- и офлайн-изучении иностранного языка // *Science for Education Today*. 2023. Т. 13, № 1. С. 28–46. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2301.02>

9. Абрамова И. Е., Шишмолина Е. П. Обучение студентов-лингвистов иноязычной коммуникации в профессиональном дискурсе: мотивационный аспект // *Язык и культура*. 2023. № 62. С. 141–161. DOI: [10.17223/19996195/62/8](http://dx.doi.org/10.17223/19996195/62/8)

10. Мартыненко И. А., Алешко-Ожевская С. С. Межвузовское взаимодействие как импульс для повышения качества языкового образования и развития академической мобильности // *Science for Education Today*. 2022. Т. 12, № 5. С. 186–199. DOI [10.15293/2658-6762.2205.10](http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2205.10). EDN YFTDGC.

11. Морозова А. Л., Костюкова Т. А. Виртуальная реальность при обучении диалогической речи на английском языке: опыт МГИМО-Одинцово // *Язык и культура*. 2023. № 63. С. 207–238. DOI: [10.17223/19996195/63/11](http://dx.doi.org/10.17223/19996195/63/11)

12. Максимова И. Р. Формирование иноязычной лексической компетентности будущих юристов посредством применения информационно-компьютерных технологий // *Язык и культура*. 2023. № 62. С. 276–291. DOI: [10.17223/19996195/62/15](http://dx.doi.org/10.17223/19996195/62/15)

13. Zhukova T. A., Bogoslovskiy V. I., Gladkaya I. V., Andreeva E. Yu., Dzhurinskiy A. N. Prospects of preparing future teachers for intercultural interaction in the accelerated learning conditions. *Science for Education Today*, 2023, vol. 13 (3), pp. 178–197. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2303.09>

14. Глумова Е. П., Кораблева Е. Д. Лингводидактические обоснования процесса формирования полилингвальной компетенции учителя иностранных

языков // Язык и культура. 2023. № 61. С. 173–192. DOI: 10.17223/19996195/61/10

15. Горбунова Н. В., 16. Комарова Э. П., 17. Фетисов А. С. Подготовка будущих педагогов к профессиональной деятельности в поликультурном регионе: культурологический и этнокультурный подходы // Язык и культура. 2022. № 60. С. 140–155. DOI: 10.17223/19996195/60/8

16. Безукладников К. Э., Мелехина Е. С. Формирование функциональной грамотности на уроках английского языка в рамках учебно-исследовательской деятельности // Язык и культура. 2023. № 61. С. 103–126. DOI: 10.17223/19996195/61/7

17. Костина Е. А., Соболева Ж. С., Макаренко Л. А. Развитие цифровой грамотности как компонента функциональной грамотности при обучении студентов китайскому языку // Язык и культура. 2023. № 61. С. 215–234. DOI: 10.17223/19996195/61/12

M. V. Kuznetsova (Novosibirsk state pedagogical university)

FEATURES OF CHANGES IN FOREIGN LANGUAGE EDUCATION IN THE CONTEXT OF SOCIETY INFORMATION DEVELOPMENT AND GLOBALIZATION PROCESSES

The relevance of the problem of foreign language education is due to the potential of this phenomenon for person's development not only in the subject linguistic field, but also in interdisciplinary fields. The research purpose of the article was to study the current state of foreign language education in the context of information development of society and the processes of globalization. The following research methods were used: analysis, generalization, system method. As the results of the research, the author highlights modern problems in the field of foreign language education: the search for the most effective approaches, principles, methods, techniques, forms and means for teaching a foreign language; the use of information and communication technologies in foreign language education; training of teaching staff capable of interacting in a multicultural region; the formation of students' functional literacy in a foreign language education.

Education, foreign language education, personality, globalization, information development of society, informatization of education, digitalization of education, foreign language

УДК 81'272

Т. П. Кузнечихина (*Université de Caen Normandie*, e-mail: tatka280601@gmail.com);

Л. А. Ульяницкая (*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»*, e-mail: ulianitckaia_liubov@mail.ru)

АНАЛИЗ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ПЕСЕН СОВРЕМЕННЫХ ФРАНКОФОННЫХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

В современном мире глобализационные процессы приводят к расширению культурного и языкового взаимодействия, являющегося предпосылкой для возникновения лингвистической интерференции. Актуальность исследования обусловлена сложностью определения лингвистической интерференции как явления, а также популярностью песен, наиболее ярко отражающих особенности устной речи франкофонных исполнителей. Научная новизна заключается в обращении к современному языковому материалу, наиболее адекватно отражающему актуальные процессы смешения языков и грамматической интерференции. В результате исследования были сделаны выводы о грамматических особенностях и тенденциях лингвистической интерференции французского и английского языков в песнях современных франкофонных исполнителей.

Социолингвистика, лингвистическая интерференция, грамматическая интерференция, языковые контакты, французский язык, английский язык

Явление лингвистической интерференции является одним из главных вопросов современного языкознания, поскольку в эпоху глобализации происходит активное развитие средств связи, массовой коммуникации, что приводит к увеличению количества языковых контактов, и вследствие – к смешению языков.

Л. В. Щерба одним из первых обратил внимание на проблему смешения языков, назвав этот процесс недостатком двуязычия, так как в процессе взаимодействия языки изменяют друг друга [1]. Тем не менее, сам термин «языковая интерференция» был впервые использован учеными Пражского лингвистического кружка [2], которые определяли интерференцию как «процесс отклонения от норм контактирующих языков» [3]. Иными словами, интерференция означала влияние языков друг на друга в ситуации соприкосновения языковых систем.

У. Вайнрайх, занимавшийся исследованием языковых контактов, определяет лингвистическую интерференцию как явление отхождения от норм в языке вследствие его взаимодействия с другой языковой системой [4, С. 1]. Похожее определение предлагает В. Ю. Розенцвейг, считающий, что интерфе-

ренцией является «нарушение билингвом правил соотнесения контактирующих языков, которое проявляется в его речи в отклонении от нормы» [5, С. 28]. Обе дефиниции представляют интерференцию как изменение норм языка, возникающее ввиду языковых контактов, при этом ученые не считают интерференцию негативным явлением.

По мнению И. А. Самохиной [6], билингв осуществляет интерференцию произвольно, передавая компоненты из одного языка в тот язык, на котором в данный момент осуществляется коммуникация. А в понимании Ю. А. Жлуктенко лингвистическая интерференция включает в себя «все изменения в структуре языка, а также в значениях, свойствах и составе его единиц» [7, С. 61]. Данные изменения появляются также по причине взаимодействия между языками.

Как считает Э. Хауген, интерференция – это процесс, в ходе которого одна языковая система накладывается на другую [8]. При этом ученый ставит под сомнение факт одновременного владения носителем двумя языками, поскольку предполагает, что в ходе интерференции человек оперирует не двумя, но и не одной языковой системой.

В словаре Routledge Dictionary of Language and Linguistics [9] интерференция на индивидуальном уровне является причиной появления ошибок, а при выходе интерференции на уровень языкового сообщества, она считается причиной языковых изменений. Иными словами, интерференция в речи определенного человека является окказиональным явлением, а неоднократное проявление интерференции в речи многих носителей языка переходит в разряд узального употребления.

Грамматическая интерференция представляет собой влияние грамматических норм одной языковой системы на грамматические нормы другой языковой системы, при этом функциональные и формальные характеристики не переносятся [10].

Различают следующие типы грамматической интерференции:

1. использование морфем первичного языка во вторичном языке;
2. использование грамматического построения первичного языка во вторичном языке или игнорирование грамматического построения вторичного языка при отсутствии в первичном языке подобной грамматической модели;
3. увеличение или уменьшение количества функций морфемы во вторичном языке под влиянием грамматической модели первичного языка [4].

Материал исследования. Исследовательским материалом послужили тексты 71 песни современных франкофонных исполнителей из таких стран, как Бельгия, Канада, Республика Конго, Алжир, Мали, Кот д'Ивуар, Сенегал, а также исполнители из Франции с гвинейским, марокканским и бразильским происхождением. Сами песни были выпущены в период с 2012 по 2022 гг. Методом сплошной выборки было отобрано 186 примеров лингвистической интерференции в паре французский-английский языки. При анализе произведений использовались музыкальные онлайн-сервисы *Apple Music* [11] и *Genius* [12].

Грамматическая интерференция французского и английского языков

Английский и французский языки являются языками аналитического строя, поскольку в них грамматические отношения выражаются посредством синтаксиса, с помощью порядка слов и использования предлогов и вспомогательных глаголов, а изменения формы самих слов практически не происходит. В области грамматики английский и французский обладают рядом общих характеристик, таких как: наличие в обоих языках артиклей, вспомогательных и модальных глаголов, сходная система времен с различием длительности действия, применение обратного порядка слов в вопросительных предложениях.

Тем не менее, по сравнению с английским, французский язык содержит в себе больше синтетических черт, что проявляется в более развитой системе глагольных окончаний. Также можно выделить следующие различия в грамматической системе французского языка по сравнению с английским языком: наличие в французском языке грамматической категории рода и постпозиции прилагательных, изменение прилагательных и местоименных притяжательных (например, *ma, ton*) и указательных прилагательных (например, *ce, cette*) в соответствии с родом и числом существительного, к которому они относятся.

В первую очередь, целесообразным является разделение отобранных примеров лингвистической интерференции по частям речи. В ходе анализа были получены следующие данные об их соотношении:

существительные – 131 единица (70%);

глаголы – 31 единица (17%);

прилагательные – 15 единиц (8%);

другие части речи (наречие, числительное, междометие, частица, союз) – 9 единиц (5%).

Следовательно, наибольшее количество выделенных единиц относится к существительным, что объясняется более простым, в отличие от других частей речи, включением существительных в грамматическую структуру предложения.

Среди общего количества существительных (131 единица) были отобраны те лексемы, род которых определялся по их языковому окружению – местоименному прилагательному, артиклю, форме прилагательного или причастия, относящихся к данному существительному. Путем подсчетов было получено 67 таких единиц. В 96% случаев (64 единицы) принадлежность к определенному роду во французском языке сохранялась в роде слов английского языка. К примеру таких существительных относятся: *ton body – ton corps – твое тело; un boy – un garçon – мальчик; le dream – le rêve – мечта; du feeling – du sentiment / du sens – чувство; le fire – le feu – огонь; mon gun – mon pistolet – мой пистолет; ma life – ma vie – моя жизнь; fausses locks – fausses serrures – ложные / поддельные замки; petit name – petit nom – имя, прозвище; nouvelles shoes – nouvelles chaussures – новая обувь; ta soul – ton âme (f) – твоя душа; ma woman – ma femme – моя женщина.*

Тем не менее, в 4% случаев (3 единицы) не происходило совпадения рода интерферируемого слова и единицы французского языка. К таким существительным относятся: *le biz – l'entreprise (f) / l'affaire (f) – дело, бизнес, la cookie – le biscuit / le gateau – печенье* (возможно, в данном случае выбор женского рода был произведен по аналогии с существительными французского языка в соответствии с окончанием лексемы (для женского рода характерно окончание «е», а для мужского рода – окончание на согласный звук.)

Итак, исполнители, в большинстве случаев, наделяют единицы английского языка категорией рода, тем самым бессознательно ассимилируя в своей речи иностранные слова.

В ходе исследования было выделено только 11 глаголов, изменяющих свою форму по аналогии с французскими глаголами. Во всех случаях они спрягались в соответствии с глаголами первой группы французского языка. Например, две единицы английского языка были использованы в форме инфинитива с помощью добавления к английским глаголам окончания *-er* начальной формы французских глаголов первой группы: *beefier* (от английского *to beef – жаловаться*), *twerker* (от английского *to twerk – «танцевать тверк» *современный стиль танцев*).

Также измененные глаголы приобретали следующие видовременные формы, свойственные французскому языку:

1. *Imparfait* (прошедшее незавершенное время): *j'killais – я убивал* (от английского *to kill – убивать*) – к глаголу английского языка прибавляется окончание *-ais* первого лица единственного числа;

2. *Passé Composé* (прошедшее завершенное время): *j'ai dealé – я торговал* (от английского *to deal – заключать сделку*) – при образовании данного времени английский глагол становится причастием прошедшего времени; *j'ai squatté – я сел на корточки* (от английского *to squat – сесть на корточки*) – при этом удваивается конечная согласная *t* в английском глаголе;

3. *Présent* (настоящее время): *shoote dans le vide – стреляй в пустоту* (от английского *to shoot – стрелять*) – английский глагол ставится в повелительное наклонение французского языка, при этом добавляется окончание *-e*, поскольку во французском повелительное наклонение второго лица единственного числа образуется при помощи опущения конечной согласной окончания *-es*; *j'suis booké – я занят* (от английского *to book – бронировать*) – в данном случае в предложении на французском языке английский глагол становится причастием прошедшего времени.

Среди отобранных прилагательных (15 единиц) было выделено только три примера употребления слова в постпозиции по отношению к существительному: *son live – живой звук, rap hardcore – хардкорный рэп, survêt' white – белый спортивный костюм*.

Также стоит отдельно отметить следующий пример: *les bests* – *лучшие*. В данном случае франкофонный исполнитель употребляет форму превосходной степени прилагательного английского языка в сочетании с использованием этого слова во множественном числе.

Среди других частей речи обнаружено 9 единиц, к которым относятся: наречия (3 единицы), междометия (2 единицы), союзы (2 единицы), одно числительное и одна частица. При этом интересно отметить, что английское числительное включается в составное числительное французского языка: *deux mille sixteen* – *две тысячи шестнадцать*. Частицей, перенесенной во французскую структуру предложения, является отрицательная частица *no*, использованная в предложении *j'ai no boo* – *у меня нет возлюбленной*. В приведенном примере конструкция аналогична конструкции английского языка *I have no*, которая придает высказыванию эмоциональную выразительность.

При проведении анализа было определено, что грамматическая интерференция затрагивает как самостоятельные, так и служебные части речи, а также проявляется на уровне синтаксических конструкций.

Песни, как форма массовой культуры, охватывают широкую аудиторию. Слушая музыкальные композиции и подпевая, люди могут неосознанно запоминать и внедрять в свое повседневное общение модели функционирования иноязычных компонентов во французском языке. Поэтому, несмотря на немногочисленное количество ассимилированных единиц, существует потенциальная возможность их включения в систему французского языка в качестве нормы. Следовательно, есть основание предполагать, что такие единицы перейдут из интерферентных окказиональных единиц в разряд заимствований.

Источники:

1. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974.
2. Turayeva M. A. Theoretical research of interference of lexical units of language. *JournalNX // A Multidisciplinary Peer Reviewed Journal*. 2021, vol. 6, ed. №11. P. 54–58.
3. Желнова Е. С. Подходы к изучению межъязыковой интерференции в работах отечественных и зарубежных ученых // *Цифровая наука*. 2020, вып. №9. С. 59–73.
4. Weinreich U. *Languages in Contact: Findings and Problems*, Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 1979.
5. Розенцвейг В. Ю. Языковые контакты. Л.: Наука, 1972.
6. Самохина И. А. Языковая интерференция: обзор исследований в лингвистике. *Вестник ТвГУ. Серия: Филология*. 2018, вып. №4. С. 90–96.
7. Жлуктенко Ю. А. *Лингвистические аспекты двуязычия*. Киев: Вища шк.: Изд-во при Киев. ун-те, 1974.
8. Хауген Э. Языковой контакт // *Новое в лингвистике*. – Языковые контакты. М.: Прогресс. 1972, вып. №6. С. 61–80.

9. Bussmann H. Routledge Dictionary of Language and Linguistics. London and New York: Taylor & Francis e-Library. 2006.

10. Платонов А. М., Тарасюк Н. А. Основные теоретические положения методики преодоления интерференции в процессе обучения переводу студентов по направлению подготовки 45.03.02 Лингвистика профиль подготовки Теория и методика перевода // Учёные записки. Электронный научный журнал Курского Государственного Университета. 2020, вып. № 2 (54). С. 191–194.

11. Музыкальный стриминговый сервис // Apple Music. URL: <https://music.apple.com/ru/browse> (дата обращения: 29.05.2023).

12. Онлайн-база данных слов песен // Genius. URL: <https://genius.com/> (дата обращения: 29.05.2023).

T. P. Kuznechikhina (*Université de Caen Normandie*);

L. A. Ulianitckaia (*Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»*)

ANALYSIS OF GRAMMATICAL INTERFERENCE BASED ON THE MATERIAL OF THE SONG LYRICS BY MODERN FRANCOPHONE PERFORMERS

In the modern world, globalization processes lead to the expansion of cultural and linguistic interaction, which is a prerequisite for the emergence of linguistic interference. The relevance of the study is due to the complexity of defining linguistic interference as a phenomenon, as well as the popularity of songs that most clearly reflect the characteristics of oral speech of francophone performers. Scientific novelty lies in the appeal to modern linguistic material, which most properly reflects the current processes of language mixing and grammatical interference. As a result of the study, conclusions were drawn about the grammatical features and tendencies of linguistic interference of the French and English languages in the songs of modern francophone performers.

Sociolinguistics, linguistic interference, grammatical interference, language contacts, French, English

УДК 800.92:519.682

С. Д. Куражев (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: serga-98@mail.ru)

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ ИТ-СПЕЦИАЛИСТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В данной статье рассматривается профессиональная мобильность российских ИТ-специалистов, её определение, сущность и особенности. Также, в данной статье мы предлагаем классификацию видов профессиональной мобильности, обусловленную особенностями рынка труда, технологическими требованиями и индивидуальными карьерными амбициями ИТ-специалистов.

ИТ-специалисты, стратегии, профессиональная мобильность, ценности, общества, карьера

Профессиональная мобильность является разновидностью социальной мобильности. Но в отличие от социальной мобильности, профессиональная мобильность – это перемещение индивида или профессиональной группы в социально-профессиональной структуре общества с изменением или без изменения социального статуса [1, С. 298]. Профессия требует владения теоретическими знаниями и практическими навыками, приобретаемыми в ходе специальной подготовки или получения специального образования. Углубление профессиональной подготовки или освоение новых профессиональных компетенций побуждает к изменениям профессионального статуса – профессиональную мобильность.

Научные определения профессиональной мобильности могут быть рассмотрены с различных точек зрения, но в основном выявление сущности профессиональной мобильности рассматривается как связанное понятие с представлениями о социальной мобильности [2]:

- как социально-профессиональная мобильность, т. е. как взаимосвязанные понятия;
- социально-профессиональная мобильность как не просто взаимосвязанные, а даже как тождественные понятия: одно без другого не бывает;
- как противоречивые категории, «социальность» и «компетентность» – могут быть взаимосвязанными, но конфликтующими структурами (Л. Н. Лесохина);
- как ситуационное единство социальной и профессиональной мобильности при традиционном противоречивом единстве (Ю. К. Калиновский);
- как смена профессии (И. В. Удалова и Е. Д. Гражданников);
- как изменение в социально-профессиональной структуре общества, связанное с изменениями в их образовательном статусе (В. Г. Онушкин, Е. И. Огарев).

Примечательно, что исходя из базовых положений концепции П. А. Сорокина, центральной содержательной характеристикой профессиональной мобильности ИТ-специалистов выступают любые многочисленные изменения и любые переходы, которые обусловлены особенностями их профессиональной деятельности в цифровом пространстве. Субъектами таких изменений могут выступать не только отдельные личности или группы ИТ-профессионалов, но и результаты, средства и цели их деятельности, и, как неоднократно подчеркивает П. А. Сорокин, созданными ими ценности. Мобильность может осуществляться как в рамках одного социального пространства (ИТ-пространства в нашем случае), так и складываться между какими-то пространствами слоями и уровнями. По мере становления новых обществ мобильность возрастает. Высокая профессиональная мобильность тем более характерна для различных видов постиндустриальных обществ (сетевых, информационных, цифровых), где профессиональная мобильность приобретает новые черты и характеристики, становится «цифровой мобильностью» [3].

Что касается стратегий профессиональной мобильности ИТ-специалистов они могут определяться как совокупность перспективных самых общих планов [1] на будущее, отражающих внутренние интегративные представления о профессиональной деятельности, которые обусловлены не только субъективными, но и объективными обстоятельствами формирования цифрового пространства.

Профессиональная мобильность ИТ-профессионалов находится под пристальным вниманием общественного мнения, СМИ, государства. В частности, это относится к вопросам профессиональной деятельности ИТ-специалистов, их материального стимулирования [4], особенностей межличностных отношений с представителями других социальных групп [5], корпоративной этики [6] и много другого.

Другим объективным обстоятельством выступают специфические характеристики ИТ-деятельности [7]. Прежде всего следует подчеркнуть, что ИТ-деятельность относится к разряду тех профессий, для которых функциональная дифференциация общества, как предполагается, носит принципиально нетерриториальный характер [8]. Особо следует подчеркнуть стрессогенный характер ИТ-деятельности, в частности, ее интеллектуальная и эмоциональная напряженность, частое профессиональное выгорание, малоподвижность, специфическая система ценностей, напряженный проектно-творческий характер, необходимость обстоятельной языковой подготовки, своеобразие быта и образа жизни и другие стрессогенные факторы, из-за чего активизируется профессиональная мобильность. Как справедливо утверждает М. А. Реньш, профессиональные ценности встраиваются в общую структуру ценностей личности, что делает ее профессионально мобильной [9]. Прежде всего важен ценностный выбор [10] ИТ-специалистов между ориентацией на карьеру [11] или ориентацией на заработок [4], а также актуальность непрерывного самообразования и саморазвития [12], без чего участие в ИТ-деятельности становится невозможным.

Мобильность ИТ-специалистов в информационном обществе существенно отличается от профессиональной мобильности любых других специалистов в прежние времена [13]. Профессиональная деятельность ИТ-специалистов побуждает к многочисленным вариантам мобильности, поскольку, возможности как горизонтальной, так и вертикальной мобильности в этой сфере весьма специфичны. Как показывал П. А. Сорокин, любая «профессиональная группа постоянно контролирует вертикальную циркуляцию индивидов» [14, С. 419–423]. В том числе, это характерно и для ИТ-групп.

В предыдущих исследованиях мы выявили и обосновали 11 стратегий социальной мобильности российских ИТ-специалистов, а именно: [15, С. 179–181]

1. Стратегия «из фриланса в компанию».
2. Стратегия «plenty-skill».
3. Стратегия «релокация».
4. Стратегия виртуальной мобильности.
5. Стратегия «смена проекта».
6. Стратегия «unit-skill».
7. Стратегия «смена работодателя».
8. Стратегия «Job hopping».
9. Стратегия «релокация+».
10. Стратегия «стартап».
11. Стратегия отказа от работы в сфере ИТ.

В ходе анализа, мы пришли к выводу, что существующие стратегии мобильности можно классифицировать на следующие виды профессиональной мобильности:

– **Вертикальная мобильность**, иными словами – повышение по карьерной лестнице внутри организации. (стратегии 6, 10)

– **Горизонтальная мобильность**, иными словами – переходы между различными проектами, компаниями или отраслями. (стратегии 1, 11, 5, 8, 7)

– **Географическая мобильность**, иными словами – готовность к перемещению между регионами или странами. (стратегии 9, 3, 4)

– **Образовательная мобильность**, иными словами – освоение новых технологий и языков программирования, получение сертификации. (стратегии 2, 10)

Каждый из этих видов профессиональной мобильности представляет собой совокупность стратегий мобильности ИТ-специалистов в России, обусловленную особенностями рынка труда, технологическими требованиями и индивидуальными карьерными амбициями. В совокупности эти виды мобильности обеспечивают необходимую гибкость и адаптивность в условиях быстро меняющейся сферы информационных технологий. Исходя из этой квалификации, мы видим, что горизонтальная мобильность намного популярнее и вариативнее в ИТ-сфере, что очередной раз подтверждает актуальность современных исследований, акцентируют внимание на концепции «гибкой» карьеры.

Профессиональная мобильность ИТ-специалистов играет решающую роль в успешной карьере в современной высокотехнологичной среде. Активная

адаптация к изменениям и готовность к различным формам мобильности являются ключевыми стратегиями для достижения выдающихся результатов в динамичной области информационных технологий. Современные исследования по этой теме обеспечивают ценные практические и теоретические данные, способствуя глубокому изучению и анализу социодинамики общества, а также эффективному управлению карьерой ИТ-специалистов и разработке стратегий для успешной адаптации к требованиям современного рынка труда.

Источники:

1. Ковалева А. И. Профессиональная мобильность // Знание. Понимание. Умение. 2012. №1. С. 298–300.
2. Александрова З. И. Социально-профессиональная мобильность в современном мире // Вестник КГУ. 2008. №3. С. 35–39.
3. Бестужева О. Ю., Вершинская О. Н., Махрова О. Н. Развитие общества цифровой мобильности // Народонаселение. 2014. №4 (66). С. 115–124.
4. Баженов С. В. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности специалистов сферы информационных технологий // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. №4–2 (24). С. 341–346.
5. Дерюгин П. П. Теоретико-методологический анализ социальной диагностики межличностных отношений: специальность 22.00.01 «Теория, методология и история социологии»: дис. на соискание ученой степени д. соц. н. СПб., 2001. 440 с.
6. Мерзляков С. С. Социокультурные особенности российских ИТ-специалистов // Экономика труда. 2020. №11. С. 1037–1054.
7. Сейтвелиева С. Н., Бекирова Э. А. Особенности подготовки инженеров-программистов к профессиональной деятельности // Символ науки. 2015. №9–2. С. 189–192.
8. Филиппов А. Мобильность и солидарность. Статья первая // Социологическое обозрение. 2011. №3. Т. 10. № 3. 2011. С. 4–20.
9. Реньш М. А., Лесик А. В. Ценностно-смысловые детерминанты профессионального «я» руководителей среднего звена: результаты исследования // Вопросы управления. 2014. №2 (8). С. 207–213.
10. Забара И. В. Содержание компонентов ценностного отношения к профессиональной деятельности у программистов // МНКО. 2018. №3 (70). С. 389–391.
11. Харланова Т. Н. Особенности развития карьерных ориентаций студентов разных специальностей в процессе профессиональной подготовки // Вестник Московского университета. Сер. 20. Педагогическое образование. 2015. №4. С. 103–116.
12. Атяскина Т. В. Кузнецов В. В. Модель формирования умений самообразования будущих техников-программистов // Вестник ОГУ. 2016. №9 (197). С. 8–14.
13. Будрина А. А., Анисимова Э. С. Социальная стратификация и социальная мобильность в информационном обществе // Экономика и социум. 2014. №4–1 (13). С. 872–875.
14. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

15. Куражев С. Д., Маранчак А. Г., Дерюгин П. П. Стратегии социальной мобильности российских ИТ-специалистов в кризисном обществе (итоги пилотажного исследования) // Информация–Коммуникация–Общество. СПб., 2023. С. 178–182.

S. D. Kurazhev (Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»)

PROFESSIONAL MOBILITY OF IT SPECIALISTS IN MODERN RUSSIA

This article deals with the professional mobility of Russian IT specialists, its definition, essence and peculiarities. Also, in this article we propose a classification of types of professional mobility due to the peculiarities of the labor market, technological requirements and individual career ambitions of IT specialists.

IT specialists, strategies, professional mobility, values, society, career

УДК 316.346.32-053.6

А. С. Курапова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: ann-shilyaeva@yandex.ru);

С. В. Курапов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: sv_ksv@yandex.ru)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «РОССИИ БУДУЩЕГО» У СТУДЕНТОВ-ПЕРВОКУРСНИКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕМИНАРСКИХ ЗАНЯТИЙ КУРСА «ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ»)

Анализируются подходы к исследованиям образов будущего. Рассматриваются представления о «России будущего» студентов-первокурсников путем анализа визуальных образов и описательных смыслов, в ходе проведения стратегической сессии на семинарских занятиях курса «Основы российской государственности». Обнаружено, что представления о «России будущего» сосредоточены в четырех основных ориентациях: социальная справедливость, равенство, духовность и культурное развитие; технологическое развитие; развитие и укрепление военной и политической мощи страны и ориентация на комфортную и экономически благополучную жизнь.

«Россия будущего», представления, студенты-первокурсники, образ будущего, ориентации, проективность, предвосхищение, настоящее

За последние несколько лет внимание к представлениям молодежи о развитии России и ее будущего возросло в несколько раз. Во-первых, становится очевидным, что трансформация социальной реальности общества зависит от каждой личности, которая с раннего возраста накапливает ценностные ориентации и реализует их в процессе всей жизни. Во-вторых, любая социальная система нуждается в упорядочивании и целенаправленном движении, поскольку, не имея этого фактора, способна сама себя разрушать. В-третьих, понимание представлений молодежи о «России будущего» позволяют выстраивать эффективные практики взаимодействия с этой группой представителями органов государственной власти.

Представления о будущем являются той структурой, которая, с одной стороны, отражает внутренние, глубинные убеждения человека, а с другой – доступна внешним воздействиям, в том числе и посредством государственной молодежной политики с использованием широкого спектра её ресурсов [1, С. 4].

Зачем вообще ориентироваться на будущее? По определению Г. Троммсдорфа, ориентация на будущее – это многомерная когнитивно-мотивационная система, включающая субъективную длительность временной

перспективы, оценку и сопоставление возможностей, мотивационные и аффективные аспекты [2], которые связаны с размышлениями о будущем и обсуждением различных вероятностей.

В научную сферу «образ будущего» ввел исследователь Фред Полак, продемонстрировавший то, как в актуальной социальной реальности возникает предвосхищение будущего в форме определенных образов, как столкновение восприятия реальности и фантазий [3].

Определенный интерес представляет исследование, так называемой, «дальновидности», как отношения к будущему, что позволяет оценить готовность индивида или группы к риску, их ответственность за принятие решений, и «проспекции», как осознание связи процессов, происходящих в настоящее время, с их следствием. В исследованиях будущего, «проспекция» отражает то, насколько мы в повседневной жизни руководствуемся представлениями о будущем, как сами его формируем и оцениваем [4].

«Проективность» в представлениях о будущем складывается из совокупности планов на будущее, их соотношения с коллективными представлениями о будущем и социальными ожиданиями от будущего.

Некоторые авторы объединяют все вышеописанные подходы одним, так называемым «предвосхищением», как способностью (или феноменом) увидеть и соотнести рациональные и нерациональные компоненты в отношении будущего. Стоит отметить и важную черту представлений о будущем – узнаваемость и доступность для восприятия. С этой точки зрения, будущее содержит компоненты коллективного бессознательного, транслируемого через скрытые страхи и надежды, мечты, опасения и предчувствия.

По мнению В. Б. Земскова, образ страны включает в себя и образ своего народа, своей нации, он строится путем обязательного выделения образа «других» народов и стран, поскольку «созданные той или иной культурой образы утверждают собственную идентичность чаще всего в противопоставлении «себя» – «другим» [5].

Настоящее и будущее взаимосвязано. Так, мечты о будущем оказывают влияние на поведение и выбор человека в настоящем времени, и наоборот, события сегодняшнего дня формируют ориентации на будущее. Поэтому, изучая социальную реальность, можно спрогнозировать будущее, а изучая представления о будущем, можно анализировать факторы, которые стали их детерминантами. Это не значит полного отождествления и причинно-следственной связи между настоящим и будущим, однако предполагает возможность выявления оцениваемых тенденций в жизни.

Согласно анализу результатов социологического исследования 2021 года «Гражданская идентичность и конструирование образа будущего России: ценностные разрывы и солидарность поколений», представления о «России будущего» сосредотачивались на таких возможных проективностях, как: жизни в безопасном государстве – 56,3% и государстве, помогающему в сложном си-

туациях своим гражданам – 52,3%; государстве «справедливом» – 47,5% и демократическом – 47,4%; государстве, строящимся на принципах коллективизма – 29,5% и капиталистическом государстве – 27%; социалистическом государстве – 25% и живущих за счет своих граждан – 19,1%; в государстве, где «каждый сам за себя» – 17,6%, деспотическом государстве – 11,9% и коммунистическом государстве – 7,3% [6].

Социологическое исследование Института социологии ФНИСЦ РАН «Образ будущего в массовом сознании россиян» весной 2022 г. показало, что среди качеств, которыми должна обладать «Россия будущего», лидируют социальная справедливость, победа над коррупцией, социальное равенство, переход к инновационной экономике, сильные позиции в международных отношениях. Либеральные «западные» ценности привлекали на тот момент малое число респондентов [7].

В первом учебном семестре 2023 года в рамках семинарских занятий курса «Основы российской государственности» была проведена стратегическая сессия. Студенты в командном взаимодействии размышляли на тему «Россия будущего», где им предстояло ответить на вопросы: за счет чего Россия преодолет современные вызовы; что является сильной стороной России; какие важные перемены произойдут с Россией; какие профессии станут востребованными в России и как ее изменят. Также стояла задача каждому студенту отразить на бумаге свои представления визуального образа «России будущего», анализ которых и лег в основу настоящей статьи. Всего приняло участие в вышеуказанных стратегических сессиях за время проведения курса «Основы российской государственности» 515 студентов-первокурсников.

Представления студентов-первокурсников о «России будущего» возможно классифицировать по четырем сферам. Технологическая сфера, к которой могут относиться освоение космоса, роботизация, передовые компьютерные технологии и гаджеты, развитие промышленности и научной сферы в целом (107 студентов, 21%). Экономическая сфера, к которой можно отнести увеличение благосостояния, беззаботную и комфортную жизнь (110 студентов, 21%). Политическая сфера, к которой можно отнести усиление политической и военной мощи России, успешное окончание специальной военной операции, распространение влияния на другие государства мира (134 студента, 26%). Социальная сфера в форме социального равенства, дружбы, усиление роли церкви и культуры (164 студента, 32%).

Важным результатом стало выявление ориентации студентов-первокурсников на концепцию СССР 2.0., т. е. закрытые границы, самообеспечение, сильное социальное государство, равенство и справедливость. Ориентация на тесные международные отношения, или, как называют студенты, «дружбу с Китаем», справедливый капитализм и НЭП 2.0., как либеральная программа русского экономического чуда, построенной на принципах экономической свободы и представления о России, как новой справедливой империи. Часто встречающимися образами «России будущего» были: медведь, орел, голубь, деревья

(часто береза) и цветы, матрешки, православный крест и церковные купола, имперские и коммунистические символы, гаджеты, символы специальной военной операции «Z» и «V».

По смысловому содержанию, результаты нашей диагностики перекликаются с результатами исследовательской команды во главе с А. Харичевым, сформировавшими «пентабазис ценностей» и концепции «Родина-Мать с лазерным мечом», «Россия – как страна пророк», «Россия – мировой страж», «Государство – жар-птица», вошедшие в основу методологии курса «Основы российской государственности». Однако, мы выявили, что в представлениях студентов-первокурсников Россия предстает, как «набравшая мышцы» и готовая к самостоятельному большому пути, Россия, как «страж добра с кулаками», которая будет их использовать, но только при необходимости.

Источники:

1. Абрамова С. Б. Образ будущего: ориентиры современной молодежи // Социокультурное развитие большого Урала: тренды, проблемы, перспективы: материалы юбилейной Всероссийской научно-практической конференции XX Уральские социологические чтения (Екатеринбург, 27–28 февраля 2015 г.). Екатеринбург: УрФУ, 2015. С. 3–8.

2. Trommsdorff G. Future orientation and socialization // *International Journal of Psychology*. 1983. No. 18 (1–4).

3. Желтикова И. В. Исследования будущего и место в них концепта «образ будущего» // *Философская мысль*. 2020. № 2. С. 15–32. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32302 (дата обращения: 11.01.2024 г.)

4. Seligman M. E. P., Railton P., Baumeister R. F., & Sripada C. Navigating into the future or driven by the past // *Perspectives on Psychological Science*. 2013. No. 8(2).

5. Земсков В. Б. Образ России «на переломе» времен. Новые российские гуманитарные исследования, 2006, Т. 25. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=14777560> (дата обращения: 13.01.2024 г.)

6. Максимова С. Г., Атясова О. В., Суртаева О. В., Шахова Е. В., Спирина А. С. Образ будущего России, как основа для позитивной идентификации граждан // *Государство, гражданское общество и стабильность*. 2021. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-buduschego-rossii-kak-osnova-dlya-pozitivnoy-identifikatsii-grazhdan> (дата обращения: 12.01.2024)

7. Андреев А. Л., Слободенюк Е. Д. Образ России будущего в массовом сознании россиян // *Российское общество и вызовы времени*. Книга шестая / ФНИСЦ РАН, Институт социологии. Под ред. М. К. Горшкова и Н. Е. Тихоновой. М.: Издательство «Весь Мир», 2022. С. 228–250. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1195&id=186 (дата обращения: 12.01.2024 г.)

*A. S. Kurapova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);
S.V. Kurapov (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)*

FIRST-YEAR STUDENTS HAVE IDEAS ABOUT THE "RUSSIA OF THE FUTURE" (BASED ON THE MATERIALS OF THE SEMINAR CLASSES OF THE COURSE "FUNDAMENTALS OF RUSSIAN STATEHOOD")

The approaches to the research of images of the future are analyzed. The ideas of the "Russia of the Future" of first-year students are considered by analyzing visual images and descriptive meanings, during a strategic session at the seminar classes of the course "Fundamentals of Russian Statehood". It was found that the ideas of the "Russia of the Future" are concentrated in four main orientations: social justice, equality, spirituality and cultural development; technological development; development and strengthening of the country's military and political power and orientation towards a comfortable and economically prosperous life.

"Russia of the future", representations, first-year students, image of the future, orientations, projectivity, anticipation, the present

УДК 316.421+321.011+321.8+327

С. Ю. Куртов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: KurtovSY@yandex.ru)

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ В СИТУАЦИИ ПОСТГЛОБАЛИЗАЦИИ

Описано влияние процесса глобализации на политическую устойчивость национальных государств. Проведен сравнительный анализ политической устойчивости глобального общества и суверенного государства. Перечислены факторы консолидации общества, повышающие политическую устойчивость национального государства. Рассмотрены механизмы повышения политической устойчивости транснациональных союзов при формировании многополярного мира в ситуации постглобализации.

Политическая устойчивость, глобализация, постглобализация, суверенитет, многополярность

Политическая глобализация представляет собой сложный объективно-исторический процесс динамичного становления геополитических систем [1, С. 27]. Процесс глобализации имманентно содержит диалектически противоположную тенденцию деглобализации и моменты реглобализации, а на современном этапе в фокусе внимания исследователей оказывается феномен постглобализации, который заключается в формировании новых гибридных структур в условиях глобальной геополитической напряженности [2, С. 39–40].

Сторонник глобализации У. Бек утверждает, что тенденция к индивидуализации общества привела к ослаблению социальных связей, утрате коллективного самосознания и способности к эффективному принятию политических решений на уровне национальных государств [3, С. 21–22]. Поэтому, по мнению У. Бека, глобализация – это верный путь к мировой политической устойчивости. Фундаментальный процесс глобализации, интеграции и унификации социально-экономического развития привел к образованию множества новых транснациональных взаимосвязей в различных сферах жизни общества.

Однако необходимо признать, что в результате глобализации фактически усиливаются отсталость и зависимость периферийных государств от мировых центров директивного управления, занимающих доминирующее геополитическое положение за счет военного и экономического превосходства [4, С. 109, 150]. Современные метрополии активно заменяют необходимое политическое многообразие единообразием, навязывая миру частные политические интересы под видом всеобщих гуманистических идей без учета локальных культурно-цивилизационных различий [5, С. 64–65]. Целью этой экспансии явля-

ется повышение уровня жизни в господствующих странах путем перераспределения ресурсов всего человечества [6, С. 463]. Мировая гегемония посредством гибридной войны, «мягкой силы» международных организаций и влияния трансконтинентальных корпораций сдерживает формирование многополярного мира и подрывает суверенитет национальных государств, претендующих на роль альтернативных центров политической консолидации [7, С. 23–24]. Планомерное уничтожение памяти народа и ослабление патриотизма приводят к политической неустойчивости национальных государств вплоть до разрушения их целостности на множество зависимых квазигосударств [8, С. 207–208; 9, С. 58, 132]. Таким образом, глобализация усиливает неравновесность мировой политической системы. Противоречивый процесс глобализации повышает политическую устойчивость государств, доминирующих на международной арене, и снижает устойчивость слабых национальных государств.

Ф. Фукуяма указывает на угрозы общей дестабилизации международного порядка, исходящие от слабых государств, которые становятся потенциальными источниками международных конфликтов и терроризма. Одновременно с этим он признает сложность построения устойчивого национального государства по завершении постконфликтной перестройки в результате внешних интервенций [10, С. 170, 198–199]. Д. Лал отмечает, что сохранение демократической свободы выступает сдерживающим фактором глобализации [9, С. 58, 330], а мировая «культура управления» по мнению ряда критиков теории глобализации со временем обратится в тиранию [11, С. 405]. Таким образом, процесс глобализации в долгосрочной перспективе представляет угрозу устойчивости национальных демократических государств.

Глобализация в своем пределе есть разрушение границ национальных государств, которое объединяет индивидов на основе принципов космополитической солидарности во «всеобщее братство» [3, С. 190]. Но в то же время, как отмечает А. В. Магун, глобализация парадоксальным образом обрекает человечество на радикальное одиночество [12, С. 109]. Согласно Х. Хофмайснеру, человек в результате глобализации лишается возможности свободного формирования своей индивидуальности [13, С. 270]. Поэтому глобализация не способна обеспечить индивиду максимум прав и свобод, что снижает устойчивость политической системы при переходе к глобальному обществу.

Суверенное государство в отличие от глобального общества обладает собственной внутренней логикой и обеспечивает синтез единого и единичного, так как объединяет индивидов и выделяет нацию из природного единства всего человечества в особенное общество с присущими ему менталитетом, глубинной психологией и национальным характером. Поэтому политическая система сильного локального государства более устойчива, чем глобальное общество, так как в большей степени учитывает возможности, интересы и мотивы индивидов. Испытывая устойчивое чувство национальной идентичности и солидарности на основе общности языка и культуры, граждане добровольно

уступают часть индивидуального суверенитета государству, признавая легитимность власти, что дополнительно повышает устойчивость политической подсистемы [12, С. 13, 19, 209].

С. Ю. Малков, признавая сложность поиска объединяющей идеи в многонациональной и многоконфессиональной стране, в качестве главного фактора консолидации российского общества выделяет суровость природно-климатических условий [4, С. 187]. И. А. Василенко отводит определяющую роль в обеспечении политической устойчивости православной этике на основе идеалов соборности [14, С. 230]. Н. Н. Моисеев отмечает фрактальную природу соборности, которая формирует общую политическую волю. Первоисточником общей воли является «воля всех», сопряженная с естественной для ментальности русского человека готовностью пожертвовать индивидуальным благополучием ради будущих поколений [15, С. 145–147]. Но наиболее универсальным фактором повышения политической устойчивости путем консолидации общества представляется противостояние нации внешнему врагу. Демонизация образа внешнего врага формирует в общественном сознании экзистенциальную угрозу поражения, которая воспринимается индивидом острее, чем гипотетическое повышение общего благосостояния в результате победы во внутриполитической борьбе.

Агрессивное доминирование США на мировой арене является источником высокой геополитической нестабильности и демонстрирует несостоятельность идеи справедливости в условиях однополярного мироустройства [16, С. 8]. Системный кризис международного права, общественных и гуманитарных институтов, западной демократии и либерализма на современном этапе свидетельствует о фазовом переходе к многополярному миру [5, С. 69]. Формирование многополярного мира транснациональных стратегических партнерств позволяет преодолеть политику изоляционизма, возникающую при радикальном разделении мира на «Своих» и «Чужих», и повышает адаптивную устойчивость политической системы к нестабильной внешнеполитической обстановке. С. Хантингтон указывает на определяющую роль этнических, религиозных и цивилизационных сходств людей для достижения политической устойчивости межгосударственных объединений на основе общей культурной идентичности [17, С. 185–186]. Центрами кристаллизации нового многополярного мироустройства становятся такие объединения как БРИКС и ШОС, обладающие стратегическими преимуществами в численности населения и природных ресурсах перед G7 [16, С. 12–13]. Интеграция технологических цепочек и постепенный переход на взаиморасчеты в национальных валютах повышает экономическую устойчивость геополитических блоков. Политическая устойчивость альянсов возрастает в результате добровольной частичной передачи национального суверенитета на уровень транснациональных центров с целью укрепления общего суверенитета альянса [3, С. 197, 233–235]. Гибкое формирование транснациональных союзов глокальных государств

позволяет повысить динамическую устойчивость комплексного баланса сил на международной политической арене [18, С. 240].

Таким образом, процесс глобализации приводит к размыванию человеческой индивидуальности и ослаблению суверенитета национальных государств. В сильном государстве человек преодолевает собственную слабость и ограниченность, что позволяет повысить устойчивость социальной системы путем утверждения национальной идентичности и укрепления солидарности граждан на основе социокультурной общности. Поэтому необходимым условием устойчивости политической системы на национальном уровне является сохранение и усиление государственного суверенитета. При формировании многополярного мира в ситуации постглобализации устойчивость национальных политических систем повышается путем создания союзов глокальных государств на основе идей мультикультурализма и синтеза ценностей открытости и автономии, плюрализма и солидарности.

Источники:

1. Чумаков А. Н. Глобализация или деглобализация? // Век глобализации. 2023. № 3. С. 19–34.
2. Ильин И. В., Леонова О. Г. Новые подходы к исследованию феномена глобализации в зарубежной науке // Век глобализации. 2003. № 3. С. 35–47.
3. Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
4. Малков С. Ю. Социальная самоорганизация и исторический процесс: возможности математического моделирования. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 240 с.
5. Махаматов Т. М. Конфликт Запада и Востока как фактор неоглобализации // Век глобализации. 2022. № 4. С. 63–72.
6. Мотрошилова Н. В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов: 2-е, расширенное и исправленное издание книги «Цивилизация и варварство в современную эпоху». М.: ИФРАН, «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. 480 с.
7. Евстафьев Д. Г. Предхаос как среднесрочное состояние глобальной политики и экономики // Экономические стратегии. 2021. Т. 23. № 1(175). С. 22–29.
8. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 444 с.
9. Лал Д. Похвала империи: глобализация и порядок. М.: Новое издательство, 2010. 364 с.
10. Фукуяма Ф. Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 220 с.
11. Зиновьев А. А. Фактор понимания. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. 528 с.
12. Магун А. В. Единство и одиночество: курс политической философии Нового времени. М.: Новое издательство, 2010. 544 с.
13. Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2006. 288 с.

14. Василенко И. А. Политическая философия: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2010. Вып. 2-е изд., перераб. и доп. 320 с.

15. Глушенкова Е. И. Экополитология Н. Н. Моисеева и устойчивое развитие России: монография. М.: Изд-во МНЭПУ, 2015. 184 с.

16. Акаев А. А. Процесс зарождения нового справедливого многополярного мироустройства и перспективы его становления // Век глобализации. 2023. № 3. С. 3–18.

17. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 603 с.

18. Теория и методы в современной политической науке: первая попытка теоретического синтеза / под ред. С. У. Ларсена; пер. с англ. Е. А. Жуковой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 751 с.

S. Y. Kurtov (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

THE PROBLEM OF POLITICAL SUSTAINABILITY IN A POST-GLOBALIZATION SITUATION

The influence of the globalization process on the political sustainability of nation-states is described. The comparative analysis of political sustainability of global society and sovereign state is carried out. The factors of society consolidation that increase the political sustainability of the nation-state are listed. The mechanisms of increasing the political sustainability of transnational unions in the formation of a multipolar world in the situation of post-globalization are considered.

Political sustainability, globalization, post-globalization, sovereignty, multipolarity

УДК 17

И. Ю. Ларионов (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: i.larionov@spbu.ru);

В. В. Головков (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: golovkov.spb@mail.ru)

ПРОБЛЕМА ИМИТАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ОПИСАНИЕ РАЗРАБОТОК ИИ В СМИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ № 24-28-00562 «Философские основания этических рисков в сфере систем искусственного интеллекта», Санкт-Петербургский государственный университет.

Рассматривается проблема искажения описания искусственного интеллекта в СМИ. Показывается глубинное основание восприятия ИИ через призму человеческого интеллекта. Описываются современные теоретические методы определения наличия интеллекта у машин. Практическая значимость результатов исследования в том, что искажение информации об ИИ в СМИ может способствовать формированию в обществе мнимых рисков использования ИИ. Обосновывается вывод, что одной из главных задач должна быть выработка научно обоснованной методологии выявления реальных угроз с учётом формирования СМИ представлений о развитии и функционировании ИИ.

Искусственный интеллект, риски, технологии, информация, рациональность, СМИ, сознание, тест Тьюринга

В современном мире вопросы, связанные с технологиями искусственного интеллекта, крайне актуальны. Связано это, во-первых, с экспоненциальным ростом развития технологии; во-вторых, с повсеместной интеграцией систем искусственного интеллекта в нашу повседневную жизнь; в-третьих, с созданным массовой культурой (посредством книг, фильмов, сериалов) восприятием искусственного интеллекта как чего-то непостижимого, удивительного, но в то же время, опасного. Именно эти три фактора на наш взгляд ключевым образом отражаются на информационном буме вокруг искусственного интеллекта, что выражается в бесконечных новостных заметках, статьях и видеороликах, паразитирующих на этой теме.

Гипотеза нашего исследования заключается в том, что современные СМИ продолжают тренд на восприятие искусственного интеллекта через призму интеллекта человеческого, возникший на заре появления ИИ.

Терминологически «искусственный интеллект» (artificial intelligence) не подразумевает искусственной личности, некого робота из классической научной фантастики и т. п. Однако он нередко описывается таким образом. Можно выделить два наиболее распространенных типа такого описания:

1. ИИ представляется как самостоятельный субъект действия (например, «Китайский ИИ уже создаёт проекты военных кораблей лучше человека») [1] (для сравнения, та же новость в другом источнике: «В Китае протестировали нейросеть для разработки военных кораблей» [2]).

2. ИИ приписываются целенаправленные решения и действия (напр. «Искусственный интеллект: спасет или уничтожит человечество») [3]. В самой статье подчеркивается, что нейросети самостоятельным интеллектом не обладают.

Приведенные примеры можно многократно умножить.

Действительно, пользователи не всегда могут отличить результаты, выдаваемые современными нейросетями в определенном режиме их работы, с целесообразной активностью личности, но из этого вовсе не следует что можно автоматически переносить на нее все свойства личности. Однако с концептуальной точки зрения важнее учесть не общую необоснованность подобного рода переноса способностей личности на современные системы искусственного интеллекта. Важнее то, что сами разработки ИИ шли в направлении создания такой системы ИИ, которую пользователь был бы не в состоянии отличить от личности человека, и мы наблюдаем крайне успешную реализацию данной технической задачи, но не более того.

Ориентация на создание системы, которая будет в первую очередь восприниматься как человекоподобная, лежит в самом основании компьютерных разработок – знаменитый тест Тьюринга состоял в том, что нужно определить, взаимодействуете ли вы с искусственным интеллектом или с другим человеком [4]. Собственно, успешное прохождение той или иной программой данного теста стало одной из целей современных разработок в области искусственного интеллекта и нередко рассматривается как важный критерий оценки работы его создателей. Важнейшее последствие популярности как статьи, так и самого теста А. Тьюринга в том, что под его влиянием закрепились такая теоретическая конструкция, в которой наблюдаемые действия потенциального искусственного интеллекта сравниваются с проявлениями человеческого сознания. Достижением разработчиков искусственного интеллекта стало считаться такое поведение системы, которое неотлично от того или иного типа поведения существа, заведомо обладающего интеллектом естественным (например, знаменитые роботы Boston Dynamics, напоминающие по образу и «повадкам» собак, не говоря уже об антропоморфных машинах, таких как робот София). Таким образом, речь идет о нахождении и определении критерия, по которому мы могли бы определить, что задача создания полноценного искусственного интеллекта выполнена успешно.

Сам А. Тьюринг открыто говорил в своей статье, что его интересует проблема, могут ли компьютеры именно мыслить, и его аргументы имеют силу, в

первую очередь, для интеллектуалов, людей, для которых мышление является наибольшей ценностью и которые верят в превосходство человека как существа, обладающего данной способностью. Другие составляющие человеческой личности (и среди них – эмоции, переживания) не охватываются тестом Тьюринга.

Однако даже это не освободило предложение А. Тьюринга от справедливой критики.

Наиболее значимым критиком теста Тьюринга «на его собственном поле» проблематизации мышления, понимания, когнитивных способностей стал Дж. Сёрл. Для гипотетического состояния программы, при котором ее можно считать полноценно обладающей когнитивными состояниями, понимающей и т. п., Сёрл вводит термин «сильный искусственный интеллект» (Strong Artificial Intelligence). При этом, «только машины и могут мыслить, и в самом деле только очень особые виды машин, а именно мозги и машины, обладающие теми же каузальными способностями, что и мозги. И это самое главное основание, почему сильный AI так мало рассказал нам о мышлении, ибо ему нечего сказать нам о машинах. По своему собственному определению, он касается программ, а программы – не суть машины» [5, С. 400]. Дж. Сёрл предложил мыслительный эксперимент под названием «китайская комната». Представим, что в комнате заперт человек, не владеющий китайским языком, но располагающий полным набором иероглифов и исчерпывающей инструкцией, как их соединять так, чтобы получился ответ на вопрос, заданный при помощи иероглифов, которые ему просовывают снаружи настоящие китайцы. Тогда у китайцев снаружи может возникнуть впечатление, что с ними общаются на их языке, хотя человек в комнате не понимает диалога, который он «ведет» и просто следует очень сложному алгоритму. Личность не просто пользуется словами по определенным правилам, реагируя на вопросы, и даже при определенных условиях становится инициатором разговора. Личность понимает слова и то, как именно ими пользуется. Тем самым, даже если мы в тесте Тьюринга перестанем отличать, человек с нами общается или «машина», из этого вовсе не будет следовать, что на другом конце коммуникации имеется личность в собственном смысле слова.

Среди современных критериев определения искусственного сознания посредством тестов большое влияние приобрели идеи Б. Герцеля (Ben Goertzel), известного разработчика и новатора в области разработки искусственного интеллекта. В короткой статье, опубликованной в научно-популярном журнале «New Scientist», он предлагает т. н. Robot College Student test: робот с искусственным интеллектом должен как студент пройти полноценный курс обучения и получить диплом. Если он выполнит это успешно, то с высокой вероятностью, по мнению Б. Герцеля, сознание и опыт такой машины можно признать похожими на человеческие, включая способности действовать в сложной обстановке, а также избирательный и творческий подход к получению и обработке информации [6].

Другим известным тестом, предложенным Б. Герцелем, является т. н. «кофейный тест» (The Coffee Test). Исходная идея принадлежит одному из основателей компании «Apple» Стивену Возняку (Steve Wozniak), неоднократно в своих выступлениях высказывавшего мысль, что если робот сможет, войдя в любой дом, сориентироваться в незнакомом окружении и, самостоятельно найдя все необходимое, сварить чашку кофе, тогда можно говорить о наличии у него искусственного интеллекта. Сам С. Возняк сомневался в возможности создания подобного робота. Такое относительно простое действие, как приготовление чашки кофе, оказывается результатом комплекса сложных процессов в сознании человека. Тем самым, для того, чтобы искусственный интеллект смог выполнить данную задачу успешно, требуются не просто большие мощности и разработанная программа, но и определенная «архитектура» различных способностей, среди которых разные виды памяти, способность к активному самообучению, использование ассоциаций и аналогий, мотивация и способность к спонтанному действию, коммуникация, направленная на развитие социальных отношений, а также самоконтроль и определенный образ себя [7].

Тем самым, критериями определения искусственного интеллекта стали, с одной стороны, способности решать сложные познавательные и творческие задачи, самообучаться, а с другой – имитировать социальное поведение человека. Однако, здесь исследователи упираются, в том числе, в ограниченность знаний о нашем собственном интеллекте, не говоря уже о сознании. Проблемы возникают даже с определением уровня умственных способностей человека, которые упираются в однобокий и довольно конкретный тип мышления (как, например, знаменитый тест IQ). Как нам кажется, именно эта область требует глубоких философских исследований, которые позволили бы вывести более четкие критерии определения наличия интеллекта у машин.

В то же время, речь идет именно о разработческой, инженерной концепции определенного компонента современной компьютерной системы. Встраивание элементов искусственной личности помогает решать ряд пользовательских задач. При этом в большинстве случаев мы имеем дело с определенным вариантом интерфейса программы. Одним из наиболее известных типов проектов искусственной личности являются голосовые помощники, отвечающие на вопросы пользователей и выполняющие команды. Они используют нейронные сети и алгоритмы машинного обучения для понимания запросов и поиска ответов. Интересным проектом является чат-бот Replika – приложение, создающее виртуального друга на основе данных пользователя. Приложение Woebot представляет собеседника-терапевта, который помогает людям бороться с депрессией и тревожностью. Не будем забывать о том, что персонифицированные образы уже очень давно используются в игровой индустрии в виде компьютерных персонажей, способных общаться с игроками, принимать решения и т. п.

В заключение наше исследование приводит нас к выводу о том, что «горячие» заголовки новостных изданий продиктованы не только провокационными интенциями. Они имеют более глубинные основания, которые уходят к

самым ранним исследованием искусственного интеллекта. Во многом, именно это основание задало тренд на соизмеримость создаваемых интеллектуальных машин с интеллектом человека, что и отражается как в массовой культуре, так и в СМИ. Актуальность нашего вывода и его практическая значимость в том, что в результате подобной «поддачи» информации в обществе может сформироваться представление о многочисленных мнимых рисках использования ИИ. Разумеется, риски (притом вполне реальные) могут возникать как из-за неправильного использования прорывных технологий, так и в результате особенностей самого устройства и работы ИИ. Однако одной из насущных проблем будет выработка научно обоснованной методологии выявления и оценки подобных угроз с учетом фактора влияния ряда предрассудков на тех, кто несет ответственность за контроль и продвижение разработок и форм использования систем искусственного интеллекта.

Источники:

1. «Китайский ИИ уже создаёт проекты военных кораблей лучше человека» // Вести. URL: <https://www.vesti.ru/nauka/article/3246657> (дата обращения: 16.01.2024).
2. «В Китае протестировали нейросеть для разработки военных кораблей» // Газета.ru. URL: <https://www.google.com/amp/s/m.gazeta.ru/amp/tech/news/2023-03/12/19947811.shtml> (дата обращения: 16.01.2024).
3. «Искусственный интеллект: спасет или уничтожит человечество» // Радио комсомольская правда. URL: <https://radiokp.ru/podcast/dialogi/679569> (дата обращения: 16.01.2024).
4. Turing A. Computing Machinery and Intelligence // Mind. 1950, LIX(236). P. 433–460.
5. Сёрл Дж. Р. Сознание, мозг и программы // Аналитическая философия: становление и развитие. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. С. 376–400.
6. Goertzel B. What counts as a conscious thinking machine? // New Scientist. 2012, September 5.
7. Goertzel B. Artificial General Intelligence: Concept, State of the Art, and Future Prospects // Journal of Artificial General Intelligence. 2014, 35(1). P. 1–46.

I. Y. Larionov (St. Petersburg state university);

V. V. Golovkov (St. Petersburg state university)

THE PROBLEM OF IMITATING HUMAN INTELLIGENCE AND THE DESCRIPTIONS OF AI ENGINEERING IN THE MEDIA

The problem of distortion of the description of artificial intelligence in the media is considered. The deep basis of AI perception through the prism of human intelligence is shown. Modern theoretical methods of determining the presence of in-

telligence in machines are described. The practical significance of the research results is that the distortion of information about AI in the media can contribute to the formation of imaginary risks of using AI in society. One of the main future tasks is to develop a scientifically grounded methodology for identifying real threats, taking into account the prejudices formed by people who control and promote AI.

Artificial intelligence, risks, technologies, information, rationality, media, consciousness, Turing test

УДК 101.1

И. Ф. Литошенко (*Новосибирский Государственный Педагогический Университет*, e-mail: ivan11t@yandex.ru)

КОНЦЕПЦИЯ СЕКСУАЛЬНОСТИ И ЕЕ ВЗАИМОСВЯЗЬ С ДОМОХОЗЯЙСТВОМ В МИРОСИСТЕМНОМ ПОДХОДЕ

В статье рассматривается концепция сексуальности и то, как она осмысливается психологами, из чего делается вывод о значении сексуальности так же для концепции миросистемного анализа. Психологические взгляды на сексуальность синтезируются с миросистемным подходом и делается вывод о значении концепции сексуальности в исследовании домохозяйств.

Миросистемный подход, сексуальность, домохозяйства, капитализм, психоанализ, капитализм, семья

В предыдущей статье [1] мы показали, что для М. Вебера принципиальное значение в структуре семьи играют военные факторы и сексуальность, мы описали значение военного фактора, при этом сексуальность не получила должного раскрытия, поскольку у М. Вебера она определяется больше сексуальной собственностью. Миросистемный анализ расширяет это представление о сексуальности, добавляя в него больше граней. При том, что сексуальность находится на микроуровне, а миросистемный анализ в первую очередь обращает на уровень макро в миросистемном анализе остается потенциал для рассмотрения вопросов сексуальности в том числе. Здесь миросистемный анализ соглашается с левым движением, оформившимся после революции 1968 года.

Сексуальность – это еще одна точка конфликта, в том числе конфликта, который развивается при капитализме, И. Валлерстайн говорит: «Представление о том, что внутри капитализма единственным фундаментальным конфликтом является конфликт между трудом и капиталом и что все прочие конфликты, в основе которых лежат различия по полу, расе, этничности, сексуальной ориентации и т. п., все вторичны, производны или атавистичны, более не разделяются большинством» [2, С. 200]. И. Валлерстайн говорит о том, что конфликт внутри капитализма шире, чем конфликт между трудом и капиталом, при том, мы бы хотели отметить, что и конфликт на основании сексуальной ориентации так же не характеризует всю полноту конфликтов сексуальности в капитализме. Сексуальный конфликт в капитализме гораздо шире и касается практически всех сфер сексуальности, поскольку капитализм покрывает и сексуальность в том числе.

И. Валлерстайн не обращался к теме сексуальности как к значимой в своих работах, при этом постоянно говорит о таких явлениях как расизм и сексизм, которые он рассматривает как равные, их происхождение и значение их

не тождественно, но взаимосвязано. В основе сексизма лежит притеснение по половому признаку, в основе которого лежит сексуальность в целом. В совместной работе с Э. Балибаром пишет И. Валлерстайн говорит: «доктрина универсализма противоречива даже с терминологической точки зрения: ведь само словосочетание «всемирное братство людей» искажает суть универсализма, поскольку подразумевает союз людей только лишь мужского пола. Тем самым из человечества исключаются или по крайней мере ставятся на низшую ступень все люди женского пола. Легко умножить примеры выражений, которые обнаруживают скрытое напряжение между продолжающейся идеологической легитимацией универсализма в современном мире и реальной практикой (равно как материальной, так и идеологической) расизма и сексизма в том же самом мире» [3, С. 39] Э. Балибар же отмечает, что И. Валлерстайн видит в корне сексизма изначальную оппозицию «труда» мужчины и «нетруда» женщины в семье или в домашнем хозяйстве (household), который создает фундаментальный институт исторического капитализма [3, С. 39].

Конфликт сексуальности в капитализме пристально исследуется представителями Люблянской школы психоанализа – С. Жижек, М. Долларом, А. Зупанчич и другими. Для психоанализа сексуальность является основной темой разработки, однако в нем сексуальность рассматривается в первую очередь как часть развития субъекта, в то время как потенциал в психоаналитической теории гораздо шире.

В частности, С. Жижек считает, что капиталистические отношения напрямую влияют на сексуальность, он говорит, что в мире капиталистического потребления сексуальность становится таким же продуктом для потребления, в то время как привычная близость между людьми пропадает. «На современном рынке мы находим множество продуктов, лишенных своих злокачественных свойств: кофе без кофеина, сливки без жира, безалкогольное пиво... И список можно продолжить: как насчет виртуального секса как секса без секса, доктрины войны без потерь (с нашей стороны, конечно)» [4, С. 18]. Капитализм предлагает целую вереницу сексуальных практик, но сам секс остается только на рекламных билбордах, в то время как в паре он исчезает.

Э. Балибар говорит же о том, что этот процесс изменения сексуальных практик и сексуальности в целом связан с социальными отношениями и явлением расизма, поскольку социальные отношения «отношения позволяют полностью понять процесс эстетизации (и следовательно, в силу фетишизма, сексуализации) тела, характеризующий все виды современного расизма, позволяя как выделять «физические черты» низших рас, так и идеализировать «человеческий тип» высшей расы» [3, С. 246]. Таким образом к вопросу сексуальности С. Жижек и Э. Балибар подходят примерно одинаково, только заходят с разных сторон, где С. Жижек двигается со стороны субъекта к социальным отношениям, там Э. Балибар наоборот, от социальных отношений к субъекту. При этом вывод о взаимной связи сексуальности и экономической формации у них оказывается единым.

При этом С. Жижек отмечает, что изменения капитализма подталкивают и к изменению семейных ценностей и ценности нуклеарной семьи постепенно вытесняются из социальных отношений, он говорит: «долгое время сексуальные либертарианцы думали, что моногамное сексуальное подавление необходимо для выживания капитализма – теперь же нам известно, что капиталист может не просто терпимым, но даже активно стимулирующим и эксплуатирующим «извращенные» формы сексуальности, не говоря уже о терпимости к промискуитету в сексе» [5].

Современный капитализм уходит от понятия нуклеарной семьи, это констатирует Д. Брукс, он считает, что «для многих эпоха нуклеарной семьи стала катастрофой. Все формы неравенства жестоки, но семейное неравенство может быть самым жестоким» [6] и при этом Д. Брукс замечает, что «факт заключается в том, что нуклеарная семья медленно распадалась на протяжении десятилетий, и многие другие наши проблемы – с образованием, психическим здоровьем, зависимостью, качеством рабочей силы – проистекают из этого распада» [6] Если исходить из представления Д. Брукса – то именно семья считается корнем проблемы современного капитализма и за ней тянутся остальные вопросы. «На протяжении десятилетий мы ели за все меньшими и меньшими столами, с все меньшим и меньшим количеством родственников» [6]. Мы видим здесь совершенно другой подход, то, что у И. Валлерстайна становится причиной, то Д. Брукс принимает за следствие. При этом мы уже описывали, что уже М. Вебер говорил, что это семья двигается и меняется в следствии изменения общества, если определять это иначе и общество движется вслед за семьей, то невозможным оказывается объяснение массового характера этих изменений и трансформаций происходящих в разных формациях по-разному. Объяснить это становится возможным только обычным желанием людей, которые одновременно отвернулись от того или иного типа семьи, чем Д. Брукс и объясняет происходящие изменения. И если с выводами Д. Брукса согласиться сложно, то тенденции, которые он описывает оказываются интересными.

Американский психолог Дж. Твенге приводит данные о том, что в Америке и европейских странах сексуальная активность людей в целом постоянно снижается. Люди вступают в половую жизнь позднее, а количество сексуальной активности у взрослого населения снижается, так «падение является наиболее резким для девятиклассников, среди которых число сексуально активных подростков сократилось почти на 40 процентов с 1991 года. Теперь в среднем подросток впервые занимается сексом к весне 11-го класса, т. е. целый год спустя, чем средний представитель поколения X. Меньшее количество подростков, занимающихся сексом, способствовало тому, что многие считают одной из самых позитивных молодежных тенденций последних лет: уровень рождаемости среди подростков достиг рекордно низкого уровня в 2016 году, снизившись на 67% по сравнению с современным пиком в 1991 году» [7]. При этом Дж. Твенге лишь констатирует этот факт и говорит о том, что сексуальная активность снижается из-за распространения смартфонов. Действительно, важность распространения смартфонов имеет значение, поскольку смартфоны

предоставляют легкий и быстрый доступ к развлечениям и удовлетворение сексуальной потребности в том числе входит в этот круг развлечений. Но при этом данная тенденция может быть гораздо шире, чем распространение смартфонов, поскольку не отвечает на вопрос о том, почему же люди начинают выбирать между человеком и смартфоном именно смартфон.

Ответ на этот вопрос можно найти в рабочем графике у трудящегося, в капиталистическом рынке всегда продолжается гонка за эффективностью работника, которая фактически увеличивает его трудовое время и уменьшая заработную плату. Э. Балибар пишет «Реально на столь низкие зарплаты соглашаются лишь потому, что наемные работники проживают в домашних хозяйствах (household structures), где жизненный доход по заработной плате составляет лишь сравнительно малую часть совокупного дохода хозяйства. Для поддержания таких домашних хозяйств необходимо значительное вложение труда в ведение примитивной «приусадебной» деятельности и мелкой торговли не только со стороны взрослых мужчин, но и, в много большей мере, со стороны взрослых женщин, детей и даже стариков» [3, С. 46]. В таких условиях ценности семейной близости постепенно угасают, человек больше устает физически и удовлетворение сексуальных потребностей он получает уже через смартфоны или другие гаджеты, поскольку сил для полноценного секса у трудящегося попросту не остается.

С. Жижек отмечает, что не только секс переходит в продукт, но даже реальная близость двух людей десексуализируется и становится не любовными отношениями, а мастурбацией при помощи человека, ведь для того, чтобы испытать близость к другому человеку так же нужно прикладывать усилия, пусть и только эмоциональные. При этом он отмечает, что женщины в таких отношениях становятся вещью, которую мужчина не понимает и не стремится понять. В основе сексуальности по представлению С. Жижека лежит противостояние мужчины и женщины и полное непонимание женщин мужчинами [8, С. 53], что и выражается через тезис Ж. Лакана: «Женщина не существует» [9, С. 49]. Из этих истоков по мнению С. Жижека проистекает и обилие сексуальных девиаций – мазохизм, садизм, бисексуализм и другие. Отсюда же в психоанализе и происходит такое явление как сексизм. По мысли Ж. Лакана дискурс капитализма, предполагает постоянное увеличение потребления без насыщения ловит в свои лапы обычного человека. Впоследствии человек охваченный им уже не может остановиться в поисках все нового и нового удовлетворения собственных потребностей, в том числе и сексуальных без возможности рефлексии.

Таким образом мы можем увидеть, что темы взаимосвязи и сексуальности оказываются важными не только для психологических направлений, но и в миросистемном подходе эта тема оказывается значимой несмотря на то, что сами представители миросистемного подхода редко когда обращают на нее внимание. Эта тема может стать частью дальнейшего более глубокого исследования домохозяйств, для более широкого представления последних.

Источники:

1. Литошенко И. Ф. Формирование понятия домохозяйства в работах М. Вебера // Молодежь XXI века: Образование, Наука, Инновации. Мат-лы XI Всерос. студ. научно-практической конф. с международным участием. Новосибирск: НГПУ, 2023, С. 269–270.
2. Валлерстайн И. После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003.
3. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Логос, 2004.
4. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального. М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002.
5. Жижек С. Ленин, Лукач, Сталин. // URL: https://www.ruthenia.ru/logos/kofr/2002/2002_11.htm#_edn1 (дата обращения: 11.01.2024).
6. Brooks D. The Nuclear Family Was A Mistake // URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2020/03/the-nuclear-family-was-a-mistake/605536/> (дата обращения: 11.01.2024).
7. Twenge J. M. Have Smartphones Destroyed A Generation? // URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2017/09/has-the-smartphone-destroyed-a-generation/534198/> (дата обращения: 11.01.2024).
8. Жижек С. Киногид извращенца: Кино, философия, идеология: сборник эссе. Екатеринбург: Гонзо, 2014.
9. Лакан Ж. (Семинар, книга XX (1972/1973)). М.: Гнозис, Логос, 2011.

I. F. Litoshenko (Novosibirsk State Pedagogical University)

***THE CONCEPT OF SEXUALITY AND ITS RELATIONSHIP WITH
HOUSEHOLD IN THE WORLDSYSTEM ANALYSIS***

The article examines the concept of sexuality and how it is conceptualized by psychologists, from which a conclusion is drawn about the importance of sexuality also for the concept of world-system analysis. Psychological views on sexuality are synthesized with a world-systems approach and a conclusion is drawn about the importance of the concept of sexuality in household research.

World-system analysis, sexuality, households, capitalism, psychoanalysis, capitalism, family

УДК 94(47):791.6

А. В. Ломакин (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: lloomm_98@mail.ru)

ПОД ЗНАКОМ «ИЗОБИЛИЯ»: ПРАЗДНИЧНАЯ ТОРГОВЛЯ КАК ЭЛЕМЕНТ СОВЕТСКОГО МАССОВОГО ПРАЗДНИКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛЕНИНГРАДА 1953–1964 ГГ.)

Статья посвящена организации предпраздничной и праздничной торговли. На источниковой базе делопроизводственных документов партийных и советских властей Ленинграда 1953–1964 гг. описываются соответствующие мероприятия, а также определяется значение разворачивания торговли по «праздничному ассортименту» накануне красных дней календаря.

Советские праздники, Первомай, годовщины революции, праздничная торговля, СССР, Ленинград, «хрущевская оттепель»

Государственные праздники являлись неотъемлемой частью советской культуры, важным идеологическим инструментом на протяжении всего периода существования СССР. Их изучением вот уже более ста лет продолжают заниматься исследователи различной специализации: искусствоведы, культурологи, социологи, историки. Предметом научных изысканий становились такие аспекты советского праздника как: методика проведения [1], художественное оформление [2], идеологическое наполнение [3], коммуникация [4], политика памяти [5] и др. При этом проблематика, связанная с хозяйственной составляющей торжеств, и конкретно с организацией торговли накануне и в дни Первомая и годовщин Великой Октябрьской социалистической революции, не только не становилась объектом отдельного исследования, но в крупных обобщающих работах была почти лишена внимания. Данная статья является попыткой начать заполнение обозначенной исследовательской лакуны. На источниковой базе делопроизводственных документов Ленинграда 1953–1964 гг. анализируются мероприятия по организации торговли накануне красных дней календаря, определяются её особенности, формулируются некоторые выводы о роли и функциях предпраздничной торговли.

Подготовка к массовым торжествам (1 мая и 7 ноября) начиналась задолго до их проведения и охватывала почти все городские «управления»: культуры, милиции, ЖКХ и т. д. В принимаемых за несколько недель, а иногда и месяцев, планах подготовки к празднику горком (в отдельных случаях – обком) КПСС чётко прописывал задачи, назначались ответственные и сроки выполнения. Каждый из таких планов в 1953–1964 гг. содержал и распоряжения управлению торговли Ленинграда.

Так, например, согласно плану подготовки и проведения Первмая 1955 г., организация предпраздничной и праздничной торговли была одним из многочисленных подготовительных мероприятий, в частности поручалось: «...организовать дополнительную торговлю в палатках и ларьках красными флажками, красными бантами и лентами, цветами, шарами и другими изделиями для оформления колонн, обслуживание демонстрантов разъездными и специально установленными буфетами на улицах и площадях...» [6, Оп. 119. Д. 192. Л. 68]. В день торжества по хорошо убранным и украшенным лозунгами и флагами улицам Ленинграда предстояло пройти нарядно одетым демонстрантам с соответствующей праздничной атрибутикой в руках или на костюме. Особым спросом ежегодно пользовались цветы. Так, к Первмоая 1953 г. в город было завезено большое количество нарциссов, в продаже также были тюльпаны и «цветы приколки» [7, Оп. 25. Д. 2251. Л. 13]. Поскольку предложение не могло полностью перекрыть высокий спрос, в традицию вошло изготовление искусственных цветов, силами актива Домов культуры, клубов, кружков «умелые руки», предполагалось привлечение комсомола и пионерии [7, Д. 2594. Л. 4-5]. То же сохранилось в нач. 1960-ых гг. [7, Оп. 41. Д. 258. Л. 16].

Значение имел и внешний облик магазинов, характерно следующее высказывание секретаря ленинградского обкома КПСС Н.Д. Казьмина на заседании первомайской комиссии 1953 г.: «...Магазины нужно привести в порядок, чтобы витрины были в порядке, чтобы не стояли голые мальчишки с хлебом запыленные и грязные» [7, Оп. 25. Д. 2251. Л. 5]. Требовалось обратить особое внимание и сотрудников торговли: «...нужно... чтобы все были хорошо и чисто одеты» [7, Л. 25]. К праздникам готовили также рынки, колхозные павильоны и ряды, палатки государственной и кооперативной торговли [7, Оп. 37. Д. 68. Л. 24]. Особое внимание уделялось санитарно-техническому состоянию. Подобная озабоченность внешним видом торговых точек сохранялась и в 1960-ые гг. Городские власти подчеркивали принципиальность этого вопроса и просили обратить особое внимание представителей районных комиссий на яркое и красочное оформление витрин [7, Д. 1183. Л. 4].

Но не менее важной задачей, чем наведение «внешнего порядка» и праздничного оформления, было создание и благоприятного морального климата, улучшение «порядка внутреннего», создание эффекта «изобилия». Традиционным способом для этого служила торговля по «повышенному» или «праздничному» ассортименту [7, Оп. 25. Д. 2251. Л. 15]. Само словосочетание «праздничный ассортимент» является по сути советским фразеологизмом, отражающим специфическую черту советской экономики – дефицит товаров народного потребления. В праздничные дни его в определенной степени удавалось преодолеть: граждане должны были забыть несколько неприглядные реалии и хотя бы на короткий период ощутить себя в государстве всеобщего «изобилия».

Именно тема «изобилия» и заботы о трудящемся человеке была одним из ключевых лейтмотивов массовых праздников 1953 года. Уже упомянутый сек-

ретарь ленинградского обкома КПСС Н. Д. Казьмин предлагал всерьёз задуматься, «что значит забота о трудящемся человеке»: «...За неделю во все магазины завезти достаточное количество продуктов, чтобы не было нареканий трудящихся. Это вопрос политики [7, Л. 4-5]. Страна, формально завершившая послевоенное восстановление к 1950 году, на деле ещё испытывала большие хозяйственные трудности. Праздник, таким образом, был ещё и временем повышенной заботы о населении (или во всяком случае временем активного создания видимости этой заботы).

Управление торговли обязывалось обеспечивать большой ассортимент мелкой розничной торговли, увеличить продажу вин, яиц, муки и круп, наиболее «трудные позиции», такие как рыба, овощи и фрукты также планировалось выставить на продажу в достаточном количестве, молочных же продуктов явно не хватало [7, Л. 14-15]. Насколько «праздничным» являлся озвученный ассортимент вопрос весьма спорный, ясно лишь, что для праздничной торговли в 1953 году гораздо важнее было наличие товаров, а не их широкое разнообразие. Для сравнения: в 1960 г. первомайская комиссия поручала разработать вопрос о том, сколько колбас дать к празднику и каких она должна быть сортов [7, Оп. 37. Д. 1186. Л. 3].

Для организации предпраздничной торговли бюро исполкома Ленгорсовета принимало соответствующее решение, в котором в точных цифрах обозначались позиции, которые необходимо было поставить в магазины города. Так, в 1955 году к ноябрьским праздникам в Ленинград необходимо было завезти: мяса и птицы 13000 тонн, рыбы 5000 тонн, сельдей 1500 тонн, рыбных консервов 2100 туб, сахара 22000 тонн, сыра жирного 550 тонн, молочных консервов 490 туб [7, Д. 68. Л. 19] и т. д. Однако любопытны не столько абсолютные цифры, сколько соотношение к фондам всего квартала по тем товарам, которые должны были поступить в торговую сеть: до половины (40-43%) продуктовых запасов самых востребованных категорий, рассчитанных на три месяца, поступала в магазины Ленинграда в октябре накануне праздника [7].

Примечателен и ассортимент, который исполком Ленгорсовета обязывал поставить в магазины 1-6 ноября. На прилавках появлялась колбаса, ветчина и буженина, рыба разных видов, включая балычок из морского окуня и анчоусы, а также кондитерские изделия и фрукты [7, Л. 20-21]. Подобный продуктовый набор и по сей день можно считать вполне «праздничным».

Отдельно отметим распоряжение о повышенном объёме поставок в магазины алкоголя и полном обеспечении водочными изделиями в расфасовке по 0,25 литра [7]. Последнее вызывает особый интерес, так как «стандартный» объем бутылки водки был 0,5 литра, знаменитая «пол-литра» (воспетая позже В. С. Высоцким). То есть повышенный выпуск «чекушек» (0,25 литра) был напрямую связан с праздником: небольшую бутылку было удобно прятать в карман, да и чтобы «напиться» требовалось не одна, а несколько бутылок. Власть хорошо осознавала потребности населения в увеселительных напитках в дни торжеств, и старалась не столько сократить продажу горячительного,

сколько урегулировать её и придать потреблению более «культурный» вид. На трибунах была организована продажа разливного пива, а также шампанского [7, Оп. 25. Д. 2251. Л. 22], в последующее годы для почётных гостей также была организована торговля алкоголем.

В сами же дни гуляний в садах и парках организовывалась продажа кваса с цистерн, пирожных и пирожков, леденцов, яблок, фруктовых вод, мороженого. Как вспоминал ленинградец 1931 года рождения: «Ну там вдоль [улиц] стояли столы со всякими бутербродами, фруктами, водой газированной, там что ещё, лимонадами, ну пиво. <...> То есть, в праздничные дни улицы тоже превращались в такой что ли, как бы сказать, ну ресторан, будем так, грубо говоря. Да. По многим улицам, центральным я имею в виду, вот Большой проспект на Васильевском, Большой проспект на Петроградской там и ещё несколько улиц у нас превр[ащались]... там, где шли демонстрации...» [Цит. по: 8, С. 252]. Организовывалась разносная и развозная торговля бутербродами, булочками, сосисками, котлетами, кондитерскими изделиями, фруктами, пивом, безалкогольными напитками и табачными изделиями. Передвижная торговая сеть размещалась в местах сбора и движения демонстрантов, а также в местах гуляний [7, Оп. 37. Д. 68. Л. 24].

Распространена была и продажа с машин различной праздничной атрибутики. Ассортимент подобной продукции середины 1950-ых годов составляли: шелковые пионерские галстуки, комсомольские и пионерские значки, шары со свистом, цветная бумага, предметы «карнавального обихода» – полумаски, конфетти, серпантин, мелкие игрушки. Для детей организовывалась продажа подарков и «праздничных пакетов» [7].

О том насколько эффективным идеологическим средством было развертывание праздничной торговли позволяет судить следующие воспоминания местных жителей о праздниках своей молодости: «...Малышня такая вся счастливая бегала тут. И свистульки свистели, и раскидайчиками кидали, и там флажки, мороженое...», «...Это же мы тогда не могли себе, это же не было обыденным. А это же было...», «...И повседневным. Такого ведь не было, понимаешь?..», «...Да, не было, конечно. Это праздник был...» [Цит. по: 1, С. 249].

Учитывая «товарный голод», развёртывание праздничной торговли накануне и в дни торжеств нужно признать очень эффективной идеей, способной не только увеличить лояльность населения к власти (пусть и кратковременно), но и создать условия для искреннего праздничного настроения. В условиях дефицита ряда товаров широкого потребления и ряда продуктовых позиций (таких как рыба, фрукты, колбасы) власти города распоряжались завезти в магазины необходимые товары, обеспечить город наиболее востребованными продуктами. Ведь праздник – это время, когда можно забыть о бытовых заботах. Торговля, наряду с другими подготовительными мероприятиями, создавала ту самую праздничную «атмосферу», о которой позже с ностальгией вспоминали граждане. Советским праздникам действительно удавалось выделяться среди будней, отличаться от них. Появлялось всё то, чего в обычные дни не было:

музыка по всему городу, яркие цвета и иллюминация, становилось возможным ходить там, где обычно было нельзя – прямо по дорогам, наконец, прилавки и витрины принимали изобилующий, праздничный вид, пусть и временно. Советские власти хорошо понимали значение народной мудрости: «дорого яичко к великому дню».

Источники:

1. Жемчужный В. Как организовать октябрьскую демонстрацию. М.; Л., 1927.
2. Немиро О. В. В город пришел праздник: из истории художественного оформления советских массовых празднеств. Л.: Аврора, 1973.
3. Рольф М. Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009.
4. Барышева Е. В. «В веселом грохоте, в огнях и звонах»: советский праздник в социальном конструировании нового общества. М.: РГГУ, 2020.
5. Бордюгов Г. А. Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. М.: АИРО-XXI, 2010.
6. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 25. Ленинградский городской комитет КПСС (1931–1991), Ленинград.
7. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7384. Санкт-Петербургский городской совет народных депутатов. Санкт-Петербург. 1917–1993.
8. Байбурин А. К., Пиир А. М. Счастье по праздникам // Антропологический форум. 2008. №8. С. 227–257.

A. V. Lomakin (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

***UNDER THE SIGN OF "ABUNDANCE": HOLIDAY TRADE AS AN
ELEMENT OF THE SOVIET MASS HOLIDAY (BASED ON THE
MATERIALS OF LENINGRAD 1953-1964)***

The article is devoted to one of the elements of the Soviet mass holidays, namely the organization of pre-holiday and holiday trade. On the source base of clerical documents of the party and Soviet authorities of Leningrad 1953-1964, the relevant events are described, and the significance of the deployment of trade in the "festive assortment" on the eve of the red days of the calendar is determined.

Soviet holidays, May Day, anniversaries of the revolution, holiday trade, USSR, Leningrad, "Khrushchev thaw"

УДК 165.12

Н. Б. Ломакина (Национальный исследовательский университет «Московский Институт Электронной Техники» «МИЭТ», e-mail: krisyankin@yandex.ru)

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ В УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Рассматриваются особенности, проявляющиеся в коммуникации, существующей внутри управленческих процессов, вызванные таким явлением как глобализация. Исследуется влияние бурного развития информационных и телекоммуникационных технологий на коммуникативный процесс, сделана попытка рассмотреть как управление на уровне организации, так и на уровне государства. Перечислены трудности, с которыми сталкивается исследователь при осуществлении социально-философского анализа коммуникации в управленческом процессе в условиях глобализации.

Коммуникация, управление, глобализация, информация, решение, технологии

Мир, в котором мы живем, четко держит ориентацию на глобализацию – это факт. Независимо от того, считаем ли мы глобализацию безусловным добром или абсолютным злом, этот процесс идет, и нам нужно учиться жить в этих реалиях.

Одной из важных всеобъемлющих сфер, которой коснулось влияние глобализации, является коммуникация – как в целом, так и в отдельных узкоспециализированных сферах. Рассмотрим, какими особенностями обладает коммуникация в управленческих процессах в условиях глобализации.

Коммуникация в широком смысле представляет собой форму информационного взаимодействия людей, а также под этим термином подразумевают социально обусловленный процесс передачи и восприятия информации по разным каналам при помощи различных вербальных и невербальных коммуникативных средств [1, С. 351].

Глобализация представляет собой объективный процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции, охватывающей все сферы жизни общества. Вследствие того, что взаимосвязь и взаимозависимость, проявляемые на разных уровнях (как среди людей, так и на уровне держав), масштабно растут и усложняются, [2] происходит становление планетарного информационного пространства, общемирового рынка товаров, капиталов и рабочей силы, а такие проблемы, как безопасность, межэтнические и межконфессиональные конфликты, техногенное воздействие на природу, интернационализируются [3, С. 43]. И это усиление связей и зависимостей, без

сомнения, оказывает большое влияние на коммуникацию. Кроме того, в условиях глобализации возрастает необходимость в рациональном общении между государствами и народами, что требует осмысления коммуникации как социокультурного феномена.

Помимо образования большого количества связей, растет и скорость связи, появляются новые коммуникационные и информационные технологии, дающие опору глобализации как фактору цивилизационного развития, и это тоже оказывает влияние на коммуникацию, делая ее более оперативной и прямой, и на участников коммуникации, вынуждая их осваивать все новые технические средства связи и передачи информации, интерактивные технологии, быть частью сетевого общества, обладать большой степенью открытости и коммуникативной компетентности, иметь доступ к информации и участвовать в ее производстве, уметь кодировать и декодировать информацию. Очевидно, что наш современник, в отличие даже от человека, жившего всего 40-50 лет назад, имеет совершенно иные коммуникативные возможности – он может одновременно устанавливать и поддерживать контакты с десятками (а порой и сотнями) человек, даже находясь с ними в разных частях света, говоря на другом языке, занимая иное социальное положение. Совсем недавно такие возможности считались фантастическими. Можно сказать, что современная коммуникация формирует новую социокультурную среду, в которой существуют свои правила.

Коммуникация в управлении играет ключевую роль, так как она служит источником информации для принятия решений – основного процесса в управлении [4, С. 55]. То есть коммуникация выступает некой «кровеносной системой» управленческого процесса, поставляя управленцам самое главное – информацию. И если рассматривать ее в таком ключе, то создается ощущение, что коммуникация внутри управленческого процесса не имеет связанных с глобализацией особенностей, но это только на первый взгляд.

Во-первых, развитие телекоммуникационных технологий и формирование единого общемирового пространства позволяют коммуникантам, задействованным в определенном управленческом процессе, взаимодействовать удаленно, без личных встреч. Также и те индивиды, относительно которых принимается управленческое решение (исполнители), могут находиться на удалении от управленцев. Плюсом в этом случае для управленческого процесса будет расширенный выбор участников коммуникации и исполнителей (отпадает необходимость включать в процесс только тех, кто доступен лично, нет привязки к территории проживания, зачастую отпадает нужда в командировках), а минусами – зависимость от средств связи и возможность возникновения неправильной интерпретации и трактовки передаваемой и получаемой в процессе коммуникации информации и сценариев, возникновение нелинейности передачи смыслов.

Во-вторых, повышение оперативности передачи информации и реакций в процессе коммуникации. Время создания и перцептивное время совпадают,

характеризуются синхронностью, и это крайне повышает скорость перемещения информации между коммуникантами. В управленческом процессе наличие возможности решать вопрос в реальном времени, без разрывов, крайне ценно. Это позволяет оперативно решать возникающие вопросы, уточнять неясные моменты, понимать актуальную картину происходящего, актуальный контекст принятия решений, который может иметь огромное значение. Также некоторые ученые как важную характеристику современной коммуникации отмечают континуальность информационного процесса, которая отражает протяженность во времени и не имеет обозримого финала. Восприятие происходит параллельно с реальным временем отображения событий [5, С. 30].

В-третьих, возникновение возможности действовать в едином информационном поле для всех участников коммуникации. Новые способы хранения и передачи информации позволяют всем коммуникантам, где и когда бы они не находились, иметь доступ к актуальной информации, необходимой для принятия адекватных решений.

В-четвертых, изменение возможности приобретения опыта, необходимого для осуществления рациональной управленческой деятельности. Возможность обучиться и приобрести опыт теперь связана не только с деятельностью индивида в реальной жизни, определенный опыт человека в контексте бытия в пространстве-времени идет параллельно с виртуальным опытом. В этом возникающем социокультурном пространстве индивид имеет доступ ко всем временам и пространствам одновременно.

В качестве негативного момента, вызванного глобализацией, хочется отметить, что человек, не овладевший высокотехнологичными средствами коммуникации, даже будучи хорошим профессионалом в своей области, оказывается «за бортом» современных коммуникационных процессов, не может полноценно в них включиться. То есть прогресс коммуникаций в эпоху глобализации порождает новую дифференциацию общества, которое сталкивается с новым характером социальной стратификации.

Также хочется отметить возрастание роли СМИ во всех сферах жизни общества, и управленцы, как неотъемлемая его часть, также будут вынуждены принимать решения «с оглядкой» на ту повестку, которую транслируют в данный момент средства массовой информации.

Если рассматривать коммуникацию в управлении не на уровне организаций, а на уровне государства, то можно заметить следующие особенности, вызванные глобализацией. Государство – наиболее важная политическая организация в современном мире, и его организационная сущность в контексте глобализации проблематизируется и оспаривается [6, С. 119]. Государства вступают во взаимодействие с различными акторами на внутренних и внешних уровнях, образуя таким образом коммуникацию с ними. На внутреннем уровне оно конкурирует с активными субъектами экономической системы общества, социальной сферой, а на внешнем – с различными международными, транснациональными и глобальными структурами и процессами. В результате этих

взаимозависимостей структура международных или глобальных связей трансформируется, за счет чего государству приходится конкурировать с транснациональными корпорациями и международными производственными сетями, и эту борьбу обостряют такие вызванные глобализацией процессы как растущее международное разделение труда, торговая взаимозависимость, развитие информационно-коммуникационных технологий, рост миграции, распространение разнообразных форм глобального управления и международных режимов, эволюция международного права. Создается открытый и полный взаимозависимости мир, в котором государство вынуждено существовать и развиваться, вследствие чего трансформируется лежащая в основе государства рациональность, названная М. Фуко «правительственным разумом». Для поддержания конкурентоспособности государство приобретает такие черты как плюрализм, развитие транснациональных связей, замена вертикальных связей горизонтальными, развитие коммуникативных связей. Все эти черты находят свое естественное отражение в управленческой коммуникации на уровне государства.

Отметим, что при осуществлении социально-философского анализа коммуникации в управленческом процессе в условиях глобализации, необходимо учитывать междисциплинарность поставленного вопроса, которая выражается в необходимости как анализа коммуникации в качестве предмета специального исследования комплекса социально-гуманитарных наук, так и результатов влияния феномена глобализации на динамику коммуникационных процессов, задающую контекст поставленной проблематики. И главными препятствиями к рациональному анализу будет незавершенность глобализационного процесса в настоящий момент и высокая скорость развития технологических и коммуникационных средств, что не дает выработать адекватное понимание фундаментальной значимости коммуникативных процессов и их связи с глобализацией. Невозможно отследить и осознать в должной мере сразу после того, как индивид начал использовать какую-либо новую технологию или тип взаимодействия в глобальном коммуникационном пространстве. Да и само коммуникационное пространство еще только формируется, его потенциал и возможные последствия еще не до конца ясны.

Однако уже сейчас можно сказать, что Интернет и виртуальная реальность в качестве базиса нового мира коммуникации вызвали сдвиг парадигм восприятия и понимания мира. Конечно, в полной мере последствия фундаментальных сдвигов в социальной жизни и ментальности людей возможно будет отследить только пост-фактум, спустя некоторое время, ведь применение новых коммуникационных технологий намного опережает их осмысление, но уже сейчас можно сказать, что Интернет в качестве новой коммуникативной системы глобального мира, его культура и виртуальные технологии прочно вошли в жизнь человека и обязательно нуждаются в концептуальном осмыслении, а сущности этих феноменов имеют важное онтологическое и гносеологическое значение.

Источники:

1. Шушкевич Е. Е. Управление коммуникациями в условиях неопределённости // Молодой ученый. 2020. № 45 (335). С. 350–354
2. Олышанская А. В. Коммуникативный процесс в условиях глобализации: социально-философский анализ: автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата философских наук, Казань, Казанский федеральный университет, 2019.
3. Кривокопа Е. И. К вопросу исследования организационных коммуникаций в условиях глобализации, Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки, № S15, 2006. С. 43–44.
4. Диев В. С. Эпистемологические и методологические аспекты философии управления: неопределенность, риск, принятие решений. Сибирский философский журнал Том 16 # 1/2018. С. 48–64.
5. Самарцев О. Р. Современный коммуникативный процесс. Ч. 1. Основы теории коммуникации: Учеб. пособие. Ульяновск, 2001.
6. Осветимская И. И. Коммуникация как конститутивный признак государства (в контексте глобализации) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 6. С. 118–127.

N. B. Lomakina (National Research University of Electronic Technology)

FEATURES OF COMMUNICATION IN MANAGEMENT PROCESSES IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

The features manifested in communication existing within management processes caused by such a phenomenon as globalization are considered. The influence of the rapid development of information and telecommunication technologies on the communication process is investigated, an attempt is made to consider both management at the organizational level and at the state level. The difficulties that the researcher faces in carrying out a socio-philosophical analysis of communication in the management process in the context of globalization are listed.

Communication, management, globalization, information, solution, technology

УДК 361.2

Т. Лю (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: liutianxi19@gmail.com);

Л. А. Лебединцева (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: llebedintseva879@gmail.com)

КИТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

При поддержке гранта Российского научного фонда №24-28-01448

Экономика и общество издревле были двумя неразрывными частями. В разные периоды взаимоотношения экономики и общества развивались в разных формах. Изучение экономики и общества является важной исследовательской темой современности. Китай с его особой культурой, социальной системой и социальными отношениями, а также быстро развивающейся экономикой, обладает уникальными характеристиками в исследованиях экономической социологии, что вызывает интерес экономических социологов всего мира.

Новая экономическая социология, основная теория, социальные практики рынка, социальная структура, Китай

Этапы развития экономической социологии

Развитие экономической социологии прошло несколько этапов эволюции: первый этап – классическая экономическая социология Дюркгейма, Вебера и др., установившая основные понятия и академические исследования о взаимосвязи экономики и общества для дисциплины. Вторым этапом пришелся на 1950-е годы. Современные экономические социологи в лице Парсонса и Смелзера использовали свой метод теоретической интеграции и в пределах исследовательского объема, установленного классической экономической социологией, основал функционалистскую экономическую социологию. Третий этап представлен статьей Марка Грановеттера «Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности», опубликованной в Американском журнале социологии в 1985 году, которая создала новую экономическую социологию на Западе. Фактически, еще в 1960-х и 1970-х годах Харрисон Уайт начал исследования в области новой экономической социологии – сетевых исследований рынка. В 1987 году Сведберг и его коллеги опубликовали статью под названием «Парадигмы экономической социологии», в которой впервые широко предложили концепцию «новой экономической социологии» англоязычному академическому сообществу [1, С. 74]. Основные теории в основном делятся на три категории: сетевая теория, культурная теория и организационная теория.

Новая экономическая социология считает, что экономические явления встроены в социальные структуры, а все экономические действия встроены в социальные отношения. С точки зрения новых экономических социологов, социальная структура – это своего рода сеть, возникшая на основе структуры анализа социальных сетей. Новая экономическая социология открывает новую перспективу для исследований в области социальных наук, позволяя экономике и социологии вести «диалог» на микроуровне. Исследования новой экономической социологии Китая проводятся в основном китайскими учеными и направлены на изучение китайских проблем. С другой стороны, это указывает на исследования китайских проблем или исследования, основанные на китайском опыте.

Исследования теории китайской экономической социологии зарубежными учеными.

После реформ и открытости бурно развивающаяся рыночная экономика Китая и великие экономические достижения привлекли внимание всего мира. Это также привлекло внимание экономических социологов всего мира, которые провели исследования по этому вопросу. Они предложили три теоретические точки зрения:

1. Теория рыночного перехода – Виктор Ни (Victor Nee), факультет социологии, Корнелльский университет, США.

Виктор Ни выдвинул гипотезу: с двумя совершенно разными экономическими формами – рыночной экономикой и перераспределительной экономикой – связаны два совершенно разных предположения о механизме социальной стратификации; Два общих предположения: гипотеза обесценивание прав и гипотеза повышения человеческого капитала; Три темы: тезис о рыночных правах, тезис о стимулировании рынка и тезис о рыночных возможностях [2, С. 36]. Он указывал, что процесс трансформации социалистической страны от перераспределительной экономики к рыночной экономике неизбежно приведет к закономерным изменениям в системе социальной стратификации, то есть рыночная трансформация в корне изменит ситуацию использования власти как механизма стратификации. в перераспределительной экономике и переводе ее на рыночную как механизм социальной стратификации. Теория рыночной трансформации также полагает, что конечной целью процесса реформ является создание рыночной экономической системы. Фактические кадровые права, институциональные формы, модели собственности и сделок, которые несовместимы с совершенной рыночной экономикой, можно охарактеризовать как переходные проявления.

2. Теория местного государственного корпоративизма – Жан Ой (Jean.C.Oi).

Изучая историю местной экономики Китая, она ввела термин «местный государственный корпоративизм», чтобы описать уникальный рост Китая, возглавляемый государством. Эта теория утверждает, что в Китае процесс децентрализации центральных директив не привел к коллапсу структурной системы правительственных директив [3, С. 86]. Вместо этого командная власть

была делегирована местным органам власти, и эта местная командная структура включила в процесс формирования характеристики отдельных экономических юридических лиц, превратившись в местный государственный корпоративизм. На местном социальном уровне в сельских районах Китая после реформы уездное правительство, представляющее страну, предприятия, представляющие рынок, и деревни, представляющие общество, сформировали взаимозависимую и пересекающуюся модель отношений. С одной стороны, в процессе экономического развития Характеристика многих компаний заключается в том, что они становятся единицами распределения прибыли, с другой стороны, местные органы власти и предприятия тесно интегрированы и даже напрямую управляют предприятиями.

3. Теория социализма на местном рынке – Линь Нан, Университет Дьюка, США.

Линь Нань первым предложил эту теорию. Он выступал за использование перспективы местного рыночного социализма для анализа процесса реформ социалистического общества. Взаимодействие политических факторов и идеологических составляющих на практике, меняющийся характер экономических систем, и местные корни в социокультурных аспектах, различия в этих аспектах составляют реальную ситуацию социалистической реформы. Местный рыночный социализм раскрывает подход, согласно которому реформируемую экономическую систему следует анализировать с учетом следующих трех элементов, включая бюрократическое сотрудничество, рыночное регулирование и местную координацию, среди которых роль местной координации имеет решающее значение [4, С. 53]. Особый акцент сделан на значении социальных сетей, основанных на расширении семейных связей, а основой построения локальной координации являются локальные сети (сети взаимоотношений), преимущественно семейно-родственные отношения [4, С. 72]. Управление и распределение местных внутренних социальных ресурсов не следуют рациональным правилам о правах и обязанностях. Для достижения общих интересов «круга» подсистемы социальных отношений могут идти на уступки в интересах или приносить большие жертвы. При местном рыночном социализме власть верховного лидера исходит из контроля над всеми экономическими, политическими и социальными ресурсами в обществе, а не из политической власти и идеологии иерархической национальной бюрократии.

Исследования китайской теории экономической социологии китайскими социологами

1. Методика «множественного ограниченного синтеза» и теория социальной практики рынка – Ван Хэцзянь (Нанкинский университет)
Книга «Экономика и общество: новый комплексный взгляд», опубликованная профессором Ван Хэцзяном, является первым шедевром под названием «Экономика и общество» в области экономической социологии в Китае [5, С. 24]. Она представляет собой тяжелую работу и академический вклад современных китайских ученых и имеет глубокое влияние на новую ситуацию в Китае. Его

цель состоит в том, чтобы способствовать возвращению сегодняшней экономической социологии к «новому синтезу», и он указывает, что конкретная цель этого возвращения состоит в том, чтобы основать изучение экономических и социальных отношений на «множественном ограниченном синтезе», основанном на разные исследовательские перспективы. Ван Хэцзянь критически унаследовал теорию новой экономической социологии, проанализировал тенденцию трансформации нынешнего экономического и социального порядка в моей стране, а затем изучил основные вопросы взаимоотношений между экономикой и обществом в классической экономической социологии, рассматривая практику действий на микроуровне как точка входа, сосредоточив внимание на объяснении макроскопических явлений, используя социологический причинный анализ в качестве основной аналитической стратегии в сочетании с методами исторического причинного анализа, чтобы достичь органической интеграции стратегий научного объяснения и стратегий гуманистического понимания [6, С. 73]. На основе современной практики трансформации экономики и общества Китая предлагается теория «множественного ограниченного синтеза», изучающая отношения между экономикой и обществом на основе различных исследовательских точек зрения. Это отражает тенденцию перехода от единой перспективной исследовательской парадигмы к комплексной перспективной исследовательской парадигме. В нем особое внимание уделяется всестороннему причинно-следственному анализу экономических и социальных отношений на основе ключевых независимых переменных. Он считал, что экономической социологии необходимо провести двусторонний анализ взаимовлияния экономических и социальных структур – влияние социальной структуры и неэкономических факторов на экономику, а также влияние экономики на экономику. социальная структура и механизм ее реагирования.

Столкнувшись с китайской экономикой и рыночными явлениями в переходный период, он предложил теоретическую основу логики самодействия для изучения характеристик и внутренней логики рыночной практики китайцев и попытался предложить теорию рынка социальной практики. Создание концепции самодействия заложило основу для понимания логики действий китайского народа. Создание концепции самодействия заложило основу для понимания логики действий китайцев. Он выдвинул предположение, что самодействие приведет к реляционному действию, а реляционное действие трансформируется в действие небольших групп или фракций, из чего формируется уникальная для китайцев логика действия, так называемая логика самодеятельности. Он суммировал три основные характеристики китайской рыночной практики: «независимое управление», «сетевое производство» и «фракционная конкуренция». Такая логика рыночной практики является важной причиной того, почему Китай добился больших экономических достижений после реформ и открытости [7, С. 405].

2. Новая комплексная теория «модели взаимосвязи структуры и культуры» – Фу Пин (Центрально-Китайский педагогический университет)

Профессор Фу Пин предложил новую комплексную структуру теоретического анализа «модели взаимосвязи структуры и культуры», объединяющую перспективу социальных сетей и культурную перспективу, объясняющую различные экономические практики и рыночные порядки рынка в разные периоды, а затем объясняющую, почему рынок закончился встроенный. Проблема достижения здорового развития на фоне фактов [8, С. 57]. Он отразил и раскритиковал отношения между рынком и обществом с точки зрения социальной теории, а также предложил политико-структурную основу рыночной социологии. Используя эту структуру как перспективу наблюдения и анализа, он провел углубленное исследование различных цепочек известковой промышленности в Хуэйчжэне после реформы [9, С. 99]. Исторические изменения и трансформация порядка на рынке показывают, как модель взаимодействия между политическими факторами, явной структурой и скрытой структурой меняет структуру рынка и способствует рыночным изменениям. Теоретическая перспектива его исследования может быть более тесно увязана с местными китайскими фактами путем разработки новой интегрированной парадигмы, которая может по-новому интерпретировать несколько важных исследовательских тем в социологии рынка или расширить существующий объем исследований. Эта новая парадигма в определенной степени преодолевает противоречие между этими различными теоретическими взглядами и в определенной степени реализует всеобъемлющие теоретические инновации. Может обеспечить многообещающий путь исследования и теорию среднего уровня для изучения экономической организации, работы рынка, промышленных изменений и формирования рыночного порядка и т. д.

Источники:

1. Granovetter M. Luncheon Roundtable on the New Sociology of Economic Life-ASA Meetings. Washington, DC., Unpublished Outline, 1985.
2. Nee V., Opper S. Capitalism from Below: Markets and Institutional Change in China. Cambridge, MA: Harvard University Press. 2012.
3. Jean C. Oi. The Role of the Local State in China's Transitionl Economy // The China Quarterly. 1995. № 144. С.1132–1149.
4. Lin Nan. Local Market Socialism: Local Corporatism in Action in Rural China // Theory and Society. 1995. № 24(3). С. 301–354.
5. Ван Х. Экономика и общество: новый комплексный взгляд. Пекин, China Social Sciences Press, 2012. (на китайском языке)
6. Wang H. The Logic of Self-Action: A Theoretical Framework for Understanding Chinese Market Practices // China Studies, 2007. № 1. С. 58–220 (на китайском языке)
7. Лю Т. Социальные аспекты рынка в Китае: обзор основных теоретических концепций / Мир, общество, экономика, человек: смена парадигм: материалы

XVII Всероссийской научно-практической конференции, Липецк, 18 апреля 2023 года. Воронеж, НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2023. С. 402–408.

8. Фу П. Логическая отправная точка и исследовательский путь социологии рынка // Zhejiang Social Science. 2013. № 8. С. 97–105. (на китайском языке)

9. Фу П. Изменения и неизменности рыночной социологии в условиях новой экономической нормы // China Social Science Journal, 2015-07-07(006). С.18–210. (на китайском языке)

T. Liu (Saint Petersburg State University);

L. A. Lebedintseva (Saint Petersburg State University)

CHINESE RESEARCH IN THE FIELD OF NEW ECONOMIC SOCIOLOGY

Economy and society have been two inseparable parts since ancient times. At different periods, the relationship between the economy and society developed in different forms. The study of economics and society is an important research topic of our time. China, with its distinct culture, systems and relationships, and the relationships among its rapidly developing economies, has unique characteristics in economic sociology research and has become a hot topic for economic sociologists around the world.

New economic sociology, basic theory, social practice of the market, social structure, Chinese experience

УДК 130.2 + 113

Л. А. Максименко (ФГБОУ ВО Омский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения России, e-mail: msw60@yandex.ru)

АНТИ-АНТРОПНЫЙ ПРИНЦИП ЦИФРОВОЙ МЕТАВСЕЛЕННОЙ

Рассматривается идея корреляции между научными космологическими представлениями о Вселенной, в том числе возникшими в культуре постмодерна, и представлениями о цифровом виртуальном мире – Метавселенной. Предпринимается попытка взглянуть на обе Метавселенные (космологическую и цифровую) с точки зрения антропного принципа. В рамках данной гипотезы о корреляции напрашивается постулирование антропного принципа цифровой Метавселенной. В отличие от аналогичного принципа научной космологии в его разных формулировках и интерпретациях данный принцип уже в указании на антропность намекает на логическую инверсию в своем содержании.

Антропный принцип, космология, Метавселенная, человек, культура

Антропный принцип в космологии

Антропный принцип (АП), оказавшийся в центре острых научных и философских дискуссий XX века, является «одним из фундаментальных принципов современной космологии, который фиксирует связь между крупномасштабными свойствами нашей Вселенной (Метагалактики) и существованием в ней человека» [1].

А. Н. Павленко детально исследовавший АП, пришел к заключению, что появление данного принципа в современной науке имело религиозно-философские основания. АП заполнил мировоззренческую пустоту секуляризованной науки, как бы вернув Вселенной *causa finalis*. Диалектика космологического познания такова, что АП вызревал в новоевропейской культуре как противоположность парадигмы тео-космоцентризма, но для своего завершения требовал антропной телеологии. И она появилась в наиболее радикальной версии данного принципа, обязывающей Вселенную допустить существование в ней наблюдателя. Т. е. если в античности человек мыслился как созданный богами по подобию Космоса, то согласно АП, все произошло наоборот: «Вселенная была “тонко подогнана” для появления человека», способного это понять. Другими словами, АП, осознаваясь с позиций человека, а не Вселенной, является своеобразным пределом европейской рациональности, мировоззренческим стержнем которой была «Речь о достоинстве человека» Пико делла Мирандолы [2, С. 6–44].

Метавселенная в космологии

Слово «вселенная», являясь русской калькой с древнегреческого «ойкумена», буквально означает «населенная, обитаемая» земля. Первоначально это

место, куда поселились для житья, затем пространство, где живет человеческий род, весь белый свет, наконец, все миры, совокупность мироздания [3, С. 141].

В космологии долгое время размеры Вселенной ограничивались размерами Солнечной системы. С открытием других галактик и расширения Вселенной появился термин «Метагалактика», которым обозначалась наблюдаемая область Вселенной. «Метагалактика» – термин из словаря теории Большого Взрыва (Big Bang). Следующая инфляционная теория, созданная в 70–80 годы XX века, существенно раздвинула границы мира, и появился новый термин – «Метавселенная». Многозначная греческая морфема «мета» прибавила к исходному слову смыслы бесконечности. В научной картине мира «мир как целое» поставлен под вопрос. «Общепринятая точка зрения, что наша Метагалактика и есть вся Вселенная, была оставлена. В инфляционной космологии введено понятие Метавселенной. <...> Теперь уже Метавселенная рассматривается как «все существующее» с точки зрения инфляционной космологии, а Метагалактика – как ее локальная область» [4, С. 25].

В сценариях хаотического раздувания Метавселенная мыслится как совокупность множества бесконечно возникающих из квантовых флуктуаций вакуума минивселенных. Автор такого сценария космолог А. Линде Метавселенную называет «многоликой Вселенной», переводя так англицизм «Multiverse», заменивший новоевропейский «Universe». В версии самовосстанавливающейся Вселенной «весь мир в целом будет жить вечно» [5].

Обратим внимание на использование в новых космологических теориях 80-х годов XX века экономического термина «инфляция» как базового. Авторы разных вариантов инфляционных теорий преимущественно американские ученые. Вполне возможно, что на выбор повлиял экономический кризис: спад производства почти всех сферах экономики, стагнация, рост инфляции и чрезмерно высокие процентные ставки.

Постмодерн

История познания человеком окружающего мира указывает на существование определенного параллелизма космологических и социокультурных представлений человека о реальности. Так, изобретение шумерами колеса оказалось следствием их наблюдательности. Только узрев круговращения небесного свода, они смогли воплотить идею круга в технический артефакт, имевший судьбоносное значение для человеческой цивилизации, которая не уже не просто «пошла» и даже не «поехала», а «покатилась» в новый мир. Древнегреческий город-государство (полис) был воплощением действующей «модели» Космоса, но с эпохи Возрождения урбанизация отражала уже изменившиеся представления о космической реальности. Рост городов коррелировал с разрастающимся универсумом. В XX веке урбанистическим аналогом космологической Метавселенной можно считать агломерации [6, С. 265], которые начинались с «беспорядочно растущих мегаполисов» в эпоху интернета [7, С. 259]. Сегодня, агломерации, так же как города, становятся «умными». Заметим, что история европейской цивилизации имела другой вектор: все начиналось с естественного «умного» Космоса, подобием которого стремился

быть человек. Одно из исходных значений слова «космос» – строй (воинский строй как порядок) переносилось на общество. Отсюда «общественный строй» – это тоже космос, только социальный.

В эпоху постмодерна социальность в терминах космоса уже не определить. Она стала «текучей» (З. Бауман), за последние столетия она «сожрала природу и сожрала небо», превратив их просто в интеллектуальное измерение или направление экологического сознания [8].

Социокультурное пространство в эпоху постмодерна осмыслялось с помощью космических метафор – книгопечатание стало открытием «Галактики Гуттенберга» (М. Маклюэн), а изобретение современных технологий и средств коммуникации – открыло новую галактику, воплощающую в себе новую эпоху, – «Галактику Интернет» и «Созвездие Интернет» (М. Кастельс). Присутствие подобных метафор указывает на масштаб изменений – они космические. Это отчасти объясняет заглавную букву в слове «интернет», хотя это всего лишь сокращение от английского *internetwork*.

Интернет появился в конце 60-х годов XX века как децентрализованная «сеть сетей». Идея децентрализации решала не только технические задачи защиты от природных катастроф и ядерных ударов, она была вписана в общий тренд культуры постмодерна. В научной космологии эта идея уже обосновалась с открытием расширения Вселенной. В мировоззренческом плане оно имело не меньшее значение, чем открытие Галилеем принципа инерции – бесцельного, бесконечного движения. Но в коперниковской системе мира, хотя бы оставался центр.

Приватизация и коммерциализация интернета пришлась на 80–90-е годы, превратив его к концу прошлого века в глобальную виртуальную среду. Ее описание производилось в терминах «обживания»: человеческий род «вселялся» в новую среду обитания. До сих пор обсуждаются проблемы «дигитального раскола», «цифрового неравенства» едва ли не как самые важные и первоочередные. В этот же период в мировую политическую повестку входит идея устойчивого развития человеческой цивилизации. Достижение устойчивости связывается, в том числе с новой виртуальной средой, поскольку в «старой» природной среде капитализм достиг пределов своего роста. Теперь встала задача «жить на дивиденды от природы, а не на природный капитал» [9, С. 53].

Существующие многочисленные и довольно разнообразные метафоры интернета передают различные аспекты пространственных отношений и образов новой цифровой среды – виртуальной реальности (место «жизни» (город, деревня, адрес), место общения (агора, кафе, кухня, дом, окна); электронный фронт, киберпространство с кибер-навигацией, веб-серфингом и его образы (сети, паутины, лабиринта), место хранения информации (библиотека, свалка, архив). Самым предельным по масштабу пространственным образом новой среды обитания становится Метавселенная.

Социокультурная реальность оказалась в сетях виртуальности примерно в тот же период, когда в инфляционной хаотической космологии появилось понятие Метавселенной. Инфляционная космологическая теория «не вызвала особого

“бума”» несмотря на свою «чрезвычайную революционность» [4, С. 29] в силу своей органичности духу постмодерна. В 2003 году британский космолог М. Рис усилил этот аргумент постмодернистским гипотетическим выводом из концепции Мультимира. Как будто-то по мотивам знаменитой «Матрицы» Вачовски он предположил, что «мы можем и не быть самой глубокой реальностью». Мы «всего лишь ее симуляция». Другими словами, будучи «порождениями некоторой высшей или сверхъестественной силы», «на самом деле находимся внутри Матрицы» [10]. Услышать такое от Королевского астронома Великобритании – лучшая иллюстрация культуры постмодерна!

Цифровая Метавселенная

В контексте цифровых технологий и виртуальной реальности термин «Метавселенная» (Metaverse) впервые появился в 1992 году в киберпанковской антиутопии американского писателя-фантаста Н. Стивенсона «Лавина». В романе показывалось недалекое будущее, пораженное суперинфляцией и вирусом «Snow Crash», перешедшим из цифровой реальности в биологическую.

Метавселенная – не просто трехмерное виртуальное пространство, в котором живут герои, это то единое (почти в философско-религиозном смысле), что объединяет мир. Метавселенная существует параллельно Реальности, но между ними резкий контраст во всем. Мир виртуальный един и прекрасен, реальный – раздроблен и уныл, «Лавина» в нем наркотик счастья, в виртуальном мире – смертельная угроза, главный герой Хиро в нем отважный самурайский воин, а в реальной жизни он – лишь разносчик пиццы, у которого в Метавселенной «классный дом», в реальности «ему приходится делить на двоих жилой блок 20 на 30». «В Метавселенной вечная ночь, а Стрит всегда сияет ослепительными огнями». В Метавселенной люди вовсе не люди, они – программы, «аватары». Они пользуются своими детально анатомически прописанными аудиовизуальными «телами» для общения, но они могут материализоваться. Примечательно, что материализацией называется появление аватара в Метавселенной, а обратный процесс, наоборот, считается исчезновением: «Материализация из ниоткуда или исчезновение назад в Реальность» – это глубоко личная функция аватара. Удивительно знакомо выглядят невиданные Три Принципа экономической борьбы:

«1. Информация, информация, информация! 2. Абсолютно свободная экономика! 3. Жесткие экологические программы!» [11].

Описанный в романе Стивенсона виртуальный цифровой мир, будто проект того, что входит в нашу жизнь сегодня. Метавселенная – это гигантская информационная воронка. Технически она представляет собой замкнутую регуляторную систему со своим регулятором и мерами принуждения [12]. Контекстуально речь идет о правовом регулировании и контроле государств над трансграничными виртуальными пространствами, которые неизбежно столкнутся с конфликтами. Тем не менее, это как-то лукаво контрастирует с заявлениями Кастельса, о том, что «Интернет на самом деле является технологией освобождения» в новом обществе,

символом которого стала всемирная паутина: у людей возникает «личное ощущение отсутствия контроля, ускорения нашей жизни, бесконечного преследования непонятных целей» [7, С. 315–317].

В самом конце XX века космологи открыли темную материю и темную энергию, заставляющую Вселенную ускоренно расширяться. Какая «темная энергия или материя» заставляет расширяться цифровую «темную Метавселенную» непонятно, но она тоже делает это с ускорением.

В начале 2000-х гг. метавселенные стали одним из популярных концептов, интерес компаний к которым значительно превосходит интерес к технологиям искусственного интеллекта на той же стадии развития. В 2021 году М. Цукерберг переименовал компанию Facebook. Теперь она Meta (ее деятельность запрещена в России как экстремистская), претендующая стать новым «олицетворением интернета» [13]. В 2023 году на Давосском Всемирном экономическом форуме было объявлено о создании глобальной «метавселенной» как о мегапроекте мировых корпораций. Метаवселенная презентуется как базовый элемент нового мирового порядка и определяется как полностью контролируемая всемирная «деревня без границ» [14].

Кастельс, говоря о культуре информационного общества, называет виртуальность реальной [7, С. 237], что верный признак постмодерна, в котором смешиваются реальности и виртуальности. Это порождает много проблем антропологического свойства. Например, в цифровой среде человек вынужденно становится «распределенным», он дефрагментирован, он зависит между «офлайн» «онлайн», под угрозой его целостность, утрачивает чувство реальности [15].

Степень смещения реального и виртуального возрастает: сначала это происходит на уровне концептов и философских спекуляций, потом нарративизируется в научном дискурсе и массовой культуре, в частности, в компьютерных играх, обещающих стать неотличимыми от реальности.

Термин «виртуальная реальность» появился в конце 80-х гг. XX века, а уже через десяток лет представления о симуляции мира вошли в массовую культуру через компьютерные игры, кинематограф. К этому времени на экран вышли фильмы «Матрица» «Тринадцатый этаж» «Экзистенция».

В 2003 г. Ник Бостром представил гипотезу компьютерной симуляции, а почти через два десятка лет она навязчиво появилась в новой книге Д. Чалмерса «Реальность+. Виртуальные миры и проблемы философии» [16]. В ней настойчиво проводится мысль о равноценности бытия в практически неотличимых друг от друга реальностях – виртуальном мире с дополненной реальностью и исходном, физическом и социальном мире. Настоящая виртуальная реальность – это и есть подлинная реальность. Неслучайно в романе Стивенсона материализация относится к Метавселенной. Ее материя виртуальна. Поэтому даже для находящегося в Матрице мир реален, полагает Чалмерс, несмотря на то, что об объектах симуляционного мира можно сказать, что «it-from-bit».

Просматривается нечто общее между гипотезой жизни в «Матрице», запущенной на невероятном вселенском суперкомпьютере, и социальным инжинирингом в нашей земной, многотрудной жизни. Уже сформирована повестка, нарративизация идеи симуляции как бы ее «овеществляет».

Один из идеологов Метавселенной Мэтью Болл в 2021 году заявил, что Метавселенная объединяет физический и цифровой миры, открытые и закрытые платформы, частные и общедоступные сети. Это «единое цифровое целое», существующее бесконечно [17].

А что же человек? Еще в «Галактике Интернета» главное в человеке определялось как «способность к обработке информации и генерации знаний» [7, С. 318]. Если мы спросим, что главное для бота Chat GPT, вероятно, ответ будет схожим. Человек постепенно превращается в терминал, который, кстати, можно запатентовать, массово производить, как предрекает Ж. Аттали. «Что происходит, когда информация становится структурообразующим фактором экономики? Что происходит, когда она превращается в системный критерий выстраивания социальных связей? Ее засасывающая виртуальность, независимость от реального объективного мира, жесткость в навязывании правил взаимодействия со знаковым потоком превращаются в сильнейший прессинг, в результате которого пользователю отведена роль пассивного терминала в этом процессе». В него уже превратился современный «человек офисный», перекачивающий весь свой экзистенциальный капитал в этот информационный поток [18, С. 353].

К. Шваб предрекает размывание границ между технологиями и человеческими существами. Д. Чалмерс говорит о вызове Метавселенной, в которой доминирующие «корпорации выступают в роли всемогущих и всезнающих богов, создающих виртуальные миры», 80-летний М. Рис в интервью 2019 года назвал самыми тревожными вещами в перспективе 10–20 лет злоупотребление кибер- и биотехнологиями.

Если вынести за скобки социально-политические аспекты и вернуться к параллелям с космологией, то напрашивается следующий вывод.

Антропный принцип в сильной формулировке Картера, утверждающий, что Вселенная должна быть такой, чтобы в ней появился человек, теряет свой смысл и антропный пафос в Метавселенной. Подобно тому, как на заре современной эпохи возвышение человека совпало со смертью цельного Космоса античности, на закате постмодерна для бесконечного существования Метавселенной, вобравшей в себя весь контент и опытом ее же пользователей, нужно, чтобы умер человек. Пользователь в цифровой Метавселенной не обязан быть человеком. Тем более, виртуальная реальность изменяет не только восприятие и психологию, но и физиологию. Когнитивные процессы осуществляются на иных ритмах мозга.

Антропный принцип в финалистской формулировке Типлера («Во Вселенной должна возникнуть разумная обработка информации, а однажды возникнув, она никогда не прекратится» [Цит. по 2, С. 6]) может сгодиться для Ме-

тавселенной, даже если информацию будет обрабатывать искусственный интеллект или аватар. Но и в этом случае вряд ли данный принцип может называться антропным.

Источники:

1. Казютинский В. В. Антропный принцип // URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH362f209c5da031600b8c36> (дата обращения: 06.01.2024).
2. Павленко А. Н. Философские проблемы космологии: вселенная из «ничего» или Вселенная из «небытия»? М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 208 с.
3. Колесов В. В. Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности. В 2 т. Т.1. А – О. СПб: Златоуст, 2014. 592 с.
4. Казютинский В. В. Инфляционная космология: теория и научная картина мира // Философия науки. Вып. 6. М.: ИФ РАН, 2000. С. 22–29.
5. Линде А. Многоликая Вселенная // URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/430484 (дата обращения: 14.01.2024).
6. Горнова Г. В., Максименко Л. А. Космос в зеркале города // Преподаватель XXI век. 2010. №2-2. С.257–265.
7. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. 328 с.
8. Джемаль Г. Политическая теология // URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2152> (дата обращения: 14.01.2024).
9. Коняев С. Н. Реальная виртуальность: границы наблюдателя в информационных пространствах искусственно созданных миров // Концепция виртуальных миров и научное познание. СПб: РХГИ, 2000. 320 с.
10. Рис М. Внутри Матрицы // URL: http://www.astronet.ru/db/msg/1190852/rees_rus.html (дата обращения: 14.01.2024).
11. Стивенсон Н. Лавина. М.: Эксмо Fanzon, 2019. 541 с.
12. Незнамов А. Законы Метавселенной: как будет регулироваться жизнь наших аватаров // URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/483145-zakony-metavselennoj-kak-budet-regulirovat-sa-zizn-nasih-avatarov> (дата обращения: 15.01.2024).
13. Что такое метавселенная, которую хочет создать Цукерберг? // URL: <https://tass.ru/ekonomika/12799303> (дата обращения: 15.01.2024).
14. На форуме в Давосе рассказали о создании глобальной «метавселенной» // URL: <https://ria.ru/20230117/metavselennaya-1845533713.html> (дата обращения: 15.01.2024).
15. Труфанова Е. О. Человек в цифровом мире: «распределенный» и целостный // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 3. С. 370-375. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-370-375
16. Chalmers D. J. Reality+: Virtual Worlds and the Problems of Philosophy. New York: W. W. Norton & Company, 2022. 505 p.

17. Метавселенные (metaverses) // URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%9C%D0%B5%D1%82%D0%B0%D0%B2%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5_\(metaverses\)](https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%9C%D0%B5%D1%82%D0%B0%D0%B2%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5_(metaverses)) (дата обращения: 15.01.2024).

18. Джемаль Г. Дауд vs Джалут (Давид против Голиафа). М.: Издательство «Социально-политическая мысль», 2010. 388 с.

L. A. Maksimenko (Omsk State Medical University of the Ministry of Health of Russia)

THE ANTI-ANTHROPIC PRINCIPLE OF THE DIGITAL METAVERSE

The idea of correlation between scientific cosmological ideas about the Universe, including those that arose in the postmodern culture, and ideas about the digital virtual world – the Metaverse is considered. An attempt is made to look at both Metaverses (cosmological and digital) from the point of view of the anthropic principle. Within the framework of this correlation hypothesis, the postulation of the anthropic principle of the digital Metaverse suggests itself. In contrast to the similar principle of scientific cosmology in its various formulations and interpretations, this principle already hints at a logical inversion in its content in pointing to anthropicity.

Anthropic principle, cosmology, Metaverse, man, culture

УДК 101.1: 316"312"

К. С. Максимова (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, e-mail: herrinmic@mail.ru)

ПРИМЕНЕНИЕ ПАРАДОКСОВ В СФЕРЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ РАЗВИТИЯ НАВЫКОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОММУНИКАТОРОВ

Рассматривается явление парадоксов во взаимодействии профессиональных коммуникаторов и искусственного интеллекта в современном мире. Исследуются причины и виды противоречий в данной сфере. Выдвигается предположение практической значимости парадоксов. Предоставляются гипотезы разрешения возникающих противоречий.

Парадокс, противоречие, искусственный интеллект, коммуникация, профессиональные коммуникаторы, развитие, взаимодействие, сотрудничество, творчество

В современном мире стремительно изменяющихся технологий и постоянной адаптации к ним неизбежно возникают противоречия – между старым и новым, консервативным и инновационным, предсказуемым и ещё недостаточно познанным.

Искусственный интеллект стал средством, которое активно участвует в сфере человеческих коммуникаций, на базе чего возникают вопросы о специальности профессиональных коммуникаторов – способен ли искусственный интеллект заменить большую часть их работы и понизить актуальность данной деятельности или наоборот, послужить источником развития навыков общения, выявив новые возможности через противоречия.

В реалиях прогрессивного технологического развития коммуникация играет всё более важную роль в повседневной жизни людей. Возникает вопрос: какие последствия ожидают нас при взаимодействии с искусственным интеллектом и его проявлениями?

Искусственный интеллект в наши дни становится не просто инновационным изобретением, а вполне широкоупотребимым явлением, которое непосредственно влияет на множество областей человеческой деятельности, включая сферу коммуникаций. Однако, несмотря на прогрессивные возможности феномена ИИ, становится всё более очевидно, что взаимодействие с ним сопряжено с определенными сложностями.

Возникающие противоречия можно охарактеризовать как парадоксы.

Парадокс (от греч. *παράδοξος* — странный, неожиданный) — логическое понятие, выявляющее противоречие между разными утверждениями или явлениями, несовместимых на первый взгляд. Использование искусственного

интеллекта (ИИ) в современных коммуникациях вызывает множество парадоксов, которые требуют внимания и дальнейшего исследования.

Какие же парадоксы применения искусственного интеллекта способны возникнуть по отношению к коммуникациям?

Первое, что можно выявить, изучая особенности ИИ – это недостаток человеческого фактора. Вопреки ожиданиям, использование искусственного разума не всегда означает автоматическое улучшение коммуникаций, несмотря на то, что повышается их точность. Неконтролируемое использование ИИ может привести к тому, что человеческий контакт будет сводиться к минимуму, это, в свою очередь, отразится на эмоциональном аспекте передачи информации, что повлияет и на её эффективность. В данной ситуации может даже сложиться впечатление, что коммуникация становится более быстрой и удобной, но при этом она лишается той глубины и значимости, которую мог бы давать исключительно человеческий фактор.

Другой парадокс связан с противоречием между приватностью и доступностью информации. Системы ИИ используются для анализа и обработки колоссального объёма личных данных. Это вызывает опасение с точки зрения нарушения приватности пользователей. Контроль за информацией через базы данных, осуществление которого становится возможным благодаря современным технологиям, создаёт неуверенность и тревожность пользователей. Особенно это касается сферы личных коммуникаций.

Можно также затронуть и следующий пункт. Равенство коммуникационных возможностей, которое предусматривается самой идеей использования искусственного интеллекта в качестве помощника, на самом деле не всегда реализуется на практике, и доступ к коммуникационным возможностям осуществляется неравномерно. С одной стороны, внедрение ИИ в коммуникации может устранить некоторые барьеры и значительно улучшить доступность информации. С другой же стороны, такие изменения вовсе не обеспечивают всеобщий доступ, поскольку далеко не все люди имеют достаточную физическую, экономическую и иные возможности освоения технической стороны использования искусственного интеллекта.

Неожиданным моментом также выступает парадокс способности к самообучению искусственного разума. Совершенно логичным является то, что чем больше данных и информации он обрабатывает, тем точнее и эффективнее становится. Но по мере улучшения ИИ и его способности автоматически обучаться, появляются проблема этики и проблема отсутствия контроля над этими процессами. На данный момент невозможно дать однозначный ответ на вопросы о том, какова природа искусственного интеллекта и способен ли он гипотетически обладать сознанием. Из этого следует вопрос, возможно ли, что искусственный интеллект обучится принимать решения, отличные от тех, на которые он был запрограммирован. Если предположить, что это возможно, то что способно гарантировать соответствие этих решений антропологическим стандартам морали и нравственности? Будет ли искусственный интеллект

иметь принципиальные аксиологические отличия от человека и возможно ли будет ему доверять?

«Анализ парадокса доверия к системе ИИ (...) показывает, что данный тип доверия предполагает принятие работающего технологического принципа, включающего программный код, и не может быть отождествлен с доверием, основанным на межличностном общении» [1, С. 2].

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что использование ИИ в современных коммуникациях создает набор противоречий, нуждающихся в актуальных исследованиях. Вместе с ростом значимости и влияния технологий искусственного интеллекта, нужно разрабатывать и эффективные стратегии управления и применения данного феномена для обеспечения сбалансированного развития коммуникаций в современности.

Можно также затронуть и взаимодействие профессиональных коммуникаторов с искусственным интеллектом, в котором аналогично выявляются парадоксальные моменты.

Коммуникатором можно обозначить специалиста по общению. Профессиональным коммуникатором является тот коммуникатор, который обладает полным осознанием собственных процессов передачи или потребления информации, управляет ими, совершенствует свои умения и навыки, организует процесс передачи или переработки информации на профессиональном уровне.

Профессиональные коммуникаторы являются важной составляющей в мире деловых и прочих отношений. Они должны быть способны эффективно и уверенно передавать информацию между различными сторонами коммуникации, совмещая интересы различных участников коммуникации.

Профессиональные коммуникаторы работают в различных областях человеческой деятельности, от рекламы и связей с общественностью до обучения и консультирования, от бизнеса до политики. Их экспертиза в коммуникационных стратегиях и техниках позволяет достигать поставленных целей и решать проблемы с помощью коммуникации.

Парадоксы, возникающие между профессиональными коммуникаторами и ИИ, представляют собой любопытную и недостаточно затронутую тему. Несомненно, искусственный интеллект имеет множество преимуществ перед человеком в сфере коммуникации, потому что он владеет тем уровнем скорости и точности обработки информации, на который человек принципиально не способен. Помимо этого, искусственному разуму не требуются перерывы на физиологические процессы. Но при этом, на сегодняшний день ИИ не может заменить человека по ряду обстоятельств.

Профессионалы, взаимодействующие с искусственным интеллектом, должны строить данное взаимодействие иначе, нежели это было бы с естественным разумом. Однако, помимо различий имеются и сходства, потому что искусственный интеллект в данной фазе своего развития максимально приближается к естественному по своей форме выражения, обучаясь на базах данных естественного разума.

Чем больше ИИ интегрируется в повседневные процессы на всех уровнях, тем больше профессиональные коммуникаторы ощущают угрозу своей позиции в обществе. Более точные и быстрые алгоритмы искусственного интеллекта могут стать серьезной конкуренцией для людей, ведь у человека уходит куда больше времени на анализ целевой аудитории, подбор подходящих коммуникационных приёмов и методов. Парадоксально здесь то, что технологический прогресс, развивающий искусственный интеллект, инициирован непосредственно человеком, и он же создаёт опасения для своих создателей.

С другой стороны, при всех своих преимуществах, искусственный разум ограничен в понимании человеческих эмоций и глубины контекста. Если профессиональный коммуникатор обладает развитым эмоциональным интеллектом и способностью воспринимать и передавать нюансы эмоций, то это становится ключевым преимуществом перед ИИ. Но и тут, при кажущейся однозначности явления, возникает следующий парадокс – во-первых, человеку может быть довольно проблематично конкурировать с искусственным интеллектом в сферах, где эмоциональная составляющая менее важна, а также наличие аффектов у самого коммуникатора может негативно сказываться на объективности восприятия и передачи информации. Искусственный интеллект даёт возможность абстрагирования от чувств и эмоций.

Как уже упоминалось выше, развитие искусственного интеллекта теоретически способно привести к вопросам этики и безопасности. Бесперебойное функционирование искусственного интеллекта требует строгих правил и норм, чтобы избежать злого умысла в его эксплуатации, в том числе, и самими коммуникаторами. Профессиональные коммуникаторы сталкиваются со следующим парадоксом – вместе с тем, как искусственный интеллект облегчает их работу, он также создает новые проблемы и повышает уровень ответственности специалистов.

Однако, эффективное сотрудничество между человеком и искусственным интеллектом может помочь найти баланс между передовыми технологиями и человеческими навыками, дополняя друг друга в современном информационном пространстве.

Следовательно, раз уж возникновение парадоксальных концептов и процессов неизбежно и логически во многом следует из реалий современности, то можно предположить некий вывод об их использовании в практических целях, то есть, рассматривать не как препятствие, а наоборот, как возможность дальнейшего развития и нахождения нетривиальных выходов из ситуаций. Примерами, иллюстрирующими предыдущее утверждение, могут служить следующие рассуждения.

Возникающие противоречия между искусственным разумом и человеком стимулируют мышление и расширяют интеллектуальную область. Люди вынуждены переосмысливать представления о некоторых фундаментальных аспектах бытия человека, таких как чувства, эмоции, творческие процессы и пред-

ставить их в контексте современной технологии. Искусственный интеллект через контраст и противопоставление помогает лучше понять многие антропологические моменты, понимание которых, в свою очередь, вероятно, положительно скажется на коммуникации, в том числе и профессиональной.

На сегодняшний день можно сказать, что системы ИИ способны успешно создавать подобию произведений искусства, но они лишены эмоциональной глубины, которая является неотъемлемой частью человеческой онтологии. «С данной серией парадоксов связана иного плана трудность, с которой разобратся всё же в первую очередь необходимо в рамках задачи моделирования творческих функций. Непросто выделить чёткий критерий для определения имеет ли место творчество в том или ином случае» [2, С. 4].

Данный парадокс можно использовать для того, чтобы осознавать ценность и уникальность человеческой способности к эмоциональной связи с искусством, включая искусство коммуникации. Разумеется, можно сделать предположение, что в будущем ситуация может измениться, тогда можно будет высказать идею, что развитие ИИ в сторону антропоморфных эмоций и чувств поможет человеку лучше понимать свою собственную природу.

«Парадокс: широкую общественность роботы интересуют в основном только тогда, когда разработчикам удастся хотя бы чуточку их «очеловечить» – научить проявлять эмоции, играть на музыкальных инструментах, двигаться с человеческой грацией и т. д.» [3, С. 1].

Пока люди говорят про искусственный интеллект, искусственный интеллект «говорит» и про людей. На данном витке технологического развития невозможно с уверенностью заявлять, что машина в полной мере обладает когнитивными способностями, аналогичными человеческим, но коммуникация человека с искусственным интеллектом и наблюдение за его поведением многое раскрывает и относительно природы человеческого общения, что, безусловно, может помогать профессиональным коммуникаторам в их работе.

Ещё один парадокс, связанный с искусственным интеллектом, заключается в том, что эти системы могут обеспечивать беспристрастный анализ информации, но лишены этического суждения и моральных аспектов, которые часто влияют на решения. Используя такой парадокс, возможно улучшить социальное и этическое самосознание. ИИ не является подменой моральной ответственности, это инструмент, который потенциально применим для принятия более разумных и справедливых решений.

Подводя итоги, можно сказать, что парадоксы – это не только препятствие, но и возможность развития, поэтому их появление в сфере коммуникаций с той или иной степенью участия искусственного интеллекта способно развить навыки профессиональных коммуникаторов, ведь главная способность современных систем ИИ – самообучение на базе ознакомления с чем-то новым – это то, что искусственный разум перенял от человека.

Источники:

1. Лешкевич Т. Г. Парадокс доверия к искусственному интеллекту и его обоснование, Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2023.
2. Биричева Е. В., Стерхов Е. В. Парадоксальность творческой деятельности и интеллектуальные системы: поиск альтернатив информационному подходу, СПб.: Российский гуманитарный журнал, 2019.
3. Юринова Н. Всех пороботить, М.: Бизнес-журнал, 2015.

K. S. Maksimova (Peter the Great St. Petersburg State Polytechnic University)

APPLICATION OF PARADOXES IN THE FIELD OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE FOR THE DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL COMMUNICATORS' SKILLS

The phenomenon of paradoxes in the interaction between professional communicators and artificial intelligence in the modern world is considered. The reasons and types of contradictions in this sphere are studied. The assumption of practical significance of paradoxes is put forward. Hypotheses of resolution of arising contradictions are provided.

Paradox, contradiction, artificial intelligence, communication, professional communicators, development, interaction, cooperation, creativity

УДК. 349.22

С. В. Максина (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: nachso@mail.ru);

И. Ф. Новикова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: novikova.i.f@mail.ru)

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

Рассматриваются отдельные аспекты развития трудового законодательства в Российской Федерации. Анализируются понятие трудового договора, условия его заключения и в сравнительно-правовом ключе исследуются некоторые новеллы Трудового кодекса РФ. Предлагаются пути решения некоторых затронутых в статье проблем и указывается на необходимость совершенствования действующего законодательства.

Трудовой договор, работник, работодатель, электронный документооборот, защита трудовых прав, совершенствование законодательства

Общественное развитие не стоит на месте, меняются ориентиры научно-технического прогресса, находят более широкое применение в жизнедеятельности общества информационные технологии, труд становится все более технологичным и в отдельных сферах робототехника вытесняет человека. Такие новации требуют и изменений в регулировании трудовых правоотношений, в том числе с целью дополнительной защиты и обеспечения прав работника.

Конституция Российской Федерации в ст. 37 закрепляет свободу труда, устанавливая право каждого как свободно распоряжаться своими способностями к труду, так и выбирать род деятельности и профессию [1]. Указанные конституционные права, как правило, реализуются с помощью трудового договора. Следует отметить, что трудовой договор имеет для физического лица особое социальное значение, поскольку обеспечивается системой юридических гарантий. Так, запрещается не только необоснованный отказ в заключении трудового договора (ст. 64 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) [2], но и принудительный труд, дискриминация в сфере труда (ст. 2 ТК РФ). Право на труд у конкретного работодателя по обусловленной договором трудовой функции гарантируется запрещением перевода работника на другую работу без его согласия (ст. 72.1, 72.2 ТК РФ). Свобода трудового договора обеспечивается правом работника на увольнение по собственному желанию (ст. 80 ТК РФ). Законодателем установлен ряд гарантий, защищающих работника от необоснованных и незаконных увольнений по инициативе работодателя (ст. 81, 82 ТК РФ). В ст. 130 ТК РФ законодательно определена си-

стема основных государственных гарантий по оплате труда работников, включающая, в частности, величину минимального размера оплаты труда в Российской Федерации, федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением законодательства о труде, включающий в себя проведение проверок полноты и своевременности выплаты заработной платы и реализации государственных гарантий по оплате труда. Право каждого работника на условия труда, отвечающие требованиям безопасности и гигиены, закрепленное в ст. 2 ТК РФ, является составной частью конституционного права на охрану здоровья, которое обеспечивается оказанием медицинской помощи в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения бесплатно.

Более того, введение законодателем в ТК РФ ст. 19.1 свидетельствует о приоритете трудовых отношений над отношениями, возникшими на основании гражданско-правового договора и связанными с использованием личного труда [3]. То обстоятельство, что признание отношений, возникших на основании гражданско-правового договора, трудовыми отношениями по заявлению физического лица, являвшегося исполнителем по такому договору, осуществляется судом, в полной мере согласуется с положениями ст. 46 Конституции РФ, гарантирующими каждому судебную защиту его прав и свобод. Введение данной нормы позволило государству в большей степени защитить работника от злоупотреблений со стороны работодателя, прикрывавшего документально возникающие трудовые отношения договорами гражданско-правового характера и несоблюдением в связи с указанным положений, например, о нормативах рабочего времени, времени отдыха, размера оплаты осуществленной работы, мер социальной защиты (оплаты листка нетрудоспособности) и др.

Трудовой договор является одним из основных институтов трудового права, нормы которого, регулирующие его заключение, изменение и прекращение, содержатся в разделе III ТК РФ. Следует отметить, что с момента введения в действие данного нормативного акта – 01 февраля 2002 г. – указанный раздел неоднократно дополнялся и изменялся. Полагаем необходимым обратиться к некоторым новеллам этого раздела и провести их сравнительно-правовой анализ.

Легальное понятие трудового договора, содержащееся в ст. 56 ТК РФ, в 2014 году [4] было дополнено обязанностью работника выполнять определенную соглашением трудовую функцию «в интересах, под управлением и контролем работодателя», что подчеркнуло главенствующую роль работодателя в определении направления трудовой деятельности работника.

Особенностью трудового договора является его субъектный состав, а именно то, что одной из сторон трудового договора всегда является работник. Согласно ст. 63 ТК РФ заключение трудового договора, по общему правилу, допускается с лицами, достигшими возраста шестнадцати лет. Современные реалии потребовали от законодателя внесения отдельных изменений в указанную статью [5], касающуюся требований к необходимости получения согла-

сий указанных в законе лиц при заключении трудового договора с лицом, достигшим возраста четырнадцати лет. К таким лицам ранее относились законные представители несовершеннолетнего и органы опеки и попечительства. В настоящее время последние исключены из указанного перечня, что свидетельствует о приведении трудового законодательства в соответствии с положениями ст. 38 Конституции РФ о том, что забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей. Более того, согласно ст. 37 Гражданского процессуального кодекса РФ [6] по делам, возникающим из трудовых правоотношений, несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет вправе лично защищать в суде свои права, свободы и законные интересы; при этом суд лишь имеет право привлечь к участию в таких делах законных представителей несовершеннолетних.

Согласно изменениям, внесенным в ст. 68 ТК РФ [7], прием на работу оформляется только трудовым договором. При этом на усмотрение работодателя законодатель оставил право издать на основании заключенного трудового договора приказ (распоряжение) о приеме на работу. Это право в настоящее время регламентируется документооборотом конкретного работодателя и его локальными нормативными правовыми актами. Несмотря на то, что указанная новелла в полной мере согласуется с положениями ст. 67 ТК РФ, в силу которых трудовой договор заключается в письменной форме; следует отметить ряд особенностей письменной формы трудового договора, связанных с применением работодателем электронного документооборота.

Согласно ст. 22.1 ТК РФ под электронным документооборотом в сфере трудовых отношений понимается создание, подписание, использование и хранение работодателем, работником или лицом, поступающим на работу, документов, связанных с работой, оформленных в электронном виде без дублирования на бумажном носителе, за исключением документов, предусмотренных законом, к которым относятся: трудовые книжки и формируемые в соответствии с трудовым законодательством в электронном виде сведения о трудовой деятельности работников, акт о несчастном случае на производстве по установленной форме, приказ (распоряжение) об увольнении работника, документы, подтверждающие прохождение работником инструктажей по охране труда, в том числе лично подписываемые работником. Этот перечень, установленный законодателем, не является исчерпывающим, и фактически решение вопроса о продолжении ведения документации о трудовой деятельности работников в бумажном формате полностью оставлено на усмотрение работодателя.

В электронном формате работодатели согласно императивному правилу с 01 января 2021 года обязаны вести лишь фиксацию информации о трудовой деятельности и трудовом стаже работников (электронные трудовые книжки), сведения о которых представлять для хранения в информационных ресурсах Фонда Пенсионного и социального страхования РФ.

Препятствиями для повсеместного введения в сферу трудовых отношений только электронного документооборота являются: отсутствие у работодателей надлежащего технического оборудования, значительные финансовые затраты для его установки, отсутствие персонала, владеющего в необходимой степени соответствующими знаниями, опытом и навыками работы с ним, устойчивее со стороны работников доверие к документам на бумажных носителях, надежности их хранения.

Вводя возможность осуществления электронного документооборота в сферу трудовых отношений, законодатель предложил альтернативу его осуществления посредством Единой цифровой платформы в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России» или информационной системы конкретного работодателя, позволяющей обеспечить выполнение требований трудового законодательства [8].

Вместе с тем, применение электронного документооборота направлено на усиление фиксации факта осуществления трудовой деятельности работников не только работодателями, но и государственными органами, осуществляющими контрольные (надзорные) функции за деятельностью работодателей. Так, например, информация об индивидуальном (персонифицированном) учете в системах обязательного пенсионного страхования и обязательного социального страхования служит основанием для начисления пособий, в том числе по временной нетрудоспособности, назначения страховой или государственной пенсии. Это позволяет обеспечить надлежащую государственную защиту не только трудовых, но и иных социальных прав работников.

Следуя новым тенденциям, трудовое законодательство стало включать в себя положения, учитывающие специфику развития информационных технологий, особенности труда отдельных категории работников, необходимость упрощения процедуры оформления трудовых отношений, соблюдения баланса между интересами работника и работодателя. Полагаем, что потребуются внесение в него и иных изменений, направленных на наиболее эффективную защиту прав и свобод человека и гражданина на основе последующих тенденций развития общества и государства.

Источники:

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета, 04.07.2020, № 144.

2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации, 01.01.2002, № 1, ст. 3.

3. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 421-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с

принятием Федерального закона «О специальной оценке условий труда» // Собрание законодательства Российской Федерации, 30.12.2013, № 52, ст. 6986.

4. Федеральный закон от 05 мая 2014 г. № 116-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 12.05.2014, № 19, ст. 2321.

5. Федеральный закон от 13 июня 2023 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в статью 63 Трудового кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 19.06.2023, № 25, ст. 4448.

6. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023). // Собрание законодательства Российской Федерации, 18.11.2002, № 46, ст. 4530.

7. Федеральный закон от 22 ноября 2021 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 29.11.2021, № 48, ст. 7947.

8. Правила взаимодействия информационной системы работодателя, позволяющей обеспечить подписание электронного документа в соответствии с требованиями Трудового кодекса Российской Федерации, хранение электронного документа, а также фиксацию факта его получения сторонами трудовых отношений, и федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», утвержденные Постановлением Правительства РФ от 01 июля 2022 г. N 1192 // Собрание законодательства Российской Федерации. 11.07.2022, № 28, ст. 5109.

S. V. Maksina (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);

I. F. Novikova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

SOME ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF THE LABOR LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN MODERN REALITIES

The article examines certain aspects of the development of labor legislation in the Russian Federation. The concept of an employment contract, the conditions of its conclusion are analyzed and some novelties of the Labor Code of the Russian Federation are examined in a comparative legal way. The ways of solving some of the problems raised in the article are proposed and the need to improve the current legislation is pointed out.

Employment contract, employee, employer, electronic document management, protection of labor rights, improvement of legislation

УДК 800.92:519.682

Р. И. Мамина (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: maminaraisa@yandex.ru);

С. В. Якупова (Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Подростково-молодежный центр «Охта», e-mail: sveta_yakupova13@mail.ru)

НЕТВОРКИНГОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ЕЕ СПЕЦИФИКА В УСЛОВИЯХ НОВЫХ РЕАЛИЙ

В работе рассматривается нетворкинговая коммуникация, ее виды, современные практики, основные тренды и тенденции. Подчеркивается, что психологический, этикетный и имиджевый аспекты нетворкинговой коммуникации – цифровой и нецифровой, – в условиях новых реалий имеют важное бренд-имиджевое и репутационное значение.

Нетворкинг, нетворкинговая коммуникация, офлайн-нетворкинг, цифровой нетворкинг, digital-взаимодействие, виды нетворкинга, индустрия нетворкинга, культура общения

Нетворкинг (networking: англ. «net» – сеть + «work» – «работа») определяют как коммуникацию, направленную на установление новых полезных контактов и поддержание старых для развития карьеры и бизнеса. Тематика нетворкинга на Западе – отдельное направление неформального делового взаимодействия, правила и условности которого нарабатывались десятилетиями. Сегодня нетворкинг стал одним из глобальных трендов мировой и национальных деловых культур.

Нетворкинг для нашей действительности – это новомодное слово, но умение дружить, умение ладить с людьми, сопереживать и приходить на помощь в трудную минуту – это ценности и особенности нашего менталитета. Именно об этом наши русские пословицы и поговорки, например: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей», «Новых друзей наживай, а старых не теряй», «Сам пропадай, а товарища выручай», «Дерево живет корнями, а человек – друзьями», и др.

Однако для российской бизнес-среды нетворкинг – новое знание со своими условностями и запретами, которое появилось в практиках делового общения совсем недавно и еще находится в процессе освоения, отсюда много вопросов и толкований. Например, в отечественной деловой практике под нетворкингом часто понимают обмен визитками и беглое общение на каком-либо мероприятии. В правильном понимании нетворкинг – это вовсе не случайное ни к чему не обязывающее знакомство, а целенаправленное стратегическое построение сети деловых связей, которое начинается со знакомства и взаимного обмена контактами для дальнейшего длительного общения с интересующими нас людьми.

Важно также отметить, что умение выстраивать деловые контакты не является достаточным условием классического нетворкинга, построение своей деловой сети – это постоянная работа как на расширение и развитие полезных связей, так и на их поддержание. Однако, как считают специалисты, не все наши полезные связи ведут в Рим, а только те, которые называют слабыми.

Американский социолог Марк Грановеттер, известный специалист в области сетевого подхода в экономической социологии, автор концепции «Сила слабых связей», разделяет все социальные связи на две основные категории – на сильные и слабые. При этом категорию «сильные связи» составляют отношения с членами семьи, близкими родственниками, друзьями; категорию «слабые связи» – отношения с коллегами по работе, знакомыми, знакомыми знакомых, друзьями друзей и др. Цель такого формального разделения – показать различие межличностных отношений по критерию частоты и длительности социальных контактов и их значения в плане наибольшей полезности с прагматической точки зрения [1, С. 32–41].

Согласно Грановеттеру, наиболее эффективными и выгодными в межличностном общении, оказываются не сильные, а слабые связи. Это явление ученый объясняет тем, что сильные межличностные связи являются хотя и особо важным для человека каналом информации, но эта информация мало отличается от той, которой располагает он сам. Обмен действительно необходимой информацией происходит именно через слабые связи [2].

Соответственно, в рамках концепции Грановеттера, классический нетворкинг – это построение и поддержание именно слабых связей, носители которых открывают доступ к новым возможностям, новым ресурсам, личностному и карьерному росту, поэтому тематика классического нетворкинга ориентирована только на дальний круг общения, на «силу слабых связей» и их потенциал в целях создания качественного социального капитала.

Однако главная особенность новых реалий – совмещение деловых и личных контактов, при этом речь идет только о людях, с которыми приятно вести дела и проводить время. Новый подход не отрицает силы слабых связей, но дополняет их и силами других связей, которые Грановеттер называет сильными, что продиктовано развитием новых технологий и высоким ритмом современной жизни и, как следствие, очевидными преимуществами пересечения личных и деловых контактов для развития карьеры, бизнеса и не только, что, собственно, всегда отличало российскую национальную деловую культуру.

Развитие цифровых технологий и высокий ритм современной жизни определили не только совмещение в нетворкинге деловых и личных контактов, но и новый вид нетворкинга – цифровой нетворкинг. Соответственно, в настоящее время специалисты по нетворкингу выделяют два основных взаимосвязанных вида нетворкинга в деловой среде: первый, который является классикой данного жанра – «по модели поведения»; второй – «по способу общения», специфика которого зависит от среды взаимодействия: реальной или виртуальной.

В частности, при рассмотрении нетворкинга «по модели поведения» в специальной литературе выделяют позитивный, негативный и смешанный нетворкинг:

– позитивный нетворкинг – это стремление быть полезным новым знакомым, когда человек создает больше отдаст, нежели берет;

– негативный нетворкинг подразумевает приоритетное значение не отдачи, а получения информации и помощи. Однако, если ответная услуга или поддержка не предоставляется, то это уже не считается нетворкингом;

– смешанный нетворкинг находит свое выражение в следующей формуле – «быть полезным и извлекать пользу».

В свою очередь, в зависимости от среды взаимодействия выделяют:

– *офлайн-нетворкинг* – это «живые» контакты с людьми на бизнес-конференциях, выставках, мастер-классах, городских событийных, образовательных и других мероприятиях;

– *онлайн-нетворкинг* – это дистанционное общение – письменные и поведенческие практики; и

– *офлайн-онлайн нетворкинг* – интернет-встречи по видеосвязи с помощью специальных сервисов и др.

В то же время следует отметить, что профессиональные нетворкеры, как правило, пользуются общим термином «онлайн-нетворкинг», не разделяя цифровой нетворкинг на *онлайн* или *digital* и *офлайн-онлайн*, или *fhigital*-взаимодействии. Новый вид интерактивного взаимодействия цифровой эпохи находится в процессе своего становления и пока еще мало используется в деловых кругах. Однако сегодня наблюдается тенденция на активизацию этой тематики в деловом мире, поэтому *fhigital* еще скажет свое слово в виртуальной деловой среде, включая цифровую нетворкинговую коммуникацию [3, С. 104–106].

В целом, независимо от среды взаимодействия в практиках нетворкинга, как одном из видов самопрезентационной коммуникации, специалисты акцентируют внимание на его правилах и на поведенческой культуре нетворкеров. В этой связи особо подчеркивается, что психологическая, этикетная и имиджевая аспекты нетворкинговой коммуникации – цифровой и нецифровой, – в условиях новых реалий имеют важное бренд-имиджевое и репутационное значение.

Сегодня тематика нетворкинговой коммуникации, ее специфика в новых реалиях, с акцентами на правилах нетворкинга и поведенческой культуре, достаточно широко представлена и в печатных изданиях, и в интернет-источниках. Среди западных авторов, специализирующихся в этой области следует назвать: Кейта Феррацци и Гила Петерсила, а также Брайана Грейзера, Девору Зак, Патрика Кинга, Дарси Резак, Томми Сполдинга и др. Среди российских – Елену Вавилову, Андрея Безрукова, Алексея Бабушкина, Максима Чернова, Максима Фельдмана, Диану Скитову и др.

Отдельная большая тема – это поиск полезных контактов. Сегодня особой популярностью пользуются прикладные конференции и другие профильные ивенты, когда гостей собирают на нетворкинг до основного ивента – *pre-party*,

или на завершающую часть конференции – *afterparty* [3, С. 106]. Активно применяются при поиске полезных контактов также цифровые сервисы, приложения и социальные сети, например, такие как «Точка нетворк», «Mesto.», «Random Coffee», «Connect+», «TenChat» и др.

Современная индустрия нетворкинга предлагает большое количество новых площадок и форматов нетворкинга в реальной и в виртуальной среде, а также гибридные формы, в частности, мультиформатные ивенты, которые способны обеспечить комфортный нетворкинг цифрового и нецифрового комьюнити [4, 5, 6, 7]. В целом, на повестке дня – умный комфортный нетворкинг, проповедующий ценность общения и ценность поведенческой культуры в практиках реального и виртуального взаимодействия. В то же время важно отметить, что нетворкинг может состояться в любом как организованном, так и неорганизованном месте. Нетворкинг – это про умение коммуницировать и культуру общения, а не про место общения.

В современных реалиях нетворкинг – это вид коммуникации, направленный на построение и поддержание как слабых, так и сильных связей, реализуемый в реальной и цифровой средах взаимодействия. В то же время специалисты рекомендуют дифференцировать не только ивенты, но и количество предполагаемых контактов, т. е. научиться поддерживать отношения только с теми новыми знакомыми, которые «будут вдохновлять, и отказываться от тех, кто тянет на дно» [8].

Подводя определенные итоги, следует отметить, что нетворкинг – это серьезная работа по умению приобретать и поддерживать полезные связи, берущая свои истоки в умении общаться с другими людьми, которое ценилось во все времена. Сегодня эта работа стала настоящей индустрией комьюнити с четко сформулированными целями, стратегией планирования и организации мероприятий – либо включающих нетворкинг, либо предлагающих нетворкинг как самостоятельное пространство. Причем и в одном, и в другом случаях речь идет о культивации правил нетворкинга с позиций модерлируемого мероприятия, хотя обретение полезных контактов может иметь и случайный характер.

Однако главным в нетворкинге как одном из видов самопрезентационной деловой коммуникации, является личностная и профессиональная ценность самих нетворкеров, их поведенческая культура, что в условиях цифровых реалий, как уже отмечалось, имеет важное бренд-имиджевое и репутационное значение в практиках делового взаимодействия на всех уровнях, включая международный. Отсюда актуализация и нового направления развития современного нетворкинга – создание сильного аутентичного личного бренда, которому доверяют, ставшего одной из ценностных координат как нетворкинговой коммуникации, ее новых реалий и новаций, так и, в целом, современного глобального мира – делового и неделового.

Источники:

1. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sila-slabyh-svyazey> (дата обращения: 14.01.2024).

2. Три теории об эффективной коммуникации: Данбар, Грановеттер, Маккеон // ForbsClub. URL: <https://club.forbes.ru/practicum/tri-teorii-ob-effektivnoj-kommunikacii-danbar-granovetter-makkeon> (дата обращения: 08.01.2024)

3. Мамина Р. И., Пирайнен Е. В. Цифровые деловые коммуникации. СПб.: ИД «Петрополис», 2021.

4. Дюжина пользы // Дюжина пользы: [сайт]. URL: <https://dupol.ru/> (дата обращения: 03.01.2024)

5. Клуб первых // Clubfirst: [сайт]. URL: <https://clubfirst.ru/formats/> (дата обращения: 14.01.2024).

6. Топ-10 бизнес-клубов Петербурга, в которых можно найти связи, поддержку и знания // Питер online. URL: <https://piteronline.tv/top-10-biznes-klubov-peterburga-v-kotoryh-mozhno-nayti-svyazi-podderzhku-i-znaniya/> (дата обращения: 02.01.2024).

7. Networking Camp – Летний нетворкинг слёт для предпринимателей // Networking Camp: [сайт]. URL: <https://networking.camp/> (дата обращения: 02.01.2024).

8. Петерсил Г. Зачем нужны нетворкинг-встречи, и как научиться эффективно общаться и презентовать себя на них, чтобы обеспечить рост своему бизнесу? URL: <https://businessemirates.ae/content/pr/414/12599/> (дата обращения: 09.01.2024).

R. I. Mamina (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);

S. V. Iakupova (Saint Petersburg State Budgetary Institution «Youth Centre «Okhta»)

NETWORKING COMMUNICATION AND ITS SPECIFICITY UNDER NEW REALITIES

Types of networking communication, modern networking practices, main trends and trends in the use of networking are discussed in the article. In the new realities, the psychological, etiquette and image aspects of networking communication – digital and non-digital formats – are of great importance for brand image and reputation.

Networking, networking communication, offline networking, digital networking, fhygital interaction, burnout effect, networking industry, self-presentation business communication

УДК: 02+004

Т. Б. Маркова (Библиотека Российской академии наук; e-mail m.tanucha@rambler.ru)

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В БИБЛИОТЕКАХ: НЕЙРОСЕТИ, ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ, РОБОТЫ

Активное внедрение информационных технологий привело к существенным преобразованиям жизнедеятельности общества. Цифровая трансформация коснулась всех сфер, включая экономику, культуру, образование, библиотечное дело. Характерной тенденцией становится внедрение отдельных компонентов цифровой трансформации в библиотечную деятельность – искусственный интеллект, роботизация, машинное обучение.

Цифровая трансформация, библиотечно-информационное обслуживание, искусственный интеллект, робототехника, информационные технологии

Внедрение информационных технологий во все сферы жизнедеятельности общество повлекло за собой изменения в его социальной структуре, экономической и культурной организации. Появилась возможность быстро и оперативно находить информацию, совершать покупки, читать и покупать книги через интернет-магазины, дистанционно работать и учиться. Возникают новые формы коммуникационного взаимодействия и социальной деятельности. Информационные технологии воспринимаются уже не как средство для повышения качества товара или эффективности производства, а как необходимая среда, в которой реализуется научный и творческий потенциал человека [1, С. 9–10].

Особенностью современного этапа является то, что проникновение Интернета в повседневную жизнь людей изменило их потребности, формы общения и взаимодействия. Вследствие этого трансформируется деятельность социокультурных институтов, меняются их структурные элементы и спектр предлагаемых услуг. В ряде публикаций, посвященных проблемам цифровой трансформации библиотек, отмечается, что цифровая трансформация затрагивает все целевые ориентиры, т.к. меняются потребности конечного пользователя, формирующего спрос на результаты библиотечной деятельности, структурные элементы библиотеки как системы, направления функции задачи [2, 3, 4]. Приоритетными направлениями становятся создание электронных библиотек, внедрение специализированных информационных систем, развитие контента сервисных услуг, обеспечение доступности населения к библиотечно-информационным ресурсам, цифровизация управленческих процессов [5, 6].

С внедрением цифровых технологий модифицируются формы и методы библиотечного обслуживания, способы коммуникации между библиотекарем и пользователем. Характерной тенденцией становится введение отдельных

компонентов цифровой трансформации в библиотечную деятельность (большие данные, искусственный интеллект, цифровые ассистенты, нейросети). Искусственный интеллект используется в машинном обучении, обслуживании пользователей и различных технологических процессах. Его алгоритмы могут быть использованы для классификации и предметизации фондов, индексирования цифровых ресурсов, оптимизации информационно-библиографического поиска, при анализе популярности книг и составлении персональных рекомендаций пользователям, на основании их информационных потребностей. В научной деятельности инструменты ИИ применяются для аналитики данных, в создании датасетов – коллекций больших данных, в междисциплинарных исследованиях [7].

Значимость применения искусственного интеллекта, нейросетей и робототехники уже начинает осознаваться библиотекарями. Несмотря на то, что данные технологии редко упоминаются в стратегических планах, библиотеки активно внедряют приложения ИИ и предлагают пользователям интеллектуальные услуги. Искусственный интеллект интегрируется в библиотечные цифровые коллекции, институциональные репозитории и используются для эффективного библиографического поиска, уточнения метаданных для изображения диссертаций и статей. В целях улучшения качества обслуживания библиотеки предоставляют интеллектуальные виртуальные агенты, справочные роботы или услуги чат-ботов. Однако, как отмечают зарубежные исследователи, большинство этих сервисов основаны на наборе данных предыдущих вопросов и ответов и мало используют инструменты ИИ. Реальными продуктами искусственного интеллекта можно назвать говорящего робота Xiaotu, разработанного библиотекой Университета Цинхуа, и роботов для инвентаризации книг, разработанных библиотекой Нанкинского университета (Китай) [8].

Нейросети используются для автоматизации процесса индексации и классификации книг, для анализа содержания произведений и автоматического присвоения тематических меток; перевода книг на различные языки; для автоматического анализа читательских интересов и предпочтений; обработки аудио- и видеофайлов, для эффективного библиографического поиска, а также создания рекомендательных систем. Наиболее распространенными нейросетями являются YandexGPT 2, GigaChat, TurboTextPro, FusionBrain. Для библиографического поиска удобны аналитические нейросети, которые не генерируют новые тексты, а работают с готовыми массивами данных. Например, нейросеть Яндекс Поиск по архивам распознает архивные документы от середины XVIII до начала XX века по упоминанию имени или топонима в запросе [9].

Высокий спрос на информационные ресурсы и системы управления ими способствовал активному проникновению робототехники в практику зарубежных и отечественных библиотек. Широкое распространение получили так называемые «сервисные роботы», которые непосредственно «общаются» с посетителями библиотек. Они приветствуют их при входе и рассказывают о расположении читальных залов; помогают искать книги на полках и доставлять

их читателю, доставлять литературу из разных книгохранилищ. Например, в Библиотеке им. Джеймса Ханта-младшего Университета Северной Каролины, Калифорнийского государственного университета в Нортридже, университетской библиотеке штата Юта и других действует система компактного хранения и автоматической выдачи книг BookBot, рассчитанная на 2–3 млн изданий. Книги хранятся в 15-метровых стальных боксах. Каждая книга имеет свой оригинальный штрих-код, позволяющий искать ее при помощи виртуального браузера [Цит. по: 10, С. 22]. Система автоматизированной выдачи не только сокращает время поиска и ожидания книг, но и дает возможность их виртуального просмотра и прямого получения.

В книгохранилище Чикагского университета также используется система автоматической выдачи и хранения, основанная на применении радиочастотных идентификационных меток (RFID). Уникальный чип RFID, прикрепленный к каждому изданию, содержит информацию о названии, фамилии автора, годе публикации и других сведениях. При выносе или возврате книги чип сканируется, и в базу данных автоматически вносятся соответствующие изменения [11]. В публичной библиотеке Китченера (Онтварио, Канада) и библиотеке Панималарского инженерного колледжа читатели пользуются мобильным приложением librARi, которое помогает найти книгу с помощью наведения камеры на стеллажи, а также рекомендует дополнительную литературу по теме [12, С. 71].

Первой из отечественных библиотек, применивших роботов, стала Центральная городская детская библиотека им. А.П. Гайдара в Москве. Роботы представляли собой интерактивные мобильные устройства с видеокамерой, микрофоном, сенсорным монитором и использовались в работе с детьми с ограниченными возможностями. В других библиотеках, Центральной городской детской библиотеке им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург), Ивановской библиотеке для детей и юношества роботы проводят экскурсии, информируют о мероприятиях, читают вслух аудиокниги [13]. В 2022 г. в систему каталогизации фондов Российской государственной библиотеки была внедрена технология *Robotic process automation (RPA)*, предназначенная для автоматизации рабочих процессов. Она не только позволила оптимизировать кадры и увеличить производительность труда, но и дала возможность читателям и специалистам работать с большими объемами информации с максимальным погружением в тему. «Уже сегодня благодаря внедрению технологии RPA пользователи РГБ могут работать со всеми выпусками газет, начиная с 1922 г. и не просто в PDF формате, а в качестве полноценного цифрового документа» [14].

Обобщая выше сказанное, отметим, что библиотеки имеют огромный потенциал для реализации инновационных разработок, обучения пользователей взаимодействию с искусственным интеллектом. В настоящее время искусственный интеллект, нейросети и робототехника применяются в библиотечно-информационном обслуживании (доступ к информационным ресурсам, учет запросов пользователей, консультации посетителей), для автоматизации и об-

работки данных, составления персонализированных рекомендаций, распознавания исторических текстов. Они вносят значительный вклад в улучшение качества и эффективности библиотечных услуг, в оптимизацию ресурсов. Возрастает значимость их применения в библиографической и научно-исследовательской деятельности. ИИ и нейросети открывают новые возможности в поиске и обработке информации, в доступности информационных ресурсов и автоматизации технологических процессов.

Источники:

1. Тараненко Л. Г., Дворовенко О. В., Савкина С. В. [и др.] Трансформация библиотечно-информационной деятельности под воздействием цифровой среды: монография / науч. ред.: Л. Г. Тараненко, О. В. Дворовенко; Мин-во культуры Российской Федерации, ФГБОУ ВО «Кемеровский гос. ин-т культуры». Кемерово: Изд-во КемГИК, 2021. 298 с.
2. Кудрина Е. Л., Матвеева Н. С. Непрерывное библиотечно-информационное образование в эпоху цифровой трансформации // Библиотековедение. 2021. Т.70. № 3. С. 321–330.
3. Тикунова И. П. Цифровизация как тренд библиотечного развития // Труды ГПНТБ СО РАН. Новосибирск, 2021. № 3. С. 31–37;
4. Гендина Н. И., Рябцева Л. Н. Изменение функций библиотек в эпоху социокультурных трансформаций: социальные риски и проблема выбора ориентиров // Библиотековедение. 2018. Т.67, №. 3. С. 257–265.
5. Каптерев А. И. Приоритетные направления и задачи цифровой трансформации библиотек // Библиотековедение. 2023. Т. 72, № 2. С. 116–130.
6. Тикунова И. П. Основные направления библиотечной цифровизации // Румянцевские чтения 2019: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (23–24 апр. 2019 г.). Москва, 2019. Ч.3. С. 141–145
7. Каптерев А. И. Когнитивный менеджмент и искусственный интеллект в библиотеках: возможности и особенности // Науч.-техн. б-ки. 2023. № 6. С. 113-134.
8. Huang Y. Cox Andrew M., Cox J. Artificial Intelligence in academic library strategy in the United Kingdom and the Mainland of China // The Journal of Academic Librarianship, Vol. 49, Issue 6, November 2023 статья № 102772. URL: <https://www.journals.elsevier.com/> (дата обращения: 05.01.2024)
9. Чащухина А. Г. Методические рекомендации «Библиотеки и нейросети» – 2023 // Иркутская областная юношеская библиотека [официальный сайт]. URL: <https://www/lib38.ru> (дата обращения 04.01.2024)
10. Нещерет М.Ю. Цифровизация процессов обслуживания в библиотеках – это уже реальность // Библиосфера. 2019. № 2. С. 19–25.
11. Роботы-библиотекари // Постсовременная библиотека: библио. блог о гибридной библиотеке эпохи постмодерна. URL: <https://postlibperm.blogspot.com> (дата обращения: 04.01.2024)

12. Нещерет М. Ю. Робототехника в библиотеке: аспекты применения // Вестник БАЕ. 2019. № 3. С. 68–73.

13. Туева М. Робот-библиотекарь // Коммерсант [офиц. сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/> дата обращения 04.01.2024)

14. В РГБ «приняли на работу» роботов-каталогизаторов // Министерство культуры РФ [офиц. сайт] URL: <https://culture.gov.ru> (дата обращения: 05.01.2024)

Markova T. B. (Library of Russian academy of sciences)

DIGITAL TRANSFORMATION IN LIBRARIES: NEURAL NETWORKS, ARTIFICIAL INTELLECT, ROBOTS

The active introduction of information technologies has led to significant transformations in the life of society. Digital transformation has affected all spheres, including economics, culture, education, and librarianship. A characteristic trend is the introduction of individual components of digital transformation into library activities – artificial intelligence, robotics, machine learning. Examples of their distribution in library practice are given.

Digital transformation, library and information services, artificial intelligence, robotics, information technology

УДК 316.625

В. П. Милецкий (Санкт-Петербургский государственный университет; Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: fales.m@mail.ru);

Д. Н. Черезов (Северо-Западный институт управления РАНХ и ГС при Президенте РФ, e-mail: peterpark@bcl.ru)

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ЭВОЛЮЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕФОРМ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Рассматривается периодизация эволюции политических реформ в современной России в период с 1991 года по настоящее время. Основным содержанием этого периода стало продвижение к иной, чем советский социализм, общественно-экономической формации. На основании анализа периодов постсоветской модернизации политического устройства нашего государства делается вывод о том, что на смену этапам либерально-демократических новаций закономерно приходит возврат к патерналистско-авторитарной модели правления, как более релевантной культурно-историческим традициям нашей страны и обладающей необходимым потенциалом для поддержания стабильности общества и управления страной.

Политические реформы, криминально-олигархический капитализм, вертикаль президентской власти, коллективный Запад, правовое государство

За последние три десятилетия в информационном поле появилось много разнообразных материалов в разных форматах, посвящённых эволюции политических реформ в современной России. В настоящей работе авторы акцентируют внимание на периоде с 1991 года по настоящее время.

Как известно, 25 декабря 1991 года открылся очередной (третий по счёту в XX веке) переходный период, основным содержанием которого стало продвижение к совершенно иной, чем советский социализм, общественно-экономической формации, причём, отдельно и на дистанции от всех других стран СНГ.

Со 2 января 1992 г. в России начался первый этап постсоветской модернизации, инициированный так называемыми «демократами-младореформаторами» под руководством Б. Н. Ельцина, который принято считать временем безудержной вестернизации и выращивания периферийной модели криминально-олигархического капитализма под прикрытием «имитационной демократизации и демократического транзита». На этом этапе радикальных социально-экономических реформ 1990-х годов младореформаторами была взята на вооружение и начала осуществляться провальная для страны стратегия постсоветской вестернизации на основе «Гайдарошкотерапии».

Совокупным результатом эволюции страны на этом отрезке стало попятное движение страны вниз и обратно по формационной лестнице: от советского развитого социализма к выращенному в середине 1990-е годов и укоренившемуся в канун Миллениума такому «мутанту формационного устройства», как криминально-олигархический периферийный капитализм, представлявшего собой сырьевой периферийный придаток развитых стран постиндустриального мира. Именно в условиях данного этапа был также заложен фундамент системы «нового президентского самовластия», которая, обладая некоторыми признаками демократии, не являлась демократической по своей сути. К этому режиму Б. Н. Ельцин шел через конфликт с российским парламентом по вопросу о содержании рыночных реформ в условиях постсоветской модернизации России. Одной из причин этого конфликта стало то, что после сознательного демонтажа Союзного государства Ельциным и младореформаторами с 25 декабря 1991 по 4 октября 1993 года начал осуществляться незадавшийся переход нашей страны от советской модели государственного устройства к парламентско-президентской республике. В этих условиях началось обострение конфликта между президентской командой и российским парламентом по поводу содержания стратегии постсоветской модернизации.

Возникшая конфронтация между депутатским корпусом и Б. Н. Ельциным, несмотря на попытку мирного урегулирования этого конфликта путём проведения 25 апреля 1993 г. референдума о доверии к Б. Н. Ельцину, привела к возникновению фактического двоевластия в стране. В конечном итоге, противоборство законодательной и исполнительной власти вылилось в вооруженное противостояние их сторонников в центре Москвы 3–4 октября 1993 года. В результате применения военной силы президентская сторона сумела одолеть оппозицию и приступила к ликвидации зачатков нарождавшегося парламентаризма и, в первую очередь, – парламентско-президентской республики.

После октябрьских событий 1993 года, в особенности после выборов 12 декабря того же года новой Государственной Думы и референдума по новой Конституции, ситуация в России начала меняться. Новый Основной закон предоставил Б. Н. Ельцину возможность открыть новый этап в политическом реформировании страны, связанный с формированием по сути системы «президентского самовластия». В политико-правовом отношении это выразилось в переходе от не сложившейся российской модели парламентско-президентской республики к фактически президентской республике с сохранением института главы Правительства России. Последнее под руководством В. С. Черномырдина разработало в 1996 году и начало исполнять беспрецедентную по масштабам «Программу социальных реформ в России на период до 2000-го года». Оно приступило к структурной трансформации «формационного мутанта криминально-олигархического рынка» и другим мерам по демократизации и социализации российского государства. Появился шанс на эволюционные пре-

образования еще не укоренившегося криминально-олигархического капитализма в более современную и цивилизованную формационную систему. Однако этому шансу не было суждено исполниться.

Сформированная на основе «семибанкирщины» (Березовский, Ходорковский и др.) одиозная президентская «семья» усмотрела в лице В. С. Черномырдина угрозу отстроенному ими «демократическому по форме, но авторитарному по содержанию политическому режиму», а также своим интересам и монопольному господству. В результате 21 марта 1998 года был издан указ Президента Ельцина об отставке всего Кабинета Правительства. Началась «кадровая чехарда», связанная с поисками преемника главы государства. В результате по предложению демократической оппозиции на роль «антикризисного менеджера» был избран академик Е. М. Примаков, который сумел стабилизировать социально-экономическую ситуацию в стране и предложил единственную за весь период ельцинского правления и по настоящему научно-обоснованную программу трансформации криминально-олигархического капитализма в конвергентную социальную систему, вбирающую в себя все позитивные завоевания советского социализма и такие достижения мировой цивилизации, как социальное рыночное хозяйство, социально-правовое государство и др.

И на этот раз «семья» отвергла последний шанс коренным образом развернуть вектор развития России и прорваться на более высокую ступень «формационной лестницы». После отставки Е. М. Примакова в мае 1999 г. было принято решение избрать на роль ельцинского преемника С. В. Степашина, находившегося 82 дня во главе правительства по 9 августа 1999 г., но не оправдавшего связанных с ним ожиданий. По инициативе «серого канцлера ельцинской семьи» Б. А. Березовского его бесцеремонно отправили в отставку и выбрали на роль премьер-министра В. В. Путина, который уже 31 декабря того же года после «добровольной» отставки Б. Н. Ельцина получил полномочия главы государства. В этот же день он в своей программной статье «Россия на рубеже тысячелетия», опубликованной в Российской газете, обнародовал знаменитый «План Путина». Он прямо заявил, что связывает будущее страны с прорывом к национальной модели постиндустриального общества, включая формирование социального рыночного хозяйства, построение суверенной модели демократического, социального и правового государства, современного гражданского общества и настоящей многопартийной политической системы. После закрепления своего статуса на президентских выборах в марте 2000 года он приступил к реализации заявленной стратегии, к сожалению, до сих пор в полной мере не реализованной.

Итак, на путинском этапе (2000–2008) постсоветской модернизации в России в «нулевые годы» была восстановлена традиционная модель управления страной. В течение двух первых сроков своего президентства В. В. Путин осуществил следующие преимущественно политические меры:

– «нарезал» федеральные округа, во главе которых назначил лояльных ему полпредов;

- «равноудалил» олигархов от власти;
- «усовершенствовал» электоральное законодательство о референдуме и выборах в законодательные и представительные органы власти;
- осуществил переход к пропорциональной системе избрания депутатов (по партийным спискам) и др.

Наряду с этим он сформировал вертикаль президентской власти. В Госдуме утвердилось монопольное господство проправительственной партии «Единая Россия», фракция которой ныне по результатам проведенных 17–19 декабря 2021 года парламентских выборов составляет более двух третей депутатского корпуса. В формационном отношении совокупным результатом исполнения «плана В. В. Путина» в «нулевые» годы стало не только становление бюрократической составляющей в российской модели по сути государственного капитализма, но и его стабилизация, а также известное укоренение этой модели. В этих условиях в марте 2008 года Президентом России был избран Д. А. Медведев.

Начался новый этап политических преобразований, который принято именовать «политической разморозкой», в рамках которого сложился и начал эффективно функционировать «правлящий тандем» в составе Д. А. Медведева и В. В. Путина, продлившийся вплоть до мая 2012 года. Некоторые авторы называют этот временной отрезок «третьим президентским сроком В. В. Путина» (Г. Явлинский). На этом этапе молодой «преемник» не только заявил о том, что «свобода лучше несвободы», но также инициировал издание и введение в действие закона о противодействии коррупции, реформировал милицию в полицию, начал гуманизацию уголовного законодательства и т. д. Более того, в своей статье «Россия, вперед!», вышедшей в свет в сентябре 2009 года, он выдвинул идею «системной модернизации российского общества на принципах Конституции и ценностях демократии».

Вместе с тем инициированная Д. А. Медведевым «политическая разморозка» российского общества за короткое время вызвала неоднозначные подвижки в социуме, в правящем политическом классе, бизнес-сообществе и других сегментах общества. Началась известная фрагментация политического сообщества и бизнес-элиты, а после парламентских выборов в декабре 2011 года возникла и начала разрастаться известная «Болотная стихия». В результате в первой половине 2012 года на горизонте замаячила перспектива формирования новой контрэлиты. В этих условиях народное большинство не только в провинции, но и во многих крупных городах испытало испуг перед «Болотной стихией», обеспокоилось судьбами хрупкой «путинской» стабильности, которая в любой момент могла быть утрачена и привести к неопределенности и дестабилизации в обозримом будущем. К марту 2012 г. в общественном мнении россиян созрел запрос на обуздание «Болотной стихии» и восстановление стабильности и предсказуемости, ответом на который стало избрание В. В. Путиным Президентом России и открытие нынешнего этапа политической эво-

люции страны. Он сразу же взял курс на «закручивание гаек» и восстановление стабильности. Ситуация в стране стала успокаиваться. «Болотная стихия» пошла на убыль и, к концу года, сошла на нет. В это же время на Украине активизировались бандеро-фашистские силы, которые под непосредственным руководством и при прямом участии коллективного Запада и «Глобального Гегемона (США)» организовали и сумели совершить на Украине 22 февраля 2014 г. государственный переворот и свергнуть безвольного президента В. Януковича. Но это была только мнимая «пиррова» победа, поскольку основным результатом переворота стало превращение этой страны за десятилетие в настоящую АнтиРоссию.

Вместе с тем за эти годы в России во исполнение «Плана Путина» состоялось воссоединение Крыма (2014) и четырёх регионов Новороссии (2022) с Россией. На эти исторические события Запад ответил жесточайшими санкциями (18000), усугубившими ситуацию в стране, но не сломившими нас. Ожидавшейся западными политиками экономической и политической дестабилизации в России и свержения Путина не произошло. Более того к началу двадцатых годов ситуация в стране улучшилась. В итоге 1 июля 2020 г. в результате проведения Всероссийского голосования по поправкам в Основной Закон началась масштабная конституционная реформа. Согласно официальным данным при явке 65%, – «за» поправки, благодаря которым существенно укрепился характер Конституции как Основного Закона светского, федеративного, социального, демократического и правового государства, проголосовало 78% от участвовавших в референдуме. Результаты голосования дают В. В. Путину карт-бланш на продолжение постепенных системных преобразований без всяких потрясений.

В этом отношении уместно напомнить известную истину о том, что Россия, как никакая другая страна, привержена «сквозной» логике властвования. В контексте этой логики, как показало нынешнее президентство В. В. Путина, на смену недолгим периодам «оттепелей», «политических разморонок» и другим либерально-демократическим новациям неизменно приходил возврат к более привычной для граждан патерналистско-авторитарной модели правления. Последняя в гораздо большей мере релевантна культурно-историческим (самодержавным) традициям нашей страны, менталитету россиян и обладает более весомым потенциалом для поддержания стабильности общества, управляемости страной из единого государственного центра и др. Последнее подтверждается всем ходом Специальной военной операции (СВО), начавшейся 24 февраля 2022 года, в рамках которой Вооруженные силы нашей страны героически сражаются и побеждают противника в «гибридной прокси-войне», которую Коллективный запад ведёт руками преступного террористического режима Зеленского. Залогом нашей победы выступают авторитет В. В. Путина и прочность Российского государства, а также огромная поддержка Президента народами нашей страны.

V. P. Miletskiy (Saint Petersburg State University; Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»);

D. N. Cherezov (Northwest Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

PERIODIZATION OF THE EVOLUTION OF POLITICAL REFORMS IN POST-SOVIET RUSSIA

The periodization of the evolution of political reforms in modern Russia from 1991 to the present is being considered. The main content of this period was the advance to a socio-economic formation other than Soviet socialism. Based on an analysis of the stages of the post-Soviet modernization of the political structure of our state, it is concluded that the periods of liberal-democratic innovations are naturally replaced by a return to the paternalistic-authoritarian model of government, as more relevant to the cultural and historical traditions of our country and having the necessary potential to maintain the stability of society and government of the country.

Political reforms, criminal oligarchic capitalism, the vertical of presidential power, the collective West, the rule of law

УДК 130.2

Л. С. Московчук (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: lsmoskovchuk@etu.ru)

ДИСКУССИЯ О КУЛЬТУРНОЙ АПРОПРИАЦИИ КАК СИМПТОМ ДЕГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье рассматривается феномен культурной апроприации и проблемы её дефиниции. Неоднозначность этической оценки культурной апроприации связана с одновременным протеканием разнонаправленных культурных процессов – глобализации, деглобализации и глокализации. Показаны перспективы применения этики дискурса в обсуждении культурной апроприации и выработке единого подхода к её этической оценке.

Культурная апроприация, культурный обмен, динамика культуры, этика межкультурной коммуникации, глобализация

Обсуждение различных случаев культурной апроприации регулярно встречается на страницах средств массовой информации и широко обсуждается в социальных сетях. Обсуждение чаще всего проходит в негативном ключе и нередко приводит к бойкотированию и резкому осуждению субъекта, уличённого в культурной апроприации. Культуре отмены подвергаются как никому неизвестные частные лица, так и медийные персоны и крупные компании: в культурной апроприации обвиняют посетителей европеизированных ресторанов национальной кухни, занимающихся йогой без должного погружения в тонкости этой духовной практики, участников маскарадов в костюмах индейцев; регулярные обвинения в культурном пиратстве возникают в индустрии моды и шоу-бизнеса, например случай с Гисси из-за сикхских тюрбанов на модном показе или их рекламная кампания «Одежда для богов Олимпа», обсуждение образа гейши Мадонны и многие другие. Однако в научной среде однозначное отношение к феномену культурной апроприации не выработано, в том числе и по причине отсутствия консенсуса в определении сущности границ, рассматриваемого явления.

Парадигмы глобализации и «плавильного котла» на протяжении XX в. способствовали культурной диффузии – активному знакомству с культурным наследием и традициями различных этнических групп и созданию на их основе новых культурных артефактов. Как писал С. Цвейг в своём эссе «Драма-тизм «Тысячи и одной ночи»: «Открытие Востока – последний из трех этапов грандиозного расширения европейского кругозора» [1, С. 95]. Многие известные западные творцы вдохновлялись культурой иных регионов интерпретировали и переосмысливали элементы иных культур в собственных произведениях (японизм в творчестве Ван Гога, ориентализм М. Равеля и др.), однако

уже в середине XX в. начал формироваться дискурс, негативно относящийся к включению национальных культурных элементов в иной культурный контекст. Критика культурной апроприации напрямую связана с критикой колониализма и глобализации по западному образцу, поэтому в искусствоведении, где впервые затронули вопрос о этичности использования достижений иной культуры, часто наряду с культурной апроприацией использовался термин «культурная колонизация» [2; 3]. В современном кинематографе примером такой культурной колонизации может служить жанр фолк-хоррора, эксплуатирующего элементы традиционных культур для создания особой мистической и экзотической атмосферы, что в конечном итоге подчёркивает и усугубляет различия между цивилизацией и традиционной культурой, демонизирует и искажает образ традиционных культов в глазах неискушённых зрителей.

В лингвистике за термином «культурная апроприация» скрываются как этически-нейтральные заимствования из другого языка, в результате которых иностранные слова становятся полноценными представителями нового языкового пространства и живут собственной жизнью (диссергейт, селфи и т. д.), так и заимствования специфических слов из языков национальных меньшинств или диалектов, которые приводят к деформации и искажению первоначального смысла. Такие искажения часто возникают в результате перевода и приводят не только к усилению негативных этнических стереотипов, но и к дискредитации культурного наследия, как на это указывает Филиппова И. Н. [4].

С точки зрения юриспруденции, вопрос определения и оценки культурной апроприации связан с вопросами защиты авторского права. В статье 31 «Декларации ООН о правах коренных народов» говорится, что «коренные народы имеют право на сохранение, контроль, охрану и развитие своего культурного наследия <...>, а также проявлений их научных знаний, технологий и культуры, включая <...>, традиции устного творчества, литературные произведения, рисунки, спорт и традиционные игры и изобразительное и исполнительское искусство. Они имеют также право на сохранение, контроль, защиту и развитие своей интеллектуальной собственности на такое культурное наследие, традиционные знания и традиционные формы выражения культуры» [5]. Эта норма позволяет на законодательном уровне защищать интересы этносов, но порождает сложные вопросы о принципах «новизны, оригинальности и творческого характера произведений в авторском праве, к институту производных произведений и к случаям их свободного использования, к критериям охраноспособности, а также к фигуре самого автора» [6, С. 380].

Культурная апроприация – достаточно сложная прикладная проблема для профессий, связанных с производством в различных творческих индустриях: мода, реклама, музыка, кинематограф и др. Люди, по роду своей профессиональной деятельности использующие культурные символы, находятся в зоне риска быть обвинёнными в культурной колонизации, так как отсутствуют чёткие и однозначные границы между порицаемым культурным захватом и одобряемым культурным обменом.

В широком значении, культурную апроприацию можно определить, как копирование или использование этнических обычаев, традиций, элементов материальной культуры какого-либо коренного народа или этнического меньшинства представителями другой, обычно доминирующей, культуры или нации в неподобающем контексте и/или коммерческих интересах. Согласно более широкому определению Phyllis Pearson, под этим термином можно понимать любое использование культурных символов и элементов субъектом, не относящимся к культуре-донору [7, С. 1286]. Такое расширительное толкование позволяет рассматривать в качестве примеров культурной апроприации, не только заимствования из экзотических культур, но и заимствования современной массовой культурой языковых единиц, символов и знаков иных исторических эпох (например, коммерциализация советского наследия) и иных культур (коммерциализация религиозных символов или символов воинской славы).

Обострение дискуссий вокруг культурной апроприации и поляризация взглядов на неё связаны с деглобализационными процессами. Предложенное выше определение подчёркивает, что выгодоприобретателем становится не тот, кто является автором (в данном случае под автором понимается этническое сообщество), а тот, у кого есть ресурс и возможности масштабировать культурный образ, символ или элемент. Именно по этой причине в центре громких обсуждений культурной апроприации чаще всего оказываются западные компании или медийные личности. В условиях, когда культура становится частью креативных индустрий и политики, в результате чего она коммерциализируется и идеологизируется, взаимодействие культур более не рассматривается в контексте взаимного духовного обогащения и развития. Обращение с чужим культурным наследием начинает оцениваться как экономическое и/или политическое явление, нарушающее интеллектуальную собственность, что заставляет культуру-донора защищать собственные интересы. Так, упоминавшиеся ранее фолк-хорроры, искажают образ традиционной культуры и усиливают культурную дихотомию «свой» – «чужой» в картине мира зрителя, поэтому их можно рассматривать как инструмент идеологического влияния, направленный против культуры-донора. Именно по этой причине отстаивание культурной идентичности и национальных интересов, характерное для деглобализации, сопровождается критикой апроприации. Однако, желание в любых культурных заимствованиях видеть захват и колонизацию можно расценить как монополизацию культуры, наносящую вред межкультурному диалогу и обмену [8].

Культурное признание в отличие от культурной апроприации предполагает глубокое понимание истории, традиций и культурного контекста. Чтобы обезопасить себя от обвинений в культурной апроприации следует понимать разницу между подражанием чужой культуре (ради следования модным трендам, привлечения внимания, извлечения материальной выгоды) и почитанием культуры через её популяризацию. В любом случае, заимствование не должно оскорблять тех, кто принадлежит к этой культуре, искажать или выставлять в

негативном свете культуру-донора, секуляризовать или обесценивать сакральные символы.

Представляется, что решение вопроса о границах и статусе культурной апроприации не может находиться в экономическом (обсуждение выгодоприобретателей), социально-политическом (обсуждение проблем культурной и национальной автономии, идентичности, сепарации, угнетения), юридическом (обсуждение имущественных и интеллектуальных прав на культурное достояние) или эстетическом контексте (обсуждение проблемы в категориях оригинала и подделки), так как предполагают решение этой проблемы в рамках дихотомии «пострадавший» – «преступник», тем самым закрепляя и поддерживая конфронтацию. Поэтому в интересах развития и обогащения культуры следует в данном контексте обратиться к инструментам, предлагаемым этикой дискурса Ю. Хабермаса и диалогической этикой в целом.

Этика дискурса – путь гармонизации дискуссий о культурной апроприации, так как к её сильным сторонам относится то, что она «не ослабляется ни конституированной природой истины и ценностей, ни культурным релятивизмом морали» [9, Р. 108]. Критика культурной апроприации за то, что она приводит к коммодификации заимствуемой культуры и способствует её десакрализации, не позволяет в полной мере решить возникающие этические проблемы, связанные, в первую очередь, с нарушением границ Другого [подробнее см.: 10]. Смещение дискурса с экономических, социально-политических и эстетических вопросов культурной апроприации в сторону этики дискурса, позволит избежать ситуативности и выработать универсальные критерии этичности межкультурной коммуникации.

Источники:

1. Цвейг С. Собр. соч. в 10 т. Т. 10. М.: «ТЕРРА» – «TERRA», 1997.
2. Coutts-Smith K. Some general observations on the problem of cultural colonialism // *The Myth of Primitivism*. London&NY: Routledge, 2005. P. 5–19.
3. Ziff B. H., Rao P.V. *Borrowed Power: Essays on Cultural Appropriation*. NJ: Rutgers University Press, 1997. 337 p.
4. Филиппова И. Н. Апроприация как стратегия интерсемиотического «перевода» // *Российский социально-гуманитарный журнал*. 2023. №. 3. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2023-2-1335>
5. Декларация Организации Объединённых Наций о правах коренных народов. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/-indigenous_rights.shtml (Дата обр. 10.01.2024)
6. Яценко, А. М., Киселёва Д. М. Апроприация: подход к переосмыслению творчества // *Сб. научных статей по итогам международной научно-практической конференции в рамках Молодёжного цивилистического форума «Частное право без границ» / Под редакцией Б. М. Гонгало, Л. Ю. Добрыниной, Ю. Б. Носковой*. Екатеринбург: ФГБОУ ВО Уральский государственный юридический университет, 2023. С. 378–390.

7. Pearson, P. Cultural appropriation and aesthetic normativity. *Philos Stud* 178, 1285–1299 (2021). <https://doi.org/10.1007/s11098-020-01475-2>
8. Brown M. F. *Who Owns Native Culture?* Cambridge: Harvard University of Chicago Press, 2003, 336 p.
9. Cedar T., Baker M., Bietti L., Détienne F., Nir E., Pallarès G., Schwarz B. Dialogue on Ethics, Ethics of Dialogue: Microgenetic Analysis of Students' Moral Thinking // *Dialogue for Intercultural Understanding*. Springer, 2021. Pp.103–117. DOI: 10.1007/978-3-030-71778-0_8
10. Московчук Л. С. Культурная апроприация как этическая проблема в контексте сохранения культурного наследия // *Наследие веков*. 2022. № 1 (29) С. 54–62.

L. S. Moskovchuk (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

DISCUSSION ON CULTURAL APPROPRIATION AS A SYMPTOM OF DEGLOBALIZATION

The article examines the phenomenon of cultural appropriation and the problems of its definition. The ambiguity of the ethical assessment of cultural appropriation is associated with the simultaneous course of multidirectional cultural processes – globalization, deglobalization and glocalization. The prospects of applying the ethics of discourse in the discussion of cultural appropriation and the development of a unified approach to its ethical assessment are shown.

Cultural appropriation, cultural exchange, cultural dynamics, ethics of intercultural communication, globalization

УДК 355.451, УДК 101.2

С. А. Николаев (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: samsem2001@yandex.ru)

СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД ДЛЯ КОММУНИКАЦИЙ БРЕНДА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Автор данной научной статьи исследует применение семиотического подхода в коммуникациях бренда через социальные сети. В социальных сетях бренды могут использовать различные символы и знаки, чтобы передать свои ценности, миссию, информацию о продуктах и услугах. С помощью семиотического анализа можно выявить наиболее эффективные способы представления информации и понять, как потребители ее воспринимают и интерпретируют. В статье также рассматривается возможность использования семиотического подхода для создания уникального и запоминающегося образа и имиджа бренда, а также для повышения уровня вовлеченности аудитории и улучшения результатов взаимодействия с брендом в социальных сетях.

Семиотика, коммуникация, бренд, социальные сети, подход, восприятие

В коммуникациях бренда в социальных сетях семиотический подход основан на идее о том, что любая коммуникация является системой знаков и символов, который нацелены на передачу определенных значений и смыслов [1]. Данный подход помогает анализировать и интерпретировать эти знаки и символы, чтобы в дальнейшем понять, как именно они формируют мнение и восприятие бренда.

Семиотическая природа коммуникаций является один из основных принципов семиотического подхода. В социальных сетях можно увидеть, как бренд используют различные символы и знаки, такие как фото и видео-контент, цвета, тексты и логотипы для передачи своих ценностей, миссии и идеи. Посредством семиотического подхода можно увидеть, как эти символы и знаки формируют определённое восприятие и эмоциональную связь с аудиторией.

К важным частям семиотического подхода можно также отнести концепцию значимости, так как значимость знаков и символов зависит от социальных, культурных и исторических контекстов [2]. Так семиотический подход дает возможность брендам понять, какие именно знаки и символы релевантны для их целевой аудитории и в дальнейшем использовать их для формирования коммуникационного сообщения в различных каналах.

Рассмотрим еще одну концепцию, связанную с семиотическим подходом, – идея о многозначности символов и знаков. Ключевым аспектом является, что каждый знак и символ может иметь различное значение и толкование в зависимости от контекста и интерпретации [3]. Благодаря семиотическому

подходу бренд может исследовать различные возможности и варианты использование знаков и символом для создания интереса к бренду и повышения вовлеченности в социальных сетях. Таким образом, благодаря семиотическому подходу бренд может более глубоко понять, какие именно символы и знаки они используют и как они воспринимаются аудиторией в социальных сетях.

В современном мире социальные сети являются очень важной площадкой для каждого бренда, поэтому существует большая конкуренция за аудиторию и ее внимание на этой площадке, а правильное использование семиотики становится решающим фактором для привлечение такого самого внимания и создания эмоциональной связи с аудиторией.

В коммуникации бренда в социальных сетях важную роль играют знаки, которые могут быть визуальными, звуковыми или текстовыми. Визуальные знаки включают в себя различные формы, цвета и шрифты, использование которых направлено на выделение бренда среди конкурентов и повышения его узнаваемости. Знаковый подход также используется для дизайна логотипа, в упаковки товара бренда, где знаки становятся ключевым элементом коммуникации с аудиторией [4].

Символы также играют важную роль в формировании коммуникации бренда. Они могут представлять определенные ценности, эмоции и идеи, поэтому бренды могут часто создавать символы для ассоциации с определённым понятием, которые релевантны для их целевой аудитории. Например, технологичная компания используют образ яблока, как символ инновации и прогресса.

Фото и видео-контент несет в себе ключевую ценность для формирования коммуникации бренда в социальных сетях. Визуальный контент, который может быть представлен совершенно в разных форматах, как фотография, 3D дизайн или в любой другой форме, является мощным инструментом для привлечения внимания и создания эмоциональной связи с аудиторией. Именно поэтому для брендов важно уделить внимание визуальной составляющей их контента в социальных сетях, так как посредством него возможно транслировать свой месседжи, повышать имидж бренда и его узнаваемость.

Важно заметить, что при использовании семиотических элементов в коммуникации, необходимо брать во внимание контекст, аудиторию, на которую направлено сообщение, а также цели коммуникации, так как некорректно использование семиотических элементов может спровоцировать недопонимание со стороны аудитории или же негативные ассоциации с брендом [5].

Для современного мира социальные сети стали неотъемлемой частью повседневной жизни людей. Первоначально это является платформой для поддержания связи между людьми, но сейчас это один из самых важных каналов для коммуникации бренда. В условиях высокой конкуренции необходимо обратить особое внимание на то, как влияют семиотические элементы на восприятие бренда со стороны аудитории в социальных сетях.

Семиотика – это наука, изучающая язык знаков и символов, которыми мы выражаем свои мысли и понятия [6]. Семиотические элементы, такие как цвета, логотипы, шрифты и слоганы, используются брендами для создания уникального и запоминающегося образа, который будет выделять среду конкурентов.

Восприятие бренда зачастую складывается не только на основе его визуального представления, но и на основе смысла и значения, которое он несет посредством своего визуального и не только контента. Семиотические элементы, такие как название, слоган и коммуникационные сообщения, играют важную роль в формировании этого значения. Например, использование юмористического слогана и яркого шрифта может вызвать положительные эмоции у аудитории и в дальнейшем превратить его в клиента бренда.

Социальные сети для брендов являются уникальной возможностью для взаимодействия с потребителем, так как через них возможно установить эмоциональную связь и повысить лояльность к бренду. Так влияние семиотических элементов в социальных сетях становится особенно заметным при анализе обратной связи на определённые коммуникационные сообщения бренда в ленте. Например, использование символа сердца в качестве формата обратной связи может вызывать положительные эмоции и ассоциироваться с чувством любви к бренду.

Однако, важно отметить, что семиотическая стратегия может работать как в положительном, так и в отрицательном направлении. Неправильное или негативное использование семиотических элементов может вызывать волну негативных реакций у целевой аудитории и оказать отрицательное влияние. Например, неправильное использование культурных символов страны может вызвать резко негативную связь с брендом, так бренд Dolce & Gabbana некорректно использовал образ из китайской культуры в своей рекламе, что вызвало шквал негативной реакции к бренду и ее продукту [7].

Семиотика – это наука, изучающая знаки и символы, их интерпретацию и воздействие на сознание людей. Применение семиотического подхода в разработке разнообразного контента для социальных сетей бренда дает им возможность создавать более привлекательный, уникальный, интересный, релевантный и запоминающийся контент для целевой аудитории [8].

Основная цель бренда в социальных сетях – привлечь внимание и поддерживать интерес аудитории. Использование символов и знаков, которые вызывают ассоциации с определёнными эмоциями и ценностями, является одним из основных способов применения семиотического подхода для бренда в социальных сетях. Например, использование ярких цветов и узнаваемых символов создает ассоциации с радостью, определёнными продуктами или стилем жизни.

Использование эмоциональной истории является важным аспектом семиотического подхода. Рассказывая релевантные истории, бренды создают эмоциональную связь с аудиторией и умело включают рекламу или продуктовые

предложения в свой контент, что он выглядит максимально навито для аудитории [9]. Это позволяет брендам не только создать контент, который вызывает интерес, но и продвигает конкретные продукты или услуги.

На основе вышесказанного можно сделать вывод, что удачное использование семиотического подхода может существенно повысить эффективность коммуникаций бренда в социальных сетях, привлечь внимание целевой аудитории и укрепить связь с ней. Семиотический подход позволяет передавать информацию через визуальные, текстовые и звуковые знаки, что помогает бренду выделиться на фоне конкурентов и закрепится в сознании аудитории [10].

На основе проведенного исследования можно выделить следующие рекомендации при использовании семиотического подхода в работе с социальными сетями бренда:

1. Проведение исследования целевой аудитории поможет понять, какие именно знаки и символы нужно использовать;
2. Адаптация коммуникации под каждую социальную сеть;
3. Использование разнообразных и уникальных символов и знаков, так как именно это позволит выделиться на фоне конкурентов.
4. Проведение оценки эффективности коммуникаций в социальных сетях.

Таким образом, можно сделать вывод, что использование семиотического подхода может значительно улучшить коммуникации бренда в социальных сетях. Приспособление коммуникации к целевой аудитории и каналам коммуникации, а также использование разнообразных знаков и символов помогут бренду не только привлечь внимание, но и создать эмоциональную связь с потребителями в социальных сетях.

Источники:

1. Григорянц М. В. Семиотика коммуникации: основные понятия и методы // Вестник Омского университета. Серия «Филология». 2018. № 1 (66). С. 46–52.
2. Чижов А. В., Полухина А. А. Семиотика эффективной коммуникации в деловом общении // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория и история культуры. 2019. № 2. С. 105–118.
3. Eco. U. A Theory of Semiotics. Indiana University Press, 1979.
4. Романова, Е. И., Ионин, Л. Г. Семиотический анализ цвета в рекламе модных брендов // Вестник Томского государственного университета, 2018 (438), 115–120.
5. Зотова А. С. Коммуникативные стратегии в современном медиадискурсе и деривационные способы их реализации // Современные проблемы науки и образования. 2013. №6, С. 123–127
6. Barthes. R. Elements of Semiology. Hill and Wang, 1968.
7. Баркалова В. Имиджевый провал Dolce & Gabbana. Что происходит? URL: <https://theblueprint.ru/fashion/industry/dolce-and-gabbana-in-crisis> (дата посещения: 13.01.24)

8. Арутюнян С. М. Основные этапы становления семиотики // Вестник Московского государственного университета культуры и искусства, 2008. № 2. С. 20–25.

9. Потапова Е. Ю. Основные принципы семиотики коммуникации // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2009. № 2. С. 5–7.

10. Чижов А. В., Полухина А. А. Семиотика эффективной коммуникации в деловом общении // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория и история культуры. 2019. № 2. С. 35–36.

S. A. Nikolaev (St. Petersburg State Electrotechnical University «LETI»)

SEMIOTIC APPROACH FOR BRAND COMMUNICATIONS IN SOCIAL NETWORKS

The author of this scientific article explores the use of a semiotic approach in brand communications through social networks. On social media, brands can use various symbols and signs to convey their values, mission, product and service information. Using semiotic analysis, you can identify the most effective ways to present information and understand how consumers perceive and interpret it. The article also discusses the possibility of using a semiotic approach to create a unique and memorable image and brand image, as well as to increase the level of audience engagement and improve the results of interaction with a brand on social networks.

Semiotics, communication, brand, social networks, approach, perception

УДК 101.8: 574.4: 572.1/.4

Ц. Б. Нимаев (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, e-mail: mr.nimaev@gmail.com)

ГЛОБАЛЬНЫЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ: АНТРОПОЦЕН – ОТ ЦИФРОВОГО «ЗАВТРА» К ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ГАРМОНИИ

Рассматриваются глобальные экологические риски в эпоху антропоцена, в также возможности устойчивого взаимодействия человека с технологическим прогрессом в современном обществе.

Антропоцен, экология, этика, целостность познания, безопасность, глобальные риски

Наша жизнь представляется довольно затруднительной без использования технологий – они стали неотъемлемой ее частью, представляя собой нечто большее, чем просто технические новшества. Социум, в свою очередь, сталкивается с необходимостью осознания воздействия этих новых технологий на мировоззрение и отношение индивида к окружающему миру. В данном случае, мы акцентируем внимание не столько на потенциальных угрозах или выгодах достижений научно-технического прогресса, сколько на философских принципах взаимодействия между современными технологиями и человеком как личностью. Эти принципы направлены на повышение уровня безопасности и снижение рисков в общественной жизни. В таком контексте подчеркивается необходимость обдуманного подхода к внедрению и использованию технологий, применяемых с учетом этических и философских аспектов, чтобы обеспечить устойчивое взаимодействие человека с технологическим прогрессом в современном обществе.

Современная цивилизация представляет собой «цивилизацию риска» в свете обширного спектра угроз и катастрофических последствий их реализации [1, С. 23]. Разнообразные опасности проникают в различные сферы человеческой деятельности – от воздействия на функциональные системы организмов до глобальных природных катастроф [2, С. 167]. Важно отметить, что деградация природной среды является более значимым аспектом кризиса в сравнении с нехваткой природных ресурсов. Последние, в принципе, могут быть заменены разработкой новых высокотехнологичных и экологически безопасных форм хозяйственной деятельности [3, С. 6]. Таким образом, основное внимание уделяется не только постижению законов природы и созданию технологий, направленных на эффективное использование энергетических и информационных ресурсов, но и обеспечению безопасности [4, С. 177].

Современный философ А.Н. Ильин рассматривает техногенез как катализатор систематического воздействия, при этом подчеркивается его влияние на

природу, рассматриваемое как «антиприродная деятельность» [5, С. 148]. Построенный внутренне изолированным и антагонистичным к природе «синтетический мир», воспринимает окружающую среду как подчиненный элемент, предназначенный для удовлетворения собственных потребностей, и использует ее ресурсы как сырье [6, С. 145]. Возникает противоречие между техническим прогрессом и ограниченностью экологического сознания. Общество потребления, возникшее на основе технократического антропоцентрического подхода, сейчас сталкивается с вызовами преобразования в новый тип цивилизационного развития, а те «абсолютные» ценности технократизма, теперь требуют критического осмысления [5, С. 149].

Первое проявление недостаточности сугубо технического прогресса, было высказано более 150 лет назад экономистом У. С. Джевонсом. Он указал на эффект рикошета – увеличением общего потребления ресурса при его более эффективном использовании. Джевонс описал «исторический выбор» как выбор между «недолговечной, но истинной властью» и «долгосрочной посредственностью», поддерживая первый вариант, максимальную циркуляцию энергии [7, С. 228–229]. В современной глобальной экономике эта концепция остается актуальной, ставя под угрозу устойчивость всей планеты и представляя одно из препятствий для устойчивого развития.

В рамках Всемирного экономического форума с 2006 года публикуются отчеты «Глобальные риски», в которых анализируются прогнозируемые опасности, краткосрочные и долгосрочные риски. В последнем отчете (январь 2024) приорит занимают: экологическая (экстремальные погодные условия), технологическая (ложная информация и дезинформация, создаваемая искусственным интеллектом) и социальная (социально-политическая поляризация) проблемы [8, С. 13]. В 2018 году Э. Вайцеккер и А. Вийкман представили доклад иного характера, в котором предлагается «диагностика неустойчивых тенденций нашего времени», при этом, следуя рекомендациям геологов и экологов, они определили его как «антропоцен» [9, С. 7]. Примечательно, что хотя некоторые члены научного сообщества неоднозначно относятся к введению этого термина в геологическую историю Земли, уже есть ученые, выдвигающие идею антропоцена и на Луне, связывая его с космической гонкой середины XX века. Исследователи указывают на 1959 год как начало лунного антропоцена, когда советская космическая станция «Луна-2» приземлилась на лунную поверхность [10, С. 3]. Касательно земного антропоцена, речь идет о выделении особой геологической эпохи, затронутой глобальной деятельностью человека и, к сожалению, чаще всего не в самом лучшем её проявлении. Так, И. Ф. Кефели приводит явления, связанные с антропоценом: увеличение эрозии, нарушения циклов элементов, изменения окружающей среды (глобальное потепление, повышение уровня моря, «мертвые зоны» в океане), быстрые изменения в биосфере, распространение новых «минералов» и «горных пород», включая бетон и пластмассы [2, С. 19]. Homo sapiens, безусловно,

зашел дальше всех в использовании технологий для сознательного или непреднамеренного изменения окружающей среды, добычи полезных ископаемых, обеспечения глобальной связи, и т. д. По предварительным оценкам, масса техносферы составляет примерно 30 триллионов тонн, что помогает поддерживать человеческую биомассу, которая, несмотря на недавний рост, на ~5 порядков меньше [11, С. 9–10].

Профессор геологии М. Бьорнеруд рассматривает концепцию «глубокого времени», подчеркивая, что знание геологии не только способно расширить наш кругозор, но и найти «золотую середину» между хронофилией и хронофобией в эпоху антропоцена. Поскольку, как считает автор, человеческому виду присущ «детский эгоцентризм», что проявляется в равнодушии к истории Земли, в сомнениях относительно того, существовало ли что-то «до нас» или в скором наступлении Апокалипсиса. В результате такого мышления мы, как бы, выходим за пределы времени, отрицая на глубинном уровне возможность сохранять то, у чего нет ни прошлого, ни будущего [12, С. 20]. «Наступление новой – «человеческой» – эпохи в истории Земли ознаменовалось не осознанием нашей ответственности за судьбу планеты, – сетует Бьорнеруд, – а как раз наоборот, стало переломным моментом, когда наше бездумное потребительское отношение к ней начало безвозвратно менять ход вещей. <...> Слепленные собственной силой, мы забыли, что мы – неотъемлемая частица несравнимо более древнего и более могущественного мира, постоянство которого мы принимаем как должное» [12, С. 246].

Подобное признание реальных рисков неконтролируемого развития и «неэтичного использования технологий» и потенциал их преодоления авторы доклада «Come On!» видят в реализации концепции «Нового Просвещения», т. е. «фундаментальной трансформации мышления, результатом которой должно стать «целостное мировоззрение» – гуманистическое, но свободное от антропоцентризма, способное к развитию, но ценящее устойчивость и заботящееся о будущем» [2, С. 20].

Целостное мировоззрение, которое еще совсем недавно предлагала философия, верившая, что способна объять природу и общество, в сущности, имело место лишь в тех границах морали и этики, в которых находилось само общество, незримые границы которого постепенно размывались, находя всё новые «откровения» для раскрытия индивидуальности каждого отдельно взятого субъекта. Как пишет Ю. Хабермас, «структура космоса и человеческая природа, этапы всемирной и священной истории поставляли те пропитанные нормами факты, которые, как представлялось, давали также и объяснение правильной жизни». И если учения о «правильной жизни» и справедливом обществе ранее действительно характеризовались целостностью, то социальные трансформации, вызванные научными и техническими прорывами, значительно сокращали период актуальности подобных учений [13, С. 3]. В современном обществе, где цинично признается несправедливость мира, указывается на ущербность воли, а не дефицит знания. Обладающие информацией о текущем состоянии мира люди не стремятся полностью осознать

его. В этом контексте, автор говорит не о вине, а о грехе. Пока мы трактуем вину как грех, мы осознаем, что нас простят [13, С. 6]. Однако, если провести мысленный эксперимент и представить будущее поколение через 100 лет, то нетрудно вообразить их жизнь. Простят ли нас люди, получившие в наследство полуразрушенную флору и фауну, изучая животных прошлого по картинкам? По сути, подобные мысленные эксперименты не про «что нам следует делать» в связи с изменением климата, а скорее про «почему нам следует что-то делать» [14, С. 214].

До тех пор, пока превалирует «призыв к индивидуальной активности, но к социальному бездействию», а «призыв к решению любых проблем мира, в том числе и экологической, вызывает вопрос: «Что я от этого получу?» [15, С. 8] – мы еще долго не отойдем от модели неустойчивого развития. Главное, чтобы новая эпоха не явилась для человеческого вида последней в геологической шкале времени, как бы символично это не выглядело на первый взгляд. Прошло уже больше 20 лет, но не теряет актуальности справедливое замечание Н. Н. Моисеева: «Значит не хозяином и властителем Природы должен быть Человек, а одним из участников грандиозного процесса ее непрерывного преобразования. Но и не беспомощной игрушкой стихии. Он должен быть способен использовать ее силы для достижения своих скромных целей – сохранить себя и свое будущее» [16, С.148].

Источники:

1. Матевосова К. Л., Еремина Т. Н. Человеческий фактор в обеспечении безопасности социально-экономических и общественно-политических систем // Управление. 2015. Т. 3. № 9. С. 22–27.
2. Кефели И. Ф. Асфатроника: на пути к теории глобальной безопасности. СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2020.
3. Урсул А. Д. Устойчивое развитие и водные ресурсы: материалы российско-германского семинара, Москва, 15–16 февраля 2005 г.: [сборник статей]. Москва: Проспект, 2005
4. Кефели И. Ф., Малафеев О. А. Математические начала глобальной геополитики. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2013.
5. Ильин А. Н. Кризис экологии и экологического сознания в обществе потребления // Век глобализации. 2016. Т. 1. № 2. С. 147–160.
6. Жутиков М. А. Научная картина мира как фактор его разрушения (взгляд на науку с точки зрения угнетенной природы) // Вопросы философии. 2010. Т. 10. С. 144–153.
7. Waligóra Ł. The problem of energy efficiency, known as the Jevons paradox // Scientific World. 2019. Т. 122. С. 218-230.
8. Global Risks Report 2024: [Электронный ресурс]. World Economic Forum, 2024. URL: <https://www.weforum.org/publications/global-risks-report-2024/>. (дата обращения: 11.01.2024).
9. Weizsäcker E., Wijkman A. Come On!: Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. 2018.

10. Holcomb J., Mandel R., Wegmann K. The case for a lunar anthropocene // Nat Geosci. 2023. Т. 17
11. Zalasiewicz J. и др. Scale and diversity of the physical technosphere: A geological perspective // The Anthropocene Review. 2016. Т. 4.
12. Бьорнеруд М. Осознание времени. Прошлое и будущее Земли глазами геолога. М.: Альпина нон-фикшн, 2021.
13. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М.: Весь Мир, 2002.
14. McMahan J. Climate Change, War, and the Non-Identity Problem // J Moral Philos. 2020. Т. 18. № 3. С. 211–238.
15. Ильин А. Н. Потребительство как фактор нейтрализации социальных связей и политической активности // Социологическая наука и социальная практика. 2016. Т. 4. С. 5–18.
16. Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. М.: Мол. гвардия, 1990.

T. B. Nimaev (Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University)

***GLOBAL ENVIRONMENTAL RISKS: ANTHROPOCENE – FROM DIGITAL
“TOMORROW” TO ECOLOGICAL HARMONY***

The examination of worldwide environmental hazards in the Anthropocene epoch is being undertaken, along with an exploration of the potential for sustainable human engagement with technological advancements in contemporary society.

Anthropocene, ecology, morality, ethics, integrity of knowledge, safety, interdisciplinarity, global risks

УДК 316.4

Д. О. Новоселов (Санкт-Петербургский государственный экономический университет, e-mail: demid5544@mail.ru)

ОБЩЕСТВЕННЫЕ РИСКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ВЛИЯНИЕ ЕГО НА СОЦИАЛЬНЫЙ-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КЛИМАТ ОБЩЕСТВА

В статье рассматривается влияние внедрения искусственного интеллекта (ИИ) на экономическую и социальную составляющую общества, описаны какие существуют барьеры при измерении влияния на глобальный рынок труда, проанализирован социальный опрос населения о принятии и распространении ИИ в обществе, а также выявлены возможные риски для общества при активном внедрении в работу компаний и жизни людей.

Искусственный интеллект, рынок труда, социальные и экономические риски, автоматизация

Быстрый прогресс в области искусственного интеллекта (ИИ) и технологической автоматизации может существенно изменить рынки труда. Хотя ИИ и автоматизация могут повысить производительность одних работников, они могут заменить работу, выполняемую другими, и, вероятно, хотя бы в некоторой степени изменят почти все профессии. Рост автоматизации происходит в период растущего экономического неравенства, роста опасений массовой технологической безработицы и возобновления призыва к политическим усилиям по устранению последствий технологических изменений.

Существуют барьеры, которые мешают ученым измерить влияние искусственного интеллекта и автоматизации на будущее труда. Эти барьеры включают отсутствие высококачественных данных о характере работы (например, о динамических требованиях профессий), отсутствие эмпирически обоснованных моделей ключевых процессов (например, замена навыков и взаимодополняемость человека и машины), а также недостаточное понимание как когнитивные технологии взаимодействуют с более широкой экономической динамикой и институциональными механизмами (например, городской миграцией и международной торговой политикой) [1].

Искусственный интеллект (ИИ) – это быстро развивающаяся форма технологии, способная радикально изменить занятость в мире. В отличие от предыдущих технологий, использование ИИ возможно в различных высокообразованных, хорошо оплачиваемых и преимущественно городских отраслях, включая медицину, финансы и информационные технологии. Учитывая потенциал ИИ, способный изменить характер труда, возникает вопрос, как государство будет способствовать созданию возможностей трудоустройства следующего поколения. Изучение этого

вопроса осложняется из-за экономических систем и дифференцированным воздействием ИИ на разные виды труда.

Хотя технологии в целом повышают производительность, ИИ может уменьшить некоторые из сегодняшних возможностей трудоустройства. Следовательно, исследователи и государственные деятели беспокоятся о будущем сферы труда как в развитых, так и в развивающихся странах мира.

Однако, несмотря на эти опасения, общество претерпело глубокие преобразования, экономика продолжает расти, технологии продолжают развиваться, а у рабочих по-прежнему есть рабочие места. Учитывая эти беспокойства, что делает человеческий труд устойчивым к автоматизации? Можно задать вопрос является ли ИИ принципиально новой проблемой по сравнению с технологиями прошлого?

Рассмотрим отрасли, которые используют возможности ИИ. Считается, что компании разных отраслей применяют ИИ, которые подходят конкретно под их отрасль. Например, компании, связанные с производством потребительских товаров, в большей степени используют ИИ, связанный с физической силой робототехники для автоматизации сборки, такая технология будет более актуальна, чем другие. Компании, связанные с услугами телекоммуникаций, чаще используют виртуальных агентов (ботов) для оптимизации обслуживания клиентов. Рекламные компании чаще используют ИИ для продвижения и маркетинга [2].

При применении и внедрении ИИ не может не подняться вопрос о принятии населением текущих изменений. Это касается того, насколько население готово использовать ИИ в своей жизни и на работе, а также степень страха и неприятия технологий. Например, исследователи образовательной платформы GeekBrains провели опрос среди населения России, опросили 2000 человек разных возрастов (от 18 лет до 55 лет) и профессий про ИИ в 2022 году [3]. Исходя из результатов опроса, было выявлено, что 60% знают, что такое искусственный интеллект, однако только 14% из них полностью доверяют данной технологии.

Важным аспектом является опасение населения на счет заменимости и сокращения рабочих мест в связи с развитием ИИ. 58% процентов ответили, что боятся потерять рабочее место из-за ИИ. 11% считают, что их профессия полностью исчезнет из-за технологий, а 46% процентов считают, что ИИ сможет заменить только их частичный функционал.

Из этих опросов, было выявлено, что 42% людей пугают технические неполадки, а 38% боятся проблем с кибербезопасностью и персональными данными из-за ИИ, а 37% боятся сокращение коммуникаций между людьми.

Опасение на счет своих рабочих мест выразили представители таких профессий, как: переводчики (55%), работники сферы обслуживания (51%), банковские рабочие (46%), бухгалтеры (41%), рабочие на производствах (40%), водители (37%), курьеры (31%), финансовые консультанты (28%) и аудиторы (21%).

При этом, 88% опрошенных согласны с тем, что за технологиями ИИ стоит будущее и что он способствует развитию отраслей, считают, что это позволит развиваться информационным технологиям (47%), сферам обслуживания (42%), банковскому и финансовому сектору (40%), образованию (37%) и науке (32%).

Влияние ИИ на социальный-экономический климат общества выражается в его затрагивании различных аспектов жизни людей и процессов в экономике.

Экономическое влияние связано с тем, что искусственный интеллект способствует автоматизации процессов в различных отраслях – от производства до услуг. Благодаря автоматизации и повышению эффективности производства, компании могут сокращать издержки и стать более конкурентоспособными. Например, в производстве автомобилей искусственный интеллект используется для оптимизации производственных линий, контроля качества и прогнозирования спроса на рынке.

ИИ способствует перераспределению рабочей силы, то есть в результате автоматизации исчезают некоторые типы работ, однако параллельно возникают новые виды занятости, связанные с исследованием, разработкой и обслуживанием систем искусственного интеллекта. Например, увеличение спроса на специалистов по анализу данных, инженеров машинного обучения, разработчиков искусственного интеллекта.

Внедрение ИИ также имеет социальное влияние. Например, в здравоохранении и медицине, где искусственный интеллект позволяет анализировать медицинские данные, облегчая диагностику, принятие решений в лечении и развитие новых методов лечения, что помогает и ускоряет работу врачам, но при этом не заменяя их. К примеру, использование алгоритмов машинного обучения для анализа медицинских изображений (например, компьютерная томография) для выявления заболеваний на более ранних стадиях.

Искусственный интеллект может персонализировать образовательный процесс, предлагая ученикам индивидуальные программы обучения и оценки их успеваемости. Помимо этого, внедрения ИИ может облегчить работу преподавателя в проверке работ студентов, освобождая его время для еще более качественной подготовки материала.

Внедрение искусственного интеллекта в общество несёт в себе различные риски, которые важно учитывать и сбалансировать с возможными преимуществами. Внедрение ИИ может повлечь за собой автоматизацию традиционных рабочих процессов, что может привести к уменьшению количества рабочих мест в некоторых отраслях. Особенно это касается работ, которые могут быть легко заменены алгоритмами и роботизированными системами.

В настоящий момент, существуют некоторые прогнозы по изменению рынка труда, однако четкое понимание будет по факту внедрения ИИ. Например, Bloomberg со ссылкой на доклад Всемирного банка прогнозирует сокращение до 26 млн рабочих мест в мире в течение следующих пяти лет с 2023 года. А исходя из данных отчета компании Challenger более 400 тыс. человек

в США потеряли работу в мае 2023 года. Почти 10% (3,9 тыс. человек) из них были уволены из-за искусственного интеллекта.

Кроме этого, использование ИИ требует доступа к большим объемам данных. Это может создавать риски для приватности и безопасности данных. Неправильное использование, утечки данных или кражи могут привести к серьезным последствиям для частных лиц, компаний и общества в целом.

Использование ИИ в областях, таких как здравоохранение или автономные системы, поднимает важные этические вопросы. Например, как решать ситуации, где ИИ должен выбирать между жизнями людей? Как гарантировать, что принимаемые ИИ решения являются этичными и морально приемлемыми? Из-за чего контроль и участие человека все равно будет являться важным при использовании технологий искусственного интеллекта.

Искусственный интеллект приносит значительные изменения в социальный и экономический климат общества, предоставляя новые возможности и вызывая необходимость в адаптации. Важно учитывать эти изменения при разработке и внедрении политики и стратегий развития, и стремиться к созданию более справедливого и устойчивого общества.

Источники:

1. Artificial Intelligence and the Future of Work Congressional Testimony of Erik Brynjolfsson September 24, 2019 URL: <chromeextension://efaidnbnmnibpcjpcglclefindmkaj/https://www.congress.gov/116/meeting/house/109981/witnesses/HHRG-116-SY15-Wstate-BrynjolfssonE-20190924.pdf> (дата обращения 01.12.2023)

2. Ляпин И. А. Влияние искусственного интеллекта на рабочее место: текущее состояние и будущие перспективы // Исследования в цифровой экономике. 2023. № 1. С. 137–176

3. Опрос GeekBrains URL: <https://gb.ru/posts>, (дата обращения 15.12.2023)

4. Хабирова Е. Е. Неопределенность в отношении технологии искусственного интеллекта в российском обществе // Вестник СПбГУ. Социология. 2021. Т. 14. № 3. С. 262–275.

D. O. Novoselov (St. Petersburg State University of Economics)

PUBLIC RISKS OF USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND ITS INFLUENCE ON THE SOCIO-ECONOMIC CLIMATE OF SOCIETY

The article examines the impact of the introduction of artificial intelligence (AI) on the economic and social component of society, describes what barriers exist when measuring the impact on the global labor market, analyzes a social survey of the population on the acceptance and spread of AI in society, and also identifies possible risks for society with active implementation in the work of companies and people's lives.

Artificial intelligence, labor market, social and economic risks, automation

УДК 93/94

И. Н. Нужнов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»; ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия»; e-mail: inuzhnov@yandex.ru)

РЕФОРМИРОВАНИЕ ВОЕННО-МОРСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕФОРМ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 19 ВЕКА

Рассмотрены вопросы реформирования системы отечественного военно-морского образования во второй половине XIX века во взаимосвязи с общими политическими и социальными изменениями в стране после Крымской войны. Отмечается, что возрождение и модернизация Российского флота в этот период привели к обновлению и реструктуризации системы военно-морских учебных заведений, в результате чего значительно улучшилось качество подготовки офицерских кадров.

Военно-морское образование, реформирование, система военно-морского образования, морское ведомство, модернизация

Во второй половине XIX века в условиях проводившихся государственных реформ наряду с модернизацией ВМФ России остро встал вопрос о необходимости реформирования системы военно-морского образования, поскольку именно в этот период кардинально изменился сам флот.

Последовавшие новые веяния в политике Морского министерства справедливо связывают с деятельностью генерал-адмирала Великого князя Константина Николаевича, который в течение 28 лет был у руля управления Российским флотом. Проводя прогрессивные преобразования, направленные на модернизацию флота, его техническое перевооружение, генерал-адмирал огромное внимание уделял организации системы морского воспитания, проведя первую реформу военно-морского образования, занявшую более 20 лет (1853–1877 гг.). Он считал, что, «приготовив образованных, способных и любящих свое ремесло офицеров и кораблестроителей», министерство «обеспечит будущность флота, ибо эти люди непременно построят хорошие суда и будут с честью управлять ими» [1, С. 18].

Содержание реформы составили:

1. Разработка нового законодательства о морских учебных заведениях.
2. Осуществление реорганизации Морского кадетского корпуса.
3. Реорганизация технического морского образования.
4. Учреждение нового типа учебных заведений дополнительного профессионального образования для офицеров.
5. Учреждение Николаевской морской академии.

6. Развертывание системной подготовки нижних чинов и унтер-офицерского состава Российского флота.

Период подготовки реформы занял почти 15 лет, в течение которых Морское министерство использовало широкий диапазон средств и методов разработки преобразований, начиная от привычных комитетских заседаний и кончая публичным обсуждением законопроектов и педагогической дискуссией в «Морском сборнике».

Подготовка реформы началась с учреждения в сентябре 1853 г. Комитета для составления проекта свода постановлений об учебных заведениях морского ведомства. Разработанный им «Проект положения, штатов и табелей для учебных заведений морского ведомства», предлагал устраивать морские учебные заведения по образцу сухопутных кадетских корпусов. Генерал-адмирал нашел «весь этот проект совершенно неудовлетворительным» и полагал, «что следует написать совсем новое учреждение» [2, С. 93].

Для лучшего анализа состояния военно-морского образования по инициативе Великого князя в 1855 г. создаются ревизионные комиссии в составе специалистов морского ведомства и Министерства народного просвещения для проведения полного и беспристрастного обследования морских учебных заведений. Результаты работы комиссий показали наличие ряда существенных недостатков в подготовке кадров для флота [3, С. 12]. Общий вывод комиссии был неутешителен: «В Морском корпусе сторона умственного образования требует значительных изменений для своего усовершенствования» [2, С. 94].

Особенностью реформы стало гласное и всестороннее обсуждение на страницах печати вопросов, связанных с предполагаемой реорганизацией системы морского образования, в котором приняли участие выдающиеся педагоги и ученые. Всего за 1856–1862 гг. в журнале было опубликовано 70 больших теоретических статей на темы воспитания, из которых 18 были написаны писателями, учеными и общественными деятелями, 17 – педагогами, 35 – морскими офицерами [4, С.83–84]. Это давало Морскому министерству возможность воспользоваться последним словом педагогической мысли, преобразуя систему морского образования на новейших принципах.

В июне 1859 г. вице-адмиралом Е. В. Путятиным на основе накопленных материалов были представлены «Соображения о способе образования морских офицеров в России на новых началах». На их основе генерал-адмирал представил всеподданнейший доклад «О главных основаниях предполагаемого преобразования морских учебных заведений», одобренный императором 30 октября 1859 г. В докладе были определены основные принципы реформы, позволившие приступить к детальной ее разработке.

В 1860 г. несколько видоизмененные «Соображения» адмирала Путятина были опубликованы в «Морском сборнике», придав новый импульс дискуссии. Вслед за этим был издан подготовленный Путятиным «Проект преобразования морских учебных заведений с учреждением новой гимназии» [5]. По

этому проекту предусматривалось иметь всего два учебных заведения для подготовки морских офицеров: Морской кадетский корпус и Морское техническое училище. Структура учебного курса Морского корпуса оставалась такой же, какой она была очерчена в опубликованных «Соображениях».

После обсуждения законопроект был рассмотрен Особым комитетом, учрежденным в 1862 г. для доработки проектов уставов и руководства постепенным преобразованием морских учебных заведений. В основу преобразований было положено начало отделения общего образования от специального военно-морского и введение гуманной системы воспитания путем убеждения, а не страхом наказаний.

Предметом главной заботы Морского министерства была реорганизация Морского корпуса, поскольку из него выходили флотские командиры, составлявшие цвет морского офицерства. В 1862 г. из воспитанников младших классов морских учебных заведений (253 чел.) образуются 3 военные гимназии в Петербурге, Кронштадте и Николаеве [6, С. 8]. 2 июня 1867 г. Морской кадетский корпус был переименован в Морское училище, отнесенное согласно утвержденному Уставу Морского училища [7] к разряду высших учебных заведений. Возраст поступающих составлял 16 лет, сословный ценз сохранился в неизменном виде.

Учебный курс делился на два отдела: приготовительный (один год) и специально-морской (3 года). Морской курс был полностью посвящен специальным наукам. Ежегодно в мае проводились переводные экзамены, а затем в течение трех летних месяцев проводились практические плавания на кораблях учебного отряда под руководством начальника Морского училища. Радикальные меры предпринимались по улучшению учебного и воспитательного процесса.

Одновременно с реорганизацией Морского кадетского корпуса и по его образцу были проведены преобразования в техническом образовании. В 1856 г. существовавшие кондукторские роты Учебного морского рабочего экипажа были преобразованы в инженерное и артиллерийское училище морского ведомства (в 1867 г. переименовано в Инженерное училище морского ведомства), а первый штурманский полуэкипаж – в штурманское училище. И, наконец, 11 июня 1872 г. учреждено Техническое училище Морского ведомства в составе кораблестроительного, механического, штурманского и артиллерийского отделений с комплектом воспитанников 215 человек [8, С. 25]. В 1894 г. был принят новый устав училища, оно было отнесено к разряду высших специальных учебных заведений со сроком обучения 4 года в составе только 2-х отделов – кораблестроительного и механического [9], а в 1898 г. переименовано в Морское инженерное училище императора Николая I.

Важным событием реформы стало создание в 1874 г. Минного офицерского класса, положившее начало зарождению дополнительного профессионального образования для переподготовки и повышения квалификации офицеров, уже имевших высшее образование. В 1878 г. был создан Артиллерийский офицерский класс, а в 1897 г. учрежден Водолазный офицерский класс [10, С. 32–33].

Завершилась реформа военно-морского образования созданием Николаевской морской академии. 7 августа 1862 г. существовавший при Морском корпусе офицерский класс был реорганизован в Академический курс морских наук, состоявший из гидрографического, кораблестроительного и механического отделений [11, С. 29]. 28 января 1877 г. в результате длительных обсуждений вопроса реформирования системы подготовки руководящих кадров флота Академический курс был преобразован в Николаевскую морскую академию. Однако несмотря на то, что внедрение на флоте новых паровых броненосных кораблей, нового оружия, изменение способов ведения боевых действий требовали подготовки в академии офицеров командного и штабного профилей, только в 1896 г. в соответствии с новым Положением о Военно-морской академии, в структуре академии вводился курс военно-морских наук на правах военно-морского отделения [11, С. 125].

Переход к броненосному и паровому флоту требовал и грамотных младших специалистов с квалификацией, сравнимой с современным среднетехническим образованием. В связи с этим начинают создаваться многочисленные учебные команды для подготовки нижних чинов и школы для подготовки унтер-офицеров при каждом действующем флоте. 1867 г. – в Кронштадте созданы школы машинистов, кочегаров, рулевых; 1868 г. – на Балтийском флоте создана школа комендоров и гальванеров; 1888 г. – в Кронштадте учреждены новая школа машинных унтер-офицеров с мастерской, учебная команда для подготовки строевых квартирмейстеров, учебно-артиллерийская команда, объединившая школы комендоров и гальванеров. Всего в составе Российского флота к началу XX в. работала 21 школа для подготовки унтер-офицеров и рядовых по всем основным специальностям [12, С. 21].

Таким образом, в результате реформы окончательно сложилась целостная система военно-морского образования, включавшая различные его уровни:

- учебные заведения для подготовки унтер-офицерского состава;
- подготовительные отделения довузовской военно-морской подготовки;
- высшие военно-морские учебные заведения для подготовки офицеров на первичные должности для корабельного состава и береговой службы;
- высшие учебные заведения для получения дополнительного профессионального образования (профессиональная переподготовка и повышение квалификации);
- Николаевскую морскую академию для подготовки руководящего состава флота.

Источники:

1. Отчет по Морскому ведомству за 1856, 1857 и 1858 годы. СПб., 1860.
2. Шевырев А. П. Русский флот после Крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы. М.: Изд-во МГУ, 1990.
3. Обзор преобразований Морского кадетского корпуса с 1852 г. СПб., 1897.

4. Днепров Э. Д. «Морской сборник» в общественно-педагогическом движении 60-х годов XIX в. // Советская педагогика. 1964. № 10.
5. Путятин Е. В. Проект преобразования морских учебных заведений с учреждением новой гимназии / Сост. адм. гр. Путятиным. СПб.: тип. Мор. м-ва, 1860.
6. Обзор деятельности Морского управления в России. Ч.1. СПб., 1880.
7. Устав Морского училища. СПб, 1867.
8. Варганов Ю. В. Инженеры флота. Л., 1973.
9. Устав Технического училища морского ведомства: К приказу по Мор. ведомству от 19 июня 1894 г. № 72. СПб, 1894.
10. Нужнов И. Н., Вахмистрова С. И. История становления и развития системы подготовки офицерских кадров Российского флота. СПб.: ВМА, 1997.
11. «Быть мореходных хитростно наук учению»: коллективная монография. Часть 1/Под общей редакцией А. А.Римашевского. СПб.: ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия», 2011.
12. Карамнова А. В. Состояние и развитие российского военно-морского образования в XIX в. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Воронеж, 2011.

I. N. Nuzhnov (St. Petersburg Electrotechnical University «LETI»; VUNC of the Navy "Naval Academy")

REFORMING NAVAL EDUCATION IN THE CONTEXT OF STATE REFORMS IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

The issues of reforming the system of national naval education in the second half of the XIX century in connection with the general political and social changes in the country after the Crimean War are considered. It is noted that the revival and modernization of the Russian Navy during this period led to the renewal and restructuring of the system of naval educational institutions, as a result of which the quality of officer training has significantly improved.

Naval Education, Reform, Naval Education System, Naval Department, Modernization

УДК 111

К. А. Очеретяный (Санкт-Петербургский государственный университет,
e-mail: kocheretyany@gmail.com)

АНИМАЛИСТИЧНЫЙ ДИЗАЙН: О РОЛИ ЖИВОТНЫХ В ПРОЕКТИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ СРЕД

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ, проект 23-78-10046 «Интерфейс как среда жизни: факторы интеграции» в Санкт-Петербургском государственном университете

Рассматривается роль и значение поведения неловкороазмерных агентов, а именно животных в продумывании интерфейс-оболочек и в целом форм цифрового присутствия. Показано, что уже первые модели интерфейсов опирались на бихевиориальные основания, на определенное понимание животного, которое в свою очередь основано на модели отношения к животному, уходящей корнями в эпоху Просвещения. Делается вывод, что данная модель в условиях новых экологических подходов дизайна интерфейса требует пересмотра, а животные, в своей поведенческой динамике, сложных взаимодействиях, стохастическом влиянии, могут нести биофильную информацию, которая для планирования новых сред жизни не менее важна, чем нейросети и большие данные.

Интерфейс, эмоции, дизайн, животное, адаптивность

Явление номинализации, характерное для естественного языка в целом, привлекает внимание множества лингвистов, но до настоящего времени трактовка этого явления остается неоднозначной и спорной. В своей работе «Грамматика английских номинализаций» Р. Лиз пишет о том, что посредством номинализации предложение трансформируется в субстантив, который в дальнейшем может быть подставлен в другое предложение [1, Р. 34].

Интерфейс для современного человека – условие цифрового присутствия. Неважно какие именно аспекты и решения хотят подчеркнуть, говоря об интерфейсах: программные, дизайнерские, инженерные – в каждом случае интерфейс понимается как новейший виток поиска совершенного языка. Прозрачность, открытость, доступность, предписываемые этому языку определяют критерии коммуникации, оценку эффективности, а также модели адаптации. Соответственно лишенный языка упразднен в присутствии – остается вечным инфантом, тем, кто передает право говорить другому. Однако не так ли функционирует бюрократия – обрекая нас на несамостоятельность и молчание? Тогда в мире цифровых интерфейсов-сервисов мы обречены оставаться детьми, тем, кто молчит или для кого возможность высказаться превращается чаще в смех, плач, крик, чем в слово или жест. Отсюда раздвоенность, внутренняя амбивалентность характерная для интерфейса – точно также как на объективном

уровне (технологии, энергия, вещи) переводя взаимодействие в цифру и делая его бесконтактным он создает новые формы мусора (поскольку взаимодействие с материальными объектами происходит по логике взаимодействия с нематериальными, усиливая безразличие не только к энергопотреблению, но и к самой вещественности, достаточно вспомнить, что интенсивность информационной революции вполне вещественно выражена кольцом высокотехнологического мусора на орбите планеты), на субъективном или интересубъективном уровне критерии открытости и бесконтактности, тяготея к дисциплинарным требованиям, провоцирует превращение коммуникации в шепоты и крики.

Совершенный язык, выраженный в интерфейсах тогда подобен языку ангелов, для которого логика откровения, трагедии и спасения в обращении к человеку более характерна чем логика полноправного диалога. Человек же в ответной немоте остается ребенком или нивелируется к животному. Природа животного молчит, то, что говорит, природа, уже не принадлежащая животному, говорящий – животное вне природы: сфинкс, химера, минотавр – животное фантазматическое и трагическое, так обнаруживает себя человек в интерфейсе. Основания этого видят в том, что интерфейс-взаимодействие подчиняется ранним находкам психологического и логического бихевиоризма, и даже некой онтологии животного – восходящей еще к программным работам эпохи Просвещения, рассматривающей человека как существо вне Природы, как существо природу, которого требуется изобрести – собственно, язык, инструменты и аппараты в таком случае и есть Природа, она производится как код, как программа, или как интерфейс поскольку он определяет модели поведения и право отвечать. В человеке таким образом животное начало как бы оказывается противопоставлено само себе, а господствующее отношение к нему – дрессировка или эксплуатация. Иначе говоря, в интерфейсах человек ищет не столько открытого доступа, интереса от взаимодействия с другими людьми и не-людьми (программами, алгоритмами, ботами), сколько спасения через приобщение к изобретенной для него Природе, к Природе, которой он будто изначально лишен, ведь язык, инструменты и аппараты, сплавившиеся в интерфейс, продолжают уже не столько Разум, сколько Тело, становясь таким же элементом повседневности как косметика или одежда. Но если поиск в интерфейсах нового тела, чьи характеристики присутствия и возможностей эсхатологически созвучны бессмертию, на уровне экологическом оборачиваются новыми формами мусора, то возможно стоит пересмотреть саму онтологию животного и ключевые формы отношения к ней (дрессура, эксплуатация, игрушка) – являющейся длинной тенью Просвещения, затрагивающую еще и бихевиоризм, и первые модели создания цифровых сред через анализ поведенческих моделей и создания возможностей для них. В таком случае человек мог бы стать не существом без Природы, но существом, делающим возможным диалог природ: сущностей и существ, а совершенным языком интерфейсы в таком случае по праву обладали бы тогда, когда, создавая условия для диалога природ, они углубляли бы понимание жизни и интенсифицировали понимание живого. Иными словами,

интерфейс как технология избавляется от обвинений в солипсизме и эскапизме, только примеряя человека с природой, путем изобретения языков для взаимодействия с ней, а не замещающих ее.

Но что значит интерфейс как взаимодействие природ? В первую очередь отказ от антропоцентризма в пользу инклюзивности. Многочисленные поведенческие и психологические аспекты существования человека во многом основаны на его взаимодействии с другими видами, они формировались эволюционно и до сих пор оказывают влияние на такие переживания как чувство защищенности, уюта, спокойствия, изменения вне учета факторов взаимодействия с животными (ориентацию на природные циклы, движения, чувство включенности в среду) может породить среды, вызывающие беспокойство или отторжения (не случайно именно использование цвета произвело революцию в интерфейсе, приблизив его к пользователю). Включение животных в проектирование цифровых сред, зооразмерные паттерны эмоционального дизайна [1], напротив позволят обнаружить такие масштабы, формы, движения, цветовые моменты, которые могли бы обеспечить оптимум психологического переживания. Во-вторых, отказ от устоявшихся форм взаимодействия с животными – дрессура, эксплуатация, игрушка, т. е. введение животного в человеческое или даже техническое измерение в пользу введения техники и использующего ее человека в измерение радикальной инаковости, открытия животного как Иного, как источника случайности, недетерминированности, альтернативности в ранее продуманных системах. В-третьих, отказ от вертикальных иерархических отношений подчинения-контроля в пользу поиска гибридных взаимодействий живых существ и обнаружение человеком своей ниши в возможных взаимодействиях. Животное взаимодействие важно не только на уровне аналоговых сред, но и на уровне построения цифровых сред, следовательно животные должны быть не просто учтены, но активно включены в проектирование и обживание цифровых сред как агенты – эмоционального, иммунного, эволюционного воздействия.

И постепенно при проектировании цифровых сред жизни, роль животного в соорганизации интерфейса, его аспектов и функций становится все более очевидной для инженеров, дизайнеров, программистов, ученых и философов. А аббревиатура ACI (Animal-Computer Interaction) в связи с другой более известной аббревиатурой HCI (Human-Computer Interaction) начинает упоминаться все более часто. Уже в 2011 году был опубликован Манифест Animal-Computer Interaction, целью которого было учесть поведенческие контексты, виды деятельности и взаимодействия животных друг с другом, с человеком и компьютерными системами в дизайне самих компьютерных систем, которые становятся новой экологической нишей не только для человека [2, Р. 69–73]. В конечном счете предполагалось, что ACI позволит изменить понимание и воображение цифрового взаимодействия, расширить горизонт исследований взаимодействия пользователя с компьютером, вовлекая и учитывая опыт тех, кто не может общаться с нами посредством естественного языка или абстрактных концепций, исследовать новые способы взаимодействия для иной моторики, иным

вниманием, иными моделями расшифровки опыта. Все это «могло бы помочь нам найти новые способы понимания и оценки воздействия технологии на отдельных лиц и социальные группы, возможно, проливая новый свет на такие вопросы, как личность, конфиденциальность или доверие, и способствуя нашему пониманию того, что значит быть человеком и кем мы являемся по отношению к другим видам». В 2018 году, спустя 7 лет после публикации Манифеста был подведен предварительный итог, выразившийся в обзоре литературе и технологий: за прошедший период наметился целый ряд направлений в области АСИ-технологий: рабочие модели осязательных и гаптических-интерфейсов, обонятельных интерфейсов, мониторинговые и треккинговые технологии [3, Р. 1–30]. Данные, полученные от переменных многовидовых взаимодействий при потенциальном внедрении этих технологий на макро- и микроуровнях дают ключ к принципам проектирования возможных миров по ту сторону человеческой исключительности. Далекое не фантазией является и развитие интернета-животных, генетические, популяционные, треккинговые данные, постепенно охватывающие планету в единой системе и позволяющие прогнозировать наступление катастроф и распространения болезней, изменения климата и предупреждения гибели видов, иными словами поиска новых взаимовыгодных форм сосуществования человека и животных [4]. Можно представить, что будущие интерфейсы интегрируют эту технологию, и не только в том смысле, что искусственный интеллект реализуемый нейросетями будет дополнен большими данными полученными от не-человека, но и аспекте иного ресурса животного мира, ведь интернет-животных, интерфейсы-животных, АСИ-технологий не просто позволяют человеку увидеть себя иным остранным взглядом, но могут привести к пониманию интерфейсов по ту сторону абстрактно-операциональных моделей, в деле эмпатии, вчувствовании, вживании.

Длительное время человек своими технологиями, моделями коммуникации, организацией пространства и времени (архитектура, освещение) изменял среду жизни, создавая изолированный мир, реализуя миф об Эдеме, наоборот ограждая себя от животного, изгоняя его. Интерфейсы в своем развитии подчиняются стерильности, дистанцированности, бесконтактности – т. е. во многом эпидемиологическим критериям исключения, в то же самое время имеются основания считать длительное и близкое сосуществование с животными вариантом экзогенной иммунной системы. Например, широко известен феномен революции вторичных продуктов, момент, когда человек перестал использовать животных непосредственно ради еды – предпочтя опосредованное использование в качестве источника удобрений, тепла (шерсть), тягловой силы. Значительно реже вспоминают эмоциональные аспекты этой революции (значение разрядки, эмпатии, в целом работы с эмоциями), коммуникационно-символические (зооморфизм, сказки о животных, тотемизм, игрушки, бестиарии и даже криптозоология медийно-урбанистического воображения) и, конечно, формы иммунитета, воздействующие на коллективное тело и позволившие реализовать в куль-

туре новые жизненные импульсы. Подобные эмоциональные, коммуникационно-символические и иммунные аспекты в разработке интерфейсов играют далеко не последнюю роль, а потому животные должны быть рассмотрены как их источники и хранители – сколько бы усилий не предпринимал человек, чтобы уйти от своих младших (или скорее старших братьев) в мир интерфейсов ему удастся войти только вместе с ними, без учета их опыта интерфейсы будут если и не пусты, то точно слепы в том числе и по отношению к самому человеку.

Источники:

1. Norman D. A. Emotional Design. NY: Basic Books. 2005. 272 p.
2. Mancini C. Animal-computer Interaction: A Manifesto. Interactions. 18 (4). 2011. P. 69–73
3. Hirskyj-Douglas I., Pons P., Read J. C., Jaen J. Seven Years after the Manifesto: Literature Review and Research Directions for Technologies in Animal Computer Interaction. Multimodal Technologies and Interaction. 2 (2). 2018. P. 1–30.
4. Lupton D. The Internet of Animals: Human-Animal Relationships in the Digital Age. Cambridge: Polity. 2023. P. 224

K. A. Ocheretyany (Saint Petersburg State University)

ANIMAL DESIGN: ABOUT THE ROLE OF ANIMALS IN THE DESIGN OF DIGITAL ENVIRONMENTS

The text examines the role and significance of the behavior of nonhuman-sized agents, namely animals, in thinking through interface shells and, in general, forms of digital presence. It is shown that already the first interface models were based on behavioral foundations, on a certain understanding of the animal, which in turn is based on a model of attitude towards animals, rooted in the Enlightenment. It is concluded that this model, in the context of new ecological approaches to interface design, requires revision, and animals, in their behavioral dynamics, complex interactions, stochastic influence, can carry biophilic information, which is no less important for planning new living environments than neural networks and big data.

Interface, emotions, design, animal, adaptability

УДК 323.21

В. В. Павлов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: pavlov1101leti@mail.ru)

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Рассматриваются процессы глобализации и фрагментации системы современных международных отношений. Основное внимание уделяется информационно-коммуникационным аспектам происходящих процессов и вопросам обеспечения информационной безопасности российского государства в контексте глобальной трансформации.

Глобализация, интернет, информация, коммуникация, суверенитет, фрагментация

Современный этап становления международных отношений, сопровождающийся геополитическими, идеологическими, культурными противоречиями, говорит, если не об окончательном завершении периода глобализации, то, как минимум, о формировании и усилении в ближайшие десятилетия противоположных тенденций.

Идеалы и стремления так называемого «глобального мира» оказались несостоятельны в отношении целого ряда государств, войдя в прямое противоречие не только с их национальными особенностями, но, главное, с той ролью и местом в мире, на которое они претендуют.

Поскольку первым, базовым, требованием любого государства является обеспечение его безопасности, именно данное требование подталкивает отдельные государства к борьбе со сложившейся мировой системой «правил игры». В числе этих государств находится Россия.

О сути данной борьбы высказался Президент РФ В. В. Путин: «Наша битва за суверенитет, за справедливость носит без всякого преувеличения национально-освободительный характер, потому что мы отстаиваем безопасность и благополучие нашего народа, высшее историческое право быть Россией – сильной, независимой державой, страной-цивилизацией» [1]. Неоднократно подчеркивал Президент, что в современном мире только «суверенные государства могут обеспечить свою безопасность, определенность в развитии и перспективы будущего, колонии же исторических перспектив не имеют» [2]. Таким образом, борьбу за суверенитет России в современном мире можно прямо связать с борьбой за её существование.

Данный процесс напрямую связан с деятельностью по обеспечению национальной безопасности, неотъемлемой составляющей которой является безопасность информационная.

Особенностью безопасности информационной является фактическое отсутствие границ информационного пространства, в отличие от государственных границ. Тем не менее, и оно также неизбежно подлежит деглобализации, становлению национальных информационных сегментов.

Глобальный характер информационного пространства вовсе не сводится к взаимной интеграции культуры, её всеобщему «усреднению». Напротив, монополизация информационно-коммуникационной инфраструктуры на глобальном уровне позволяет транслировать стереотипы, принципы и идеалы современной массовой культуры, безусловной «родиной» которых является Западный мир. Примечательно, что такая культура лишь на первый взгляд не содержит политической составляющей. В действительности же, по признанию Ф. Фукуямы «триумф Запада, западной идеи очевиден... Этот феномен выходит за рамки высокой политики, его можно пронаблюдать в широком распространении западной потребительской культуры, в самых разнообразных её видах...» [3, С. 1]. Это было сказано в конце XX века; в сегодняшнем мире, на фоне развития средств коммуникации и формирования глобального информационного пространства – Интернета – вышеуказанные положения и вовсе возведены в абсолют. В качестве инструментов глобального информационного влияния выступают такие медиа-ресурсы, как поисковый сервис Google, социальная сеть Facebook и микроблог Twitter (ныне X), медиаресурс с элементами социальной сети Instagram, онлайн-энциклопедия – Wikipedia, крупнейший в мире видеохостинг YouTube и пр. Примечательно, что все они являются американскими по своему происхождению и находятся вне российской юрисдикции [4].

Каковы же основные способы борьбы за умы в нашей стране для обеспечения общественно-политической стабильности? Как уже было сказано, в русле общемировых антиглобалистских трендов, постепенно начинает складываться активное стремление государства в формировании и развитии национального информационного сегмента, включающего и информационно-коммуникационную инфраструктуру. Важнейшей частью государственной информационной политики является политика информационной безопасности, направленная как на защиту от нежелательного информационного влияния, так и на обеспечение поддержки деятельности государства со стороны общества и на достижение общественного консенсуса по поводу целей и базовых ценностей общества и государства.

Возникает вопрос о том, каким образом такой консенсус достижим? Очевидно, что полная изоляция от внешних источников информации и средств информационного обмена, не только невозможна, но и нецелесообразна. Информационная безопасность не тождественна информационной изоляции. Нельзя опираться исключительно на ограничительные меры. Целесообразно формирование независимости национального информационного пространства, поскольку это снижает риски политической дестабилизации России извне.

В настоящее время утвердилась смешанная – государственно-частная – модель управления СМИ с доминирующим положением государства. Значительная

доля печатных и электронных СМИ контролируется частным капиталом, но они специализируются на развлекательной или деловой тематике. В то же время информационные ресурсы, специализирующиеся на социально-политической тематике, как правило, контролируются государством [5, С. 230]. Данная модель, в первую очередь, касается «традиционных» СМИ, таких как телевидение, радиовещание, печатные СМИ. Сложнее ситуация складывается в Интернете, откуда сегодня исходят основные угрозы политической стабильности России.

Очевидно, высокий пропагандистский потенциал интернет-ресурсов, находящихся в руках геополитических противников будет оказывать влияние на политическое сознание и поведение российских граждан, особенно сегодня, когда интернет-ресурсы активно используются в предвыборных, агитационных целях.

Для минимизации негативного влияния необходимо создание и развитие правовой базы, в рамках которой регулируется управление отечественным сегментом интернета. Так, 01.05.2019 г. был подписан, а с 01.11.2019 г. вступил в силу Федеральный закон от 01.05.2019 №90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О связи" и Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [6]. Принятый закон является ключевым нормативным актом, определяющим стратегию развития национального сегмента интернет-пространства. С этой же целью был принят и ряд других законов, таких как закон о запрете «анонимайзеров» [7], о так называемых «фейковых новостях» [8] и пр.

В то же время, ставка на цензуру в интернете не оправдана ни технически, ни материально, и не разрешает полностью задач информационной безопасности. По нашему мнению, задачей государственных структур должно быть не столько жесткое ограничение нежелательной информации, сколько способность обеспечивать информационную безопасность в условиях открытого информационного пространства.

Именно поэтому острую дискуссию вызвали разработка и принятие законов о так называемом «суверенном Рунете» в Российской Федерации. Так, по некоторым данным правительственных экспертов, расходы на реализацию программы неоправданно велики, кроме того, сомнения вызывает сама целесообразность проекта, а также непосредственно техническая сторона его реализации [9]. Негативную оценку законам дала счётная палата РФ [10]. Также с критикой выступили представители сотовых операторов, заявив, что реализация закона приведет к «деградации услуг связи по всей стране» [11]. Кроме того, попытка полного изолирования интернет-пространства вступает в противоречие с основополагающими принципами правового государства и может рассматриваться как нарушение информационных интересов личности.

Роль государства не в ограничении, а напротив, в предоставлении полной и достоверной информации гражданскому обществу, с которым государство должно вести равный и честный диалог. И напротив, «принятие управленческих решений без должного общественного обсуждения лишь повысит социальную нестабильность в обществе» [12].

Таким образом, интернет-пространство становится площадкой политического участия граждан, политической социализации и равного доступа к политической информации. При грамотной информационной политике государства присутствие в информационном поле иностранных ресурсов не несет опасности политической стабильности общества, поскольку не затрагивает базовых политических установок.

Обеспечение информационной безопасности невозможно и без духовного развития общества, его социокультурной сферы и, в первую очередь, сферы образования как проводников идей, ценностей и принципов, на основе которых Россия продолжает свою культурно-цивилизационную миссию.

Подводя итог приведенных выше рассуждений, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в современном мире наблюдается отход от глобалистских моделей в сторону фрагментации международного сообщества, развитию двусторонних (многосторонних) отношений, основанных на взаимной выгоде участников этих отношений. При этом только суверенные государства смогут обеспечить свое дальнейшее существование и развитие, опираясь на национальные интересы.

Во-вторых, борьба между сторонниками глобализма и национального суверенитета еще более обостряет проблемы национальной безопасности, к которым, безусловно, относится информационная безопасность. Особенность проблемы обеспечения информационной безопасности заключается в том, что у информационного пространства отсутствуют как таковые границы, подобные тем, что есть у государств на политической карте.

В-третьих, приоритетной задачей государства должно стать не столько жесткое ограничение нежелательных информационных потоков, сколько способность реализовать стратегические задачи информационной безопасности в условиях открытого информационного пространства.

В-четвертых, реализация данных задач возможна только в условиях просвещения, внедрения образования в массы, развития науки. Требование духовного (нравственного, культурного) развития общества возлагает особую роль на гуманитарную науку в сегодняшней России.

Источники:

1. Путин заявил, что Россия находится в авангарде создания справедливого мироустройства // ТАСС. 28.11.2023 URL: <https://tass.ru/politika/19400967> (дата обращения 10.01.2024).
2. Путин заявил, что страна может быть либо суверенной либо колонией // ТАСС. 09.06.2022 URL: <https://tass.ru/politika/14870439> (дата обращения 10.01.2024).
3. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: Изд-во «АСТ», 2007.
4. Рунет и выборы // Интерфакс. 25.09.2012. URL: <http://www.interfax.ru/-russia/267340> (дата обращения 10.01.2024).

5. Павлов В. В. СМИ как институт публичной политики и их влияние на политическую стабильность // Информация – Коммуникация – Общество (ИКО-2019): Труды XVI Всероссийской научной конференции / Санкт-Петербург, 24–25 января 2019 г. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ, 2019.

6. О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [федер. закон: принят Гос. Думой 16 апреля 2019 г.: по состоянию на 20 января 2020 г.]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323815/ (дата обращения 10.01.2024).

7. В Госдуму внесли законопроект о запрете анонимайзеров [Электронный ресурс] // РБК: технологии и медиа. 08.06.2017. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/08/06/2017/593933e69a7947e7bd831e05 (дата обращения 02.01.2024).

8. Система обеспечения законодательной деятельности / О внесении изменений в статью 15-3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». URL.: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/606593-7> (дата обращения 02.01.2024).

9. Эксперты при правительстве оценили затраты на суверенный Рунет // РБК-финансы, 25.12.2018. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5c21e8b79a7947153583d6bf> (дата обращения 10.01.2024).

10. Счетная палата не поддержала законопроект об устойчивом Рунете // Интерфакс, 07.02.2019. URL: <https://www.interfax.ru/russia/649645> (дата обращения 20.12.2023).

11. Закон о «суверенном Рунете» грозит уничтожение интернету вещей // Cnews, 21.03. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2019-03-21_zakon_o_suverennom_runete_grozit_unichtozheniem (дата обращения 10.01.2024).

12. СПЧ просит Совет Федерации отклонить законопроекты о наказаниях за фейковые новости и неуважение к власти. URL: <http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/5324/> (дата обращения 01.01.2024).

V. V. Pavlov (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

***INFORMATION SECURITY OF THE RUSSIAN STATE IN THE
CONDITIONS OF TRANSFORMATION OF THE SYSTEM OF
INTERNATION RELATIONS***

The process of globalization and fragmentation of the system of modern international relations are considered. The main attention is paid to the information and communication aspects of ongoing processes and issues of ensuring the information.

Globalization, internet, information, communication, sovereignty, fragmentation

УДК 111.1+130

Е. В. Пастухова (ФГБОУ ВО ОмГМУ Минздрава России, e-mail: lyis-yakova@mail.ru);

А. С. Кондина (Российский экономический университет РЭУ им. Г. В. Плеханова, e-mail: annfom@gmail.com);

С. П. Назаров (ФГБОУ ВО ОмГМУ Минздрава России, e-mail: 911-service@mail.ru)

АСИММЕТРИЯ ЭГО-НАРРАТИВА В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВА ТРАНЗИТИВНОГО ПЕРИОДА

В статье рассматриваются взаимоотношения человека и общества в период перехода от постиндустриального общества к цифровому. Такие характерные особенности современного человека как хайп, выставление своей жизни на общественное обозрение и одобрение является в определенной мере показателем современной культуры. Я-рассказывание, я -показывание в условиях общества транзитивного периода становится своего рода ключиком для формирования и развития цивилизации, характеризующейся всесторонней информатизацией социальных структур и доминированием сферы информационных услуг. Поиск выхода из этой ситуации предлагается проследить через исследование асимметрии нарратива как единения показывания и рассказывания.

Я-показывание, я-рассказывание, эго-нарратив, транзитивный период

Презентация субъектом себя в современном обществе становится важной составляющей взаимодействия человека и окружающей его среды. Среда подразумевает в себе не только природу, экологическую систему, но и общество в целом. При этом следует отметить что «традиционное противопоставление "я" и окружающего мира заменяется представлением о том, что наше "я" – это поле, которое постоянно расширяется, углубляется, сливаясь со всем существующим на планете» [1, С. 171], человек утрачивает индивидуальную свободу, подчиняясь душе природы, растворяясь в ней [2].

Теория прогресса П. Л. Лаврова и "формула прогресса" Н. К. Михайловского [3, 4], которые изучали взаимное влияние общества и личности, исследует как будто инопланетное существо, если смотреть на это глазами современного человека общества потребления.

Человек, по Ницше, это не только то, что человек собой представляет здесь и сейчас, но и то, что он хочет, чтобы он был или то, каким ему хотелось бы выглядеть в глазах других людей. Проблема на самом деле очень актуальна, так как это заставляет человека не только думать (просто размышлять об этом, лежа на диване) на тему как становиться лучше, но и делать, действо-

вать, предпринимать какие-то реальные шаги к самосовершенствованию, развитию, по продвижению себя и ситуации в целом в том направлении, которое видится как заданное самим человеком.

Нарратив здесь может играть как роль созидателя, так и разрушителя. Тексты, побуждающие и пробуждающие мысли и действия, направленные на создание себя, определенной идеи или развитие собственных способностей или стремлений можно расценивать как имеющие внутренний мотив, способствующий росту. Так, например, идея приближения истории к личности, высказанная Н. К. Михайловским и рассматриваемая в трудах П. Л. Лаврова, исследуется ими как формула прогресса. Если же говорить о культуре транзитивного периода современного общества, то эго-нарративы, проявляемые в я-показывании и я-рассказывании содержат в себе другой мотив, можно назвать его разрушительным.

Взаимоотношения человека и общества, внимание которого стремится привлечь к себе субъект, коренным образом меняется. В поисках хайпа любители выставить себя напоказ не задумываясь совершают то, до чего в другое время и додуматься нельзя было. Показывание и рассказывание отрывков своей жизни неважно какого качества и содержания, лишь бы обо мне говорили любой ценой, становится эго-нарративами, я-рассказываниями, я-показываниями. Выставление напоказ мало способствует развитию себя, а также общества, которое личность эпатажными высказываниями и демонстрациями пытается шокировать.

Для лингвистики и философии, а также методики преподавания иностранных языков сам по себе нарратив, а также такие его аспекты, как показывание и рассказывание представляет особый интерес. Это своего рода богатый материал для анализа асимметрии структуры дискурса, с одной стороны, и отличная возможность использования различных видов говорения и письма при изучении языка. Так или иначе нарратив и указанные его составляющие отсылают к «Трактату» Витгенштейна, пронизанному выявлению различий между тем, что может быть сказано с помощью осмысленных предложений, и тем, что может быть только показано.

Нарративный подход, включающий в себя как две стороны одной медали исследование показывания и рассказывания, как отмечает Кондина А. С. [5], акцентирует внимание на дискурсивной природе рассказа и понимает его как инструмент-посредник конструирования и объяснения смысла, указывая на центральную идею процесса повествования в создании идентичности и осмыслении индивидуального опыта, ориентируется на поиск стратегий высказывания показывания и рассказывания, проявляя те или иные культурные установки, действующие в обществе, в том числе и в асимметрии нарратива экономики, в бонистике как нарративе эпохи [6] транзитивного периода.

Стремление к тому, чтобы быть лучше, искреннее, цельнее представляет собой интенцию не только самого по себе человека как отдельного существа,

но и как представителя определенного сообщества, в национальном, культурном или профессиональном аспекте.

Современное общество потребления в этом плане переход в понимании человека в постмодерне вполне закономерен и логичен. Творец и со-творец, соавтор выступает в роли слушателя, зрителя, читателя, что и проявляет асимметрию нарратива в целом и эго-нарратива в частности.

«Кто-то пусть гениально играет на флейте,
Но ведь песни берет он из вашей души».

Этот отрывочек стихотворения А. Деменьтева точно отражает понимание наблюдателя как воспринимающего субъекта, человека постмодерна. Наблюдатели выступают в роли двойного зеркала или отражателя. Они отражаются сами в том, что видят, слышат и чувствуют, понимая и воспринимая это так, как могут делать это только они, одновременно запуская реакцию и на окружающих, общество, в котором они находятся, и на творца, интерпретатора, исполнителя.

Можно заключить, что личность автора, субъекта как творца в постмодерне ставится на одну ступеньку с рефлексирующим по поводу созданного реципиентом. Ницшевский сверхчеловек именно тогда рождается и проявляется в результате акта сотворчества, события, наррации, как способа сопережить свой акт инсайта наряду или параллельно личности творца. Такие трансформации с переходом от потребления к сотворчеству характеризуют влияние личности на общество и наоборот, а также отчасти характеризуют понимание членами общества их роли в его (обществе) жизни.

Сами по себе я-показывания больше всего характерны для искусства, культуры в самом широком смысле этого слова. Для науки, по крайней мере, для науки в её классическом понимании, больше подходят мы-высказывания. Определённо, цифровые технологии предлагают новые возможности как для создания, так и для передачи истории. В литературе и искусстве нарратив играет важную роль в создании эмоциональной связи между героями и читателями. В то же время я-показывание читателя как будто подменяется я-показыванием героя, но именно во время чтения. После в рассказе о событии рассказывания прочитавший может занять это место, ощущая себя из пустоты состоящего эго, атома, проявляющегося в конечности существования [7].

С развитием цифрового мышления нарратив как способ передачи информации через повествование обретает новые способы своего распространения, которые позволяют расширить возможности создания и распространения нарративов. Так благодаря цифровым инструментам, такие как медиа, видео- и аудиоплатформы, а также различные интерактивные приложения я-рассказами можно делиться с миллионами людей по всему миру.

Более того, цифровые технологии позволяют создавать интерактивные и мультимедийные эго-нарративы, которые вовлекают зрителей и читателей в процесс истории. Цифровое мышление даёт возможность более широко и эффективно использовать асимметрию нарратива [8] для передачи информации, воздействия на аудиторию и создания новых форм коммуникации.

Источники:

1. Дмитриева Н. В. Современное состояние проблемы взаимоотношение природы – человека общества: социально-философский анализ // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2012. №1 (63). С. 170–175.
2. Бейтсон Г. Шаги в направлении экологии разума / Г. Бейтсон; пер. Д. Я. Федотова, расширенное переиздание. М.: УРСС, 2005.
3. Лавров П. Л. Формула прогресса Н. К. Михайловского. Противники истории. Научные основы истории цивилизации. СПб, 1906
4. Лавров П. Л. Исторические письма 1868–1869 // Философия и сициология: избранные произведения в 2-х т. Т. 2. М: Мысль 1965
5. Кондина А. С. Экспериментальность нарратива в процессе обучения иностранному языку студентов неязыковых факультетов // Ярославский педагогический вестник. 2021, №1 (118). С. 90–96
6. Пастухова Е. В. Деньги как нарратив эпохи // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования, 2020, № 1 (26), с. 23–26.
7. Максименко Л. А. Атомизм как антропологический эго-принцип // Человек и общество в нестабильном мире. Материалы международной научно-практической конференции. Отв. ред. Г. И. Тюменцева. 2018. С. 85–90.
8. Назаров С. П. Специфика асимметрий конфликта в виртуальном пространстве // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования, 2022, № 4 (37), с. 38–42.

E. V. Pastukhova (the Foreign Languages Department, OmSMU);

A. S. Kondina (REU);

S. P. Nazarov (OmSMU)

EGO NARRATIVE ASYMMETRY IN A SOCIETY IN TRANSITION PERIOD

The article examines the relationship between man and society during the transition from post-industrial to digital society. Such characteristic features of a modern person as hype, putting one's life on public display and approval are to a certain extent an indicator of modern culture. I-telling, I-showing in the conditions of a society of the transitive period becomes a kind of key for the formation and development of a civilization characterized by the comprehensive informatization of social structures and the dominance of the sphere of information services. The search for a way out of this situation is proposed to be traced through the study of the asymmetry of narrative as a unity of showing and telling.

I-showing, I-telling, narrative, transitive period

УДК 316.64

Е. А. Пашковский (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: egn-pashkovsky@rambler.ru)

ВОЛОНТЕРСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

В 1990-е годы в России началась постепенная институционализация волонтерства, которая к настоящему времени достигла больших успехов. Сегодня волонтерская деятельность имеет в нашей стране широкое распространение и при этом достаточно низкую популярность, что актуализирует вопрос изучения социальных представлений о добровольческой деятельности. Представлены результаты пилотажного исследования установок, связанных с различными аспектами отношения к волонтерству.

Волонтер, волонтерская деятельность, добровольчество, некоммерческая организация

Слово «волонтер» восходит к французскому «volontaire», которое, в свою очередь, произошло от латинского «voluntarius» [1, С. 55]. Перевод обеих слов – «добровольный», поэтому аналогом в русском языке можно считать слово «доброволец». В Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля дается такое определение слова «доброволец»: «охотник в рекруты по найму, наймист» [2]. В толковом словаре С. И. Ожегова приводятся два значения этого слова: «Человек, добровольно вступивший в действующую армию»; «тот, кто добровольно взял на себя какую-нибудь работу» [3]. В современном «Большом толковом словаре официальных терминов» отмечается, что добровольческая деятельность (волонтерство) – «добровольная, безвозмездная, социально значимая деятельность физических лиц – добровольцев, реализуемая от лица и/или по поручительству негосударственной коммерческой организации» [4]. В 1990-е гг. термин «волонтерство» вошел в широкое употребление в России, и с этого же времени в нашей стране началась постепенная институционализация массовой добровольческой деятельности. Представляется, что сегодня деятельность некоммерческих организаций имеет в нашей стране широкое распространение и при этом достаточно низкую популярность, что актуализирует изучение социальных представлений о волонтерстве.

Методологическую основу исследования, таким образом, составили, теория социального действия М. Вебера, в рамках которой волонтерство может быть проанализировано как пример ценностно-рационального действия, основанного на вере в безусловную самодовлеющую ценность определенного по-

ведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет [5]; теория социальных представлений С. Московичи, а именно мысль о том, что представления – специфический способ понимания и коммуникации, «который создает реальность и здравый смысл» [6, С. 33].

Эмпирическую часть составило пилотажное исследование установок на тему волонтерства методом анкетирования 27 респондентов. В выборку попало 16 мужчин и 11 женщин, около трети респондентов находятся в возрасте от 21 до 30 лет, другая треть – от 31 до 40, остальные относятся к другим возрастным категориям.

Исследовательские гипотезы сформулированы следующим образом: устойчивые представления о смысле понятия «волонтер» в российском обществе только формируются; волонтерство имеет большое распространение в современной России и, при этом, невысокую популярность; в России доминируют альтруистические мотивы волонтерской деятельности нежели те, что связаны с удовлетворением личных потребностей.

Рассмотрим представления респондентов о трактовках понятия волонтер. В анкете было предложено выбрать наиболее близкий вариант определения из следующих: «Человек, выполняющий общественную работу добровольно и на безвозмездной основе» (48%), «Человек, занимающийся полезной для широкого круга людей деятельностью, как бесплатно, так и за вознаграждение» (30%), «Человек, занимающийся благотворительностью любым способом (непосредственная деятельность, финансовая поддержка нуждающихся, любые другие формы помощи)» (15%), «Человек, на добровольной основе помогающий как широкому, так и более узкому кругу людей (семья, родственники и друзья, коллектив предприятия)» (7%). По результатам видно, что представления не однозначны. Общее во всех определениях то, что волонтер – это тот, кто явно помогает различным социальным группам, то есть занимается общественно полезной деятельностью. При этом различается объем этих групп, возможность получить вознаграждение за работу, характер самой помощи (финансовая или личным трудом).

Учитывая, что волонтерство – деятельность, только недавно начавшая свою институционализацию в нашей стране, пока не имеющая широкой популярности, а также в силу самой ее природы, подразумевающей проявления альтруизма, интерес представляют мотивы людей к добровольчеству. Респондентам было предложено проранжировать семь возможных мотивов, среди которых «Радость от общения с другими людьми, совместной работы», «Возможность отвлечься от собственных проблем», «Желание быть востребованным широким кругом людей», «Необходимость найти дополнительный источник самореализации», «Возможность получить первый опыт работы, пусть и не за вознаграждение», «Желание изменить общество к лучшему», «Стремление помочь тем, кто находится в худшем положении». Два последних не включают удовлетворения личных потребностей, и именно их поставили на первые

три места относительное большинство респондентов (74% и 56% соответственно). Также 59% респондентов отдали первые места необходимости найти дополнительный источник самореализации, но упоминался этот мотив чаще в третью очередь. 52% первые роли отдавали радости от общения с другими и совместной работы. Как видно, мотивы, связанные с решением более личных и корыстных задач, в целом ставились на более низкие места. На пятое, шестое и седьмое место чаще (по 52% голосов респондентов) определялись желание быть востребованным широким кругом людей и возможность получить первый опыт работы, пусть и не за вознаграждение.

О положительной оценке волонтерства как вида деятельности в целом говорят ответы на вопрос «Если у Вас есть (были бы) подрастающие дети, внуки, хотели бы Вы, чтобы они занимались волонтерской деятельностью?»: в сумме 63% дают положительный ответ и лишь 7% – отрицательный.

Тем респондентам, которые имеют непосредственный опыт волонтерской деятельности (таких оказалось 7 человек из 27) задавались вопросы о характере их деятельности, а также связанные с рефлексией относительно мотивов, побудивших к этому занятию, трудностей, с которыми они столкнулись. В качестве сфер деятельности перечислялись защита лесов, организация школьных и городских праздников, работа в приютах для животных и помощь им (трижды), гуманитарная помощь участникам специальной военной операции, помощь девушкам в сложных жизненных ситуациях, помощь в церкви, помощь детям-аутистам.

Среди мотивов доминирует чувство жалости («Чрезмерное чувство жалости к нуждающимся и понимание возможности помочь им»; «Помощь нуждающимся, жалость к бездомным»; «Наверное, жалость!»). Также перечислялись следующие: «Просто в какой-то момент понимаешь, что это должен кто-то сделать. Так почему бы и не я?»; «Животные – беззащитные, они нуждаются в нашей помощи». Таким образом, мотивы респондентов, которые действительно занимались волонтерством, также носят выраженный альтруистический характер; кроме того, в отличие от общих ответов о мотивах других людей, здесь во всех ответах прослеживается эмоциональный посыл, что позволяет трактовать волонтерство, опираясь на теорию социального действия М. Вебера как действие не только ценностно-рациональное (оказание помощи другим из осознания того, что это безусловно важно и правильно), но и аффективное – совершаемое под воздействием чувств.

Отвечая на вопрос «С какими трудностями Вы столкнулись в ходе волонтерской работы?», респонденты более всего упоминали в той или иной степени негативное восприятие окружающих: «К волонтерам редко относятся серьезно, воспринимают их, как наивных беззаботных людей, либо как просто бесплатную и не защищенную законом в полной мере рабочую силу»; «Непонимание окружающих!!!», «Часто думают, что вы мошенники». Можно предположить, что в нашей культуре, несмотря на одобрение добровольческой деятельности, когда о ней говорится гипотетически, пока не сформировались

установки, которые позволяют в полной мере принять волонтерство как часть обыденной жизни, полноценный социальный институт.

Несколько вопросов анкеты были направлены на выявление сфер общества, к которым относятся наиболее известные респондентам организации, а также тех, где, существует наибольшая потребность в их деятельности. На вопрос «Каких волонтерских организаций нашей стране больше всего не хватает?» (с выбором до трех ответов) подавляющее число респондентов (56%) выбрало вариант «правозащитных»; 44% отметили нехватку таких структур в сфере медицины, 41% – экологии, 33% – образования, 30% выбрали вариант «культурных (например, способствующих сохранению и популяризации памятников и музеев)». Примечательно, что двое респондентов (оба имеют опыт волонтерской деятельности) ответили, что самих организаций в стране достаточно, но они не имеют нужной популярности или широкой общественной, в том числе, материальной, поддержки: «У нас достаточно организаций, как по мне. Здесь больше вопрос о том, какое количество людей готово им помогать, в первую очередь финансово. 250 рублей – стакан кофе, который может спасти чью-то жизнь»; «Достаточное количество организаций, просто у части из них проблемы в структуризации работы и популяризации деятельности». Отметим, что вопрос о финансировании некоммерческих организаций в общественно-политической практике является дискуссионным (среди источников перечисляются пожертвования предпринимателей, государственные дотации, взносы учредителей организации, доходы от краудфандинга) и, очевидно, требующим отдельного социологического исследования.

В ответ на просьбу назвать конкретные известные респонденту волонтерские организации, существующие в современной России, в несколько раз чаще других звучало название поисково-спасательного отряда «ЛизаАлерт» (37% респондентов), 15% вспомнили Всероссийское Общественное Движение «Волонтеры Победы», по 7% – благотворительный фонд «Подари жизнь», организацию по помощи бездомным «Ночлежка». Также перечислялись организации, работающие в сферах социальной помощи пожилым людям, защиты прав военнослужащих, помощи бездомным животным, распространения информации о различных добровольческих организациях, медицинской и социальной помощи детям, медицинской помощи людям с онкологическими заболеваниями, поиска пропавших, популяризации раздельного сбора мусора, организации спортивных массовых мероприятий, сбора вещей для нуждающихся. Можно заключить, что наибольшую известность имеют организации, связанные с материальной и медицинской помощью нуждающимся, попавшим в трудную ситуацию людям.

Осведомленность респондентов о государственных программах, осуществляющих информационную, коммерческую и другую поддержку волонтерству оказалась невысокой – 52% с ними не знакомы, 37% «что-то слышали, но без подробностей». Примерно такую же картину показал опрос ВЦИОМ,

сделанный в конце 2022 г. [7]. Таким образом, требуют большей огласки и популяризации программы, введенные Национальными проектами 2019–2024 (см., например, [8]), изменения в Федеральный закон «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» от 27 ноября 2023 г., усилившие меры государственной поддержки волонтерства [9].

Таким образом, исследовательские гипотезы в основном нашли свое подтверждение. Представления респондентов о сущности понятия «волонтер» оказались разными, что говорит об относительной новизне и только формирующемся характере соответствующего социального института в российском обществе. Тем не менее, учитывая, что 26% отобранных случайным образом респондентов разного возраста имеют опыт волонтерской деятельности, а также, что только четверть респондентов не смогли назвать ни одной волонтерской организации, очевидно, что волонтерская деятельность широко распространена в нашей стране, хотя, вероятно, не имеет достаточной огласки, популярности, широкой социальной поддержки. Среди мотивов, побудивших людей заняться волонтерской деятельностью, в социальных представлениях доминируют альтруистические. В частности, движимое не только разумом, но и чувствами, стремление помочь тем, кто находится в трудном положении.

Источники:

1. Горлова И. Н. Становление и развитие института волонтерства в России: история и современность. М.: Ин-т Наследия, 2019.
2. Толковый словарь Даля онлайн. URL: <https://slovarda-lja.net/word.php?wordid=6510> (дата обращения: 16.01.2024)
3. Толковый словарь Ожегова онлайн. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=6742> (дата обращения: 16.01.2024)
4. Большой толковый словарь официальных терминов: более 8000 терминов / сост. Ю. И. Фединский. М.: Астрель; АСТ; Транзиткнига, 2004.
5. Макс Вебер: Основные социологические понятия. Избранные произведения. Перевод с немецкого и общая редакция: Ю. Н. Давыдов. М.: «Прогресс», 1990.
6. Moscovici S. The phenomenon of social representations // Social representations: Explorations in social psychology. / ed. by G. Duveen. NY: Polity Press, 2000. P. 18–77.
7. В волонтеры я б пошел! // ВЦИОМ. 05.12.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/v-volontery-ja-b-poshel> (дата обращения: 16.01.2024).
8. Социальная активность // Национальные проекты. URL: <https://национальныепроекты.рф/projects/obrazovanie/volonterstvo> (дата обращения: 16.01.2024).
9. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: publication.pravo.gov.ru/document/0001202311270018?index=1 (дата обращения: 16.01.2024).

E. A. Pashkovsky (St. Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

***VOLUNTEERING IN MODERN RUSSIA THROUGH THE LENS OF
SOCIAL REPRESENTATIONS***

In the 1990s, a gradual institutionalization of volunteering began in Russia, which has now achieved great success. Today, volunteering is widespread in our country and at the same time quite low in popularity, which raises the issue of studying social representations about volunteering. The results of a pilot research of attitudes related to various aspects of attitudes towards volunteering are presented.

Volunteer, volunteer activity, volunteerism, non-profit organization

УДК 17.01

В. Ю. Перов (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: vadimperov@gmail.com)

ЭТИЧНЫЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ВОЗМОЖНЫЕ СМЫСЛЫ И РИСКИ

Исследование проведено в рамках проекта РНФ № 24-28-00562 «Философские основания этических рисков в сфере систем искусственного интеллекта»

Рассматриваются некоторые этические риски в связи с широким распространением систем искусственного интеллекта (ИИ) с использованием GPT. В ходе исследования выделены различные смыслы понимания этического ИИ (искусственный моральный агент (ИМА), аскриптивный ИМА, этически согласованный ИИ). В качестве основных этических проблем проанализированы диффузия ответственности, опасности супердоверия и риски цифрового этического патернализма.

Этичный искусственный интеллект, GPT, искусственный моральный агент, антропоморфизация, ответственность, доверие, автономия, патернализм

Одним из важных публично значимых технологических событий 2023 года стало массовое использование технологий искусственного интеллекта (ИИ) на основе GPT (Generative pre-trained transformer (англ.) – Генеративный предобученный трансформер (рус.)). В максимально широком и обобщенном смысле GPT представляет собой совокупность вариаций так называемых нейронных (нейросетевых) Больших Лингвистических Моделей (БЛМ (рус.) или Large Language Model (LLM) (англ.)), которые способны посредством обработки большого количества данных генерировать схожие с создаваемыми людьми тексты. Следует отметить, что благодаря массовому использованию подобные нейросетевые технологии уже получили свое заслуженное признание, в частности в программном обеспечении машинного перевода. Сам же GPT был анонсирован сотрудниками компании OpenAI в 2018 г. [1], но изначально он использовался преимущественно для разработки различных продуктов IT-компаниями. Ситуация кардинально изменилась, когда широкой публике был предоставлен для открытого использования ChatGPT (30.10.2022). Ещё большее впечатление на пользователей произвел выпуск следующей версии, основанной на GPT-4 (14.03.2023), с помощью которой можно не только получать ответы на поставленные вопросы, создавать тексты, писать стихи и т. д., но также генерировать рисунки и музыкальные произведения. В настоящее время количество разнообразных аналогов, разработанных как IT-гигантами, так и небольшими компаниями и стартапами, с трудом

поддается учёту. ChatGPT от компании OpenAI стал самым быстрорастущим интернет-сервисом за всю предшествующую историю (более 1 млн. пользователей за 5 дней работы). В совокупности эти и сопутствующие обстоятельства обеспечили то, что для большинства людей именно данная технология прочно ассоциируется с таким ИИ, который по своим возможностям сопоставим с человеческим разумом (что, конечно, не соответствует действительности, но речь идёт именно о таких его оценках). Это отличается от восприятия технологий ИИ, уже используемых в промышленности, финансовой и банковской сферах, системах обработки данных, применяемых государственными или бизнес структурами, включая алгоритмы распознавания и идентификации, а так же основанные на данных прогностических и рекомендательных системах ИИ. Несмотря на широкое распространение таких технологий, даже при наличии их относительной автономии и возможной антропоморфизации они все равно не воспринимаются в качестве разумных существ, как это видно на примерах домашних устройств типа стиральной машины или робота-пылесоса, а также в отношении беспилотных транспортных средств. Именно GPT оказался своеобразным триггером, запустившим повышенный интерес к ИИ, в том числе в плане обсуждения социальных и этических рисков его использования. В публичном пространстве традиционных СМИ, «новых медиа» и социальных сетей развернулись бурные дискуссии, начиная от вопросов по поводу возможной «смерти» целого ряда профессий (одним из следствий подобной перспективы стала продолжавшаяся в 2023 г. более 150 дней забастовка Гильдии сценаристов США, завершившаяся договорённостью о правилах и ограничениях использования ИИ при написании сценариев) до казалось бы далёких от непосредственного влияния ИИ экологических проблем резкого увеличения объемов использования пресной воды для охлаждения серверов и дата-центров в связи с ростом числа интернет-обращений к технологиям GPT.

Одним из свидетельств популярности темы ИИ стало то, что подавляющее число специалистов в области изучения современного состояния языков выбрали «слова года» из этой сферы. Так, аббревиатура AI (Artificial Intelligence (англ), русскоязычный аналог ИИ), как описывающая «моделирование психических функций человека с помощью компьютерных программ» стала словом 2023 г. словаря Collins Dictionary [2]. В русском языке согласно версиям Государственного Института русского языка им. А.С.Пушкина [3] и интернет-портала Грамота.ру в 2023 г. словом года является «нейросеть»: «Анализ контекстов показывает, что употребления слова нейросеть соотносятся с той стороной искусственного интеллекта, которая обращена к людям и взаимодействует с ними, решая их задачи. Нейросеть в бытовом, нетерминологическом смысле воспринимается говорящими как своего рода живое существо, которое можно учить, тренировать, с которым можно вступать в коммуникацию. Этим она отличается от ИИ как такового, который остается в массовом сознании сложной, непостижимой, непредсказуемой, а иногда и опасной технологией» [4].

Данная цитата демонстрирует упомянутую ранее тенденцию антропоморфизации технологий ИИ с использованием GPT и противопоставлением их тем системам ИИ, которые рассматриваются исключительно как технико-инженерные продукты. Но если возникают идеи «очеловечивания» ИИ, то вполне разумно допустить обсуждение возможности того, что эти технологии обладают или могут потенциально обладать какими-то моральными характеристиками. Иными словами, ставится вопрос об этичности ИИ. Анализ современных исследований и публичных обсуждений позволяет выделить следующие возможные смыслы «этичного ИИ» и возникающие риски (следует оговориться, что речь пойдет именно об этических рисках, а не о таких этически значимых рисках как киберпреступность, безопасность, военное применение ИИ, влияние на экономику и социальную сферы, трансформации на рынке труда и т. д.).

1) Моральный ИИ. Данный вариант может быть рассмотрен в следующих ракурсах.

1а) Для начала стоит остановиться на идее существования ИИ как носителя нравственных качеств, то есть о возможности создания Искусственных Моральных Агентов (ИМА). Сразу следует оговориться, что данный вариант этичности ИИ включен в перечень скорее для полноты картины, поскольку в настоящее время не существует и не предвидится подобных технологий, что находит отражение во всех без исключения этических документах, призванных регулировать этические проблемы в сфере ИИ. Тем не менее, данная проблема обсуждается, и к наиболее часто фиксируемому этическим рискам относится не просто идея контролируемости, но и возможности «выхода» технологий ИИ за пределы антропоцентрической нравственности посредством создания собственных моральных норм и ценностей. Конечно, данный сценарий развития событий является слишком нереалистичным, но его значение состоит в эвристическом потенциале критического осмысления существующей нравственности, оценке её устойчивости в отношении возможных рисков.

1б) Другой вариант можно назвать «аскриптивный ИМА». Его отличие от предыдущего состоит в том, что системы ИИ не рассматриваются как реально обладающие какими-то нравственными качествами, но в силу наличия характеристик, успешно имитирующих психические, интеллектуальные, эмоциональные и т. д. свойства людей, им можно приписать «быть моральными» в каких-то отношениях. Следует отметить, что практика приписывания собственных людям нормативных характеристик искусственным образованиям уже имеет устойчивую историческую практику. Важным в данном контексте является понятие «юридическое лицо» в отношении организаций, которые в том числе рассматриваются и в качестве коллективных моральных агентов. Последние, хотя и не являются людьми (физическими лицами), но к их деятельности могут предъявляться не только юридические, но и некоторые моральные требования (например, в рамках так называемой корпоративной социальной ответственности). Такое положение дел обусловлено спецификой рыночной экономики (понятие юридическое лицо появилось в российском

праве в 1906 году [5, С. 44]), в которых люди постоянно вступают в экономические отношения с компаниями, фирмами и т. д. в качестве хозяйствующих субъектов. Широкое распространение цифровых технологий в современном обществе, постепенно расширяет сферу взаимодействия с системами ИИ, причем последние из посредника в отношениях между людьми постепенно превращаются в автономно действующих агентов. В этом контексте к наиболее важным этическим рискам можно отнести те, которые прямо или косвенно проистекают из общих проблем антропоморфизации ИИ. Во-первых, это совокупность вопросов, связанных с моральной ответственностью, прежде всего с опасностью диффузии (размывания) ответственности. Нужно отметить, что данное явление присуще и в отношении коллективных субъектов, но когда речь идёт о юридических лицах, то там действующими субъектами всегда остаются люди, в то время как системы ИИ обладают достаточно высокой степенью автономии. Во-вторых, это риски, которые могут быть обобщенно названы «супердоверием», когда люди перекладывают на технологии ИИ выполнение своих задач, решение которых оказывает существенное влияние на них или на других людей. Хотя в настоящее время юридически и нормативно закрепленных «аскриптивных ИМА» не существует, упомянутые этические риски уже реальны. В связи с этим возникает теоретическая и практическая потребность, с одной стороны, определить возможности этической аскрипции в отношении систем ИИ, с другой стороны, осуществить демаркацию, чтобы избежать избыточной моральной антропоморфизации.

2) Этически согласованный ИИ. В данном случае речь идет не о моральных свойствах самих ИИ в обоих обозначенных ранее смыслах, а о тех этических принципах и требованиях, которые должны быть заложены в них разработчиками, чтобы (а) их деятельность соответствовала существующим этическим нормам и ценностям и (б) их было бы нельзя использовать в неэтичных целях. Наиболее показательными в этом плане являются идеи, разработанные одной из ведущих в области цифровых технологий организацией Институтом инженеров электротехники и электроники – (англ. Institute of Electrical and Electronics Engineers, сокр. IEEE). В опубликованном документе под показательным названием «Глобальная инициатива IEEE по этике автономных и интеллектуальных систем. Согласованный с этикой дизайн: Концепция приоритизации благополучия человека с помощью автономных и интеллектуальных систем» сформулирована центральная мысль данного подхода: «Внедрение ценностей в автономные системы. Если машины взаимодействуют с человеческими сообществами в качестве квазиавтономных агентов, то ожидается, что эти агенты будут следовать социальным и моральным нормам сообщества». [6, Р. 8]. Важным обстоятельством является особенность понимания идеи согласования. В английском языке для этого используется слово «align», которое имеет, в том числе, и более технические значения: настройка, юстировка и т. д. Иными словами, самостоятельно и бесконтрольно функционирующие ИИ требуют специальной «этической калибровки» со стороны разработчиков.

Возникающие в этом случае этические риски прежде всего обусловлены теми моральными стандартами, в соответствии с которыми осуществляется данная настройка: этические взгляды разработчиков могут не совпадать с нравственными представлениями того сообщества, с которым они должны быть согласованы. В результате, внедренные в ИИ моральные ценности могут быть чуждыми и навязанными. Показательным в этом контексте является то, что практически все существующие технологии ИИ с использованием GPT сопровождаются этическими дисклеймерами или ограничениями возможностей получения ответов на этические вопросы. Но нет гарантий, что убежденность в собственной моральной непогрешимости разработчиков не позволит восторжествовать «цифровому этическому патернализму» с их стороны.

В качестве общего вывода можно сформулировать следующее положение. В настоящее время ни один из возможных смыслов этичного ИИ, включая GPT, не свободен от этических рисков, которые необходимо теоретически исследовать и практически контролировать.

Источники:

1. Radford A. Narasimhan K. Salimans T. Sutskever I. Improving Language Understanding by Generative Pre-Training URL: https://web.archive.org/web/20210126024542/https://cdn.openai.com/research-covers/language-unsupervised/language_understanding_paper.pdf (дата обращения 09.01.2024)
2. The Collins word of the year 2023 is...// Collins Dictionary URL: <https://www.collinsdictionary.com/woty> (дата обращения 09.01.2024)
3. Институт Пушкина назвал главное слово года в русском языке (18.12.2023)// РБК URL: <https://www.rbc.ru/society/18/12/2023/657ffc1d9a79472cfba66e12> (дата обращения 09.01.2024)
4. Нейросеть – слово 2023 года по версии Грамоты (18.12.2023)// Грамота.ру URL: <https://gramota.ru/journal/novosti-i-sobytiya/neyroset-slovo-2023-goda-po-versii-gramoty> (дата обращения 09.01.2024)
5. Макаренко О. В. Юридическое лицо как правовая категория// Проблемы экономики и юридической практики, № 5, 2009, С. 42–45
6. The IEEE Global Initiative on Ethics of Autonomous and Intelligent Systems. Ethically Aligned Design: A Vision for Prioritizing Human Well-being with Autonomous and Intelligent Systems, Version 2. IEEE, 2017. P.266. URL: https://standards.ieee.org/wp-content/uploads/import/documents/other/ead_v2.pdf (дата обращения 09.01.2024)

V. Y. Petrov (Saint-Petersburg State University)

**ETHICAL ARTIFICIAL INTELLIGENCE:
POSSIBLE MEANINGS AND RISKS**

Some ethical risks in connection with the widespread use of artificial intelligence (AI) systems using GPT are considered. The study highlights different meanings of understanding ethical AI (artificial moral agent (AMA), ascriptive AMA, ethically aligned AI. Diffusion of responsibility, the dangers of supertrust and the risks of digital ethical paternalism are analysed as major ethical problems.

Ethical artificial intelligence, GPT, artificial moral agent, anthropomorphizing, responsibility, trust, autonomy, paternalism

УДК 004.8

Н. В. Перова (Институт философии РАН, e-mail: nino4kaperova@gmail.com)

ОГРАНИЧЕННОСТЬ ГЕНЕРАТИВНЫХ СИСТЕМ: ГАЛЛЮЦИНАЦИИ И СУБЪЕКТНОСТЬ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ № 24-28-00562 «Философские основания этических рисков в сфере систем искусственного интеллекта», Санкт-Петербургский государственный университет.

В данной статье рассматриваются возможности искусственного интеллекта в условиях ограниченных данных. Особое внимание уделяется проблемам галлюцинаций и субъектности, в том числе в контексте реализации творческой деятельности. Делается вывод об этической недопустимости автономной работы ИИ, в первую очередь генеративных систем.

Искусственный интеллект, генеративные системы, субъектность, галлюцинации, автономность, творческая деятельность, этическая допустимость.

Генеративные нейросети, способные создавать изображения и тексты, являются самым быстрорастущим сегментом рынка ИИ. Согласно отчету The Brainy Insights к 2032 году рост в данной области ожидается более 30% [1]. Активное распространение и использование этих систем вызывает множество опасений, связанных с проблемами субъектности и автономии, растущими рисками для творческой деятельности и в целом безопасности человека.

Оценку существующих реальных рисков использования и распространения генеративных моделей следует начать с процесса их обучения, который определяет их функционал и возможности развития. Основанием работы генеративной системы является глубинное обучение, которое происходит на основании определенной базы данных. Исходя из доступной системе информации устанавливаются соответствия, которые и определяют выдаваемый результат. В связи с этим, все возможности генеративной системы ограничены той обучающей выборкой, которая была ей доступна. Здесь важно понимать, что обучающая выборка генеративной системы по определению является ограниченной. Именно эта ограниченность выступает основанием для галлюцинаций – выдачи маловероятных последовательностей, зачастую противоречащих общеизвестной информации и здравому смыслу.

Согласно Попперу, разум, о котором мы говорим в контексте ИИ, определяется тем, что в него вложили мы – люди [2]. В этом смысле, можно говорить, что нейросети являются не более чем умным фильтром. Они обрабатывают знания, создаваемые человеком, найденные ими во всевозможных базах, и на их основе формируют уникальную комбинацию уже существующей информации.

Мы не можем говорить, что генеративная система создает нечто новое. Создаваемое ИИ не несет качественную ценность, в силу того что является рекомбинацией уже существующей информации. Это связано с тем, что ИИ не обладает субъектностью, а потому не может выступать творцом.

Это позволяет говорить о том, что генеративные системы, в том виде, в котором они существуют сегодня, не представляют угрозы творческой деятельности человека, как многие того опасаются. Не обладая самостью, или субъектностью, они могут выдавать только результаты, не имеющие качественной ценности. При этом, создать уникальное, будь то произведение искусства или научное открытие, они не могут.

В силу вычислительных мощностей, доступных ИИ, которые значительно превышают возможности человеческого мозга, генеративные системы действительно могут создавать решения, недоступные человеку. Широко известны истории о том, что ИИ выигрывает партии в го, доказывает теоремы, генерирует новую формулу для поиска числа π [3]. В силу этого появляются опасения, что интеллект генеративных моделей все больше превышает интеллект человека, и вскоре эти модели смогут занять место человека в науке, искусстве, медицине и других областях. Однако на самом деле возможности генеративного ИИ не столь безграничны. В силу все того же отсутствия субъектности, все генерируемые результаты (текстовые или визуальные) являются повторением существующих паттернов. Поднимаемые в контексте генеративных моделей опасения относительно создаваемых объектов как новых весьма иллюзорны. Они во многом вызваны ограничениями самого человека: мы не можем в той же степени, в какой ИИ, видеть воспроизводимые паттерны, но это не значит, что их нет.

Это действительно относительно всех видов творческой деятельности, будь то искусство, наука или что-либо другое. Машина может генерировать новые пути доказательств теорем, но сформулировать новые теоремы она не может. Именно это является творческой деятельностью в прямом смысле этого слова, но такая деятельность нуждается в понимании, субъектности, на которое ИИ не способен. Любая творческая деятельность основана на возможности собственного целеполагания. На сегодняшний момент, для генеративных систем это невозможно. Как было сказано ранее, их деятельность ограничена промптами, которые ограничивают деятельность нейросетей рекомбинациями существующих данных.

Не имея объективной ценности, создаваемые ИИ имеет коммерческую ценность. И сферы реализации этой ценности тоже демонстрируют существующие сегодня ограничения генеративных систем. В первую очередь речь идет о способности программировать на всех мыслимых языках программирования на уровне junior-программиста. В креативных областях позволяет формировать персонализированные предложения, выделять новые потребительские ниши и сегменты потребителей, формировать новые рекламные модули. Опять же, речь идет о работе с массивами данных на предмет выделения паттернов. Конечно, все мы знакомы с использованием ИИ в работе открытых поисковых систем, где

он определяет таргетированную рекламу и поисковые рекомендации. Однако, такое использование связано с большим числом галлюцинаций, что происходит в силу объемов обрабатываемой информации, а также невозможности генеративных моделей анализировать эту информацию. Опять же, речь идет об установлении паттернов на основе определенной частотности, а не рациональной работе с информацией, которая возможна только в условиях субъектности. Возникновение галлюцинаций происходит реже в корпоративных структурах, где ИИ используется для работы с внутренними базами данных. В ситуации ограниченного датасета, что возможно в условиях ограниченной корпоративной информации, продуктивность использования генеративных моделей возрастает, что связано с наличием рационально задаваемых ограничений параметров и обучающих выборок.

В целом, на сегодняшний день, галлюцинации являются одной из наиболее существенных проблем генеративных систем. Полностью автономные системы, способные работать совершенно без галлюцинаций, на сегодняшний день невозможны. Это, опять же, связано с отсутствием субъектности. Так, например, генеративные системы не способны различать аналитические и синтетические языки. Определяется ли подобное деление более сложной конструкцией, наличием в слове подчиненных элементов или фузии, в любом случае данный факт указывает, что для генеративных ИИ сложность языка не различима, что повышает уровень галлюцинаций. В силу отсутствия данного различия, система одинаковым образом может обучаться на языке любого типа, и генерировать ответы будет исходя из полученных данных. Это означает, что в случае обучения ИИ на основании базы данных, которая уже содержит в себе противоречивые данные и галлюцинации, именно на них и будут основаны ответы. Причем, опять же, в ситуации отсутствия понимания обрабатываемой информации, генеративная система не сможет определить, являются ли исходные данные галлюцинациями.

При этом, существуют, конечно, способы снижения галлюцинаций. В первую очередь речь идет о повышении качества тренировочной выборки и последующей проверки обучения генеративной системы. Особенно это актуально для открытых моделей. Однако, надо понимать, что на обучение существующих сегодня систем было потрачено немало усилий и ресурсов, причем речь идет как о человеческих, так и природных ресурсах [4], а уровень галлюцинаций все еще значительно высок. Существенным также будет добавление в процесс вывода этапа верификации информации. Опять же, на данный момент генеративные системы создают ответы на запросы путем рекомбинации информации, данной в датасетах без как таковой обработки этой информации. Введение этапа верификации позволит снизить уровень галлюцинаций за счет увеличения уровня достоверности ответов.

Невозможность существования полностью автономного ИИ связана так же и с неполнотой информации. Данные физического и виртуального миров на се-

годняшний день не объединены. Как уже было сказано ранее, обучение ИИ ведется на заведомо ограниченных выборках данных. В подобных условиях исключение галлюцинаций, и тем более достижение автономности генеративных систем, принципиально невозможно. Однако, конечно, нельзя говорить, что работа по созданию таких систем не ведется, при этом, надо понимать, что на данном этапе это экспериментальные процессы, не реализуемые за пределами лабораторий. Помимо этого, хотя это позволит снизить уровень галлюцинаций, а также повысить уровень автономности генеративных систем, это не означает, что они обретут субъектность. Речь идет о возможности взаимодействия с физическим миром в силу эмерджентности.

Тем не менее, остается открытым вопрос, насколько такое, или даже более значительное, повышение автономности ИИ возможно, или даже допустимо, с этической точки зрения. Сегодня любое использование генеративных систем остается подконтрольным человеку. Это означает, что даже в случае, когда эти системы применяются для принятия каких-либо решений, последнее слово остается за человеком. Внедрение ИИ продиктовано стремлением к повышению эффективности принимаемых решений, поскольку, как уже было сказано раньше, мощности ИИ позволяют устанавливать паттерны, недоступные человеку. При этом, окончательное решение, включая допустимость и возможность реализации решения, принятого ИИ, остается за человеком. Понятно, что сейчас это во многом обусловлено тем, что, в силу ряда причин, ИИ не обладает достаточной автономией. Однако, имеет смысл говорить о том, что даже в будущем, когда, возможно, подобный уровень автономии ИИ будет достигнут, важно понимать, что подобную самостоятельность нельзя допускать.

Постепенно по всему миру происходит осознание того, что генеративные модели всегда должны оставаться под контролем человека. На это указывает не только общее число обсуждений о необходимости контроля ИИ, но также и сами по себе продвигаемые инициативы. Так, OpenAI, которым принадлежит возможно наиболее известная сегодня генеративная система GPT, выступают за Управление суперинтеллектом (Governance of superintelligence) [5]. Они обращают внимание на то, что если не сейчас, то в весьма недалеком будущем ИИ будет мощнейшей технологией, когда-либо созданной людьми. В связи с этим, необходимо обеспечить безопасность процесса интеграции ИИ в общественные процессы и, в целом, уделить особое внимание снижению рисков использования ИИ. Джеффри Хинтон, которого называют Крестным отцом ИИ, говоря об опасностях генеративных систем, выделил, помимо прочего дезинформацию, предвзятость и дискриминацию [6], которые зачастую являются результатом именно галлюцинаций. В ситуации автономной работы генеративной системы, в условиях высокого уровня галлюцинаций и отсутствия субъектности, риски ИИ будут высоки как никогда. В связи с этим, полностью автономная работа генеративных систем является этически недопустимой.

Источники:

1. Generative AI Market // The Brainy Insight. 2023. URL: <https://www.thebrainyinsights.com/report/generative-ai-market-13297> (дата обращения: 15.11.2023)
2. Popper K., Eccles J. The Self and Its Brain: An Argument for Interactionism. Berlin: Springer, 1977. P. 208.
3. Bailey D. H. Google AI system proves over 1200 mathematical theorems // Math Scholar. 26.04.2019. URL: <https://mathscholar.org/2019/04/google-ai-system-proves-over-1200-mathematical-theorems/> (дата обращения: 18.11.2023)
4. DeGeurin M. 'Thirsty' AI: Training ChatGPT Required Enough Water to Fill a Nuclear Reactor's Cooling Tower, Study Finds // Gizmodo. 10.05.2023. URL: <https://gizmodo.com/chatgpt-ai-water-185000-gallons-training-nuclear-1850324249> (дата обращения: 10.11.2023)
5. Altman S., Brockman G., Sutskever I. Governance of superintelligence // OpenAI. 22.05.2023. URL: <https://openai.com/blog/governance-of-superintelligence> (дата обращения: 13.12.2023)
6. Rothman J. Why the Godfather of A.I. Fears What He's Built // The New Yorker. 13.11.2023. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2023/11/20/geoffrey-hinton-profile-ai> (дата обращения: 09.01.2023).

N.V. Perova (RAS Institute of Philosophy)

LIMITATIONS OF GENERATIVE SYSTEMS: HALLUCINATIONS AND SUBJECTIVITY

This article examines the capabilities of artificial intelligence in conditions of limited data. Particular attention is paid to the problems of hallucinations and subjectivity, including in the context of creative activity. The conclusion is made about the ethical inadmissibility of autonomous operation of AI, primarily generative systems.

Artificial intelligence, generative systems, subjectivity, hallucinations, autonomy, creative activity, ethical admissibility

УДК 316.4

Е. М. Петрова (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: st078736@student.spbu.ru)

НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СТРАТЕГИЙ АДАПТАЦИИ СОТРУДНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ РАМКА

Рассматривается явление адаптации, затрагиваются начальные основы изучения данного явления, понятия представлены в социологической рамке, приводятся данные актуальных исследований. Обнаруживается связь адаптации и мотивации. Раскрывается роль адаптации сотрудников образовательных организаций в их дальнейшей работе.

Адаптация, мотивация, цифровизация, дистанционный труд

В настоящее время стремительно развиваются цифровые технологии, которые затрагивают работу всех социальных институтов и приносят изменения во все сферы жизни общества. Цифровизация связана так или иначе со всеми аспектами деятельности людей, в том числе и с образованием. Стремительно растет и развивается рынок дистанционных образовательных услуг в разных форматах. Так, по итогам третьего квартала 2023 года рынок онлайн-образования вырос на 38,2% по сравнению с аналогичным периодом 2022 года. Интерес представляет не только рассмотрение эффективности таких способов обучения для слушателей, но и поведение сотрудников в образовательных организациях удаленного формата. Особенно важно обратить внимание на то, что в связи с такими изменениями возникает необходимость разработки новых подходов к адаптации сотрудников образовательных организаций к новым технологиям и методам обучения. Остается открытым вопрос о том, какие факторы влияют на эффективность периода адаптации сотрудников и полноценного включения в трудовую деятельность. В данной статье мы рассмотрим научные основы исследования стратегий адаптации сотрудников образовательных организаций в условиях цифровизации, с опорой на социологические подходы.

Истоки анализа термина «адаптация» в социологии отходят к работам Э. Дюркгейма. По мнению ученого, социальная адаптация представляет собой процесс усвоения индивидом социальных норм, их интериоризация. Адаптация индивида связана с адаптацией всего общества [1]. Также Э. Дюркгейм приравнивает понятия «адаптация» и «социализация». Данная позитивистская позиция является необходимым этапом развития, однако не позволяет в полной мере раскрыть понятие адаптации для применения в дальнейших исследованиях.

Основатель направления понимающей социологии М. Вебер обосновал социальную детерминацию поведения человека в своей концепции рациональности. Здесь на первый план выходит сам человек, социум же занимает вторичное место, наиболее адаптивным является «человек рациональный» [2]. Так, для того, чтобы быть адаптированным к изменяющимся условиям мира, важно рассматривать именно рационального человека, что непосредственно связано с темой нашего исследования.

С точки зрения американского социолога Т. Парсонса человек взаимодействует не с обществом, а только с его частью. Основываясь на этом тезисе, он разработал функциональную систему измерения взаимодействия индивида и социальной среды. Адаптация представляет собой баланс взаимных ожиданий человека и окружающего его мира [3, С. 73].

Данный подход тоже оказался не способен в полной мере раскрыть сущность понятия адаптации, так как общество находится в постоянном конфликте и противостоянии, что отмечает социолог Р. Мертон. По его мнению, конфликты в обществе отражаются на социальной адаптации. Он классифицировал данное понятие и высказал важную идею о том, что социальная адаптация не всегда связана именно с усвоением социальных норм, она может быть рассмотрена в более широком смысле или в частных случаях. Так, в данном подходе социальная адаптация уже направлена от человека к обществу, а не наоборот.

Приведенные подходы представляют собой основы рассмотрения понятия «адаптация» для дальнейшего применения к анализу различных сфер жизни общества. Говоря об анализе адаптации в удаленных образовательных организациях, важно обратиться к актуальности данной темы. Все большее количество организаций ежегодно переходят в дистанционный формат работы, помимо этого появляются компании, которые функционируют только в удаленном формате. В связи с этим менеджеры организаций сталкиваются с необходимостью грамотно выстроить дистанционное взаимодействие сотрудников между собой и с руководством. На второй план часто отходят корпоративные мероприятия и тренинги по сближению работников, как было прежде в очном формате работы. При этом взаимодействие сотрудников в трудовом коллективе является важной частью эффективного рабочего процесса. Кроме того, особые проблемы возникают в период адаптации сотрудников к дистанционной форме деятельности. Не всегда эффективно получается объяснить обязанности, познакомиться с коллегами и настроить работу.

Актуальность данной темы подтверждают также следующие данные. Нами был произведен опрос студентов бакалавров инженеров электромехаников, в ходе которого было выяснено их отношение к дистанционной форме работы. 55,8% отнеслись положительно, 27,3% неоднозначно и 16,9% отрицательно. Эти данные подчеркивают актуальность темы среди молодежи и открывают дальнейшие перспективы ее исследования. При этом в удаленных организациях часто существует много департаментов и отделов внутри них, которые исправно функционируют и коммуницируют между собой. Однако есть

определенные отделы, где наблюдается проблема большой текучести кадров, что может говорить о том, что у удаленного сотрудника нет привязанности к месту, он не разделяет коммерческую культуру и часто не осознает себя частью команды рабочего коллектива.

Данное понятие также тесно связано с понятием мотивации. Одним из основных факторов успешной адаптации сотрудников образовательных организаций является их мотивация. Мотивация может быть внутренней или внешней. Внутренняя мотивация связана с личными интересами и целями сотрудника, а внешняя – с внешними факторами, такими как возможность карьерного роста или получение дополнительного дохода. Исследования показывают, что внутренняя мотивация является более эффективной для адаптации к новым технологиям и методам обучения. Так, необходимо рассматривать и мотивационные основы сотрудников, выстраивая стратегии их адаптации к трудовой деятельности в конкретной организации [4, С. 206].

Проблема качественного управления дистанционным коллективом и полноценное включение сотрудников в процесс адаптации является одной из основных в настоящее время как с точки зрения теоретических положений, так и со стороны практического применения. Конкурентным преимуществом организации в такой среде являются информация, знания сотрудников, а также их опыт работы – именно это обеспечивает стабильность работы компании и удержание ее места на рынке. При развитии гибкой системы дистанционных коммуникаций больше вероятности удержания квалифицированного персонала и уменьшение текучки кадрового состава [5, С. 168]. Недостаток личных встреч участников трудовой деятельности приводит к ослаблению социальных связей между ними. В рамках дистанционной работы укреплению социальных связей должен способствовать руководитель, создавая условия для эффективной дистанционной коммуникации, так как обмен информацией, являющийся одним из ключевых факторов оценки эффективности, осложнен. Руководителю становится труднее контролировать деятельность работников, исполнение задач, эмоциональное состояние сотрудника и оценивать вклад каждого сотрудника. Кроме того, активно выражена проблема получения ограниченного объема обратной связи с обеих сторон коммуникации. Качественная обратная связь укрепляет социальные связи как между сотрудниками, так и у сотрудника с руководителем. При дистанционной работе становится также сложно оценить мотивацию сотрудника. Очевидно, что взаимодействие в коллективе ослаблено, для создания устойчивых социальных связей необходимо использовать вспомогательные инструменты.

Так, коммуникация между индивидами в дистанционной среде является более сложной, чем традиционная очная. За последние пять лет количество организаций, использующих информационные технологии, увеличилось в 1,3 раза [6]. Аналитики прогнозируют дальнейший рост числа таких компаний. Ожидается, что к 2028 году 73% компаний по всему миру будут иметь в

штате удаленных сотрудников, дистанционная работа распространится повсеместно на множество профессий [7]. То есть удаленная работа продолжает распространяться стремительно, а значит требуется уже сейчас максимально устранить возможные проблемы организации коммуникации между сотрудниками, так как от этого зависит эффективность труда. Правильно организованная коммуникация положительно влияет на процесс адаптации сотрудников.

Важно отметить, что социальная адаптация в целом выполняет прогрессивную роль и способствует развитию общества, это отмечают большинство авторов, анализирующих данное понятие. Применимо к развитию образовательной организации можно говорить о том, что грамотно выстроенный процесс адаптации приведет к планомерному развитию и контролю сотрудников. Учет прошлого опыта человека также является важным при анализе адаптационных процессов, на что обратил внимание Ю. А. Левада в своих исследованиях [8, С. 5].

Так, если рассматривать социальную адаптацию на уровне всего общества, то главной движущей силой является человек, который действует рационально и данными действиями способствует развитию общества и прогрессу. Применимо к адаптации в образовательных организациях можно также говорить о важности успешного прохождения данного процесса и включения сотрудника в контекст организации. От успешного прохождения адаптации зависит дальнейшая эффективность сотрудника в трудовой деятельности и работа организации в целом.

Таким образом, в условиях быстрого развития цифровых технологий и перехода к онлайн-формату обучения, адаптация сотрудников образовательных организаций к новым условиям работы становится актуальной задачей. В данной статье были рассмотрены научные основы исследования стратегий адаптации сотрудников образовательных организаций в условиях цифровизации с опорой на социологическую рамку. Были выявлены основные проблемы, с которыми сталкиваются сотрудники образовательных организаций при переходе к онлайн-формату работы, такие как отсутствие необходимых компетенций, ограниченность доступа к техническому обеспечению, затруднения в организации учебного процесса и дистанционного взаимодействия со учениками. Для успешной адаптации сотрудников образовательных организаций к новым условиям работы необходимо проведение комплексного исследования, включающего в себя анализ социально-экономической ситуации, оценку потребностей сотрудников в дополнительном обучении и разработку индивидуальных стратегий адаптации. Социологическая рамка, использованная в данной работе, позволяет выявить социально-экономические факторы, влияющие на процесс адаптации сотрудников. В заключение хотим отметить, что адаптация сотрудников образовательных организаций к условиям цифровизации является сложной задачей, требующей комплексного подхода и учета специ-

фики каждой группы сотрудников. Несмотря на это, успешная адаптация позволит повысить качество образования и эффективность работы образовательных организаций в целом.

Источники:

1. Дюркгейм Э. Ценностные и реальные суждения // Социологические исследования. 1991. № 2. С. 106–114.
2. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Избр. произведения. М., 1990.
3. Парсонс Т. Функциональная теория измерения // Американская социологическая мысль. М., 1994.
4. Капица С. И. Понятие социальной адаптации в социологии // Вестник Чувашского университета. 2009. С. 204–209.
5. Захарова Т. И., Дистанционное взаимодействие в корпоративном управлении // Теория и практика управления. 2020. С. 167–172
6. Цифровые технологии (ЦТ) в России // Федеральная служба государственной статистики (РОССТАТ). URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/technologies.pdf> (дата обращения: 12.01.2024)
7. Полная статистика по удаленной работе за 2021 год. URL: <https://promopisk.com/articles/polnaya-statistika-po-udalynonnoy-rabote-za-2021-god> (дата обращения: 12.01.2024)
8. Левада Ю. И. Homo Post-Soveticus // Общественные науки и современность. 2000. № 6. С. 5–24.

E. M. Petrova (St Petersburg University)

SCIENTIFIC FOUNDATIONS FOR THE STUDY OF ADAPTATION STRATEGIES FOR EMPLOYEES OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION: A SOCIOLOGICAL FRAMEWORK

The phenomenon of adaptation is considered, the initial foundations of the study of this phenomenon are touched upon, the concepts are presented in a sociological framework, and the data of current research are presented. The connection between adaptation and motivation is revealed. The role of adaptation of employees of educational organizations in their further work is revealed.

Adaptation, motivation, digitalization, remote work

УДК 800.92:519.682

А. О. Пиленко (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: a.pilenko@mail.ru)

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА К СОВРЕМЕННЫМ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ

Рассматриваются и исследуются тенденции в развитии метода системного подхода, которые определялись развитием общества и построением современной политической системы. Представлено развитие и актуальность применения системного подхода в политологических исследованиях. Отражены пути теоретических представлений и опыт применения в политологических прогнозировании и экономических процессах. Показаны основные проблемы, возникающие в процессе применения системного подхода в политологических исследованиях.

Системный подход, политическая система, власть, политический процесс, проектное управление, политологические исследования, научное познание, метод, социология, политическая наука

На рубеже XIX–XX вв. такое методологическое направление современной науки, как системный подход, становится одним из направлений, связанных с преодолением кризиса научного познания. По своему идейному содержанию к системному подходу близки: в социологии – структурно-функциональный анализ, в гуманитарных науках – структурализм. Автор отмечает, что в философско-методологической литературе несмотря на то, что истоки этих направлений имеют много общего, ученые все-таки разделяют эти направления. Научные направления: системный подход, структурно-функциональный анализ и структурализм, вышли в свет из оснований классической науки. Одновременно, эти направления пытаются найти свой положительный подход для решения проблем, стоящих перед наукой, с использованием нетрадиционных принципов научного изыскания.

В научном труде 1972 г. «Становление и сущность системного подхода» ученые И. В. Блауберг и Э. Г. Юдин [1, С. 267], исследуя методiku системного подхода в современном научном познании сообщают: «Специально – научные системные концепции можно рассматривать в качестве приложений теории систем к конкретным областям и проблемам научного исследования. Надо, однако, сразу же оговориться, что системный подход принадлежит к тем направлениям научного познания, в которых не так просто провести грани между теорией и методологией, с одной стороны, и областью приложений – с другой». Повышение эффективности метода системного подхода в ближайшей перспективе будет осуществляться не за счет выстраиваемых теорий, сколько за счет синергии системных принципов в создающихся новых научных предметах, т. е. более широкого спектра применения системного подхода.

Политология в XX веке стала относительно молодой научной дисциплиной, но на фоне других гуманитарных наук обрела огромную популярность в научных кругах и политической власти. Тенденция такого успеха прежде всего связана с развитием политической сферы общественной жизни, революционного роста технического прогресса. Вместе с тем остаются взаимоотношения социальных субъектов по поводу политической власти, развитием и закономерностями которых занимается политологическая наука, а также социология и философия. Но только политология интегрирует в свое научное пространство многие аспекты указанных выше научных направлений.

В современном обществе возрастает необходимость в выборе наиболее подходящих методов политологических исследований и как раз с этого ракурса рассматривается метод системного подхода.

Появление системного подхода в политологии произошло практически сразу после того, как указанный метод был представлен отдельным направлением и исследовательской методикой. В своей научной работе выдающийся ученый и автор множества научных статей Резник Ю. М. (1997 г.) [2, С. 34] раскрывает с научной позиции ряд вопросов относительно методики системного подхода: «Системный подход изначально присущ всякому организованному знанию о социуме. Системные идеи выражают общую тенденцию исследователей рассматривать общество и другие феномены социальной жизни целостным образом, т.е. системно, в единстве всех их сторон и элементов. При изучении исторического развития системной науки возникают следующие вопросы: Когда впервые появляются системные идеи в социальной мысли? Как соотносятся между собой история социальной науки и история системного знания? С какого времени необходимо начинать периодизацию истории системной социальной науки? Каковы основные этапы в развитии системного социально научного знания?». Научно-методологическая системность проникает практически во все стороны политической и социальной жизни человеческого общества.

В научной работе «Политология», 2013 г. (В. П. Милецкий, Колянов А. Ю., Пашковский Е. А., Строгеецкая Е. А.) [3, С. 179], рассматривая понятие системный подход считают, что «политическая система общества представляет собой целостную совокупность социальных субъектов и институтов государственной, муниципальной и корпоративно-политической власти, политических процессов и духовно-политических компонентов, консолидированных государственной властью для защиты социально-экономического строя, выражения воли и интересов основных классов, слоев и групп общества, управления обществом, обеспечения основных прав человека, самосохранения и адаптации к требованиям социального окружения».

Большая часть современных политологов в своих статьях и научных работах не всегда последовательны в изложении научного материала. Во многих исследованиях политическая власть рассматривается не всегда только с классического ракурса, но если мы используем метод системного подхода, то и рассмотрение явления обязательно должно быть в соответствии с выбранным

методологическим решением. Соответственно «феномен политической власти» в контуре парадигмы системного подхода не должен быть упущен. Подобное несоответствие в научных исследованиях политологии может привести к искажению фактической составляющей предмета или события.

В современной политической науке важно знать какое определение применяется в контексте парадигмы системного подхода. В политологии понятие системного подхода связано с именами Д. Истона, Г. Алмонда и др. [4, С. 303] Далее мы должны следовать определению этого подхода и быть в нем последовательны. Необходимо понять роль системного подхода в ракурсе изучения и исследования политической власти.

Системный подход в политологии расшифровал понимание особенности и необходимости политической власти в жизни человеческого общества. С позиции системного подхода наличие в обществе политической власти, которая при поддержке политических коммуникаций сохраняет в общественном пространстве свое эффективное функционирование говорит о потребности общества в подобном институте. Используя метод системного подхода, также возможна разработка методики оценки эффективности действия политических властей. В настоящее время у нас в стране на региональных уровнях успешно реализуется на протяжении почти десяти лет метод оценки регулирующего воздействия. Данный метод оценивает проекты нормативных правовых актов и любой гражданин может дать свое заключение (оценку) на проходящие проверку документы, тем самым регулируя решения региональных властей. Все эти действия повышают уровень политического имиджа в глазах граждан и их доверие. Данная открытость и прозрачность действия политических властей не потребует так называемого ручного управления со стороны более высокого уровня федеральной власти.

В современной России последние годы на всех уровнях власти (федеральной, региональной и муниципальной) при разработке и реализации государственных программ и проектов успешно используется проектное управление, в основе которого лежит метод системного подхода.

Системные методы политологических исследований с каждым годом обретают все большую и особую актуальность в условиях современного информационного развития и роста [5, С. 776]. Системный подход в научном познании имеет ведущую роль. При исследовании политических систем, данный метод получил наиболее глубокое применение и результативность. Кроме того, системный подход помогает образовать общую парадигмальную систему, играя связующую роль между политологическим и философскими парадигмами. В современном цифровом обществе все больше становится популярным программное моделирование с использованием искусственного интеллекта и цифровых технологий. Системный подход – один из путей формализации научного познания. Симбиоз науки и методов является перспективным помощником в решении новейших политологических задач.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что на современном этапе сложно использовать метод системного подхода в политологических исследованиях, ввиду не объективности оценки политических процессов на современном этапе [6, С. 609]. Среди политологических работ нет достаточно глубокой литературы, описывающей технологию использования системного исследования. На сегодня мнения отечественных политологов зачастую совпадает с исследованиями, проведенными американскими учеными, которые ввиду современных политических изменений не всегда успевают за политической практикой. По мнению автора системный подход довольно успешно применяется не только в исследованиях, используемых в естественных науках, но и в гуманитарном направлении: социологии, менеджменте, психологии и др. Ученым необходимо делать более активные шаги в этом направлении.

Источники:

1. Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода, М.: Наука, 1973.
2. Резник Ю. М. Введение с социальную теорию. Социальная системология., М.: Наука, 1997.
3. Колянов А. Ю., Милецкий В. П., Пашковский Е. А., Строгеецкая Е. А., Политология: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2013.
4. Джонсон Р., Каст Ф., Розенцвейг Д. Системы и руководство (теория систем и руководство системами). М., 1971.
5. Шабров О. Ф. Системный подход в политической науке // Современная политическая наука: Методология: Научное издание. М.: Аспект пресс, 2019.
6. Анохин П. К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем // Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975.

A. O. Pilenko (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

«ON THE METHODOLOGY OF A SYSTEMATIC APPROACH TO MODERN POLITICAL SCIENCE RESEARCH»

The trends in the development of the method of a systematic approach, which were determined by the development of society and the construction of a modern political system, are considered and investigated. The development and relevance of the application of a systematic approach in political science research is presented. The ways of theoretical concepts and experience of application in political science forecasting and economic processes are reflected. The main problems arising in the process of applying a systematic approach in political science research are shown.

System approach, political system, government, political process, project management, political science research, scientific cognition, method, sociology, political science

УДК 174.4; 378.14

Е. В. Пирайнен (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: evpiraynen@etu.ru)

НЕЙРОСЕТИ В ОБРАЗОВАНИИ: ПОЛЬЗА ИЛИ ВРЕД

В статье рассматривается как нейросети используются в образовании, в частности для написания и редактирования текстов. Рассмотрены преимущества и недостатки применения нейросетей в образовательном процессе. Особое внимание уделено оценке качества образования – страдает ли качество образования от использования новых цифровых технологий и как обеспечить объективность оценивания качества обучения.

Нейросеть, цифровые технологии, качество обучения, профессиональные компетенции, цифровое образование

Сегодня искусственный интеллект становится неотъемлемой частью нашей жизни. Нейросети проникли уже во все сферы жизни, включая образование. Использование нейросетей в образовательном процессе открывает новые возможности, однако, как любая новая технология, имеет свои плюсы и минусы.

Например, поддерживая тенденцию гуманизации образования, нейросети могут значительно улучшить процесс обучения, адаптировав его к индивидуальным особенностям учащихся. В идеале это означает, то каждый студент может получать материал и контрольные задания по его освоению в соответствии со своим уровнем знаний и темпам обучения. Однако на практике, когда освоение материала должно быть вписано в общий учебный процесс и соответствовать рабочей программе и учебному расписанию, проводиться очно и в достаточно большой аудитории, такая «помощь» сможет действительно помочь мотивированным студентам, обладающим высоким уровнем знаний, но для ленивого студента или для студента, которому трудно усваивать новый материал, наоборот, будет способствовать еще большему расслоению студенческой группы по уровню знаний и, как следствие усложнит работу для преподавателя.

Существует несколько способов использования нейросетей в образовании. Адаптация к индивидуальным особенностям студентов и организация так называемого персонализированного обучения – только один из них. Нейросети дают возможность существенно изменить процесс обучения путем внедрения в него интерактивных образовательных материалов: виртуальных лабораторий, интерактивных игр, симуляторов и т. п. Это несомненно повысит мотивацию студентов и, возможно, сможет повысить степень усвоения учебного материала. Но, с другой стороны это требует специальной подготовки и дополнительной нагрузки для педагогов. К тому же чрезмерное увлечение

доли интерактива в процесс обучения может привести к вынужденному отказу от традиционных методов обучения.

Плюсом использования нейросетей в образовательном процессе называется возможность снизить нагрузку на преподавателей и студентов за счет использования систем тестирования и автоматического оценивания. Однако вызывает сомнение как при таком способе оценки усвоения знаний избежать случайного выбора и соответственно обеспечить объективность оценивания.

Нейросети умеют обрабатывать большие объемы данных, выявлять закономерности, что позволяет выявлять проблемные места и прогнозировать успеваемость. Одной из особенностей высшего образования сегодня является смещение акцентов в целеполагании не столько на освоение студентами заданного объема учебной информации, сколько на развитие навыков самостоятельного поиска, осмысления и применения новых знаний. Нейросети могут быть использованы для развития креативности и критического мышления студентов. Они могут генерировать задаи или стимулировать обсуждения, что позволяет развивать аналитические способности и инновационное мышление [1]. Однако, как показывает практика, чаще всего студенты используют нейросети для получения ответов на вопросы и быстрого поиска информации во время занятий, а также при подготовке к экзаменам и в написании курсовых работ и ВКР.

Согласно опросу, проведенному школой Skillfactory среди 1272 студентов различных российских университетов 65% респондентов освоили нейросети и регулярно пользуются ИИ-инструментами в учебных целях. 81% участников исследования считают, что искусственный интеллект очень помогает в учебе. Более того, 48% заявили, что применение нейросетей помогло им повысить успеваемость [2]. Действительно по статистическим данным показатели успеваемости российских студентов с каждым годом повышаются. В 2021 году успеваемость российских студентов по данным Министерства науки и высшего образования РФ составила 66,7%, что на 1,7% больше, чем в 2020 году. В 2022 году эта цифра увеличилась до 68,2%. В 2023 году успеваемость российских студентов, по предварительным данным, составила 69% [3]. Министерство науки и высшего образования связывает этот рост успеваемости с повышением качества образования и улучшением методов обучения и оценки. Но скорее всего значительная роль в достижении таких показателей принадлежит искусственному интеллекту.

Для учебного процесса наиболее актуальны нейросети, обрабатывающие изображения и текст и помогающие в решении задач. Нейросеть для текста используется для анализа и обработки текстов, определения их тематики, поиска ключевых фраз. Это должно помогать студентам лучше понимать смысл текста и быстрее находить нужную информацию, но на деле просто экономит время на выполнение задания. На контрольных работах проще списать у нейросети, чем у соседа о парте. Но говорить ли это о повышении уровня обучения? Наоборот, такое применение неросетей в учебном процессе отрицательно отражается на развитии критического и творческого мышления студен-

тов. Нейросети способны эффективно выполнять задачи, основные на большом объеме данных, но они не могут заменить такие человеческие способности как понимание, оценивание и интуицию. Постоянное использование нейросетей, а в случае со студентами и зависимость от нейросетей, может привести к утрате навыков анализа и синтеза информации, умения выражать свои мысли и генерировать новые идеи.

Прецедент был создан в январе 2023 года студентом РГГУ, который с помощью чат-бота ChatGPT всего за один день написал выпускную квалификационную работу, а затем рассказал об этом в своих соцсетях. Сначала этот поступок был подвергнут жесткому разбору с суровыми санкциями, вплоть до предложения аннулирования результатов защиты и потенциального увольнения научного руководителя и рецензента, но затем был переключен в положительный пример использования нейросетей в учебном процессе.

Контролировать или запретить использование нейросетей в учебном процессе невозможно. В 2023/24 учебном году Московский городской педагогический университет (МГПУ) стал первым ВУЗом в России, где студентам официально разрешили использовать нейросети для курсовых и дипломных работ [4]. Аргумент в поддержку такого решения то, что нейросети умеют быстро обрабатывать большой объем информации и отлично справляются с написанием обзорных текстов, но проводить аналитику и научные исследования они не способны, а именно это и является сутью научно-исследовательской работы студента. Таким образом нейросети фактически приравнивали бумажным и электронным источникам. Северный Арктический федеральный университет (САФУ) так же официально разрешил студентам обращаться к искусственному интеллекту во время подготовки дипломов при условии, что вклад нейросети не будет превышать 40% [5]. Это первый случай введения официальных правил использования искусственного интеллекта при написании квалификационных работ. Руководство САФУ назвали три основных причины выхода нового документа. Первая – правила должны быть озвучены, и каждый выпускник уже знает, что его работа в этом году подвергнется проверке. Вторая – дать некий инструмент для преподавателей и руководителей выпускных квалификационных работ, который бы позволил аргументировать студентам необходимость большей самостоятельности при работе над дипломами. Третья причина – ответственность университета перед работодателем. Одна из компетенций, которую должен сформировать ВУЗ – способность самостоятельно выполнять работу: выдавая диплом, университет обязан это подтвердить [5].

Вместе с обучением нейросетей совершенствуется и система Антиплагиата, но пока в него добавлена только функция распознавания сгенерированного при помощи искусственного интеллекта текста.

Если использование нейросетей при написании квалификационных работ можно отслеживать и тем самым как-то регулировать, но проконтролировать их использование в других видах учебной деятельности достаточно сложно. И здесь проявляется негативная сторона использования нейросетей в учебном

процессе. Одна из основных проблем заключается в том, что нейросети могут создавать иллюзию усвоения материала, при невключенности студента в активном освоении материала, и оценка знания может быть необъективной.

Кроме того, нейросети опираются на ограниченный объем данных, на которых они были обучены, и не всегда способны учесть контекст. В результате, выпускник, полностью полагающийся на нейросеть, может столкнуться с трудностями в реальной практике, где требуется гибкое применение знаний и адаптация к новым ситуациям. Чтобы не привести к снижению уровня знаний и качества образования использование нейросетей в образовательном процессе должно быть разумным, осознанным и сочетаться с традиционными методами обучения.

Источники:

1. Нейросфера. URL: <https://vc.ru/u/2055179-neyrosfera/7703-01-neyroseti-v-obrazovanii-innovacionnyu-podhod-k-obucheniyu-shkolnikov> (дата обращения: 12.01.2024).

2. Студенты российских вузов рассказали, как именно применяют нейросети в учёбе. URL: <https://skillbox.ru/media/education/studenty-rossiyskikh-vuzov-ras-kazali-kak-imenno-primenyayut-neyroseti-v-uchyebe/> (дата обращения: 10.01.2024).

3. Доклад Правительства Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования. Москва, 2023 год. Report_govern_education_2023 PDF (fgosvo.ru).

4. Студентам начали разрешать использовать нейросети при обучении // Ведомости Северо-Запад. 4 сентября 2023. URL: https://spb.vedomosti.ru/press_releases/2023/09/04/studentam-nachali-razreshat-ispol-zovat-neyroseti-pri-obuchenii (дата обращения: 12.01.2024).

5. В архангельском университете разрешили писать диплом с помощью нейросети // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20240125/diplom-1923413825.html> (дата обращения: 23.01.2024)

E. V. Piraynen (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

NEURONET IN EDUCATION: BENEFIT OR HARM

The article examines how neural networks are used in education, in particular for writing and editing texts. The advantages and disadvantages of using neural networks in the educational process are considered. Special attention is paid to the assessment of the quality of education – whether the quality of education suffers from the use of new digital technologies and how to ensure the objectivity of the assessment of the quality of education.

Neuronet, digital technologies, quality of education, professional competencies, digital education

УДК 316.772.5

Е. В. Плешачков (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, e-mail: pleshachkov@gmail.com)

ДАНО ЛИ НАМ ПРЕДУГАДАТЬ, КАК ОТЗОВЕТСЯ СЛОВО НЕЙРОСЕТЕЙ: К ВОПРОСУ СУБЪЕКТНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В статье рассматриваются противоположные точки зрения на природу взаимодействия человека и искусственного интеллекта. Использование нейросетей в сфере публичных коммуникаций ставит вопрос о границах субъектности автора контента. Главная роль в определении границ ответственности человека при использовании технологий искусственного интеллекта в профессиональной деятельности отводится современной философии науки и техники. Предлагается считать читателя не пассивным реципиентом информации, а самостоятельным актором коммуникативной деятельности.

Искусственный интеллект, цифровая коммуникация, субъект коммуникации, трансформация социальных практик

Развитие современного общества уже стало немислимым без технологий искусственного интеллекта. Нейросети позволяют врачам в автоматическом режиме анализировать снимки компьютерной томограммы, которые позволяют обращать внимание специалиста на потенциально опасные участки тканей [1]. Ученые Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого создали нейросеть, отслеживающую подозрительные банковские транзакции [2]. В Стратегии развития строительной отрасли и ЖКХ на период до 2030 года говорится о создании единой цифровой системы управления строительством и ЖКХ, а сотрудники Главгосэкспертизы уже используют нейросети для анализа информации в проектной документации зданий [3]. Технологии искусственного интеллекта внедрены и в гуманитарную сферу. Так, Московский городской педагогический университет (МГПУ) первым среди высших учебных заведений решением ученого совета в августе 2023 года легализовал для студентов использование искусственного интеллекта при подготовке выпускных квалификационных работ [4]. Нейросети ежедневно используют в своей деятельности и профессиональные коммуникаторы. Несомненно, это ставит перед исследователями серьезный вопрос о перспективах и рисках взаимодействия человека и машины, об принадлежности эксклюзивных авторских прав на созданные с помощью нейросетей продукты творческой деятельности, об этической ответственности за возможные негативные последствия результатов коллаборации интеллекта человеческого и интеллекта искусственного.

Для корректного ответа на эти вопросы представляется важным определить место искусственного интеллекта в координатах современной профессиональной научной коммуникации. Прежде всего, какое из множеств определений искусственного интеллекта считать верным? В отечественном правовом поле основополагающим документом, регулирующим эту область, является утвержденная Указом Президента РФ от 10.10.2019 №490 Национальная стратегия развития ИИ на период до 2030 года [5]. Согласно документу, искусственным интеллектом является комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений. Это, по сути, уравнивает мозг человека и компьютера в творческих возможностях.

С момента зарождения компьютерных наук человечество пытается создать машину, способную мыслить, как человек. Вместе с этим представители разнообразных общественных групп с разной степенью интенсивности выражают опасения и протестуют против попыток создания копирующих сознание человека машин. В основополагающей работе в области искусственного интеллекта «Вычислительные машины и интеллект» в 1950 году математик Алан Тьюринг размышляет о том, может ли вычислительный алгоритм совершать умозаключения, не отличимые от человеческих. Тьюринг подготовил контраргументы на популярные математические, этические, теологические и иные доводы против возможности создания искусственного интеллекта. По его мнению, возможно создать алгоритм программирования, аналогичный мышлению человека. Другой, без преувеличения, классик компьютерных наук, так называемый «отец кибернетики» Норберт Винер в 1964 году так сформулировал главную с его точки зрения экзистенциальную проблему искусственного интеллекта: опасность не в машинах, которые становятся все более похожими на людей, а в людях, с которыми обращаются как с машинами.

В современной философии науки и техники существуют две противоположные точки зрения на природу взаимодействия человека и искусственного интеллекта, и суть этого конфликта неотличима от противостояния технооптимистов и технопессимистов во второй половине XIX и начале XX века – в эпоху второй промышленной революции. Одним из ярких противников повсеместного внедрения технологий ИИ является шведский философ Ник Бостром, видящий риск в выходе из-под контроля компьютерных сетей, чьи возможности превышают человеческие [6]. Противоположных взглядов придерживается, например, профессор американского университета в Луисвилле Роман Ямпольский: с его точки зрения, количественное увеличение вычислительных

мощностей ИИ без требующего значительного времени качественного изменения его программной архитектуры не позволит компьютерной технологии выйти из-под контроля общества. Кроме того, «ахиллесовой пятой» ИИ является программный запрет на возможность машине вносить принципиальные изменения в программный код без контроля человека [7].

Вне зависимости от принадлежности к тому или иному лагерю важно зафиксировать краеугольный вопрос, связанный с результатами использования технологий искусственного интеллекта в профессиональной деятельности. Если речь идет про сферу публичных коммуникаций, то важным является определение границ субъектности авторов контента. Может ли машина являться полноценным субъектом коммуникации? Является ли сгенерированный машиной набор символов, сложенный на первый взгляд в связанный текст, продуктом интеллектуальной собственности, и если да, то кому принадлежат авторские права? Как бесконечный поток сгенерированного контента, который, к слову, по ризоматической структуре непрерывно используется нейросетями для самообучения и дальше вплетается в виртуальную паутину знаний, относится к философским категориям истины? Является ли сгенерированная машиной мысль истинной? С нашей точки зрения, главная роль современной философии в определении границ ответственности человека как автора и мерила творческого, научного, логического измерения текста в самом широком понимании.

Повсеместное проникновение искусственного интеллекта во все сферы современного общества вывело его за рамки инструмента коммуникации, превратив в неотъемлемую часть жизни. Цифровые коммуникации с включением технологий искусственного интеллекта способствуют формированию новой реальности – виртуальной, которая, с одной стороны, имеет точки соприкосновения с объектами реального мира, но в то же время функционирует и развивается по собственной траектории в иной плоскости, формируя собственные образы, смыслы и ценности. Цифровые коммуникации в настоящее время являются одним из важнейших инструментов социализации, то есть трансляции социально-культурного опыта. Однако в современных реалиях повсеместной медиатизации и масштабного фонового коммуникативного шума, когда каждое мобильное устройство является не только источником информации, но и инструментом ее создания, стоит вопрос о способах эффективной цифровой коммуникации и ее влияния на общество. Современная наука как значимая часть общества также подвержена процессу создания виртуальных образов. Актуальным становится вопрос влияния цифровых коммуникаций на представление субъектов о собственной идентичности, на субъектность социальных групп. Созданные нейросетями потоки текстовой и графической информации сейчас встречаются абсолютно везде. И если до внедрения систем искусственного интеллекта в процесс создания образов и смыслов этическую и юридическую ответственность за созданную и размещенную информацию нес конкретный автор, то сейчас сложно определить границы такой ответственности.

Вновь становится крайне актуален классик русской литературы Федор Тютчев, в 1869 году размышляющий о том, что «...нам не дано не дано предугадать, как слово наше отзовется...», однако в современной трактовке знаменитых строк мы не можем однозначно атрибутировать принадлежность этих самых «Мы». А потому, с нашей точки зрения, главную партию в современной публичной коммуникации играет уже не автор, но читатель. Именно ему предстоит использовать свой, без сомнения, человеческий разум и критично относиться к любой информации. Мы не склонны демонизировать современные технологии искусственно интеллекта. Разумеется, в нестабильной социальной, экономической, политической ситуации информационные войны являются опаснейшей глобальной проблемой человечества. И информация, созданная, в том числе, нейросетями, может нанести колоссальный вред обществу. Попытка решения этой проблемы с намеком на уничтожение всех имеющихся нейросетей не представляется хоть сколько-нибудь состоятельной из-за прочного внедрения технологий ИИ в архитектуру функционирования всех существующих общественных институтов. Единственно возможным решением может являться личная ответственность читателя как полноценного участника коммуникации.

Использование искусственного интеллекта во всех сферах, в том числе образовательной и научной, требует внимательного изучения и ответа на вопрос о демаркации субъектов как самостоятельных акторов научного творчества. Как справедливо отмечает В. А. Лекторский в статье «Конструктивный реализм как современная форма эпистемологического реализма», особая опасность в современном обществе представляет «пост-правда» как смесь крупиц правды с откровенной ложью. «Автономная личность, которая сама отвечает за свои поступки, нуждается именно в правде, в истине, в получении знания о реальности, о том, что происходит на самом деле. Разговоры о том, что все в мире сконструировано, что никто не знает, что имеет место на самом деле, и что нельзя прорваться за пределы «пост-правды» к самой правде, – это способ дезориентировать человека и блокировать его социальную активность», – считает философ [8]. А потому любой текст профессиональной коммуникации читатель должен рассматривать как один из возможных, но обязательно не единственный, вариант осмысления реальности.

Источники:

1. Создана самая точная нейросеть для определения COVID-19 по легким. URL: <https://www.gazeta.ru/science/news/2023/10/17/21520177.shtml> (дата обращения: 18 декабря 2023).
2. Исследователи научили нейросеть бороться с мошенничеством в интернете. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/nauka/68435/> (дата обращения: 12 декабря 2023).
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 октября 2022 г. № 3268-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/AdmXczB-BUGfGNM8tz16r7RkQcsgP3LAm.pdf> (дата обращения 12 декабря 2023).

4. Приказ МГПУ от 4.09.2023 № 633 общ. URL: https://www.mgpu.ru/wp-content/uploads/2023/08/04.09.2023_633obshh_Remorenko_I.M._Safroнова_E.S.-1.pdf (дата обращения 9 декабря 2023).

5. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 №490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/АН4х6HgKWANwVtMOfPDhcbRpv d1HCCsv.pdf> (дата обращения 18 декабря 2023).

6. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / Ник Бостром; пер. с англ. С. Филина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.

7. Trazzi M., Yampolskiy R. V. Building Safer AGI by introducing Artificial Stupidity. 2018. <https://doi.org/10.1016/j.patter.2020.100021>. (дата обращения 3 января 2024).

8. Лекторский В. А. Конструктивный реализм как современная форма эпистемологического реализма // Философия науки и техники. 2018. Т. 23. № 2. DOI: 10.21146/2413-9084-2018-23-2-18-22

E. V. Pleshachkov (Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University)

CAN WE PREDICT HOW THE WORD OF NEURAL NETWORKS WILL RESPONSE: THE QUESTION OF THE SUBJECTNESS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

There are opposite points of view in interaction between humanity and artificial intelligence examined in this paper. We need to find the limits of author's subjectness. The modern philosophy of science and technology plays the main role in determining a human responsibility in use of neural networks in the field of public communications. It is proposed to consider a person as a separate participant of communicative activities but not just as a passive recipient of information.

Artificial intelligence, digital communication, subject of communication, transformation of social practices; hybrid subjectness

УДК 001.92:002:374.71

Д. Е. Прокудин (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: d.prokudin@spbu.ru)

ИНФОРМАЦИОННЫЕ КАНАЛЫ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В СРЕДЕ ПОКОЛЕНИЯ Z

Постсоветские поколения встроены в цифровые каналы доставки информации. В том числе через эти каналы они получают просветительскую и научно-популярную информацию. Зачастую эта информация доходит до них фрагментарно или с искажениями. Что формирует неполное или искажённое мировоззрение. В настоящем пилотном исследовании изучаются основные информационные каналы, посредством которых представители поколения Z получают научно-техническую информацию. На основе анализа полученных данных делаются выводы о коррекции просветительской деятельности в реалиях цифровых трансформаций в современном информационном глобализирующемся обществе.

Научно-техническая информация, популяризация, цифровая просветительская среда, информационные каналы, поколение Z

С течением времени всё дальше отстаёт от нас советская эпоха развития нашей страны. Одним из основных векторов общественного развития того времени как у нас в стране, так и во всём мире был феномен научно-технической революции, когда за период 50–80-х годов были достигнуты основные технологические достижения, нашедшие широкое применение в различных областях человеческой деятельности. В том числе это и информационно-коммуникационные технологии, которые пронизывают всё пространство нашего существования – профессиональную деятельность, досуг и повседневность. Большой вклад в развитие этих технологий было внесено представителями отечественной науки: учёными, инженерами, изобретателями. Однако, в силу различных причин существует проблема замалчивания и принижения значения российского вклада (особенно советского периода) в научно-технологическое развитие человечества [1, 2].

Вместе с тем появляются новые поколения, у которых в ситуации засилья в России зарубежной потребительской электроники, средств вычислительной техники и программного обеспечения формируется образ научной и технологической отсталости России и вторичности её достижений. А это порождает скептическое отношение к возможности самостоятельного развития нашей страны по научно-технологическому пути развития. К разряду этих постсоветских поколений относится и поколение Z, основной характеристикой которого

является формирование его представителей в условиях тотального применения информационно-коммуникационных технологий. Что объясняет его фиджитальность [3] или первазивность [4] – активное существование в реальном (физическом) и виртуальном (цифровом) пространствах [5, 6]. При этом обе эти среды для этого поколения превращаются в единое пространство, оно не ощущает разницы между виртуальным и реальным, «не мыслит себя вне *phygital*-среды» [7]. Для поколения Z нет проблем с доступом к «контенту» – они постоянно находятся в цифровом информационном пространстве сети Интернет, которое для них является основным и самым авторитетным источником информации.

Эта особенность поколения Z лежит и в особенности восприятия научно-популярной информации, информации о научно-технологическом развитии и достижениях через цифровое информационное пространство. В этих же условиях в цифровую эпоху происходит трансформация популяризации научного знания (научно-просветительская деятельность). Поэтому и информация, направленная на популяризацию научно-технологического знания, информации о научно-технологических достижениях, всё в больших объёмах представляется в цифровой форме и размещается в различных электронных сетевых ресурсах. Такие ресурсы начали возникать в рамках потребительской модели развития современного общества и их развитие не может восприниматься в рамках целенаправленной просветительской деятельности в обществе. Они выступают в качестве цифровых субъектов просветительской деятельности, которые могут иметь институциональность или быть обезличенными (или предлагают материалы, созданные различными людьми). Они предполагают самостоятельное освоение научно-просветительского контента. К тому же эти цифровые ресурсы могут быть привлечены традиционными субъектами просветительской деятельности при организации и проведении своей деятельности.

Как пример можно привести Российское общество «Знание», которая прежде всего представляет собой традиционный субъект просветительской деятельности. Её воссоздание как приемника Всесоюзного Общества «Знание» связано, прежде всего, с наличием проблем, связанных с адекватным формированием мировоззрения в области знаний о достижениях отечественной науки и технологий. Как одна из приоритетных задач Общества является популяризация науки. При этом чётко обозначены задачи, связанные с организацией просветительской деятельностью в условиях современного информационного общества [8]. Поэтому происходит постепенное целенаправленное формирование информационного пространства научно-просветительской деятельности с привлечением методов и ресурсов, основанных на применении информационно-коммуникационных технологий. К основным целям этой некоммерческой организации относятся: популяризация науки, внедрение инноваций в просветительский процесс; информирование граждан о достижениях в науке доступным языком. В настоящее время цифровая экосистема общества «Знание» представлена следующими элементами: официальный сайт (<https://www.znaniyerussia.ru>) с разделом

«Библиотека знаний», где собраны различные видеолекции и документальные фильмы; группа «ВКонтакте» и Телеграм-канал.

В рамках образовательной деятельности в Санкт-Петербургском государственном университете на лекциях, семинарских и практических занятиях по дисциплинам «Информатика в гуманитарных науках» (направления подготовки «философия», «конфликтология», «культурология», «музеология», «религиоведение»), «Информационные технологии в политической науке и образовании» (направление подготовки «политология»), «Основы российской государственности» (факультет прикладной математики и процессов управления) на первом курсе бакалавриата я включаю элементы научно-просветительской деятельности, рассказывая об истории развития вычислительной техники и информационно-коммуникационных технологий, о современных тенденциях технологического развития в современном информационном обществе. Заодно выясняется уровень существующих у студентов знаний и сведений в области информационно-технологических достижений как в мировом масштабе, так и нашей стране. Первокурсники бакалавриата – это яркие представители поколения Z, вчерашние школьники. Анализ общения с ними позволяет сделать следующие основные выводы:

– в школе на уроках информатики и предметах естественно-научного цикла не ведётся целенаправленная просветительская деятельность, не уделяется внимание пропаганде достижений отечественной науки и технологий;

– в общеобразовательных школах не ведётся комплексная целенаправленная просветительская и популяризаторская деятельность по пропаганде достижений отечественной науки и технологий;

– в основной своей массе представители поколения Z целенаправленно не интересуются научно-популярной и просветительской информацией в области информационно-коммуникационных технологий (исключая тех, для кого эта область представляет либо будущий профессиональный интерес, либо является увлечением);

– телевидение и печатные издания не рассматриваются большинством представителей поколения Z как каналы получения научно-популярной и просветительской информации. Основным каналом является информационное пространство сети Интернет.

Эти выводы были подкреплены результатами пилотного исследования, проведённого с данными студентами. На первом этапе в ходе проведённого анонимного опроса среди учащихся бакалавриата первого курса Санкт-Петербургского государственного университета по указанным направлениям подготовки было выявлено, что:

– более 80% опрошенных воспринимают советское-российское технологическое развитие как вторичное по отношению к США;

– подавляющее большинство опрошенных не ориентируется в достижениях отечественных учёных, инженеров и изобретателей;

– современная молодёжь знает о достижениях зарубежных представителей научно-технологического прогресса (прежде всего США);

– две трети опрошенных получают информацию о научно-технологических достижениях из социальных сетей (80%) и СМИ (83%). Также эту информацию респонденты получают из научно-популярных программ на телевидении (44%), Википедии (37%) и научно-популярной литературы (32%) [9].

На основании полученных данных как основной был сделан вывод, что современная молодёжь не вовлечена в научно-просветительскую деятельность со стороны общества и черпает обрывочную информацию из различных сетевых ресурсов. Просветительский контент воспринимается как потребительский продукт, что полностью вписывается в концепцию потребительского общества.

Второй этап этого пилотного исследования преследовал цель – выявить какими источниками пользуются представители поколения Z для получения информации о научно-технологическом прогрессе. Опять же был проведён анонимный опрос той же самой аудитории обучающихся на первом курсе бакалавриата Санкт-Петербургского государственного университета. В него были включены содержательные вопросы и вопросы с множественным выбором:

– из каких СМИ Вы получаете информацию о научно-технологических достижениях и разработках? (Варианты ответов: Бесплатные газеты, Научно-популярные журналы (печатная версия), Научно-популярные журналы (электронная версия), Официальные новостные порталы, Другое);

– из какой научно-популярной литературы Вы получаете информацию о научно-технологических достижениях и разработках? (Книги (печатная версия), Книги (электронная версия), Другое);

– из каких каналов социальных сетей Вы получаете информацию о научно-технологических достижениях и разработках? (Новостная лента, Общение с участниками социальных сетей, Целенаправленный поиск, Из тематических групп (подписка), Другое);

– какие ещё каналы информации Вы используете для получения информации о научно-технологических достижениях и разработках? (Новостные программы на телевидении, Научно-популярные программы на телевидении, Википедия, Тематические каналы на сетевых видео сервисах, Тематические каналы в мессенджерах, Научно-просветительские сайты, Другое);

– перечислите названия СМИ, из которых Вы получаете информацию о научно-технологических достижениях и разработках (не более 5);

– перечислите названия сетевых ресурсов, из которых Вы получаете информацию о научно-технологических достижениях и разработках (не более 5);

– перечислите названия научно-популярных книг, которые Вы прочли за последний год.

При этом отдельно были опрошены студенты гуманитарных направлений подготовки (44 человека) и обучающиеся бакалавриата факультета прикладной математики и процессов управления (25 человек). В результате обработки полученных данным можно сделать следующие выводы:

– основными СМИ, из которых получают представители поколения Z информацию о научно-технологических достижениях и разработках являются официальные новостные порталы (61,4% гуманитариев и 52% прикладных математиков) и электронные научно-популярные журналы (52,3% гуманитариев и 36% прикладных математиков). Остальные виды СМИ почти не используются (от 0% до 9%);

– подавляющее большинство представителей поколения Z читают научно популярную литературу в электронной форме (75% гуманитариев и 60% прикладных математиков) в отличие от печатных книг (22,7% гуманитариев и 24% прикладных математиков);

– поколение Z в качестве основных каналов получения информации о научно-технологических достижениях и разработках используют следующие инструменты социальных сетей: новостная лента (84% гуманитариев и 68% прикладных математиков), через подписку на соответствующие тематические группы (47,7% гуманитариев и 72% прикладных математиков) и целенаправленный поиск (29,5% гуманитариев и 32% прикладных математиков);

– кроме выше перечисленных поколение Z получает информацию о научно-технологических достижениях и разработках из следующих источников: тематические каналы на сетевых видео сервисах (56,8% гуманитариев и 72% прикладных математиков), тематические каналы в месенджерах (56,8% гуманитариев и 56% прикладных математиков), Википедия (54,5% гуманитариев и 52% прикладных математиков) и научно-просветительские сайты (38,6% гуманитариев и 36% прикладных математиков). Телевидение используется в этих целях гораздо меньше (его отметило от 20% у гуманитариев до 34% у прикладных математиков);

– в качестве основных СМИ для получения информации о научно-технологических достижениях и разработках представители поколения Z используют: различные Интернет-ресурсы (сайт РИА Новости, сайт ТАСС, сайт РБК, телеграм-канал Топор, сайт Habr, Двач, 4PDA, Tech Zone, Wylsacom, 3DNews, Mash, Комерсант, techinsider, Tech Zone и др.) – 23% (от всех респондентов) и различные телевизионные каналы (Первый канал, Россия 24, Scientificrussia, National geographic, Discovery, канал Моя Планета, канал Антропогенез и др.) – 13% (от всех респондентов);

– в качестве основных сетевых ресурсов для получения информации о научно-технологических достижениях и разработках представители поколения Z используют: Youtube, Телеграм, ВКонтакте, Антропогенез, Постнаука, Хабр, Википедия, Mash и другие – всего 50% опрошенных;

– за последний год научно-популярные книги прочитали 21% опрошенных.

Из анализа полученных данных можно дополнить выводы первого этапа исследования следующими утверждениями:

– подтвердился вывод первого этапа исследования об эпизодичности потребления научно-просветительского и научно-популярного информационного контента поколением Z. При этом основной объем информации о научно-

технологических достижениях и разработках воспринимается из различных ресурсов сети Интернет;

– целенаправленно и систематически информацию о научно-технологических достижениях и разработках получают не более 20% респондентов. Это относится как к новостному контенту, так и научно-популярной литературе;

– не существует существенной разницы во включённости в потребление информации о научно-технологических достижениях и разработках между представителями поколения Z гуманитарной и математической направленности;

– признанные сетевые ресурсы просветительского и научно-популярного характера почти не используются. Только два респондента указали на сайты Постнаука и Арзамас. А информационные ресурсы Общества «Знание» не указал никто.

В целом несмотря на то, что, в российском обществе процессы организации, формирования и использования информационной среды научно-просветительской деятельности носят всё более системный характер (что связано, прежде всего, с активизацией деятельности Общества «Знание»), поколение Z в основном не включено в эту деятельность. Эпизодическое и безсистемное потребление информации о научно-технологических достижениях и разработках больше соответствует потребительской модели общества. Планомерная и целенаправленная политика осуществления просветительской деятельности, популяризации научно-технологического знания в нашей стране не затрагивает массово школьное образование. Так, например, даже в школьном курсе информатики отсутствует информация, связанная с историей развития вычислительной техники и информационно-коммуникационных технологий в России (СССР). В связи с этим рамках школьного образования не происходит формирования адекватного мировоззрения с полной и достоверной информацией об отечественных научно-технологических достижениях и разработках. Что, в свою очередь, формирует пессимистическое отношение к возможности независимом научно-технологическом развитии современной России и активного участия подрастающих поколений в этих процессах. Поэтому необходимо активное вовлечение в научно-просветительскую деятельность современной российской молодёжи на всех этапах её формирования с массовым использованием информационных ресурсов сети Интернет как основному источнику информации для поколения Z.

Источники:

1. Баранец Н. Г., Веревкин А. Б. Образ кибернетики в памяти отечественной науки // История и педагогика естествознания. 2018. № 3. С. 52–56. DOI: 10.24411/2226-2296-2018-10309.

2. Прокудин Д. Е. Достижения отечественной науки и техники: к проблеме замалчивания. // Университет. Образование. Общество (к 300-летию Санкт-Петербургского государственного университета): Сборник статей,

Санкт-Петербург, 16–17 ноября 2023 года. Санкт-Петербург: ООО «Сборка», 2023. С. 152–157.

3. Мамина Р. И., Толстикова И. И. Phygital поколение в условиях свободной глобальной коммуникации. // *International Journal of Open Information Technologies*. 2020. Т. 8. № 1. С. 34–41. URL: <http://injoit.org/index.php/j1/article/view/872> (дата обращения: 15.01.2024).

4. Прокудин Д. Е. Первазивность как неотъемлемое свойство социокультурного пространства. // *Studia Culturae*. 2022. № 53. С. 7–20. DOI: 10.31312/2310-1245-2022-53-07-20.

5. Tapscott D. *Grown up Digital: How the Net Generation is Changing Your World*. New York: McGraw-Hill, 2008.

6. Мурзина Ю. С., Позняков В. П. Цифровое поведение и личностные особенности интернет-пользователей. // *Социальная и экономическая психология*. 2018. Том 3. № 11. С. 6–21. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/n2018/t3-3/s18-3-01.html> (дата обращения: 15.01.2024).

7. Толстикова И. И., Игнатъева О. А., Кондратенко К. С., Плетнев А. В. Цифровое поведение и характеристики личности поколения Z в условиях глобальной цифровизации. // *Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего*. 2020. № 4. С. 103–115. DOI: 10.17586/2587-8557-2020-4-103-115.

8. Указ Президента Российской Федерации от 11.12.2015 года № 617 "О создании Общероссийской общественно-государственной просветительской организации "Российское общество "Знание" // *Официальный интернет-портал правовой информации*. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201512110006> (дата обращения: 15.01.2024).

9. Прокудин Д. Е. Достижения отечественной науки и техники: к проблеме замалчивания // *Университет. Образование. Общество* (к 300-летию Санкт-Петербургского государственного университета): Сборник статей, Санкт-Петербург, 16–17 ноября 2023 года. Санкт-Петербург: ООО "Сборка", 2023. С. 152–157.

D. E. Prokudin (Saint Petersburg state university)

INFORMATION CHANNELS FOR THE POPULARIZATION OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL INFORMATION IN ENVIRONMENT OF GENERATION Z

Post-Soviet generations are embedded in digital information delivery channels. They also receive educational and popular scientific information through these channels. Often, this information reaches them in fragments or with distortions. What forms an incomplete or distorted worldview. This pilot study examines the main information channels through which representatives of Generation Z receive

scientific and technical information. Based on the analysis of the data obtained, conclusions are drawn about the correction of educational activities in the realities of digital transformations in a modern information globalizing society.

Scientific knowledge, information age, popularization, digital educational environment, digital educational resource

УДК 316

А. В. Рудева (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: rudeva.angelina@mail.ru)

АНАЛИЗ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ АСПЕКТОВ ВОСПРИЯТИЯ СТУДЕНТАМИ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ОБЗОР ОСНОВНЫХ КОНЦЕПЦИЙ И ПОНЯТИЙ

В статье рассмотрены подходы к интерпретации понятия цифровизация. Проявлена актуальность изучения восприятия цифровизации студентами. А также, приведен анализ исследований авторов, касающихся конкретных исследований изучения восприятия студентами процесса цифровизации общества.

Цифровизация, восприятие, цифровое общество, цифровые технологии, цифровые навыки, цифровая культура, цифровые компетенции

Современное общество переживает стремительное развитие цифровых технологий, которое сопровождается изменениями во всех сферах жизни: от экономики и бизнеса до образования и культуры. Цифровые технологии становятся неотъемлемой частью нашего повседневного быта, и это приводит к появлению новых вызовов и возможностей. Однако, восприятие цифровизации неоднозначно, и для полного понимания ее влияния необходимо проанализировать содержательные аспекты данного процесса.

В настоящее время, в России происходит интенсивный процесс цифровизации, который получает широкую поддержку со стороны государства и является одной из стратегических целей развития страны. Уже сейчас наша повседневная жизнь наполнена множеством цифровых сервисов и приложений, которые значительно упрощают получение различных услуг через государственные и частные платформы. Также разрабатываются и внедряются технологии «Умного города», которые обеспечивают контроль над процессами городской жизни и делают ее более безопасной, но одновременно ограничивают приватность граждан. В той или иной степени подобные тенденции также характерны для большинства развитых стран. Во многом развитие новых технологий, успешность внедрения их в повседневную жизнь населения и их востребованность гражданами зависят от восприятия в социуме цифровых технологий, общественных ожиданий и страхов.

Кроме того, осознавая важность цифровизации для современного общества и экономики, особое внимание со стороны государства уделяются вопросам, связанным с восприятием цифровизации в среде студенческой молодежи. В связи с этим, идея развития цифровых навыков, программы и инициативы, направленные на поддержку развития цифровой культуры и цифровой грамотности активно проникает в национальные стратегии всех уровней образования. Современные студенты

должны активно вливаться в образовательный процесс, быстро осваивать новые цифровые технологии, обращая особое внимание на технологии, используемые в профессиональной среде их будущей деятельности.

В связи с этим, в последние десятилетия процессы цифровизации в контексте социального развития привлекают все больше внимания отечественных и зарубежных ученых. Однако, несмотря на активные исследования, понятие цифровизации в научном сообществе все еще не имеет однозначного определения. Во многом, разнообразие толкований и интерпретаций этого процесса обуславливается тем, что каждый исследователь делает акцент на аспектах, которые считает наиболее важными в зависимости от своей дисциплины и методологии исследования.

Так, подходы к интерпретации феномена цифровизации условно можно свести к трем группам:

1) Определения, подчеркивающие технологические аспекты цифровизации и обозначающие переход к цифровой среде. Эти определения обычно уделяют внимание техническим изменениям внедрения современных цифровых технологий и их влиянию на процессы обработки и передачи информации. Такой подход мы можем заметить в рамках исследований Высшей Школы Экономики, Кочубей-центра, которые придерживаются следующей трактовки цифровизации: «в узком смысле цифровизация рассматривается, как замена аналоговых (физических) систем сбора и обработки данных технологическими системами, которые генерируют, передают и обрабатывают цифровой сигнал о своем состоянии. В широком смысле цифровизация является процессом переноса функций и деятельности, ранее выполнявшихся людьми и организациями, в цифровую среду» [1].

2) Определения, рассматривающие цифровизацию в качестве глобального процесса, предполагающего «трансформацию третьего технологического уклада в четвертый и пятый путем масштабного внедрения цифровых технологий в экономику и другие сферы деятельности общества» [2, С. 36]. При таком подходе, цифровизация не просто представляет собой технико-технологический процесс, но и является всесторонним явлением, затрагивающим различные сферы жизни и общественной деятельности.

3) Определения, ориентированные на включение в содержание понятия «цифровизация» социокультурного компонента. При данном подходе особое внимание уделяется социокультурным аспектам данной трансформации, таким как изменения в образе жизни, взаимоотношениях, доступе к информации и культурных ценностях. Цифровизация оказывает значительное воздействие на способы взаимодействия и коммуникации людей. Так, под влиянием всеобщего процесса цифровизации «в обществе распространяется мнение о том, что данные изменения представляют собой одну из радикальнейших трансформаций нашего жизненного опыта, мировосприятия, ценностей, которую до конца еще осознать очень трудно, поскольку процесс изменений еще далеко не принял свои окончательные формы» [3, С. 95].

В целом, исходя из приведенной выше подходов к пониманию данного феномена, можно отметить, что практически все формулировки подразумевают под цифровизацией процесс внедрения в повседневность людей новых технологий.

Таким образом, цифровизацию можно рассматривать, как процесс внедрения цифровых технологий во все сферы общественной жизни, что создает возможность использовать современные технологии для более эффективного выполнения операций, модернизируя и улучшая процессы в различных сферах жизни, открывая новые возможности для улучшения качества жизни и развития общества.

Широкое проникновение цифровых технологий в жизнь людей значительно влияет на их представления о себе, их оценки действительности и поведенческие модели. Это влияние распространяется как на различные сообщества в целом, так и на их членов в частности. Поэтому актуальными становятся исследования, позволяющие раскрыть восприятие индивидами цифрового мира, понимание цифровой культуры и их осознание себя в качестве субъекта цифрового общества.

В условиях цифровизации, важнейшим качеством членов цифрового общества является цифровая культура. Согласно общепринятой трактовке, цифровая культура включает в себя цифровую компетентность, рациональное владение технологиями и ориентирование в цифровой среде, а также эффективное общение в информационном пространстве. Однако более 80% работоспособного населения имеет ограниченные компетенции для работы на современных рынках труда [4]. Это может вызывать ощущение нестабильности и тревоги, а также усиливать недоверие к правительству и сомнения в эффективности инноваций. Что может привести к ряду нежелательных последствий. Во-первых, это может замедлить процесс внедрения цифровых технологий в различные сферы жизни, включая экономику, здравоохранение и образование. Во-вторых, сомнения в эффективности цифровизации могут привести к упущению возможностей для улучшения качества жизни, повышения производительности и снижения издержек. Это может негативно сказаться на экономике и конкурентоспособности страны в мировом рынке. А также, это может привести к усилению социальной нестабильности и ухудшению деловой среды.

При этом, исследование отношения студенческой молодежи к преобразованиям, связанным с внедрением цифровых технологий в разные сферы жизни, представляет особую важность. Данная социальная группа, являясь наиболее прогрессивной и динамичной частью общества. Она быстро улавливает новые тенденции в социально-экономической жизни общества, одновременно меняясь в новых условиях. Следовательно, они также наиболее подвержены влиянию происходящей цифровой трансформации. Поэтому изучение восприятия цифровизации студенческой молодежью, их практики и ценностные ориентаций в контексте современного цифрового общества является особенно актуальным.

Анализируя восприятие цифровизации студентами младших и старших курсов, Н. Г. Воскресенская, М. И. Рыхтик, Т. В. Баранова отмечают, что «ни у кого из участников групповых обсуждений не вызывало сомнения влияние

цифровых технологий на жизнь общества» [5, С. 146]. Авторы также выделяют внешние и внутренние факторы, препятствующие цифровизации. К внешним относятся политико-экономические факторы, уровень информационной безопасности, манипулирование общественным мнением, а к внутренним – индивидуально-личностные особенности членов общества. Студенты младших курсов более оптимистичны в выстраивании прогнозов относительно влияния цифровизации на качество жизни и возможности для самореализации и в качестве основного препятствия на пути цифровизации отмечают внешние факторы. Студенты старших курсов более осторожны в прогнозах и основным препятствием для них являются внутренние факторы.

Важно отметить, что восприятие цифровизации студентами во многом зависит от их профессиональных интересов. Так, исследователями подчеркивается, что «студентами гуманитарных, медицинских, социальных факультетов цифровизация воспринимается преимущественно как инструментальная или технологическая составляющая их профессии, в то время, как для студентов многих инженерно-технических факультетов цифровизация составляет содержательную, сущностную часть их профессиональной подготовки» [6, С. 46].

Кроме того, опыт и навыки работы с цифровыми инструментами, использование определенных (специфических) технологий и уровень освоения цифровых компетенций также во многом влияет на восприятие цифровизации. В целом, отмечается, что студенты хорошо владеют цифровыми навыками, «однако наблюдается стремление использовать в обучении только типовые навыки, связанные с предоставлением и получением информации» [7, С. 235]. Более сложными и важными навыками владеет меньшая часть студентов. Это может иметь негативные последствия, поскольку, студенты, обладающие высоким уровнем цифровой грамотности и умениями владения цифровыми инструментами, могут более успешно и продуктивно использовать доступные им цифровые возможности, что способствует увеличению разрыва восприятия цифровизации, а также усиливает неравенство профессиональных условий деятельности.

Таким образом, изучение восприятия цифровизации является неотъемлемой частью разработки долгосрочных стратегий развития цифрового общества, повышения цифровой грамотности и цифровой культуры. Кроме того, изучения особенностей восприятия данного процесса студентами становится особенно актуально в современном обществе. Понимание и учет различных отношений к цифровизации поможет создать более инклюзивные и адаптивные программы обучения, которые учитывают потребности и предпочтения студентов, а также поможет выявить проблемные аспекты внедрения цифровых технологий и разработать рекомендации по снижению степени разрыва восприятия цифровизации.

Источники:

1. Цифровая трансформация: новые вызовы для бизнеса и руководителей компании: ВШЭ Кочубей центр: URL: <https://kc.hse.ru/2018/05/15/cifrovaya-transformaciya-novye-vyzovy/> (дата обращения: 12.01.2024).
2. Тюкавкин, Н. М. Цифровизация образовательных процессов в вузах // Эксперт: теория и практика. 2019. №1. С. 35–41.
3. Бальчиндоржиева, О. В., Золхоева, М. В. Цифровая культура vs культурная уникальность? (к вопросу о сохранении китайской культурной идентичности) // Социологические исследования. 2022. №3. С. 90–97.
4. Доклад «Россия 2025: от кадров к талантам» // The Boston Consulting Group Review. 2017. URL: https://image-src.bcg.com/Images/Russia-2025-report-RUS_tcm9-188275.pdf (дата обращения: 13.01.2024).
5. Воскресенская Н. Г., Рыхтик М. И., Баранова Т. В. Цифровизация в восприятии студентов поколений y и z // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 4(60). С. 137–148.
6. Дерюгин П. П., Баннова О. С., Камышина Е. А., Попов Р. Е., Сидорова А. Н. Социальное и профессиональное осознание студентами инженерно-технических специальностей наступающей цифровизации (Опыт пилотажного исследования и первые итоги) // Дискурс. 2021. Т. 7, No 1. С. 43–56. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-1-43-56
7. Прохорова М. П., Булганина С. В., Бурханов С. В. Изучение цифровых навыков студентов // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 66–3. С. 232–236.

A. V. Rudeva (St Petersburg State University)

***ANALYSIS OF THE SUBSTANTIVE ASPECTS OF THE PERCEPTION
OF DIGITALIZATION: OVERVIEW OF BASIC CONCEPTS AND
CONCEPTS***

The article discusses approaches to the interpretation of the concept of digitalization. The relevance of studying the perception of digitalization by students is shown. And also, an analysis of the authors' research on specific studies of students' perception of the process of digitalization of society is presented.

Digitalization, perception, digital society, digital technologies, digital skills, digital culture, digital competencies

УДК 327.8

Е. А. Руденко (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: sincerecrane83@gmail.com)

ТРАНСФОРМАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕГАТРЕНДОВ

В XXI веке ландшафт терроризма претерпел глубокие изменения, отмеченные слиянием технологических достижений, изменений в идеологических мотивах и сложным взаимодействием глобальной геополитики и социально-экономических факторов. По мере того, как мы углубляемся в сложную динамику современного терроризма, возникает нюансированное понимание, бросающее вызов традиционным парадигмам и требующее переоценки контртеррористических стратегий.

Терроризм, теракт, глобализация, экстремизм, контртеррористические методы, экотерроризм, Чёрный сентябрь, мегатренды

По мере того, как мир сталкивается с быстрыми изменениями в технологиях, социально-экономических структурах и геополитической динамике, терроризм также претерпевает трансформации. Цифровая эпоха открыла беспрецедентные возможности для подключения к Интернету, предоставляя международному обществу как возможности, так и проблемы. Интернет, социальные сети и зашифрованные каналы связи служат мощными инструментами для радикализации, вербовки и координации. Террористические организации используют онлайн-сферу для распространения пропаганды, вербовки последователей и планирования операций. Безграничность виртуальной сферы усложняет контртеррористические усилия, требуя инновационных стратегий для решения проблемы децентрализованного характера цифровой коммуникации. Параллельно с развитием технологий симбиотическая связь между терроризмом и цифровым ландшафтом будет углубляться, требуя от сил безопасности гибкого реагирования. Помимо технологической сферы, изменения в мотивах и идеологиях способствуют многогранности современного международного терроризма.

В 60-е годы XX века мир захлестнула волна протестных движений, связанных с событиями, произошедшими после Второй мировой войны. Внушительное количество терактов того времени совершаются палестинскими группировками, входящими в состав Организации освобождения Палестины (ФАТХ, Чёрный сентябрь и др.), претендующей на представление интересов арабов, живших на территории подмандатной Палестины до 1948 года [1]. Большинство из этих терактов были направлены против Израиля, но также имели место и другие инциденты, включая атаки на граждан и объекты в раз-

личных частях мира. Одним из таких примеров является теракт на Олимпийских играх в Мюнхене в 1972 году, когда террористы из группировки Чёрного сентября взяли в заложники 13 израильских спортсменов. Террористы организации потребовали освободить 234 палестинца и других неарабов, заключенных в Израиле, а также двух немецких экстремистов, Андреаса Баадера и Ульрику Майнхоф (основателей «Фракции Красной Армии»), заключенных в западногерманских тюрьмах, и 16 заключенных в западноевропейских тюрьмах, чтобы обеспечить им безопасный проезд в Египет к 12 часам дня [2]. В дальнейшем попытки немецких правоохранительных органов предотвратить теракт привели к трагическим последствиям: предоставив террористам трансфер до аэропорта Фюрстенфельдбрука, немецкая полиция организовала засаду, однако ввиду неопытности местной полиции операция завершилась гибелью всех заложников. Данный прецедент подтолкнул немецкое правительство на формирование ГСГ-9 – немецких сил специального назначения, работа которых заключалась в проведении операций по освобождению заложников [3]. Данный инцидент служит своего рода примером несвоевременного реагирования общества на угрозу собственной безопасности.

Ещё одним подобным примером может послужить возникшая в конце 60-х годов тенденция к хайджекингу – угону крупных транспортных средств, в частности – самолётов гражданской авиации (скайджекинг). Очевидной реакцией послужило постепенное усиление охраны аэропортов и контроля багажа, однако, увы, недостаточное для предотвращения терактов 11 сентября 2001 года [4]. Данное событие буквально обросло теориями заговора. Самая распространенная утверждает, что обрушение Всемирного торгового центра произошло в результате контролируемого сноса, а не пожара. Согласно другой теории заговора, Пентагон был разрушен крылатыми ракетами, управляемыми лицами, связанными с правительством США. Сторонники теории заговора считают, что мотивом этих действий было оправдание последующих военных вторжений США в Афганистан и Ирак, а также обоснование стратегических интересов Соединенных Штатов на Ближнем Востоке, таких как проект нефтепровода, разрабатывавшийся с начала 1990-х годов компанией Unocal и другими нефтяными компаниями [5].

В эпоху активного развития искусственного интеллекта люди уже начинают сталкиваться с прецедентами использования последнего «не по назначению» [6]. Примером может послужить ситуация с фейковым «обращением» Владимира Путина в июне 2023 года, где президент «сообщил о введении военного положения в областях, граничащих с Украиной, а также подписал указ о всеобщей мобилизации» [7]. Несмотря на внушительное количество подобных информационных вбросов с начала СВО, не следует относиться к ним пренебрежительно. Все они имеют одну цель – подрыв внутригосударственной безопасности, дестабилизация порядка и деморализация населения, что в реалиях информационной войны, а также при должном влиянии на склонные к панике группы населения может повлечь за собой крайне нежелательные последствия.

Социально-экономическое недовольство, мотивы, основанные на самоидентификации, и экологические проблемы стали мощными катализаторами радикализации. Актеры-одиночки, движимые личными обидами, добавляют непредсказуемое измерение в ландшафт угроз. Диверсификация мотивов ставит под сомнение традиционные методы профилирования, требуя более тонкого понимания сложной взаимосвязи между личными мотивами и глобальными идеологическими течениями.

Однако само понятие «терроризм» является частью более обширного термина «экстремизм», где последователи радикальных идеологий далеко не всегда прибегают к применению бессмысленного насилия, но вместе с тем совершают не менее бессмысленные акции. Ярчайшим примером могут послужить экстремистские акты, совершаемые последователями эоактивизма. События одной из крупнейших акций произошла 8–9 ноября 1986 года, когда члены Общества охраны морской среды попытались потопить исландские китобойные суда *Hvalur 6* и *Hvalur 7* в Рейкьявике. Целью нападения было прекращение китобойного промысла в Исландии. В октябре 1986 года экологи Род Коронадо и Дэвид Хауитт прибыли в столицу Исландии. Тайно обнаружив китобойное судно, они устроились на работу на рыбный завод. В 20:00 экологи ворвались на китобойную станцию в Хвар-фьорде (единственную в Исландии). Кувалдами они уничтожили двигатели, генераторы и механизмы. Также была разрушена холодильная система, используемая для сохранения китового мяса, а документы облили кислотой. Хауитт и Коронадо покинули китобойную станцию и направились обратно в Рейкьявик к пристани, где было пришвартовано судно «*Hvalur*». Когда добровольцы открыли впускные клапаны корабля, судно затонуло в течение 30 минут. Коронадо и Хауитт ушли до прибытия полиции, вылетев в 07:45 и улетев в Люксембург. В ходе операции никто не пострадал. Экологические группы нанесли ущерб в размере 2 миллионов долларов США [8].

Глобализация и рост транснациональных сетей – еще одна тенденция, влияющая на эволюцию международного терроризма. Террористические организации действуют как сложные транснациональные структуры, используя взаимосвязанность глобализированного мира. Границы для этих групп становятся прозрачными, что облегчает перемещение «персонала», средств и оружия через международные границы. Контртеррористические усилия должны адаптироваться к этому изменчивому ландшафту, делая упор на международное сотрудничество и механизмы обмена разведанными.

Способность террористических организаций с легкостью перемещаться по глобальным сетям представляет собой серьезный вызов традиционному национально-ориентированному подходу к обеспечению безопасности. В то время как силы безопасности адаптируют свои стратегии, террористы отвечают инновационными и адаптивными мерами. Асимметричные тактики, включая партизанскую войну, кибератаки и потенциальное использование биологических угроз, становятся все более очевидными.

Контртеррористические меры должны не только устранять текущие угрозы, но и предвидеть и смягчать будущие тактики. Динамичный характер терроризма требует упреждающего и гибкого подхода с акцентом на опережение эволюционирующих угроз. Постоянная эволюция стратегий с обеих сторон подчеркивает необходимость того, чтобы силы безопасности были гибкими и дальновидными в своих контртеррористических усилиях. Социально-экономические факторы играют решающую роль в зарождении и увековечении терроризма.

Исследования показывают взаимосвязь между бедностью, безработицей, маргинализацией и распространением терроризма. Устранение этих коренных причин является неотъемлемой частью любой комплексной контртеррористической стратегии. Целостный подход, сочетающий меры безопасности с инициативами социально-экономического развития, может оказаться более эффективным в предотвращении радикализации уязвимых групп населения. Понимание социально-экономических аспектов терроризма необходимо для разработки политики, направленной на устранение базовых условий, способствующих экстремизму. Прогнозирование будущего международного терроризма остается сложной задачей. Однако результаты проводимых анализов позволяют выявить потенциальные тенденции. Слияние технологических достижений, таких как искусственный интеллект и биотехнологии, с терроризмом вызывает опасения по поводу более изощренных и разрушительных атак. Кроме того, пересечение политической нестабильности, изменения климата и нехватки ресурсов может создать новые возможности для процветания терроризма. Всеобъемлющий и адаптируемый глобальный ответ, основанный на постоянных исследованиях и анализе, является обязательным условием для смягчения меняющихся угроз, которые представляет собой международный терроризм в XXI веке.

В заключение следует отметить, что положительные трансформации, которые претерпевает мир, оказывают влияние и на негативные аспекты нашей повседневной жизни, и отражают динамичный и сложный ландшафт. Взаимодействие технологий, меняющихся мотивов, глобализации и адаптивных стратегий требует от мирового сообщества целостного понимания и реагирования. Для эффективного решения проблем, возникающих в связи с постоянно меняющимся характером международного терроризма, нам необходимо сотрудничество, инновации и дальновидный подход. Мир стремительно меняется, технологии не стоят на месте, и человечество должно безостановочно их осваивать. В противном случае, мировое сообщество рискует предоставить возможность менять мир тем, чьи идеи несут в себе исключительно деструктивное начало.

Источники:

1. Encyclopedia Britannica “Palestine Liberation Organization”. 17 Dec. 2023. URL: <https://www.britannica.com/topic/Palestine-Liberation-Organization>. (дата обращения: 12.01.2024).

2. Encyclopedia Britannica “Munich massacre”. 3 Jan. 2024. URL: <https://www.britannica.com/event/Munich-Massacre>. (дата обращения: 12.01.2024).
3. Bundespolizei, Entstehung. Die GSG 9. URL: https://gsg9.de/Webs/GSG9/DE/Home/01-Die-GSG9/Dreispartig/Entstehung/-entstehung_node.html;jsessionid=A0FB2F7F0DFFFF32438A5643B9C86983.2_cid370 (дата обращения: 15.01.2024).
4. Basham, Lee and Matthew R. X. Dentith “Social Science’s Conspiracy-Theory Panic: Now They Want to Cure Everyone”. Social Epistemology Review and Reply Collective 5, no. 10, 2016. URL: <https://philarchive.org/archive/BASSSC> (дата обращения: 13.01.2024).
5. The 9/11 commission report. The National Commission on Terrorist Attacks Upon the United States, 2008. URL: <https://www.9-11commission.gov/report/911Report.pdf> (дата обращения: 15.01.2024).
6. Гедгафов М. М. Роль искусственного интеллекта в противодействии терроризму // Журнал прикладных исследований. 2023. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-iskusstvennogo-intellekta-v-protivodeystvii-terrorizmu> (дата обращения: 15.01.2024).
7. Эксперт: дипфейк с «обращением» Путина сделали при помощи технологии замены лица // ТАСС, Москва, 2023. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17933053> (дата обращения: 15.01.2024).
8. Bruder Wal. Der Spiegel. aus Der Spiegel 47/1986. URL: <https://www.spiegel.de/politik/bruder-wal-a-d2b01550-0002-0001-0000-000013521649?context=issue> (дата обращения: 14.01.2024)

Y. A. Rudenko (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

TRANSFORMATIONS OF INTERNATIONAL TERRORISM IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY MEGATRENDS

The terrorism landscape has undergone profound changes in the twenty-first century, marked by the confluence of technological advances, shifts in ideological motivations, and the complex interplay of global geopolitics and socioeconomic factors. As we delve into the complex dynamics of contemporary terrorism, a nuanced understanding emerges that challenges traditional paradigms and requires a reassessment of counterterrorism strategies.

Terrorism, terrorist attack, globalization, extremism, counterterrorism techniques, ecoterrorism, Black September, megatrends

УДК 316.4

А. А. Салахутдинов (Санкт-Петербургский государственный университет,
e-mail: artes_93@mail.ru)

МОЛОДЕЖЬ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ ВСЕОБЩЕЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В статье освещается содержание цифровой среды как среды социализации молодежи. В условиях, когда молодежь живет в двух пространствах: в пространстве реального мира и в цифровом пространстве, смещаются механизмы формирования молодого человека. В современных условиях трансформации социальных институтов формирование жизненных приоритетов, системы ценностей, моделей поведения и другое. определяет цифровая среда. Таким образом, человеческий капитал современной России, потенциалом которого является молодежь, преимущественно обусловлено содержанием цифровой среды.

Цифровая среда, информационная среда, молодежь, человеческий капитал, социальная среда, социализация, среда социализации, социальные институты

Современный мир информационных технологий, оставив в прошлом традиционные методы и формы взаимодействия общества и человека, предложил современные информационно-технологические устройства с широкими возможностями, создав цифровую среду многообразия альтернативных по идейному замыслу информационных материалов. Таким образом, в условиях нарастающих межгосударственных противоречий, обусловленных стремлением сохранить свои лидирующие позиции противоборствующими России странами, цифровая среда в целом и информация в цифровой среде становятся новым видом оружия в навязанной России информационной войне. Основным объектом информационного и психологического воздействия в этой форме войны является молодежь, как наиболее уязвимая в силу возрастных особенностей, социально-демографическая группа. Для того, чтобы ответить на вопрос «почему цифровая среда в целом, и информация в цифровой среде» считается новым оружием в цифровой войне, необходимо раскрыть содержание цифровой среды в соотношении с понятием «социализация».

По мнению О. В. Сютюренко «цифровая среда сложное техническое явление, будучи продуктом технического характера (состоит из компьютерных и сетевых технологий; системы и сети телекоммуникаций, прежде всего Интернет, имеет наполнение, переведенное в цифровую форму, текстовой язык, рассчитанный на массового потребителя» [1, С. 2]. Такое существование циф-

ровой среды позволяет ученым применять к цифровой среде как технологический, так и гуманитарный подходы. В понимании В.Н. Григорьевой «цифровая среда – искусственная среда обитания, которая является результатом деятельности человека и возникает при изучении контекста действий основных игроков цифрового рынка» [2, С. 118].

Гуманитарная составляющая цифровой среды позволяет использовать коммуникационный и медийный подходы.

Коммуникационный подход объясняется тем, что цифровая среда создана и как пространство для взаимодействия / общения (коммуникации) между пользователями: цифровая среда как результат цифровизации информационной среды «предполагает коммуникативные взаимодействия в системе отношений “индивид – информационная (цифровая) среда”» [3, С. 9].

В рамках медийного подхода цифровая среда понимается в широком значении «как цифровое представление медийной платформы и технологий общения» [2, С.119].

Цифровая среда согласно Г. Б. Прончеву «интегрированная коммуникационная среда, в которой цифровые устройства взаимодействуют и управляют контентом и действиями в ней, другими словами – это коммуникационная среда цифровых устройств» [4, С. 52].

Одним из спорных является вопрос соотношения цифровой среды -информационной среды – киберпространство. Одни ученые склонны отождествлять эти понятия, другие обнаруживают различие

В научной литературе цифровую среду склонны называть социальной средой. Ю. Г. Беляев [5, С. 112.], В. И. Панов и Э. В. Патраков [3, С. 9] цифровую среду считают особым типом социальной среды, в которой осуществляется динамичный процесс установления социальных связей и взаимодействие; является частью среды социальной, культурной и технологической.

С появлением интернет-ресурсов, развития цифровизации категориальный аппарат понятия «среда социализации» молодежи расширился новыми терминами: «киберсоциализация», «цифровая социализация», «информационная социализация». Искусственно созданная цифровая среда вытеснила естественную среду социализации молодежи, а вместе с этим значимость базовых институтов социализации (семья, образование, средства массовой информации), совокупность средств и инструментов формирования личности, способных к успешной адаптации и интеграции в социум. Исследователи склонны называть эти процессы трансформацией структуры и содержания процесса социализации. Однако, на наш взгляд, сложившаяся подмена традиционных институтов социализации цифровой средой, является результатом отсутствия научного обоснования, понимания процессов социализации и ее роли в жизни молодого человека по причине смены научной парадигмы теории молодежи.

Плешаков В. А. пишет, что современный человек, становясь продуктом информатизации, компьютеризации и интернетизации, из «представителя

вида ‘Homo Sapiens’ – становится ещё и ‘Homo Cyberus’ом’ – ‘человеком киберсоциализирующимся’». Согласно автору, феномен 21 века «киберсоциализация» является особым видом социализации молодежи современной эпохи, предпосылкой новой стратегии жизнедеятельности личности молодого человека. По мнению ученого, социализация личности в киберпространстве – процесс качественных изменений структуры самосознания личности и мотивационно-потребностной сферы индивидуума, происходящий под влиянием и в результате использования человеком современных информационно-коммуникационных, компьютерных, электронных, цифровых, мультимедиа, мобильной сотовой связи и интернет- технологий в контексте усвоения и воспроизводства им культуры в рамках персональной жизнедеятельности». [6, С. 4.]

В нынешних условиях всеобщей цифровизации социального пространства актуализируется проблема формирования человеческого капитала, качество которого будет зависеть от состояния среды, институтов социализации молодежи. По данным исследований, у поколения, рожденные в период с 1984 по 2000 гг. и в 2000-2015 гг., названные поколением «Y» и «Z» соответственно, исследователи отмечают изменения в мыслительной деятельности. Эти изменения проявляются в отсутствии умений аналитического мышления, систематизации информации, не умения выделять главное, значимое в информационном пространстве. Цифровая среда атрофирует способности к образному мышлению, не способствует развитию «воображения, абстрактного моделирования, оперирования абстрактно-логическими конструктами» [7, С. 20 – 26], формируя по определению специалистов «“клиповое мышление”, или раздробное, фрагментированное». Все эти негативные последствия вызывают вопросы и, не без основания, о формировании интеллектуального, культурного потенциала молодежи. В этих условиях, казалось бы, интеллектуальную и культурную составляющую должна обеспечивать система образования. Однако, селекция детей в образовании по признаку «особо одаренные» и остальные (большинство), соответственно построенная система обучения и образовательная среда социализации для каждой группы детей, далека от этого идеала – формирования интеллектуального и культурного потенциала социальной группы молодежи в целом. Глубинные процессы, незаметные для человека невооруженного научными знаниями, опасны постепенным нарастанием неравенства внутри самой социальной группы по интеллектуальному признаку и, осознанием самой молодежью причин такого неравенства и не исключено, формирования протестных настроений и протестного поведения против неравенства социальных статусов и их причин.

Интенсивность изменений в современном мире, тот объем информации, которым буквально загружают молодого человека в информационных пространствах, перманентно происходящие изменения, когда теряется ощущение стабильности, нагоняющие страх перед прогнозируемым будущим, где теря-

ется смысл жизни, – вынуждает молодых людей искать способы психологического выживания в этой реальности, уходя нередко в поисках такого средства в цифровой мир интернета.

Исследователи обращают внимание на то, что динамичные социокультурные изменения становятся фактором формирования одной из форм протестного реагирования – эскапизм/ретризм, как показатель симптома «системного неблагополучия во взаимодействии личности с социумом, личности с государством» [8, С. 20].

К деструктивному эскапизму Л.В. Баева относит проведение большого количества времени в компьютерной игре. Социализация в компьютерных играх «лишь имитирует социальное взаимодействие, не создавая реальных межличностных связей и отношений» [9, С. 31]. Молодой человек, попавший в игровую зависимость теряет свою социальность, прежде всего коммуникативные навыки и умения, необходимые в реальной жизни, формируется боязнь людей, взаимодействия с ними, психологические барьеры, которые он не способен преодолеть. В целом, все эти качества, не способствующие успешной интеграции в социальные группы и общество, становятся при определенных обстоятельствах причинами суицидального поведения.

Е. С. Романова и С. Б. Шубин в качестве одной из важных проблем указывают на скрытую пропаганду в компьютерных играх. Современный рынок компьютерных игр представлен преимущественно продукцией западных производителей, как правило произведенных в экономически развитых европейских странах. Увлекаясь видеоиграми, игрок «бессознательно воспринимает идеи, идеалы и ценности», заложенные в видеоигры, как правило, «несвойственные российской культуре» [10]. Деструктивная роль игровой зависимости проявляется в том, что по мере вовлечения в игру, компьютер из средства превращается в цель, занимая практически все мыслительное пространство и время молодого человека. Разрушительная роль компьютера, как посредника между цифровой средой и пользователем, заключается в том, что компьютер поглощает время, силы, энергию и эмоции, необходимые для полноценной интеграции молодого человека в среду его жизнедеятельности. Человек, попавший в игровую зависимость, теряет чувство времени, способность адекватно понимать происходящие процессы, актуальные информации; погруженный в мир компьютерных игр, зависимый человек теряет коммуникативные способности и желание «возвращаться» в реальное время, в реальную жизнь.

Требуемое особого внимания является тема экстремизма в цифровой среде. Массовый охват молодежи экстремистскими организациями и их лидерами стал возможным благодаря развитию цифровых технологий, создающие множество коммуникативных и информационных возможностей для информационно-психологического воздействия на подрастающее поколение.

В условиях укрепления (ужесточения) законодательной базы по борьбе с экстремизмом и их деятельностью, экстремистские организации в социальных

сетях ушли в более латентную форму деятельности, выйдя за территорию России, при этом не прекращая свою пропагандистскую работу, направленную на дестабилизацию обстановки в стране. Следует отметить, что в своей деятельности по расширению участников организации, экстремисты делают ставку в том числе и на школьников, подростков 14–17 лет.

В условиях многообразия коммуникативных информационных технологий возможности современных технологий позволяют любой форме экстремизма быть мобильными, услышанными, действенными.

Молодой человек сегодня становится мишенью для дезадаптирующего и деструктивного влияния цифровой среды. Жизнь молодого человека в двух мирах – реальном и виртуальном, в разных по содержанию социокультурных пространствах приводит к расщеплению идентичности, к смешению социальных ролей.

Таким образом, интеграция молодежи в пространство социальных сетей является одним из механизмов формирования человеческого капитала современной России. Причем, как показывают результаты исследования, достаточно значимым. В условиях трансформации социальных институтов социализации, а то и их недееспособности, практически безальтернативности, цифровая среда всецело становится определяющим облик современной молодежи; психологическую, социальную составляющую молодого человека.

Таким образом, молодежь, как социальная группа, сформированная по технологиям цифровой среды, вполне может оказаться далекой от воспроизводства необходимого человеческого капитала.

Источники:

1. Сютюренко О. В. Цифровая среда: тренды и риски развития // Научно-техническая информация. Серия 1. Организация и методика информационной работы. Ежемесячный научно-технич. сборник. №2, Москва, 2015. С.1–7.
2. Григорьева В. Н. Цифровая среда как новый рынок / Методологические проблемы многоуровневой теории конкуренции. СПб.: Издательство «Левша Санкт-Петербург», 2016. 160 с. С. 115–120.
3. Панов В. И., Патраков Э. В. Цифровизация информационной среды: риски, представления, взаимодействия: монография. М.: ФГБНУ «Психологический институт РАО»; Курск: «Университетская книга», 2020. 199 с.
4. Прончев Г. Б. Становление электронно-цифровой цивилизации: ключевые понятия. Часть 2 // Теория и практика общественного развития. 2022. № 7. С. 47–56.
5. Беляев Г. Ю. Социально-цифровая среда как источник новых возможностей и новых рисков для современного образования // Отечественная и зарубежная педагогика. 2020. Т. 1, № 4 (69). С. 109–123.
6. Плешаков В. А. Слово главного редактора: о киберсоциализации человека и ее организации на интернет-портале «Номо Cyberus» // Электронный научно-публицистический журнал «Номо Cyberus». №1. 2016. С.4–26.

7. Богатова Л. М. Цифра съела людей // «Общество 5.0»: парадоксы цифрового будущего. VII Садыковские чтения: материалы Международной научно-образовательной конференции (Казань, 15–16 ноября 2019 г.) / под ред. Г. К. Гизатовой, О. Г. Ивановой, А. Р. Каримова и др. Казань: Издательство Казанского университета, 2019. 300 с. С. 20–26.

8. Гусейнов А. Ш. Специфика эскапизма в контексте протестной активности личности // Человек. Сообщество. Управление. 2013. №3. С. 20–33

9. Баева Л. В. Аксиологический портрет поклонников компьютерных игр // Информационное общество. 2014. №2. С. 27–34.

10. Романова Е. С., Шубин С. Б. Психологическое влияние компьютерных и консольных видеоигр в молодежной среде // Системная психология и социология. №21, 2017 <http://www.systempsychology.ru/2017/07/03/e-s-romanova-s-b-shubin-psihologicheskoe-vliyanie-kompyuternyh-i-konsolnyh-videoigr-v-molodezhnoy-srede.html>.

A. A. Salahutdinov (Saint Petersburg State University)

YOUTH IN THE DIGITAL ENVIRONMENT: ON THE ISSUE OF HUMAN CAPITAL FORMATION IN THE CONTEXT OF UNIVERSAL DIGITALIZATION

The article highlights the content of the digital environment as an environment for the socialization of youth. In conditions when young people live in two spaces: in the space of the real world and in the digital space, the mechanisms of formation of a young person are shifting. In modern conditions of transformation of social institutions, the formation of life priorities, value systems, behavioral models and more. defines the digital environment. Thus, the human capital of modern Russia, the potential of which is youth, is mainly determined by the content of the digital environment.

Digital environment, information environment, youth, human capital, social environment, socialization, socialization environment, social institutions

УДК 94(47)+821.161.1+820

В. В. Семенов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: syrovodka@gmail.com)

«ЦАРЬ-БАРОН» И «ГЕРР БАРОН»: ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ И МИФЫ О П. Н. ВРАНГЕЛЕ

В статье рассматривается проблема влияния творчества Демьяна Бедного на представления о генерале П. Н. Врангеле в советском культурном поле. Выделяется два распространенных мифа о Врангеле, к которым приложил руку поэт: о Врангеле как реставраторе монархии и природном немце. Делается вывод, что, целиком противореча действительности, эти продукты мифотворчества апеллировали к устоявшимся предрассудкам и актуальным переживаниям современников. Во многом благодаря этому данные мифы прочно укрепились в сознании нескольких поколений советских граждан.

Демьян Бедный, Врангель, Гражданская война в России, Белое движение, образ, поэзия, политическая сатира, агитация, германофобия

Генерала барона П. Н. Врангеля уместно назвать в числе крупнейших фигур, представлявших белый лагерь в Гражданской войне в России. В силу своей значимости эта личность не могла не явиться частью того героического мифа о Гражданской войне, что был концептуально выстроен в советской исторической литературе. Размах и глубина антагонистической роли Врангеля в данном конфликте, прописанной впоследствии советскими авторами, в целом соответствовали тем окказионально возникавшим определениям, что относились пропагандой на счет генерала и его планиды в годы его вооруженного противостояния советской власти.

Таково, например, было сравнение Белого Крыма – оазиса контрреволюции, неделимо сопряженного с именем П. Н. Врангеля – с маленьким, но опасным нагноением, возникшим на теле Страны Советов: «Что Врангель?.. – Небольшой нарыв на необъятности советских нив» – живописал поэт В. Маяковский в знаменитых «Окнах РОСТА» в августе 1920 г. [1, Т. 3, С. 133] По предшествовавшей формулировке одного из вождей Красной армии, Председателя Реввоенсовета РСФСР Л. Д. Троцкого, летом 1920 г. Врангель сумел «разбухнуть в довольно злокачественный нарыв на теле Украины» [2, Т. 2, Кн. 2, С. 183]. Тот же публицистический оборот присутствовал и в языке советских военных директив [3, С. 395]. В октябре 1920 г. другой небезызвестный сотрудник «росты» поэт В. Хлебников посвятил фигуре генерала стихотворение, одно из названий которого – «Каракурт» – восходит к столь близкому для Врангеля, широко известного как Черный барон, цветовому обозначению: тем самым барон был уподоб-

лен крохотному, но убийственно ядовитому и потому смертельно опасному пауку [4, С. 125–126; 5, С. 39]. Таким образом, красной агитации того периода было свойственно саркастически обнаруживать незначительность Врангеля и его «авантюры» в сопоставлении с величиной и силой Советской России, нередко вместе с тем отмечая и исходившую от него угрозу.

На развитие представлений о П. Н. Врангеле в советском культурном поле в огромной мере повлияло творчество пролетарского поэта Демьяна Бедного и те подходы, которые брались на вооружение этим, по выражению Троцкого, «большевиком поэтического рода оружия» [6, С. 157]. Он приложил руку к двум наиболее употребительным мифам о генерале Врангеле: как реставраторе трона и природном немце. Краеугольным камнем этого художественного вымысла можно назвать «Манифест барона фон-Врангеля», созданный Бедным осенью 1920 г., за месяц с небольшим до штурма Перекопа и окончания врангелевской эпопеи. Его строки, писавшиеся непосредственно в штабном вагоне красного визави барона – комфронта М. В. Фрунзе, в дни подготовки общего наступления на Южном фронте были сперва опубликованы в виде листовки, а спустя три недели, 24 октября 1920 г. и в главной советской газете «Правда». Обстоятельства создания «Манифеста» впоследствии были приоткрыты автором в паре ретроспективных стихотворений. В эпитафии на скоропостижную смерть Фрунзе в 1925 г. он писал:

Друг, милый друг... Давно ль?.. Так ясно вспоминаю:

Агитку настрочив в один присест,

Я врангельский тебе читаю «Манифест»:

«Ихь фанге ан. Я нашинаю...»

Как над противником смеялись мы вдвоем!

«Ихь фанге ан!.. Ну до чего ж похоже!»

Ты весь сиял: «У нас среди бойцов – подъем.

Через недели две мы “нашинаем” тоже!» [7, Т. 3, С. 230]

Спустя два с половиной года после безвременной кончины Фрунзе ушел из жизни и его главный военный противник – генерал Врангель. Демьян Бедный, откликнувшись на это событие, вновь вспомнил про навсегда связавший его с умершим «Манифест»:

Как я писал тогда «агитки»!

Бил по-мужицки «под микитки»!

Под общий смех – в один присест! –

У Фрунзе, помню, средь вагона

Махнул от имени барона

Красноармейцам – «Манифест»! [7, Т. 2, С. 459]

Сочинения Демьяна Бедного в первое послереволюционное десятилетие издавались колоссальным числом экземпляров, намного превосходившим выходившие тогда тиражи любых отечественных авторов [8, С. 145–146]. В силу своей злободневности и широчайшего распространения «Манифест» мгновенно приобрел огромную известность. Он популяризовал скроенный его автором «в один присест» миф о стремящемся к царскому трону «герре бароне»

(Herr – с нем. «господин»). Эта пародия огрубленно обыгрывала предполагаемое обращение генерала к массам, сводя воедино «немецкие» фамилию и титул Врангеля с шаблонным амплуа реставратора монархии.

Вам мой фамилий всем известный:

Ихь бин фон Врангель, герр барон.

Я самый лючий, самый шестный

Есть кандидат на царский трон [7, Т. 2, С. 384].

Целые поколения, воспитывавшиеся на революционном искусстве, подчас продолжали придерживаться этого утрированно комического представления и тогда, когда окарикатуренная характеристика Черного барона лишилась определяющего места даже в советской культуре. Так, в январе 1973 г. советский филолог-литературовед В. Д. Дувакин вел беседу с одним из самых осведомленных свидетелей первой четверти XX в. В. В. Шульгиным – депутатом трех созывов Думы, принявшим отречение из рук последнего самодержца, участником и идеологом Белого движения, впоследствии реэмигрантом [9]. Затронув в числе прочих тем персону П. Н. Врангеля и его эпопею в Крыму, Дувакин – представитель другого поколения, фактически не заставший того времени и целиком выросший на советской культуре, – апеллировал к демьяновскому «Манифесту». Он спрашивал собеседника про реставрационные воззвания белого вождя, буквально начитывая знакомые с детства строчки Демьяна Бедного: «Барон фон Врангель... манифест...» Шульгин, подвизавшийся в Крыму в 1920 г. и встречавшийся с белым Главнокомандующим, категорически отрицал существование подобных манифестов, невзирая на то, что Дувакин вновь и вновь подвигал разговор к тому, что сатира Демьяна Бедного не могла быть на пустом месте.

Можно с уверенностью утверждать, что несогласие с этим Шульгина – человека, очень многое видевшего своими глазами и непосредственно вовлеченного во многие ключевые процессы начала XX в., соответствовало действительности. Несмотря на неоднократно возникавшее сравнение генерала П. Н. Врангеля (как и ранее – адмирала А. В. Колчака) с английским военачальником XVII в. Дж. Монком, чье имя являлось синонимом реставрации монархического строя, сам барон отстаивал мысль, что понятия о Родине и монархии перестали быть одним целым, и потому его армия должна «жить только идеей Родины» [10, Ч. 1, С. 156]. Тем более Врангель не питал весомых надежд, чтобы однажды примерить на себя императорские регалии, как ему неизменно отводили на большевистских агитационных плакатах и газетных карикатурах. Тем не менее шаблонный портрет восстановителя монархии приобрел по отношению к Врангелю намеренно преувеличенный характер.

Демьян Бедный не был первым, кто связал воедино фигуру П. Н. Врангеля с монаршей ролью. Еще в середине 1919 г., когда барон был всего лишь одним из плеяды белых генералов, обыватель на Юге России мог наблюдать примитивно исполненный уличный плакат с романтическим портретом Врангеля, простершим с белого коня – символического олицетворения коронованной

власти [11, С. 455] – свою длань в сторону Московского Кремля, где столетиями венчались на царство русские государи. Этот плакатное изображение деталями напоминало небезызвестный художественный образ Петра Великого под Полтавой, что упрочивало основания явственно видеть во Врангеле будущего «Петра Четвертого» [12, С. 65]. Его стремительное возвышение лишь способствовало тому, что подсознательная связь его фигуры с короной, питавшая эти монархические аллюзии, только крепла. Но если в антибольшевистском лагере указания подобного рода существовали исключительно неформально, то в противоположном, напротив, пропаганда направленно была в эту точку, рисуя облик человека, всеми силами рвущегося к трону.

В политической сатире Врангель представал не только реставратором царской власти, но и природным немцем, обладающим такими характерными признаками, как расчетливость или неистребимый акцент. Исторически это также является заблуждением. П. Н. Врангель принадлежал к одной из ветвей старинного рода скандинавского происхождения, чьи представители, уже два столетия состоя на русской службе, всецело русифицировались [13, С. 218–222]. Как и многие офицеры только-только отгоревшей Первой мировой войны, Врангель не питал теплых чувств к германцам и подчеркивать свое варяжское происхождение по понятным причинам не стремился. Однако, утвердившиеся за годы войны отрицательные представления о «внешнем» и «внутреннем немце» оказали заметное влияние и на использовавшиеся большевистской пропагандой образы врагов революции [14, С. 111]. Из-под пера Демьяна Бедного вышло немало шаржированных пародий такого характера. Нередко комический эффект в них достигался посредством макаронического стиля, смешивающего в одних устах русскую и немецкую речь: как например, ««Шерти!» – “Зволечь!” – “Ох, мейн готт!”» или «Мой дюша, ваш голёс – ошин караша!» [7, Т. 2, С. 390; 7, Т. 3, С. 58]

*Герр барон фон Врангель. Тоже –
Видно аспида по рожге –
Был, хоть «русская душа»,
Человек не караша!
Говорил по-русски скверно
И свирепствовал безмерно [7, Т. 4, С. 270].*

*Били, бьют со всех сторон.
Трудно удержаться.
Черный Врангель, герр барон,
Пробует сражаться [7, Т. 2, С. 366].*

*Все огрызки старой власти,
Белой, черной, желтой масти,
И фон Врангель, их правитель –
Шустрый немец стрекулист, –
Всем им в райскую обитель
Пропускной дадим мы лист [7, Т. 2, С. 386–387].*

Все эти мифы конструировались на основе уже во многом устоявшихся тропов. В широком мышлении того времени между контрреволюцией и восстановлением монархической формы правления стоял безусловный знак равенства. К этому апеллировали большевики, утверждавшие, что все их противники несут с собой «проклятый царизм», равно как с февраля 1917 г. часть либеральных и социалистических кругов упрекала самих большевиков, что они, объективно способствуя гражданской войне, неминуемо тем самым приведут к власти контрреволюционеров-реставраторов. Тем самым, Врангель, даже ничего не делая, непременно оказался бы представлен своими противниками в виде «царь-барона»; он же, по объективности, не единожды вольно или невольно давал к этому повод.

Корни политической сатиры на П. Н. Врангеля как немецкого «герра» и «фон-барона» также тянутся от более раннего по времени образа «царицы-немки» и немцев-предателей у царского трона. Эти, поначалу будто бы «патриотические» слухи об изменниках немецкого происхождения в российских верхах, усиленные буквально оскорбительной бульварщиной 1917 г. на ту же тему, дали благодатную почву для перенесения подобного представления и на генерала Врангеля. Отчасти своим успешным распространением этот вымысел обязан и массовой антигерманской пропаганде времен Первой мировой войны, способствовавшей сближению образов с одной стороны – Врангеля как «фон-барона», а с другой – немца как заклятого врага. Наконец, примешивалось и давнее ироническое отношение русского народа ко всем, кто мог сойти за немца.

Подводя итог, уместно вспомнить колкое замечание, приписываемое известному политику-монархисту В. М. Пуришкевичу, что Демьян Бедный «со своим острым языком под каждую солдатскую шкуру сумел, кажется, пролезть лучше всяких... декретов и прокламаций» [15, С. 70]. В самом деле, вклад этого пролетарского поэта в дело обеспечения триумфа Советской власти оказался неоспоримо велик. «Кавалерист слова» Демьян Бедный приложил руку и к наиболее распространенным мифам о генерале Врангеле, за кем соратники единодушно признавали «кавалерийское сердце» – как о реставраторе трона и природном немце. В аспекте соотношения художественного образа и реального прототипа неоспоримо: живописание генерала поэтом не имеет отношения к исторической действительности. Будучи целиком искусственным конструктом, оно отсылало аудиторию как к давним, но по-прежнему влиятельным предрассудкам, так и к актуальным тогда проблемам и представлениям, глубоко волновавшим современников. Во многом благодаря этому затронутые мифы прочно укрепились в сознании нескольких поколений советских граждан.

Источники:

1. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: ГИХЛ, 1955–1961.
2. Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция: (на военной работе). М.: Высш. воен. ред. совет, 1923–1925.
3. Какурин Н. Е., Меликов В. А. Гражданская война в России: Война с белополяками. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002.

4. Хлебников В. Творения. М.: Советский писатель, 1986.
5. Записная книжка Лефа // Новый Леф. 1928. № 2.
6. Троцкий Л. Д. Литература и революция. М.: Красная новь, 1923.
7. Бедный Демьян. Собрание сочинений: в 5 т. М.: ГИХЛ, 1953–1954.
8. Федоров М. Л. «Красная Финляндия» в оценке И. А. Киреева и Демьяна Бедного (По архивным материалам ОР ИМЛИ РАН) // Россия и современный мир. 2018. № 4.
9. Шульгин В. В. «Теперь я единственный член Государственной думы, который удержался на свете» // URL: www.oralhistory.ru/talks/orh-274-275/text (дата обращения: 08.01.2024).
10. Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1920–1922 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России): в 2 ч. М., 2011–2016.
11. Шапиро Б. Л. Русский всадник в парадигме власти. М.: НЛЮ, 2021.
12. Махров П. С. В Белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб.: Logos, 1994.
13. Врангель М. Род Врангелей // Главнокомандующий Русской армией генерал барон П. Н. Врангель. К десятилетию его кончины. 12/25 апреля 1938 г.: сб. ст. Берлин: Медный всадник, 1938.
14. Колоницкий Б. И. Метаморфозы германофобии: образ Германии в политических конфликтах Февральской революции 1917 года // Россия и Германия в XX веке: в 3 т. Т. 1: Оболение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах. М.: АИРО-XXI, 2010.
15. Тарасов-Родионов А. И. «Классическое» и классовое // На посту. 1923. № 2–3.

V. V. Semenov (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

«TSAR-BARON» AND «HERR BARON: DEMYAN BEDNY AND THE MYTHS ABOUT P. N. WRANGEL

The article considers the problem of the influence of Demyan Bedny's works on perception of General P. N. Wrangel in the Soviet cultural field. There are two common myths about Wrangel, to which the poet had a hand: about Wrangel as the restorer of the monarchy and a native German. It is concluded that these products of myth-making were completely contrary to reality, but appealed to established prejudices and current experiences of the contemporaries. Largely thanks to this, these myths became firmly entrenched in the minds of several generations of Soviet citizens.

Demyan Bedny, Wrangel, Russian Civil War, White movement, image, poetry, political satire, agitation, germanophobia

УДК 81'33

Е. С. Скребнев (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: evg.skreb@gmail.com)

ПРИМЕНЕНИЕ ЛИНГВИСТИКИ В ПРОЕКТИРОВАНИИ РАЗГОВОРНЫХ ИНТЕРФЕЙСОВ

С каждым годом взаимодействие с технологиями посредством естественного языка становится все более популярным. Однако для разработки средств интеракции человека и машины недостаточно только технических компетенций. В данной статье исследуется применение лингвистики в проектировании и оптимизации разговорных интерфейсов, таких как чат-боты и голосовые ассистенты. Анализируется, как наработки интеракционной социолингвистики, прагматики и эмотиологии могут быть применены при создании таких интерфейсов.

Разговорный интерфейс, социолингвистика, прагматика, эмотивность, чат-боты, голосовые помощники, дизайн диалоговых систем, прикладная лингвистика

На протяжении долгого времени развитие информационных технологий влияло не только на то, как мы взаимодействуем с миром посредством технологий, но и на наш способ взаимодействия с технологиями. Если раньше для решения своих задач специалистам приходилось работать с огромными вычислительными системами посредством перфокарт, то сейчас перед пользователем предстает выбор из разных способов интеракции с компьютерами. Одним из таких способов является взаимодействие с помощью естественного языка или, другими словами, взаимодействие с разговорным пользовательским интерфейсом (conversational user interface).

Несмотря на то, что разговорные интерфейсы стали набирать популярность последние два десятилетия, первые чат боты датируются прошлым веком. Первой попыткой создания компьютерной программы, с которой можно работать посредством естественного языка, является разработанный Джозефом Вейценбаумом в 60-х годах прошлого века виртуальный собеседник под названием ELIZA. Принцип его работы заключался в следовании правилам ведения беседы и перефразирования предложений пользователя для имитации диалога с психотерапевтом [1, С. 20].

Со временем исследователи поняли, что интегрирования только лингвистических методов для диалоговых приложений недостаточно. Поэтому к концу 1980-х годов стартовали исследования голосовых разговорных систем, в рамках которых были объединены крупные междисциплинарные команды из академических кругов и промышленных лабораторий. Так как к этому мо-

менту стало ясно, что лингвистическая компетентность недостаточна для создания «умных» интерфейсов, то исследователи обратили внимание на необходимость внедрения более сложных технологий. Эффективные диалоговые системы должны учитывать ошибочные представления пользователей и правильно интерпретировать их намерения, что привело к использованию техник из области искусственного интеллекта [2, Р. 55]. Эти техники помогли системам адаптироваться к различным сценариям использования и обеспечивать более естественное и интуитивно понятное взаимодействие.

Результатом многолетних исследований является факт того, что на сегодняшний день мы можем встретить множество разговорных интерфейсов в нашей повседневной жизни. Будь то голосовой ассистент на горячей линии банка, чат-бот для оформления заказа или голосовой помощник по типу Алисы от Яндекса или Олега от Тинькофф – все эти системы моделируют коммуникацию посредством языка. И поскольку существует нечто большее, чем язык, которое должно быть смоделировано в разговорном интерфейсе, а именно организация естественной беседы [3, Р. 4], то для достижения этой естественности необходимо применить по-максимуму инструментарий, который предлагает современная лингвистика.

Рассмотрим, каким образом лингвистика находит свое практическое применение в проектировании разговорных интерфейсов.

В отличие от графического интерфейса, интеракция с которым происходит через графические элементы, в разговорном интерфейсе на первый план выходит высказывание, содержащее необходимую для пользователя информацию. Для создания «правильных» высказываний и формирования положительного пользовательского опыта используют достижения интеракционной социолингвистики, например, максимы П. Грайса: количества, качества, релевантности и формы выражения [4]. Максимы количества заключаются в предоставлении оптимального количества информации для успешной коммуникации. В контексте проектирования это может означать предоставление пользователю исчерпывающего ответа на вопрос без излишней информации, а также стимулирует проектировщика структурировать информацию в ответе бота. Максимы качества, которые постулируют избегание ложной информации, означают, что разговорный интерфейс, например, чат-бот консультант должен предоставлять проверенную и правдивую информацию. Также, по-возможности, запрашивать дополнительную информацию у пользователя или переводить пользователя на оператора для ответа на вопросы. Максима релевантности достигается за счет того, что разговорный интерфейс, с одной стороны, дает ответы на вопросы в контексте темы диалога, а с другой отслеживает контекст и возвращается к нему после возможных отвлечений. Соблюдение максим формы выражения обеспечивается за счет использования понятного, однозначного языка без использования сложных и длинных фраз, которые могут запутать пользователя. В совокупности применение этих максим позволяет повысить эффективность общения и улучшить пользовательский опыт.

Немаловажным аспектом является прагматика коммуникативной ситуации взаимодействия пользователя и разговорного интерфейса. Подобно тому, как различаются диалоги в устной и письменной речи, так у голосовых и текстовых интерфейсов есть свои особенности. Помимо очевидных отличий устного и письменного типов коммуникации на опыт взаимодействия влияет еще несколько факторов. Во-первых, это канал коммуникации для общения. Тот или иной канал имеет свои технические особенности, которые влияют на взаимодействие ботом. Например, рассмотрим статью документации о возможностях и ограничениях каналов популярной платформы для ботов под названием JAICP [5]. Как можно увидеть, разные каналы имеют разные возможности для реализации мультимодальности и создания пользовательского опыта, который разработчик хочет создать. Другим экстралингвистическим фактором, оказывающим влияние на выбор языков средств в диалоговом интерфейсе, является понимание коммуникативных особенностей целевой аудитории. Это включает в себя учет социальных, культурных, образовательных и возрастных характеристик пользователей. Таким образом, происходит улучшение юзабилити и эффективности интерфейса через адаптацию стиля общения, лексического содержания и *ton of voice* (то, каким образом бренд общается со своей аудиторией) интерфейса. Дополнительно аспектом можно назвать понимание дискурсивных особенностей предметной области, в рамках которой ведется разработка, что включает в себя применение специфической терминологии и моделей коммуникации для следования дискурсивным правилам.

В современном мире при проектировании продуктов берут в расчет не только функциональное удобство использования, но и эмоциональные аспекты взаимодействия с продуктом. Разговорные интерфейсы не исключение. При обсуждении того, как продукт может воздействовать на эмоции пользователя принято вспоминать об «эмоциональном дизайне». Это подход к проектированию популяризированный и описанным американским ученым Дональдом Норманом в его книге «Emotional Design: Why We Love (or Hate) Everyday Things» [6]. Он выделял три аспекта: висцеральный дизайн (первое впечатление от продукта); поведенческий дизайн (удовольствие пользователя от использования продукта); рефлексивный дизайн (размышление о продукте после использования). Для достижения нужного эмоционального эффекта в контексте речевых интерфейсов может помочь такая лингвистическая дисциплина, как эмотиология. Одним из её достижений можно назвать разработку понятия эмотивности, а также разграничение эмотивной и экспрессивной функции языка. Эмотивностью можно считать семантическое свойство языка выражать системой своих средств эмоциональность: через план содержания и план выражения манифестируются эмоциональные отношения/ состояния говорящих [7, С. 24]. Разница между эмотивной и экспрессивными функциями заключается в том, что под экспрессивностью можно понимать ориентацию говорящего на воздействие на адресата с целью вызвать определенную эмоциональ-

ную реакцию. В свою очередь эмотивность проявляется в выражении ненаправленных эмоций, как результат эмоционального переживания [8, С. 210]. Эти функции могут реализовать как на лексическом уровне за счет выбора тех или иных лексических единиц, так и на синтаксическом и фонетическом. На синтаксическом уровне эмотивность проявляется в реорганизации синтаксических структур: дислокации, инверсии, интеркаляции, репризы, редукции, компрессии [9, С. 9]. Выражение эмоций на фонетическом уровне достигается за счет просодических особенностей высказывания, например: громкости, высоты, скорости произношения, длительности речи и пауз, а также количестве этих пауз. Таким образом, владение концепциями лингвистики эмоций позволяет лучше спроектировать пользовательский опыт через анализ эмотивности высказывания пользователя на разных уровнях для адаптации диалога под его эмоциональные нужды и использование в разговорном интерфейсе средств передачи экспрессии для необходимой эмоциональной обстановки.

В заключении можно констатировать, что несмотря на зависимость разговорных интерфейсов от уровня развития технического прогресса, применение лингвистических знаний в их проектировании играет ключевую роль в разработке удобного и эффективного средства взаимодействия человека и машины. Мы рассмотрели, каким образом наработки интеракционной социолингвистики, прагматики и эмотиологии могут помочь при создании интерфейсов. В дополнение можно сказать, что будущее сближение разговорных интерфейсов и лингвистики позволит как улучшить качество первых, так и даст новый уникальный материал для лингвистических исследований. Это особенно актуально в наше время, когда появляются все более умные системы, главным способом интеракции с которыми является естественный язык.

Источники:

1. Джанарсанам С. Практическое руководство по разработке чат-интерфейсов: пер. с англ.: М. Райтман М.: ДМК Пресс, 2019.
2. McTear M. F., Callejas Z., Griol D. The conversational interface. Cham: Springer, 2016. Т. 6. №. 94.
3. Moore R. J., Arar R. Conversational UX design: A practitioner's guide to the natural conversation framework. Morgan & Claypool, 2019.
4. Grice H. P. Logic and conversation // Speech acts. Brill, 1975. P. 41–58.
5. Возможности и ограничения каналов // Документация Conversational Cloud URL: <https://help.cloud.just-ai.com/jaicp/channels/restrictions/> (дата обращения: 10.01.2024).
6. Norman D. Emotional design: Why we love (or hate) everyday things. Basic books, 2007.
7. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. Ун-та 1987.
8. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. Гнозис, 2008.

9. Турбина О. А. Природа эмотивного синтаксиса и его категорий // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2013. Т. 10. №. 2.

E. S. Skrebnev (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

APPLYING LINGUISTICS IN THE CONVERSATIONAL USER INTERFACE DESIGN

Interacting with technology through natural language is becoming more popular every year. However, to develop means of human-machine interaction, technical competencies alone are not enough. This article explores the use of linguistics in the design and optimization of conversational user interfaces such as chatbots and voice assistants. It analyzes how the findings of interactional sociolinguistics, pragmatics and emotiology can be applied to create such interfaces.

Conversational user interface, sociolinguistics, pragmatics, emotiveness, chatbots, voice assistants, dialogue systems design, applied linguistics

УДК 330.341.2

О. А. Скрынская (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: o.a.skrynskaya@ya.ru)

ИСТОРИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА КАК СОВРЕМЕННОЕ НАПРАВЛЕНИЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье рассматривается такое направление междисциплинарных исторических исследований, как история предпринимательства – часть экономической истории, которая в качестве источников привлекает делопроизводственную документацию компаний и берет предпринимателя и фирму за отправную точку исследования. В силу объективных причин эта часть истории, особенно периода Российской империи XIX – начала XX века, является недостаточно исследованной. При этом современный переход к тенденции строить новейшую историю с опорой на собственное прошлое требует обращения к материалам того времени, когда экономика России была одной из ведущих на мировой арене, имела наиболее стабильную валюту, развитую промышленность. В предлагаемой статье раскрываются источники информации для проведения исследований в данной сфере, которые хранятся в фондах Российской национальной библиотеки и Российского государственного архива.

Документация, фирма, метод, фонд, архив, статистика

Междисциплинарность признана одним из двигателей современной науки. Данная статья обосновывает актуальность в нашей стране одного из междисциплинарных направлений исследований – историю предпринимательства (business history) – пересечение исторического исследования с анализом развития экономики государства и отраслей, микроэкономики, развития методов экономического анализа, бухгалтерского учета, а также развития законодательной системы и государственных институтов. Междисциплинарный подход является неотъемлемым признаком современного исторического знания [1]. В рамках исследований по истории предпринимательства междисциплинарность выражается в необходимости совмещения, с одной стороны, понимания развития экономических систем и методов и, с другой стороны, знания исторического контекста происходящего развития, без которого невозможно определить его причины, а также умений ориентироваться в исторической документации и грамотно ее использовать.

История предпринимательства по определению П. Л. Пэйна, данному в 1966 году, это часть экономической истории, которая в качестве источников привлекает делопроизводственную документацию компаний и берет предпринимателя и фирму за отправную точку исследования. Данное направление приобрело статус науки, благодаря пониманию того, что благосостояние

страны рождается на микроуровне экономики, и экономическое лидерство страны скорее зависит от стратегии и общего устройства фирмы или отрасли производства, чем от таких макроэкономических показателей, как валютные курсы, цены и пр. В настоящее время в США и Европе выходят специализированные журналы по данному направлению, ведут свою деятельность профессиональные сообщества. При этом термин «Business History» трактуется весьма широко и включает в себя разнообразный спектр исследований: описание и реконструкцию истории отдельных фирм и промышленных секторов, равно как и создание биографий предпринимателей, и историю социальных институтов. Обязательным условием проведения исследования в данной области является изучение документов делопроизводства компаний [2].

В России данное направление исследований имеет особую актуальность по ряду причин. Во-первых, экономическое развитие нашей страны в рамках капиталистической системы хозяйствования началось в XIX веке и было прервано революцией 1917 года. При возврате страны к общемировым тенденциям в конце XX века обращались, в основном, к опыту зарубежных западных стран. Однако целесообразным представляется строить новейшую историю с опорой, в первую очередь, на собственное прошлое. Сегодня особое внимание уделяется изучению собственного пути России, становлению ее государственности, традициям, поэтому особый интерес представляют исследования в области истории экономического развития. В том числе исследования экономики страны конца XIX – начала XX века, когда она была одной из ведущих на мировой арене, имела наиболее стабильную валюту, развитую промышленность.

Во-вторых, большинство исторических исследований в области экономики базируются на анализе развития экономической мысли – то есть на изучении научных трудов ученых-экономистов, на изучении развития экономических теорий. В свою очередь, история предпринимательства как научное направление основывается на следующих отличительных принципах проведения исследований:

- предприниматель (конкретная компания) является отправной точкой исследования;
- в качестве источников привлекается делопроизводственная документация компаний;
- фирмы и предприниматели анализируются не как объекты, интересные сами по себе, а как часть национальной социально-экономической системы [2].

Последний принцип подразумевает вписывание изучаемого объекта в общий контекст экономического, политического и социального развития страны, что позволяет расширить исследование и вывести его за рамки «исторического микроописания».

Третья причина заключается в том, что проводимые в СССР исторические исследования были подчинены жестким требованиям марксистско-ленинской идеологии, что препятствовало изучению истории предпринимательства Россий-

ской империи, особенно конца XIX – начала XX века. Примером служит фундаментальное исследование операций Государственного банка, проведенное на основе его раскрытых архивов при написании докторской диссертации советским историком Иосифом Фроловичем Гиндиным [3]. Несмотря на то, что результаты этой работы трудно переоценить, даже она не лишена негативного восприятия деятельности Банка, находящегося под непосредственным руководством Министра финансов «царского правительства». Так, И. Ф. Гиндин критически относился к операции промышленного кредита и оценивал его как меру «правительственной поддержки и насаждения, спасения от банкротства и сохранения крупных предприятий», что объяснял главным образом, фаворитизмом и поддержанием разорявшихся помещиков. При этом он не оценивал должным образом роль этой кредитной поддержки в развитии железнодорожной, металлургической горнозаводской и машиностроительной («паровозной»), а также сельскохозяйственной отраслей. Хотя нельзя отрицать, что результатом операций промышленного кредита Государственного банка стал экономический подъем страны, развитие железнодорожного сообщения и экспорта сельскохозяйственной продукции [4]. Даже при том, что дух исследовательской работы соответствовал идеологии того времени, в начале 1970-х годов труды И. Ф. Гиндина были раскритикованы и запрещены к изданию. Таким образом, становится понятным наличие пробелов в исследованиях соответствующей тематики, очевидна необходимость свежего взгляда на архивные материалы.

Источники, на которых может базироваться исследование в области истории предпринимательства, доступны и обширны. В Санкт-Петербурге это, в первую очередь, материалы, хранящиеся в Российской национальной библиотеке (РНБ): ежегодные издания «Вестника финансов, промышленности и торговли» и годовые отчеты компаний различных отраслей. В «Вестнике финансов, промышленности и торговли» компании были обязаны публиковать отчетность о своей деятельности после утверждения в 1885 году закона «Об обложении торговых и промышленных предприятий сборами процентным и раскладочным». А в своих годовых отчетах компании железнодорожной горнодобывающей, металлургической, машиностроительной и других отраслей приводят не только финансовую информацию, но и данные о своей продукции, о перевозках, о добыче металлов. В фондах библиотеки хранятся также отчеты Государственного банка с информацией об объемах финансовых операций по стране в целом, а также отчеты коммерческих банков, страховых компаний и т. д. Фонды РНБ содержат также нормативно-правовые документы, которые в рамках истории предпринимательства позволяют делать выводы относительно того, что в развитии методов регулирования различных областей деятельности было первично – управление внутри компании или отрасли или государственное законодательное регулирование.

Кроме материалов Российской национальной библиотеки, в Санкт-Петербурге доступны фонды Российского государственного исторического архива

(РГИА). Это внутренняя нормативная и деловая документация множества компаний, которые вели свою деятельность в Российской империи. Среди этих материалов можно найти данные в сфере управления персоналом (о структуре кадров, охране труда, методах мотивации), в сфере бухгалтерского учета (о методах формирования основных финансовых показателей деятельности компании, которые до революции 1917 года не были стандартизированы), в сфере анализа деятельности компании (в отчетах управляющих перед собственниками) и т. д. О фондах РГИА можно подробно узнать на его специализированном сайте и заранее дистанционно заказать дела для ознакомления.

Такие исследования сегодня интересны также и потому, что по экономике Российской империи нет единой систематизированной статистики. Несмотря на то, что в РНБ хранятся статистические сборники, там нет, например, информации о количестве акционерных обществ, которая позволяет сделать вывод о развитии экономики, и многих других данных. Кроме того, в сборниках информация представлена в табличной форме, что плохо воспринимается визуально и требует дополнительной обработки. Сегодня, при наличии современных программных средств для обработки и представления больших объемов данных, есть возможность устранить такие пробелы.

Итак, история предпринимательства как изучение деятельности компаний и развития отраслей в Российской империи является актуальным направлением научных исследований с широкой предметной областью и обширным материалом для изучения.

Источники:

1. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011.
2. Поткина И. В. Современное состояние «business history» (истории предпринимательства) за рубежом / Экономическая история: обозрение. 2001. Вып.6. С.142–155.
3. Гиндин И. Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861-1892 годы). М.: Госфиниздат, 1960.
4. Эпштейн Е. М. Российские коммерческие банки: роль в экономическом развитии России и их национализация. М: РОССПЭН, 2011.

O. A. Skrynskaya (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

THE BUSINESS HISTORY AS A MODERN AREA OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH

The article describes such a field of interdisciplinary historical research as the business history – a part of economic history that based on the company's official documentation as sources for research and takes the entrepreneur and the firm as the starting point of the study. For objective reasons, this part of history, especially

the period of the Russian Empire of the XIX – early XX century, is insufficiently researched. Today there is the tendency to build a modern history based on Russian own past. It is especially interesting to study the time when the Russian economy was one of the leading in the world, had the most stable currency, and developed industry. This article reveals the sources for research in this field, which are stored in the collections of the Russian National Library and the Russian State Archive.

Documentation, firm, method, fund, archive, statistics

УДК 316.776

А. Л. Соколова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: alsokolova@etu.ru)

МЕЧТАЮТ ЛИ НЕЙРОННЫЕ СЕТИ ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ИГРАХ?

В статье рассматриваются основные характеристики нейронных сетей и их способность работать с информацией. Приводятся примеры обработки нейросетями вопросов игры «Что? Где? Когда?». Описываются основные трудности, возникающие при ответе на поставленные вопросы.

Нейросеть, искусственный интеллект, обработка информации, метакommunikация, эффективность коммуникации

В 2024 году искусственный интеллект (ИИ) и нейронные сети – часть нашей повседневной жизни. Мы, не задумываясь, поручаем Алисе, Сири или Алексе решать разнообразные задачи, и получаем результат разной степени успешности.

Концепция ИИ возникла в 1950-х годах, когда исследователи начали разрабатывать машины, способные имитировать человеческий интеллект. Дартмутская конференция, состоявшаяся в 1956 году, ознаменовала рождение искусственного интеллекта как области исследований [1]. В это время основное внимание уделялось созданию интеллектуальных машин, способных решать математические задачи.

Одним из направлений исследований и разработок в области искусственного интеллекта стали нейронные сети. Их создатели ориентировались на структуру и функции человеческого мозга, амбициозно рассчитывая, создать систему, которая в дальнейшем сможет если не заменить человека в сфере решения задач, то, как минимум, снять с него львиную долю рутинной работы. В 1960-х и 1970-х годах появились нейронные сети, которые могли распознавать закономерности и учиться на данных, но сложность обучения этих систем замедляла темпы развития технологии.

Базовый минимальный элемент нейронной сети – искусственный нейрон [2, С. 39]. Искусственный нейрон имеет несколько входов x_i с соответствующими весами w_i . Каждый вход отвечает за определенный признак, например, если нейрон определяет выигрывает баскетбольная команда или проигрывает, то признаками будут текущее место в турнирной таблице, место команды-соперника, сколько очков набрала наша команда в последних матчах и сколько набрал соперник, на чьем поле будет игра и так далее.

Весовые функции определяют значимость каждого из входов и показывают насколько сильно нейрон будет отзываться на изменение этого признака.

После того, как нейрон получает все данные о входящих сигналах, нейрон накапливает сигнал s . Сигнал равен сумме произведений входных значений на весовые коэффициенты по формуле

$$S = \sum x_i w_i.$$

Далее полученное значение сигнала поступает в функцию активации F , которая определяет как именно нейрон будет отвечать на полученный сигнал. Для разных случаев будут уместны разные функции активации, например, если нужно получить отклик при увеличении значения сигнала больше нуля, подойдет функция $F = \max(0, s)$, она не будет реагировать на отрицательные значения сигнала и будет возвращать положительное значение сигнала. Функция $F = 1 / (1 + \exp(-s))$ будет всегда возвращать положительное значение и стремиться к 1 при бесконечном росте сигнала s .

Далее нейроны объединяются в слои. Нейроны одного слоя никак не связаны, но каждый нейрон следующего слоя зависит от нейронов предыдущего слоя. Выходные значения первого слоя нейронов являются входными значениями второго слоя нейронов и так далее. Последний слой нейронов зависит от работы всех предыдущих слоев и дает окончательный ответ.

Тренировка нейронной сети заключается в подборе весовых коэффициентов w_i . Как правило, разработчики нейросети имеют большой массив правильных ответов на тестовые наборы входных данных (все же выбирали картинки с велосипедами на капче), и различными методами оптимизации авторы стремятся подобрать такие значения параметров w_i , чтобы ошибка итогового ответа нейросети была минимальной.

В огромном значении количества параметров w_i заключается основная сложность построения нейросети. Для улучшения результатов необходимо увеличивать количество нейронов, что резко увеличивает сложность и трудоемкость вычислений. В итоге нейросеть сама подбирает весовые коэффициенты и разработчик не знает как именно нейросеть отреагирует на новый запрос.

С начала XXI века искусственный интеллект и нейронные сети добились невероятных успехов. Сейчас они используются в различных областях, включая здравоохранение, финансы и транспорт. Алгоритмы искусственного интеллекта анализируют огромные объемы данных для выявления заболеваний, прогнозирования рыночных тенденций и оптимизации транспортных маршрутов. Поскольку ИИ продолжает развиваться, его возможности поистине безграничны.

Однако представляется интересным проверить насколько «интеллектуален» этот электронный мозг. И может ли он конкурировать с человеком в области, требующей использования всего спектра возможностей нашего развития: от энциклопедических знаний до метафорического мышления – игре «Что? Где? Когда?».

На территории России и стран СНГ широко известна телевизионная версия игры: за столом «интеллектуального казино» сидит команда знатоков из шести человек и отвечает на вопросы самого разного характера. Изначально созданная Вла-

димиром Ворошиловым и Натальей Стеценко в 1975 году как семейная телевикторина, эта интеллектуальная игра стала настолько популярной, что помимо ее развлекательной телеверсии уже в 1989 г. появилась спортивная [3].

Правила спортивного варианта игры представлены на сайте Международной ассоциации интеллектуальных игр [4] и принципиально не отличаются от всем знакомых телевизионных: в команде не может быть более шести игроков одновременно, на обсуждение и поиск ответа на заданный вопрос отводится одна минута, в дополнение к вопросу командам может быть показан «раздаточный материал» – картинка или текст, имеющий непосредственное отношение к задаваемому вопросу, а иногда и заменяющий его. Среди отличий необходимо отметить следующие:

1. Игра проводится одновременно для нескольких команд (крупнейшие турниры насчитывают несколько десятков команд, играющих в одном зале).

2. Существуют очный, синхронный, асинхронный и онлайн виды турниров.

3. Ответы сдаются на бланках в письменном виде ведущему или его помощникам, и должны быть подняты строго по истечении одной минуты, отведенной на обсуждение вопроса.

4. В случае, если ответ не совпадает с авторским (прописанным в зачете), он может быть зачтен на месте игровым жюри или отправиться на рассмотрение к жюри апелляционному.

5. Выигравшей признается команда, давшая наибольшее количество правильных ответов.

По состоянию на начало 2024 года согласно данным турнирного сайта сообщества знатоков зарегистрировано более 250 000 игроков из 58 стран мира [5]. Очевидно, что при таком охвате требуется гораздо больше вопросов, чем играет в телеклубе. Созданием вопросов для спортивной версии игры занимается множество редакторов. На сегодняшний день нельзя говорить о существовании полной типологии вопросов ЧГК, но можно выделить ключевые принципы их построения.

Во-первых, ни один вопрос не является вопросом на прямое знание. Поэтому широко распространенное мнение, что в ЧГК играют ходячие энциклопедии, не более чем заблуждение.

Во-вторых, есть несколько алгоритмов поиска ответа или, на профессиональном жаргоне, «взятия» вопроса. Это может быть один ход – прямая ассоциация, два или более ходов – ассоциация и поиск аналогии, три хода – ассоциация, поиск аналогии плюс нетривиальное знание фактов, и так далее.

В-третьих, есть целый комплект типовых приемов, которые надо знать: пропуски слов, замены (по ассоциации, по аналогии, на основе анаграмм и т. д.), использование визуальных раздаток (картинок, фрагментов текста), использование при ответе на текущий вопрос информации из предыдущих вопросов (там называемая мета), и т. д.

Цель настоящего исследования – проверка способности нейросети ответить на вопросы стандартного пакета одного из типичных турниров, состоящего из 36 вопросов.

Для оценки выбран турнир Синхрон-lite XXVIII сложности 3.0. Сложность турниров рассчитывается по специальной формуле, и определяется исходя из результатов отыгрыша и силы играющих команд. Сложность варьируется от очень простых турниров для школьных команд со значением менее 1 (опытный игрок способен в одиночку взять не менее 25 вопросов из 36), и до очень сложных турниров со значением более 10 (самые сильные команды могут взять 10 – 15 вопросов из 36).

Для решения поставленной задачи была использована свободно доступная нейросеть YandexGPT, работающая в различных сервисах Yandex. По данным производителя, обучение нейросети проходило в несколько этапов с использованием собственного, самого мощного в России высокопроизводительного кластера. Для получения базы знаний были взяты общедоступные тексты, такие как классическая литература, а также материалы сайтов, статей и т. п. Для отбора материалов использовались поисковые технологии Yandex.

Важно отметить, что YandexGPT не использует поиск в интернете, а задействует только имеющуюся базу знаний, что делает эксперимент более чистым и более приближенным к реальной человеческой игре, так как во время турниров игрокам запрещено использовать какие-либо ресурсы. Вместе с тем, база знаний всегда немного отстает от актуального массива информации, поэтому для теста использовался достаточно старый пакет вопросов от 2019 года, взятый из открытой базы вопросов [6].

Использованный в ходе эксперимента пакет вопросов сыграло 607 команд разного уровня подготовки. Победители ответили на 32 вопроса из 36. С результатом «0» закончили шесть команд знатоков. С результатом «1» – четыре команды, с результатом «2» десять команд. Нейросеть YandexGPT ответила на три вопроса и победила двадцать команд, поделив 578-587 места.

Следует отметить, что из 36 вопросов нейросеть отвечала только на 32, поскольку 2 из 36 содержали визуальный раздаточный материал, а еще на 2 нейросеть отказалась отвечать с формулировкой: «Понимаю, что ответ на этот вопрос вам бы очень пригодился. Но такие темы я не обсуждаю, чтобы никому не было обидно или неприятно. Спросите что-нибудь другое».

Всего нейросеть дала три ответа, полностью удовлетворяющих всем требованиям зачета. Еще на два вопроса она дала разумные версии, которые могли бы помочь команде, при взятии вопроса.

Анализ не взятых вопросов показал, что трудности представляют следующие параметры:

– незнание метафор:

Вопрос 11. В фантастическом фильме сверхсущества направляют движение человеческой истории. Один объясняет, что человечеству ещё рано без боковых ИХ. Назовите ИХ [6].

Ответ YandexGPT: «ветви развития». В фильме «Матрица» существа, управляющие человечеством, объясняют, что людям еще рано выбирать различные варианты развития событий, поэтому они должны следовать по одному пути.

Ответ: [боковые] колёса [велосипеда].

Зачёт: по слову колёса без неверных уточнений.

Комментарий: одно из этих сверхсуществ сравнивает человечество с маленьким ребенком, который ещё не может ехать сам без риска упасть.

– неумение «выйти из плоскости», то есть подобрать не типовой, интересный ответ.

Вопрос 24. Несколько раз в день на радио BBC [БиБиСи] выходит прогноз судоходства — подробная метеорологическая сводка о погоде на морях вокруг Британских островов. Ведущий передачи часто получал письма от благодарных слушателей, которым он помогал... Что сделать? [6].

Ответ YandexGPT:

Ведущий передачи помогал слушателям сэкономить на топливе для судов.

Очевидно, что такой ответ не представляет интереса, и нужно искать что-то похитрее.

Ответ: заснуть.

Зачёт: уложить детей спать; побороть депрессию; синонимичные ответы.

Комментарий: длинное монотонное перечисление географических объектов и погодных данных британцы уже более 150 лет используют как колыбельную и средство от бессонницы.

– непонимание, что именно спрашивают (обычно вопросы с пропусками или заменой), например:

вопрос 5: «В современном переложении известной сказки королева говорит: «о, зеркало». Напишите то, что мы пропустили в предыдущем предложении» [6].

Ответ YandexGPT: король.

Здесь идет явная отсылка к мему «О'кей Гугл», но нейросеть ее не улавливает. И вообще не понимает, что от нее хотят, отвечая, что в вопросе заменили короля на королеву.

Ответ: кей.

Зачёт: к.

Комментарий: окей, зеркало, скажи мне, кто прекраснее всех на свете?

– незнание типовых приемов, например:

вопрос 27: «Созданный в восемнадцатом веке жилет застёгивался на крючки сзади. Проспёр Анфантён называл этот жилет символом ТРЕТЬЕГО. Какое слово мы заменили словом «ТРЕТЬЕГО»? [6].

Ответ YandexGPT: Рабство. Жилет, который застегивался на спине символизировал зависимость человека от других людей и общества в целом.

Ответ: братства.

Комментарий: жилет времён Великой Французской революции нельзя было застегнуть в одиночку. Известна триада «Свобода, равенство, братство».

Нейросеть не понимает, что по форме вопроса надо искать элемент некой триады и дает ответ, основанный только на логике.

В заключение отметим, что хотя в относительных величинах, результат, показанный нейросетью не очень высок, сама способность обработать нетривиальный многослойный запрос впечатляет. Представляется интересным проверить возможности обучения нейросети на общей базе вопросов, с последующим тестированием на пакетах разного уровня сложности.

Источники:

1. McCarthy, John; Minsky, Marvin; Rochester, Nathan; Shannon, Claude A Proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence, August 31, 1955. AI Magazine, 27(4), 12. URL: <https://doi.org/10.1609/aimag.v27i4.19042> (дата обращения: 12.01.2024).

2. Комарцова Л. Г., Максимов А. В. Нейрокомпьютеры. М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2004 г. 400 с.

3. Что? Где? Когда? URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Что?Где?Когда?> (дата обращения: 12.01.2024).

4. Правила командных викторин с раундами по минуте (КВРМ*) (утверждены 29.08.2022, вступили в силу 29.10.2022). URL: <http://www.maii.li/p/rules> (дата обращения: 12.01.2024).

5. Синхрон-lite. Выпуск XXVIII. URL: <https://rating.chgk.info/tournament/5727> (дата обращения: 12.01.2024).

6. XXVIII Синхронный турнир «Синхрон-lite». URL: <https://db.chgk.info/tour/lite-28> (дата обращения: 12.01.2024).

A. L. Sokolova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

DO NEURAL NETWORKS DREAM OF MIND GAMES?

The article discusses the main characteristics of neural networks and their ability to work with information. Examples are given of how neural networks process questions from the game “What? Where? When?”. The main difficulties to arise when answering the questions are described.

Neural network, artificial intelligence, information processing, metacommunication, communication efficiency

УДК 008.2: 304.9

Е. Г. Соколов (Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, e-mail: egslov@gmail.com)

НЕРЕКВИЕМ ПО ГЛОБАЛИЗМУ

Рассматриваются ряд существенных аспектов феномена глобализма (глобализации), благодаря которым на рубеже XX–XXI он смог утвердиться в качестве повсеместно пропагандируемой идеологии, во многом определяющей дискурсивные практики, в том числе и научно-гуманитарные. Обращается внимание на то, что ничего принципиально нового по сравнению с различными и весьма многочисленными опытами универсализма в прошлом, пронизывающими всю историю человечества, глобализм не предложил. Искушение отыскать и реализовать некие универсальные, свойственные всем сообществам, принципы организации жизни человека, а также распространить их на возможно большие территории – один из навязчивых лейтмотивов социального конструирования. Однако опыт показывает, что ни одна универсалистская модель не была реализована и рано или поздно была вынуждена признать правомерность присутствия и других истин. Более того, даже в регионах данности, где безупречность той или иной конкретной универсальности не подвергалась сомнению, она не становилась тотальностью. Ежели таковой она позиционировалась, то это было иллюзией. При этом и теоретическая, и политическая ее, универсалистской идеологии, пропаганда, а также внедрение в обиход и включение в футурологическое программирование очень часто носило характер ментального терроризма. Все это можно наблюдать и в случае с глобализмом. Недолгая история глобализма и то, с какой легкостью он за считанные годы рассыпался и уступил лобное место иным актуальным практикам, показывает, что ничего социально-антропологически фундаментального или онтологически целесообразного, принципиально или радикально способного изменить жизненный уклад человека и человеческого общества, он, глобализм, не разработал и не предложил. Его базовые компоненты – технологические и экономические – способны лишь неким образом обновить операционную наличность, при ни коем образом не затрагивают экзистенциально-эйдетические горизонты. Таким образом можно сделать вывод, что сам феномен можно квалифицировать как «гротеск поверхности».

Глобализм, универсализм, деглобализационные процессы, социальная утопия, идеологические практики, формы организации жизни

Глобализм (глобализация и прочие производные) – несколько подзабытая и ныне не слишком часто используемая как в повседневном, так и в не меньшей мере в научном (в том числе и в научно-гуманитарном) лексиконе идео-

логема (понятие, категория, «смысловое ядро» какой-либо дискурсивной процессуальности). Потесненная бурными событиями последних лет, ни коим образом с «теоретическим глобализмом» не соотносимая в принципе (или не соотношенная «по недогляду»), в нарративных практиках обихода, она, данная идеологема, думалось, уже «почила не в Бозе»: отмененная историей, перестав досаждать своей номенклатурной актуальностью (или модностью), и благополучно переключившись в разряд сугубо инструментально-прикладных обстоятельств (обустройства) той или иной событийности, идеологема стала потихоньку забываться. Ан нет: вспомянулась, выстрелив в качестве одного из тематических направлений сегодняшней встречи – «философские измерения современных (де)глобализационных процессов». Центральными установками, вроде как легитимирующими факт присутствия в собрании, являются «философское» и «современное». Сразу акцентирую: ничего ни философского, ни современного (либо – не в большей степени, нежели и несовременного, т. е. традиционного и архаически-привычного) в глобализации нет, да и никогда не было. Потому что:

Искушение. Оставим в стороне все экономические, политические и идеологические небескорыстные заинтересованности, осознано или неосознанно стимулирующие лоббистов и пропагандистов глобализма, каковым, полагаю, несть числа. Тут все прозрачно и примитивно: по-современному респектабельный аргумент доминирования одних социальных систем над другими. По сути – экспорт и целенаправленное распространение определенных моделей функционирования сообществ. Остановлюсь на «бескорыстном/искреннем глобализме», имеющем также немалое количество адептов, пылко и душевно уверовавших в то, что именно под глобалистским патронажем отныне (и всегда впредь) будет происходить развитие человечества, а значит – таков непреложный рок, который «покорных ведет, строптивых – гонит» (О. Шпенглер). Основа подобных убеждений – вера в существование неких универсальных принципов организации и налаживания совокупного жизненного пространства (включающего в том числе и трансцендентно-экзистенциальные регистры), которые являются фундаментом любого сообщества, вне зависимости от конкретных региональных (лишь временных и поверхностно-рудиментарных) разнородностей. Иными словами: максима-лозунг-картинка будущего человечества. Уточню: очередная! И таковых в истории было великое множество. Универсалистские потуги и амбиции – стары как мир. Даже и более того: их можно считать устойчивым искушением, через которое проходили в тот или иной период своего развития едва ли ни все социальные формации (по тому или иному «базовому» основанию). Империи, мировые религии, эпистемологические режимы, инструментально-технологические параметры функционирования ойкумены, антропологические сценарии, наконец эйдетические регламенты (умозрительные законы в том числе) ближайшего-миро-окружного – все это суть исторические формы глобализма, артикулированные в тот или иной период времени (многие из которых имеют хождение до сих пор) в

определенном «центре», из которого выбрасывались в окружающий мир посредством отнюдь немиролюбивых усилий. Все они расширялись до актуальных (для данного сообщества) на тот момент исторических горизонтов и... захлебывались. Даже могли просуществовать некоторое время (на определенной территории) – вон, Османская империя имеет почти 800-летнюю историю! – но потом с неизбежностью если ни разрушались, то все равно были вынуждены признать существование (а значит и неизбежность со-присутствия) и других социальных моделей. Если чему и учит прошлое, так это тому, что универсальных, всемирных, всечеловеческих систем не существует в принципе, также как и общего, единого, сквозного пути развития, пронзившего единым порывом всех насельников Земли. Все, используемые в качестве уникальных детерминативов-маркеров-симптомов «наступления эры глобализма» (вроде: международное разделение труда, мировой рынок, гэоэкономика, миграция, стандартизации и унификация различных сфер жизни, коммуникативные актанты, технологическая оснастка, дигитализация и т. д.) уже случались множество раз, причем даже и в масштабах всего мира (например: использование электричества, телефона, средств передвижения, метрические стандарты), но это не привело к тотальной сплошности человеческого жизнеустройства как такового. И в этом ракурсе глобализм выглядит довольно убогим прибежищем оставшихся приверженцев европоцентризма после его краха. Ибо: технологизация не приводит к европеизации и не гарантирует последнюю (С. Ф. Хантингтон).

Иллюзия. Даже в период наивысшего расцвета глобализм-глобализации, случившегося в последнее десятилетие прошлого века и первые два – нынешнего, когда, казалось, доктрина полностью восторжествовала на всех фронтах как теоретической, так и процессуальной данности (во всяком случае, так виделось отсюда, из России), это не соответствовало действительности, было лишь иллюзией, т. е. сознательным или бессознательным выбором оптики обозрения и интерпретации реальностей мира. Для того, чтобы в этом убедиться, вовсе не нужны длительные и кропотливые реконструкции «горизонтов сознания и бытия» людей в различных уголках Земли. Вполне достаточно просто сравнить данные о количестве населения территорий, охваченных глобалистским порывом, и – обитающих за их пределами. На рубеже веков – времени победоносного шествия доктрины – общее количество живущих людей было около 6 миллиардов (к 2013, триумфу – 7). Если сложить количество проживающих на тот момент в глобалистски-ориентированных странах, то это будет менее 600 миллионов (к 2013 году количество не шибко возросло). Тут даже «золотого миллиарда» не получается. Следует учитывать также, что и в этих «продвинутых» державах далеко не всех жителей следует автоматически зачислять в глобал-триггеры. Думаю, что «регионов», где о всяких глобалистских изысках даже и не слышали (и уж тем более не мыслили себя и не выстраивали свои жизненные сценарии исходя из такой, т. е. глобалистской, разметки) – великое множество, и подсчитать их количество невозможно. Таким

образом, за пределами действия доктрины оказывалось подавляющее большинство населения земного шара. Утверждать, что более 5 (на сегодняшний день – это уже более 7) миллиардов – это второсортные, отсталые, непрогрессивные, убогие и недалёковидные, недоразвитые и глупые, сознание которых замусорено всякими превратностями, ничего не понимающие ни в существовании, ни в прогрессе, ни в развитии, люди, игнорирующие «широкий горизонт возможностей», т. е. некий балласт-рудимент, на который вообще не стоит обращать внимание, – было бы несправедливо и неправильно. Сценарий «железной рукой загоним человечество в счастье» уже множество раз проигрывался в прошлом, и столько же раз был дискредитирован. На территориях, находящихся за пределами глобалистского ареала, за многие тысячелетия рождалось, развивалось, претерпевало, иногда разрушаясь, а иногда и выстаивая масштабные разрушительные напастья разного рода, бесчисленное количество разнообразных человеческих сообществ, обладавших глубиной мысли, красотой действий, просторами и горизонтами мира, интеллектуальной изощренностью и эмоциональной изысканностью, при этом своими собственными, не соизмеримыми друг с другом, рядом с которыми нынешние глобал-спекуляции не более, чем наивные лепетания детсадовских малюток. И никуда это наследие не делось, не отменено, не исчезло бесследно, не разрушилось и не забылось, но продолжилось в тех ритмах и смыслах, которыми жило подавляющее большинство насельников земли даже и в самые триумфальные для доктрины три десятилетия.

Террор. В тех же сегментах, где глобализм правил бал, он носил отчетливо выраженный характер ментального (зачастую при этом еще и функционального) терроризма. В самом деле, глобализм буквально заполонил все существующие, т. е. легитимно практикуемые и активно развиваемые, на данный момент дискурсивные (в том числе и информационные) пространства, став некой номенклатурно-принудительной тотальностью, родственной с идеологией и с религией, при этом отнюдь не вытесняя и не замещая последние. Он стал выступать неким «общепризнанном показателем», которому должны были соответствовать как мысль, так и действие при «экспертизе на лояльность», т. е. своеобразным механизмом их легализации в модусе современности. Чаще всего эта процедура маркировалась термином «актуальность», который и сам-то по себе – не более, чем «пустая форма», допускающая любое (поощряемое) фактурное наполнение, ну а в случае с глобальностью, редуцируемой, как было показано, к очень раритетным и «субстанционально вязким/двусмысленным» регионам данности, так и вовсе превращающийся в сугубо вербальный возглас. Но важно отметить, что не в этом состоит главное. В конце концов, любая идеологическая программа функционирует аналогичным образом: недостаток (пустотность «ядра») обеспечивает избыток (насыщенность «поверхности»), а то, что заполняет пустоту в «текущем моменте» никак не влияет на работу всей социальной машинерии. Принципиальным, как представляется, является именно настойчивая «риторическая при-

вязка» к определенным последовательностям (и сознания, и вариантов интерпретации реальности). Иными словами – артикуляция и концептуализация маршрутов, по которым происходит освоение данности. При этом иные способы взаимодействия с последней дискредитируются (в лучшем случае), отменяются (силовым образом), либо высокомерно игнорируются. Таким образом формируется сетка восприятия окружающего мира, в котором все присутствует (определяется титулами и бытия, и сущего) лишь в соотношении с глобальностью (глобализмом), либо как способствующее (позитивный полюс), либо как упорно (и тщетно!) препятствующее (негативный полюс: например, антиглобализм). Возможны и некие «смягченные варианты», оппозиционные, хотя и не посягающие на величие и первенство патрона (глобальности) варианты (например: допускаемые в принципе регионализм и глокализм). В любом случае, все подобные «послабления» ничего не меняют: оппозиционная бинария и сохраняется, и воспроизводится в своей первозданности, допуск иных сценариев все также блокируется. Антиглобализм, также снискавший себе изрядное количество и приспешников-теоретиков, и приспешников-практиков, – отнюдь не альтернатива, но лишь утверждение доктрины: мир продолжает осмысляться, формироваться, раскрываться и представляться только в этих горизонтах и ракурсах. И в том, вероятно, не столько вина или ущербность глобалистов/антиглобалистов самих по себе, сколько их беда. Повторю: глобализм – проект европейского сознания, для которого закон исключённого третьего формальной логики – и альфа, и непоколебимый фундамент.

Гротеск. К счастью, логика, восходящая к Органону великого Стагирита, – не единственная из существовавших в прошлом и существующих до сего дня, она – не глобальна и не универсальна. Недолгая гегемония глобализма – один из очень показательных примеров. У глобалистов – и это было очевидно с самого начала любому, кто имеет хотя бы отрывочные знания об истории (даже и только в пределах «официальной» и «правильной» нарративной последовательности, предварительно вычищенной, выправленной и утвержденной государственной цензурой, любой: конкретная версия той или иной державы не имеет значения, ибо любая из оных версий – и верна, и неверна одновременно, причем – в равной степени) – «не было шанса» (как нынче выражаются). Действительно, из огромного количества зафиксированных исторических форм универсализма (о чем говорилось выше), глобализм имеет едва ли ни самую «слабую» аргументацию, ибо в основание были положены поверхностные, сугубо умозрительные и инфантильные аргументы вторичного характера, которые не могут выступать сами по себе экзистенциальной объединяющей скрепой и устойчивым фундаментом не только для большинства, но и для сколько-нибудь значительного числа вменяемых членов общества. А именно: технологическая оснастка и экономическая целесообразность. Но не потому, что они не убедительны или ложны сами по себе. Отнюдь. В них содержатся определенные импульсы, способные воздействовать

и приводить, в конечном счете, к тем или иным изменениям в стратегиях социального устройства-планирования. Но именно – в конечном счете, а не в изначальном, не в том счете, который определяет параметры радикальных и тектонических сдвигов. И хорошо известный довод, что, де, «количество переходит в качество» (рано или поздно, так или иначе и пр.) здесь столь же неприменим, как и упомянутый выше закон исключенного третьего. Во-первых, потому что речь идет о колоссальных темпоральных и территориальных объемах, элементный состав которых едва ли поддается исчислению или какой-либо каталогизации-систематизации (он – слишком разнороден и нестабилен), т. е. он не может быть верифицирован. Ну а во-вторых, – сами процедуры подобных исчислений (суть – апелляций) фокусируют внимание исключительно на самих элементах осязаемой конструкции, ими же весь, собственно говоря, весь протокол действий и исчерпывается. Ну и в-последних: прецедентов обратного не было. Использование электричества – не менее радикальный, нежели сегодняшние технологические инновации, сдвиг-рывок. Но разве он привел – даже и в конечном счете – к образованию некоей социальной тотальности (глобальности, универсальности), устранил разнородность путей развития и манер артикуляции смыслов? Развитие сообществ стало выстраиваться вдоль линий электропередач? Вовсе нет. Разумеется, оно, электричество, повлияло на эволюцию всего человечества, но не сплотило его в глобальное единое целое, не сделало из него всечеловечество. Просто обновило наличный инструментарий, встроилось в различные системы, подчинилось правилам функционирования отдельной конкретной самобытной общности. Точно также и со всем глобалистским комплексом: изменения на поверхности – несомненно. Может быть и весьма существенные: это покажет будущее. Однако в них не содержится никакого «излишка» или «остатка», того, что отсылало бы к эйдетическим горизонтам («выбрасывалось бы» в качестве остатка-отложения), воздействовало бы на них. Но не потому, что последние были вовсе оставлены вниманием. Вовсе нет. Просто в этих, т. е. эйдетических, пределах – свои собственные размерности и структуры, ритмы и циклы, режимы и регламенты, которые едва ли с воодушевлением и готовностью откликаются на апгрейд поверхности. Весь это шквал технологических нововведений последних десятилетий – весьма интересная «штука». Наверное, он может и заморозить, и ослепить, и прельстить, и даже воодушевить. Но только на первых парах, и уж совсем наивное сознание. Но когда ажиотаж спадает, и «шмудак» (выражаясь митьковским термином) становится прозой (если ни пеной) дней, то все равно всплывает (или уже не всплывает?) фундаментальное вопрошание: а собственно говоря – зачем? Что изменилось-то? Во мне? В мире?

Ну а что касается, возвращаясь к главному персонажу разговора, глобализма-глобализации, это – даже не парадокс, и не нонсенс, но – забавный и страшноватый гротеск. То, что он рассыпался за считанные годы (с приглядкой на совокупную человеческую историю – в миг), убеждает и доказывает, что перед нами – в общем-то, безобидный, хоть и раздражающий, феномен, к

которому едва ли стоит относиться серьезно: над ним размышлять, его исследовать, или, научно выражаясь, раскрывать. В пределах философского дискурса – уж в любом случае.

E. G. Sokolov (Saint Petersburg State University, Institute of Philosophy)

NOT A REQUIEM FOR GLOBALISM

A number of significant aspects of the phenomenon of globalism (globalization) are considered, thanks to which, at the turn of the XX–XXI century, it was able to establish itself as a universally propagandized ideologeme, largely determining discursive practices, including scientific and humanitarian ones. Attention is drawn to the fact that globalism has not offered anything fundamentally new compared to the various and very numerous experiences of universalism in the past, which permeate the entire history of mankind. The temptation to find and implement some universal principles of human life organization peculiar to all communities, as well as to extend them to as large territories as possible, is one of the obsessive leitmotives of social construction. However, experience shows that no universalist model has been implemented and sooner or later was forced to recognize the legitimacy of the presence of other truths. Moreover, even in the regions of reality, where the perfection of a particular universality was not questioned, it did not become a totality. If it was positioned as such, then it was an illusion. At the same time, its theoretical and political, universalist ideology, propaganda, as well as its introduction into everyday life and inclusion in futurological programming very often had the character of mental terrorism. All this can be observed in the case of globalism. The short history of globalism and the ease with which it crumbled in a matter of years and gave way to other relevant practices shows that globalism has not developed or proposed anything socially anthropologically fundamental or ontologically expedient, fundamentally or radically capable of changing the way of life of a person and human society. Its basic components – technological and economic – are only capable of updating operational cash in some way, while in no way affecting existential-eidetic horizons, thus it can be concluded that the phenomenon itself can be qualified as a "grotesque surface".

Globalism, universalism, de-globalization processes, social utopia, ideological practices, forms of life organization

УДК 94(47).083

Д. И. Стогов (С.-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: bel-grigorij@yandex.ru)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕНИСЕЙСКОГО ГУБЕРНАТОРА И. И. КРАФТА НА СТРАНИЦАХ КРАСНОЯРСКИХ ГАЗЕТ «ЕНИСЕЙСКАЯ МЫСЛЬ» И «СУСАНИН»

В статье анализируется деятельность Енисейского губернатора Ивана Ивановича Крафта (1861–1914). Автор изучил содержание крупнейших дореволюционных красноярских газет – «Енисейская мысль» и «Сусанин» за период губернаторства Крафта. Анализ введенных в научный оборот публикаций позволяет сделать вывод об активной деятельности губернатора на различных направлениях – в деле благоустройства Красноярска и Енисейской губернии, создания приютов, больниц, школ, закрытия публичных домов, борьбы с пьянством, реализации предложений по открытию Северного морского пути и т. д. В целом красноярские газеты создавали положительный образ Крафта. Отмечается, что преждевременная кончина губернатора 20 ноября 1914 г. помешала реализации многих его планов.

Российская империя, Енисейская губерния, И. И. Крафт, губернатор, народное образование, пьянство, трезвость, Северный морской путь

В последние десятилетия исследователи обращаются к изучению жизни и трудов выдающихся государственных деятелей Российской империи. По идеологическим причинам в советское время эта тема практически не рассматривалась, в новых условиях появилась возможность изучения биографий выдающихся чиновников царской России в контексте процессов, связанных с социально-экономическим и политическим развитием страны. Ученые исследуют пути решения различных проблем царскими чиновниками (при этом многие из этих проблем не теряют актуальности и сегодня, например, борьба с пьянством, за сохранение общественной нравственности и пр.). В этой связи представляет актуальным изучение жизни и деятельности талантливого администратора, потратившего много времени и сил на развитие вверенных ему регионов России (с 1906 по 1913 гг. – Якутской области, в 1913–1914 гг. – Енисейской губернии), Ивана Ивановича Крафта (1861–1914).

В последнее время российскими исследователями уже опубликован ряд работ, посвященных И. И. Крафту. Среди них выделяются статьи, написанные при участии руководителя Красноярского общества трезвости В. М. Белошапкина [1; 2]. А. А. Павлов написал биографический очерк о Крафте [3]. Якутский период деятельности чиновника рассмотрен в работе Ф. Г. Сафронова [4]. Н. Н. Габышев привел ряд новых фактов, связанных с жизнью и трудами

Крафта [5]. П. П. Петров рассмотрел ряд примечательных событий из жизни чиновника [6]. Вместе с тем, публикации красноярских газет, издававшихся в период пребывания Крафта в должности Енисейского губернатора, до сих пор практически не изучены. Их изучение представляется актуальным, так как официальные периодические издания формировали общественное мнение, создавая определенный образ Крафта в общественном сознании. Местные газеты являются ценным источником для изучения деятельности губернатора, так как они подробно сообщали читателям о работе начальника губернии.

Источниками, использованными в статье, являются введенные в научный оборот публикации крупнейших красноярских дореволюционных газет – «Енисейская мысль» и «Сусанин». Первая из них, «газета общественно-экономическая, политическая и литературная», выходила ежедневно (кроме послепраздничных дней), считалась «внепартийно-прогрессивной», редактором был М. А. Мелналкснис. Газету «Сусанин» издавал Красноярский отдел Союза русского народа [7], ее основателем и идейным вдохновителем считается протоиерей В. Захаров [7, С. 101], в 1913 г. она выходила два раза в неделю. Обе газеты считались массовыми и широко распространялись, ввиду чего представляется важным изучение публикаций этих изданий.

И. И. Крафт был назначен императорским указом на должность Енисейского губернатора 5 августа 1913 г., 16 августа он прибыл на вокзал Красноярска. «Енисейская мысль» сообщала о встрече нового начальника губернии местным городским головой, другими должностными лицами, губернатору были преподнесены хлеб и соль. В ответной речи начальник губернии отметил, что возвращается в край, в котором прошло его детство, что ему не чужды нужды и чаяния жителей края, выразив желание «с особым чувством и радостью служить родному краю, являющемуся частичкою Великой Империи» [8; 9].

Газета позже сообщала о том, что Якутская городская дума избрала Крафта почетным гражданином Якутска и постановила вывесить его портрет в зале местного музея, здание которого было воздвигнуто благодаря энергии бывшего Якутского губернатора. В одном из учебных заведений города была учреждена стипендия его имени [10].

Газета проявляла интерес к первым шагам нового губернатора в области ведения хозяйства вверенной ему губернии. Издание сообщало, что Крафт отдал приказ городской полиции Красноярска привлекать к ответственности велосипедистов, которых уличили в неправильном вождении [11]. 25 августа 1913 г. губернатор участвовал в открытии Бульвара императора Александра I в Красноярске [12]. Сообщала газета об осмотре города, который предпринял Крафт 29 августа 1913 г. (он осмотрел новый дом Синельниковского благотворительного общества, здания новой городской начальной школы на берегу Енисея и городской водопроводно-электрической станции) [13].

«Енисейская мысль» подробно рассказывала о посещении Крафтом 1 сентября 1913 г. ремесленного училища в Красноярске, в актовом зале которого

был отслужен молебен [14]. Газета сообщала о планах, связанных с чествованием в городе прибывшего туда известного полярного исследователя Ф. Нансена, в торжествах планировалось участие Енисейского губернатора [15]. Правда, в день торжеств он был вынужден совершить командировку в Ачинский уезд, откуда подал телеграмму с приветствием полярному исследователю [16]. Не обошла вниманием газета и участие Крафта, а также его подчиненных в дискуссиях об организации Северного морского пути [17].

Труды губернатора привлекали внимание «Енисейской мысли» и после его смерти. 3 декабря 1914 г. в газете помещена обширная заметка, посвященная его хозяйственной деятельности, в целом высоко оценивавшая его работу, подвергая критике оппонентов за отрицательные суждения в адрес покойного [18].

Не отставала от «Енисейской мысли» в описании деятельности Крафта и газета «Сусанин». Корреспондент газеты сообщал о встрече нового начальника губернии 16 августа 1913 г. [19], о посещении им ремесленного училища 1 сентября 1913 г., приводя ряд подробностей его речи на годовичном акте, которые отсутствуют в «Енисейской мысли». Чиновник заявил, что «знания – капитал: кто больше приобретет знаний, тот лучше обеспечивает себя материально в будущем» [20]. Газета передавала слова губернатора, сказанные им в ходе чаепития в училище, о том, что Красноярск изобилует нищими. Крафт предложил устроить особую колонию по примеру той, которая ранее была организована им в Якутске [20]. Газета отмечала, что в начале сентября 1913 г. губернатор запросил у Красноярской городской управы сведения о составе комиссий по различным отраслям городского хозяйства и по ревизии отчетов [21].

Особое место в публикациях «Сусанина», в отличие от «Енисейской мысли», занимали сюжеты, связанные с борьбой с пьянством. Газета поддерживала трезвеннические инициативы Крафта. Она подробно освещала на своих страницах состоявшийся 26 сентября в Красноярске праздник трезвости, в котором непосредственное участие принимал губернатор [22, С. 2]. Еще один праздник трезвости, который также описала газета, прошел 9 апреля 1914 г. [23]. Не обходило стороной издание и другие инициативы чиновника (закрытие в Красноярске и других городах губернии публичных домов, организацию приютов и пр.).

Подводя итоги, отметим, что анализ содержания публикаций газет «Енисейская мысль» и «Сусанин» позволяет сделать вывод об активной деятельности И. И. Крафта на различных направлениях – по благоустройству вверенной ему губернии, созданию приютов, больниц, школ, закрытию публичных домов, борьбе с пьянством и др. Рассматривались предложения по открытию Северного морского пути. Красноярские газеты создавали в целом положительный образ губернатора. Преждевременная кончина чиновника 20 ноября 1914 г. помешала реализации многих его планов, многие из них (напр., создание Севморпути) получили развитие в советское время.

Источники:

1. Терскова А. А., Белошапкин В. М. Совместные проекты епископа Никона и губернатора И. И. Крафта // Вестник трудов Якутской духовной семинарии. 2019. № 6. С. 162–167.
2. Терскова А. А., Белошапкин В. М. Иннокентьевский приют // Основы собриологии, профилактики, социальной педагогики и алкологии: материалы XXIX Международного форума / Под общей ред. проф. А. Н. Маюрова. Н. Новгород, 2021. С. 196–199.
3. Павлов А. А. Губернатор Крафт. 2-е изд., испр. и доп. Якутск: Бичик, 2011. 208 с.
4. Сафронов Ф. Г. Дореволюционные начальники Якутского края. Якутск: КИФ «Ситим», 1993. 56 с.
5. Габышев Н. Н. И. И. Крафт – якутский и енисейский губернатор // Северо-восток России на рубеже XIX–XX веков: власть и общество: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. с международ. участием, посвящ. 150-летию со дня рождения губернатора Якутской области И. И. Крафта (20 мая 2011 г.). Якутск: Изд-во ИГиИПМНС СО РАН, 2012. С. 28–39.
6. Петров П. П. Некоторые примечательные события из жизни губернаторов // Северо-восток России на рубеже XIX–XX веков: власть и общество: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. с международ. участием, посвящ. 150-летию со дня рождения губернатора Якутской области И. И. Крафта (20 мая 2011 г.). Якутск: Изд-во ИГиИПМНС СО РАН, 2012. С. 179–181.
7. Макарчук С. В., Звягин С. П. Красноярская газета «Сусанин» в 1907–1914 годах: политическая и гражданская культура монархического издания // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 43. С. 99–110.
8. Хроника // Енисейская мысль. 1913. 17 августа. С. 3.
9. Хроника // Енисейская мысль. 1913. 18 августа. С. 2.
10. Хроника // Енисейская мысль. 1913. 21 августа. С. 2.
11. Хроника // Енисейская мысль. 1913. 24 августа. С. 2.
12. Хроника // Енисейская мысль. 1913. 27 августа. С. 3.
13. Хроника // Енисейская мысль. 1913. 1 сентября. С. 3.
14. Хроника // Енисейская мысль. 1913. 4 сентября. С. 3.
15. Намеченная программа чествования Ф. Нансена // Енисейская мысль. 1913. 11 сентября. С. 2.
16. Нансеновские дни // Енисейская мысль. 1913. 20 сентября. С. 2.
17. Р. К. К установлению непосредственных рейсов в Сибирь // Енисейская мысль. 1913. 12 декабря. № 261. С. 4.
18. Танец на могиле // Енисейская мысль. 1914. 3 декабря. С. 2.
19. Хроника. Прибытие начальника губернии // Сусанин. 1913. 18 августа. С. 2.
20. Хроника. В Ремесленном училище // Сусанин. 1913. 5 сентября. С. 3.
21. Хроника // Сусанин. 1913. 8 сентября. С. 4.
22. Праздник трезвости в Красноярске // Сусанин. 1913. 29 сентября. С. 1–2.

23. Праздник трезвости в Красноярске // Сусанин. 1914. 13 апреля. С. 3.

D. I. Stogov (Saint Petersburg electrotechnical university «LETI»)

**THE" ACTIVITIES OF THE YENISEISK GOVERNOR
I. I. KRAFT ON THE PAGES OF THE KRASNOYARSK NEWSPAPERS
"YENISEISKAYA MYSL"
AND "SUSANIN"**

The article analyzes the activities of the Yeniseisk Governor Ivan Ivanovich Kraft (1861–1914). The author studied the contents of the largest pre-revolutionary Krasnoyarsk newspapers – "Yeniseiskaya Mysl" and "Susanin" during the period of Kraft's governorship. The analysis of the publications introduced into scientific circulation allows us to conclude about the active activity of the governor in various areas – in the improvement of Krasnoyarsk and the Yeniseisk province, the creation of shelters, hospitals, schools, the closure of brothels, the fight against drunkenness, the implementation of proposals for the opening of the Northern Sea Route, etc. In general, Krasnoyarsk newspapers created a positive image of Kraft. It is noted that the premature death of the governor on November 20, 1914 prevented the implementation of many of his plans.

Russian Empire, Yenisei Province, I. I. Kraft, governor, public education, drunkenness, sobriety, Northern Sea Route

УДК 32(075): 32.659.4

Тань Цзе (Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина «Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина»; e-mail: tj870583493@163.com)

ГИБРИДНЫЙ ДИСКУРС МЕДИАПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ: ВОЗМОЖНОСТИ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АУДИТОРИЮ

СМИ – не только инструмент передачи информации, но, что более важно, они выступают в роли средств политической коммуникации, оказывая воздействие на аудиторию. Политические ток-шоу, политические интервью и блоги политиков, как жанры медиатизированного политического дискурса, обладают сильным воздействием на адресатов: их содержание способно быстро распространяться и привлекать внимание аудитории. Актуальность исследования заключается в глубоком понимании ключевой роли медиа в современной политической коммуникации. Новизна исследования проявляется в анализе трех жанров медиатизированных политических дискурсов, которые являются ключевыми каналами воздействия на аудиторию.

Гибридный дискурс, политический дискурс, медиадискурс, воздействие на аудиторию, политическое ток-шоу, политическое интервью, блог политиков

Средства массовой информации сегодня прочно вошли во все сферы коммуникации и оказывают влияние на организацию современных дискурсов, включая политическое общение. Специфика политического дискурса на современном этапе состоит в его опосредованности средствами массовой информации. СМИ сегодня – одни из главных участников политической коммуникации, и картина современного политического дискурса была бы искажена и обеднена отсутствием анализа материалов СМИ [1, С. 58]. Политическая коммуникация в свою очередь под влиянием медиа изменяется, обретает новые функции и средства трансляции информации. Современный политический дискурс имеет тенденцию к расширению политических практик. Он принимает все более разнообразные формы, «включая в состав участников новые группы носителей языка, используя широкий спектр каналов, в том числе СМИ и все виды интернет-коммуникаций, позволяющие актуализировать и популяризировать, распространять и обсуждать наиболее актуальную информацию» [2, С. 19]. Средой существования политического языка являются средства массовой информации [3, С. 281].

Политическая коммуникация и масс-медиа в определенных аспектах взаимно переплетаются. Например, выступление политика на съезде как жанр политического дискурса при трансляции по телевизионным или интернет-каналам, обсуждении в интернет-комментариях, политических шоу, в новостных сводках становится формой медиатизированной политической коммуникации.

Несмотря на различия в концепциях и формулировках, ученые рассматривают явление пересечения политической и медийной речи как особый вид дискурса. Мы называем политический дискурс, использующий формы массовых медиа, медиатизированным политическим дискурсом. Это сочетание политического и медийного дискурса, особая разновидность гибридного дискурса.

Понятие гибридности дискурсов сегодня активно обсуждается в лингвистике, однако данная тема находится на стадии обсуждения дефиниции термина «гибридный дискурс». В научной литературе описываются различные гибридные явления дискурсов: К. Реш изучает гибридный дискурс, находящийся на стыке журналистского, популярного и дидактического видов дискурса [4]. Т. В. Дубровская отмечает, что гибридность дискурса — это «не стилевое смешение, а смешение на уровне способов осуществления социально значимых действий, обусловленное определенными социальными факторами» [5, С. 26]. В. А. Гапутина отмечает, что гибридный дискурс определяется как дискурс, образовавшийся в результате взаимопроникновения двух типов дискурса, каждый из которых модифицирует, дополняет и оформляет специфические черты другого, и при этом обнаруживает устойчивость [6, С. 52]. Таким образом, специфику гибридного дискурса как особого коммуникативного пространства исследователи видят в сочетании признаков и лингвистических характеристик двух и более дискурсов.

Как следует из самого названия термина «медиатизированный политический дискурс», данный вид коммуникации имеет черты гибридности, поскольку соединяет в себе свойства политического дискурса и медиадискурса. В результате этой гибридизации формируется вторичная модель коммуникации, которая обладает высокой эффективностью и более значительным воздействием по сравнению с дискурсами, являющимися источниками этого гибрида [7]. Необходимо подчеркнуть, что при объединении политического дискурса и медиадискурса создается форма коммуникации, которая превосходит свои родительские формы. Эта новая модель обладает не только общими чертами обоих дискурсов, но и внедряет собственные уникальные элементы, что придает ей особую динамику и воздействие. При гибридизации наследование свойств политического дискурса и медиадискурса происходит неравномерно, привнося свои уникальные элементы, внедряя новую форму и стиль выражения. Такой дисбаланс в наследовании свойств делает медиатизированный политический дискурс более сложным и разносторонним явлением, чем традиционная политическая коммуникация, позволяя ему лучше адаптироваться к различным контекстам и вызовам современного общества.

В соответствии с выражением концепции взаимосвязи масс-медиа и политики, а также гибридного дискурса в данной статье выделяются три жанра медиатизированного политического дискурса, которые могут оказать наибольшее воздействие на аудиторию: политическое ток-шоу, политическое интервью и блоги политиков.

1. Политическое ток-шоу как телевизионный жанр представляет собой телеплощадку, где гости собираются для обсуждения актуальных политических вопросов, предложенных ведущим. В такие программы обычно приглашают в качестве участников не только политиков, но и ученых-экспертов, журналистов, общественных деятелей, обладающих особым опытом. Политические ток-шоу имеют зрительскую аудиторию в студии и огромную телеаудиторию. Таким образом, канал политического влияния на адресата в них значительно увеличивается. Будучи жанром медиатизированного политического дискурса, ток-шоу обладают заметными возможностями речевого воздействия на аудиторию. Этот жанр предполагает не только передачу информации, но и дискуссии, активный обмен мнениями, способствуя формированию динамичного политического диалога. Возможности медиакommunikации расширяют возможности использования политиками языковых средств, позволяя им выходить за пределы терминологии, стилистики и норм политического выражения, привлекая в качестве вспомогательных инструментов средства речевой экспрессии, образность, речевую эмоциональность, которые привлекают внимание аудитории и оставляют глубокие впечатления от услышанного.

2. Политическое интервью может пониматься в широком и узком значении. Обозначение «политическое интервью» в широком аспекте обусловлено его политической тематикой, журналист может вести разговор о политике с любым человеком, мнение которого представляется ему интересным, актуальным. В узком плане политическое интервью-диалог – это разговор журналиста с политиком» [8, С. 17]. По нашему мнению, узкое и широкое понимание термина не противоречат друг другу, а лишь подчеркивают свойство гибридности политического интервью. Жанр медиаполитического интервью обладает повышенным потенциалом воздействия на аудиторию. В процессе интервью политики имеют возможность шире использовать возможности своей речи, жесты и интонацию, чтобы эмоционально воздействовать на слушателей и формировать необходимые говорящему оценки, мнения и впечатления. Кроме того, использование этого медижанра позволяет формировать образ политиков, оказывать влияние на общественное мнение и способствовать налаживанию продуктивного диалога с обществом. Осознание возможностей, предоставляемых этим жанром, становится важным аспектом для политиков, журналистов и общества в целом.

3. Блог политиков как открытая интернет-платформа предоставляет возможность для индивидуального или группового общения в сети. В блоге люди могут в любое время обновлять контент, обеспечивать актуальность информации и делиться новыми информационными историями со своими подписчиками. Политики могут использовать блог для прямого выражения своих взглядов на текущие события и социальные проблемы, быстро распространяя необходимую информацию среди широкого круга пользователей Интернета. Отличительной чертой блогов является способность политиков генерировать динамичные политические дискуссии среди читателей. Благодаря возможности оставлять комментарии и

участвовать в обсуждениях блогеры создают открытую платформу, которая способствует обмену мнениями и перспективами и, в свою очередь, влияет на общественное мнение. Благодаря взаимодействию, обратной связи и комментариям с аудиторией блог вдохновляет аудиторию на активное участие в политических дискуссиях. Процесс формирования этого динамичного политического дискурса и его влияние на общественное мнение сделали блоггинг неотъемлемой частью современной политической коммуникации.

Таким образом, гибридный дискурс сегодня является популярной дискурсивной практикой. В области медиатизированного политического дискурса можно наблюдать существование трех различных жанров: 1) политические ток-шоу пробуждают интерес и участие аудитории, создавая ощущение опыта, синхронизированного со временем и пространством, и привлекают разных участников; 2) политические интервью подчеркивают уникальность языковых личностей политиков для создания четкого и персонализированного политического образа; 3) блоги политиков оказывают глубокое влияние на своих слушателей в виде непрерывных комментариев, привнося в политический дискурс больше наводящих на размышления и интерактивных элементов. Эти различные жанры обеспечивают разнообразный и богатый выбор роли СМИ в политической коммуникации, формируя трехмерную и привлекательную медиасреду, оказывающую воздействие на аудиторию.

Источники:

1. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.
2. Грачев М. А., Ионова С. В. Новые формулы политического языка для выражения оценки // Русский язык за рубежом. 2019. № 4 (275). С. 19–25.
3. Карасик В. И. Язык социального статуса. Волгоград: Перемена, 2002.
4. Resche C. The Economist discours de spécialité économique ou discours sur l'économie? // Revue de l'Institut des langues et cultures d'Europe, Amérique, Afrique, Asie et Australie. 2009. № 11. P. 1–29.
5. Дубровская Т. В. Интервью с судьями как гибридный тип дискурса // Юрислингвистика. 2010. № 10. С. 25–35.
6. Гапутина В. А. Проявления гибридности в современном русскоязычном медиадискурсе моды: дис. ... канд. филол. наук: 12.02.01. Волгоград, 2019.
7. Ионова С. В. Аппроксимация содержания вторичных текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2006.
8. Мкртчян Т. Ю. Речевое поведение журналистов в политическом теле- и радиоинтервью: на матер. рус. и англ. яз.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-н/Д, 2004.

Tan Jie (Pushkin State Russian Language Institute)

***HYBRID DISCOURSE IN THE MEDIAPOLITICAL SPHERE: IMPACT ON
THE AUDIENCE***

Media is not only a tool for information transmission, but more importantly, it plays a role as a means of political communication, exerting influence on the audience. Political talk shows, political interviews, and politicians' blogs, as genres of mediatized political discourse, have a strong impact on the recipients: their content can quickly spread and attract the audience's attention. The relevance of the study lies in a deep understanding of the key role of media in contemporary political communication. The novelty of the research is manifested in the analysis of three genres of mediatized political discourses, which are key channels of influence on the audience.

Hybrid discourse, political discourse, media discourse, audience impact, political talk show, political interview, politicians' blog

УДК 355.01

А. А. Таскаев (Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, e-mail: kafedra.gisn2020@mail.ru)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ В УСЛОВИЯХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

В статье рассматривается влияние специальной военной операции на изменения взглядов о возможности применения ядерного оружия в локальных войнах и конфликтах. Несмотря на то, что основные события происходят на Восточноевропейском театре военных действий, они оказывают глобальное влияние, в том числе на страны Северо-Восточной Азии, как регион потенциальных военных конфликтов.

Философии войны, глобальная безопасность, экзистенциальная угроза, ядерное оружие, международные отношения

Украина в 1991 году владела тысячами боеголовок, которые были частью ядерного арсенала Советского Союза, но согласилась отказаться от них в 1994 году. Однако остаются большие ядерные арсеналы как у России, так и стран НАТО, и по мере развития конфликта на Украине неизбежно повышается вероятность применения ядерного оружия.

Несмотря на то, что специальная военная операция проходит на другом конце континента, изменения в международных отношениях, которые произошли в результате конфликта, повлияли на то, как страны Северо-Восточной Азии, оценивают ядерное оружие и стратегию его применения. В число этих игроков входят Китай, Россия, Япония, Республика Корея (РК) и Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР), а также Соединенные Штаты как главный гарант безопасности посредством ядерного сдерживания для РК, Японии и Тайваня [1].

Из них Китай, Россия, США и КНДР обладают собственным ядерным оружием. Политики в Республике Корея, так и в Японии время от времени заявляли о создании ядерного оружия. Изменения в мышлении этих политических субъектов в области ядерной безопасности делают использование ядерного оружия более вероятным или, по крайней мере, расширяет круг обстоятельств, при которых применение ядерного оружия могло быть оправданным. Исследовательский центр Университета Нагасаки сосредоточил свое внимание на разработке и оценке возможных сценариев использования ядерного оружия в Северо-Восточной Азии, а также на разработке политики по снижению риска применения ядерного оружия в регионе.

Анализ показывает, что руководство Китая считает, что украинский конфликт вызван агрессивным поведением Запада во главе с США, принуждающим Россию к защите безопасности. Китай наблюдает и извлекает уроки из скрытого использования Россией ядерной угрозы. Эти уроки могут быть интерпретированы в китайской политике как отказ от применения ядерного оружия первыми в потенциальных конфликтных ситуациях, в том числе с участием Тайваня [2].

Китай стал свидетелем как перед лицом западных санкций против России и военной помощи, наличие ядерного оружия явилось эффективным способом заставить западные страны быть более осторожными в предоставлении военной помощи Украине. Китай усвоил урок, что использование сигналов о ядерном оружии является важным и эффективным средством к поддержанию безопасности и рычагом принуждения в периоды напряженности или конфликта.

Доктрина Китая запрещает применение ядерного оружия первым, но применение ядерного оружия первым в «обычной войне», таким образом, мы видим, что Китай оставляет «пространство для маневра» в использовании ядерного оружия, не нарушая букву закона. Китай может во время кризиса, расширить потенциальные обстоятельства, при которых ядерное оружие может быть использовано. Кроме того, Китай, вероятно, усвоил урок, что ядерные сигналы России во время украинского конфликта были эффективными во многом из-за значительного ядерного арсенала России. Этот урок укрепляет решимость Китая продолжать наращивать и модернизировать свой собственный ядерный арсенал.

Китай будет следить за успехом или провалом попыток России использовать ядерную угрозу или ядерные сигналы как средство достижения внешнеполитических целей и извлекать уроки из этих результатов для своей собственной политики в объединении с Тайванем [3].

Несомненно, что руководство КНДР наблюдает за развитием украинского конфликта со значительным интересом. Однако, Украинский конфликт не повлиял на то, как КНДР положительно или отрицательно оценивает наличие собственного ядерного арсенала. Руководство Северной Кореи уже выработало свое мнение по стратегическим, военным, политическим и дипломатическим вопросам, ценность ядерного сдерживания не вызывает сомнения, и страна не намерена отказываться от своего ядерного оружия и не нуждается в дополнительных обоснованиях для продолжения укрепления своего ядерного арсенала [4].

Уроки, которые КНДР извлекла из наблюдения за украинским конфликтом, вероятно, следующие: даже более слабая страна, обладающая ядерным оружием, может противостоять более сильной стране, вооруженной обычным оружием, и имеющей поддержку могущественных союзников (например, западных стран). Для КНДР это означает, что ее стратегическое ядерное преимущество над РК увеличит вероятность победы в войне с РК.

КНДР примет во внимание условия, при которых может быть применено ядерное оружие. Эти изменения могут быть внесены в доктрину использования ядерного оружия, а именно, что КНДР будет использовать ядерное оружие в том

случае, если Республика Корея и Соединенные Штаты будут угрожать сменой режима, нацеливаясь на руководство КНДР, если ядерное оружие КНДР, объекты и / или инфраструктура военного управления и контроля находятся под угрозой, или если Соединенные Штаты нанесут превентивный ядерный удар по КНДР.

Военная поддержка, оказываемая Беларуси Россией, может заставить КНДР пересмотреть преимущества «совместного использования ядерного оружия». Возросшая напряженность между США и Китаем может привести к тому, что КНДР рассмотрит возможность заключения соглашений с Китаем и / или Россией о передаче ядерных военных технологий КНДР. Такое совместное использование ядерного оружия со стороны КНДР может быть ответом на то, что Соединенные Штаты рассматривают формы совместного использования ядерного оружия со своими союзниками в регионе, особенно с Республикой Корея, но также с Японией и другими странами.

Исключение тактического ядерного оружия из соглашений США и России по контролю над вооружениями, укрепили убежденность КНДР в том, что ей следует исключить тактическое ядерное оружие из любого соглашения, которое она заключает, что означает, что она может хранить тактическое ядерное оружие в любом месте на своей территории.

В совокупности эти уроки, вероятно, сделают невозможным отказ КНДР от ядерного оружия в ответ на международное давление или в рамках урегулирования путем переговоров, а также откроют новые возможности, которые могут увеличить риск использования оружия в Северо-Восточной Азии.

За войной на Украине с большим интересом следит общественность, а также политики Японии. Обе группы остро осознают угрозы в регионе, исходящие от Китая, который становится все более могущественным в военном отношении, со стороны обладающей ядерным оружием России, с которой у Японии есть давний территориальный спор по Курильским островам, а также КНДР, обладающей ядерным оружием [5].

Конфликт на Украине усилил интерес японских политиков к изучению того, как Япония может изменить военное сотрудничество с Соединенными Штатами. Учитывая украинский конфликт, все больше людей в Японии выступают за совместное использование ядерного оружия США. Ядерная доктрина Японии после Второй мировой войны основывалась на трех принципах, а именно: не обладание, не производство и не допущение к размещению ядерного оружия.

Рассмотрение вопроса о том, следует ли изменять эти три давних принципа не пользуется популярностью. Однако, рассматривалась возможность снятия некоторых ограничений, позволяющих Соединенным Штатам более активно использовать ядерное оружие, размещать ядерное оружие в этом районе. Многие представители японских военных и политических кругов считают, что сейчас нет смысла идти на компромиссы или менять ядерные принципы, поскольку сейчас не время для этого, но общее мнение состоит в том, что существует необходимость сдерживания. Например, в Стратегии национальной безопасности Японии добавления возможностей нанесения ударов на большие расстояния.

Как и в случае с РК в Японии считают, что конфликт на Украине увеличивает вероятность того, что Россия может применить ядерное оружие. Точно так же Китай и КНДР считаются непредсказуемыми, и если кто-либо из них начнет конфликт в Северо-Восточной Азии, многие японцы считают, что Соединенные Штаты присоединятся к конфликту в той или иной форме, а Япония, учитывая, что она размещает у себя американские военные базы, неизбежно будет втянута в такой конфликт. Например, если Тайвань станет следующей горячей точкой, Япония не сможет держаться от этого конфликта на расстоянии, ей придется защищать японскую территорию и думать о пополнении боеприпасов и других ресурсов во время войны не только для себя, но и своим союзникам [6].

Каждое изменение, которое каждое государство вносит или даже рассматривает в ответ на уроки украинского конфликта, потенциально может вызвать ответную реакцию со стороны его противников, а в некоторых случаях и союзников. В некоторых случаях такие меры реагирования, возможно, повысят риск применения ядерного оружия в регионе.

По мере того, как Республика Корея, Япония и Тайвань, наращивают свой военный потенциал и демонстрируют более тесное военное сотрудничество с Соединенными Штатами, Китай, Россия и КНДР могут прийти к выводу, что такие действия представляют собой надвигающиеся экзистенциальные угрозы, и увеличивают вероятность применения ядерного оружия.

Источники:

1. Дегтярев К. Н. Проблема распространения ядерного оружия // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации: Материалы XI Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием / Под редакцией Н.Е. Лукьянова. Новосибирск: НГПУ, 2023. С. 262–263. EDN ECXRWY.

2. Зайцев Н. Н. Война или вооруженный конфликт – философское осмысление критериев / Н. Н. Зайцев, А. Н. Завьялова, В. А. Бугаев // Евразийский юридический журнал. 2023. № 2(177). С. 486–488. EDN KEYBEJ.

3. Березин Г. С. Роль Китая в реализации концепции многополярного мира / Г. С. Березин, Н. Н. Зайцев // Международная научная конференция молодых исследователей «Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации»: сборник материалов. М.: ФГБОУ ВО «РГУ им. А.Н. Косыгина», 2023. Ч. 6. С. 229–233.

4. Казарьян Р. Л. Перспективы американо-северокорейского диалога при администрации Джо Байдена // Нестабильность геостратегического пространства на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке: актуальные проблемы. 2022. № 8. С. 245–254. EDN YXUDTL.

5. Афонин Б. М. Внешняя политика Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2022. Т. 38. С. 7–23. DOI 10.24412/2658-5960-2022-38-7-23. – EDN RDTRQJ.

6. Домахина Ю. А. Роль японо-американского альянса в системе региональной безопасности // Восточная Азия: факты и аналитика. 2023. № 1. С. 52–65. DOI 10.24412/2686-7702-2023-1-52-65. EDN PYFUCX.

A. A. Taskaev (Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I. K. Yakovlev of the National Guard Troops of the Russian Federation)

TRANSFORMATION OF VIEWS ON NUCLEAR WEAPONS IN THE CONDITIONS OF A SPECIAL MILITARY OPERATION

The article examines the influence of a special military operation on changing views on the possibility of using nuclear weapons in local wars and conflicts. Despite the fact that the main events take place in the Eastern European theater of military operations, they have a global impact, including on the countries of North-east Asia, as a region of potential military conflicts.

Philosophies of war, global security, existential threat, nuclear weapons, international relations

УДК 141.7

В. В. Тузов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: tuzov_1950@mail.ru)

ПРОБЛЕМА УСТОЙЧИВОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В «ПОЛИТИКЕ» АРИСТОТЕЛЯ

Рассматривается проблема устойчивости социальной системы в произведении Аристотеля «Политика». Отражаются основные моменты анализа Аристотелем устройства государства, благодаря оптимизации которых возможно избежать смуты и раздоров в обществе.

Устойчивость, государство, стойкость, единство, многообразие, благо, справедливость

Проблема устойчивости социальной системы находит свое отражение у многих философов древности. Ее рассматривали в Древней Индии, Древнем Китае, Древней Греции. Это связано с тем, что не устойчивое общество не жизнеспособно. Неустойчивое общество характеризуется смутами, бунтами, восстаниями и междоусобной враждой различных кланов, семей и т. д. Такое общество является легкой добычей для агрессивных соседей. Поэтому мыслящие представители того или иного народа думали о том, как обеспечить бесконфликтное существование в своем городе или стране. Пытались определить факторы, влияющие на устойчивость социума.

В Древней Греции эта проблема также остро стояла перед правителями городов-полисов и отражалась в умах мыслящих людей. Наиболее известные взгляды на идеальное государство изложены в работах Платона и Аристотеля. Хотя отдельные вопросы оптимального устройства общества есть и у других философов.

Рассмотрим взгляды Аристотеля на оптимальное устройство общества, изложенные в произведении «Политика».

В этом произведении Аристотель специально не рассматривает вопрос об устойчивости социальной системы, однако подспудно она пронизывает все его рассуждения. Его интересует проблема организации государства для того, чтобы обеспечить оптимизацию его функционирования для достижения «блага». Благо и справедливость, основные категории, которыми оперирует Аристотель. Государство по Аристотелю, это прежде всего общение. «...очевидно, все общения стремятся (stokhadsontai) к тому или иному благу, причем больше других и к высшему из всех благ стремится то общение, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения. Это общение и называется государством или общением политическим» [1, С. 376]. В другом месте работы автор пишет: «(15) VII 1. Если конечной целью всех наук и искусств является благо, то высшее благо есть преимущественная цель

самой главной из всех наук и искусств, именно политики. Государственным благом является справедливость, т. е. то, что служит общей пользе» [1, С. 467].

Под государством Аристотель понимает не только форму управления обществом, но и само общество, людей: «государственное устройство (politeia) есть известная организация обитателей государства. Ввиду того что государство представляет собой нечто составное, подобное всякому целому, но состоящему из многих частей, ясно, что сначала следует определить, что такое гражданин (polites), ведь государство есть совокупность граждан [1, С. 444].

По мнению автора граждан к объединению: «... побуждает и сознание общей пользы, поскольку на долю каждого приходится участие в прекрасной жизни (dzen kalos); это по преимуществу и является целью как для объединенной совокупности людей... Люди объединяются и ради самой жизни, скрепляя государственное общение: ведь, пожалуй, и жизнь, взятая исключительно как таковая, содержит частицу прекрасного, исключая разве только те случаи, когда слишком преобладают тяготы [1, С. 455].

Анализируя различные формы организации государства как существующие, так и предлагаемые различными авторами в качестве моделей Аристотель обращает внимание на то, как эти формы обеспечат устойчивость полиса. Вот что он пишет о государственном устройстве Карфагена. «Хотя, таким образом, государственное [устройство Карфагена и является] олигархическим, карфагеняне, однако, удачно спасаются [от возмущений со стороны народа (выделено мной – В. Т.) тем, что дают ему возможность] разбогатеть, а именно они постоянно высылают определенную (20) часть народа в подвластные города. Этим они врачуют свой государственный строй и придают ему **стойкость** (выделено мной – В.Т.). Но здесь все – дело случая, между тем как” предупреждение волнений среди граждан вменяется в обязанность законодателя. При нынешнем же положении стоит случиться какой-нибудь беде, и масса подвластных перестанет повиноваться, а в законах не найдется средства для водворения спокойствия» [1, С. 440].

В этой цитате речь идет непосредственно о «стойкости», т. е. устойчивости отношений в социуме. Эта стойкость обеспечивается целым рядом различных факторов, но главное по мнению Аристотеля заключается в том, что сам народ поддерживает существующие порядки.

«Доказательством слаженности государственного устройства служит уже то, что сам народ добровольно поддерживает существующие порядки и что там не бывало ни заслуживающих упоминания смут, ни тирании» [1, С. 437].

На странице 542 автор прямо пишет об устойчивости. «Ведь устойчивым государственным строем бывает единственно такой, при котором осуществляется равенство в соответствии с достоинством и при котором каждый пользуется тем, что ему принадлежит» [1, С. 542].

То, что проблема устойчивости присутствует в рассуждениях Аристотеля, подтверждают следующие слова. «Ввиду того что мы предполагаем рас-

смотреть источники возмущений и государственных переворотов, нам необходимо прежде всего исследовать вопрос об их первопричинах вообще. Таких первопричин можно назвать три... Во-первых, нужно знать настроение людей, поднимающих мятеж; во-вторых, ради чего; в-третьих, с чего, собственно, начинаются политические смуты и междоусобные распри»

Основой устойчивости являются: «дружелюбные отношения – величайшее благо для государств (ведь при наличии этих отношений менее всего возможны раздоры» [1, С. 408].

Аристотель не согласен с Платоном по поводу отмены частной собственности и с тезисом что «У друзей все общее». Рассуждая об этом, он приходит к выводу, что «лучше, чтобы собственность была частной, а пользование ею – общим. Подготовить же к этому граждан – дело законодателя. Помимо всего прочего трудно выразить словами, сколько наслаждения в сознании того, что нечто принадлежит тебе, ведь свойственное каждому чувство любви к самому себе не случайно, по внедрено в нас самой природой. Правда, эгоизм справедливо порицается, но он заключается не в любви к самому себе, а в большей, чем должно, степени этой любви; то же приложимо и к корыстолюбию; тому и другому чувству подвержены, так сказать, все люди. С другой стороны, как приятно оказывать услуги и помощь друзьям, знакомым или товарищам! Это возможно, однако, лишь при условии существования частной собственности» [1, С. 410–411].

Аристотель обращает внимание на то, что в обеспечении устойчивости полиса нет мелочей: «И ранее было сказано по поводу всех вообще видов государственного устройства, что и мелкие изменения ведут к переворотам; стоит только пренебречь чем бы то ни было в деле государственного управления, как после этого начинает легко сдвигаться со своего места и нечто более существенное и что легче дается в руки, и так до тех пор, пока весь государственный порядок не придет в расстройство» [1, С. 543].

Обеспечение устойчивости полиса по мнению Аристотеля связано с формой власти в нем. Так же, как и Платон он анализирует различные формы власти и приходит к выводу, что они все имеют недостатки. Но из имеющихся форм он выделяет, ту, которая в меньшей степени опасна для порождения смуты и наиболее эффективна. «А то положение, что предпочтительнее, чтобы верховная власть находилась в руках большинства, нежели меньшинства, хотя бы состоящего из наилучших, может считаться, по-видимому, удовлетворительным решением вопроса и заключает в себе некое оправдание, а пожалуй, даже и истину. Ведь может оказаться, что большинство, из которого каждый сам по себе и не является дельным, объединившись, окажется лучше тех, не порознь, но в своей совокупности, подобно тому, как обеды в складчину бывают лучше обедов, устроенных на средства одного человека» [1, С. 463–464].

Анализируя взгляды Платона на наилучшее устройство государства, Аристотель не соглашается с ним по поводу того, что единство есть залог устойчивости. «Я имею в виду – пишет Аристотель – мысль Сократа: лучше всего для всякого

государства, чтобы оно по мере возможности представляло собой единство; эту именно предпосылку Сократ ставит в основу своего положения» [1, С. 404].

Возражая Платону, Аристотель пишет: «4. Ясно, что государство при постоянно усиливающемся единстве перестанет быть государством. Ведь по своей природе государство представляется неким множеством. Если же оно стремится к единству, то в таком случае из государства образуется семья, а из семьи – отдельный человек: семья, как всякий согласится, отличается большим единством, нежели государство, а один человек – нежели семья. Таким образом, если бы кто-нибудь и оказался в состоянии осуществить это, то все же этого не следовало бы делать, так как он тогда уничтожил бы государство» [1, С. 404].

Рассуждая на тему единства Аристотель обращает внимание на то, что: во-первых, «в состав государства не только входят отдельные многочисленные люди, но они еще и различаются между собой по своим качествам (eidei), ведь элементы, образующие государство, не могут быть одинаковы» [1, С. 404], а во-вторых, поскольку все люди разные, связь между ними должна быть сложной, а не простой в виде едино подобия Платона. Именно эту связь и должно обеспечить государство. «Можно и другим способом доказать, что стремление сделать государство чрезмерно единым не является, чем-то лучшим... и меньшая степень единства предпочтительнее, чем большая» [1, С. 405].

Развивая эту тему, Аристотель указывает на то, что стремление к единству в организации общества приводит к противоположному результату: «...государство не может быть по своей природе до такой степени единым, как того требуют некоторые; и то, что для государств выставляется как высшее благо, ведет к их уничтожению, хотя благо, присущее каждой вещи, служит к ее сохранению» [1, С. 405].

Проблема оптимизации государственного устройства с целью обеспечения его устойчивости к внутренним и внешним возмущениям рассматривается Аристотелем с самых разных сторон. В данной статье затронуты лишь некоторые аспекты этой проблемы, которые нашли отражение в рассуждениях философа.

Источники:

1. Аристотель. Политика. Соч. в 4 т., Т.4. М.: Мысль, 1983.

V. V. Tuzov (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

THE PROBLEM OF STABILITY OF THE SOCIAL SYSTEM IN ARISTOTLE'S "POLITICS"

The problem of stability of the social system in Aristotle's work "Politics" is considered. The main points of Aristotle's analysis of the structure of the state are reflected, thanks to the optimization of which it is possible to avoid unrest and strife in society.

Sustainability, state, resilience, unity, diversity, goodness, justice

УДК 94(470.23-25):355.48(470.23-25)+908(470.23-25)

Е. В. Умова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: evum@mail.ru)

ПАМЯТНИКИ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА (ЛЕНИНГРАДА) КАК ВАЖНАЯ ЧАСТЬ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ: ПОСЛЕВОЕННЫЙ ОПЫТ

Статья является продолжением исследования о возможности использования памятников военной истории Санкт-Петербурга как значительной составляющей патриотического воспитания молодёжи и военно-патриотического туризма. В ней рассматриваются основные типы городских памятников, созданных в период после Великой Отечественной войны, которые могут быть использованы при проведении экскурсий, лекционных и практических занятий по истории советского периода.

Туризм, краеведение, война, блокада, патриотизм, военно-исторический памятник

Великая Отечественная война значительно изменила отношение молодого советского государства к монументальному искусству как мощному средству для формирования нового общества и «нового человека». Ленинский план «монументальной пропаганды» с его идеей установки «идеологически верных» памятников сменился стремлением увековечить подвиг советского народа в страшной войне, что привело к появлению самых разнообразных мемориалов и памятников. Со временем они превратились в инструмент т.н. исторической политики, в рамках которой стали неотъемлемой частью гражданско-патриотического воспитания молодежи, своеобразной связующей нитью между различными поколениями.

История мемориализации блокады началась уже в первые послевоенные месяцы. В дни празднования победы над нацистской Германией в Ленинграде неожиданно была возобновлена традиция возведения триумфальных ворот, заложенная ещё Петром I. Фактически за сутки архитекторы создали эскизы трёх триумфальных арок для прохождения армейских частей, участвовавших в параде на Дворцовой площади. Все работы должны были произвести всего за одну неделю, поэтому использовали фанеру, гипс и другие недолговечные материалы, надеясь со временем создать постоянные монументы [1, С. 149]. 8 июля 1945 г. колонны участников парада прошли через триумфальные арки на Московском (тогда Международном) проспекте (арх. А. Гегелло), на пр. Обуховской обороны (арх. Д. Гольдгор, И. Фомин) и в Автово (арх. В. Каменский). Примечательно, что последняя военная колонна прошла и через исторические Нарвские ворота (1834 г.), что стало своеобразной данью памяти русским солдатам, победившим

Наполеона. В 1948 г. обветшавшие арки разобрали, но постоянные так и не возвели, и только 9 мая 2015 г. состоялось открытие гранитной Арки Победы в Красном Селе (арх. В. Попов, скульпт. Б. Петров).

В последней четверти XX в. возобновили традицию екатерининского времени устанавливать колонны и обелиски в память о военных победах. 9 мая 1975 г. на площади Победы, на месте одной из временных триумфальных арок, был открыт Монумент Героическим защитникам Ленинграда. Его появление стало итогом длительного периода, включавшего несколько конкурсов, сотни проектов, обсуждения в прессе, выставки, публичные дискуссии [2, С. 61]. Композиционной доминантой мемориального комплекса его авторы, архитекторы В. Каменский и С. Сперанский, сделали 48-метровый гранитный обелиск, развернутый в сторону переднего края обороны. За ним под разорванным 40-метровым бетонным кольцом расположены Вечный огонь и самая трагическая скульптурная композиция комплекса – «Блокада» (скульпт. М. Аникушин). Вся композиция Монумента должна была передать современникам и потомкам как торжество победы над врагом, так и глубочайшую скорбь жителей города о жертвах войны. Мемориал, дополненный в 1978 г. Памятным залом с документально-художественной экспозицией, стал не только местом проведения массовых мероприятий и церемоний, но и неизменной частью военно-патриотических экскурсий.

8 мая 1985 г. Ленинград, одним из первых удостоенный почетного звания «города-героя», получил наконец соответствующий этому событию памятник. Перед Московским вокзалом, с которого в первые месяцы войны шла эвакуация жителей, состоялось торжественное открытие 36-метрового обелиска (арх. В. Лукьянов, А. Алымов), для которого была выбрана пятиугольная форма, имеющая в сечении «звезду» и напоминающая издали своими гранями военный штык. Гранитный монолит, второй по величине после Александровской колонны, увенчан увеличенной копией «Золотой Звезды» Героя и украшен горельефами, изображающими этапы обороны города (скульпт. А. Чаркин, В. Свешников и другие). С 2013 г. от обелиска на пл. Восстания к колонне на Дворцовой площади проходит торжественное шествие «Бессмертного полка», олицетворяющего связь поколений.

Продолжена была в послевоенном Ленинграде традиция возведения памятников на месте братских захоронений, но послевоенные мемориальные комплексы, отличаются своей масштабностью и трагичностью, ведь большинство жертв блокады – мирные жители. Ряд исследователей зафиксировали смену тенденций в используемой символике и внешнем виде таких мемориалов. Если сразу после войны ставились простые стены с именами погибших, то позже появились образы солдат с опущенным автоматом, а в 1960-е гг. один за другим стали открываться большие мемориальные комплексы, дополненные в 1990-е гг. новыми элементами [3, С. 243]. Появление большинства мемориалов на кладбищах города – Пискаревском, Богословском, Серафимовском и других, пришлось как раз на период «оттепели». Прежде всего, это коснулось

главного «места блокадной скорби» – Пискаревского кладбища, где в годы войны были погребены более полумиллиона жителей и защитников города. К 9 мая 1960 г. на территории 26 га по проекту архитекторов Е. Левинсона и А. Васильева был создан мемориальный комплекс террасного типа, где на разных уровнях расположились объекты, объединенные единым стремлением – рассказать посетителям об ужасах блокады и её жертвах. От павильонов с небольшим музейным залом и Вечного огня вдоль рядов безымянных могил пролегла аллея к главному монументу мемориала – 6-метровой скульптуре «Родина-Мать» (скульпт. В. Исаева и Р. Таурит). Важную смысловую роль играют поэтические тексты, созданные О. Берггольц и М. Дудиным, а музыкальное сопровождение вызывает сильный эмоциональный отклик. Некрополь, со дня своего открытия являющийся местом проведения памятных мероприятий, в XXI в. пополнился новыми объектами, напоминающими, что тема войны по-прежнему актуальна в нашем обществе. Здесь появились памятник учащимся ремесленных училищ Ленинграда (1996 г.), аллея Памяти из мемориальных плит, установленных представителями разных стран, регионов и городов России в память о погибших земляках, защищавших город-герой (2002 г.) и памятная плита «Блокадная парта» (2004 г.), установленная как дань памяти школьникам и учителям, не пережившим блокаду.

Великая Отечественная война актуализировала в российском ландшафтном проектировании парки не только торжественного и траурного содержания, но и привела к появлению полифункциональных парковых комплексов [4, С. 255]. Один из них – Московский парк Победы, заложенный 7 октября 1945 г., удачно совместил мемориальную зону и зону отдыха и развлечений. На Аллее Героев, главном мемориальном объекте, размещены бюсты ленинградцев, награжденных высшей государственной наградой, и памятники героям войны. В народе же парк стали называть «второй Пискаревкой», поскольку в южной его части был захоронен прах жителей и защитников города, кремированных в печах кирпичного завода, существовавшего здесь в годы блокады. Этот трагический факт не освещался широко в послевоенное время, но в годы «перестройки» с ростом интереса к истории возникла общественная инициатива, целью которой стало создание в парке новой мемориальной зоны. На рубеже веков на месте основных погребений пепла был сооружен Павильон Памяти (арх. Е. Шаповалова), установлен памятный знак «Вагонетка», для создания которого использовали части подлинного устройства, а в 2004 г. открыта мемориальная Аллея Памяти. Вспомнили и существовавшей в дореволюционной России традиции возводить в честь военных побед или в память о погибших мемориальные храмы. В 2010 г. в парке была освящена часовня в честь «Всех святых в земле Российской просиявших» (арх. Е. Пунько). Первой же каменной церковью, возведенной после долгих лет богоборчества, стал храм Св. Георгия Победоносца (1995 г.) на территории нового Пулковского парка, в основание которого была заложена земля с блокадных кладбищ и мест сражений. Он стал местом молитв о тех, чье место захоронения неизвестно.

Самым распространённым после Великой Отечественной войны вариантом памятника стала боевая техника. Именно она превратилась в важный элемент социальной памяти общества, через который можно транслировать отдельные культурные традиции, обряды и даже послания новым поколениям. Несомненно, наибольшей психологической привлекательностью в этом смысле обладают танки, ставшие памятником-символом, чей силуэт знаком всем, независимо от возраста [5, С. 98]. Являясь главной ударной силой сухопутных войск, танки заняли достойное место на пьедесталах мемориалов. Один из них, КВ-85, появился в Автово одновременно с упомянутыми выше обелисками благодаря своему создателю, инженеру-конструктору Ж. Котину. Танк, установленный на облицованный мрамором пьедестал, один из двух сохранившихся экземпляров данной модели, вошёл в комплекс мемориальных сооружений «Зелёный пояс Славы». Два танка Т-34, самого узнаваемого символа Второй мировой войны, украсили собой мемориал Пулковский рубеж (арх. Я. Лукин), ставший частью этого комплекса в 1967 г.

Ещё одним военным «памятником-подлинником» стали многочисленные ДОТы, сосредоточенные ближе к южной границе города. Несмотря на то, что они не принимали активного участия в боевых действиях, само создание за несколько месяцев 1943 г. оборонительного рубежа «Ижора», включавшего 116 железобетонных танковых, артиллерийских и пулемётных сооружений, – пример гражданского подвига почти 2000 стройармейцев, большинство из которых девушки. Часть сохранившихся ДОТов еще в советское время вошли в мемориальные комплексы (Автово, пл. Победы), другие стали привычной частью улиц и дворов, но в наше время интерес в этих фортификационных сооружениях значительно вырос. В 2015 г. активистами, жителями Фрунзенского района, внутри находящегося здесь ДОТа была создана музейная экспозиция с подлинными предметами вооружения, быта и личными вещами бойцов, нёсших здесь службу.

Наравне с мемориальными сооружениями и комплексами знаками намеренного увековечения памяти об исторических событиях являются мемориальные доски, самая массовая на сегодняшний день форма монументального искусства в городе. Благодаря их историко-мемориальной функции происходит своеобразное «очеловечивание» истории, дается возможность зримее вообразить ту или иную эпоху. Самым ярким примером этого является аутентичная надпись, нанесенная прямо на стену дома № 14 по Невскому проспекту – «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна». Имея первоначально коммуникативную функцию со временем она приобрела значение мемориала и стала одним из символов непобедимости Ленинграда. Не менее эмоциональны памятные доски на доме, где жила семья Тани Савичевой и на блокадной тяговой подстанции на Фонтанке или памятные таблички на одном из гранитных постаментов Аничкова моста и на западном фасаде Исаакиевского собора, размещенные рядом со следами от снарядов.

Сохранение исторической памяти о войне с помощью памятников воинской славы необходимо не только для воспитания патриотизма и гражданственности в молодом поколении, но и должно быть использовано для укрепления духовного потенциала всего российского общества. Ведь еще в XIX в. архитектор О. Монферран объяснил свой выбор идеи мемориального памятника: «Памятники – это всегда открытая страница, где народ может черпать знания о прошедших событиях, проникаться справедливой гордостью при виде замечательных примеров, которые ему завещаны славными предками... Граждане будут больше любить города, обогащенные памятниками, которые им будут напоминать о славе Отчизны» [6, С. 108].

Источники:

1. Раскин А. Г. Триумфальные арки Ленинграда / ред. М. Д. Аронова. Л., 1985.
2. Басс В. Г. Модернистский монумент для классического города. // ж. «Неприкосновенный запас». М., 6/2019.
3. Конрадова Н., Рылеева А. Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 241–261.
4. Коляда Е. М. Мемориально-ландшафтный комплекс как объект истории и художественной культуры // Вестник ЧГПУ. 2011. № 3. С. 251–260.255.
5. Калита С. П. Функционирование военно-исторических памятников в современном пространстве и их воздействие на социум (культурологический аспект). / С. П. Калита // Аналитика культурологии. 2015. № 1 (31). С. 96–102.
6. Чеканова О. А., Ротач А. Л. Огюст Монферран. Л., 1990.

E. V. Umova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

**MEMORIALS OF MILITARY HISTORY OF ST. PETERSBURG
AS A BASIS FOR PATRIOTIC EDUCATION:
A HISTORICAL EXCURSUS**

This article deals with the capability of using the monuments of military history of St. Petersburg as a significant component of patriotic education and military-patriotic tourism. It presents information about the main sculptural and architectural memorials of the city, which can be used in excursions, lectures and practical classes on national history.

Tourism, local history, patriotism, war, sculpture, arcs of triumph, column

УДК 316.356.2

В. В. Фасахудинов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: fas.vlad.spb@ya.ru)

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ КАЗАЧЬЕЙ СЕМЬИ

В статье описывается казачья семья как социальный и культурный институт государства, раскрывается понятие современной казачьей семьи, описывается классификация функций семьи. Показана важность рассмотрения семьи как социального института и одновременно как малой социальной группы. Автор утверждает, что существует динамика развития казачьих семей, которая может послужить основой для воспитания гражданской ответственности и патриотизма у молодого поколения.

Развитие, казачья семья, классификация функций семьи, казачья семья как социальный институт, казачья семья как малая группа

Издrevле казаками уделялось большое внимание семье и семейным ценностям. Несмотря на то, что в основном глава семьи – отец находился в военных походах и на поле битвы, семья не оставалась на волю судьбы.

Во время отсутствия мужчины обязанность правления семьей брала на себя хозяйка дома – мать. Она в свою очередь занималась воспитанием и обучением детей ремеслам, которым обычно полагалось учить мужчине – отцу. Помимо этого, она выполняла и свои обязанности – ухаживала за домом, заботилась о детях, кормила их, а также в процессе их воспитания прививала им все лучшие качества казаков. Наряду с этим за семьей присматривали и другие мужчины из казачьего общества.

В древние времена казаки обеспечивали свою семью жалованием от военной службы, теперь же это изменилось. Источником дохода для современных казаков может любое другое занятие или работа.

В настоящее время духовный уровень значительной части молодежи находится в запущенном состоянии, прослеживается рост негативных проявлений и преступлений, вызванных, прежде всего, отсутствием духовно-нравственного и патриотического воспитания в семье. Проблема нравственного воспитания проявляется в аморальных поступках, пьянстве и алкоголизме, нецензурных выражениях, несоблюдении нравственно-правовых норм, установленных в обществе. Понятия крепкой семьи, морали, нравственности, порой, молодым людям кажутся пережитком прошлого. Важной государственной задачей стоит возрождение социально-культурного института семьи [1, С. 51].

Актуальность исследования состоит в том, что в настоящий момент в Российской Федерации, несмотря на столь острые демографические проблемы, не всегда уделяется должное внимание тому уникальному историческому опыту,

который может дать анализ казачьей семьи. Это дополняется и трансформацией ценностей молодежи, в которых семейные ценности отходят на второй план.

Исследование казачьей семьи одновременно как социального института и как малой группы.

Семья как социальный институт реализует такие основные функции, как репродуктивная (воспроизводственная, рождение детей); ведения домашнего хозяйства и быта; заботы о здоровье (рекреационная); социально-статусная (подготовка и обучение детей).

Как малая группа семья реализует целый ряд иных функций, которые обусловлены социальными особенностями межличностного взаимодействия, отношений и общения. К таким функциям традиционно относят: навыки защиты семьи от внешних повреждающих факторов, обеспечение выживания, передачу и сохранение молодыми поколениями ценностей и традиций социума, эмоциональное и психологически комфортное ощущение поддержки, личностный и индивидуальный рост каждого члена семьи, заботу членов семьи друг о друге, реализацию потребности в организации досуга семьи, взаимопомощь в процессе трудовой деятельности и понимание важности разделения труда, приобретение коммуникативного опыта и опыта неформального общения, удовлетворение потребности реализации в детях, навык социального контроля, приобретение опыта бюджетирования семейных потребностей, снятие стрессов и заботу о здоровье близких людей [2, С. 183].

Степень единства и противоречий социального и социально-психологического уровней взаимодействия проявляется многопланово, и это может охарактеризовать семейные отношения как сложный объект социологического исследования, а результат этого взаимодействия выражается в целом ряде социальных явлений и процессов – в различных фазах жизненного цикла семьи (М. С. Мацковский), в образе жизни ее участников (А. П. Буденко), в особенностях формирования бюджета семьи (А. Д. Гребенкин), в устойчивости и стабильности семьи (С. И. Голод), в удовлетворенности/неудовлетворенности браком (Ю. Е. Алешина) и т. д. [3, С. 178–185], [4, С. 5–9].

Современные казаки хоть и утратили некоторые свои традиции в силу прогресса, но все же они сохранили свои главные семейные ценности.

Семья – это, основанная на браке или кровном родстве малая социальная группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной помощью и ответственностью. Типы семейных структур разнообразны и образуются в зависимости от характера супружества, родства, родительства [5, С. 7].

Казачья семья даёт нам пример патриархальной семьи, основанной на авторитете отца. Структура такой семьи представляет особую совокупность внутрисемейных взаимоотношений. В русской казачьей традиции на протяжении многих веков сложился образ отца, как человека, воплощавшего в себе закон, долг и честь, которому дано право определять жизнь детей и принимать решения, наказывать и миловать. Обычно отец, не вмешиваясь в мелкие домашние заботы и хлопоты, всегда выступал на первый план в ответственные моменты

жизни своих детей. Только отец мог разрешить или не разрешить женатому сыну отделиться от семьи и начать самостоятельное хозяйствование. Он обучал сыновей тем навыкам и азам воинской службы, которую должен знать и уметь мужчина-казак – воин, глава семьи, хозяин, кроме того, отец должен был привить им «мужское поведение». Обучение часто происходило по принципу «делай как я». Наблюдая за отцом, мальчик строил по его примеру свои отношения со взрослыми людьми, станичниками, стариками, женщинами и мужчинами, врагами, учился отвечать на обиду и за свои поступки, вести себя так, как положено в той или иной ситуации мужчине [1, С. 51].

Сегодня воспитательный потенциал казачьей семьи и станичных традиций, по мнению специалистов, раскрывается также, начиная с 3-5 летнего возраста. Статус отца в казачьей семье был довольно высок и корнями уходит в древний уклад казачьих сообществ, когда их глава избирался, но затем был непререкаемым авторитетом. Это было обусловлено прежде всего тем, что на нем лежала ответственность за принятие важных решений, обеспечение жизнедеятельности сообщества (а у отца – семьи).

Некоторые особенности института казачьей семьи исследованы С. Н. Кононовой, Е. М. Костюченковой, Н. А. Бодневой. Они отмечают патриархальность внутрисемейных отношений в казачьих семьях до XX в. Семьи были крепки взаимным уважением и держались на беспрекословном авторитете главы семейства. Ряд других авторов также пишут об изменениях в характере внутрисемейных отношений на рубеже XIX–XX вв., ими признаётся, что и в этой сфере наблюдались процессы разложения старых патриархальных традиций. Среди базовых архетипов субэтноса казаков, основанных на активной жизненной установке, исследователи выделяют именно семью и патриархальность. В иерархии ценностей казачества они занимают важное место при формировании картины мира [6, С. 22–23].

Воспитание молодежи в казачьих традициях опирается на приоритет личного долга казака в защите Отечества, уважении к главе семьи/рода/государства. Семья выступает носителем этих традиций и способствует формированию основ гражданской позиции будущего защитника Отечества, сохраняя основной набор представлений, ценностей, фольклора, обычаев и навыков разноплановых видов деятельности, передаваемых от старшего поколения к младшим.

Современная казачья семья также, как и традиционная основана на казачьих традициях, патриархальности, взаимном уважении, вероисповедании и патриотизме, но есть отличительные факторы. В традиционной семье муж – это глава семьи, добытчик, а жена – хозяйка в доме. Современная казачья семья имеет демократический и партнерский уклон, которые в свою очередь повлияли на **возникновение проблем в семье:**

- увеличенное количество разводов;
- низкая репродуктивная способность;

- производственный, научно-технический и социальный прогресс привели к появлению разногласий между профессиональными и традиционными семейными мужскими и женскими ролями;

- традиционные брачные союзы потеряли свой авторитет для молодёжи;
- возможность экономической самостоятельности женщин снимает зависимость женщины от кормильца мужчины;
- демократизация, дающие одинаковые права людям любого пола и возраста. Таким образом, женщина может сама решить вопрос необходимости супружеских обязанностей по отношению к мужчине.

По наблюдениям специалистов, государство функционирует эффективно только тогда, когда граждане позитивно воспринимают власть и оказывают ей психологическое содействие, идентифицируют себя с этой властью. Принято считать, что совокупность положительных образов власть предержащих формируется в детстве под влиянием особенностей властных отношений, складывающихся, прежде всего, в семье [7, С. 159].

Формирование личности начинается в семье. Из этого можно сделать вывод: судьба государства, как одной большой социальной группы, напрямую зависит от института семьи. Чтобы наглядно продемонстрировать состояние, в котором находится семья сегодня, нужно обратиться к данным Росстата: число браков, заключенных в 2023 году в России (январь-октябрь), составило «800367», в то время как количество разводов за этот же период составило «566777». Таким образом, около 70% российских браков распадаются. Эта ситуация отражается и на современных казачьих семьях [8].

В настоящее время важная проблема состоит в ослаблении влияния семьи на воспитание молодого поколения и все возрастающее влияние средств массовой информации, несущее во многом неадекватное содержание.

Возможность влияния казачьих семейных ценностей на современную семью, пути преодоления проблем с помощью казачества.

Сравнив жизнь и уклад традиционной казачьей семьи с современной казачьей семьёй, можно прийти к следующим выводам. Во-первых, казачество является сильным механизмом потому, что каждый казак, начиная с самого детства, имеет правильные представления о семье, что делает институт семьи сильнее и весомее. Во-вторых, казаки живут в государстве, а значит должны являться примером и образцом в семейной жизни для остальных граждан.

Шаги, которые необходимо предпринять для того, чтобы дух казачьей семьи проник в современное общество:

- Создать наиболее приемлемые совместные условия и формы общения населения с казачеством (праздники, акции, собрания, конференции);
- Активное сотрудничество казаков с органами социальной защиты населения и социальными отделами епархий, оказание помощи неблагополучным семьям;
- Помощь казачества в патриотическом воспитании молодежи, направленном, в том числе и на укрепление института семьи.

Казачество, имея глубокие корни и традиции, имеет возможность помочь молодым людям создать настоящую крепкую семью. Это также касается семей, где один из супругов казак / казачка, а второй нет. Следствием этого может не происходить полного соблюдения традиций казачьей семьи.

Важной государственной задачей сегодня стоит воспитание гражданской ответственности и патриотизма, но редко кто связывает их воедино с феноменом семьи и её трансформацией, нравственности и морали, заложенных именно в ней. Новые приоритеты в изменении государственной политики в отношении социального института семьи должны опираться, в том числе, и на позитивный опыт казачьих традиций. Уважение к семье, вероисповедание, ответственность за близких, патриотизм являются теми ценностями в среде казачества, которые государство должно культивировать и во всем обществе.

Источники:

1. Ариаднова, Л. А. Социально-функциональное и региональное в морали казачества Текст. / Л. А. Ариаднова. Ставрополь, 1993. С. 51.
1. Дармодехин С. В. О положении семей в Российской Федерации, 1994–1996 гг. М.: НИИ семьи, 1998.
3. Булгакова С. А. Кризис семьи и традиционных устоев в современном обществе // Инновационная наука. 2016. № 5–1 (17). С. 178–185.
4. Черняк Е. М. Трансформация семьи в XXI веке // Семья в России. 2008. № 4. С. 5-9.
5. Попов В. Г. О развитии семьи в современных условиях // Семья на рубеже веков. Пермь, 5–6 дек. 2000 г. Пермь, 2000. С. 7.
6. Кононова С. Н. Воспитание подростков на традициях казачества // Материалы десятых социально-педагогических чтений РГСУ. Ч.2. 27 марта 2007 г. М., 2007. С.22–23.
7. Свадьбина Т. В. Семья и российское общество в поиске обновления. Н. Новгород: Нижегород. гос. пед. ун-т, 2000.
8. Статистика браков и разводов в России за 2023 год URL: <https://gogov.ru/articles/natural-increase/marriage-divorce> (дата обращения 12.01.2024).

V. V. Fasakhudinov (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF THE MODERN COSSACK FAMILY

The article describes the Cossack family as a social and cultural institution of the state, reveals the concept of a modern Cossack family, and describes the classification of family functions. The importance of considering the family as a social institution and

at the same time as a small social group is shown. The author argues that there is a dynamic in the development of Cossack families, which can serve as the basis for instilling civic responsibility and patriotism in the younger generation.

Development, Cossack family, classification of family functions, Cossack family as a social institution, Cossack family as a small group

УДК 327.5; 327.8

Р. В. Федоров (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: eltech@ro.ru)

ДОКТРИНА МИРОВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье представлены результаты исследования парадигмы нового мирового порядка. В тексте рассматривается исторический, международный и политический контекст идеологии глобализма через призму усилий США по достижению глобальной гегемонии. Подчеркиваются исторические предпосылки формирования и развития этой идеологии. В нем обсуждается доктрина мирового правительства как ключевой элемент американского проекта будущего мирового порядка.

Мировое правительство, глобализация, миропорядок

Глобализация – это процесс усиления взаимозависимости и взаимодействия между различными странами и регионами мира. Согласно этой концепции, глобализация возникает в результате необходимости обмена знаниями, культурой, технологиями и ресурсами, чтобы каждая страна или регион могли полностью раскрыть свой потенциал. Концепция глобализации в середине 20 века в силу геополитических, экономических и социально-политических перемен трансформировалась в парадигму «нового мирового порядка».

Концепция глобализации многогранна и включает в себя набор доктрин, направленных на создание «мирового государства». Поэтому вопрос о мировом правительстве или ином институте глобального управления приобретает сегодня особое значение. Это тем более актуально, что транснациональные элиты уже открыто призывают к созданию новой глобальной платформы, которая заменит систему ООН. Аргументы в пользу создания мирового правительства были представлены как в академических, так и в политических кругах США. Предполагалось, что мировое правительство могло бы: способствовать свободной торговле, инвестициям и экономическому сотрудничеству между странами, что привело бы к увеличению экономического роста и процветания; создать единую систему безопасности и разрешения конфликтов, которая помогла бы предотвращать войны между странами; устанавливать и обеспечивать соблюдение международных стандартов в области прав человека, защищая права людей во всех странах. Идейным основанием для осуществления этих задач была идеология неолиберализма, которая обосновывала безальтернативность модели глобализации, осуществляемой Западными странами под руководством США.

В Конгресс США были внесены на рассмотрение целый ряд резолюций, в которых предлагались различные версии изменения Устава ООН. Диапазон предложений варьировал от варианта, предлагающего учреждение наднациональной управленческой структуры в мировом масштабе до менее глобальных предложений, таких как создание Атлантического союза или изменения правил голосования в Совете Безопасности. 1950 году в Сенате США комитетом по иностранным делам состоялись слушания по концепции мирового правительства. В частности, рассматривались вопросы структуры и компетенций такого правительства, его соотношения с национальными государствами, процедуры принятия решений и осуществления контроля за исполнением мировых норм и законов. Рассматривались следующие резолюции: S. Con. Res. (Senate Concurrent Resolution) 52, S. Con. Res. 56, S. Con. Res. 133, S. Con. Res. 57, S. Con. Res. 66, S. Con. Res. 12, S. Con. Res. 72 [1, С. 2].

Наиболее радикальные изменения предлагались в Con. Res. 133.

В данной резолюции фундаментальной целью существования Североатлантического договора (НАТО) должно быть стремление к пересмотру Устава ООН, с тем чтобы устранить право вето в вопросах агрессии. Для этого предлагалось создать эффективные, но защищенные «от тирании» международные полицейские силы. Руководство этими силами должен был осуществлять «роботоспособный» Совет Безопасности и Мировой суд. Ближайшей целью Североатлантического договора должна стать задача создания чрезвычайных сил обороны, которые будут называться Атлантическим международным контингентом [1, С. 171]. По факту предлагалось преобразование ООН в мировое правительство, так как при наложении вето на изменения Устава в Совете Безопасности будет создана организация обладающая подавляющей атомной и военной мощью (силы экстренной обороны). Следует отметить, что в самом уставе НАТО не предусматривалось создание международного контингента. При его создании пришлось бы изменять саму стратегическую концепцию НАТО. Предлагалось набирать в сухопутные, морские и воздушные силы добровольцев, которые являлись бы гражданами небольших суверенных стран, не обладающих собственными большими военными формированиями. Вместе с тем, командование Атлантическим контингентом должен был осуществлять специальный комитет по обороне НАТО [1, С. 172]. При этом снимались ограничения на его использование из-за конституционных или иных правовых норм государств, входящих в ООН, так как не требовалось в обязательном порядке задействовать национальные армии.

Характер обсуждений можно рассмотреть на примере S. Con. Res. 56. Сама резолюция начинается с призыва достижению всеобщего мира и справедливости. С этой целью предлагается изменить Устав Организации Объединенных Наций, чтобы обеспечить истинную конституцию мирового правительства. В дискуссиях по этой резолюции выступали представители полити-

ческой и экономической элиты США, которые заложили основу для последующего распространения идеологии, обосновывающую глобальное политическое лидерство Америки.

Джеймс Варбург был членом Совета по международным отношениям (CFR). Эта некоммерческая организация фактически представляет правящий истеблишмент США. Она формулирует концептуальные мировоззренческие установки при обсуждении международных проблем, так как является издателем журнала *Foreign Affairs*. Формально Варбург заявил, что выступает как частное лицо. В своем выступлении он подчеркнул, что «У нас будет мировое правительство, нравится нам это или нет. Вопрос только в том, будет ли мировое правительство достигнуто путем согласия или завоевания» [1, С. 494]. В случае принятия резолюции, конгресс обратиться к президенту с просьбой признать создание мирового правительства основной целью американской политики, «а цели американской политики имеют обыкновение быть чем-то большим, чем пожелания» [1, С. 504].

Алан Крэнстон на момент обсуждения резолюции Президент Всемирной организации федералистов, завершил политическую карьеру сенатором от штата Калифорния (занимал должность 1969 по 1993 год). Его точка зрения заключалась в том, что, если третья мировая война начнется, то она оставит после себя хаос, голод, нищету и деградацию при которой будет процветать коммунизм. Демократические страны должны доказать свое преимущество без скатывания в мировую катастрофу, иначе они продемонстрируют всему миру свое политическое банкротство. Для этого исполнительная власть в укрепленной ООН должна быть передана в переформатированный Совет Безопасности без права вето. Комиссией международного права ООН будет подготовлен международный уголовный кодекс и определен статус международного уголовного суда [1, С. 526]. Действовать надо сейчас, иначе действовать будут другие, способные заменить вакуум мировой власти тиранией. «Как в частной жизни, так и в международных делах одни лишь свидетельства доброй воли без наличия методов принуждения к их соблюдению иллюзорны» [1, С. 530].

Позиция Государственного департамента была представлена на слушаниях Джоном Хикерсоном, помощником государственного секретаря по делам ООН и Дином Раском, помощником государственного секретаря по вопросам политики. Прагматическая оценка департаментом реальной международной ситуации послужила причиной отказа в поддержке предложенных резолюций. Формально Государственный департамент поддержал S. Con. Res. 72 (она содержала общие пожелания и не требовала пересмотра Устава ООН). Выступления представителей Госдепартамента были 17 февраля после подписания 14 февраля советско-китайского договора «О дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи». Фактически это означало создание прокоммунистического союза, блокирующего стратегию США по формированию системы исключительно американского доминирования в мире.

Приводились следующие аргументы. Нет необходимости в новых резолюциях, так как «цели и принципы, записанные в Уставе Организации Объединенных Наций, являются, по сути, кратким изложением внешней политики американского народа» [1, С. 384]. Готов ли американский народ подчиняться законам, принятым не обязательно с их согласия? Вопрос финансирования мирового правительства. Так как США богаче всех, то и платить придется больше, а это дополнительное бремя, накладываемое на граждан страны [1, С. 428].

Сама концепция гегемонии не ставилась под сомнение. Причина отказа лежала не в мировоззренческих расхождениях с представленными резолюциями. Самая большая проблема для США в ООН – это позиция Советского Союза. «Мы не можем позволить себе подвергать опасности или терять то, что у нас есть, без какой-либо реальной уверенности в том, что вместо этого мы получим что-то лучшее. Предложения о мировом правительстве следует рассматривать именно в этом свете. На их сторонниках лежит бремя конкретного доказательства того, что то, что они предлагают, дает больше шансов на достижение наших целей...» [1, С. 429].

Смена семантической парадигмы, замена понятия «мировое правительство» на «глобальное управление», является всего лишь риторической уловкой, потому что «глобальное управление» – каким бы дублирующим, спорадическим и фрагментарным оно ни казалось – на самом деле является ключевым шагом и необходимым переходом на пути к настоящему мировому правительству. Иными словами, «глобальное управление» – это именно тот дипломатический и политический конгломерат, который отвечает за построение инфраструктуры мирового правительства. Это многоуровневая, межправительственная организация, состоящая из различных международных организаций, форумов и институтов, которые обычно не обладают формальными полномочиями, но обладают реальным влиянием на глобальные процессы.

Источники:

1. Evison of the united nations charter. Hearings before a subcommittee of the committee on foreign relations united states senate. Eighty-First Congress, second Session on RESOLUTIONS relative to the United Nations charter, Atlantic Union, World Federation, etc. February 2, 3, 6, 8, 9, 13, 15, 17, and 20, 1950, 1950. Printed for the use of the Committee on Foreign Relations. U.S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE, WASHINGTON.

R. V. Fedorov (Saint Petersburg Electrotechnical Universit «LETI»)

THE DOCTRINE OF WORLD GOVERNMENT IN THE CONTEXT OF THE CONCEPT OF GLOBALISATION

The article presents the results research on the paradigm of the new world order. It discusses the world government doctrine as a key element of the American

project for the future world order. The focus is on examining the historical prerequisites for its formation. This text examines the historical, international, and political context of the ideology of globalism through the lens of US efforts to achieve global hegemony. It emphasizes the historical prerequisites for the formation and development of this ideology.

World government, globalisation, world order

УДК 81'22:659.4

С. Д. Федоров (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: fedorovstepa5@gmail.com)

СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К КОММУНИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ И ПОСТРОЕНИЯ БРЕНДА

В данной статье автор разбирает, какую роль играет семиотика в брендинге и с помощью каких ее инструментов бренд функционирует в коммуникационном поле и в сознании потребителей. Рассматривается явление семиотики и воздействия этого явления на развитие и построение бренда.

Семиотика, брендинг, знак, визуальная коммуникация, смысл, интерпретация, информация, ассоциации

В рамках функционирования и развития бренда важно донести до клиента основную идею бренда, миссию и его позиционирование. Сильный бренд – это тот, который уже закрепился в голове клиента и имеет определенный, положительный образ, который не приводит клиента к рефлексии и анализу компании, ее продукции, положение на рынке и т. д. Сильный бренд – это про ассоциации и репутацию.

Если за основу брать идею того, что сильный бренд запоминается в голове клиента и воспринимается на подсознательном уровне, то важным фактором в данном случае при построении коммуникаций будет являться семиотика.

Стоит начать с того, что семиотика – это наука о знаках и знаковых системах, в основу которой входит анализ природы, свойств и функции знаков, классификация видов знаков, пути их развития. Семиотика проникает практически во все сферы нашей жизни благодаря предмету своего изучения – знаку

Впервые о семиотике серьезно заговорили благодаря усилиям Чарльза Пирса, американского ученого, философа и логика, который сформулировал общие принципы семиотики: понимание знака и знаковой деятельности, классификацию знаков. Пирс считал, что знаки используются в разных сферах жизни, включая эстетику. Впоследствии, его учения и взгляды стали анализироваться с разных точек зрения и в разных сферах, в том числе в отношении маркетинга [1, С. 166–187].

Семиотика выводит и формулирует общие положения и законы о знаках. И за каждым законом и положением скрываются отдельные знаковые проблемы. А далее создается семиотика искусства, семиотика кино и театра, семиотика городского пространства, семиотика литературы, семиотика рекламы [2, С. 6].

Семиотика в маркетинге – это наука о знаках и символах, которые используются для передачи информации о продукте или бренде. Она играет важную роль в развитии бренда, так как помогает создать уникальный образ и установить связь

с потребителями. В случае с развитием бренда, важно рассматривать семиотику в качестве одного из не менее важных факторов становления бренда.

Силу зашифрованного знака, некоего скрытого послания, и ее связь с семиотикой раскрывает основательница и директор компании Marketing Semiotics Inc Лора Освальд (Laura Oswald). Она заявляет, что «семиотические теории и методы могут быть использованы для выявления тенденций в массовой культуре, для понимания того, как формируется отношение потребителей к ней и их покупательское поведение. В эту сферу входят и сами бренды. С помощью семиотического подхода компании могут понять, как правильно действовать (внедряя маркетинговые и рекламные кампании), чтобы стать ближе к конечному пользователю, дать ему то, что он ищет» [3].

В качестве примера можно взять компанию «Apple», которая является показателем сильного бренда. Уже долгое время бренд ассоциируется со статусом, особым стилем жизни, богатством и т. д. В частности, такой эффект компания получила благодаря воздействию на подсознание потребителей: зашифрованное послание отправляется через рекламные сети и средства коммуникации, с помощью которого оно проходит через фильтр общественного сознания.

Один из основных принципов семиотики – это то, что каждый знак имеет свое значение. Например, логотип компании может быть не просто красивым изображением, но и символом качества продукта или услуги. Таким образом, правильное использование знаков и символов может помочь бренду выделиться на рынке и привлечь внимание потребителей.

Кроме того, семиотика позволяет создавать эффективные рекламные кампании. Знаки и символы могут быть использованы для передачи определенного сообщения или вызова определенных эмоций у потребителей. Например, использование ярких цветов или необычных форм может вызвать интерес к продукту или услуге.

Для таких случаев был придуман специальный термин – «семиотика брендинга». В основе этого понятия лежит идея, что бренды не просто представляют собой товары или услуги, они также являются системами символов, с помощью которых они передают людям необходимые для самого бренда значения и рождают в их головах правильные ассоциации. При внедрении семиотического подхода к коммуникации бренды отвечают на вопрос: какие символы использовать, чтобы создать определенные представления о себе и своих ценностях, и как эти представления влияют на потребителей в дальнейшем [4].

Семиотика брендинга показывает, как символы и знаки влияют на восприятие бренда и его позиционирование. Семиотика брендинга, как и сам семиотический подход, является важнейшим инструментом для маркетологов и дизайнеров, которые стремятся создать сильные бренды.

Связь в развитии бренда и семиотики исходит из самой позиции бренда, когда бренд предстает как репрезентант объективной реальности. Бренды на мировом рынке «выживают» и развиваются, находясь в бесконечной борьбе за превосходство. В современном подходе и взгляде на рекламу внимание

больше стало уделяться символической ценности, которая как раз-таки и формирует позитивные ассоциации. По Д. Огилви, имидж товаров и есть сборник символов, с помощью которых необходимо создать и закрепить в сознании потребителя положительный образ товара, услуги, фирмы [5, С. 1–50].

Учитывая, что в семантическом подходе к коммуникации большое внимание уделяется знакам, которые передают определенный смысл, а сам знак – это центральное понятие, то стоит уметь различать типы знаков и знаковых систем:

Естественные – обозначающие в основном материальные вещи и явления природы.

Функциональные – вещи и явления с прагматическим предназначением.

Иконические – устойчивые знаки-образы, внешний вид которых отражает облик обозначаемых ими вещей и явлений.

Конвенциональные – знаки, которые были созданы искусственно, несущие определенное в себе значение и передающие информацию.

Вербальные – языки как основа любого культурного народа.

Системы записи – письма, ноты и тому подобное [6].

Сам знак имеет свою модель, которую используют бренды. Так, знак делится на закононоситель, референт и интерпретанту. Закононоситель – это и есть сама форма знака, которую воспринимает человек. Референт – это объект, замещенный закононосителем, а интерпретанта – это уже то, что идет после референта: смысл, который человек придает знаку. Бренд «Вкусно – и точка», который появился после «Макдональдса» и фактически стал ребрендингом, имеет следующую модель:

Закононоситель – логотип.

Референт – две картофельные палочки с баночкой кетчупа.

Интерпретанта – ресторан быстрого питания.

Задача бренда в семиотическом подходе к коммуникации – сделать свой бренд знаком. Откусанное яблоко уже само по себе в головах людей рождает ассоциацию с компанией «Apple». Это показатель правильной работы семиотического подхода. Удачный брендинг в отношении семиотики – это когда целевая аудитория расшифровывает все значение так, как они и были задуманы, то есть извлекает правильный смысл из сообщения, благодаря чему бренд начинает соответствовать их личным представлениям.

Исследователь эффективного брендинга Я. Элвуд утверждал, что мы понимаем смысл изображений и текста благодаря анализу отношений между знаками, символами и тем, что они означают. Хорошо спроектированный бренд позволяет кратко определить суть товара на основе знаний, существующих в потребительской культуре. Лучший способ достичь поставленной цели – использовать существующие в сознании общества символические идеи и образы и позиционировать торговую марку относительно них. Формируя бренд, понимание теоретических и технологических основ семиотики позволяет оптимально использовать различные виды знаков, воздействующих на сознание потребителей.

Для продвижения бренда и закрепления его образа у потребителей используются рекламные инструменты, которые также имеют связь с семиотикой. Ролан Барт утверждал, что знаки визуального сообщения не берутся из общего знакового хранилища и не принадлежат определенному коду, что приводит к появлению сообщения без кода. По его мнению, вербальный текст выполняет функцию закрепления смысла, он ограничивает многозначность и семантическую вариативность визуального сообщения. Он считал, что текст направлен не на изображение в целом, а лишь на отдельные его знаки, и это является формой контроля над образом.

Семиолог Умберто Эко имел другую точку зрения. Он утверждал, что реклама всегда использует визуальные знаки с устоявшимся значением, вызывая привычные ассоциации, которые играют роль риторических предпосылок. Например, изображение молодой супружеской пары с ребенком отсылает к представлению о семейном счастье и может использоваться в аргументации рекламы. Такой визуальный знак, как надпись: «Осторожно, дети!», основывается на риторической предпосылке о том, что в больших городах с интенсивным уличным движением дети подвергаются опасности [7].

Иной пример: упаковка и товарный знак «Kinder Chocolate», на котором изображен улыбающийся и довольный мальчик лет 10 с белоснежными зубами, намекает на то, что шоколад состоит из молока, а молоко для детей полезно.

Более того, семиотика помогает бренду с позиционированием. Для этого семиотика выделяет полезные сигналы, свидетельствующие о том, как бренд взаимодействует с культурным ландшафтом. Существуют специальные инструменты, пользуясь которыми можно декодировать позиционирование бренда и усилить его:

Визуальные сигналы. Например, огонь – как символ страсти, сердце – как символ любви.

Лингвистические сигналы. Метафоричные слова и фразы. В качестве примеров можно взять хлопья для завтрака «Golden Nuggets», которые вызывают чувство приключения в поисках вознаграждения.

Слуховые сигналы. Это тональность голоса, акценты, диалекты, музыка и звуки, которые вносят свой вклад в сообщения, учитывающие особенности культуры.

Предполагаемая коммуникационная ситуация. Любая коммуникация содержит в себе предполагаемого выступающего / отправителя и предполагаемого получателя сообщения. Если не принимать во внимание мнение потребителей об этом, то может сложиться ложное впечатление о том, как потребители воспринимают бренд.

Построение текста. Анализ структуры текста, который позволяет сделать дополнительные выводы: достоверная ли эта информация или всего лишь красивая сказка?

Информационная структура. Представляется ли информация как новая или как та, которую надо считать изначально заданной; есть ли в ней элементы с разной степенью важности?

Визуальные акценты. При изучении взаимодействия и упорядоченности различных инструментов относительно друг друга составляется суждение об их взаимоотношениях, порядке и относительной важности.

Бинарные оппозиции и сопоставление пар. При оценивании бренда с точки зрения о относительно контрольные показатели, можно сделать дополнительные выводы. Например, продукт имеет «низкое содержание сахара».

Коммуникационные коды. Здесь основное внимание уделяется пониманию того, как могут быть использованы различные коммуникационные коды. Например, белый ассоциируется с чистотой, золото – с роскошью [8].

Семиотический подход выстраивается в брендинг, тем самым помогая не просто наладить связи с потенциальными клиентами и получателями информации, а создает модель понимания коллективного сознания и открывает возможности для выстраивания адекватного позиционирования.

Семиотика в маркетинге играет важную роль в создании уникального образа бренда и установлении связи с потребителями. Правильное использование знаков и символов может помочь бренду выделиться на рынке и привлечь внимание целевой аудитории.

Источники:

1. Басин Е. «Знак, изображение, искусство // Вопросы литературы, Москва, 1974. №24 (3).
2. Елина Е. Семиотика рекламы. М: ИТК «Дашков и К», 2005.
3. Роль семиотики для маркетинга. URL: <https://lpgenerator.ru/blog/2019/07/04/semiotika-v-marketinge-chto-eto-znachit-dlya-vashego-brenda/#rol-semiotiki-dlya-marketinga> (дата обращения: 08.01.2024).
4. Семиотика брендинга: искусство создания сильных символов // Научные Статьи.Ру – портал для студентов и аспирантов. URL: <https://nauchnies-tati.ru/spravka/semiotika-brendinga/#author> (дата обращения: 09.01.2024).
5. Огилви Д. Откровения рекламного агента. СПб.: Сирин. 2001.
6. Журавлёва А. Ю., Чистякова А. А. Семиотика. Типы знаков и их использование в рекламе // Студенческий научный форум 2016. Магнитогорск, 2016. URL: <https://www.scienceforum.ru/2016/1465/19729#/> (дата обращения: 08.01.2024)
7. Семиотические особенности различных сфер коммуникации. URL: https://studref.com/362166/marketing/semioticheskie_osobennosti_razlichnyh_sfer_kommunikatsii (дата обращения: 09.01.2024).
8. Семиотический подход к позиционированию бренда. URL: https://studbooks.net/1006154/marketing/semioticheskiy_podhod_pozitsionirovaniyu_brenda (дата обращения: 09.01.2024).

S. D. Fedorov (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

***A SEMIOTIC APPROACH TO COMMUNICATION IN THE CONTEXT OF
BRAND DEVELOPMENT AND BUILDING***

In this article, the author examines the role of semiotics in branding and with the help of which tools the brand functions in the communication field and in the minds of consumers. The phenomenon of semiotics and the impact of this phenomenon on the development and building of a brand are considered.

Semiotics, branding, sign, visual communication, meaning, interpretation, information, associations

УДК 355.451; 101.2

П. А. Хвойницкая (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: polinakhvoinitskaya@mail.ru)

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОММУНИКАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: ПОНИМАНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СООБЩЕНИЙ В ОНЛАЙН-КОНТЕКСТЕ

Герменевтический подход является методом изучения процессов понимания и толкования сообщений в онлайн среде. В современном обществе социальные сети играют значительную роль, влияя на индивидуальное и коллективное сознание. Они предоставляют пространство для обмена информацией, выражения мнений и формирования общественного мнения. Однако онлайн коммуникация приводит к определенным трудностям в понимании и толковании сообщений, связанных с отсутствием невербальных компонентов, удаленностью участников и множественностью авторства.

В данной статье рассматриваются различные аспекты герменевтического анализа коммуникации в социальных сетях, включая влияние социальных и культурных факторов, особенности языка и стиля общения, а также стратегии толкования сообщений. Особое внимание уделяется проблеме определения авторства и контекста сообщений, а также вопросам этики.

Герменевтика, коммуникации, текст, социальные сети

Герменевтический анализ коммуникации – это подход к исследованию коммуникаций, который основывается на герменевтике. Герменевтика в свою очередь изучает процесс интерпретации и понимания текстов [1, С. 10]. В процессе герменевтического анализа коммуникации специалисты по рекламе и связям с общественностью фокусируются на компонентах коммуникационного сообщения – текст, символы, контекст, культурные и социальные нормы.

С помощью герменевтического анализа коммуникаций можно понять, как смысл и значение передаются и могут быть интерпретированы в различных коммуникационных сообщениях.

Исследователи герменевтического анализа коммуникации утверждают, что каждый процесс коммуникации является результатом взаимодействия между отправителем и получателем, которые взаимодействуют на основе своих представлений, ожиданий и контекста. Герменевтический анализ коммуникации позволяет лучше понять и оценить процесс коммуникации и его влияние на общение и взаимодействие между отправителем и получателем.

Основная цель герменевтики в коммуникации – это достичь взаимного понимания и согласованности в коммуникационном процессе, а также уровня удовлетворенности и качества коммуникации между участниками. Сделать

так, чтобы сообщение, которое доносится до целевой аудитории, было правильно понято.

Герменевтический анализ коммуникации в социальных сетях учитывает ряд аспектов, включая влияние социальных и культурных факторов, особенности языка и стиля общения.

1. Социальные и культурные факторы: Люди из разных стран, культур и социальных групп общаются друг с другом в социальных сетях. Различные смыслы, нормы и ценности, содержащиеся в разных культурах, могут влиять на то, как мы общаемся. Например, способ разрешения, уровень формальности или нежелания обсуждать определенные темы могут варьироваться в зависимости от социокультурного контекста. Поэтому организации нужно учитывать свою целевую аудиторию и их принадлежность, к какой-либо культуре.

2. Особенности языка: Язык играет важную роль в общении в социальных сетях. Краткость выражений, использование аббревиатур и эмодзи, специфических слов и выражений, активное использование аббревиатур и сленга – все это особенности языка общения в социальных сетях. Важно иметь в виду, что эти функции могут варьироваться в зависимости от площадки, на которой будет размещаться текст или целевой аудитории.

3. Стиль общения: В социальных сетях большой поток информации. Из-за этого стиль общения может быть более поверхностным и менее продуманным по сравнению с офлайн-взаимодействием с целевой аудиторией. Короткие сообщения, комментарии и лайки становятся основными формами коммуникации в социальных сетях, т.к. люди в онлайн формате предпочитают быстроту потребления информации [2].

Герменевтический анализ коммуникации в социальных сетях помогает понять и исследовать эти аспекты, учитывая социальные и культурные контексты, особенности языка и стиля общения. Это позволяет получить более глубокое понимание как нужно коммуницировать в социальных сетях со своей целевой аудиторией. Герменевтический анализ помогает организации правильно донести информацию до своей целевой аудитории.

Существует несколько герменевтических стратегий, которые используются для анализа и понимания сообщений.

1. Контекстуальный анализ: в этом анализе компания должна ориентироваться на контекст сообщения, которое доносится до целевой аудитории, его связь с конкретной ситуацией или средой, в которой оно произносится или написано. Важно учитывать социальные, культурные и исторические аспекты, которые влияют на то, как сообщение может быть интерпретировано пользователями.

2. Диалогический подход: понимание сообщения через его взаимодействие с другими сообщениями или текстами. Что означает, что текст будет восприниматься только в контексте других написанных ранее текстов и не будет иметь значения, если нет связи с предыдущими текстами.

3. Языковой анализ: изучение языка, используемого в сообщении. Это включает анализ слов, фраз, грамматики и структуры предложений для понимания их

значения и оттенков. Нужно анализировать свою целевую аудиторию, и понимать какой стиль общения они предпочитают – деловой, молодежный и т. д.

4. Интерпретация намерений: то, как получатель сообщения может интерпретировать написанный текст, на основе его содержания и контекста. Это может включать различные способы понимания, включая критический анализ и анализ подтекста.

5. Критическое мышление: анализ сообщения с использованием критического мышления для раскрытия скрытых мотивов, стереотипов и предубеждений. Это позволяет обнаружить и устранить возможные искажения или неправильные представления, которые могут быть в коммуникационном сообщении [3, С. 41].

Перечисленные стратегии помогают в анализе и толковании коммуникационного сообщения, которое публикуется в социальных сетях.

Ключевые концепции:

– Медиаграмотность: это способность анализировать, оценивать и создавать медийные сообщения. Она включает навыки критического мышления, эмоциональную, интеллектуальную осведомленность и этическую ответственность.

– Контекстуальность: Успешное понимание и интерпретация новостей в онлайн-контексте требует учета контекстуальных факторов, таких как культурные особенности, ценности, нормы и ограничения. Это помогает избежать недоразумений и конфликтов в общении с целевой аудиторией.

– Межкультурная коммуникация: общение в социальных сетях подразумевает взаимодействие между людьми из разных культурных и языковых групп. Понимание и интерпретация сообщений требует учета межкультурных различий и умений адаптироваться к ним [4].

Также существуют ключевые концепции и теоретические подходы к пониманию и интерпретации сообщений в социальных сетях:

Теоретические подходы:

– Теория активного взаимодействия: в соответствии с этой теорией, коммуникация в социальных сетях является двусторонним процессом, где как отправитель (компания), так и получатель сообщения (целевая аудитория) активно взаимодействуют, вносят свой вклад и влияют на смысл сообщения.

– Теория социокультурного подхода: Этот подход подразумевает, что понимание и интерпретация сообщений зависит от социокультурного контекста и культурных рамок участников коммуникации. Он разделяет индивидуальные различия в восприятии новостей и подчеркивает важность культурного контекста.

– Теория информационной обработки: согласно этой теории, люди в социальных сетях обрабатывают информацию из сообщений с помощью различных когнитивных процессов, таких как восприятие, понимание, оценка и реакция. Важно учитывать ограничения восприятия и интерпретации сообщений, такие как отсутствие невербальных сигналов и возможность анонимности [5].

Также не стоит упускать тот момент, что контекст сообщений также может быть искажен или неясен. В онлайн-общении часто отсутствуют невербальные

элементы, такие как жесты, мимика или интонация, которые помогают понять истинный смысл сообщения. Это может привести ко многим недоразумениям и конфликтам между пользователями. Поэтому использование эмодзи, смайликов и стикеров может упростить данный процесс и сделать сообщение более понятным.

В целом, проблема определения авторства и контекста сообщений в онлайн коммуникации является сложной и требует комплексного подхода. Существующие методы и технологии, которые могут помочь в решении этой проблемы, но постоянное развитие и совершенствование таких инструментов является необходимостью для обеспечения безопасной и достоверной коммуникации в сети.

Онлайн коммуникация через социальные сети стала неотъемлемой частью нашей жизни. Однако она также поднимает вопросы этики и ответственности. Одним из главных этических моментов в коммуникации в социальных сетях является – качество распространяемой информации. Качество информации: Каким образом можно проверять достоверность информации, распространяемой в социальных сетях? Каким образом можно отличить факты от мнений или ложной информации? Каким образом можно исследовать информационное поле, прежде чем распространять информацию дальше? Именно эти вопросы нужно задавать себе перед тем, как приступить к распространению информации в социальных сетях. Ведь если компания распространяет неправдивый контент, то люди будут предвзято относиться к ней и не будет доверия [6].

Онлайн коммуникация требует осознания этической ответственности.

В этой научной статье был проведен герменевтический анализ коммуникации в социальных сетях с целью понимания и интерпретации сообщений, которые доносятся в интернете. Исследование позволило нам установить, что герменевтический подход является эффективным инструментом анализа и понимания коммуникации в социальных сетях.

В процессе анализа были выявлены несколько основных аспектов взаимодействия в онлайн-среде. Было выявлено, что в онлайн-коммуникации активно используются невербальные средства выражения мыслей и эмоций, такие как эмодзи. Герменевтический подход позволяет понять и интерпретировать эти символы и их значение в конкретном контексте.

Кроме того, исследование показало, что коммуникации в социальных сетях могут быть трудными для понимания из-за различных языковых, культурных и социальных факторов участников. В таких случаях герменевтический анализ позволяет установить интерпретации, соответствующие контексту, и способствует взаимопониманию.

В заключение, герменевтический анализ коммуникации в социальных сетях позволяет осуществлять более глубокое и полное понимание сообщений в социальных сетях. Это помогает участникам коммуникации лучше взаимодействовать и избегать недоразумений.

Источники:

1. Рикер П. Герменевтика, этика, политика. М., 1945.
2. Куликова А. В. Особенности интернет-коммуникаций // Университет Лобачевского. URL: [http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/99990201_West_soc_2012_4\(28\)/3.pdf](http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/99990201_West_soc_2012_4(28)/3.pdf) (дата обращения: 09.01.2024).
3. Сенько Ю. В., Комоза Т. Л. Технология профессионального образования в герменевтическом круге // Сибирский педагогический журнал. 2007. № 4. С. 69–84.
4. Шалагина С. Н. Герменевтика. Аспекты исследования // Молодой ученый. 2016. № 29 (133). С. 651–655.
5. Теоретические подходы к исследованию процесса общения в интернете. URL: <https://studentopedia.ru/psihologiya/teoreticheskie-podhodi-k-issledovaniyu-processa-obsheniya-v-internete--internet-kak-novaya.html> (дата обращения: 10.01.2024).
6. Достоверность информации в социальных сетях. URL: https://01.by/n1006-dostovernost_informacii_v_socialnyh_setyah.html (дата обращения: 10.01.2024).

P. A. Khvoynitskaya (St. Petersburg State Electrotechnical University «LETI»)

***HERMENEUTICAL ANALYSIS OF SOCIAL MEDIA COMMUNICATION:
UNDERSTANDING AND INTERPRETING MESSAGES IN AN ONLINE
CONTEXT***

The hermeneutical approach is a method of studying the processes of understanding and interpreting messages in an online environment. In modern society, social networks play a significant role, influencing individual and collective consciousness. They provide a space for the exchange of information, the expression of opinions and the formation of public opinion. However, online communication leads to certain difficulties in understanding and interpreting messages related to the lack of non-verbal components, the remoteness of participants and the multiplicity of authorship.

This article examines various aspects of the hermeneutical analysis of communication in social networks, including the influence of social and cultural factors, peculiarities of language and communication style, as well as strategies for interpreting messages. Special attention is paid to the problem of determining the authorship and context of messages, as well as ethical issues.

Hermeneutics, communication, text, social networks

УДК 177.5+339.91

С. А. Хлыновская (АНО ОИШ «Просвещение», e-mail: s.khlynovskaia@alumni.nsu.ru)

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В МИР-СИСТЕМЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В статье дается описание проблемы изучения социального-неравенства с позиций мир-системного анализа. Рассмотрены позиции представителей школы мир-системного анализа, обозначены направления исследования проблемы и обозначены основные элементы механизма формирования социального неравенства в мир-системе.

Социальное неравенство, мир-системный анализ, неравный обмен, глобальные торговые цепочки, социетальные уровни

Проблема переосмысления онтологии и теоретико-методологических оснований изучения социального неравенства сегодня обнаруживается в повестке социальных наук. Данная проблема поднимается многими исследователями, например, такими как Б. Миланович [1, С. 17], Н. Г. Осипова [2, С. 119], М. Дрвенски [3, С. 72], М. Махатга [4, С. 12], С. Хлыновская, А. Изгарская [5, С. 1146]. Обсуждается она и в рамках миросистемного анализа на страницах «Journal of World-Systems Research» [3; 4; 10]. Данная парадигма получила широкую поддержку в международном научном сообществе, что позволяет поставить задачу обобщения результатов, полученных ее представителями при исследовании проблем социального неравенства.

Представители миросистемного подхода выделяют ряд ключевых проблем социологии, которые обнаруживают несоответствие теоретических оснований для целей объяснения динамики мира и состояния современных обществ с учетом их единства и разнообразия. Во-первых, исследование процессов в рамках отдельных государств и проведение на этой основе сравнительного анализа состояния их обществ было методологической нормой социологии. Однако такая позиция на сегодняшний день подвергается критике. М. Махатга указывает, что: «Макросравнительный анализ международного неравенства оказывается все более неспособным понять динамику распределения в глобальной экономике, где производственные сети связывают фирмы между собой в пространстве, не обращая внимания на национальные границы и сильно различаясь по отраслям» [4, С. 32]. Многие представители мир-системного анализа считают, что подход, заложенный И. Валлерстайном позволяет преодолеть ограничения классической социологии. С. Сассен подчеркивает, что процессы в современных обществах преобразуются от «центростремительного национального государства к центробежному умножению специализированных комплексов-систем, которые не могут быть отнесены только к

глобальному или локальному уровню» [6, С. 62]. Особенность подобных систем проявляется в том, что они «преобразуют и даже разрушают существующую архитектуру обществ, отменяя границы и трансформируя институциональные системы не только национальных государств, но и наднациональных образований» [6, С. 62]. В этой связи можно говорить о таком подходе, в котором при изучении социального неравенства единицей анализа будет выступать не национальное государство, а мир-система в целом. Так, например, Д. А. Смит исследует экономическое неравенство и также приходит к выводу о необходимости разработки методологии изучения неравенства на основе мир-системного подхода [7, С. 3–5].

Во-вторых, исследователи отмечают спорность выборки и репрезентативных качеств принятых макроэкономических показателей, ограниченность подходов измерительными пределами национального государства [5, С. 1146]. Даже при попытках измерения уровня глобального социального неравенства используется подход сравнительного анализа, в основе которого заложены показатели уровня неравенства национальных государств.

Понятие социального неравенства часто определяется как «отражение сложной социальной структуры общества и специфической формы социальной стратификации, при которой отдельные индивиды, социальные группы, слои или классы находятся на разных ступенях вертикальной социальной иерархии и обладают неравными возможностями удовлетворения своих материальных, социальных или духовных потребностей» [1, С. 122]. Речь идет о неравном положении индивидов или общностей в сложившейся социальной иерархии, характеризующей множество различных форм отношений, одной из которых является отношения экономические.

На их основе выделяется экономическое социальное неравенство, включающее неравенство в доходах и других формах улучшения экономического положения. Несмотря на его использование в границах национального государства, само определение не включает необходимость границы. По мысли И. Валлерстайна, если «классы» являются термином, используемым для групп, которые определяются своим отношением к способу производства, то «мы должны рассматривать всю систему процессов производства как главный элемент конституирования классов. А такого рода процессы, далеко выходя за границы отдельных государств, и даже подсистемы процессов производства чаще всего не совпадают с государственными границами. Следовательно, нет априорных оснований полагать, что классы в каком-либо объективном смысле предопределяются государственными границами» [8, С. 407]. На этом основании Т. Хопкинс и И. Валлерстайн констатируют, что капитализм сегодня подразумевает «детальное разделение стадий производства и потребления через национальные границы, в рамках организационной структуры плотно объединенных в сеть фирм или предприятий» [9, С. 17]. Следовательно, может идти речь о существовании глобальных классов, отношение к которому будет зависеть от положения в мир-системе.

В развитие этой мысли А. Д. Бергсен и М. Бата отмечают, что «если глобальная экономика существует как эмерджентный коллективный субъект со своими собственными свойствами, то нет причин, почему некоторые характеристики экономических систем, идентифицированные на национальном уровне, не должны существовать и на глобальном уровне» [10, С. 140]. По их мнению то, «что до сих пор рассматривалось только как экономические зоны, или области ядра и периферии в рамках разделения труда в терминах А. Смита и И. Валлерстайна, теперь есть основания рассматривать как рудиментарные очертания глобальных классов в рамках чего-то такого, что можно назвать глобальным способом производства» [10, С. 140]. А. Д. Бергсен и М. Бата на базе анализа статистических данных делают вывод, что «не неравенство между индивидами создает глобальное неравенство между странами, а глобальное неравенство создает неравенство между индивидами внутри этих стран» [10, С. 138]. Глобальная система, таким образом, действует как тотальность – то есть обладает коллективной динамикой, которую «можно считать эмерджентными свойствами на глобальном уровне, не сводимыми к национальным уровням» [10, С.1 39]. Следовательно, причины, характер проявления, механизмы формирования и воспроизводства социального неравенства необходимо искать не внутри национальных государств, а в характере самого устройства мир-системы.

Категория доходов различных участников мир-системы является базовой для исследования неравенства в мир-системном анализе. Поэтому распределение доходов внутри стран зависит от положения государства и подконтрольного ему общества в мировой системе [4, С. 31]. Неравный обмен является важнейшим механизмом формирования социального неравенства в мир-системе. Т. Хопкинс и И. Валлерстайн описали механизм неравного обмена в мир-системе в форме «цепочек». Такое понимание нашло закрепление в работах их последователей. Глобальные торговые цепочки понимаются как «сеть трудовых и производственных процессов, конечным результатом которых является готовый товар» [9, С. 42]. Глобальные торговые цепочки (ГТЦ) состоят из множества сетей, группирующихся вокруг одного товара или продукта, связывающих домохозяйства, предприятия и государства друг с другом в рамках мировой экономики. Во многом этот подход уточнили и дополнили теория глобальной цепи создания стоимости Г. Джереффи [9] и теории глобальных производственных сетей Н. М. Коэль [11, С. 2]. Как отмечают основоположники синтеза обеих теорий Б. Деруддер и Ф. Витлокс, эти подходы «сходятся в акценте на значимости создания стоимости, ее распределения и контроля в рамках транснациональных и локализованных сетей» [11, С. 5]. Однако для механизма социального неравенства более важно то, что, как отметили авторы, термин «товар» в исследованиях ГТЦ сменился термином «стоимость», тем самым сместив «фокус внимания на главный источник экономического развития: приложение человеческого труда для генерации прибыли» [11, С. 69].

Таким образом, меняется социологическое виденье картины мира. «Вместо того чтобы концептуализировать глобальную экономику через серию экономических отрезков, новые аналитические линзы позволяют социологам изучать мировую карту производства, потребления, инвестиций и торговли с точки зрения глобальных сетей» [10, С. 10]. Перед исследователями открывается возможность для изучения положения субъектов любого социетального уровня в мир-экономике и описания механизма формирования социального неравенства.

Следует отметить, что проблема социального неравенства в мир-системном подходе более описана с позиции экономической науки. Но есть и понимание необходимости более широкого рассмотрения проблемы. М. Дрвенски утверждает необходимость понимания неравенства в мир-системном подходе, которое бы включало сложную совокупность социальных аспектов, а не только экономическую составляющую. По его мнению, необходимо «учитывать неравенство как сложный, развернувшийся в пространстве и времени комплекс причин (например, взаимодействий, происходящих одновременно как внутри, так и между странами), как подлинно всемирно-историческое явление [10, С. 72–74]. М. Дрвенски подчеркивает, что включение широкого спектра причин и данных, а не только тех, что связаны с экономическим доходом, даст возможность построить единое историческое повествование о неравенстве в целом [там же].

Анализ литературы показал, что проблема изучения социального неравенства в мир-системном анализе представляется весьма масштабной задачей. Перед представителями мир-системного подхода стоит задача описания экономического механизма формирования неравенства на основе интеграции целого ряда эконоцентрированных теорий с учетом факторов разных сфер социально-исторического бытия и социетальных уровней. Данная задача пока не решена, но ее решение открывает серьезные перспективы для совершенствования социологического инструментария исследования механизмов формирования социального неравенства.

Источники:

1. Миланович Б. Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации. М. Изд-во Института Гайдара, 2017.
2. Осипова Н. Г. Проблемы современного глобального неравенства // Вестник МГУ. 2014. № 2. С. 119–141.
3. Drwenski M. Data on Inequality and the Inequality of Data: The Last Two Centuries // Journal of World-Systems Research. 2014–2015. Vol. 2–3, N. 1. P. 71–78. DOI: 10.5195/jwhi.2015.15
4. Mahutga M. C. Global Production Networks and International Inequality Making a Case for a Meso-Level Turn in Macro-Comparative Sociology // Journal of World-Systems Research. 2014. Vol. 20, № 1, P. 11–37. DOI: 10.5195/jwsr.2014.573

5. Хлыновская С. А., Изгарская А. А. Социальное неравенство в современной миросистеме: к проблеме воспитания российской идентичности в рамках дисциплины «Основы российской государственности» // X Международный Сибирский исторический форум «Сибирь и Россия: история и культура». М.: Издательство «Перо», 2023. С. 1145–1152.

6. Sassen S. Neither Global nor National: Novel Assemblages of Territory, Authority and Rights // *Ethics & Global Politics*. 2008. Vol. 1. № 1–2. P. 62–68. DOI: <https://doi.org/10.3402/egp.v1i1.1814>

7. Smith D. A. World-System Zones in the 21st Century Beyond Core and Periphery, Who Fits Where? // *Global Inequalities in World-Systems Perspective: Theoretical Debates and Methodological Innovations* / Eds. by M. Boatcă, A. Komlosy, and H.-H. Nolte // *Political Economy of the World-system Annuals*, Vol. XXXIX. 2018. P. 3–18.

8. Hopkins T. K., Wallerstein I. Commodity Chains: construct and research // *Commodity chains and global capitalism*. Eds. Gereffi G., M. Korzeniewicz. Greenwood Press imprint of Greenwood Publishing Group, 1994. P. 17–20.

9. Gereffi G. *Global Value Chains and Development Redefining the Contours of 21st Century Capitalism*. Cambridge University Press, 2018.

10. Bergesen A.J, Bata M. Global and National Inequality: Are They Connected? // *Journal of World-Systems Research*. 2002. Vol. 8. № 1. P. 130–142.

11. Derudder B., Witlox F. World cities and global commodity chains: an introduction // *Commodity chains and world cities*. Eds. by B. Derudder, F. Witlox. Oxford, Blackwell Publishing Ltd; Global Networks Partnership: 2010. P. 1–14.

S. A. Khlynovskaia (ANO GES “Prosveshchenie”)

SOCIAL INEQUALITY IN THE WORLD-SYSTEM: FRAMING THE PROBLEM

The article describes the problem of studying social inequality from the standpoint of world-system analysis. The positions of the representatives of the school of world-system analysis are considered, the directions of the problem research are outlined and the main elements of the mechanism of social inequality formation in the world-system are outlined.

Social inequality, world-system analysis, unequal exchange, global commodity chains, societal levels

УДК 316.628.29

Я. Цзоу (Санкт-Петербургский государственный университет,
e-mail: zyz425362160@gmail.com)

КАК СОЦИАЛЬНОЕ СРАВНЕНИЕ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ ВЛИЯЕТ НА ДЕМОНСТРАТИВНОЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ

Интегрируя восходящие и нисходящие социальные сравнения в одну структуру, исследование изучает актуальность сравнительной социальной теории в изучении поведения демонстративного потребления и целесообразность экспериментального дизайна на теоретическом уровне.

Социальное сравнение, показное потребление, социальные сети, поведение потребителей

В информационную эпоху социальное сравнение постепенно проникает во все аспекты поведения пользователей социальных сетей из реальной жизни, и то, как такое сравнение влияет на потребление пользователей, стало важным вопросом для маркетинга и управления компаниями социальных сетей. В данном исследовании мы рассматриваем социальное сравнение как основной фактор демонстративного потребительского поведения китайской молодежи в социальных сетях. Здесь изучается взаимосвязь между восходящими и нисходящими сравнениями в поведении демонстративного потребления, что послужит основой для последующих исследований.

Предполагая, что как восходящие, так и нисходящие сравнения в социальных сравнениях положительно коррелируют с поведением демонстративного потребления. Детальное изучение их взаимосвязи позволяет четко понять социальное влияние, которое помогает потребителям эффективно избегать потребления и повышать рациональность потребления. В то же время выявление механизма влияния социальных сравнений на потребление может помочь государственным органам осуществлять целенаправленное регулирование и внедрять соответствующую политику для обеспечения плавного развития рынка. Кроме того, предприятиям социальных сетей для дальнейшего стимулирования потребительского спроса, проведения точного маркетинга и персонализированных услуг также может быть предоставлена определенная основа для поддержки.

Основная цель исследования – выяснить взаимосвязь социального сравнения и поведения демонстративного потребления, в частности, определить положительное влияние восходящих и нисходящих сравнений на демонстративное потребление. Определить механизм влияния на чувства (счастье, комплекс неполноценности), контрфактическое мышление и другие воздействия

на взаимосвязь между социальным сравнением и конспиративным потреблением. Благодаря полученным результатам, социальное сравнение рассматривается как важный фактор влияния в последующих исследованиях поведения китайской молодежи, связанного с демонстративным потреблением в социальных сетях, что дает больше аспектов для анализа и направлений для последующих исследований.

Методология данного исследования включает теорию SOR (Stimulus-Organism-Response) в механизм влияния социального сравнения на эмоции и потребление. Социальное сравнение выступает в качестве внешнего физического стимула, и потребительское поведение индивида неизбежно запускается при посредничестве эмоций, когда он проводит социальное сравнение, что очень важно для изучения влияния [1]. Это важно для изучения влияния эмоций при социальном сравнении на поведение демонстративного потребления. Как было подтверждено исследованиями, посредническая роль эмоций между социальным сравнением и поведением потребителя. Однако по мере углубления исследования выясняется, что влияние восходящего социального сравнения и нисходящего социального сравнения на эмоции не только отличается по силе и направлению, но и предполагает наличие двух разных путей эмоциональных изменений. Использование эмоциональных факторов при разработке экспериментов и анкет или проведении глубинных интервью дает больше возможностей и рациональности для исследования и анализа влияния социальных сравнений на поведение скрытого потребления.

В качестве еще одного фактора для обсуждения в данном исследовании взята теория контрфактического мышления, которое представляет собой процесс обращения собственного мыслительного опыта к существующим результатам и которое в большей степени сконцентрировано в контексте социальных сравнений и замещающего поведения индивидов [2]. Как и социальное сравнение, контрфактическое мышление также имеет функцию продвижения, улучшения и совершенствования себя, и контрфактическое мышление можно разделить на восходящее контрфактическое мышление и нисходящее контрфактическое мышление в зависимости от вымышленного объекта, оба из которых имеют функцию воздействия на эмоции индивида. В данном исследовании мы смогли предоставить себе сценарий сравнения через виртуальную концептуализацию, чтобы сделать альтернативные сравнения через очевидный эффект сравнения контрфактического мышления, и разработать эксперименты таким образом.

Исследование позволяет раскрыть механизм влияния социального сравнения на демонстративное потребление, объединив теорию социального сравнения и потребительское поведение в контексте социальных медиа. Проясняется эмоциональный фактор среди влияний социального сравнения на демонстративное потребление. Таким образом, можно глубоко изучить влияние восходящих и нисходящих сравнений в сравнительных обществах на demonstra-

тивное потребление, разработать анкеты и глубинные интервью, чтобы последующие эмпирические исследования демонстративного потребления были более обоснованными.

В исследовании демонстративного потребления выявляется функция эмоциональной регуляции контрфактического мышления, в соответствии с влиянием эмоциональных факторов на поведение демонстративного потребления, социальное сравнение может естественным образом предоставить пользователю возможность построить виртуальный сценарий сравнения, так что процесс контрфактического мышления, как правило, запускается в условиях социального сравнения. Поэтому эксперименты или опросники могут быть разработаны в соответствии с теорией контрфактического мышления в исследованиях, связанных с демонстративным потреблением.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы: начиная с социального сравнения как социального явления, влияние социального сравнения на потребительское поведение систематически изучалось с помощью концепции социального потребления. Предыдущие исследования в основном фокусировались на влиянии социального сравнения на эмоции, а немногочисленные исследования потребления в основном начинались с демонстративного потребления и продуктивного потребления, и при этом было мало изучено, как социальное сравнение систематически влияет на потребление. В отличие от предыдущих социальных сравнений, которые фокусировались на влиянии восходящих социальных сравнений на потребителей, данное исследование обнаруживает, что нисходящие социальные сравнения имеют эффект ассимиляции, и поэтому контрфактическое мышление и счастье оказывают маскирующий эффект между нисходящими социальными сравнениями и потреблением. В то же время форма исследования, сочетающая восходящее социальное сравнение с нисходящим социальным сравнением, дает новое направление для будущих исследований.

Данное исследование является лишь начальным этапом изучения потребительского поведения в социальных сетях, и в будущем можно продолжить изучение различных эффектов скрытого потребления в других цифровых обществах в соответствии с различными взглядами на проблему, что поможет разработать более рациональную политику и маркетинговые стратегии для компаний.

Источники:

1. Казакова С., Папайоанну А., Чацисарантис Н. Новые взгляды на социальное сравнение и их последствия. Границы в психологии: дис. 739783. 2021 12
2. Цяо Линь, Ли Дунцзинь, Чжан Юйдун Исследование побочного эффекта светской рациональности на снисходительное потребление в условиях гедонистического опыта // Журнал менеджмента. 2022. 19

Y. Zou (Saint Petersburg State University)

***HOW DOES SOCIAL COMPARISON ON SOCIAL NETWORKS
AFFECT THE DEMONSTRATIVE CONSUMER BEHAVIOR OF USERS***

Integrating ascending and descending social comparisons into one structure, the study examines the relevance of comparative social theory in the study of demonstrative consumption behavior and the feasibility of experimental design at the theoretical level.

Social comparison, ostentatious consumption, social networks, consumer behavior

УДК 327.5

Д. Г. Черкасов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: mitya-cher2801@yandex.ru)

КРИЗИС РОССИЙСКО-ШВЕДСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ФОНЕ ВСТУПЛЕНИЯ ШВЕЦИИ В НАТО

Швеция при наличии оборонительного договора с Европейским союзом и межгосударственных военных договоров с ближайшими соседями Норвегией и Эстонией, длительное время сохраняла внеблоковый статус, придающий ей особое положение в Балтийском регионе. В подобных обстоятельствах Швеция могла развивать деловые отношения со всеми странами-соседями, а в частности и Россией. Однако в контексте нарастающих антироссийских настроений, изменений шведских политических ориентиров и стремления Швеции присоединиться к блоку НАТО, противоречия между Российской Федерацией и Швецией становятся всё более очевидными. В данной статье представлен анализ динамики кризисных тенденций в российско-шведских отношениях на фоне вступления Швеции в блок НАТО.

Россия, Швеция, НАТО, Умеренная коалиционная партия, Социал-демократическая партия Швеции, кризис межгосударственных отношений, Балтийский регион, Арктика

Расширение военно-политического блока НАТО на восток, постепенно охватившее большую часть Восточной Европы, уже долгое время является основным камнем преткновения в российско-американских отношениях. Экспансия военной инфраструктуры Североатлантического Альянса к российским границам традиционно рассматривается как основная угроза национальной безопасности Российской Федерации. Противостоя подобным вызовам, Россия выстраивает многогранную внешнюю политику, направленную на недопущение продвижения НАТО на восток и поддержание взаимовыгодных связей с относительно нейтральными европейскими государствами.

До 2022 года подобный формальный нейтралитет сохраняла и Швеция. Однако в ответ на специальную военную операцию РФ и потерю возможности юридически включить Украину в структуру Североатлантического альянса, США и его союзники приняли решение интегрировать в НАТО Швецию и Финляндию [1]. Стремление лидеров Швеции и Финляндии присоединиться к блоку НАТО, в свете нарастающей консолидации европейских стран в военном и политическом плане, расценивалось как существенная политическая победа западных государств.

С одной стороны, МИД России и президент Российской Федерации не раз заявляли о том, что расширение НАТО через присоединение Финляндии и

Швеции не несёт столь большой угрозы России, нежели размещение инфраструктуры Альянса на южной границе. С другой стороны, Швеция была и остаётся основным актором в Балтийском регионе, а военный потенциал шведского государства в разы превышает прочих членов НАТО на Балтике.

Швеция и Финляндия является не просто фактором сдерживания России также, но и имеет для НАТО огромное стратегическое значение. Во-первых, Североатлантический альянс ещё сильнее укрепится в регионе Балтийского моря, который также играет важную роль для экономической и военной отрасли России. Во-вторых, новоприсоединенные скандинавские страны дадут НАТО расширенный доступ в арктический регион, который всё чаще упоминается в стратегических документах НАТО как один из приоритетных регионов развития Альянса, а также как территория потенциальных будущих конфликтов [2].

По результатам проведенных шведской газетой Aftonbladet опросов общественного мнения в январе 2022 года к вступлению в НАТО положительно относилось только 42% шведов, в то время как 37% высказались против членства в Североатлантическом альянсе [3]. Однако, на волне антироссийской риторики в Европе, количество выступающих за вступление в структуры НАТО, по результатам некоторых опросов, выросло до 55–60% процентов населения Швеции. Учитывая общеевропейское негативное отношение к действиям России, шведское и финское правительства решили не выносить вопрос о вступлении в НАТО на референдумы [3]. Сам факт присоединения к блоку НАТО Швецией и Финляндией при этом носит более символический характер, поскольку эти страны уже фактически сотрудничают с НАТО через программу «Партнёрства ради мира» и многоуровневую систему союзов с Норвегией и странами Прибалтики.

При этом, несмотря на политические манипуляции президента Турции Раджепа Тайипа Эрдогана и попытки добиться для себя политических и экономических преференций на фоне расширения НАТО, ориентир шведских политических элит на вступление в Североатлантический Альянс остается неизменным. В плане международной политики между крупнейшими шведскими партиями найден определённый консенсус. Только Партия Зеленых выступила против членства Швеции в Североатлантическом Альянсе, в то время как Левая партия заявила, что они предпочли бы проведение референдума по этому вопросу [4]. Если ранее консервативные политические силы выступали за отказ от потенциального вступления в НАТО и даже выход из состава Европейского Союза, то теперь любая коалиция, участвующая на парламентских выборах сентября 2022 года, стремится завершить процедуру присоединения к НАТО.

Ранее до политического кризиса лета 2021 года в Швеции гарантом формального нейтралитета Швеции являлся Стефан Лёвен – премьер-министр Швеции. В период его нахождения у власти с 2014 по 2021 год внешнюю политику Швеции по отношению к России едва ли можно назвать нейтральной, но всё-таки она основывалась в первую очередь на традиционном принципе

неприсоединения к крупным военным блокам, что в свою очередь было встречено одобрением со стороны Российской Федерации. Однако преемница Стефана Лёвена – Магдалена Андерссон, пришедшая к власти в кризисный для Швеции период существования временного правительства, радикально изменила подход к шведской внешней политике [5].

Если НАТО и ЕС, несмотря на свою общую воинственность по отношению к России, стали активно осуждать внешнюю политику РФ на более поздних этапах развития военных действий на территории Украины, то Швеция в лице кабинета Магдалены Андерссон начала активные внешнеполитические действия ещё за несколько месяцев до непосредственного начала вооружённого конфликта. Несмотря на то, что ни один из кабинетов министров временного правительства не заключил ни одного договора о сотрудничестве с европейскими государствами, заметна активизация вовлечённости Швеции в вопросы европейской безопасности. В подобном контексте международной ситуации особенно важным является заявление Магдалены Андерссон о дальнейшем нейтральном статусе Швеции: «Европа, Швеция и шведский народ живут в новой и опасной реальности. В этой реальности Швеция нуждается в официальных гарантиях безопасности, которые дает членство в НАТО. Это решение мы приняли нелегко, после очень тщательного рассмотрения. Мы отходим от политики нейтралитета, которой Швеция придерживалась более 200 лет» [6, С. 38].

Начиная с декабря 2021 года, Швеция систематически выделяет миллионы шведских крон Украине в качестве средств, направленных на укрепление безопасности и суверенитета Украины. Помимо этого, 14 февраля 2022 года на совместной пресс-конференции Магдалены Андерссон и верховного главнокомандующего Швеции Микаэля Бюдена было сделано заявление, что Швеция начинает наращивать военное присутствие в Балтийском регионе и вводить санкции по отношению к России в ответ на военные учения на границе с Украиной [5]. Также Швеция стала одной из первых стран в Европе, которая разрешила участие своих граждан в качестве иностранных наёмников на стороне ВСУ.

В продолжение линии антироссийских настроений 3 мая 2022 года Россия была исключена из Совета государств Балтийского моря. В дополнение 1 сентября 2023 г. Швеция приняла решение о прекращении деятельности своего генерального консульства в Санкт-Петербурге. Аналогичные меры принял МИД РФ в отношении своего генконсульства в Гетеборге [7]. Помимо этого, приостанавливались и так немногочисленные совместные российско-шведские проекты в области экологии и развития Арктического региона.

Дальнейшее развитие кризиса русско-шведских отношений произошло на фоне результатов парламентских выборов, состоявшихся в сентябре 2022 года. Сформировавшая правительство меньшинства Умеренная коалиционная партия в составе альянса с Либеральной партией, партией Христианских демократов и партией Шведских демократов избрала ещё более радикальную позицию в отношениях с Российской Федерацией задолго до победы

на выборах. Шведская консервативная коалиция, формировавшаяся в преддверии выборов в Швеции, очень жёстко отреагировала на начало Российской Федерацией специальной военной операции: «Недемократическое развитие России и ее военная экспансия в XXI в. представляют угрозу не только для Швеции, но и для других соседних стран. В 2008 г. Россия напала на Грузию и до сих пор оккупирует часть ее территории. В 2014 г. она вторглась в Украину, аннексировала Крымский полуостров и развязала кровопролитную войну в восточных районах страны. Полномасштабное вторжение, начатое 24 февраля 2022 г., осуждается всем миром» [6, С. 39].

Важнейшей проблемой для русско-шведских отношений остаётся тот факт, что в современной шведской политической системе не существуют сил, которые бы хоть в малейшей степени испытывали симпатию по отношению к Российской Федерации. Даже партия Шведских демократов, традиционно находящаяся в политической изоляции, не считает Россию потенциальным партнёром. Примечательно, что наиболее стабильные межправительственные отношения удавалось выстроить именно с социал-демократическим правительством Швеции, нежели с либеральным правительством Умеренной коалиционной партии. Однако учитывая тенденцию сдвига политического спектра шведской политической системы вправо и потерю популярности среди избирателей Социал-демократической партии Швеции, не стоит ожидать инициативу по восстановлению межгосударственных отношений со шведской стороны.

В условиях враждебно настроенной позиции Швеции, Россия не стремится полностью разрывать отношения со Швецией и надеется на нормализацию сотрудничества. На начало 2024 года факт вступления Швеции в военно-политический блок НАТО остаётся лишь вопросом времени. В ответ на дальнейшее расширение НАТО и милитаризацию региона Балтийского моря, Российская Федерация будет вынуждена ответить зеркально [8]. Хотя конкретные меры и решения российской стороны, в ответ на включение Финляндии и приближающегося присоединения Швеции в Североатлантический Альянс, ещё не приведены полностью в исполнение, существует ряд заявлений президента Российской Федерации В. В. Путина о создании Ленинградского военного округа и размещения дополнительного контингента войск на границе с Финляндией. В отношении Швеции вполне можно ожидать схожих мер, что в свою очередь приведёт к дальнейшей милитаризации Балтийского и Арктического региона [8].

Участие Швеции и Финляндии в Североатлантическом Альянсе поднимает ещё один очень важный вопрос безопасности в регионе Северной Европы, а именно вопрос размещения ядерного вооружения, что непосредственным образом создаёт угрозу национальной безопасности Российской Федерации. Данный момент обсуждался на ежегодной международной конференции «Народ и безопасность», на который были приглашены генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг, верховный главнокомандующий Объединёнными вооружёнными силами НАТО в Европе генерал Кристофер Каволи, министр

иностранных дел Финляндии Пекка Хаависто и премьер-министр Швеции Ульф Кристерссон. Темой конференции в 2023 году стала: «ЕС и НАТО в новой реальности политики безопасности» [9, С. 30].

Кабинет Магдалены Андерссон ещё в мае 2022 г. сделал специальное заявление о невозможности размещения на территории страны ядерного оружия и баз НАТО. В своём выступлении на конференции Магдалена Андерссон повторила необходимость закрепить безъядерный статус Швеции, но правительство Ульфа Кристерссона сочло нецелесообразным включать это положение в официальные документы до вступления в Североатлантический альянс. Однако, учитывая последние заявления главнокомандующего Вооружёнными силами Швеции Микаэля Бюдена о возможной для Швеции войне, ядерный статус королевства остаётся неопределённым.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что кризис российско-шведских отношений находятся на пике своего развития. Отсутствие политических элит в Швеции, стремящихся нормализовать отношения с Россией, ставит под вопрос выход из кризиса в ближайшей перспективе. Наличие консенсуса среди всех политических партий Швеции относительно вступления в блок НАТО требует введения ответных мер со стороны Российской Федерации. Дальнейшая милитаризация Балтийского региона, воинственный настрой шведских политических элит и сокращение контактов на уровне консульств в значительной степени нивелирует желание российской стороны поддерживать деловые контакты с традиционно нейтральными северными соседями.

Источники:

1. История расширения НАТО, ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/17442493> (дата обращения 10.01.2024)
2. NATO 2022 Strategic concept. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept.pdf (дата обращения 10.01.2024)
3. Natofragan, Aftonbladet. URL: <https://www.aftonbladet.se/nyheter/a/8QzzGA/natofragan-splittrar-svenska-folket> (дата обращения 10.01.2024)
4. Reuters, Swedish PM rejects referendum on possible NATO membership. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/swedish-pm-rejects-referendum-possible-nato-membership-2022-04-28/> (дата обращения 11.01.2024).
5. Regeringen, Statsministernimöted med Sveriges överbefälhavare Micael Bydén. URL: <https://www.regeringen.se/pressmeddelanden/2022/02/statsministern-i-motemed-sveriges-overbefalhavare-micael-byden/> (дата обращения 11.01.2024).
6. Трухачёв В. В., Россия – Швеция: тупик отношений? // Перспективы. Электронный журнал. 2023. №1 (32), С. 35–41.
7. Россия закрывает генконсульство Швеции в Петербурге и вышлет 5 дипломатов, РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/05/2023/646f1bcd9a79475914a74108> (дата обращения 11.01.2024).

8. В Кремле рассказали, как ответят на вступление Швеции в НАТО. URL: <https://ria.ru/20230711/nato-1883501614.html> (дата обращения 12.01.2024).

9. Плевако Н. С. Безопасность Швеции и НАТО: Дорога с препятствиями // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2023. №1 (31) С. 28-33.

D. G. Cherkasov (St. Petersburg State Electrotechnical University «LETI»)

THE CRISIS OF RUSSIAN-SWEDISH RELATIONS AGAINST THE BACKGROUND OF SWEDEN'S ACCESSION TO NATO

Sweden, in the presence of a defensive treaty with the European Union and interstate military treaties with its closest neighbors Norway and Estonia, has long maintained a non-aligned status, giving it a special position in the Baltic region. In such circumstances, Sweden could develop business relations with all neighboring countries, and in particular Russia. However, in the context of growing anti-Russian sentiments, changes in Swedish political orientations and Sweden's desire to join the NATO bloc, the contradictions between the Russian Federation and Sweden are becoming more and more obvious. This article presents an analysis of the dynamics of crisis trends in Russian-Swedish relations against the background of Sweden's accession to the NATO bloc.

Russia, Sweden, NATO, Moderate Coalition Party, Social Democratic Party of Sweden, crisis of interstate relations, Baltic region, Arctic

УДК 174; 608; 316.4; 004.8

Л. В. Шарахина (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: lvsharakhina@etu.ru);

И. А. Ильина (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»);

Т. Р. Тэор (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»)

ГИБРИДИЗАЦИЯ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕКЛАМЕ: КОЭВОЛЮЦИЯ ИНТЕЛЛЕКТОВ

Технологии искусственного интеллекта (ИИ) сегодня находят своё применение в различных сферах человеческой деятельности, в том числе и в аналитике рекламы. В настоящей статье представлены результаты осмысления авторами проблем и перспектив применения машинного и человеческого интеллектов, перспективах гибридизации интеллектов при осуществлении аналитической деятельности в рекламе.

В сложившейся ситуации актуализируется дискуссия об агентности искусственного интеллекта, деградации моральной агентности человека, роли органов власти в управлении данными процессами.

Выводы сделаны по итогам эксперимента применения технологий искусственного интеллекта для анализа рекламного видеоконтента.

Реклама, искусственный интеллект, анализ рекламы, рекламный видеоконтент

Развитие постиндустриального общества и углубляющаяся медиатизация [1], безусловно, оказывают влияние на различные социальные практики, в том числе и на рекламную деятельность. В условиях, когда рынок перенасыщен различными товарами и услугами, а современный человек испытывает информационные перегрузки, задачей специалиста по рекламе становится разработка рекламного контента и стратегии коммуникации с аудиториями, которые будут восприняты в перенасыщенном медиадискурсе. Сложившаяся ситуация актуализировала использование визуального контента, так как подобная информация воспринимается человеком и вызывает эмоциональный отклик быстрее, чем текстовая информация, кроме того, просмотр рекламных роликов нередко становится способом проведения досуга.

Дж. и Ю. Ли [2] выделили 5 ключевых причин, почему потребители смотрят видеорекламу в онлайн-среде: социальное взаимодействие, расслабление, получение информации, эскапизм и развлечение. Различение данных мотивов позволяет эффективнее выбирать каналы рекламной коммуникации. Кроме того, визуальный рекламный контент представляет собой сложный комплекс-

ный язык образов, при помощи которого формируются и передаются культурные и поведенческие модели, а также ментальные паттерны. В связи с этим актуализируется изучение методов использования рекламного визуального и, в частности, видеоконтента для конструирования социальной реальности.

Еще в 1964 году Ролан Барт в своей работе «Риторика образа» [3] предложил методику анализа рекламных сообщений, основанную на семиотическом подходе, в которой уделяет значительное внимание визуальной компоненте в её взаимодействии с текстом. Изображение у Р. Барта является полисемантическим знаком, воспринимаемым реципиентом прежде текста. Данный подход, учитывающий комбинацию денотативного и коннотативного уровней в рекламных сообщениях, в той или иной вариации остаётся актуальным и в настоящее время. Тем не менее, в современной рекламной деятельности существует множество методик и подходов, помогающих оценить её эффективность, так как это оказывает непосредственное влияние на эффективность управления ею. Более подробно мы останавливались на исследовании данного вопроса в наших предыдущих работах [4, 5].

Технологии искусственного интеллекта, позволяющие обрабатывать большие данные, автоматизировать рутинные операции, также нашли своё применение в аналитике рекламной деятельности. Согласно результатам исследования Института искусственного интеллекта в маркетинге, представленного в статье П. Роэтцера [6], к 2026 году 25% всех маркетинговых задач будут автоматизированы, 43% маркетологов уверены в том, что к этому времени половина их задач будет выполняться искусственным интеллектом. На основании проведённого нами эксперимента по применению технологий искусственного интеллекта (ИИ) для анализа рекламного видеоконтента [4, 5] мы пришли к выводам, что такие технологии, основанные на анализе больших данных, могут быть использованы для повышения коммуникативной эффективности рекламных сообщений. Так, например, при создании видеорекламы можно подбирать эмоциональную реакцию на видео в соответствии с целями заказчика, то есть при помощи ИИ-технологий распознавания лиц мы можем понять, как лучше всего мотивировать зрителя на запланированные поведенческие реакции. Мы также выявили, что неэффективно дублировать одно и то же рекламное сообщение на разные аудитории, удаляя из него эпизоды, вызывающие наибольшую эмоциональную реакцию у других адресатов. Также при использовании таких технологий для анализа эффективности рекламы необходимо делать предварительную «калибровку» инструмента анализа эмоциональных ответов, так как использование средних значений и общих эмоциональных реакций не дают оснований для выводов о потенциальной эффективности рекламных сообщений для конкретных аудиторий. Культурные, психологические и иные факторы оказывают влияние на активность мимических мышц, поэтому каждый раз необходимо высчитывать медиану для конкретной эмоции и конкретной выборки респондентов, нейтральную персону, а не использовать усреднённые значения.

Тем не менее, коэволюция человеческого и машинных интеллектов в рекламе и маркетинге является перспективной тенденцией, так как аналитические ИИ-технологии биометрического распознавания лиц обладают большим потенциалом для данных профессий. Так, например, человеческий интеллект необходим для «калибровки» набора реакций аудитории на конкретные элементы рекламного видео, что повысит эффективность анализа. Использование ИИ-технологий поможет определить оптимальную продолжительность рекламного видео, снизив тем самым затраты заказчика на его размещение и стоимость целевого действия аудитории. Кроме того, рекламный видеоконтент может быть полностью изменён на основании рекомендаций, сформулированных при помощи искусственного интеллекта по итогам анализа. Если это сделать не представляется возможным, то целесообразно направить данную рекламу на иную целевую аудиторию, которая лучше реагирует на видео и также может представлять интерес для заказчика.

Иными словами, использование технологий искусственного интеллекта в рекламной деятельности предоставляют возможность получения детальной аналитической информации, учитывающей различные нюансы, что позволит специалистам по рекламе увидеть достоинства и недостатки видео глазами потенциальной аудитории и, как следствие, получить более лояльное отношение к рекламным сообщениям и объектам рекламирования.

Помимо прочего, существующая практика совместной интеллектуальной деятельности машины и человека формирует растущую индустрию, которая объединяет рекламные и цифровые технологии, в том числе и искусственный интеллект, который может выступать в качестве посредника и платформы между рекламистами, видео продюсерами и аудиториями. Это позволит учесть интересы всех участников рекламного процесса и создавать полезный, эстетически приятный визуальный рекламный видеоконтент.

Несмотря на оптимистические оценки перспектив использования технологий искусственного интеллекта в различных индустриях, в рекламной деятельности следует учесть и ряд ограничений:

1. Рекламные видеосообщения являются мультимодальными, поэтому необходима их адаптация и интерпретация для представителей различных языков и культур, что необходимо иметь в виду при применении инструментов анализа на основе искусственного интеллекта.

2. Необходимость проводить «калибровку» наборов данных для биометрической ИИ-технологии распознавания лиц ограничивает потенциальную масштабируемость результатов такой аналитической деятельности, делая её применимой лишь для рынков с большой ёмкостью или при проведении долгосрочных рекламных кампаний.

3. Внедрение технологий искусственного интеллекта актуализируют этические вопросы о принятии решений на основе данных искусственного интеллекта без проведения экспертизы человеком, кибербезопасности, страхах роста безработицы и проч.

В качестве перспективных исследований гибридизация аналитической деятельности в рекламе и, в частности, рекламного видеоконтента, выделим следующие:

1. Эффективное моделирование коэволюции машинного и человеческого интеллектов в рекламной деятельности и учётом размера рынка, степени однородности состава целевых аудиторий, запланированной продолжительности рекламной кампании, стоимости инвестиций в рекламный проект, потенциальной выручки и т. д.

2. Проблема определения оптимального набора данных мимических проявлений эмоций различными аудиториями, систематизированного по социальным, демографическим, психографическим, культурным и иным критериям, необходимого для разработки эффективного рекламного видеообращения.

3. Проблема выделения профессиональной специализации рекламистов по вопросам применения машинного и человеческого интеллектов в обществе будущего.

Сегодня же проблемы применения ИИ-инструментов для оценки эффективности рекламной деятельности, всё равно, не отталкивают специалистов по рекламе для их использования при выполнении повторяющихся или масштабных задач, что даёт основание предполагать проникновение технологий искусственного интеллекта в различные сферы техногенного общества будущего. Понимание таких перспектив требует достижения консенсуса по фундаментальному вопросу об агентности и этической природе искусственного интеллекта: «Может ли искусственный интеллект отвечать за свою деятельность и её последствия?» [7]. Это предваряет дискуссию по вопросам юридической ответственности и установлении законом наказания машин, деградации моральной агентности человека и роли государств и их правительств в этих процессах.

На наш взгляд, подобные вопросы являются предметами будущих трансдисциплинарных исследований, в связи с чем при использовании ИИ-инструментов в анализе рекламных сообщений целесообразно также уделять значительное внимание вопросам этики и безопасности персональных данных аудиторий.

Учитывая актуальность упомянутых выше проблем, альтернатив применению цифровых технологий, в том числе, искусственного интеллекта, в будущем мы не видим, но одной из значимых проблем рекламной аналитики будущего является извлечение смыслов, получение выводов из большого количества данных и источников и принятие решений по реализации рекламной деятельности. Видится, что данная задача в настоящее время на стороне человеческого интеллекта.

Источники:

1. Nepp A. Deep Mediatization. 1st edition. London, Routledge, 2019. 260 p. DOI:10.4324/9781351064903 (дата обращения: 12.03.2023)

2. Lee J., Lee H. Canonical correlation analysis of online video advertising viewing motivations and access characteristics. *New Media & Society*. 14 (8). 2012. Pp. 1358–1374. <https://doi.org/10.1177/1461444812444708> (дата обращения: 20.08.2023).

3. Barthes R. *Rhétorique de l'image*. *Communications*, 4. 1964. Pp. 40–51. URL: https://monoskop.org/images/9/9a/Barthes_Roland_rhetorique_de_l_image_1964.pdf (дата обращения: 10.01.2024).

4. Sharakhina L., Ilyina I., Kaplun D., Teor T., Kulibanova V. AI technologies in the analysis of visual advertising messages: survey and application. *Journal of Marketing Analytics*. 2023. Pp. 1-24. 10.1057/s41270-023-00255-1.

5. Цифровая трансформация экономики и управления: стратегии, инструменты и технологии: монография / В. А. Дуболазов [и др.]. Том 2. В 2-х томах. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2023. 588 с. С. 422–436.

6. Roetzer P. 2021 State of marketing AI report. URL: <https://www.marketinginstitute.com/2021-state-of-marketing-ai-report> (дата обращения: 20.08.2023).

7. Maruyama Y. 2022. Moral philosophy of artificial general intelligence: agency and responsibility. *Lecture Notes in Computer Science*. 13154. 2022. Pp. 139–150. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-93758-4_15/COVER (дата обращения: 25.12.2023).

L. V. Sharakhina (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);

I. A. Ilyina (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);

T. R. Teor (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

HYBRIDIZATION OF ANALYTICAL ACTIVITIES IN ADVERTISING: CO-EVOLUTION OF INTELLIGENCES

Artificial intelligence (AI) technologies are now being applied in various spheres, including advertising analytics. This article presents the authors' conceptualization of machine and human intellects application, key problems and prospects, the prospects of intelligence hybridization in the implementation of analytical activities in advertising.

The current situation actualizes the discussion about the agency of artificial intelligence, degradation of moral agency of a human being, the role of governmental structures in managing the processes.

Conclusions are made on the results of the experiment of AI-technologies application to analyze advertising video content.

Advertising, artificial intelligence, advertising analytics, advertising video content

УДК 316.776

Н. В. Шашкова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: nv.shashkova@gmail.com);

Н. П. Каймасиди (основатель образовательной экосистемы «НЕ КНИГИ.», e-mail: mrnpk8@gmail.com);

О. В. Зайцева (директор по PR и внешним коммуникациям образовательной экосистемы «НЕ КНИГИ.», e-mail: zaitsewa.o.v@yandex.ru)

КОММУНИКАТИВНАЯ ПАРАДИГМА «ЦИФРОМОДЕРНИЗМА». НЕЙРОСЕТЬ – ЖИВАЯ ИЛИ МЕРТВАЯ?

В статье рассматриваются коммуникативные особенности современной эпохи сквозь призму цифровизации социальных отношений. Особое внимание уделяется осмыслению потенциала нейросети как инструменту ИИ и его влияния на процесс коммуникации человека.

Коммуникация, цифровизация социальных отношений, нейросеть, коммуникативная редукция

Современная эпоха в гуманитарной науке получает множество разных определений, наиболее устоявшимся из которых является метамодернизм. Обобщая различные подходы в осмыслении сегодняшних сложных процессов, исследователи сходятся в одном – определяющем значении, которое имеет «цифра», искусственный интеллект, виртуальная реальность. Значение цифры настолько сложно переоценить, что одним из синонимичных метамодернизму понятий стал введенный английским исследователем А. Кирби (A. Kirby) термин «диджиталмодернизм» [1], цифромодернизм, который ученый воспринимает как зонтичное определение цифровой эпохи – нового этапа развития, интеллектуально-культурного движения, начавшихся с конца первого десятилетия наступившего XXI века. Вынесение в название нашей работы именно этого концепта обуславливает смысловую (цифровую) доминанту в рамках изучения особенностей современного коммуникативного пространства.

Своеобразным же «открытием» последнего года стала нейросеть. Институт русского языка им. А. С. Пушкина РАН закрепил за ней «слово года» [2]. А это значит, что в пределах социального взаимодействия нейросеть находится на пике лексической турбулентности и коммуникативного кодирования.

В 2023 году ВЦИОМ провел исследования об отношении россиян к нейросетям. Подробно с результатами этого опроса можно ознакомиться на сайте. В качестве общего результата заметим, что «в большей степени отношение к нейросетям обусловлено тем, насколько хорошо опрошенные разбираются в этой теме» [3]. Кроме того, обращение к социологическим исследованиям позволяет выявить, скорее, оценочное отношение людей к нейросетям.

Изучение же коммуникативных особенностей в контексте «человек – нейросеть» позволит нам обнаружить и описать некоторые сущностные черты, определяющие характер взаимодействия человека и AI-мира. В этой связи можно сформулировать цель работы как попытку определить коммуникативные особенности взаимодействия человека и нейросети. Это определение будет осуществляться на основе критического осмысления научно-теоретических ожиданий от ИИ и, конкретно, нейросети как практического инструмента работы с информацией в цифровую эпоху. Подобный взгляд позволит расширить наше представление по данной проблематике, сформировать или развить более объективный взгляд на потенциал нейросетевых коммуникаций в «гуманитарном измерении».

Одной из важнейших проблем современного общества, безусловно определяющей характер социального взаимодействия, по мнению исследователей, является трансформация классических традиционных социальных отношений. Индивидуальные «цифровые помощники» в значительной степени обусловили появление «личных вселенных» человека, оказав разрушительное воздействие на привычные коммуникативные связи. А. Кирби определяет новое коммуникативное свойство человека эпохи цифромодернизма как «аутизм», подразумевая под ним не столько прямое медицинское значение, а, скорее, используя его как коммуникативную метафору. С его помощью описывается доминирующий тренд социального взаимодействия XXI века, «цифромодернизма», который пришел на смену предшествующему модерну с его неврозом и постмодерну с его шизофренией. С помощью новых цифровых технологий происходит утрата успешных коммуникационных навыков, элиминируются традиционные коммуникационные связи, а «не-коммуникация» и «не-социализация» постепенно превращаются в норму.

Коммуникативный аутизм А. Кирби вызывает определенные смысловые параллели с подходом еще одного исследователя современности – З. Баумана, который рассматривает индивидуализацию именно как отрицание известных, классических форм социализации, в том числе и через коммуникативные практики. Например, современный мир не нуждается в диалоге между общественным и частным: «частное (сегодня) вторглось на территорию общественного, но отнюдь не для того, чтобы взаимодействовать с ним»; «общественное колонизируется «частным»; «публичный интерес» деградирует до любопытства к частной жизни «общественных деятелей», ...а «общественные проблемы», которые не могут быть подвергнуты подобной редукции, и вовсе перестают быть понятными» [4].

Сюда добавим еще один важный момент, который стал особенно заметным с приходом цифровых технологий – перманентный прогресс. В эпоху классического модерна жизнь требовала от человека новых забот и усилий, все большей активности, что в интересующем нас аспекте получило выражение в становлении разветвленных форм социальной коммуникации (формирование самих институтов СМИ и широкой сети СМК). В эпоху постмодерна подобная

прогрессистская модальность трансформировалась в процессы медиатизации, причем прогресс уже не соотносится с результатом, отражающим стремление к совершенству, «когда делается всё, что должно быть сделано, и в дальнейших переменах нет необходимости, а становится вечным состоянием, самым содержанием жизни» [5].

Итак, коммуникативный аутизм, дисбаланс социального взаимодействия и перманентный прогресс (медиатизация социальных институтов), – вот наиболее яркие и важные характеристики, выделяемые в интересующем нас исследовательском контексте.

Выделенные здесь особенности определили черты коммуникативного взаимодействия эпохи цифровых технологий: сокращение числа и объема мыслей, а также ее многократное повторение на единицу контента (легкомыслие, иногда граничащее с невежеством), декомпозиция месседжей (увеличение числа однотипных сообщений), изложение факта с обязательной эмоциональной окраской/оценкой/отношением автора (часто преувеличенная сверхчувствительность, более того, иногда именно интерпретация становится важнее и интереснее самого факта), рассеянность (новый тип концентрации внимания, точнее его отсутствие в классическом понимании, порождающее принципиальную несфокусированность на одном предмете), параллелизм потребления контента, визуальное скольжение, предпочтение мини-форматов и др. [6]

Выделенные здесь совершенно разные особенности, тем не менее, обнаруживают одну общую тенденцию в социальном взаимодействии в цифровую эпоху, которую мы бы определили как «коммуникативную редукцию». *Коммуникативная редукция* – это принцип извлечения смысла и его использования при социальном взаимодействии, подразумевающий сокращение и упрощение восприятия информации. А это и есть основной принцип работы нейросети.

Следует отметить, что когда мы говорим о коммуникативной редукции, мы не имеем в виду невежество, уничтожение смысла, семантическую ретроградность, – в общем, все то, что можно было бы назвать «смертью компетентности». Мы говорим здесь о сокращении и упрощении, опираясь, скорее, на аристотелевское понимание простоты, которую греческий мыслитель противопоставлял «многообразному злу». В нашем случае «многообразное зло» – это огромный, уже неконтролируемый человеческим сознанием поток информации, который в эпоху цифры представляет несомненную угрозу. В коммуникационном аспекте это именно то, что у Аристотеля определяется как «дурная бесконечность», оказывающая чрезвычайно разрушительное влияние. Именно взаимодействие с этой «дурной» информационной бесконечностью осуществляет вместо человека нейросеть. «Просто» существует то, что лишено пестрых определений», – считает Аристотель. Поэтому сущность или «чтойность нельзя сводить к другому определению, более богатому по словесному выражению; предшествующее (более раннее) определение всегда является определением в большей мере, а последующее – нет» [7]. Нейросеть этот

огромный пласт информации перерабатывает, сокращает, упрощает и избавляет нас от «пестрых определений».

Подобный подход позволяет взглянуть на нейросеть как инструмент, обладающий серьезным коммуникационным потенциалом. По своему значению она выполняет те же функции, что и память человека в эпоху дописьменной кодификации. Это был естественный, «живой» механизм коммуникации, позволяющий сохранить и передать потомкам весь необходимый накопленный опыт для более эффективного приспособления к среде и дальнейшей эволюции человека. Таким образом, человеческая память отсекала лишнее, избавляя от «пестроты», сохраняя все самое необходимое. В эпоху электронной, мультимедийной кодификации с ее бесконечным ускорением и усложнением нейросеть представляет собой электронный аналог «живой» коммуникации, обеспечивающий адаптацию человека в цифровом мире и позволяющий сделать следующий шаг в своем развитии. Нейросеть, редуцируя информацию, избавляет от «пестроты», упрощая и сохраняя все самое нужное.

Другой вопрос – каково будет это развитие? С какой скоростью и дальше будут происходить бесконечные изменения, определяющие трансформации социального взаимодействия, и к чему они в итоге приведут, и где находится предел всех этих изменений? Вряд ли сейчас можно дать на это исчерпывающие ответы. На данный момент нейросеть как механизм ИИ находится в стадии своего совершенствования, поэтому подводить окончательные итоги еще слишком преждевременно. Верифицированные ответы мы получим, анализируя опыт социальной коммуникации.

Тем не менее несомненный позитивный коммуникативный потенциал нейросети может быть связан с идеей саморазвития и самосовершенствования человека, преодолением его интеллектуальной, эмоциональной, душевной и духовной ограниченности. Например, благодаря возможности общения с нейросетью на «человеческом языке» резко возросла доступность их использования в самых различных сферах деятельности. Текст, сгенерированный из речи пользователя, передается в языковую модель, которая понимает смыслы. Они, в свою очередь, формируют задачу, которая обрабатывается согласно ее классу и на выходе отдает результат. Далее происходит обратный процесс трансформации текстового результата в речь и воспроизведение его пользователю. Благодаря этому снижается порог входа во взаимодействие с нейросетями, вследствие чего значительно возрастает коммуникативная модальность самой информации, и человек с минимальным набором компетенций в той или иной области, например, может существенно расширить горизонты своего сознания и границы своего развития.

Таким образом, нейросеть как инструмент ИИ имеет серьезный коммуникационный потенциал. Коммуникативная модальность нейросети соотносится нами, прежде всего, с идеей поступательного развития человека и общества, и осмысливается как цифровой аналог процесса адаптации к новым условиям существования в условиях цифровизации современной жизни.

Источники:

1. Kirby A. Digimodernism. How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture. New York, London: Continuum, 2009.
2. Институт Пушкина назвал главное слово года в русском языке. URL: <https://www.rbc.ru/society/18/12/2023/657ffc1d9a79472cfba66e12> (дата обращения: 05.01.2024).
3. Нейросети и человек: начало пути. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/neiroseti-i-chelovek-nachalo-puti> (дата обращения: 11.01.2024).
4. Бауман З. Индивидуализированное общество URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/4993/5003> (дата обращения: 13.01.2024).
5. Иноземцев В. Судьбы индивидуализированного общества. Предисловие к книге З.Баумана URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/4993> (дата обращения: 13.01.2024).
6. Изряднов А. Клиповое мышление: как меняется потребление информации в XXI веке. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/601c47899a79473885121626> (дата обращения: 12.01.2024).
7. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/Л/losev-aleksej-fyodorovich/istoriya-antichnoj-estetiki-aristotelj-i-pozdnyaya-klassika> (дата обращения: 13.01.2024).

N. V. Shashkova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»);
N. P. Kaimasidi (Founder of the educational ecosystem «NOT BOOKS.»);
O. V. Zaitseva (PR Director of the educational ecosystem «NOT BOOKS.»)

**COMMUNICATIONAL PARADIGM OF “DIGITAL MODERNISM.”
NEURAL NETWORK – ALIVE OR DEAD?**

The article examines the communicative features of the modern era through the prism of digitalization of social relations. Particular attention is paid to understanding the potential of a neural network as an AI tool and its impact on the human communication process

Communication, digitalization of social relations, neural network, communicative reduction

УДК 81-119

Е. А. Щелконогова (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: shchelkonogovae@mail.ru)

**ВИЗУАЛЬНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПЕСНИ КАК ТРЕТИЙ
КОМПОНЕНТ КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ АЛЬБОМА «МАНУСКРИПТ» ГРУППЫ
«МЕЛЬНИЦА»)**

В настоящий момент все большой интерес вызывает вопрос взаимодействия вербальных и невербальных компонентов в составе текста. В данной работе рассматривается взаимодействие визуального сопровождения песенного текста с вербальным и музыкальным компонентами на примере альбома «Манускрипт» группы «Мельница». Устанавливаются функции визуального компонента по отношению к вербальному и музыкальному.

Текст, креолизованный текст, песенный текст, вербальный компонент, музыкальный компонент, визуальный компонент, интерпретация, функции визуального компонента

В XX веке внимание лингвистов привлекли тексты, в состав которых входят элементы нескольких семиотических систем. Р. О. Якобсон считал, что «необходимо проводить четкую грань между гомогенными сообщениями, основывающимся на одной семиотической системе, и синкретическими сообщениями, основывающимися на комбинации или объединении разных знаковых систем» [1, С. 327]. Для обозначения подобных текстов Ю. А. Сорокиным и Е. Ф. Тарасовым был предложен термин «креолизованный текст» [2, С. 4].

В современной лингвистике существует две группы определений креолизованного текста: как текста, состоящего из вербального и визуального компонентов, и как текста, образованного соединением вербального компонента с компонентами любой другой семиотической системы [3, С. 181]. Данная работа опирается на второй подход.

Многочисленные исследования посвящены креолизованным текстам, состоящим из вербального и визуального компонентов. Использование в тексте невербальных компонентов насыщает его дополнительной информацией и расширяет его прагматический потенциал [4, С. 49]. С другой стороны, отмечается способность визуального компонента сужать и уточнять потенциальное содержание текста [5, С. 13].

Другой распространенной разновидностью креолизованного текста является песенный текст, который представляет собой сочетание вербального компонента с музыкальным [6, С. 80].

Большинство исследователей сходятся во мнении, что музыкальные знаки лишены устойчивого семиотического ядра [7, С. 28]. В связи с этим между компонентами песенного текста складывается специфическая система взаимоотношений: текстовый компонент выражает денотативные значения и раскрывает сюжет, в то время как музыкальный компонент задаёт темп и интонацию песни и передает коннотативные значения, в первую очередь эмоциональные [6, С. 81].

Помимо двухкомпонентных креолизованных текстов в современной культуре существуют трехкомпонентные креолизованные тексты. К ним относятся музыкальные клипы, в которых добавление к традиционному песенному тексту визуального компонента создает еще один план восприятия, несущий дополнительную информацию и обобщающий смысловое наполнение песенного текста [4, С. 51].

Схожий вид трехкомпонентного креолизованного текста представляют собой песни российской группы «Мельница». Начиная с 2019 года концертное исполнение каждой песни дополняется визуальным сопровождением в формате видео. Альбом «Манускрипт», выпущенный в 2021 году, стал первым альбомом группы, визуальное сопровождение для которого разрабатывалось на стадии создания самого альбома. Таким образом, альбом «Манускрипт» был задуман и реализован как трехкомпонентный креолизованный текст, составляющие которого неразрывно связаны друг с другом. В данной работе анализируется взаимосвязь визуального компонента с вербальным и музыкальным компонентами.

В результате анализа были установлены три основные функции визуального компонента альбома по отношению к вербальному.

Первая функция – создания сюжетности. Большинство песенных текстов на альбоме не обладают выраженной сюжетной линией, сюжет в них зашифрован в потоке связанных между собой образов. Визуальное сопровождение вводит в пространство текста конкретных героев и конкретные события. Так, визуальное сопровождение песни «Хамсин» показывает лирического героя песни – волка-кестоносца – а также сражения, в которых он участвует, и возлюбленную героя, к которой он стремится вернуться. В результате абстрактный по характеру текст «о крестовых походах» становится историей конкретной личности. В данном случае визуальный компонент используется для конкретизации вербального.

Вторая функция – введение дополнительных образов. Песня «Апельсиновая джига» рассказывает о том, как женщина ищет своих сестер, явившихся ей во сне. Сестры предстают в образе змей, птиц, «эфирных созданий». Песня завершается словами лирической героини *Брысь сухая чешуя // Стану младшая змея*. В визуальном сопровождении действует девушка-минотавр, которая оказывается человеком в звериной маске. Этот образ отсылает к древним обрядам инициации. Кроме того, на видео появляется образ критской богини со змеями, который усиливает женское начало в тексте. Наложение визуального

компонента на вербальный подсказывает слушателю, что под поиском эфирных сестер подразумевается процесс женской инициации, стремление героини обрести собственную сущность. Схожим образом используется визуальное сопровождение в песне «Рукописи». Вербальный компонент описывает отчаяние творческого человека, который разочаровался в своих произведениях. Центральным элементом текста становится строчка *Рукописи горят*, которая повторяется в нескольких строфах. Ей противопоставлена строчка *И не смей ни на шаг назад*, которая звучит всего дважды. Тем не менее, в визуальном сопровождении одним из центральных образов является огонь, принимающий форму птицы. Этот образ вызывает у слушателя ассоциацию с птицей феникс. Визуальный компонент, содержащий мотив возрождения, усиливает смысловую нагрузку строчки *И ни смей ни на шаг назад*, и слушатель осознает, что основным посылом песни является призыв к творцу не отречься от своих творений. Таким образом, в обеих песнях введение дополнительных образов указывает слушателю на направление интерпретации текста.

Третья функция – универсализация идеи. Концептуальная особенность альбома – наложение друг на друга прошлого и настоящего, возвышенно-мифического и повседневно-реалистичного, что проявляется в стилистике вербального компонента песенных текстов. Так, лирический герой песни «Апельсиновая баллада», апостол Петр, который прибыл в Яффу, чтобы воскресить праведницу Тавифу, во втором куплете произносит следующую фразу: *Этот город собран из камней // Догадаться бы, что он обо мне, // Но все как-то было не до этого*. Последняя строчка текстового фрагмента имеет разговорную окраску. Бытовые, приземленные мотивы в тексте усиливаются с помощью визуального ряда, в котором сквозным образом выступает кошка. Образ кошки имеет ассоциативную связь с концепцией дома, семьи, уюта. Присутствие подобного элемента в визуальном сопровождении снижает религиозный пафос библейской легенды и приближает героев песни к простому человеку. Второй пример реализации данной функции зафиксирован в визуальном сопровождении песни «Грифон». Лирическая героиня – римская первохристианка, которая в ожидании казни молится о том, чтобы Бог послал ей защитника-грифона. При этом в песне ярко выражено наложение временных пластов – Раннего Средневековья и современности (*То ли рычат львы императора // То ли мотор ревет за стеной*). Визуальное сопровождение полностью переносит сюжет песни в XXI век: героиня оказывается современной девушкой в современном городе, которая, однако, по-прежнему ищет своего грифона. В результате, сюжет о поиске спасителя и мольбе о чуде выходит за пространственно-временные границы, заданные вербальным компонентом: визуальное сопровождение подчеркивает, что подобная жизненная ситуация может случиться с любым человеком в любую эпоху. Таким образом визуальный ряд раскрывает общечеловеческое, актуальное во все времена смысловое наполнение песен.

Отдельно было рассмотрено взаимодействие визуального компонента с музыкальным. Было установлено, что характер движения в видео визуального

сопровождения определяется темпом мелодии. Так, визуальное сопровождение к трем самым быстрым песням альбома («Мне нужен снег», «Хамсин», «Грифон») отличаются высокой динамикой происходящего на экране. Все три видео характеризуются постоянным движением персонажей по прямой в горизонтальной плоскости (т. е. персонажи куда-то идут). В самых медленных песнях («Апельсиновая баллада» и «Джинн») преобладающий тип движения – плавные покачивания – наоборот, создают иллюзию неподвижности.

Соответствие характера движения в визуальном сопровождении темпу мелодию позволяет визуальному сопровождению эффективно передавать настроение песни: в быстрых песнях движение в горизонтальной плоскости символизирует готовность идти вперед, преодолевая все препятствия, и передает ощущение решимости, в то время как в медленных песнях покачивания создают акцент на чувстве тоски, которое испытывают герои.

Таким образом, в результате исследования было установлено следующее:

1. В песнях альбома «Манускрипт» визуальный компонент подчинен вербальному и музыкальному компонентам;
2. По отношению к вербальному компоненту визуальный компонент выполняет три функции: создания сюжетности, введение дополнительных образов и символов, универсализация идеи;
3. Создание сюжетности представляет собой уточнение абстрактного сюжета песни путем конкретизации образа лирического героя и происходящих с ним событий;
4. Введение дополнительных образов позволяет расставить смысловые акценты и указывает слушателю, в каком ключе необходимо интерпретировать песню как цельный трехкомпонентный креолизованный текст;
5. Функция универсализация идеи песни заключается в том, что визуальное сопровождение подчеркивает свойственное вербальному компоненту наложение прошлого и настоящего, а также единство мифического и бытового пластов сюжета;
6. Характер движения в визуальном сопровождении подчеркивает темп песни, заданный музыкальным компонентом;
7. Зависимость визуального сопровождения от мелодии песни позволяет визуальному компоненту эффективно передавать настроение песни.

Источники:

1. Якобсон Р. О. Избранные работы: Пер. с англ., нем., фр. яз. М.: Прогресс, 1985. 455 с.
2. Удод Д. А. Лингвопрагматика креолизованного текста современной массовой культуры на примере текстов буклетов музыкальных альбомов: Автореф. дис. канд. филол. наук // Ставрополь: Изд-во Сев.-Кавказ. федер. ун-та, 2017. 29 с.

3. Алексеева Н. А. Музыкальный компонент как составляющая креолизованного текста песни // Вестник Ленинградского Государственного Университета им. А. С. Пушкина. Серия Филология. СПб: Изд-во ЛГУ, 2012. №2, Т. 1. С. 180–187.

4. Большакова Л. С. О содержании понятия «поликодовый текст» // Вестник Новгородского Государственного университета. Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2008. № 49. С. 48–51.

5. Креолизованный текст: Смысловое восприятие: коллективная монография. / Вашунина И. В. [и др.]. М.: Институт языкознания РАН, 2020. 205 с.

6. Байгазиев Д. Т. Песенный дискурс как креолизованный текст // Проблемы современной науки и образования. Иваново: ООО «Олимп», 2016. № 27 (69). С. 79–82.

7. Максименко О. И., Подрядов В. В. Поликодовый музыкальный поэтический дискурс // Вестник РУДН, серия Теория языка. Семиотика. Семантика. М.: Изд-во РУДН, 2013. №4. С. 27–37.

E. A. Shchelkonogova (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

***THE VISUALS OF A SONG AS THE THIRD COMPONENT OF A
CREOLISED TEXT
(ON THE MATERIAL OF THE ALBUM “MANUSCRIPT” BY THE BAND
“MELNITSA”)***

Nowadays the interaction of verbal and non-verbal components of a text draws more and more attention. The paper examines the relationships between the visuals of a song and its verbal and musical components on the example of the album «Manuscript» by the rock-band Melnitsa. The functions of the visual component in relation to the verbal and musical components are being defined.

Creolised text, text, song lyrics, verbal component, musical component, visual component, visual component functions, interpretation

УДК 141

А. В. Щербина (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: ashcherbina@list.ru)

ПОСТКАЧЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ

На основе классического социологического подхода посткачественные исследования рассматриваются в общем русле постгуманизма. Он интерпретируется как идейно-политическое течение, наследующее леворадикальную идеологию XX в. и легитимирующее новые социальные движения. Опыт различных маргинальных групп востребован в посткачественных исследованиях как предмет группового изучения и как ресурс для расширения арсенала объясняющих моделей постгуманизма, претендующего на новую онтологию, эпистемологию и этику. Проникая в научно-исследовательские и образовательные институции, посткачественные исследования реализуют экспертно-педагогический подход в международной практике и позволяют постгуманизму наращивать возможности рекрутирования своих сторонников поверх национально-государственных границ.

Посткачественные исследования, постгуманизм, идейно-политические течения, социальные движения, леворадикальная идеология, образование

Посткачественные исследования (ПКИ) – составная часть стремительно развивающихся т.н. феминистских материалистических, постгуманистических и посткачественных критических исследований. Их адепты разделяют претензии постгуманизма (ПГ) на адекватное современности мировоззрение, продвигают новые антикапиталистические, антиэйблистские, антисексистские, антирасистские, квирские взгляды, предлагают освободиться от стереотипов институционализированных академических исследований, подлежащих разоблачению и критике, и изменить парадигмы научно-исследовательской и педагогической практики.

Ближайшей генетической предпосылкой ПГ как идейно-политического течения (на наш взгляд – лишь имитирующего философский дискурс) в его тесной связи с социальными движениями является неомарксизм, леворадикальная идеология «новых левых». Выдвинув в прошлом веке требования революционного изменения ценностно-нормативного и институционального порядка общества модерна, они направили критику на все его социальные институты и буржуазную идеологию, включив в последнюю искусство, философию, социогуманитарные науки, исторически сложившиеся образовательные прак-

тики. По мере упадка социального государства многие из этих требований осуществлялись эволюционно, сформировав условия и обстоятельства, при которых дискурсы сопротивления (от феминизма через экологию к антирасизму) легитимировались, стали уважаемыми и проникли в академическую и образовательную среду.

Открытие новыми левыми социальных групп негативно привилегированных, угнетенных и дискриминированных расширило направления исследований, ранее ограниченных изучением политической борьбы против классового неравенства и эксплуатации, до культуры в целом, включая язык, повседневность, телесность, ментальность. Концептуализация понятий власти в постструктурализме и постмодернизме позволила сторонникам ПГ направить критику на «власть либерального гуманистического дискурса» и укорененные в западном модернистском мировоззрении дискурсивные практики.

Два способа социально-политической деятельности, о которых рассуждал (как о «тупике») С. Жижек: «либо вы играете в игру системы, участвуя в «долгом марше через институции», либо вы являетесь активистом новых социальных движений» [1, С. 584] теперь сливаются: академическая и образовательная среда пронизываются «культурой бдительности», а социальные активисты претендуют на обновление философии, эпистемологии и этики.

Открытие новых линий сопротивления и смена предмета исследования требуют новой исследовательской методологии, адекватной идейному обоснованию предмета и следующей за ним. Господствующие социогуманитарные концепции вносят свой вклад в социальное угнетение, принижая и искажая опыт маргинальных групп, знающих о своей инаковости и дискриминированности. Новейшие левые критикуют глобальный капитализм, превосходство белых, борются за права «цветных» и секс-меньшинств. Адекватным вызову средством борьбы выступают дискурсивные практики, чуткие по отношению к их материальным условиям и не замечаемым ранее участникам, в т. ч. «нечеловеческим». Маргиналы всех стран, потерянные и забытые народы – это и предмет изучения, и ресурс для расширения арсенала объясняющих моделей в ПГ. Благодаря появлению новых технологий и каналов культурной глобализации (негосударственных, сетевых) дискурсы ПГ проникают всюду: в социальные медиа, сферу искусства, в образование. Они формируют среду и атмосферу, создают язык и экспрессивные символы, привлекающие тех, кто ощущает себя в «становлении», переходе, трансформации, и позволяют ПГ наращивать возможности рекрутирования своих сторонников из различных социальных групп поверх национально-государственных границ.

Мировоззренческие предпосылки ПГ – это три великие версии критического гуманизма: коммунизм – как «завершенный гуманизм» Маркса, нигилизм Ницше, фундаментальная онтология Хайдеггера. Методологические предпосылки – западноевропейская метафизика, восходящая к Декарту, и основанная на ней исследовательская практика (гипотеза – модель – эксперимент).

ПГ ставит под сомнение все исторические формы субъекта – метафизического, морально-этического, субъекта познания, деятельности, в их аналитически выделенных характеристиках актора, агента. Проблематизируется презумпция исключительного доступа к объекту (материи, миру, вещи, реальности и Реальному) людей как внешних наблюдателей и производителей человеческого смысла, который направляет познание (внимание, аналитическую перспективу, парадигмы, понятийно-категориальные формы, способы интерпретации) и поведение (мотивы, установки, ценностно-нормативные императивы, роли). Производимые таким субъектом онтологии в силу криптоидеалистического допущения, укорененного в антропоцентрических и конструктивистских ориентациях большинства теорий XX в., изначально страдают корреляционизмом: реальное доступно только как корреляция мышления и действия субъекта, разоблаченного как «автономный рациональный, фаллоцентричный западный буржуа».

Нет привилегированного знания и привилегированного социального субъекта. Любой опыт обыденного рассудка, любое представление имеют значение. Угнетаемые, эксплуатируемые, исключенные, не «вошедшие в меру», – все, заинтересованные в изменении сложившегося социального порядка с его конечными и обреченными институтами, – вот потенциально активный новый социальный субъект: он в переходном состоянии и переплетен с нечеловеческими, «неосоциальными» и «неоморфными» агентами. Децентрация субъекта, переосмысление всех сложившихся антропоцентрических бинарных систем (смысл и материя, культура и природа) со встроенной в них иерархией, открывает путь к новой онтологии, порывающей с гуманизмом и идущей дальше его критики в коммунизме (завершенный гуманизм), нигилизме (сверхчеловек) и фундаментальной онтологии (вот-бытие). Сами представители ПГ выстраивают различные линии преемственности своих идей, обращаются к отдаленным эпохам и «другим» культурно-историческим традициям, открывая и изобретая корни, истории, традиции.

Новый материализм («перформативный», «педетический» [2]) как теоретический принцип и ПКИ как новая методология практико-ориентированного теоретизирования развиваются в тесном взаимодействии и в интересах негативно-привилегированных социальных групп (коренные колонизированные народы, этнические меньшинства, женщины, инвалиды, транс-люди и т. п.). Критически переосмысляя сложившуюся сегментацию институтов научно-исследовательской, образовательной, воспитательной, терапевтической, рекреационной и политической деятельности общественного субъекта, ПГ реализует экспертно-педагогический подход в международной практике и формирует глобальную «повестку дня», – модель образа жизни (во многом связанную с зеленой повесткой) т. е. некую новую «новую левую» революционную платформу

Как трансформируются традиционная наука, воспитание и образование в посткачественных исследованиях? Обратимся к характерному образцу – учебно-методическому комплексу, созданному «международной командой

посткачественных исследователей в высшем образовании с богатым опытом руководства и поддержки коллег, научных руководителей и аспирантов», размещенному на веб-сайте [3]. Он включает в себя книги, среди которых выделим Глоссарий по посткачественным исследованиям 2022 г. [4] и разнообразные ресурсы (подкасты, видеозаписи, интервью), примеры практических провокаций, дающие представление о том, как ПКИ могут преподаваться и применяться.

ПКИ не отменяют традиционные исследовательские процессы, а переосмысляют их объекты, методы, используемые для производства и анализа данных, сами данные, кодирование как практику создания смысла, формальные правила написания академических статей, представление результатов исследований и их распространение. Что происходит с исследователями, участниками и теоретиками традиционных замеров и аналитики? ПКИ направлены на их неинтерпретируемый жизненный опыт в конкретных ситуациях и местах, на живую реляционность всех участников исследования, избегая редукции и интерпретирующих репрезентаций. ПК исследователи децентрируют знание, обращаясь к понятиям ассамбляж, линии полета, рефрен, ризома, дифракция, корневище. Так обеспечивается переосмысление «бинарных понятий» (культура и природа, человек и животное, взрослый и ребенок, идентичность и различие, я и другие) – аналитических инструментов, которыми мы пользуемся в своих онтологиях, создании значений и производстве знаний. Деконструкция обнажает их материально- дискурсивные условия и показывает, что эти антропосоциальные конструкции настолько оестествились, что стали невидимыми для людей, работающих в них. Они обозначают насильственные иерархии, и те, кто находится на «неправильной стороне» могут быть подвергнуты дискриминации из-за своего отличия. Эти оппозиции нельзя просто «нейтрализовать», а необходимо «перевернуть».

В педагогической и экспериментальной исследовательской практике ПКИ начинаются тогда, когда хотят (или вынуждены) представить социальные тенденции через опыт вовлеченных людей, которые могут их сформулировать и передать. Любая проблема исследования, имеющая объективный характер, определяется как недостоверная, если она не выражена в полноте децентрированного эмпирического опыта всех его участников. Столкновение с проблемой, ее решение используется для подключения других через провокации и вопросы о власти, принуждении, маргинализации и несправедливости. Актуальная повестка сопротивления поддерживается не отчужденными анонимными результатами, а мониторингом коллектива, который держит проблему на контроле. Личная «запутанность», включенность в практические ситуации других людей (и «нечеловеческих агентов») – не помеха, а условие возможности создания действенного знания, принципиально не нейтрального этически.

Новая этика адептов ПКИ – провокативная, вопрошающая, это своеобразная «этика убеждений» (М. Вебер). Обретаемый в полноте его материально-дискурсивных условий опыт не подлежит нормативной стереотипизации. Со-

образно ситуации эта этика может быть гибкой, признавать и одобрять различные максимы поведения и приспосабливаться к меняющимся условиям. Она не стереотипизирует, а скорее революционизирует, углубляя проблематизацию институционально регулируемых автономных сфер жизни с позиций постулатов ПГ и т. о. легитимирует их трансформацию: образовательная среда как экспериментальная проектная площадка; наука за пределами лаборатории; воспитание как научение и «разучение» (отучение). Наряду с масштабированием – путем расширения и переинтерпретации – функций школы и социальных медиа, производится неявное исключение ряда категорий и описываемых ими объектов (семья, государство, армия, церковь).

ПГ-кая интерпретация сущности человека подводит к «истине его бытия», в просвете которого мы усматриваем и замечаем именно этого человека: вне и после истории в традиционном смысле и в начале постгуманистического проекта. ПГ адекватной формой знания считает проблематизацию-вопрошание, обращенное к некоей «среде», атмосфере. Само это вопрошание переопределяет среду и является ее «голосом».

Идеи ПГ благодаря технологическим достижениям могут выступить основой экспериментирования и выработки вариативных социальных моделей общественного устройства и поведения. Они вовлекают и увлекают свою социальную аудиторию – тех, кто в становлении – вопреки сложившимся порядкам и иерархиям. Каковы перспективы распространения ПГ в нашей стране? Традиционная консервативная повестка, претендующая на выполнение функций государственной идеологии, для молодого поколения ассоциируется с уходящими старшими поколениями, которые не заявили претензии на более справедливые формы человеческого общежития, не предложили побудительные образы лучшего будущего, не выработали адекватного языка. Во многом в противовес этой декларируемой повестке ПГ будет вызывать растущий интерес и расширять свою социальную базу.

Источники:

1. Жижек С. 13 опытов о Ленине / В. И. Ленин: pro et contra/ Рефлексия ленинизма в мировой философской и социально-политической мысли/ Сост., вступ. статья, комментарии В. А. Гуторова. СПб.: РХГА, 2022. С. 537–616.
2. Gamble Ch., Hanan J., Nail Th. What is new materialism? // ANGELAKI. Journal of the theoretical humanities. 2019. Vol. 24, no 6. P. 111–134. DOI: 10.1080/0969725X.2019.1684704
3. URL: <https://postqualitativeresearch.com> (дата обращения: 25.12.2023).
4. A glossary for doing postqualitative, new materialist and critical posthumanist research across disciplines. Edited by Karin Murriss. NY: Routledge, 2022. DOI: 10.4324/9781003041153

A. V. Shcherbina (Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»)

***POSTQUALITATIVE RESEARCH AS A FACTOR IN THE
TRANSFORMATION OF TRADITIONAL SOCIAL INSTITUTIONS***

Based on the classical sociological approach, postqualitative research is considered in the general mainstream of posthumanism. It is interpreted as an ideological and political directions that inherits the radical left ideology of the 20th century and legitimizing new social movements. The experience of various marginalized groups is in demand in postqualitative research as a subject of group study and as a resource for expanding the arsenal of explanatory models of posthumanism, which claims a new ontology, epistemology and ethics. Penetrating into research and educational institutions, postqualitative research implements an expert-pedagogical approach in international practice and allows posthumanism to increase the ability to recruit supporters across national and state borders.

Postqualitative research, posthumanism, ideological and political directions, social movements, radical left ideology, education

УДК 316.422.42

Я. Юй (Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: yuyangprozidise911@gmail.com)

ИНТЕГРАЦИЯ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ СРЕДУ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ (ПЕРВЫЕ ИТОГИ ПИЛОТАЖНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

При поддержке гранта Российского научного фонда №24-28-01448

В рамках гранта Российского научного фонда «Национальная специфика и соответствие государственным запросам отраслевой социологии в Китае» (грант РНФ № 24-28-01448) проводится исследование стратегий интеграции китайских студентов в образовательную среду российских университетов. Общий замысел исследования включает ряд важных элементов.

Интеграция, ценности, китайские студенты, социальная ценность образования, образовательная экосреда

Исследование нацеливается на выявление и анализ противоречия между ценностями образования в российских и китайских университетах. По результатам ранее проведенных исследований было выявлено, что в современном образовательном контексте присутствует значительное противоречие между ценностями, характерными для образовательной среды в российских и китайских университетах. Российская система образования ориентирована на развитие творческого мышления, критического взгляда на мир и самостоятельности студентов. Иначе понимаются цели образования в китайских университетах, где подчеркивается первостепенное значение академической успеваемости, стремление к высоким показателям успеваемости и укрепление культурных традиций. Данное противоречие может оказывать существенное влияние на интеграцию китайских студентов в российскую образовательную среду.

Гипотетически предполагается, что коллизия ценностей становится препятствием для успешной интеграции и вовлечения китайских студентов в образовательный процесс в условиях российских университетов. Детальное исследование этого противоречия позволит разработать эффективные стратегии интеграции и поддержки китайских студентов, смягчая процесс освоения ими ценностных различий.

Цели исследования. Исследование фокусируется на изучении противоречий между образовательными ценностями в российских и китайских университетах, прежде всего, выявление различий в подходах к формированию творческого мышления и академической успеваемости среди российских и китайских студентов. В частности, предполагается изучение экосреды, включающей

физическую обстановку, социальную общность и доступность образовательных ресурсов, выявление совокупности факторов, влияющих на успешную интеграцию студентов из Китая в образовательную среду российских университетов. В результате проведения исследования планируется обоснование целесообразности комплексного подхода, объединяющего интеграцию ценностных систем, разработку инновационных методов обучения, обеспечивающих инклюзию и эффективную интеграцию китайских студентов в образовательную среду российских университетов.

Методическая часть исследования строится на сетевых моделях ценностей китайских студентов в российских университетах, позволяющих анализировать ключевые убеждения и взаимосвязи, влияющие на своеобразие восприятия и оценивания образовательной среды. Сетевые графики позволят визуализировать сложные взаимосвязи между различными сторонами социальных ценностей, включая аспекты культуры, социального взаимодействия и образовательных практик [1]. Структурирование моделей ценностей, характерных для китайских студентов, является неотъемлемой частью исследования. Эти модели могут включать в себя приоритеты в образовательном процессе, отношение к социокультурным аспектам, и важность общественного взаимодействия. Сетевые графики помогают выявлять ключевые компоненты этих моделей. Анализ полученных данных с помощью сетевых моделей также дает возможность изучать основные тенденции и взаимосвязи между социальными ценностями, формирующими образовательную реальность китайских студентов в российских университетах. Одновременно используются методы анкетирования и проведения глубинных интервью для сбора данных о ценностях.

Основные направления исследования включают анализ социальной ценности образования и изучение особенностей восприятия образовательной экосреды среди китайских студентов.

Социальная ценность образования представляет собой совокупность убеждений и ориентаций, формирующих отношение к получению образования. Контекст исследования ориентирует на влияние этих ценностей, влияющих на интеграцию китайских студентов в российских университетах.

Под образовательной экосредой мы понимаем совокупность условий, организации учебных пространств и общей образовательной атмосферы, способствующей интеграции студентов из разных культурных сред. В данном контексте экосреда рассматривается как ключевой фактор успешной интеграции и вовлечения студентов. Экосреда в образовании охватывает несколько ключевых аспектов, влияющих на обучение интеграцию студентов [2]. Важными аспектами являются: *Физическая обстановка*: Оценка удобства и функциональности учебных пространств, а также их соответствие потребностям разнообразных культур студентов; *Социальная общность*: Изучение уровня взаимодействия между студентами разных культур и создание условий для содействия в формировании образовательного сообщества; *Доступность ресурсов*: Анализ доступности библиотечных, информационных и технических ресурсов для

всех студентов, независимо от их культурного фона; *Связь с технологиями социального управления*: Изучение экосреды напрямую связано с разработкой технологий социального управления. Определение успешных аспектов экосреды и выявление областей для улучшения позволит разработать технологии, направленные на создание поддерживающей и инклюзивной образовательной среды. Эти технологии будут ориентированы на обеспечение комфортного взаимодействия китайских студентов с российской образовательной системой [3].

В рамках проведенных пилотажных исследований восприятия китайскими студентами образовательной среды российских университетов выявлены ключевые убеждения и ценности, формирующие специфику их отношений к образовательной экосреде. Сетевые модели ценностей позволили визуализировать взаимосвязи между факторами образовательной среды, что дает более глубокое понимание роли социальных ценностей и их влияние на интеграцию китайских студентов в социальную среду российских университетов [4]. Использование методов анкетирования и интервью позволили собрать детальные данные о ценностях и взглядах студентов.

В исследовании экосреды в образовании были выделены ключевые аспекты, такие как физическая обстановка, социальная общность и доступность ресурсов. Анализ этих аспектов при помощи различных методов исследования позволяет определить текущее состояние образовательной среды и выявить области для улучшения. Это важное направление исследования, поскольку успешное взаимодействие студентов с образовательной средой влияет на их обучение и интеграцию.

Связывая все аспекты исследования, можно констатировать, что формирование эффективных стратегий интеграции китайских студентов в социальную среду российских университетов предполагает комплексный подход к их обучению. Этот подход включает в себя не только учет культурных различий и интеграцию ценностных систем, но также создание образовательной среды, способствующей взаимодействию и включающей в себя разнообразные аспекты экосреды. Посредством интеграции сетевых моделей ценностей и технологий социального управления появляется возможность разрабатывать инновационные подходы к обучению, поддерживая китайских студентов в их образовательном процессе.

Это исследование является лишь первым шагом в понимании и разработке стратегий, способствующих успешной интеграции китайских студентов в российском образовательном пространстве. Дальнейшие исследования и разработки в этой области предоставят новые инсайты и возможности для построения более интегрированного и инклюзивного образования.

Источники:

1. Дерюгин, П. П., Юй, Я. Особенности социальной интеграции ценностей российских и китайских ИТ-специалистов // Информационная Коммуникация

Общество: труды XX юбилейной всероссийской научной конференции с международным участием 15 мар 2023, С. 40–41.

2. Мнацаканян В. В., Братьков С. Д., Мозгин Н. А., Смирнов А. В., Григорьев С. Г. Концепция дидактических принципов формирования информационной образовательной экосреды учебного заведения // Вестник МГПУ. Серия: Информатика и информатизация образования. 2023. №2 (64). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-didakticheskikh-printsipov-formirovaniya-informatsionnoy-obrazovatelnoy-ekosredy-uchebnogo-zavedeniya> (дата обращения: 11.01.2024).

3. Купцова И. В., Лактаева Н. Е. Научно-образовательные центры как драйвер развития инновационной экономики России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchno-obrazovatelnye-tsentry-kak-drayver-razvitiya-innovatsionnoy-ekonomiki-rossii> (дата обращения: 11.01.2024).

4. Социодинамика ценности деловых качеств в структуре человеческого капитала за период обучения в вузе: стратегия социологической диагностики / П. П. Дерюгин, Л. А. Лебединцева, О. В. Ярмак [и др.] // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11, № 4. С. 139–160.

Y. Yu (St. Petersburg State University)

***INTEGRATION OF CHINESE STUDENTS INTO THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF RUSSIAN UNIVERSITIES
(FIRST RESULTS OF A PILOT STUDY)***

Within the framework of the Russian Science Foundation grant "National Specificity and Compliance with State Requests for Branch Sociology in China" (RNF grant No. 24-28-01448), a study of strategies for integrating Chinese students into the educational environment of Russian universities is being conducted. The general intent of the study includes several important elements.

Integration, values, Chinese students, social value of education, educational ecological environment

УДК 940.55 (47=57)

Р. А. Ялышев (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», e-mail: renyal@mail.ru)

ПОРАЖЕНИЕ ВИТТЕ: ИЗ ИСТОРИИ ОТКРЫТИЯ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ О МЕРАХ К УКРЕПЛЕНИЮ КРЕСТЬЯНСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И. Л. ГОРЕМЫКИНА

Рассматривается вопрос о пути реформирования аграрного вопроса в России в начале XX века. Ключевым в 1902–1905 годах стал спор С. Ю. Витте с В. К. Плеве о необходимости роспуска общины, который завершился поражением Витте и гибелью Плеве от рук террористов. В результате аграрная политика была доверена И. Л. Горемыкину, который пытался консервативными методами решить крестьянский вопрос, но был сметен первой русской революцией.

Россия в начале XX века, аграрный вопрос, С. Ю. Витте, И. Л. Горемыкин, русская революция, проекты аграрной реформы, крестьянская община

30 марта 1905 г. указом Николая II Правительствующему сенату учреждалось «Особое совещание о мерах к укреплению крестьянского землевладения». Деятельность началась с разрешения организационных вопросов и сбора материалов для последующего рассмотрения основных задач. В частности, на подготовительном этапе завязалась целая деловая переписка между И. Л. Горемыкиным и С. Ю. Витте. Так, в письме к Витте 21 апреля 1905 г. Горемыкин просит переслать ему материалы, протоколы и другие документы только что закрытого «Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности» для ознакомления с ними участников нового совещания. Витте переправил Горемыкину все запрашиваемые сведения [1, Д. 2]. Помимо этого, предстояло разобраться с массой писем, прошений, наказов, поступающих из различных мест на имя Николая II, в Совет министров и в само Особое совещание. Все эти послания разрешено было присылать на основании указа императора Правительствующему Сенату от 18 февраля 1905 г. Аналогично поступал и управляющий делами преобразованного позже Совета министров Н. И. Вуич.

Наконец, преодолев основные трудности организационного плана, члены совещания собрались на первое заседание. Состоялось оно только 17 мая 1905 г. Открыл его председатель И. Л. Горемыкин: «В глубоком сознании великой ответственности, которая лежит на всех нас, открываю я сегодня первое заседание...» В «Воспоминаниях» С. Ю. Витте говорится, что комиссия Горемыкина сразу же пошла под другим флагом, нежели Особое совещание Витте; она дала понять, что придерживается твердо существовавшего тогда строя

крестьянства, то есть «строя общинного и административно-стадного управления» [2, Т.2. С. 538]. Впрочем, решение крестьянского вопроса в Особом совещании направилось и в несколько ином ключе, чем предполагал генерал-губернатор Д. Ф. Трепов, до этого так сильно ратовавшего за его открытие.

Направление совещания во многом определялось составом его участников, их взглядами на пути решения крестьянского устройства. На этом вопросе необходимо остановится, рассмотрев список членов Особого совещания [1, Д. 1. Л. 64]. Во главе совещания стоял И. Л. Горемыкин, являвшийся членом Государственного совета и ко времени открытия совещания успевший побывать на посту министра внутренних дел (1895–1899 гг.) Пребывание его председателем уже во многом говорило современникам о направлении деятельности руководимого им совещания.

Одним из старейших участников совещания был член Государственного совета П. П. Семенов (Тянь-Шаньский) – известный ученый, исследователь, путешественник. Он состоял еще в составе Редакционных комиссий, обсуждавших крестьянское дело накануне реформы 1861 г., за что пользовался особым почитанием среди других членов совещания. Были и другие представители Государственного совета – гофмейстер А. С. Брянчанинов и тайный советник А. С. Стишинский, который близко столкнулся с проблемами крестьянства в период руководства МВД В. К. Плеве. Он являлся в 1899–1904 гг. товарищем министра и был назначен Плеве руководителем Редакционной комиссии при МВД, занимавшейся крестьянским делом. Этот пост он занимал до закрытия комиссии в 1904 г. после гибели В. К. Плеве. В заседаниях Особого совещания участвовал государственный секретарь, близкий друг Горемыкина – Ю. А. Иксуль-фон-Гильденбандт. Не менее других был посвящен в трудности крестьянской жизни другой член совещания – П. Х. Шванебах. В 1903–1905 гг. он пребывал товарищем министра земледелия, а в 1905 г. находился некоторое время во главе Главного управления землеустройства и земледелия. Видимо, не без протекции Д. Ф. Трепова попал в Особое совещание его родной брат сенатор В. Ф. Трепов, бывший в 1902–1905 гг. Таврическим губернатором. Сам В. Ф. Трепов сообщил в письме Горемыкину: «Назначение меня в означенное совещание в полной мере соответствует моему давнишнему желанию послужить крестьянскому делу ...» [1, Д. 1270. Л. 1]

В рядах совещания состоял Н. Н. Кутлер. Он некоторое время руководил Главным управлением землеустройства и земледелия (1905 – январь 1906 г.), лишившись этого поста за свой радикальный проект крестьянской реформы, предполагавший отчуждение части помещичьих земель. Впоследствии Кутлер стал одним из видных деятелей кадетской партии. Следующим участником совещания был А. В. Кривошеин. В 1902–1905 гг. Кривошеин руководил переселенческим управлением, а в 1905–1906 гг. был товарищем главноуправляющего землеустройством и земледелием. Весьма четкую характеристику ему дал видный общественный деятель того времени – П. Б. Струве: «Любя Россию, Кривошеин

научился ради нее духу соглашения. Человек консервативных убеждений, монархист по чувству и по разуму, он стал к концу жизни принципиальным сторонником широкого политического компромисса...» [3, С. 189]

Приглашен был в совещание граф А. А. Голенищев-Кутузов, в 1889–1895 гг. управлявший Дворянским и Крестьянским поземельными банками, а затем заведовавший канцелярией императрицы Марии Федоровны, известный среди современников еще и как поэт и писатель. Заметную роль в заседаниях Особого совещания сыграл управляющий земским отделом Министерства внутренних дел – В. И. Гурко, сын генерал-фельдмаршала И. В. Гурко.

Реже в заседаниях был слышен голос Херсонского губернского предводителя дворянства Н. Ф. Сухомлинова. В составе совещания находился и Д. А. Хомяков, единственный среди участников, который тогда не занимал никакого государственного поста. В совещание также входили: член совета Главного управления государственного коннозаводства князь А. Г. Щербатов; начальник Алтайского округа ведомства Кабинета Его императорского величества В. В. Меллер-Закомельский и Богородицкий уездный предводитель дворянства, председатель Московского сельскохозяйственного общества, А. Д. Самарин.

Делопроизводителем Особого совещания был назначен помощник статс-секретаря Государственного совета Н. В. Плеве, сын погибшего министра внутренних дел В. К. Плеве. Этот состав и был утвержден Николаем II для работы в совещании. Затем, уже в ходе работы Особого совещания, к его занятиям присоединились А. И. Путилов, директор канцелярии министерства финансов (1904–1905 гг.), товарищ министра финансов, управляющий Крестьянским и Дворянским поземельными банками (1905–1906 гг.) и Г. В. Глинка, ставший начальником переселенческого управления.

Большинство участников Особого совещания придерживались консервативных воззрений. И решение вопросов крестьянского устройства зачастую упиралось в обсуждение выгодно ли какое-либо изменение крестьянской жизни для дворянства. Поэтому все решения совещания носили определенную направленность. Неплохо характеризуют работу совещания слова С. Ю. Витте: «Во главе комиссии был... такой недурной и умный человек, как Иван Логгинович Горемыкин, но человек, обладающий крайней неподвижностью, если не сказать леностью, обладающий спокойствием, присущим всякому бездеятельному организму, и, конечно, дела этой комиссии продвигаться вперед не могли» [2, Т.2. С. 538–539].

Среди высшего чиновничества, представителей министерств и ведомств особо выделялась группа противников общинного строя: В. И. Гурко, Г. В. Глинка, ближайшие сотрудники Витте по министерству финансов Н. Н. Кутлер и А. И. Путилов, а также В. Ф. Трепов. Убежденные сторонники общины в совещании составляли большинство: Д. А. Хомяков, А. Д. Самарин, П. П. Семенов, А. Г. Щербатов, А. С. Стишинский и др. Промежуточную позицию занимал А. В. Кривошеин.

Главными деятелями комиссии Горемыкина были именно Кривошеин, Стишинский и некоторые другие лица, бывшие в то время поклонниками общины и полицейского управления крестьянством. Витте дал нелестные оценки этим деятелям: «Ничего дурного о Кривошеине я не знал и не знаю... считаю его трудолюбивым, очень неглупым человеком, но карьеристом и карьеристом очень ловким». Стишинский, – в отзывах Витте, – «представляет собою лицо ненадежного характера и реакционных тенденций. Как чиновник, он человек подходящий, но имеет все свойства ренегата» [2, Т. 2, С. 538, Т. 3, С. 205].

Лейтмотивом работы Особого совещания стали слова Горемыкина: «Нельзя принимать каких-либо принудительных мер к уничтожению общины, но, в то же время, не следует затруднять выход из общины такими условиями, которые фактически делают выход невозможным» [1, Д. 1. Л. 284].

Ревностно отстаивал общину А. Г. Щербатов, который писал: «Общинное землевладение в том виде, как оно существует в России, есть исторически развившийся, самобытный, чисто русский институт, вполне приспособленный к условиям времени, места и различным видам народной жизни» [4]. Поддерживал его Д. А. Хомяков, полагая, что устранение общины – гибельные меры для России [1, Д. 2. Л. 355]. П. П. Семенов заявлял, что «правительство не должно какими-либо внешними мерами поощрения побуждать крестьян к переходу от одних форм землепользования к другим» [1, Д. 3. Л. 6]. Близок к этому был А. С. Стишинский, убежденный, что замена общины отрубным или подворным землевладением не может быть произведена насильственным путем, а только путем постепенного укоренения в крестьянском населении убеждения в несовершенстве общинного строя [1, Д. 2. Л. 309].

Большинство членов Особого совещания не хотели слышать доносившиеся отовсюду слова, приведенные в дневнике княгини Е. А. Святополк-Мирской: «Если не уничтожить развратный принцип общинного владения, никогда в России не будет спокойно. Чтобы расселить крестьян на своей собственной земле, можно даже прибегнуть к такой мере, как нарушение права собственности, обязательного выкупа известной части помещичьей земли, но раз навсегда» [5, С. 288]. Так в то время думали землевладельцы с либеральными взглядами.

Участник совещания В. И. Гурко говорил: «Я согласен, что общество, которое не имеет потенциального права на переделы, не есть община. Но я и не желаю вовсе поддерживать общинное владение; чем скорее община отойдет в область исторических воспоминаний, тем лучше» [1, Д. 2. Л. 355].

Особое совещание о мерах к укреплению крестьянского землевладения во время своей работы проявило больший консерватизм, чем сами помещики, за которых оно в первую очередь и радело. Так, на заседании съезда учредителей Всероссийского союза землевладельцев было заявлено, что «весь наш 40-летний строй, воздвигнутый на принципе общинного владения крестьян, был роковой ошибкой...» [6, С. 215] Просматривая протоколы заседаний Особого со-

вещания, не верится, что до прихода в правительство П. А. Столыпина оставался всего лишь какой-то год и чуть более года до начала кардинального изменения крестьянского устройства.

Основное направление работ в Особом совещании задавал рескрипт Николая II, данный на имя Горемыкина. и составленный, по всей видимости, Д. Ф. Треповым. Основой оставалась идея сохранения общины. А на начальном этапе преобразований подразумевалось упорядочить руководство земельными делами. Поэтому Горемыкин в своем всеподданейшем докладе 22 апреля 1905 г. сразу же предложил для объединения руководства аграрной политикой создать новые органы управления.

Под этим подразумевалось преобразование Министерства земледелия и государственных имуществ в Главное управление землеустройства и земледелия. Далее Горемыкин развивает тему: «Надлежало бы учредить для общего руководства всеми земельными делами особый Комитет под председательством лица, доверием Вашего величества к сему призванного из министров...» [1, Д. 1. Л. 23–24, 30–31] Это предложение сразу было воплощено в жизнь. 6 мая 1905 г. было создано Главное управление вместо Министерства земледелия и государственных имуществ, а также образован Комитет по земельным делам. Более того, сам Горемыкин и был назначен главой Комитета.

Немалое значение для Особого совещания имел еще один вопрос. Горемыкин определял его следующим образом: «Совещанию предстоит исполнить законодательный труд, направленный к улучшению условий крестьянского землевладения. Целью этой работы должно быть облегчение выдела крестьянам в частную собственность причитающихся на их долю участков надельной земли». Напротив данного пункта Николай II написал, что это «Главная задача Совещания» [1, Д. 1. Л. 47]. Вообще же Николай остался доволен программой, предложенной Горемыкиным, о чем свидетельствует его вердикт на докладе: «Вполне одобряю намеченное направление дела. Да поможет Господь правильному и быстрому окончанию его»

Главный итог известен: пока совещание обсуждало проблемы крестьянства в России вспыхнула революция. И решать аграрный вопрос пришлось правительству П. А. Столыпина, который сделал ставку на силовой роспуск общины. Как показала дальнейшая история рискованный сценарий не оправдался...

Источники:

1. Письма И. Л. Горемыкина // РГИА. Ф. 1212. Оп. XVI. Д. 1-2.
2. Витте С. Ю. Воспоминания. В 3-х тт. М.: 1960.
3. Тхоржевский И. И. Последний Петербург // Нева. 1991. № 7.
4. Щербатов А. Г. Упорядочение общинного крестьянского землевладения. М.: 1902.
5. Дневник кн. Е. А. Святополк-Мирской за 1904–1905 гг. / Исторические записки. 1965. Т. 77.

6. Симонова М. С. Аграрная политика самодержавия в 1905 году // Исторические записки. М.: 1968. Т. 81.

R. A. Yalyshev (*Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»*)

**WITTE'S DEFEAT:
FROM THE HISTORY OF THE SPECIAL COMMITTEE
ON STRENGTHEN PEASANT LAND OWNERSHIP
BY IVAN L. GOREMYKIN**

Reforming the agrarian question in Russia at the beginning of the twentieth century is investigated. The key issue in 1902-1905 was the dispute between S. Yu. Witte and V. K. Pleve about the peasant community, which ended with the defeat of Witte and the death of Pleve who was killed by terrorists. As a result agrarian policy was entrusted to I.L. Goremykin who tried to solve the peasant question by conservative methods but was swept away by the first Russian revolution.

Russia in the beginning of the XX century, agrarian question, Sergey Witte, Ivan Goremykin, V. K. Pleve, Russian revolution, agrarian reform, peasant commune

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение Оргкомитета	3
Абабкова М. Ю. Искусственный интеллект в событийных коммуникациях: возможности и перспективы	4
Ананьева Е. М. Герменевтика: другое начало	9
Астахова А. В. Глобальные изменения современности: влияние русского космизма на проектирование городской среды	14
Атаманова О. В. Социальная стратификация языка: новый взгляд на проблему языкового неблагополучия	19
Бабаева А. В. «Ядерные реакции» в мире цифры	23
Баженов С. С. Искусственный интеллект: антропоморфность и за ее пределами	27
Бакулин А. В., Бакулин Д. В. Интеграция новых регионов в цифровое общество: теоретические основы цифрового пространства и последствия цифровой революции	31
Богданов Б. С. Особенности образования сказуемого в перифрастических временах валлийского языка с глаголом «быть»	36
Бугазов А. Х. Евразийская идентичность в современных условиях	41
Бунегин И. К. Видеоигры как объект языковой локализации	46
Бутина Е. А. Особенности формирования языковой культуры личности в свете глобализационных и деглобализационных процессов	51
Василенко Б. Г. Перспективы применения семантического анализа для повышения информационной безопасности в консалтинге	56
Василенко Н. В. Социально-экономическая региональная дифференциация: источник угроз или развития национальных экономик при переходе к многополярному миру	62
Васина О. В., Снегур М. Р. Конструирование национальной идентичности молодежи: смыслы, образы, ценности	67
Волынцев М. С. «Солнце свободы закатилось»: деятельность А. Ф. Керенского в сентябре-октябре 1917 г. (по материалам периодической печати)	72
Выборнова С. Г. Философское осмысление деглобализации в контексте эволюции человека	78
Гаркуша В. Н. Актуальные аспекты использования нейросетей специалистом по коммуникациям	83
Глебова С. В. О специфике культуры отмены в России	88

Глухих В. А., Кирсанова Н. П. Возможности искусственного интеллекта и нейросетей в индустрии туризма и гостеприимства	92
Гуркин А. Б., Гуркин Я. А. Формирование нормативно-правовой базы организации и деятельности сыскной полиции во второй половине XIX века	98
Дегтярев И. С., Шумков А. А. Природа и проблема предикативной связи главных членов предложения	103
Десятов Б. С. «Онлайн-личность» как социологический концепт	108
Дёмин Г. А. Методы сбора материалов в научном познании. Пример рейтинга EF EPI	114
Дерюгин П. П., Лебединцева Л. А., Лю Т., Юй Я. Социология ценностной солидарности современных обществ: грани научной проблемы	120
Жулина Ю. О. Цифровое искусство как фактор формирования культурного капитала: обзор основных концепций и понятий	125
Иванов А. Ф. О проблеме качества информации (онтологический ракурс)	130
Ивашковская Т. В., Павлов В. А. Трансформация государственной политики регулирования деятельности СМИ в современной России	134
Ильина И. А., Трубникова А. Г. Интеграция конкурсной деятельности в образовательный процесс	139
Ильина А. В. Культур-философские основания разработки искусственного интеллекта в условиях (де)глобализации: к постановке проблемы	144
Казаринова Н. В., Матвеев М. С. Уроки Зиммеля: конструируя понятия сетевой социологии	148
Kazaryan M. A., Sokolova A. Y., Pak D. A. Language acquisition and its influence on socialization	153
Камышина Е. А. Роль человеческого капитала руководителей в динамике социального института корпорации	157
Кирякова И. Д. Развитие организационной культуры личности в исследовании процессов цифровизации современного общества	161
Коваленко В. А. Роль сознания у систем искусственного интеллекта в контексте профессиональной коммуникации	166
Коленько С. Г., Коленько Г. С. Генезис неолиберализма как идейного фундамента глобализации	172
Колянов А. Ю. Российские технологии будущего: техносемiotический аспект	177
Корчажкина О. М. Расширение понятийного аппарата науки при объединении дисциплин	182

Кравченко К. А. Культурная идентичность в условиях глобализации	188
Кругликова М. В. Анализ актуальных подходов к автоматическому переводу устной речи	192
Кудрявцева М. Е. Копирайтинг и копирайтер в эпоху нейросетей: профессия, личность, творчество	197
Кузнецова М. В. Особенности изменений в иноязычном образовании в контексте информационного развития общества и процессов глобализации	202
Кузнечихина Т. П., Ульяницкая Л. А. Анализ грамматической интерференции на материале текстов песен современных франкофонных исполнителей	207
Куражев С. Д. Профессиональная мобильность ИТ-специалистов в современной России	213
Курапова А. С., Курапов С. В. Представления о «России будущего» у студентов-первокурсников (по материалам семинарских занятий курса «Основы российской государственности»)	218
Куртов С. Ю. Проблема политической устойчивости в ситуации постглобализации	223
Ларионов И. Ю., Головков В. В. Проблема имитации человеческого интеллекта и описание разработок ИИ в СМИ	228
Литошенко И. Ф. Концепция сексуальности и ее взаимосвязь с домохозяйством в миросистемном подходе	234
Ломакин А. В. Под знаком «изобилия»: праздничная торговля как элемент советского массового праздника (по материалам Ленинграда 1953–1964 гг.)	239
Ломакина Н. Б. Особенности коммуникации в управленческих процессах в условиях глобализации	244
Лю Т., Лебединцева Л. А. Китайские исследования в области новой экономической социологии	249
Максименко Л. А. Анти-антропный принцип цифровой метавселенной	255
Максимова К. С. Применение парадоксов в сфере искусственного интеллекта для развития навыков профессиональных коммуникаторов	263
Максина С. В., Новикова И. Ф. Отдельные аспекты развития трудового законодательства РФ в современных реалиях	269
Мамина Р. И., Якупова С. В. Нетворкинговая коммуникация и ее специфика в условиях новых реалий	274
Маркова Т. Б. Цифровая трансформация в библиотеках: нейросети, искусственный интеллект, роботы	279
Милецкий В. П., Черезов Д. Н. Периодизация эволюции политических	284

реформ в постсоветской России

Московчук Л. С. Дискуссия о культурной апроприации как симптом деглобализации 290

Николаев С. А. Семиотический подход для коммуникаций бренда в социальных сетях 295

Нимаев Ц. Б. Глобальные экологические риски: антропоцен – от цифрового «завтра» к экологической гармонии 300

Новоселов Д. О. Общественные риски использования искусственного интеллекта и влияние его на социальный-экономический климат общества 305

Нужнов И. Н. Реформирование военно-морского образования в контексте государственных реформ в России во второй половине 19 века 309

Очеретяный К. А. Анималистичный дизайн: о роли животных в проектировании цифровых сред 314

Павлов В. В. Информационная безопасность российского государства в условиях трансформации системы международных отношений 319

Пастухова Е. В., Кондина А. С., Назаров С. П. Асимметрия эго-нарратива в условиях общества транзитивного периода 324

Пашковский Е. А. Волонтерство в современной России сквозь призму социальных представлений 328

Перов В. Ю. Этичный искусственный интеллект: возможные смыслы и риски 334

Перова Н. В. Ограниченность генеративных систем: галлюцинации и субъектность 340

Петрова Е. М. Научные основы исследования стратегий адаптации сотрудников образовательных организаций в условиях цифровизации: социологическая рамка 345

Пиленко А. О. К вопросу о методологии системного подхода к современным политологическим исследованиям 350

Пирайнен Е. В. Нейросети в образовании: польза или вред 354

Плещачков Е. В. Дано ли нам предугадать, как отзовется слово нейросетей: к вопросу субъектности искусственного интеллекта 358

Прокудин Д. Е. Информационные каналы популяризации научно-технической информации в среде поколения Z 363

Рудева А. В. Анализ содержательных аспектов восприятия студентами цифровизации: обзор основных концепций и понятий 371

Руденко Е. А. Трансформации международного терроризма в контексте современных мегатрендов 376

Салахутдинов А. А. Молодежь в цифровой среде: к вопросу формирования человеческого капитала в условиях всеобщей цифровизации	381
Семенов В. В. «Царь-барон» и «Герр барон»: Демьян Бедный и мифы о П. Н. Врангеле	387
Скребнев Е. С. Применение лингвистики в проектировании разговорных интерфейсов	393
Скрынская О. А. История предпринимательства как современное направление междисциплинарных исследований	398
Соколова А. Л. Мечтают ли нейронные сети об интеллектуальных играх?	403
Соколов Е. Г. Нереквием по глобализму	409
Стогов Д. И. Деятельность енисейского губернатора И. И. Крафта на страницах красноярских газет «Енисейская мысль» и «Сусанин»	416
Тань Цзе Гибридный дискус медиаполитической сферы: возможности воздействия на аудиторию	421
Таскаев А. А. Трансформация взглядов на ядерное оружие в условиях специальной военной операции	426
Тузов В. В. Проблема устойчивости социальной системы в «Политике» Аристотеля	431
Умова Е. В. Памятники военной истории Санкт-Петербурга (Ленинграда) как важная часть патриотического воспитания: послевоенный опыт	435
Фасахудинов В. В. Особенности развития современной казачьей семьи	440
Федоров Р. В. Доктрина мирового правительства в контексте концепции глобализации	446
Федоров С. Д. Семиотический подход к коммуникации в контексте развития и построения бренда	451
Хвойницкая П. А. Герменевтический анализ коммуникации в социальных сетях: понимание и интерпретация сообщений в онлайн-контексте	457
Хлыновская С. А. Социальное неравенство в мир-системе: постановка проблемы	462
Цзоу Я. Как социальное сравнение в социальных сетях влияет на демонстративное потребительское поведение пользователей	467
Черкасов Д. Г. Кризис российско-шведских отношений на фоне вступления Швеции в НАТО	471
Шарахина Л. В., Ильина И. А., Тэор Т. Р. Гибридизация аналитической деятельности в рекламе: коэволюция интеллектов	477
Шашкова Н. В., Каймасиди Н. П., Зайцева О. В. Коммуникативная	482

парадигма «цифромодернизма». Нейросеть – живая или мертвая?

Щелконогова Е. А. Визуальное сопровождение песни как третий компонент креолизованного текста (на материале альбома «Манускрипт» группы «Мельница») 487

Щербина А. В. Посткачественные исследования как фактор трансформации традиционных социальных институтов 492

Юй Я. Интеграция китайских студентов в образовательную среду российских университетов (первые итоги пилотажного исследования) 498

Ялышев Р. А. Поражение Витте: из истории открытия особого совещания о мерах к укреплению крестьянского землевладения И. Л. Горемыкина 502

Труды
XXI Всероссийской научной конференции
с международным участием
Информация – Коммуникация – Общество
(ИКО–2024)

Санкт-Петербург, 1–2 февраля 2024 г.

Оригинал-макет подготовлен в
Учебно-научном центре социальных исследований
Гуманитарного факультета СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Компьютерная верстка – Л. С. Московчук, Е. В. Пирайнен, С. Н. Почебут.

Материалы представлены в авторской редакции

www.ics.ru

